

**БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

**ТОМ
1**

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

Санкт-Петербург
"НАУКА"
1997

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

Санкт-Петербург
"НАУКА"
1997

ББК 84Р1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
А. А. АЛЕКСЕЕВА, Н. В. ПОНЬРКО

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 97-04-16362д*

Б $\frac{4603000000-533}{042(02)-97}$ 183-96-П

ISBN 5-02-028308-8 (Т. 1)

ISBN 5-02-028307-X

- © Коллектив авторов, подготовка текстов, переводы, комментарии, 1997
- © Л. В. Грудинская, оформление, 1997
- © Российская академия наук, 1997

К ЧИТАТЕЛЯМ «БИБЛИОТЕКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Богатая письменность Древней Руси XI—XVII вв. была вытеснена из культурного обихода в XVIII и XIX вв., в эпоху становления современной русской культуры. В новых условиях она сохраняла интерес почти исключительно для науки. Большие успехи в ее изучении были сделаны в конце прошлого и начале нынешнего столетий. В послереволюционный период условия для исследования древнерусской письменности были не всегда благоприятны, ибо ее органическая связь с христианским вероучением и мировоззрением была ненавистна официальному атеизму. В последние четверть десятилетия постепенного духовного раскрепощения нашего общества научное и культурное освоение литературы Древней Руси впервые шли вместе, взаимно способствуя друг другу.

В 1957 г. издательство «Художественная литература» выпустило сборник «Литературные памятники Киевской Руси (Художественная проза Киевской Руси XI—XII вв.)», составленный И. П. Ереминым и Д. С. Лихачевым. На следующий год в своем докладе на IV Международном съезде славистов в Москве Д. С. Лихачев изложил основные принципы издания древнерусских текстов, в том числе адресованных широкому кругу читателей (доклад был напечатан: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1958, т. 17, вып. 3). В 1969 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» был опубликован «Изборник», объединивший в своем составе наиболее интересные для тогдашнего читателя произведения XI—XVII вв. В нем впервые была найдена форма параллельного (ep regard) издания древнерусского текста и его перевода. Этот — традиционный для учебной литературы — способ подачи материала открыл новые возможности постижения древнерусской литературы, в этом процессе читателю предлагалась активная роль ученика и соучастника. Читательский успех «Изборника» позволил приступить к изданию большой книжной серии «Памятники литературы Древней Руси». С 1976 по 1994 гг. издательство «Художественная литература» выпустило двенадцать томов, охвативших в подлинниках и переводах немало произведений древнерусской литературы.

Настоящее издание в большой степени основано на «Памятниках», оно, однако, значительно увеличивает число привлекаемых для публикации древнерусских текстов, некоторые из ранее опубликованных произведений дает в их полном объеме. История освоения древнерусского письменного наследия не знает столь обширных издательских серий. Благодаря своему объему, строгим принципам издания древнерусских текстов, параллельному переводу, комментариям «Библиотека литературы Древней Руси» делает доступным в надежной форме практически все богатство древнерусской литературы. Сегодня мы оказываемся ближе к духовной культуре Древней Руси, чем многие поколения образованных людей в России нового времени. Эти же особенности «Библиотеки» делают ее достаточно авторитетным пособием и для изучения древнерусской литературы, позволяют использовать ее в разнообразных справочных целях.

По вполне понятным причинам главное внимание в «Библиотеке» уделено тем произведениям письменности, которые были созданы на землях Древней Руси, то есть оригинальной литературе. Переводная литература по своему рукописному объему превосходила оригинальную, но здесь ее полная публикация едва ли была бы уместна. Поэтому тексты св. Писания, литургические тексты из триодей, служебных миней и т. д., сочинения византийских отцов Церкви представлены лишь немногими образцами. Однако в южнославянских переводах сохранилось немало интересных по форме и содержанию житий святых и библейских апокрифов. Некоторые из них включены в «Библиотеку», ибо она содержит не только то, что писали, но и то, что читали в Древней Руси. Публикация «Русской правды» и частной переписки, заключенной в берестяных грамотах, ставит целью ближе познакомить читателя с социальной жизнью Древней Руси и с той альтернативой церковнославянскому языку, которая была дана восточным славянам в виде их обиходной речи.

Основную работу по изданию «Библиотеки литературы Древней Руси» взяли на себя сотрудники Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. Но в ней приняли участие многие исследователи древнерусской литературы из университетов, академических и иных институтов, расположенных в разных концах страны. В обстановке сегодняшней России, когда еще плохо зримы пути выхода из постигшего нас всеобъемлющего кризиса, участники издания верят в то, что существование исторической преемственности в сфере культурной и духовной жизни является необходимым условием социального благополучия.

ВЕЛИЧИЕ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Русь X—XIII вв.— это общее начало трех восточнославянских народов: великорусского, белорусского и украинского. В первые века Русь была единой на всем пространстве от Ладоги на Балтийском море до Тмуторокани на Черном и от Карпат до Волги. Книжники, строители и художники переезжали из княжества в княжество, и дело восточнославянской культуры было делом общим. В общем владении единого княжеского рода было и Русское государство.

Русь — самоназвание, применяемое во всех источниках того времени — и к народу, и к стране. Прилагательное от этого самоназвания может писаться и «русьский», и «русский». На русском языке принято писать «русский». Мы называем восточнославянскую литературу этого периода «русской», иногда предваряя это название прилагательным «древняя», не задаваясь вопросом о том, где родился тот или иной книжник: Нестор, Серапион Владимирский, Кирилл Туровский или Даниил Заточник.

Чтобы почувствовать духовные богатства древней русской литературы, необходимо взглянуть на нее глазами ее современников, ощутить себя участником той жизни и тех событий. Литература — часть действительности, она занимает в истории народа определенное место и выполняет огромные общественные обязанности.

Перенесемся мысленно в начальные века русской истории, в эпоху нераздельного существования восточнославянских племен, в XI—XIII века.

Русская земля огромна, поселения в ней редки. Человек чувствует себя затерянным среди непроходимых лесов или, напротив, среди слишком легко проходимых для его врагов бескрайних просторов степей: «земли незнаемой», «дикого поля», как называли их русские. Чтобы проехать из конца в конец Русскую землю, надо много дней провести на коне или в ладье. Бездорожье весной и поздней осенью отнимает месяцы от этого трудного общения людей.

В беспредельных пространствах человек с особенной силой стремился к общению, стремился отметить свое существование. Человек ставил высокие церкви на холмах или на крутых берегах рек, чтобы издали обозначить места своих поселений. Эти церкви отличаются удивительно лаконичной архитектурой — они рассчитаны на то, чтобы быть видными со многих точек, служить маяками на дорогах. Они словно вылеплены заботливой рукой, хранят в неровностях своих стен тепло и ласку человеческих пальцев. В таких условиях гостеприимство становится одной из основных человеческих добродетелей. Сам киевский князь Владимир Мономах призывает в своем «Поучении» «привечать» гостя. Частые переезды с места на место принадлежат к немалым добродетелям, а в иных случаях переходят даже в страсть к бродяжничеству. В своих танцах и в своих песнях человек стремится к тому же покорению пространства. О русских протяжных песнях хорошо сказано в «Слове о полку Игореве»: «дѣвѣицы поють на Дунаи,— выютя голоси чрезь море до Киева». Русские создали даже обозначение для особого вида храбрости — храбрости в пространстве, храбрости в движении — «удаль».

В огромных просторах люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство,— и в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствовавшие об их единстве. В тогдашних условиях даже само слово «язык» приобретает значение «народ», «нация». Роль литературы также становится особенно значительной. Она служит той же цели объединения, выражает народное самосознание единства. Она — хранительница истории, преданий, а эти последние были своего рода средствами освоения пространства, отмечали святость и значительность того или иного места: урочища, кургана, селения и проч. Исторические предания сообщали и стране историческую глубину, были тем «четвертым измерением», в рамках которого воспринималась и становилась «обозримой» вся обширная Русская земля. Ту же роль играли летописи и жития святых, исторические повести и рассказы об основании монастырей.

Вся древняя русская литература, вплоть до XVII века, отличалась глубоким историзмом. Литература уходила корнями в ту землю, которую занимал и веками осваивал русский народ. Литература и Русская земля, литература и русская история были теснейшим образом связаны. Литература была одним из способов освоения окружающего человека мира. Недаром автор похвалы книгам и Ярославу Мудрому писал в летописи: «Се бо суть реки, напоющие вселенную...», а князя Владимира I сравнивал с земледельцем, вспахавшим землю, Ярослава же с сеятелем, «насеявшим» землю «книжными словесы». Писание книг — это возделывание земли, и мы уже знаем какой — Русской, населенной русским «языком» — русским народом. И подобно труду земледельца переписка книг была на Руси извечно «святым»

делом. Тут и там бросались в землю ростки жизни, зерна, которые предстояло пожинать будущим поколениям.

И вот, потому что переписывание книг — святое дело, книги могли быть только на самые важные темы. Все они в той или иной мере представляли «учение книжное». Литература не носила развлекательного характера, она была школой, а ее отдельные произведения в той или иной мере поучениями.

Чему же учила древняя русская литература? Оставим в стороне те религиозные и церковные вопросы, которыми она была занята. Светская стихия древней русской литературы была глубоко патриотичной. Она учила деятельной любви к родине, воспитывала гражданственность, стремилась к исправлению недостатков общества.

Если в первые века русской литературы, в XI—XIII века, она призвала князей прекратить раздоры и твердо выполнять свой долг защиты родины, то в последующие — в XV, XVI и XVII века — она заботилась уже не только о защите родины, но и о разумном ее преобразовании. Вместе с тем на протяжении всего своего развития литература была училищем истории. И она не только сообщала сведения по истории — она также стремилась определить место русской истории в мировой, открыть смысл существования человека и человечества, открыть назначение Русского государства.

Русская история и сама Русская земля объединяла все произведения русской литературы в единое целое. В сущности, все памятники русской литературы благодаря своим историческим темам были гораздо теснее связаны между собой, чем в новое время. Их можно было расположить в порядке хронологии, а в целом они излагали одну историю — русскую и тоже — мировую. Теснее были связаны между собой произведения и в результате отсутствия в древней русской литературе сильного авторского начала. Литература была традиционна, новое создавалось как продолжение уже существовавшего и в тех же эстетических принципах. Произведения переписывались и переделывались. В них сильнее выражались читательские вкусы и читательские требования, чем в литературе нового времени. Книжки и их читатели были ближе друг к другу, чем в новое время, а в произведениях сильнее представлено коллективное начало. Древняя литература по характеру своего бытования и создания стояла ближе к фольклору, чем к личностному творчеству нового времени. Произведение, раз созданное автором, затем в бесчисленных переписываниях изменялось писцами, переделывалось, в различной среде приобретало различные идеологические окраски, обрастало новыми эпизодами и т. д., поэтому почти каждое произведение, дошедшее до нас в нескольких списках, известно нам в различных редакциях, видах и изводах.

Древнерусский автор то сам непосредственно, от своего лица, ратует за правду в своих «поучениях» и «словах», то создает образы борцов за справедливость, за независимость своей родины, за осуществление идеалов на земле — в летописях, исторических повестях, в житиях святых и бытовых

повестях. Его идеалы не всегда одинаковы. Они то воспитаны религиозными представлениями времени, то, уклоняясь от этих представлений, рисуют нам князей и воинов, обороняющих Русскую землю от врагов, побеждающих врагов или терпящих от них поражение, но всегда преданных своему долгу в неравной борьбе с более сильным противником. Они рисуют нам «бояр думающих» и «мужей храбрствующих». Но когда бы писатель ни жил, кого бы ни описывал, за что бы ни ратовал, — перед нами во всех произведениях выступает деятельный, бескомпромиссный и верный своим идеалам герой. Эта бескомпромиссность в борьбе за лучшее будущее стала одной из самых характерных черт русской литературы во все века ее существования.

В тесной связи с этими высокими идеалами, в строгом соответствии с предназначением древней русской литературы, с ее историзмом определился и тот художественный стиль, который был для нее так характерен. Стиль этот был достоин той исторической миссии, которую выполняла древнерусская литература: это стиль монументального историзма.

*

История человеческой культуры знает периоды, когда человек открывает в мире какие-то стороны, до того им не замечавшиеся. Обычно это периоды возникновения нового взгляда на мир, появление нового мировоззрения и нового великого стиля в искусстве и литературе. Каждый вновь появляющийся стиль — это своего рода новый взгляд на мир. Это не только эстетическое обобщение в произведении, но новое эстетическое восприятие действительности. Человек открывает в окружающей его вселенной какую-то не замечавшуюся им ранее стилистическую систему — научную, религиозную, художественную. В свете этой системы он воспринимает все окружающее, и обычно это открывает собой период радостного удивления перед миром. Восхищение перед миром становится как бы чертой мировоззрения и начального этапа новой «стилистической формации».

Так было и в раннем периоде древнерусской культуры. Об оптимистическом характере первого (домонгольского) периода русского христианства писали многие. В качестве объяснения приводилось отсутствие в древнерусском христианстве аскетизма. Но дело не ограничивается оптимистичностью раннего древнерусского христианства: само отсутствие в нем аскетизма требовало бы, в свою очередь, объяснения.

Ранний феодализм пришел на Руси на смену родовому обществу. Это был огромный скачок, ибо Русь миновала историческую стадию рабовладельческого строя. Христианство пришло на смену древнерусскому язычеству, — язычеству типичному для родового общества. В древнерусском язычестве гнезился страх перед могуществом природы, сознание бессилия человека перед стихийными силами. Христианство в своей богословской концепции мира ставило человека в центр природы, а природу воспринимало как служанку человека, открывало в природе «мудрость» мироустройства и божест-

венную целесообразность. Это хотя и не освобождало человека полностью от страха перед силами природы, все же коренным образом меняло отношение человека к природе, заставляло его задумываться над смыслом устройства вселенной, смыслом человеческой истории, открывало в них предвечный замысел и нравоучение человеку. Первые русские произведения полны восхищения перед мудростью вселенной, но мудростью не замкнутой в себе, а служащей человеку. Владимир Мономах пишет в «Поучении»: «Что есть человекъ, яко помниши и? Велий еси, Господи, и чудна дѣла твоя, никак же разумъ человекъ не можетъ исповѣдати чудес твоихъ,— и паки речемъ: велий еси, Господи, и чудна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое во вѣки по всей земли. Иже кто не похвалитъ, не прославляетъ силы твоя и твоих великихъ чудес и добротъ, устроеных на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промысломъ! Звѣрь розноличнии, и птица и рыба украшено твоимъ промыслом, Господи! И сему чуду дивуемъся, како от персти создавъ человекъ, како образи розноличнии въ человекъскихъ лицах,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по Божии мудрости».

Церковная и нецерковная литература домонгольского периода полна и другими приглашениями «подивиться» окружающему человека миру. На пути такого антропоцентрического восприятия мироздания менялись и отношения между художником и его произведением, между зрителем и объектом искусства. И это отношение уводило человека от канонически признанного церковью. Человек осознавал свое назначение и свою значительность в окружающем его мире.

Бог прославляется человеческими делами. «И кто не удивится, възлюбленни, яко Богу прославитися нашими делесы?» — говорит Феодосий Печерский в «Слове о терпении и любви». Но и Бог, в свою очередь, прославляет человека церквами, иконами и церковною службою. Отсюда, с одной стороны, приглушенность личного начала в творчестве, ибо в человеческом творении прежде всего проявляется не личностное начало, а боговдохновенность и богосозданность, но отсюда же, с другой стороны, величие и монументальность произведений искусства и литературы, их прославляющий человека характер.

Феодосий Печерский утверждает: «...на честь бо намъ стлѣпи (столпы) суть и стены церковныа, а не на бесчестие». Для человека — клепание в била (звон в железные доски), призывающее его ко святой службе, для человека пение церковное, для него и образы, и кадило, к нему обращенное, и чтения Евангелия и житий святых.

Нечто подобное находим мы и в одном из первых произведений русской литературы — в «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона. В своем «Слове» Иларион обращается к умершему князю Владими-

ру Святославицу с риторическим призывом встать из гроба и взглянуть на честь, которая ему оказана: «Оттряси сонъ, възведи очи, да видиши какая ты чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ». Называя эту «честь», Иларион указывает на потомство Владимира — его сыновей, на цветущее благоверие, на град Киев «величествомъ сияющъ», на «церкви цветущи». Церковь Благовещения — это не только честь Богу, но и честь всем горожанам Киева. Искусство, следовательно, служит человеку, «воздает ему честь», славит его и возвышает.

Обращенность искусства к его создателям и ко всем людям стало стилиформирующей доминантой всего монументального искусства и всей литературы домонгольского периода. Именно отсюда идет импозантность, торжественность, церемониальность всех форм искусства и литературы этого времени.

Литературный стиль всего домонгольского периода может быть определен как стиль монументального историзма. Люди этого времени стремились увидеть во всем значительное по содержанию, мощное по своим формам. Стиль монументального историзма характеризуется стремлением рассматривать изображаемое как бы с больших расстояний — расстояний пространственных, временных (исторических), иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее красивое представляется большим, монументальным, величественным. Развивается своеобразное «панорамное зрение». Летописец видит Русскую землю как бы с большой высоты. Он стремится вести повествование о всей Русской земле, сразу и легко переходит от события в одном княжестве к событию в другом — на противоположном конце Русской земли. Летописец все время перебрасывает свой рассказ из Новгорода в Киев, из Смоленска во Владимир и т. п. Это происходит не только потому, что летописец соединял в своем повествовании источники различного географического происхождения, но и потому еще, что именно такой «широкий» рассказ отвечал эстетическим представлениям своего времени.

Стремление соединить в своем повествовании различные географические пункты характерно и для сочинений Владимира Мономаха — особенно для его биографии.

Действие «Сказания о Борисе и Глебе» также происходит как бы в пути, переходит из одного места Русской земли в другое. На севере — это Новгород, где новгородцы препятствуют Ярославу бежать за море к варягам. На юге — это печенежская степь, куда Владимир посылает Бориса с войском. На западе — это пустыня между Польшей и Чехией, куда бежит и где погибает злою смертью Святополк Окаянный. На востоке — это Волга, куда отправляется Глеб. Действие «Сказания» как бы охватывает всю Русскую землю.

Характерно, что писатели XI—XII веков воспринимают победу над врагом как обретение «пространства», а поражение — как потерю пространства, несчастье — как «тесноту». Жизненный путь, если он исполнен нужды и горя, — это прежде всего «тесный путь».

Многочисленные упоминания различных географических точек в произведениях этого времени далеко не случайны. Древнерусский писатель как бы стремится отметить побольше мест совершившимися в них историческими событиями. Земля для него свята, она освящена этими историческими событиями. Он отмечает и то место на Волге, где конь Бориса запнулся в поле и сломал себе ногу, и Смядынь, где Глеба застала весть о смерти отца, и Вышгород, где были затем похоронены братья, и т. д. Автор как бы торопится связать с памятью о Борисе и Глебе побольше различных мест, урочищ, рек и городов. Это особенно знаменательно в связи с тем обстоятельством, что культ Бориса и Глеба непосредственно служил идее единства Русской земли, прямо подчеркивал единство княжеского рода, необходимость братолюбия, строгого подчинения младших князей старшим.

Эти священные места — как бы маяки, населяющие Русскую землю. Пространство как бы нуждается в том, чтобы оно было как можно больше населено историческими воспоминаниями и церковными реликвиями. И не случайно автор «Сказания о Борисе и Глебе» говорит, что оба брата были просты и смиренны, на «высокая мѣста и жилища (селения.— Д. Л.) въселистася». Священные места в Русской земле представляются автору как некие возвышенности, вышки, созданные людьми. Они расставлены по всей Русской земле. Борис и Глеб — защитники не одного какого-либо города в Русской земле, но всех: в отличие от Дмитрия Солунского, говорит автор «Сказания», обращаясь к Борису и Глебу, «вы не о единомъ бо градѣ, ни о дѣву, ни о вьси (одном селе.— Д. Л.) попечение и молитву въздаета, нѣ (но) о всеи земли Русьскѣи». Говоря о чудесах, происходящих от места их погребения, автор подчеркивает, что чудеса эти совершались над всеми, приходящими из самых дальних стран: «Не нашему единому языку тъкъмо подано бысть Бѣгъмь, нѣ и вьсеи земли спасение...» Человек стремится подчинить себе, освоить как можно более обширные пространства.

Мы привыкли соединять в своих представлениях монументализм с неподвижностью и косностью, но монументализм XI—XIII веков был монументализмом движения, монументализмом динамическим.

Владимир Мономах постоянно подчеркивает многочисленность и быстроту своих походов. Летописец в «Повести временных лет» также больше всего говорит о походах, о движениях масс войск. Быстрота передвижения — это как бы символ власти над пространством. Монументальность XI—XIII веков — это прежде всего сила, а сила — это масса в движении.

Для динамического стиля характерно динамическое же описание явлений природы, из ряда вон выходящих явлений: грозы (грозы зимой, грозы во время битвы), нашествий саранчи, засухи, наводнения, обратного течения воды в Волхове, землетрясения.

Но движение в пространстве — это и движение во времени. Отсюда особый историзм эстетических представлений Древней Руси. События совре-

менности оцениваются и приобретают особую значительность на фоне событий прошлого. Отсюда огромный интерес авторов к этому прошлому, интерес к истории. История — доминирующая тема в литературе домонгольского периода и в древнерусской литературе вообще. Настоящее воспринимается как продолжение прошлого. Прошлое живо в настоящем, как бы объясняет это настоящее.

Слагая свою хвалу Ярославу Мудрому в «Слове о Законе и Благодати», митрополит Иларион славит одновременно его отца и дедов. Ярослав — наследник славы своих предков. Сама слава воспринимается как нечто движущееся в огромных географических пределах, достигающая дальних стран. Она также монументальна, динамична и органически слита со славой «дедней и отней» (отцовской).

Сами представления о времени были в Киевской Руси иными, чем у нас. Мы воспринимаем прошлое как нечто находящееся позади нас, а будущее — как находящееся перед нами. Древнерусские представления о времени исключали нас самих из восприятий времени. Прошлое находится впереди какого-то причинно-следственного ряда, настоящее и будущее — в конце его, позади. «Передние князи» — это давние, первые князья. «Задние» события — последние. Поэтому «переднее» — прошлое было и самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, первопричина. От этого и «внуки» казались только наследниками славы и политики своих дедов и прадедов. Они могли наследовать «путь» дедов или растерять их наследство и, как следствие, лишиться славы дедов.

Еще одна важная особенность отличала стиль монументального историзма: церемониальность. Литература домонгольской Руси не столько изображала события, сколько вводила их в церемониальные формы. Житие святого — это торжественный парад его жизни, воздание ему почестей писателем. Как и всякие церемонии, литературное «обряжение мира» происходит в традиционных и исторических формах. Торжественные, церемониальные одежды — всегда традиционны, всегда восходят к прошлому.

Традиционные приемы, которыми сообщается о тех или иных событиях, — это не только дань уважения к прошлому, но это и своеобразный этикет, а писатель в известном роде церемониймейстер, занятый заботой о том, чтобы обо всем было сказано в приличествующих случаю выражениях, чтобы дух событий был понят в своей традиционности. Понять что-либо означало для писателя увидеть в предмете своего повествования какие-то значительные аналогии в прошлом.

Но писатель заботился и о том, чтобы его герои вели себя подобающим образом, чтобы ими были произнесены все необходимые слова. «Сказание о Борисе и Глебе» от начала и до конца обставлено речами действующих лиц, как бы церемониально комментирующих происходящее. Борис и Глеб перед своим убиением произносят длиннейшие речи и мо-

литвы, демонстрирующие их беззлобие, покорность Богу и подчинение своему старшему брату Святополку.

И еще одна черта эстетической формации монументального историзма — это его ансамблевый характер.

Средневековое искусство — системное искусство, системное и единое. Оно объединяло видимый мир и невидимый, сотворенное человеком со всем космосом. Оно стремится заполнить своими произведениями пространство, утвердить присутствие человека в мире, объединить этот мир. Искусство — это мирное покорение и церемониальное обряжение окружающего мира. Это столь же характерно для изобразительного искусства и зодчества, как и для литературы.

Произведения литературы ее первого периода — это не замкнутые в себе и не обособленные мирки. Каждое из них как бы тяготеет к соседним, уже существовавшим до него; и это — несмотря на все различия существующих жанров. Каждое новое произведение есть прежде всего дополнение к уже имеющимся, но дополнение не по форме, а по теме, по сюжету. Оно призвано заполнить как бы некоторые, остающиеся еще, не отмеченные этими своеобразными «маяками» точки в пространстве человеческой истории.

Все это было возможным потому, что вымысел был крайне ограничен в древнерусской литературе и литература примыкала к действительности и оформляла ее. Единство тем в литературе определялось единством самой действительности, из которой эти темы черпались.

Литература претендовала говорить только о том, что существует или существовало. Вымышленные герои отсутствовали в древней литературе. Если в литературе и рассказывалось о чудесах и явно не могущих произойти событиях, то авторы выдавали их за действительность, а читатели обязаны были им верить.

Вымышленная тема в принципе замкнута в себе, но когда литература претендует говорить только о действительном, называть только исторически существовавшие факты и рассказывать только о действительно живших героях, то в такой литературе нет замкнутости сюжетов. Эта литература едина единством человеческой истории. Тем самым создается реальная почва для ансамблевого строения литературных произведений этого времени. В летописи могут быть соединены произведения самых различных жанров — лишь бы все эти разножанровые произведения были связаны единством ее исторической темы, располагались друг за другом в исторической последовательности. Рассказ, основанный на дружинном предании о походе на греков, дополняется документом — текстом договора с греками. Рассказ о борьбе Ярослава Мудрого за престол дополняется материалами жития его братьев и т. п. Так строится не только летопись. Три произведения Владимира Мономаха — это тоже «ансамбль». Они объединены единством морально-политической программы. «Сказание о Борисе и Глебе» — это житие, дополняемое их «чудеса-

ми», церковными службами им и проч. Это все своеобразные литературные «ансамбли», но и вся литература в целом — это тоже «ансамбль».

И летопись, и Житие Бориса и Глеба, и сочинения Мономаха, и Киево-Печерский Патерик, и проповеди Феодосия Печерского, а также его Житие — все они в той или иной мере имеют единую тему — события русской истории. Все они объединены единством монументально-исторического стиля и служат единой патриотической идее. Тяготение к ансамблевому строению сказалось и в первых книгах из дошедших до нас — Изборнике Святослава 1073 года и Изборнике 1076 года. Это сборники различных произведений — своеобразные библиотеки в одном большом томе.

Ощущение всех литературных произведений как некоего огромного литературного ансамбля — ансамбля, распространяющегося на весь мир и на всю его историю, в котором отдельные произведения согласуются друг с другом не по жанру, а по своим темам, составляет замечательную черту монументальной литературы Древней Руси. Литература вся составлена как бы из огромных, грубо отесанных каменных глыб. Эстетика дистанций, о которой мы писали выше, заставляет и нас взглянуть на весь грандиозный ансамбль древнерусской литературы с некоей дистанции, чтобы увидеть в нем некое большое художественное единство, как бы одно произведение многих и многих авторов-тружеников.

Монументальный ансамбль древней литературы создан «в честь человеку». Он создан в честь человеку, чтобы прославить мир, красоту и гармонию мироздания. Литература имела своей целью окружить человека церемониальными формами, этикетно обрядить и украсить мир и историю. Она полна поэтому пышности и парадности; она празднична и оптимистична, несмотря даже на все преступления и несчастья, которые совершаются в мире и которые описывает литература. Убиты Борис и Глеб, но их убийство оборачивается торжеством идеала. День смерти Бориса и Глеба стал «Великим праздником» всей Русской земли. Смерть Бориса и Глеба явилась торжеством идей братолюбия. Чтобы воспринять именно так злочастные события 1015 года, надо было обладать особым, величавым отношением к миру и глубочайшим оптимизмом. Через столетие или больше такое же торжество духа древнерусские люди увидят в поражении войск Игоря Святославича Новгород-Северского, в трагической, но славной битве на Калке, в стойкости погибающих под натиском полчищ Батыя рязанцев. Они создадут легенду о невидимом граде Китеже, о Руси, не погибшей и не покоренной жестоким врагом. Ни смерть, если она была достойной, ни поражение, если в нем не было измены мужеству, ни любое несчастье, если оно было перенесено без ропота, — не были унижительны и не воспринимались как падение.

Торжественность литературы Древней Руси была далеко не только внешней. Это было глубокое ощущение всем народом своей значительности.

Литература первого столетия ее существования была оптимистически обращена к будущему. Этот глубокий оптимизм ее символичен. Это великое начало великой литературы.

Стиль монументального историзма продолжает доминировать и в послемонгольский период. Он не исчезает сразу, заменяясь каким-либо другим стилем. На него постоянно наслаиваются черты нового. Постепенно увеличивается его динамизм. Во второй половине XIV и в XV веках этот динамизм сказывается не только в крупном, в явлениях большого масштаба, но и в мелком. В живописи это выражается в том, что человеческие фигуры и лица как бы схвачены в какой-то определенный момент, в данное мгновение. Люди изображаются в неожиданных ракурсах. Уже нет в этих изображениях той длительности «пребывания», какого-то отзвука неподвижной вечности. На монументальность наслаивается экспрессивность, эмоциональность, психологичность. То же мы видим и в литературе: монументальность осложняется, приобретает эмоциональные формы; выдвигается личностное начало, психологизм, динамизм осложняет стиль, появляется стиль «плетения словес», в котором начинает доминировать контекст над значением отдельных слов. В XVI веке, в пору возрастания централизованного начала в государственной жизни, возрождается монументализм в формах, которые лишены старой непосредственности, и этот монументализм сохраняется в XVII веке в отдельных жанрах.

Но как бы ни изменялся и ни усложнялся стиль монументального историзма в древней русской литературе, он оставался в ней в тех или иных явлениях литературы вплоть до перехода к новому времени. Отсюда ясно, что первому веку в истории русской литературы принадлежит исключительная и определяющая роль. Именно в этот век возникли все ее наиболее характерные особенности — стилистические, и как мы видели выше, идейные.

*

Как же возникла древняя русская литература? Откуда черпала она свои творческие силы?

Появление русской литературы в конце X — начале XI века — «дивлению подобно». Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании.

Как произошло чудо рождения столь зрелой литературы Руси, которая еще совсем недавно вообще не обладала письменностью? Русь обязана этим необыкновенно удачному стечению обстоятельств.

Русь приняла христианство из Византии, а восточно-христианская церковь разрешала христианскую проповедь и богослужение на своем национальном языке. Поэтому в истории литературы Руси не было ни латинского, ни греческого периодов. С самого начала в отличие от многих западных стран Русь обладала литературой на своем литературном языке, понятном народу.

Второе очень значительное обстоятельство состояло в том, что за век до крещения Руси христианство уже было распространено в родственной по языку Болгарии. Болгария пережила уже золотой век своей литературы — век царя Симеона. Богатая болгарская переводная и оригинальная литература перешла на Русь и здесь стала органической частью литературы русской. На Руси не только переписывались древнеболгарские произведения, но и просто распространялись болгарские рукописные книги. Древнеболгарский язык лишь немногим отличался от русского. Он составил в русской литературе как бы ее второй, возвышенный слой. Он дал русской литературе многие слова с отвлеченным значением. Соединение языка древнеболгарского с обиходным древнерусским дало русскому литературному языку богатую синонимику и богатые оттенки значений.

Не довольствуясь обильной литературой, перешедшей на Русь из Болгарии, отчасти из Моравии, на Руси при Ярославе Мудром создается собственная переводческая школа. Летопись записала о Ярославе Мудром следующее: «И собра писць многы и перекладаше от грек на словѣньское писмо».

На Руси уже в XI веке были переведены с греческого такие произведения, как византийская Хроника Георгия Амартола, «Повесть о взятии Иерусалима» Иосифа Флавия.

И все-таки объяснение быстрому появлению на Руси зрелой литературы лежит не только в области связей с сильными и старыми литературами, не только в переносах из Болгарии целых произведений и рукописных книг. Основное заключалось в том, что сама русская почва была хорошо подготовлена для создания искусства слова. «Дарам волхвов» из далеких стран предшествовали «дары своих пастухов» — представителей неученой мудрости народа.

Ко времени появления на Руси литературных произведений Византии и Болгарии на огромной русской территории было уже развито искусство устной речи.

В Начальной русской летописи отразились устные предания, топонимические легенды, исторические песни, славы, певшиеся князьям, пословицы и поговорки. Кроме последних (пословиц и поговорок), фольклорные произведения вошли в летопись лишь своими сюжетами, но и это свидетельствовало о богатстве устного творчества народа. В летописи отразилась точность отдельных формулировок и высота исторического самосознания. Вспомните хотя бы рассказ о смерти Олега от своего коня, рассказ о мести Ольги древлянам, о походах Святослава и многое другое.

Но дело не только в фольклоре. В летописи отразились различные формы устной речи. Краткие речи, с которыми князья обращались к своим дружинам перед битвой, свидетельствуют не только о высоко развитом чувстве воинской чести и о воинском долге, но и об умении в немногих словах выразить емкое содержание ободрения и воодушевления воинам. «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» Или: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, во-

лею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ ко-
стыми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ
убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ,
то промыслите собою». Это знаменитые речи Святослава.

Не менее выразительны речи, которые произносились князьями на
вече, или речи представителей народа, обращенные к князьям. Вот что
говорили киевляне Владимиру Мономаху в 1097 году: «Молимся, княже,
тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо возме-
те рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашу,
иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣствомъ,
побарающе по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хотите по-
губити землю Русьскую».

Отправляя послов, князья поручали им произнести те или иные сло-
ва. Естественно, что эти речи должны были быть краткими, запоминающими-
ся и содержательными.

Наконец, формы судопроизводства, законодательных установлений
«Русской Правды» также должны были быть краткими, ясными, однозначны-
ми и выразительными.

Одним словом, разнообразные и богатые формы общественной жизни
и публичных выступлений заставляли ценить точность слова, учили обра-
щаться с ним бережно и экономно, учили высоким нормам развитого обще-
ственного сознания во всех сторонах публичной жизни.

Не всякому народу досталась на долю и такая способность подняться
над узостью национализма в своем высоком патриотическом сознании. При-
чинами тому были особые формы существования Русского государства. В сою-
зе Руси на равных основаниях участвовали и восточнославянские племена и
финно-угорские народы: меря, весь и чудь. В Киеве был «Чудин двор», в
Новгороде целый район — «Чудин конец». В составе русского войска, ходив-
шего походом на Константинополь, плечом к плечу со славянами сражались
варяги и чудь.

Благодаря своей национальной уживчивости древние русичи обитали
целыми поселениями в Константинополе, в греческом Херсонесе в Крыму, на
Афоне, на полуострове Тихань на озере Балатон в Паннонии и во многих
других местах. Кочевые народы тюркского происхождения свободно расселя-
лись на территории Древней Руси и принимали здесь христианство.

Русь не была отгорожена Китайской стеной ни от южных, ни от
западных, ни от восточных или северных соседей. Это была мировая и мир-
ная держава, не опасавшаяся своего поглощения соседними культурами.

Формированию идейного содержания русской литературы способст-
вовали и те произведения болгарской литературы, которые были перенесены
на Русь в X—XI веках. Основатели болгарской письменности и болгарской
литературы ученые братья Кирилл и Мефодий, а также их ученики ощущали

себя не только болгарами, но и представителями всего славянства. Их проповедь была обращена ко всем славянским народам. Именно это широкое сознание себя «народом среди народов» было свойственно и всем лучшим произведениям древнерусской литературы: «Повести временных лет», житиям первых русских святых, Киево-Печерскому патерику, «Хождению» черниговского игумена Даниила в Святую Землю и многим другим. Это замечательное сознание единства русского народа со всем человечеством, приобретая разные формы, станет существенной особенностью русской литературы на всем протяжении ее существования.

*

Остановимся на некоторых произведениях древней русской литературы первого века ее существования.

«Слово о Законе и Благодати» первого киевского митрополита из русских («русина») Илариона, поставленного по воле киевского князя Ярослава Мудрого, посвящено сложнейшей историософской проблеме. Оно говорит о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа. Оно полно гордости успехами христианской культуры на Руси, и как удивительно, что при всем том оно лишено национальной ограниченности. Иларион не ставит русский народ выше других народов, но говорит о равноправности всех народов мира, приобщившихся к христианству.

Это совершеннейшее произведение и по глубине своего содержания и по той блестящей форме, в которую оно облечено: последовательность, логичность, легкость переходов от темы к теме, ритмичность организации речи, разнообразие образов, художественный лаконизм делают «Слово» Илариона одним из лучших произведений мирового ораторского искусства. И произведение это — не перепев византийских образцов, ибо это не просто богословская проповедь того типа, который был распространен в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и при этом на национально-русскую тему.

Совсем другого характера «Повесть временных лет». Это произведение многих авторов-летописцев. Последний из них, Нестор, придал Начальной летописи художественную и идейную законченность и дал ей название, которое в полном виде звучит так: «Повѣсть временныхъ (прошлых) лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, хто в ней почаль пѣрвѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть».

В произведении этом выдержано художественное единство, но единство особого, средневекового типа. Сейчас мы требуем от художественного произведения полного единообразия стиля, жесткого единства идей, полного отсутствия швов и различий в отдельных частях. Если различия есть, — они входят в некое объединяющее их строгое единство. Художественное единство в Древней Руси понималось гораздо шире. Это могло быть единство ансамбля, создававшегося в течение ряда десятилетий и сохранявшего авторские

особенности в каждом из своих разновременных слоев. Переходя от темы к теме, произведение соблюдало и те особенности стиля, которые по литературному этикету средневековья приличествовали каждой из тем. В рассказах о самых древних событиях русской истории летописец отражал свойственные дошедшим до него легендам простодушие, краткость и то, что мы сейчас назвали бы фабульностью. В рассказе о крещении Руси и о первых христианах-мучениках летописец применяет всю церковную церемониальность изложения. С другой стороны, совершенно особый характер носит летописный рассказ об ослеплении князя Василька Тербовльского. Здесь летописцу нужно было поразить читателя ужасом совершенного преступления, и этот рассказ полон своеобразного средневекового натурализма, в котором детально описываются самые ужасные подробности.

Историческое сознание, выраженное в «Повести временных лет», очень высокого уровня. Первые летописцы не просто записывали события, свидетелями которых они были, — они восстанавливали древнейшие события русской истории по самым разнообразным, письменным и устным, источникам. Они были своеобразными исследователями, взвешивали различные версии одного и того же события. К своей работе они привлекали греческие хроники и греческие жития святых, документы, сохранившиеся в княжеских архивах (тексты договоров с греками), церковные записи, родовые предания, легенды и проч. Восстанавливая ход русской истории, летописцы стремились связать эту историю Руси с историей мировой, понять ее как часть всемирной истории, выяснить происхождение славян и отдельных восточнославянских племен. С педагогической ясностью описывает летописец географическое расположение Руси, начиная свое описание с водораздела Волги, Днепра, Западной Двины, и, следуя их течению, описывает — в какое море каждая из этих рек впадает и в какие страны можно плыть по каждому из морей.

В целом «Повесть временных лет» представляла для своего времени своеобразную историческую энциклопедию. Из нее можно было узнать и о происхождении славянской азбуки, и об основах христианской религии, и о происхождении рода русских князей, и о многом другом.

А какой великолепный ансамбль представляют собой сочинения киевского князя Владимира Мономаха! Они включены в один из списков «Повести временных лет» (так называемый Лаврентьевский) под 1097 годом и известны под названием «Поучение» Владимира Мономаха. На самом деле «поучением» может быть признано только первое из них; за этим первым следует автобиография Мономаха, где он рассказывает о своих «путях» (походах) и «ловах» (охотах); за автобиографией следует письмо Мономаха своему исконному врагу Олегу Святославичу («Гориславичу») — родоначальнику князей Ольговичей. Все три произведения написаны в различной манере, соответственно тем различным жанрам, которые они представляют, но все

три связаны одной сильной политической идеей,— и как связаны! На этой идее сочинений Владимира Мономаха стоит остановиться особо. В сущности, она очень проста, но в своей простоте поражает современного читателя высоким чувством патриотического долга.

Во времена Мономаха Русь уже переживала интенсивный процесс феодального дробления со всеми свойственными этому дроблению опасностями для силы и независимости Русской земли. Феодальное дробление было результатом интенсивного экономического и культурного роста отдельных феодальных княжеств, при котором каждая из растущих областей выражала тенденцию к обособлению и самостоятельности. Этот процесс был естественным и даже необходимым, но он вел к военному ослаблению Руси и к многочисленным междоусобным войнам. Надо было предотвратить распад Руси. Ослаблению экономических связей надо было противопоставить сознание политического и исторического единства Русской земли. Надо было воззвать к самым высоким патриотическим чувствам русских людей и дать личный пример забвения обид. Высокий долг падал на церковь и литературу. И вот Владимир Мономах, а немного спустя его сын Мстислав Великий (внук последнего англосаксонского короля Гаральда, потерпевшего страшное поражение от Вильгельма Завоевателя в битве при Гастингсе 1066 года; отец Мстислава Мономаха был женат на дочери Гаральда) покровительствуют летописанию, создают культ князей братьев Бориса и Глеба, стремятся к тому, чтобы каждый из князей владел своим уделом и чтобы князья вступали в договорные и союзные отношения между собой.

Мало этого, Мономах пишет собственные сочинения, где пропагандирует строгое соблюдение взаимных обязательств и взаимную уступчивость князей. В первом из своих сочинений он иллюстрирует свою идею богословскими соображениями. Между прочим, он прибегает к следующему примеру из мира природы. Весной птицы летят из рая и расселяются по всей земле. Каждая птица находит свое место и каждая довольствуется своим уделом: и слабые птицы, и сильные. В следующем сочинении — своей автобиографии — Мономах стремится показать необходимость соблюдать принципы довольства наследственными уделами личным примером, но не боится говорить и о тех нарушениях своего принципа, которые допускал сам. Но самый изумительный пример уступчивости дает Мономах в своем письме к Олегу. События, послужившие поводом к письму, разыгрались в 1096 году. В междоусобной битве был убит сын Мономаха Изяслав. Старший сын Мономаха Мстислав послал письмо Олегу с требованием отступить от незаконно захваченных Олегом владений и предложением примирить Олега с Мономахом. Олег отказался, двинул войска против Мстислава, был наголову им разбит и бежал за пределы Руси. Мономах пишет не просто убийце своего сына: Олег в какой-то краткий промежуток примирения крестил Изяслава, был его крестным отцом и, по представлениям средневековья, должен был

поэтому считается больше, чем сыноубийцей. О чем же пишет Мономах разбитому в бою убийце своего сына? Он прощает его. Он предлагает ему вернуться на принадлежащие ему земли, он утешает его. Он пишет ему, что жизнь человеческая в руках Божьих, и просит его только отпустить молодую вдову Изяслава, чтобы он мог утешить ее. Письмо Мономаха свидетельствует об очень высоких нравственных представлениях Мономаха и о его готовности от многого отказаться ради мирного утверждения принципа — «пусть каждый князь владеет княжеством своего отца».

Другой памятник, очень характерный для начального этапа древнерусской литературы, — «Житие Феодосия Печерского».

«Житие Феодосия Печерского» представляет собой совершенно особый и уже вполне законченный тип повествования. И это удивительно, так как оно принадлежит тому же Нестору, который придал окончательное и совсем другое оформление Начальной русской летописи, созданной на основе предшествующих летописей «Повести временных лет». Умение подчиниться требованиям жанра — признак писательской зрелости в средние века.

«Житие Феодосия», хотя и являлось по существу первым русским житием, сообщило завершенность биографическому жанру. Рассказ о человеке ведется в этом произведении путем выделения только некоторых моментов его жизни: тех, в которых он достигает как бы наивысшего своего самопроявления.

Из «Жития Феодосия» мы узнаем многое об окружающем его быте и целиком погруженных в этот быт людях. Здесь и быт богатого провинциального дома в Васильеве, — дома, руководимого его властной матерью. Кое-что мы можем узнать о положении слуг в этом доме. Бегство Феодосия в Киев рисует нам торговый обоз с тяжело нагруженными товарами телегами. Его отношения с Изяславом позволяют заглянуть в княжеские хоромы во время пира. Узнаем мы и о разбойничьих шайках, бродивших вокруг Киева, о суде и судьях, о писании книг в монастыре Великим Никоном и о помощи ему Феодосия в их переплетении. Вводит нас жизнеописатель в монастырскую и княжескую поварни, в крестьянский хлев, в пекарню, в монастырские кельи. Но описание быта ведется очень сдержанно, — только в той мере, в какой это необходимо для сюжета, — сюжет же всегда поднимается над незначительностью и суетностью «мимотекущей» жизни. В обстановке временного усматривается вечное, в случайном — значительное. Благодаря этому быт оказывается обряжен в церемониальные формы высоких церковных добродетелей. Это как бы те ветхие и бедные реликвии, которые лежат в драгоценнейших сосудах и которым поклоняются пришедшие в монастырь странники. Бедность монастырской жизни, которая рисуется в «Житии Феодосия», драгоценнее всякого земного богатства, потому-то она так и подчеркивается. В целом «Житие Феодосия» нашло идеальное выражение монументальному стилю в описании «частной» жизни отдельного человека. В последующем развитии русской литературы рассказ о жизни человека постоянно стал сла-

гаться из отдельных эпизодов, рисующих эту жизнь значительной и как бы predetermined свыше.

Я привел только немногие примеры русских литературных произведений XI — самого начала XII века, но русская литература этого периода очень богата и разнообразна. В каждом из ее произведений можно найти черты эпохи, индивидуальные черты их авторов, разнообразие жанров. Упомяну еще некоторые произведения XI века: это поучения Феодосия Печерского, в которых он высказывает вполне оригинальные взгляды, это поучения новгородца Луки Жидяты (сокращение от имени Жидислав), рассчитанные на самую простую аудиторию и этим резко отличающиеся от произведений Илариона и Феодосия, это сборники изречений, вроде «Стословца» Геннадия, церковные послания, молитвы и проч., и проч.

Начало древней русской литературы определило собой ее характер и на последующее время. Знаменательно, что влияние «Повести временных лет» оставалось действенным в течение полутысячелетия. В полном или сокращенном виде она переписывалась в начале большинства областных и великокняжеских летописей. Ей подражали последующие летописцы. Для политических прославлений образцовым в течение многих веков оставалось «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, для житийной литературы типа «мартирий» (рассказов о мученичествах) — жития Бориса и Глеба, для житийных биографий — «Житие Феодосия Печерского», для церковных поучений — поучения того же Феодосия и т. д.

В дальнейшем русская литература обогащается новыми жанрами, усложняется по содержанию; ее общественные функции приобретают все более и более разветвленные формы и многообразное применение, литература становится все публицистичней, но не утрачивает от этого своей монументальности и средневекового историзма.

Д. С. Лихачев

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

XI-XII века

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

О ЗАКОНѢ, МОИСѢОМЪ ДАНѢМЪ, И О БЛАГОДѢТИ И ИСТИНѢ,
ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ БЫВШИИ* И КАКО ЗАКОНЪ ОТИДЕ,
БЛАГОДѢТЬ ЖЕ И ИСТИНА ВСЮ ЗЕМЛЮ ИСПОЛНИ,
И ВѢРА ВЪ ВСЯ ЯЗЫКЫ ПРОСТРЕСЯ И ДО НАШЕГО
ЯЗЫКА РУСКАГО, И ПОХВАЛА КАГАНУ* НАШЕМУ ВЛОДИМЕРУ,
ОТ НЕГОЖЕ КРЕЩЕНИ БЫХОМЪ,
И МОЛИТВА КЪ БОГУ ОТ ВСЕА ЗЕМЛЯ НАШЕА

Господи, благослови, отче.*

«Благословленъ Господь Богъ Израилевъ», Богъ христианскъ, «яко посѣти и сътвори избавление людемъ своимъ»,* яко не презрѣ до конца твари своеа идольскимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовскимъ служеваниемъ гибнути. Нѣ оправдѣ прежде племя Авраамле* скрижальми* и закономъ, послѣжде же сыномъ своимъ вся языки спасе Евангелиемъ и крещениемъ, въводя а въ обновление пакубытия, въ жизнь вѣчную.

Да хвалимъ его убо и прославляемъ хвалимааго от ангелѣ беспрѣстани, и поклонимся ему, емуже поклоняются херувими и серафими, яко, призря, *призрѣ* на люди своа* и не солъ, ни вѣстникъ, нѣ Самъ спасе ны,* не привидѣниемъ пришедъ на землю, но истинно, *пострадавъ* за ны плотию и до гроба и съ собою въскрѣсив ны.

Къ живущимъ бо на земли чловѣкомъ въ плоть одѣвсья приде, къ сушимъ же въ адѣ распятиемъ и въ гробѣ полежаниемъ съниде,* да обои, и живии и мертвии познають посѣщение свое* и Божие прихождение и рзумѣють, яко тѣ есть живымъ и мертвымъ крѣпокъ и силенъ Богъ.*

Кто бо великъ, яко Богъ нашъ. Тѣ единъ творяи чудеса,* положи законъ на проуготование истинѣ и благодѣти, да въ немъ обыкнетъ чловѣчско ествство, от многобожства идольскааго укланяся, въ единого Бога вѣровати, да яко съсудъ скверненъ чловѣчство, помовенъ водою, закономъ и обрѣзаниемъ, приметъ млѣко *благодѣти* и крещения.

Законъ бо прѣдѣтечя бѣ и слуга благодѣти и истинѣ, истина же и благодѣть слуга будущему вѣку, жизни нетлѣннѣи. Яко законъ при-вождааше възаконенъа къ благодѣтному крещению, крещение же сыны своа прѣпускаетъ на вѣчную жизнь. Моисѣ бо и пророци о Христовѣ пришествии повѣдааху, Христос же и апостоли его о въскресении и о будущимъ вѣцѣ.

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

О ЗАКОНЕ, ДАННОМ МОИСЕЕМ, И О БЛАГОДАТИ И ИСТИНЕ,
ЯВЛЕННОЙ ИИСУСОМ ХРИСТОМ, И КАК ЗАКОН МИНОВАЛ,
А БЛАГОДАТЬ И ИСТИНА НАПОЛНИЛА ВСЮ ЗЕМЛЮ,
И ВЕРА РАСПРОСТРАНИЛАСЬ ВО ВСЕХ НАРОДАХ ВПЛОТЬ ДО НАШЕГО
НАРОДА РУССКОГО; И ПОХВАЛА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НАШЕМУ
ВЛАДИМИРУ, КОИМ МЫ БЫЛИ КРЕЩЕНЫ;
И МОЛИТВА К БОГУ ОТ ВСЕЙ ЗЕМЛИ НАШЕЙ

Господи, благослови, отче.

«Благословен Господь Бог Израилев», Бог христианский, «что посетил народ свой и сотворил избавление ему!» Ибо вовсе не попустил творению своему пребывать во власти идольской тьмы и погибать в служении бесовском. Но прежде скрижалями и законом оправдал род Авраамов, затем же сыном своим спас все народы, Евангелием и крещением путевода их в обновление возродения, в жизнь вечную.

Восхвалим же и прославим его, непрестанно восхваляемого ангелами, и поклонимся тому, кому поклоняются херувимы и серафимы! Ибо, призирая, призрел на народ свой. И не посредник, не ангел, но Сам спас нас, не призрачно придя на землю, но истинно, плотию пострадав за нас — и до смерти! — и с собою воскресив нас.

Ибо, в плоть облекшись, к живущим на земле пришел, распятие же претерпев и погребение, к пребывающим в аду сошел, да и те, и другие, — и живые, и мертвые, — узнают <день> посещения своего и пришествия Божия и уразумеют, что он — всемогущий и всеильный Бог живых и мертвых.

И кто столь велик, как Бог наш? Он, «един творящий чудеса», оставил закон в предуготовление истины и благодати, чтобы <пестуемое> в нем человеческое естество, уклоняясь от языческого многобожия, обыкло веровать в единого Бога, чтобы, подобно оскверненному сосуду, человечество, будучи, как водою, омыто законом и обрезанием, смогло воспринять млеко благодати и крещения.

Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать — служитель будущего века, жизни нетленной. Ибо закон приводил подзаконных к благодатному крещению, а крещение провождает сынов своих в жизнь вечную. Моисей ведь и пророки проповедали о пришествии Христовом, Христос же и апостолы — о воскресении и жизни будущего века.

Еже поминати въ писании семь и пророческаа проповѣдания о Христѣ, и апостольскаа учения о будущиимъ вѣцѣ, то излиха есть и на тѣшеславие съкланяся. Еже бо въ инѣх книгах писано и вами вѣдомо ти сде положити, то дрѣзости образъ есть и славохотю. Ни къ невѣдущиимъ бо пишемъ, нѣ прѣзлиха насытъшемся сладости книжныа, не къ врагомъ Божиимъ иновѣрнымъ, нѣ самѣмъ сыномъ его, не къ странныимъ, нѣ къ наслѣдникомъ небеснаго царства. Но о законѣ, Моисѣемъ данѣмъ и о благодѣти и истинѣ, Христосомъ бывшии, повѣсть си есть, и что успѣ законъ, что ли благодѣть.

Прѣжде законъ, ти по томъ благодѣть, прѣжде стѣнь, ти по томъ истина. Образъ же закону и благодѣти Агаръ и Сарра, работнаа Агаръ и свободнаа Сарра, работнаа прѣжде, ти потомъ свободнаа*, да разумѣть, иже чтесть!*

Яко Авраамъ убо от уности своей Сарру имѣ жену си, свободную, а не рабу, и Богъ убо прѣжде вѣкъ изволи и умысли сына своего въ миръ послати и тѣмъ благодѣти явитися*.

Сарра же не раждааше, понеже бѣ неплоды.* Не бѣ неплоды, нѣ заключена бѣ Божиимъ промысломъ на старость родити.* Безвѣстная же и таинаа прѣмудрости Божии утаена бяху ангель и человекъ, не яко неявима, нѣ утаена и на конецъ вѣка хотяща явитися.

Сарра же глагола къ Аврааму: «Се заключи мя Господь Богъ не раждати, вѣлѣзи убо къ рабѣ моеи Агари и родиши от неѣ».* Благодѣть же глагола къ Богу: «Аще нѣсть врѣмене сънити ми на землю и спасти миръ, съниди на гору Синаи и законъ положи».

Послуша Авраамъ рѣчи Саррины и вѣлѣзе къ рабѣ еѣ Агарѣ.* Послуша же и Богъ яже от благодѣти словесъ и съниде на Синаи.*

Роди же Агаръ раба от Авраама, раба робичишть, и нарече Авраамъ имя ему Измаиль.* Изнесе же и Моисѣи от Синаискыа горы законъ,* а не благодѣть, стѣнь, а не истину.

По сихъ же уже стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящу ему прѣд дверьми кушкѣ его въ полудне у дуба Мамврийскаго. Авраамъ же текъ въ срѣтение ему поклонися ему до землѣ и приять ѣ в кушту свою*. Вѣку же сему къ коньцу приближающуся посѣтитъ Господь человекъскааго рода и съниде съ небесе, въ утробу Дѣвици вѣходя. Приять же ѣ Дѣвица съ покланяниемъ въ кушту плѣтяную, не болѣвши, *глаголющи* ти къ ангелу: «Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему».*

Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина, и, заченьши, роди Исаака, свободнаа свободнааго*. И присѣтивъшу Богу человекъскаа естества, явишася уже безвѣстнаа и утаенаа и родися благодѣть, истина, а не законъ, сынъ, а не рабъ.

И ако отдоися отроця Исаакъ и укрѣпѣ, сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его.* Егда бѣ Христос на земли, и еще не у

Поминать же в писании сем и пророческую проповедь о Христе, и апостольское учение о жизни будущего века излишне было бы и похоже на тщеславие. Ведь излагать здесь то, что в иных книгах писано и вам ведомо, есть признак дерзости и славолюбия. Ибо не несведущим мы пишем, но с преизбытком насытившимся книжной сладости, не враждующим с Богом иноверным, но истинным сынам его, не чуждым, но наследникам царства небесного. И повествование наше — о законе, данном Моисеем, и о благодати и истине, явленной Христом, и о том, чего достиг закон, и чего — благодать.

Прежде <дан был> закон, затем же — благодать, прежде — тень, затем же — истина. Прообраз же закона и благодати — Агарь и Сарра, рабыня Агарь и свободная Сарра: прежде — рабыня, а потом — свободная, — да разумеет читающий!

И как Авраам от юности своей имел женою себе Сарру, свободную, а не рабу, так и Бог предвечно изволил и благорассудил послать Сына Своего в мир и им явить благодать.

Однако Сарра не рождала, будучи неплодной. <Вернее>, не была она неплодной, но промыслом Божественным определена была познать чадорождение в старости <своей>. Неведомое и тайное премудрости Божией сокрыто было от ангелов и от людей не как бы неявляемое нечто, но утаенное и должное открыться в кончину века.

И сказала Сарра Аврааму: «Вот, предназначил мне Господь Бог не рождать; войди же к служанке моей Агари и будешь иметь детей от нее». — А благодать сказала Богу: «Если не время сойти мне на землю и спасти мир, сойди на гору Синай и утверди закон».

И внял Авраам речам Сарриным, и вошел к служанке ее Агари. — Внял же и Бог словесам благодати и сошел на Синай.

И родила Агарь-рабыня от Авраама: рабыня — сына рабыни; и нарек Авраам имя ему Измаил. — Принес же и Моисей с Синайской горы закон, а не благодать, тень, а не истину.

Затем же, как Авраам и Сарра состарились уже, Бог явился Аврааму, сидевшему при входе скинии его, в полдень, у дубравы Мамрийской. И Авраам, выйдя навстречу ему, поклонился ему до земли и принял его в скинию свою. — Когда же век сей близился к концу, то посетил Господь человеческий род. И сошел он с небес, войдя в лоно Девы. И приняла его Дева с поклонением в телесную скинию <свою>, неболезненно, молвив ангелу, <вещавшему ей>: «Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему»!

Тогда же отверз Бог ложесна Саррины, и, зачав, родила она Исаака: свободная — свободного. — И, когда посетил Бог человеческое естество, открылось уже <дотоле> неведомое и утаенное, и родилась благодать — истина, а не закон, сын, а не раб.

И, как вскормлен млекою был младенец Исаак и окреп, устроил Авраам великий пир, как вскормлен млекою был Исаак, сын его. — Когда Христос

ся благодѣть укрѣпила бяше, нѣ дояшеся, и еще за 30 лѣтъ*, въ ня же Христось таяшеся. Егда же уже отдоися и укрѣпѣ и явися благодѣть Божиа всѣмъ чловѣкомъ* въ Иорданьстѣи рѣцѣ,* сътвори Богъ гоститву и пирь великъ тельцемъ упитѣннымъ отъ вѣка,* възлюбленнымъ Сыномъ своимъ Исусомъ Христомъ, съзавъ на едино веселие небесныя и земныя,* съвокупивъ въ едино ангелы и чловѣкы.

По сихъ же видѣвши Сарра Измаила, сына Агарина, играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ, и ако приобидѣнъ бысть Исаакъ Измаиломъ, рече къ Аврааму: «Отжени рабу и съ сыномъ еѣ, не имать бо наслѣдовати сынъ рабынины сына свободныя».* По възнесеніи же Господа Исуса, ученикомъ же и инѣмъ вѣровавшимъ уже въ Христа сушемъ въ Иерусалимѣ, и обоимъ сѣмѣсь сушемъ, иудеомъ же и христианомъ, и крещение благодатное обидимо бяше отъ обрѣзаниа законнаго, и не принимаше въ Иеросалимѣ христианскаяа церкви епискупа необрѣзана, понеже, старѣише творящеся, сущи отъ обрѣзаниа насиловааху на христианыя, рабичишти на сыны свободныя, и бывааху между ими многы распрѣ и которы.* Видивши же свободнаа благодѣть чада своа христианыя обидимы отъ иудѣи, сыновъ работнааго закона, възъпи къ Богу: «Отжени иудѣиство и съ закономъ расточи по странамъ, кое бо причастіе стѣню съ истиною, иудѣиству съ христианствомъ».

И отгнана бысть Агаръ раба съ сыномъ еѣ Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныя, наслѣдникъ бысть Аврааму, отцу своему.* И отгнани быша иудѣи и расточени по странамъ, и чяда благодѣтнаа христианіи наслѣдници быша Богу и Отцу.* Отиде бо свѣтъ луны, солнцю вѣсиавъшу, тако и законъ, благодѣти явльшися, и студеньство ночью погыбе, солнечныи теплотѣ землю сѣгрѣвши. И уже не гърздится въ законѣ чловѣчество, нѣ въ благодѣти пространо ходитъ.

Иудѣи бо при свѣшти законныи дѣлааху свое оправдание, христианы же при благодѣтныимъ солнци свое спасение *зиждють*. Яко иудеиство стѣнемъ и закономъ оправдаашеся, а не спасаашеся, хрстианы же истиною и благодатию не оправдаются, нѣ спасаются.

Въ иудѣихъ бо оправдание, въ христианыихъ же спасение. Яко оправдание въ *семь* мирѣ есть, а спасение въ будущиимъ вѣцѣ. Иудѣи бо о земленыхъ веселяаху, христианы же о сущиихъ на небесѣхъ. И тоже оправдание иудѣиско скупое бѣ зависти ради, не бо ся простирааше въ ины языкы, нѣ токмо въ Иудей единой бѣ. Христианыихъ же спасение благо и щедро простираеся на вся края земленыя.*

Събысться благословение Манасиино *на иудеихъ, Ефремово же на христьяныих*. Манасиино бо старѣишинство лѣвицею Иаковлею благословлено бысть. Ефремово же мнишьство десницею. Аще и старѣи Манасии Ефрема, нѣ благословлениемъ Иаковлемъ мнии бысть.* Тако иудѣиство, аще прѣжде бѣ, нѣ благодѣтию христианіи больше быша.

явился на земле, тогда не была еще благодать окрепшей, но младенчествовала прежде более чем тридцать лет, кои и Христос провел в безвестности. Когда же вскормлена уже была и окрепла благодать и явилась на реке Иорданской всем людям, устроил Бог трапезу и великий пир с тельцом, вскормленным от века, Сыном своим возлюбленным Иисусом Христом, созвав на всеобщее веселие небесное все и земное, совокупив воедино ангелов и людей.

Затем же, видев, как Измаил, сын Агари, играет с сыном ее Исааком и терпит Исаак от Измаила обиды, сказала Сарра Аврааму: «Изгони рабу <сию> с сыном ее, ибо не наследует сын рабыни с сыном свободной». — По вознесении же Господа Иисуса, когда ученики и иные, уверовавшие уже во Христа, были в Иерусалиме и иудеи и христиане пребывали совместно, тогда терпело благодатное крещение обиды от законного обрезания и христианские церкви в Иерусалиме не принимали епископа из необрезанных, ибо, похищая первородство, обрезанные притесняли христиан: сыны рабыни — сынов свободной, — и бывали между ними многие распри и споры. И, увидев, как чада ее, христиане, терпят обиды от иудеев, сынов работного закона, вознесла свободная благодать вопль свой к Богу: «Изгони иудеев с законом их и рассей между язычниками, ибо что общего между тенью и истиной, иудейством и христианством?»

И изгнана была Агарь-рабыня с сыном ее Измаилом, а Исаак, сын свободной, стал наследником Аврааму, отцу своему. — Изгнаны были и иудеи и рассеяны среди язычников, а чада благодати, христиане, стали наследниками Богу и Отцу. Ведь исчезает свет луны, лишь только воссияет солнце; и холод ночной проходит, как солнечное тепло согревает землю. Так и закон <миновал> в явление благодати. И не теснится уже человечество в <ярме> закона, но свободно шествует под <кровом> благодати.

Иудеи ведь соделывали оправдание свое в <мерцании> свечи закона, христиане же созидают спасение свое в <сиянии> солнца благодати. Ибо иудейство посредством тени и закона оправдывалось, но не спасалось. Христиане же поспешением истины и благодати не оправдываются, но спасаются.

В иудействе тем самым — оправдание, в христианстве же — спасение. И оправдание — в сем мире, а спасение — в будущем веке. И потому иудеи услаждались земным, христиане же — небесным. И к тому же оправдание иудейское, — по причине ревности подзаконных, — убого было и не простиралось на другие народы, но свершалось лишь в Иудее. Христианское спасение же — благодатно и изобильно, простираясь во все края земные.

Исполнилось благословение, <преподанное> Манассии, на иудеях, а <воспринятое> Ефремом — на христианах: ибо Манассиино старшинство благословлено было левой рукой Иаковлевой, а Ефремово младшинство — правой. Хотя и старше был Манассия Ефрема, но благословением Иаковлевым стал меньшим. — Подобно же и с иудейством: хотя и прежде появилось, но благодатью христианство стало большим, <нежели оно>.

Рекшу бо Иосифу къ Иакову: «На семь, отче, положи десницу, яко съ старѣи есть», отвѣща Иаковъ: «Вѣдѣ, чядо, вѣдѣ. И ть будеть въ люди и възнесетя, нъ братъ его мени болии его будеть, и племя его будеть въ множество языкъ».*

Яко же и бысть. Законъ бо прѣжде бѣ и възнесетя въ малѣ, и отиде. Вѣра же христьянская, послѣжде явльшия, больши первыя бысть и *расплодися* на множество языкъ. И Христова благодѣть всю землю обятъ и ако вода морская покры ю. И вси, ветхая отложыше, обетывавшая завистию иудейскою, новая держать, по пророчеству Исаину: «Ветхая мимоидоша, и новая вамъ възвѣщаю; пойте Богу пѣснь нову, и славимо есть имя его от конечь земли, и съходящей въ море, и плавающей по нему, и острови вси».* И паки: «Работающимъ ми наречетя имя ново, еже благословитя на земли, благословятъ бо Бога истиннааго».*

Прѣжде бо бѣ въ Иеросалимѣ единомъ кланятяся, нынѣ же по всеи земли. Яко же рече Гедеонъ* къ Богу: «Аще рукою моею спасаеши Израила, да будеть роса на рунѣ токмо, по всеи же земли суша».* И бысть тако. По всеи бо земли суша бѣ прѣжде, идольстѣи льсти языки одержашти и росы благодѣтныя не приемлющемъ. Въ Иудеи бо тѣкмо знаемъ бѣ Богъ, и «въ Израили велие имя его»,* и въ Иеросалимѣ единомъ славѣмъ бѣ Богъ.

Рече же паки Гедеонъ къ Богу: «Да будеть суша на рунѣ токмо, по всеи же земли роса».* И бысть тако. Иудейство бо прѣста и законъ отиде, жертвы неприатны, кивотъ* и скрижали, и оцѣстило* отъято бысть. По всеи же земли роса, по всеи бо земли вѣра прострѣся, дождь благодѣтныи оброси, купѣль пакипорождения сыны своя въ нетлѣние облачить.

Яко же и къ самаряныни глаголааше Спасъ, яко грядеть година, и нынѣ есть, егда ни во горѣ сей, ни въ Иеросалимѣхъ поклонятя Отцу, но будуть истиннии поклонници, иже поклонятя Отцу духомъ и истиною, ибо Отецъ тацѣхъ ищетъ кланяющихся ему,* рекше съ Сыномъ и съ Святымъ Духомъ,— яко же и есть. По всеи земли уже славится Святаа Троица и поклоняние приемлетъ от всеа твари, малии, велиции славятъ Бога, по пророчеству: «И не научить каждо искреняго своего и челоуѣкъ брата своего, глаголя «познаи Господа», яко увѣдятъ мя от малыихъ до великааго».* Яко же и Спасъ Христосъ къ Отцу глаголааше: «Исповѣдаю ти ся, Отче, Господеви небеси и земли, яко утаилъ еси от прѣмудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси младенцемъ, еи, Отче, яко тако бысть благоизволение прѣд тобою».*

И толма помилова благии Богъ челоуѣчьскыи род, яко и челоуѣци плотныи крещениемъ и благими дѣлы сынове Богу и причастници Христу* бывають. Елико бо рече евангелистъ: «Прियाша его, дасть имъ власть чядомъ Божиимъ быти, вѣру яштимъ въ имя его, иже не отъ кръве ни отъ похоти

Когда сказал Иакову Иосиф: «На этого, отче, возложи десницу, ибо он — первенец»,— Иаков отвечал ему: «Знаю, сын <мой>, знаю; и от него произойдет народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ».

Так и произошло. Закон ведь и прежде был и несколько возвысился, но миновал. А вера христианская, явившаяся и последней, стала большей первого и распростерлась во множестве народов. И благодать Христова, объев всю землю, ее покрыла, подобно водам моря. И, отложив все ветхое, ввергнутое в ветхость злобой иудейской, все новое хранят, по пророчеству Исаии: «Ветхое миновало, и новое возвещаю вам; пойте Богу песнь новую, славьте имя его от концов земли, и выходящие в море, и плавающие по нему, и острова все». И еще: «Работающие мне нарекутся именем новым, кое благословится на земле, ибо благословят они Бога истинного».

Прежде ведь в Иерусалиме только подобало поклоняться <Господу>, ныне же — по всей земле. И как <некогда> говорил Геден Богу: «Если рукою моею спасешь Израиль, пусть будет только на руне роса, а по всей земле — сушь»,— так и произошло. Ибо прежде пребывала по всей земле сушь, потому что все народы лежали во зле идольском и не принимали росы благодати. И лишь в Иудее ведом был Бог, и «у Израиля велико имя его», и в Иерусалиме едином славим был Бог.

И еще говорил Геден Богу: «Пусть будет только на руне сушь, по всей же земле — роса». Так и произошло. И иудейство прекратилось, и закон миновал, жертвы неугодны, ковчег и скрижали и очистилище отняты. По всей земле — роса: ибо по всей земле простерлась вера, дождь благодати оросил <народы>, купель возрождения облакает сынов своих в нетление.

И как говорил Спаситель самарянке: близится время, и ныне пришло, когда не на горе сей и не в Иерусалиме будут поклоняться Отцу, но будут истинные поклоняющиеся, которые поклонятся Отцу в духе и истине, ибо таковых поклоняющихся ему и ищет Отец,— то есть <Отец> с Сыном и Святым Духом,— так и произошло. И по всей земле славится уже Святая Троица и поклонение приемлет от всей твари. Малые и великие славят Бога, по пророчеству: «И не научит каждый ближнего своего и брат — брата своего, говоря: «Познай Господа», ибо <все> познают меня от мала до велика». И как Спаситель Христос говорил Отцу: «Славлю тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил <сие> от мудрых и разумных и открыл <то> младенцам; ей, Отче, ибо таково было твое благоволение».

И столь помиловал преблагой Бог человеческий род, что и чада плоти чрез крещение и добрые дела становятся сынами Божиими и участниками Христу. Ибо, как говорит евангелист, «тем, которые приняли его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хоте-

плотьскы, ни отъ похоти мужескы, нъ отъ Бога родишася»,* Святыимъ Духъмъ въ святѣи купѣли.

Вся же си Богъ нашъ на небеси и на земли елико въсхотѣ, и сътвори.* Тѣмже кто не прославить, *кто* не похвалить, *кто* не поклониться величеству славы его и кто не подивиться бесчисльному челоуѣколюбю его.

Прѣжде вѣкъ от Отца рожденъ, единъ сътоленъ Отцу, единосущенъ, яко же солнцу свѣтъ, съниде на землю, посѣти людии своих, не отлучився Отца, и въплотися отъ Дѣвицѣ чисты, безмужны и бесквернены, въшедъ, яко же самъ вѣсть. Плоть приимъ, изиде, яко же и вѣниде.

Един сын от Троицѣ въ двѣ естъствѣ: Божество и челоуѣчество, исполнь челоуѣкъ по вѣчелоуѣчению, а не привидѣниемъ, нъ исполнь Богъ по божеству, а не простъ челоуѣкъ показавый на земли божьскаа и челоуѣчьскаа:

яко челоуѣкъ бо утробу матернюю растяше,* и яко Богъ изиде, дѣвства не врѣждъ;

яко челоуѣкъ матерне млѣко приать,* и яко Богъ пристави ангелы съ пастухы пѣти: «Слава въ вышнихъ Богу»;*

яко челоуѣкъ повиться въ пелены,* и яко Богъ вълхвы звѣздою ведяше;*

яко челоуѣкъ възлеже въ яслехъ,* и яко Богъ от волхвъ дары и поклонение приать;*

яко челоуѣкъ бѣжааше въ Египеть,* и яко Богу рукотворения египетьскаа поклонишася;*

яко челоуѣкъ прииде на крещение,* и ако Бога Иорданъ устрашився, възвратися;

яко челоуѣкъ, обнажився, вълѣзе въ воду, и ако Богъ от Отца послушство приать: «Се есть Сынъ мой възлюбленный»;*

яко челоуѣкъ постися 40 днии и възалка, и яко Богъ побѣди искушающаго;*

яко челоуѣкъ иде на бракъ Кана Галилѣи, и ако Богъ воду въ вино приложи;*

яко челоуѣкъ въ корабли съпааше, и ако Богъ запрѣти вѣтромъ и морю, и послушаша его;*

яко челоуѣкъ по Лазари прослезися, и ако Богъ възкрѣси ѿ мертвыхихъ;*

яко челоуѣкъ на осля вѣсѣде, и ако Богу звааху: «Благословленъ Грядый въ имя Господне!»;*

яко челоуѣкъ распятъ бысть,* и ако Богъ своею властию съпропятааго съ нимъ въпусти въ раи;*

ния плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились», действием Духа Святого в святой купели.

И все это <явил> Бог наш, <который> на небесах и на земле все, что восхотел, сотворил. И потому кто не прославит <его>? Кто не вознесет ему хвалу? Кто не поклонится величию славы его? И кто не подивится безмерному человеколюбию его?

Предвечно от Отца рожденный, <Бог и Сын Божий>, единосуществующий Отцу, единосущный <ему>, как и свет — солнцу, сошел на землю и посетил народ свой. Не разлучившись и с Отцом, он воплотился от Девы, <Девы> чистой, безмужной и непорочной, войдя <в лоно ее> образом, ведомым ему одному. Прияв плоть, он исшел, как и вошел.

Один из <Святой> Троицы, он — в двух естествах: Божестве и человечестве, совершенный, а не призрачный человек — по вочеловечению, но и совершенный Бог — по Божеству.

Явивший на земле свойственное Божеству и свойственное человечеству, как человек, он, возрастая, ширил материнское лоно,— но как Бог исшел <из него>, не повредив девства;

как человек, он питался материнским млеком,— но, как Бог, повелел ангелам с пастырями воспевать: «Слава в вышних Богу»;

как человек, он был повит пеленами,— но, как Бог, звездою путеводил волхвов;

как человек, он возлежал в яслях,— но, как Бог, принимал от волхвов дары и поклонение;

как человек, он бежал в Египет,— но, как Богу, поклонились <ему> рукотворения египетские;

как человек, он пришел воспринять крещение,— но, как Бога, утрашившись <его>, Иордан обратился вспять;

как человек, обнажившись, он вошел в воду,— но, как Бог, приял свидетельство от Отца: «Сей есть Сын мой возлюбленный»;

как человек, он постился сорок дней и взалкал,— но, как Бог, победил искушителя;

как человек, он пошел на брак в Кане Галилейской,— но, как Бог, претворил воду в вино;

как человек, он спал в корабле,— но, как Бог, запретил <бушевать> ветру и морю — и они повиновались Ему;

как человек, он прослезился, <восскорбев> о Лазаре,— но, как Бог, воскресил его из мертвых;

как человек, он воссел на осла,— но, как Богу, возглашали <ему>: «Благословен Грядущий во имя Господне!»;

как человек, он был распят,— но, как Бог, своею властью распятого с ним <благоразумного разбойника> ввел в рай;

яко человекъ оцѣа въкушь, испусти духъ, и ако Богъ солнце помрачи и землю потрясе;*

яко человекъ въ гробѣ положенъ бысть, и ако Богъ ада раздруши и душѣ свободы;*

яко человекѣа печатлѣша въ гробѣ,* и ако Богъ изиде, печати цѣлы съхранѣ;

яко человекѣа тѣщаахуся иудеи утайти въскресение, мѣдяще стражи,* нѣ яко Богъ увѣдѣся и познанъ бысть всѣми конци земля.*

По истинѣ, «кто Богъ велии яко Богъ нашъ!» Тѣ есть «Богъ творяи чюдеса»,* съдѣла «спасение посредѣ земля»* крестом и мукою на мѣстѣ лобнѣмъ,* въкусивъ оцѣа и зълчи,* да сластнааго въкушения Адамова еже от дрѣва прѣступление* и грѣхъ въкушениемъ горести проженеть.

Си же сътворишеи ему прѣтъкнушася о нь, *акы* о камень*, и съкрушишася, яко же Господь глаголаше: «Падши на камени семь съкрушится, а на немъ же падеть, съкрушитъ ѣ».*

Прииде бо к нимъ, исполняя пророчества, прореченаа о немъ, яко же и глаголаше: «Нѣсмь посланъ, тѣкмо къ овцамъ погыбшимъ дому Израилева»,* и паки: «Не приидохъ разоритъ закона, нѣ исполнитъ»,* и къ хананѣи иноязычници, просящи исцѣлениа дѣщери своеи, глаголаше: «Нѣсть добро отгѣяти хлѣба чядомъ и поврещи псомъ».* Они же нарекоша сего лестца* и *от блуда рождена*,* и о Велизѣвулѣ бѣсы изгоняща.*

Христось слѣпыа ихъ просвѣти, прокаженыа очисти, слукыа исправи, бѣсныа исцѣли, ослабленыа укрѣпи, мертвыа въскрѣси*. Они же яко злодѣа мучивше, крестѣ пригвоздиша.* Сего ради прииде на *ня* гнѣвъ Божий конечныи.

Яко же и сами послуствоваша своеи погыбели. Рекшу Спасу притчю о виноградѣ и о дѣлательех: что убо сътворитъ дѣлательемъ тѣмъ, отвѣщаша: «Злы злѣ погубить я и виноградъ прѣдасть инѣмъ дѣлательемъ, иже въздадять ему плоды въ времена своа»,*— и сами своей погыбели пророци быша.

Приде бо на землю, посѣтитъ ихъ и не приаша его, понеже дѣла ихъ темна бяху, не възлюбиша свѣта, да не явятся дѣла ихъ яко темна суть.*

Сего ради приходя Исусъ къ Иерусалиму, видѣвъ градъ, прослезися о немъ, глаголя, яко: «Аще бы разумѣлъ ты въ день твой съ яже къ миру твоему. Нынѣ же съкрыся отъ очию твоею, яко приидуть дение на тя, и обожать врази твои острогъ о тобѣ, и обидуть тя и обоимуть тя всюду, и разбиють тя и чада твоя въ тобѣ, понеже не разумѣ врѣмене посѣщениа твоего».* И паки: «Иерусалимъ, Иерусалимъ, избивающиа пророки и каменнемъ побивающиа посланыа к тобѣ! Колижды въсхотѣхъ *сбърати* чяда твоя,

как человек, он, вкусив оцта, испустил дух,— но, как Бог, помрачил солнце и потряс землю;

как человек, он положен был во гробе,— но, как Бог, разрушил ад и <страждущие там> души освободил;

как человека, запечатали <его> во гробе,— но, как Бог, он исшел, целыми печати сохранив;

как человека, тщились иудеи утаить воскресение <его>, мздовоздавая страже,— но, как Бога, познанием и ведением <его> исполнились все концы земли.

Воистину, «кто Бог так велик, как Бог наш!» Он — «Бог, творящий чудеса»,— крестом и страданиями на Лобном месте свершил «спасение посреди земли», вкусив оцта и желчи, да вкушением горечи упразднит преступление и грех сладострастного вкушения Адамова от древа <познания добра и зла>.

А сотворившие ему сие преткнулись о него, как о камень <преткновения>, и сокрушились, как и говорил Господь: «Тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит».

Ибо пришел он к ним во исполнение пророчеств, прореченных о нем, как и говорил: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»; и еще: «Не нарушить пришел я закон, но исполнить»; и хананейке, иноплеменнице, просившей об исцелении дочери своей, он говорил: «Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Они же называли его обманщиком и от блуда рожденным и <говорили>: он изгоняет бесов <силою> Веельзевула.

Христос у них отверзал очи слепых, очищал прокаженных, исправлял согбенных, исцелял бесноватых, укреплял расслабленных, воскрешал мертвых. Они же, как злодея, придав мучениям, пригвоздили <его, распяв> на кресте. И потому пришел на них гнев Божий, <который поразил их> до конца.

Они и сами ведь свидетельствовали о погибели своей. В то время как Спаситель, предложив им притчу о винограднике и виноградарях, <вопросил их>: что же <хозяин виноградника> сделает виноградарям тем?— они ответствовали: «Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои»,— и сами были пророками погибели своей.

<Спаситель> ведь пришел на землю, чтобы,— посетив,— помиловать их, но они не приняли его. Поскольку были их дела темны, они не возлюбили свет, чтобы не стали явными дела их, ибо они темны.

И вот, приблизившись к Иерусалиму и увидев град, прослезился Иисус, говоря о нем: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, за то, что ты не узнал времени посещения твоего». И еще: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел я

яко же събираеть кокошь птеньцѣ под крилѣ свои, и не въсхотѣсте. Се оставляется домъ вашъ пустъ!»*

Яко же и бысть. Пришедъше бо римляне, плѣниша Иерусалимъ и разбиша ѿ до основания его.* Иудейство оттолѣ погыбе, и законъ по семь, яко вечернѣи зарѣ, погасе, и расѣяни быша иудеи по странамъ, да не въкупъ злое пребываетъ.

Приде бо Спасъ и не приать бысть от Израиля, и, по евангельскому слову, «въ своа прииде и свои его не приаша».* От языкъ же приать бысть. Яко же рече Иаковъ: «И тѣ чаяние языкомъ».* Ибо и въ рождении его вълсви от языкъ прѣжде поклонишася ему, а иудеи убити его искааху, его же ради и младенця избиша.*

И събысться слово Спасово, яко: «Мнози ото вѣстокъ и западъ приидуть и възлягнуть съ Авраамомъ и Исакомъ и *Иаковомъ* въ царствии небеснѣмъ, а сынове царствия изгнани будутъ въ тму кромѣшнюю».* И паки, яко: «Отимется от васъ царство Божие и дасться странамъ, творящимъ плоды его».*

Къ ним же посла ученики своа, глаголя: «Шедъше въ весь миръ, проповѣдите Евангелие всей твари. Да иже вѣруеть и крѣститься, спасенъ будетъ».* И: «Шедъше, научите вся языки, крѣстяще я въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ».*

Лѣпо бѣ благодати и истинѣ на новы люди вѣсиати. Не вѣливають бо, по словеси Господню, вина новаго учения благодѣтна въ мѣхы вѣтхы, обещавъши въ иудействѣ, «аще ли, то просядутся мѣси и вино пролѣтеться»*. Не могъше бо закона стѣня удержати, но многожды идоломъ поклонявшеся, како истинныа благодѣти удержать учение. Нѣ ново учение — новы мѣхы, новы языки! «И обоє съблюдется».*

Яко же и есть. Вѣра бо благодѣтнаа по всеи земли прострѣся и до нашего языка рускаго доиде. И законное езеро прѣсѣше, евангельскыи же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ разлиася. Се бо уже и мы съ всѣми христиаными славимъ Святую Троицу, и Иудеа молчить; Христосъ славимъ бываетъ, а иудеи кленоми; языци приведени, а иудеи отриновени. Яко же пророкъ Малахиа рече: «Нестъ ми хотѣниа въ сынехъ Израилевѣхъ, и жерты от рукъ ихъ не приму, понеже ото вѣстокъ же и западъ имя мое славимо есть въ странахъ и на всякомъ мѣстѣ темианъ имени моему приносится, яко имя мое велико въ странахъ».* И Давыдъ: «Вся земля да поклонитъ ти ся и поеть тобѣ».* И: «Господи, Господь нашъ, яко чудно имя твое по всеи земли».*

И уже не идолослужителе зовемся, нѣ христианыи, не еще безнадежници, нѣ уповаютьъ въ жизнь вѣчную. И уже не капище сътонино съграждаемъ, нѣ Христовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, нѣ Христосъ за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу и Отцю. И уже не жертвенныа крове вѣкушающе, погыбаемъ, нѣ Христовы пречистыа крове вѣкушающе, съспасаемся.

собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется дом ваш пуст!»!

Так и произошло. Ибо, пришед, римляне пленили Иерусалим и разрушили до основания его. И тогда иудейство пришло к гибели, затем же и закон, как и вечерняя заря, угас, и иудеи рассеяны были среди язычников, чтобы зло не пребывало в скоплении.

Итак, пришел Спаситель, но не был принят Израилем, по словам Евангелия: «Пришел к своим, и свои его не приняли». Языческими народами же был <Христос> принят. Как говорит Иаков: «И он — чаяние языков». Ибо и по рождестве его прежде поклонились ему из язычников волхвы. Иудеи же убить его искали, почему и совершилось избиение младенцев.

И исполнились слова Спасителя: «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном, а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю». И еще: «Отнимется от вас царство Божие и дано будет народам, приносящим плоды его».

К ним же и послал <Христос> учеников своих, говоря: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет». И <еще>: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам».

И подобало благодати и истине воссиять над новым народом. Ибо не вливают, по словам Господним, вина нового, учения благодатного, «в мехи ветхие», обветшавшие в иудействе,— «а иначе прорываются мехи, и вино вытекает». Не сумев ведь удержать закона — тени, но не единожды поклонявшиеся идолам, как удержат учение благодати — истины? Но новое учение — новые мехи, новые народы! «И сберегается то и другое».

Так и совершилось. Ибо вера благодатная распростерлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И озеро закона пересохло, евангельский же источник, исполнившись водой и покрыв всю землю, разлился и до пределов наших. И вот уже со всеми христианами и мы славим Святую Троицу, а Иудея молчит; Христос прославляется, а иудеи проклинаются; язычники приведены, а иудеи отринуты. Как говорил пророк Малахия <от лица Господа Саваофа>: «Нет благоволения моего к сынам Израилевым, и жертвы от рук их не приму, ибо от востока же и запада славится имя мое среди языков и на всяком месте имени моему приносится фимиам, ибо велико имя мое между народами». И Давид: «Вся земля да поклонится тебе и поет тебе». И <еще>: «Господи, Господь наш, как величественно имя твое по всей земле»!

И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами, не без упования еще живущими, но уповающими на жизнь вечную. И уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем, <закалаем> и раздробляем в жертву Богу и Отцу. И уже не <как прежде>, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но, пречистую кровь Христову вкушая, спасаемся.

Вся страны благиы Богъ нашъ помилова и насъ не презрѣ, въсхотѣ и спасе ны, и въ разумъ истинный приведе.*

Пусть бо и прѣсхлѣ земли нашей суши, идольскому зною исушивъши ю, вънезаапу потече источникъ евангельскыи, напаая всю землю нашу. Яко же рече Исаиа: «Разверзется вода ходящимъ по безднѣ, и будетъ безводнаа въ блата, и въ земли жажущи источникъ воды будетъ».*

Бывшемъ намъ слѣпомъ и истиннааго свѣта не видящемъ, нъ въ лъсти идольстии блудящемъ, къ сему же и глухомъ от спасенааго учения, помилова ны Богъ — и въсиа и въ насъ свѣтъ разума, еже познати его, по пророчеству: «Тогда отверзутся очеса слѣпых и ушеса глухых услышать».*

И потыкающемся намъ въ путехъ погыбели, еже бѣсомъ въслѣдовати и пути, ведушааго въ живот, не вѣдушемъ, къ сему же гугънахомъ языки нашими, моляше идолы, а не Бога своего и творца, посѣти насъ челоувѣколюбие Божие. И уже не послѣдуемъ бѣсомъ, нъ ясно славимъ Христа Бога нашего, по пророчеству: «Тогда скочить, яко елень, хромыи, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ».*

И прѣжде бывшемъ намъ яко звѣремъ и скотомъ, не разумѣушемъ десницѣ и шюицѣ и земельныхъ прилежащем, и ни мала о небесныхъ попекущемся, посла Господь и къ намъ заповѣди, ведушаа въ жизнь вѣчную, по пророчеству Иосиину: «И будетъ въ день онъ, глаголетъ Господь, завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами небесными и звѣрьми земельными и реку не людемъ моимъ: «людие мои вы», и ти ми рекутъ: «Господь Богъ нашъ еси ты».*

И тако странни суще, людие Божии нарекохомся, и врази бывше, сынове его прозвахомся.*

И не иудейскы хулимъ, нъ христьянскы благословимъ;

не совѣта творим, яко распяти, нъ яко Распятому поклонитися;

не распинаемъ Спаса, нъ руки к нему въздѣваемъ;

не прободаемъ ребрь, нъ от нихъ приемъ источникъ нетлѣннй;

не тридесати сребра възимаемъ на немъ, нъ «другъ друга и весь животь нашъ» тому прѣдаемъ;

не таимъ възкресения, нъ въ всѣхъ домехъ своихъ зовемъ: «Христосъ възкресе изъ мертвыхъ»;

не глаголемъ, яко украденъ бысть,* но яко възнесеса, идеже и бѣ;*

не невѣруемъ, нъ яко Петръ къ нему глаголемъ: «Ты еси Христосъ, сынъ Бога живааго»,* съ Фомою: «Господь нашъ и Богъ ты еси»,* съ разбойникомъ: «Помяни ны, Господи, въ царствии своемъ».*

И тако вѣрующе къ нему и святыхъ отецъ седми съборъ* прѣдание держаше, молимъ Бога и еще и еще поспѣшити и направити ны на путь заповѣднй его!

Все народы помиловал преблагой Бог наш, и нас не презрел он: восхотел — и спас нас и привел в познание истины!

Тогда как пуста и иссохша была земля наша, ибо идольский зной иссушил ее, внезапно разлился источник Евангельский, напоая всю землю нашу. Как говорит Исаия: «Прольются воды странствующим в пустыне, и превратится <земля> безводная в озеро, и в земле жаждущей будет источник вод».

Тогда как слепы были мы и не видели света истины, но блуждали во лжи идольской, к тому же глухи были к спасительному учению, помиловал нас Бог — и воссиял и в нас свет разума к познанию его, по пророчеству: «Тогда отверзутся очи слепых, и уши глухих услышат».

Тогда как претыкались мы на путях погибели, бесам последуя, и не ведали пути, ведущего в жизнь <вечную>, к тому же и коснели мы языками нашими, молились идолам, а не Богу и творцу своему, посетило нас человеколюбие Божие. И уже не последуем бесам, но ясно славим Христа Бога нашего, по пророчеству: «Тогда воспрянет, как олень, хромой, и речь косноязыких будет ясной».

И хотя прежде пребывали мы в подобии зверином и скотском, не различали мы десницы и шуйцы и, прилежа земному, не заботились нисколько о небесном, ниспослал Господь и нам заповеди, ведущие в жизнь вечную, по пророчеству Осии: «И будет в день тот, говорит Господь, дам завет им быть в союзе с птицами небесными и зверями полевыми, и скажу не моему народу: «ты — народ мой», и он скажет мне: «Ты — Господь Бог мой».

Итак, быв чуждыми, наречены мы народом Божиим, быв врагами, названы сынами его.

И не по-иудейски <потому его> злословим, но по-христиански благословляем;

не совет держим, как распять <его>, но как Распятому поклониться;

не распинаем Спасителя, но руки воздеваем к нему;

не прободаем ребр <его>, но прием из них <текущую животворящую кровь Христову как> источник нетления;

не тридцать сребреников взимаем за <предание> его, но «друг друга и весь живот наш» предаем ему;

не таим воскресения <его>, но во всех домах своих возглашаем: «Христос воскрес из мертвых»;

не говорим, будто был похищен он <из гроба>, но <возвещаем>, что вознесен туда, где и был;

не не веруем, но, как и Петр, к нему зываем: «Ты — Христос, Сын Бога живого» — <и восклицаем вместе> с Фомой: «Ты — Господь наш и Бог» — и с разбойником <благоразумным>: «Помяни нас, Господи, во царствии твоём»!

И так в него веруя и содержа предание святых отцов семи соборов, молим Бога и еще и еще ниспослать <нам> поспешение <свое> и направить нас на путь заповедей его!

И събысться о насъ языцѣх реченое: «Открыеть Господь мышьцу свою святую прѣдъ всѣми языки, и узрять вси конци земля спасение, еже от Бога нашего».*

И другое: «Живу азъ, глаголетъ Господь, яко мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣсться Богу».*

и Исаино: «Всяка дебрь исполнится и всяка гора и холмъ съмѣрится, и будутъ криваа въ праваа, и острии въ пути гладькы, и явится слава Господня, и всяка плоть узреть спасение Бога нашего».*

и Данииле: «Вси людие, племена и языци тому поработають».*

и Давыдъ: «Да исповѣдятся тобѣ людие, Боже, да исповѣдятся тобѣ людие вси! Да възвеселятся и възрадуются языци!».*

и: «Вси языци възплещѣте руками и възкликнѣте Богу гласомъ радости, яко Господь вышнии страшенъ, царь великъ по всеи земли».*

и по малѣ: «Поите Богу нашему, поите; поите цареви нашему, поите, яко царь всеи земли Богъ, поите разумно. Въцарися Богъ надъ языки».*

и: «Вся земля да поклонить ти ся и поеть тобѣ, да поеть же имени твоему, Вышнии».*

и: «Хвалите Господа вси языци, и похвалите вси людие».*

и еще: «От вѣстокъ и до западъ хвално имя Господне. Високъ надъ всѣми языки Господь, надъ небесы слава его».*

«По имени твоему, Боже, тако и хвала твоа на коньчих земля».*

«Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упование всѣмъ концемъ земли и сущимъ въ мори далече».*

и: «Да познаемъ на земли путь твои и въ всѣхъ языцѣх спасение твое».*

и: «Царие земьстии и вси людие, князи и вси судии земьскыи, юношѣ и дѣвы, старци съ юнотами да хвалятъ имя Господне».*

и Исаино: «Послушайте мене, людие мои, глаголетъ Господь, и царе къ мнѣ вънушите, яко законъ от мене изидеть и судъ мои свѣтъ странамъ, приближается скоро правда моа, и изыдетъ, яко свѣтъ, спасение мое; мене острови жидуть и на мышьцу мою страны уповають».

Хвалить же похвалными гласы Римская страна Петра и Паула, имаже вѣрваша въ Исуса Христа, Сына Божиа; Асия и Ефесь, и Патмъ Иоанна Богословьца, Индия Фому, Египеть Марка. Вся страны и гради, и людие чтуть и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша я православнѣи вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера,* вънука старааго Игоря,* сына же славнааго Святослава,* иже въ своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многих, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и невѣдомѣ

Сбылось на нас предреченное о язычниках: «Обнажит Господь святую мышцу свою пред <глазами> всех народов; и все концы земли увидят спасение Бога нашего».

И другое: «Живу я, говорит Господь, предо мною поклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедовать Бога»;

и <пророчество> Исаии: «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Бога нашего»;

и <пророчество> Даниила: «Все народы, племена и языки послужат ему»;

и <пророчество> Давида: «Да восхвалят тебя народы, Боже, да восхвалят тебя народы все! Да веселятся и радуются племена!»;

и <еще>: «Восплещите руками, все народы, воскликните Богу гласом радости; ибо Господь всевышний страшен, — великий царь над всею землею»;

и ниже: «Пойте Богу нашему, пойте; пойте царю нашему, пойте, ибо Бог — царь всей земли; пойте <все> разумно. Бог воцарился над народами»;

и <еще>: «Вся земля да поклонится тебе и поет тебе, да поет же имени твоему, Вышний»;

и <еще>: «Хвалите Господа, все народы, прославляйте <его> все племена»;

и еще: «От восхода <солнца> до запада да будет прославляемо имя Господне. Высок над всеми народами Господь; над небесами слава его»;

<и еще>: «Как имя твое, Боже, так и хвала твоя до концов земли»;

<и еще>: «Услышь нас, Боже, Спаситель наш, упование всех концов земли и находящихся в море далеко»;

и <еще>: «Да познаем на земле путь твой, во всех народах спасение твое»;

и <еще>: «Цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки — да хвалят имя Господа»;

и <пророчество> Исаии: «Послушайте меня, народ мой и цари, приклоните ухо ко мне, — говорит Господь, — ибо от меня произойдет закон, и суд мой <поставлю> во свет для народов; правда моя уже близка; спасение мое восходит, как свет; меня острова ждут, и на мышцу мою уповают народы».

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и

земли владычествоваша, нъ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли.

Сии славнии от славныхъ рожся, благородень от благородных, каганъ нашъ Влодимеръ, и възрасть и укрѣпѣвъ от дѣтескыи младости, паче же възмужавъ, крѣпостию и силою съвершаяся, мужествомъ же и смысломъ прѣдъспѣа. И единоподержецъ бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округняа страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ.

И тако ему въ дни свои живушю и землю свою пасушу правдою, мужествомъ же и смысломъ, приде на нь посѣщение Вышняаго, призрѣ на нь всемилостивое око благааго Бога, и въсиа разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идольскыи льсти и възыскати единого Бога, сътворишааго всю тварь видимую и невидимую.

Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнии земли Гречьскѣ, христолюбиви же и сильнѣ вѣрою, како единого Бога въ Троици чтуть и кланяются, како въ нихъ дѣются силы и чудеса и знамениа, како церкви людии исполнены, како *веси* и гради благовѣрнии вси въ молитвахъ предстоять, вси Богови прѣстоятъ. И си *слышавъ*, въздела сердцемъ, възгорѣ духомъ, яко быти ему христиану и земли его.

Еже и бысть, Богу тако изволившу и *възлюбившу* челоувѣчское ество. Съвлѣче же ся убо каганъ нашъ и съ ризами ветъхааго челоувѣка,* съложи тлѣннаа, оттрясе прахъ невѣриа и вълѣзе въ святую купѣль. И породися от Духа и воды,* въ Христа крестився, въ Христа облѣчеся,* и изиде от купѣли бѣлообразуяся, сынъ бывъ нетлѣнна, сынъ възкрѣшения.* Имя приимъ вѣчно, именито на роды и роды, Василии, имже написася въ книги животныа* въ вышнимъ градѣ и нетлѣннѣимъ Иерусалимѣ.*

Сему же бывъшу, не доселѣ стави благовѣриа подвига, ни о томъ токмо яви сущую въ немъ къ Богу любовь. Нъ подвижесе паче, заповѣдавъ по всеи земли и крѣтитися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и ясно и велегласно въ всѣхъ градѣхъ славитися Святѣи Троици, и всѣмъ быти христианомъ малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, бояромъ и простымъ, богатымъ и убогимъ. И не бы ни единого же противящася благочестному его повелѣнию, да аще кто и не любовию, нъ страхомъ повелѣвшааго крещаахуса, понеже бѣ благовѣрие его съ властию съпряжено.

И въ едино время вся земля наша *въслави* Христа съ Отцемъ и съ Святимъ Духомъ. Тогда начатъ мракъ идольскыи от насъ отходити, и зорѣ благовѣриа явишася; тогда тма бѣсослуганиа погыбе, и слово евангельское землю нашу осиа. Капища разрушаахуса, и церкви поставляахуса, идоли съкрушаахуса, и иконы святыхъ являахуса, бѣси пробѣгааху, крестъ грады свѣщаше.

Пастуси словесныхъ овецъ Христовъ епископи стаа прѣдъ святимъ олтаремъ, жертву бесквернную възносяще; попове и диаconi, и весь кли-

худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружающие народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преемного Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христолюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и веси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил глениое, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславил Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоверия; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идолы сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Пастыри словесных овец Христовых — епископы — предстали святому алтарю, принося бескровную жертву; пресвитеры и диаконы и весь клир

рось, украсиша и въ лѣпоту одѣша святѣя церкви. Апостольскаа труба и евангельскы громъ вси грады огласи; темианъ, Богу въспущаемъ, въздух освяти. Манастиреве на горах стаха, черноризьци явишася. Мужи и жены, и малии, и велиции, вси людие, исполнеше святѣя церкви, въславиша, глаголюще: «Единъ святъ, единъ Господь, Исус Христос, въ славу Богу Отцу, аминь!» Христос побѣди! Христос одолѣ! Христос въцарися! Христос прославися! Великъ еси, Господи, и чудна дѣла твоа!* Боже нашъ, слава тебѣ!».

Тебе же како похвалимъ, о честнии и славнии въ земленыхъ владыкахъ, прѣмужественны Василіе? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодарие въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа и льсти идольскыа избыхомъ, яко твоимъ повелѣниемъ по всей земли твоеи Христос славится? Ли что ти приречемъ, христороубче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо?

Како вѣрова? Како разгорѣся въ любовь Христову? Како въселися въ тя разумъ выше разума земленыхъ мудрець, еже Невидимаго възлюбити и о небесныхъ подвигнутися? Како възиска Христа, како предася ему? Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь, учителю нашъ! Откуда ти припахну воня Святааго Духа? Откуда испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуда въкуси и видѣ, «яко блажь Господь?»*

Не видилъ еси Христа, не ходилъ еси по немъ, како ученикъ его обрѣтесе? Ини, видѣвше его, не вѣроваша; ты же, не видѣвъ, вѣрова.* Поистинѣ бысть на тебѣ блаженство Господа Исуса, реченое къ Фомѣ: «Блаженни не видѣвше и вѣровавше»*. Тѣмже съ дръзновениемъ и несуменно зовемъ ти: о блаженниче! — самому тя Спасу нарекшу. Блаженъ еси, яко вѣрова къ нему и не съблзнися о немъ, по словеси его нельжнууму: «И блаженъ есть, иже не съблзнится о мнѣ».* Вѣдушей бо законъ и пророкы распяша ѥ; ты же, ни закона, ни пророкъ почитавъ, Распятому поклонися.

Како ти сердце разверзесе? Како вниде въ тя страхъ Божии? Како прилѣпися любви его? Не видѣ апостола, пришедша въ землю твою и нищетою своею и наготою, гладомъ и жаждою сердце твое на сѣмѣрѣнне клоняща. Не видѣ бѣсъ изгонимъ именемъ Исусовомъ Христовомъ, болящихъ съдравѣють, нѣмыихъ глаголють, огня на хладъ прилагаема, мертвыхъ встаютъ.* Сихъ всѣхъ не видѣвъ, како вѣрова?

Дивно чудо! Ини царе и властеле, видяше вся си, бывающа от святыхъ мужъ, не вѣроваша, нѣ паче на муки и страсти прѣдаша ихъ. Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо от благааго смысла и остроумиа разумѣвъ, яко есть Богъ единъ творецъ невидимымъ и видимым, небеснымъ и земленнымъ, и яко посла въ миръ спасения ради възлюбенаго Сына своего. И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И еже инѣмъ уродство мнится, тобѣ сила Божиа вѣмѣнися.*

благоукрасили и в благолепие облекли святые церкви. Труба апостольская и гром евангельский огласили все грады; фимиам, возносимый Богу, освятил воздух. Встали на горах монастыри, явились черноризцы. Муж и жены, малые и великие, люди все, наполнившие святые церкви, восславили <Господа>, зывая: «Един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь! Христос победил! Христос одолел! Христос воцарился! Христос прославился! Велик ты, Господи, и чудны дела твои! Боже наш, слава тебе!»

Как же мы тебя восхвалим, о досточестной и славный среди земных владык и премужественный Василий? Как же выразим восхищение твоею добротой, крепостью и силой? И какое воздадим благодарение тебе, ибо приведены тобою в познание Господа и избыли идольское прельщение, ибо повелением твоим по всей земле твоей славится Христос? Или что тебе <еще> примолвим, христороубче, друже правды, вместилище разума, средоточие милости?

Как уверовал? Как воспламенился ты любовью ко Христу? Как вселилось и в тебя разумение превыше земной мудрости, чтобы возлюбить невидимого и устремиться к небесному? Как взыскал Христа, как предался ему? Поведай нам, рабам твоим, поведай же, учитель наш! Откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа? Откуда <возымел> испить от сладостной чаши памятования о будущей жизни? Откуда <восприял> вкусить и видеть, «как благ Господь»?

Не видел ты Христа, не следовал за ним. Как же стал учеником его? Иные, видев его, не веровали; ты же, не видев, уверовал. Поистине, почил на тебе блаженство, о коем говорилось Господом Иисусом Фоме: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Посему со дерзновением и не усомнившись зываем к тебе: о блаженный! — ибо сам Спаситель так назвал тебя. Блажен ты, ибо уверовал в него и не соблазнился о нем, по неложному слову его: «И блажен, кто не соблазнится о мне!» Ибо знавшие закон и пророков распяли его; ты же, ни закона, ни пророков не читавший, Распятому поклонился!

Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился ты любви его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и свою нищетою и наготою, голодом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое. Не видел ты, как именем Христовым бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые встают. Не видев всего этого, как же уверовал?

О дивное чудо! Другие цари и властители, видев все это, святыми мужами свершаемое, <не только> не веровали, но и предавали еще тех на мучения и страдания. Ты же, о блаженный, безо всего этого притек ко Христу, лишь благомыслием и острым умом постигнув, что есть единый Бог, творец <всего> видимого и невидимого, небесного и земного, и что он послал в мир, ради спасения <его>, возлюбленного Сына своего. И сие помыслив, вошел в святую купель. И то, что кажется иным юродством, силой Божией тебе вменилось.

Къ сему же кто исповѣсть многыя твоя ношныя милостыня и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сиршимъ, къ болящимъ, къ дѣлжнымъ, къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо бѣ глаголь, глаголаный Данииломъ къ Науходоносору: «Свѣтъ мой да будетъ ти годѣ, царю Науходоносору, грѣхы твоя милостынями оцѣсти и неправды твоя щедротами нищихъ».* Еже слышавъ ты, о честьниче, не до слышания стави глаголаное, нѣ дѣломъ съконча,* просящимъ подаваа, нагыя одѣвая, жадныя и алчныя насыщая, болящимъ всяко утѣшение посылаа, должныя искупаая, работнымъ свободу дая.

Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ чловѣцѣхъ поминаемы суть, паче же пред Богомъ и ангеломъ его. Ея же ради доброприлюбныя Богомъ милостыня, много дръзновение имѣши къ нему, яко присныи Христовъ рабѣ. Помагаеть ми словеси рекыи: «Милость хвалится на *судѣ*».* И: «Милостыни мужу, акы печать съ нимъ».* Вѣрнѣ же самого Господа глаголь: «Блажени милостивии, яко *ти* помиловани будутъ».*

Ино же, яснѣ и вѣрнѣ послушество приведемъ о тебѣ от Святыихъ писании, реченое от Иакова апостола, яко: «Обративый грѣшника от заблуждения пути его спасеть душу от смерти и покрыеть множество грѣховъ».*

Да аще единого чловѣка обративъ шууму толико възмездие от благааго Бога, то какво убо спасение обрѣте, о Василие? Како брѣмя грѣховное расыпа, не единого обративъ чловѣка от заблуждения идольскыя лъсти, ни десяти, ни града, нѣ всю область сию.

Покажаетъ ны и увѣряеть самъ Спасъ Христос, какая тя славы и чести сподобилъ есть на небесѣхъ, глаголя: «Иже исповѣсть мя прѣд чловѣкы, исповѣмъ ѿ и азъ прѣд Отцемъ моимъ, иже есть на небесѣхъ».* Да аще исповѣдание приемлеть о собѣ от Христа къ Богу Отцу исповѣдавыи его токмо прѣд чловѣкы, колико ты похваленъ от него имаши быти, не токмо исповѣдавъ, яко «Сынъ Божии есть Христос»,* нѣ и вѣру его уставль, не въ единомъ съборѣ, нѣ по всей земли сеи, и церкви Христови поставль, и служителя ему въведъ.

Подобниче великааго Коньстантина,* равноумне, равнохристолюбче, равностителю служителемъ его! Онъ съ святыими отци Никеискааго Събора* закон чловѣкомъ полагааше, ты же съ новыми нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ съмѣрениемъ свѣщаваашеся, како въ чловѣцѣхъ сихъ ново познавшихъ Господа законъ уставити. Онъ въ елинѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори, ты же — в Руси: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христос царемъ зовется. Онъ съ матерію своею Еленою* крестъ от Иерусалима принесъша* и по всему миру своему раславъша, вѣру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и *сега* по всей земли своеи поставивша, утвердиста вѣру. Егоже убо подобникъ сыи, съ тѣмъ же единою

Ко всему тому, кто поведает о множестве милостынь твоих и щедрот, денно и ночью творимых убогим, сиротам, вдовам, должникам и всем, взывающим о милости? Ибо слышал ты слова, изреченные Даниилом <царю> Навуходоносору: «Да будет благоугоден тебе совет мой, царь Навуходоносор: искупи грехи милостынями и беззакония твои щедротами к бедным». Слышав это, о досточтимый, не довольствовался ты только слышанием, но на деле исполнил сказанное, просящим подавая, нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщая, болящих утешением всяческим утешая, должников выкупая, рабам даруя свободу.

И щедроты и милости твои и поныне поминаются в народе, но тем более — пред Богом и ангелом его. Ради милосердия твоего, благоугодного Богу, имеешь ты великое дерзновение пред ним, как присный раб Христов. В сем поспешествует мне изрекший <такие> слова: «Милость превозносится над судом». И <еще>: «Милостыня человека — как печать у него». Вернее же слова самого Господа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Приведем из Священного писания и иное, более ясное и верное свидетельство о тебе, изреченное апостолом Иаковом: «Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов».

Если же таково воздаяние от преемного Бога обратившему даже одного человека, то какое же блаженство приобрел ты, о Василий? Какое упразднил ты время греховное, обратив от заблуждения идольского прельщения не одного человека, не десять, не град, но всю область сию?

Сам Христос Спаситель дарует нам уверение и показывает нам, какой славы и чести сподобил он тебя на небесах, говоря: «Всякого, кто исповедает меня пред людьми, того исповедаю и я пред Отцом моим небесным». Но если только лишь исповедавший Христа пред людьми исповедан будет им пред Богом <и> Отцом, то какой похвалы сподобишься от него ты, не только исповедавший, что «Христос есть Сын Божий», но исповедавший и веру утвердивший в него, — не на одном соборе, а по всей земле сей, — и воздвигший церкви Христовы, и поставивший служителей ему?

О подобный великому Константину, равный <ему> умом, равный любовью ко Христу, равный почтительностью к служителям его! Тот со святыми отцами Никейского Собора полагал закон народу <своему>, — ты же, часто собираясь с новыми отцами нашими — епископами, со смирением великим совещался <с ними> о том, как уставить закон народу нашему, новопознавшему Господа. Тот покори́л Богу царство в еллинской и римской стране, ты же — на Руси: ибо Христос уже как и у них, так и у нас зовется царем. Тот с матерью своею Еленой веру утвердил, крест принеся из Иерусалима и по всему миру своему распространив <его>, — ты же с бабкою твоею Ольгой веру утвердил, крест принеся из нового Иерусалима, града Константинова, и водрузив <его> по всей земле твоей. И, как подобного ему, соделал тебя Господь на небесах со-

славы и чести обещаника сътворилъ тя Господь на небесѣхъ благовѣриа твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ.

Добръ *послухъ* благовѣрию твоему, о блаженниче, святаа церкви Святыа Богородица Мариа,* юже създа на правовѣрнѣи основѣ, идеже и мужьственное твое тѣло нынѣ лежит, жида трубы архангельскы.*

Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгии,* егоже сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, нѣ утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрию положениа, но паче прилагающа, не *казяща*, нѣ учиняюща. Иже недокончаная твоя законьча, акы Соломонъ Давыдова,* иже дом Божии великыи святыи его Премудрости създа* на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси: златомъ и серебромъ, и каменiemъ драгымъ, и съсуды честными. Яже церкви дивна и славна всѣмъ округниимъ странамъ, яко же ина не обрящется въ всемъ полуношии земнѣмъ ото вѣстока до запада.

И славныи градъ твой Киевъ величествомъ, яко вѣнцемъ, обложилъ, прѣдалъ люди твоа и градъ святыи, всеславныи, скорѣи на помощь христианомъ Святѣи Богородици, еи же и церковь на Великыхъ вратѣхъ създа въ имя первааго Господьскааго праздника — святааго Благовѣщениа,* да еже цѣлование архангель дасть Дѣвици, будетъ и граду сему. Къ оной бо: «Радуися, обрадованаа! Господь с тобою!»,* къ граду же: «Радуися, благовѣрныи граде! Господь с тобою!»

Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего! Въстани, оттряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, нѣ спиши до обещааго всѣмъ вѣстаниа. Въстани, нѣси умерлъ! Нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшу въ Христа, живота всему миру.* Оттряси сонъ, възведи очи, да видиши, какая тя чѣсти Господь тамо съподобивъ, и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Въстани, виждь чадое свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь егоже Господь изведе от чреслъ твоихъ, виждь красящааго столь земли твоеи — и возрадуися и възвеселися!

Къ сему же виждь благовѣрную сноху твою Ерину,* виждь вѣнуку твоа и правнуку: како живутъ, како храними суть Господемъ, како благовѣрие держать по предаанию твоему, како въ святыа церкви чястятъ, како славятъ Христа, како поклоняются имени его.

Виждь же и градъ, величествомъ сияющъ, виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще, виждь град, иконами святыихъ освѣщаемъ и блистающеса, и тимьяномъ обухаемъ, и хвалами божественными и пѣниими святыими оглашаемъ. И си вся видѣвъ, возрадуися и възвеселися и похвали благааго Бога, всѣмъ симъ строителя!

Видѣ же, аще и не тѣломъ, нѣ духомъ показаеть ти Господь вся си, о нихъже радуйся и веселися, яко твое вѣрное *въстание* не исушено бысть

причастником одной с ним славы и чести <в награду> за благочестие твое, которое стяжал ты в жизни своей.

Доброе свидетельство твоего, о блаженный, благочестия — святая церковь Пресвятой Богородицы Марии, которую воздвиг ты на православном основании и где и поныне мужественное тело твое лежит, ожидая архангельской трубы.

Доброе же весьма и верное свидетельство <тому> — и сын твой Георгий, которого соделал Господь преемником власти твоей по тебе, не нарушающим уставов твоих, но утверждающим, не сокращающим учреждений твоего благоверия, но более прилагающим, не разрушающим, но созидающим. Недоконченное тобою он докончил, как Соломон — <предпринятое> Давидом. Он создал дом Божий, великий и святой, <церковь> Премудрости его, — в святость и освящение граду твоему, — украсив ее всякою красотою: и золотом, и серебром, и драгоценными камнями, и дорогими сосудами. И церковь эта вызывает удивление и восхищение во всех окрестных народах, ибо вряд ли найдется иная такая во всей полуношной стране с востока до запада.

И славный град твой Киев он окружил величием, как венцом, и народ твой и град святой предал <в покровительство> скорой помощнице христианам Пресвятой и Преславной Богородице, которой на Великих вратах и церковь воздвиг во имя первого Господского праздника — святого Благовещения, чтобы приветствие, возвещенное архангелом Деве, прилагалось и к граду сему. И если той <возвещено было>: «Радуйся, благодатная! Господь с тобою!», то граду: «Радуйся, град православный! Господь с тобою!»

Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! Ибо не умер ты, но спишь до всеобщего востания. Встань, не умер ты! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, <который есть> жизнь, <дарованная> всему миру. Отряси сон <свой>, возведи взор и узришь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там, <на небесах>, и на земле не без памяти оставил в сыне твоём. Встань, посмотри на чадо свое, Георгия, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, что Господь извел от чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей — и возрадуйся и возвеселись!

Посмотри же и на благоверную сноху твою Ирину, посмотри на внуков твоих и правнуков: как они живут, как хранимы Господом, как соблюдают правую веру, данную <им> тобой, как прилежат к святым церквам, как славят Христа, как поклоняются имени его.

Посмотри же и на град <твой>, величием сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство возрастающее, посмотри на град, иконами святых блистающий и <ими> освящаемый, фимиамом благоухающий, славословиями божественными <исполненный> и песнопениями святыми оглашаемый. И, все это видев, возрадуйся и возвеселись и восхвали преблагого Бога, устроителя всего!

Но ты уже видел <сие>, хотя и не телесными <очами>, но духом, <ибо> Господь открывает тебе все то, о чем подобает радоваться и веселиться.

зноемъ невѣриа, нъ дождемъ Божиа поспѣшениа распложено бысть много-
плоднѣ.

Радуйся, въ владыкахъ апостоле, не мертвыа тѣлеса въскрѣшав,
нъ душею ны мертвы, умерышаа недугомъ идолослужениа въскрѣсивъ!
Тобою бо обожихомъ и Живота Христа познахомъ. Съкорчени бѣхомъ от
бѣсовьскыа лъсти и тобою прострохомся и на путь животный наступи-
хомъ; слѣпи бѣхомъ сердечными очима, ослѣплени невидѣниемъ, и то-
бою прозрѣхомъ на свѣтъ трисолнечнаго Божьства; нѣми бѣхомъ, и
тобою проглаголахомъ. И нынѣ уже мали и величѣи славимъ единосуш-
ную Троицу.

Радуйся, учителю нашъ и наставниче благовѣрию! Ты правдою бѣ
облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истиною обутъ,* съмысломъ вѣнчанъ и
милостынею яко гривною и утварью златою красуюся. Ты бѣ, о честнаа
главо, нагымъ одѣние, ты бѣ алчными кѣрмитель, ты бѣ жаждующимъ
утробѣ ухлаждение, ты бѣ въдовицамъ помощник, ты бѣ страннымъ по-
коище, ты бѣ бескровнымъ покровъ, ты бѣ обидимымъ заступникъ, убо-
гимъ обогащение.

Имъже благымъ дѣломъ и инѣмъ възездие приемля на небесѣхъ,
блага, «яже уготова Богъ вамъ, любящимъ его»,* и зрѣния сладкааго лица
его насыщаяся, помолися о земли своеи и о людехъ, въ нихъже благовѣрно
владычествова, да съхранить а въ мирѣ и благовѣрии прѣданѣмъ тобою, и да
славится въ немъ правовѣрие, и да кленется всяко еретичество, и да съблюдетъ
а Господь Богъ от всякоа рати и плѣнениа, от глада и всякоа скорби и
сътуждениа!

Паче же помолися о сынѣ твоемъ, благовѣрнѣмъ каганѣ нашемъ Геор-
гии, въ мирѣ и въ съдравии пучину житиа прѣплути и въ пристанищи
небеснааго завѣтрѣя пристати, неврѣдно корабль душевны и вѣру съхраньшу,
и съ богатествомъ добрыми дѣлы, безъ блазна же Богомъ даныа ему люди
управивъшу, стати с тобою непостыдно прѣд прѣстоломъ Вседръжителя Бога
и за трудъ паствы людѣи его приати от него вѣнецъ славы нетлѣнныа съ
всѣми праведными, трудившимися его ради.

МОЛИТВА

Симъ же убо, о Владыко, Царю и Боже нашъ, высокѣи и славне,
человѣколюбче, въздаяи противу трудомъ славу же и честь и причастники
творя своего царьства, помяни, яко благъ, и насъ, нищихъ твоихъ, яко имя
тобѣ человѣколюбецъ! Аще и добрыхъ дѣлъ не имѣемъ, нъ многыа ради мило-
сти твоеа спаси ны, «мы бо людѣе твои и овцѣ паствы твоеи»,* и стадо, еже
ново начать пасти, исторгъ от пагубы идолослужениа!

Ибо семена веры, тобою посеянные, не иссушены зноем неверия, но, <орошенные> дождем Божия поспешения, принесли многообильные плоды.

Радуйся, апостол среди владычествующих, воскресивший не мертвые тела, но нас воскресивший, мертвых душою, смерть претерпевших от недуга идолослужения! Ибо тобою приблизились мы к Богу и познали Жизнь <Божественную> — Христа. Согбены были мы, подпав бесовскому прельщению, но тобою исправлены и вступили на путь жизни <вечной>; слепы были мы сердечными очами, лишены <духовного> видения, но поспешением твоим прозрели, увидев свет трисолнечного Божества; немы были мы, но тобою возвращен нам дар слова. И ныне уже <все> мы, малые и великие, славим единосущную Троицу.

Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облечен был правдою, препоясан крепостью, обут истиной, венчан добромыслием и, как гривною и золотою утварью, украшен милосердием. Ты, о честная глава, был нагим — одеяние, ты был алчущим — насыщение, ты был жаждущим — охлаждение их утробы, ты был вдовам — вспомоществование, ты был странствующим — обиталище, ты был обидимым — заступление, убогим — обогащение.

<В утешение> за эти и иные добрые дела приемля воздаяние на небесах, <вкушая> блага, «что приготовил Бог вам, любящим его», и насыщаясь сладостным лицезрением его, помолись, <о блаженный>, о земле своей и о народе, которым благочестно владычествовал ты, да сохранит его <Господь> в мире и благочестии, данном <ему> тобою, и да славится в нем правая вера и да проклинается всякая ересь, и да соблюдет его Господь Бог от всякого нашествия и пленения, от глада и всякой скорби и напасти!

И еще помолись о сыне твоём, благоверном князе нашем Георгии, да в мире и здравии переплыть <ему> пучину жизни <сей> и неврежденно привести корабль душевный <свой> к безбурному пристанищу небесному, и веру сохранив, и с богатством добрых дел, да, непреткновенно управив Богом вверенный ему народ, вместе с тобою непостыдно предстать <ему> престолу Вседержителя Бога и за труды пастьбы народа своего приять от него венец славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися ради него.

МОЛИТВА

О Владыко, царю и Боже наш, высокий и славный, о человеколюбче, по трудам воздающий <праведникам> сим славу же и честь и причастниками творящий царства своего, помяни, Благий, и нас, убогих твоих, ибо человеколюбче — имя твое! Хотя и не имеем мы добрых дел, но спаси нас по великой твоей милости, ибо мы — «народ твой и твоей пажити овцы», стадо <твое>, кое недавно ты начал пасти, исторгнув из пагубы идолослужения!

Пастырю добрый, положивши душу за овцѣ,* не остави насъ, аще и еще блудимъ, не отверзи насъ, аще и еще съгрѣшаемъ ти, акы новокупленни раби, въ всемъ не угодяще Господу своему; не възгнушаися, аще и мало стадо, нъ рци къ намъ: «Не боися, малое стадо, яко благоизволи Отець вашъ небесный дати вамъ Царьствие!»*

Богатыи милостию* и благии щедротами, обѣщався приимати кающася и ожидааи обращения грѣшныхъ,* не помяни многихъ грѣхъ нашихъ, приими ны обращающася к тобѣ, заглади рукописание съблазнъ нашихъ, укроти гнѣвъ, имже рагнѣвахомъ тя, челоуѣколюбче, ты бо еси Господь, владыка и творецъ и в тобѣ есть власть или жити намъ или умрѣти.

Уложи гнѣвъ милостиве, егоже достойни *есмы* по дѣломъ нашимъ, мимоведи искушение, яко персть *есмы* и прахъ* и не въниди въ судъ съ рабы своими,* мы людие твои,* тебе ищемъ, тобѣ припадаемъ, тобѣ ся мили дѣемъ; съгрѣшихомъ и злаа сътворихомъ, не съблюдохомъ, ни *схранихомъ*, якоже заповѣда намъ!*

Земнии суще, къ земнымъ прѣклонихомъся и лукавая съдѣяхом предъ лицомъ славы твоеа, на похоти плотяныа прѣдахомся, поработихомся грѣхови и печалемъ житиискамъ, быхомъ бѣгуни своего Владыкы. Убози от добрыхъ дѣлъ, окаянии злаго ради житиа, каемся, просимъ, молимъ: каемся злыхъ своихъ дѣлъ, просимъ, да страхъ твой послещи въ сердца наша, молимъ, да на Страшнѣмъ Судѣ помилуетъ ны. Спаси, ущедри, призри, посѣти, умилосердися, помилуй, твой бо *есмы*, твое создание, твоею руку дѣло!*

«Аще бо безакониа назриши, Господи, кто постоить?»* Аще въздаси комуждо по дѣломъ, то кто спасется? Яко от тебе оцѣщение есть, яко от тебе милость и много избавление,* и души наши въ руку твою, и дыхание наше въ воли твоеи.* *Донелѣ* же-бо благопризирание твое на насъ, благоденствуемъ, аще ли съ яростию призриши, ищезнемъ, яко утреняа роса.* Не постоитъ бо прахъ противу бури, и мы противу гнѣву твоему!

Нъ яко тварь отъ сътворивъшааго ны милости просимъ: помилуй ны, Боже, по велицѣи милости твоеи!* Все бо благое от тебе на нас; все же неправедное от насъ к тобѣ. Все бо уклонихомся, все въкупѣ неключими быхомъ,* нѣсть от насъ ни единого о небесныхъ тѣшася и подвижающа, нъ вси о земныхъ, вси о печалехъ житиискыхъ: «яко оскудѣ прѣподобныхъ»* на земли. Не тебе оставляющу и прѣзрящу насъ, но намъ тебе не възискающемъ, нъ видимыхъ сихъ прилежащемъ. Тѣмже боимся, егда сътвориши на насъ, яко на Иеросалимѣ, оставлешииъ тя и не ходившииъ въ пути твоя. Нъ не сътвори намъ яко и онѣмъ по дѣломъ нашимъ, ни по грѣхомъ нашимъ въздай намъ,* нъ терпѣ на насъ, и еще долго терпе, устави гнѣвныи твои пламень, *простираюшться* на ны, рабы твоя, самъ направля ны на истину твою, научая ны творити волю твою. Яко ты еси

Пастырь добрый, положивший душу <свою> за овец, не оставь нас, хотя и доселе блуждаем, не отвергни нас, хотя и доселе согрешаем тебе вопреки, подобно новообретенным рабам, ни в чем не угождающим господину своему; не возгнушайся, хотя и малое стадо <мы>, но скажи нам: «Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш небесный благоволил дать вам Царство»!

<Боже>, милостью богатый и щедрый, обещавший принять кающегося и ожидающий обращения грешников, не помяни множество грехов наших, прими нас, обращающихся к тебе, изгладь рукописание прегрешений наших, угаси гнев <твой>, коим разгневали тебя, человеколюбче, ибо ты — Господь <наш>, владыка и творец и во власти твоей — или жить нам, или умереть!

Отрини гнев <твой, Боже> милостивый, коего достойны мы по делам нашим, отведи искушение, ибо персть и прах есть мы, и не входи в суд с рабами твоими, <ибо> мы — народ твой <и> тебя ищем, к тебе припадаем, пред тобою сокрушаемся: согрешили и злое сотворили, не соблюли, не сохранили того, что заповедал нам ты!

Как земные, преклонились мы к земному и злое сотворили в явление славы твоей, предались похотям плотским, поработились греху и суете житейской, быв беглецами от Владыки своего. Нищенствуя добрыми делами, окаянные по злomu житию, каемся, просим и молим <тебя>, <Господи>: каемся о злых делах своих, просим о ниспослании страха твоего в сердца наши, молим о помиловании нас на Страшном Суде <твоём>. Спаси, щедроты даруй, призри, посети, яви милосердие <твое> и помилуй <нас, Боже>, ибо твои мы, создание твое, дело рук твоих!

«Если ты, <Господи>, будешь замечать беззакония, — Господи, кто устоит?» Если будешь воздавать каждому по делам <его>, — кто спасется? Ибо у тебя прощение, ибо у тебя милость и многое избавление, и души наши в руке твоей, и дыхание наше в воле твоей! И пока благопризираешь на нас — благоденствуем мы, если же с яростью воззришь — исчезнем, как утренняя роса. Ибо не может противостоять пыль — буре, а мы — гневу твоему!

Но, будучи творением <твоим>, просим милости у сотворившего нас: помилуй нас, Боже, по великой милости твоей! Ибо все благое — от тебя к нам; все же несправедное — от нас к тебе. Ведь все мы уклонились, все вместе непотребны; нет ни единого из нас, подвизающегося и ревнующего о небесном; но все <пекутся> о земном, все <погрязли> в суете житейской: «ибо не стало праведного» на земле. И не потому, что ты оставил и презрел нас, но потому, что мы не ищем тебя, а прилежим сему видимому. И страшимся потому, дабы и нам не сотворил ты то же, что и Иерусалиму, оставившему тебя и не ходившему втайне путями твоими. Но по делам нашим не сотвори нам, как и <граду> тому, и по грехам нашим не воздай нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева твоего, простирающийся на нас, рабов твоих, Сам направляя нас на <пути> истины твоей и

Богъ нашъ, и мы людие твои,* твоа часть, твое достояние.* Не въздѣваемъ бо «рукъ нашихъ къ богу туждему»,* ни послѣдовахомъ лъжууму коему про- року, ни учения еретическаа держимъ, нъ тебе призываемъ истиньнааго Бога* и къ тебѣ, живущему на небесѣхъ, очи наши възводимъ,* къ тебѣ руки наши въздѣваемъ, молимъ ти ся; отъдаждь намъ, яко благи чело- ловѣколюбець, помилуй ны, призываа грѣшники въ покаание,* и на Страшнѣмъ твоємъ Судѣ деснааго стояниа не отлучи насъ, нъ благослов- ления праведныхъ причасти насъ! И донелѣ же стоитъ миръ, не наводи на ны напасти искушения, ни прѣдай насъ въ руки чюжиихъ, да не прозоветься градъ твои градъ плѣненъ и стадо твое «пришельци въ земли не своеи»,* да не рекутъ страны: «где есть Богъ их?»,* не попуцаи на ны скорби и глада, и напрасныхъ съмертии, огня, потопления!

Да не отпадутъ отъ вѣры нетвердии вѣроу, малы показни, а много помилуй, малы язви, а милостивно исцѣли,* въ малѣ оскорби, а въ скорѣ овесели, яко не трѣпять наше естество дълго носити гнѣва твоего, яко стеб- лие огня!

Нъ укротися, умилосердися, яко твое есть еже помиловати и спа- сти; тѣмже продѣлжи милость твою на людехъ твоихъ: ратныа прогоня, миръ утверди, страны укроти, глады угобзи, владыкѣ наши огрози стра- намъ, боляры умудри, грады расили, Церковь твою възрасти, достояние свое съблуди, мужи и жены, и младенцѣ спаси, сушаа въ работѣ, въ плонении, въ заточении, въ путехъ, въ плавании, въ темницахъ, въ алкотѣ и жажди и наготѣ — вся помилуй, вся утѣши, вся обрадуи, радость творя имъ и тѣлесную и душевную!

Молитвами, молениемъ прѣчистыа ти Матери и святыихъ небес- ныхъ силъ, и Прѣдтечи твоего и Крестителя Иоанна, апостоль, про- рокъ, мученикъ, преподобныхъ и всѣхъ святыихъ молитвами умилосердися на ны и помилуй ны, да милостью твоею пасомы въ еди- нении вѣры въкупѣ весело и радостно славимъ тя Господа нашего Исуса Христа съ Отцемъ, съ Пресвятымъ Духомъ, Троицу нераздѣлну, едино- божествену, царствующу на небесѣхъ и на земли ангеломъ и че- ловѣкомъ, видимѣи и невидимѣи твари, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь!

Вѣрую въ единого Бога Отца вседръжителя, творца небу и земли, и видимымъ, и невидимымъ.

И въ единого Господа Исуса Христа, Сына Божия, единачааго, отъ Отца рожденааго прѣжде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна

научая нас творить волю твою. Ибо ты — Бог наш, а мы — народ твой, часть твоя, достояние твое. И не воздеваем мы «руки наши к богу чужому», и не последуем некоему ложному пророку, и не держимся еретического учения, но тебя призываем, Бога истинного, и к тебе, живущему на небесах, возводим очи наши, к тебе воздеваем руки наши, тебе молимся: прости нам, благий и человеколюбец, помилуй нас, призывающий «грешников к покаянию», и на Страшном Суде твоём не лиши нас стояния одесную <тебя>, но сопричти нас благословению праведников! И, доколе стоит мир <сей>, не наводи на нас напасти и искушения, не предай нас в руки иноплеменников, да не зовется град твой градом плененным, а <овцы> стада твоего — «пришельцами в земле не своей», да не скажут язычники: «где Бог их?», <и> не попусти на нас скорби, глады и внезапной смерти, огня и наводнения!

Да не отпадут от веры слабые в вере, в меру наказывай, но безмерно милуй, в меру уязвляй, но милостиво исцеляй, в меру ввергай в скорбь, но вскоре утешай, ибо не в силах естество наше долго сносить гнев твой, как и солома — огонь!

Но яви кротость и милосердие <твое>, ибо тебе подобает миловать и спасать; не престань в милости твоей к народу твоему: врагов изгони, мир утверди, языки усмири, глады утоли, владык наших угрозой языкам сотвори, бояр умудри, грады <умножь и насели>, Церковь твою возрасти, достояние твое соблюди, мужей и жен с младенцами спаси, пребывающих в рабстве, в пленении, в заточении, в пути, в плавании, в темницах, в алкании и жажде и наготе — всех помилуй, всем утешение даруй, всех возрадуй, подавая им радость и телесную, и душевную!

Молитвами и молением пречистой твоей Матери, и святых небесных сил <бесплотных>, и Предтечи твоего и Крестителя Иоанна, <святых> апостолов, пророков, мучеников, преподобных и молитвами всех святых яви нам милосердие <твое, Боже>, и помилуй нас, да, милостию твоею пасомые, в единении веры совместно славим в веселии и радости тебя, Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и с Пресвятым Духом, Троицу нераздельную, единобожественную, царствующую на небе и на земле, <владеющую> ангелами и человеческим родом, видимым <же всем> и невидимым, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ

Верую во единого Бога Отца, вседержителя, творца неба и земли, и <всего> видимого и невидимого.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, от Отца рожденного прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного,

от Бога истинна, рождена, а не сътворена, единосущна Отцу, имже вся быша;

насъ ради человекъ, и за наше спасение съшедшааго съ небесъ, и въплотьшааго от Духа Свята и Марии Дѣвицѣ, въчеловѣчъшася;
и распята за ны при Понѣтѣстѣмъ Пилатѣ, страстьна и погребена;
въскресьшааго въ третии день по Писаниемъ;
въшедшааго на небеса, и сѣдяща одесную Отца;
и пакы грядуща съ славою судити живымъ и мертвымъ, егоже царствию нѣсть конца.

И въ Духа Святааго, Господа, и животворящааго, исходящааго отъ Отца, иже съ Отцемъ и съ Сыномъ съпоклоняемъ и съславимъ, глаглаваго пророкы.

Въ едину святую, съборную и апостольскую церковь.
Исповѣдаю едино крещение въ оставление грѣховъ;
чаю въскрѣшениа мертвымъ
и жизни будущааго вѣка. Аминь.

Вѣрую въ единого Бога, славимаго въ Троици: Отца нерождена, безначала, бесконечна, Сына же рождена, събезначална же и бесконечна, Духа Свята, исходяща изъ Отца и въ Сынѣ являющася, събезначальна же такожде и равна Отцу и Сыну,— Троицу единосущну, лица же раздѣляющуся, Троицу имени, единого же Бога.

Не съливаю раздѣления, ни съединения раздѣляю, съвокупаются несмѣсно и разделяются нераздѣлнѣ. Отець бо нарицается, понеже не рождень; Сынъ же — рождения ради; Духъ же Святыи — исхода ради, нъ неотходень. Не бываетъ же Отець Сынъ, ни Сынъ Отець, ни Духъ Святыи Сынъ, нъ комуждо свое несмѣсно суще развѣ Божества. Едино бо есть Божество въ Троици, едино господство, едино царство, обще трисвятное от херувимъ, обещъ поклонъ от ангель и человекъ, едина слава и благодарение — от всего мира.

Того единого Бога вѣдѣ и тому вѣрую, въ негоже имя и крестихъся: въ имя Отца и Сына и Святааго Духа. И ако же приахъ от писания святыхъ отецъ, тако научихся!

И вѣрую и исповѣдаю, яко Сынъ, благоволениемъ Отчемъ и Святааго Духа хотѣниемъ, съниде на землю спасти родъ человекъскъ, небесъ и Отца не отлучися, и, Святааго Духа осѣнениемъ, въселися въ утробу Дѣвицѣ Марии и зачатъся, якоже самъ единъ вѣсть, и родися бе-сѣмене мужеска, матеръ дѣвицею съхранъ, якоже и лѣпо Богу, и въ рождство, и преже рождства, и по рождствѣ, Сыновства не отложъ.

На небеси бо безматеренъ, на земли же безъ отца, въздоися, яко человекъ, и воспитася, и бысть человекъ истиненъ, не привидѣниемъ, нъ

рожденного, а не сотворенного, единосущного Отцу, которым все было <создано>;

нас ради человек и нашего ради спасения сошедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, <и> вочеловечившегося;
и распятого за нас при Понтии Пилате, <и> страдавшего, и погребенного;
<и> воскресшего в третий день, по Писаниям;
<и> восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца;
и снова грядущего со славою судить живых и мертвых, царству которого не будет конца.

И в Духа Святого, Господа, и животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и с Сыном приемлющего поклонение и сославимого, глаголавшего в пророках.

Во единую святую, соборную и апостольскую церковь.

Исповедую единое крещение в отпущение грехов;

ожидаю воскресения мертвых

и жизни в будущем веке. Аминь.

Верую во единого Бога, в Троице славимого: Отца нерожденного, безначального, бесконечного, Сына же рожденного, но собезначального Отцу и собесконечного, <и> Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне являющегося, но также собезначального и равного Отцу и Сыну,— <в> Троицу единосущную, но разделяющуюся лицами, Троицу по именам, но единого Бога.

Не сливаю разделения и соединения не разделяю, <ибо три Божественные лица> соединяются неслитно и разделяются нераздельно. И Отец именуется <так>, поелику рождает <Сына>; Сын же — по причине рождения <от Отца>; а Дух Святой — по причине исхождения <от Отца>, будучи, однако, <с ним> не разлучен. И Отец не есть Сын, и Сын не <есть> Отец, и Дух Святой не <есть> Сын, но каждому <лицу> присуще неслитное собственное качество, <принадлежащее ему> помимо Божества. Ибо в Троице едино Божество, едино господство, едино царство и <подобает ей> общее трисвятое от херувимов, общее поклонение от ангелов и человеческого рода, единая слава и благодарение — от всего мира.

Того единого Бога ведаю и в того верую, во имя которого и крестился: во имя Отца и Сына и Святого Духа. И как восприял из писаний святых отцов, так и научился!

И верую <также> и исповедую, что Сын <Божий>, благоволением Отчим и соизволением Духа Святого, сошел на землю для спасения рода человеческого,— не <оставив> небес и с Отцом не разлучившись,— и, осеменением Духа Святого, вселился во утробу Девы Марии и зачатие претерпел образом, ведомым ему одному, и родился не от семени мужского, мать <свою> девою сохранив, как и приличествует Богу, и прежде рождества, и в рождестве, и по рождестве <своем, но> не отложил <Божественного> Сыновства.

На небесах — без матери, на земле же — без отца, <Христос> был вскормлен млеко и воспитан, как человек, и был истинный человек, не

истинно въ нашей плоти. Исполнь Богъ, исполнь челоувѣкъ въ двѣ естествоѣ и хотѣнии воли, еже бѣ, не отложивъ, и еже не бѣ, възя.

Пострада плотию, яко челоувѣкъ, мене ради и Божествомъ бе-страсти, яко Богъ, прѣбы. Умрѣ бесьмертныи, да мене мертва оживить; съниде къ аду, да прадѣда моего Адама възставить и обожить, и диавола съвяжетъ. Въста, яко Богъ, изиде изъ мертвыхъ, яко побѣдитель Христос, царь мой, тридневно, и являся многькраты ученикомъ своимъ, възиде на небеса къ Отцю, егоже не отлучилъся бѣ, и сѣде одесную его.*

Чаю же его паки придуша съ небесе, нъ не отай, яко же прѣжде, нъ въ славѣ Отъчи съ небесными вои. Ему же мертвни гласомъ архангельскимъ противу изидуть;* и тѣ иматъ судити живымъ и мертвымъ, и въздати комуждо по дѣломъ.

Вѣрую же и въ 7 Съборъ правовѣрныхъ святыхъ отецъ, и егоже извергоша, и азъ измѣтаю, и егоже прокляша, и азъ проклинаю; и яже писаниемъ прѣдаша намъ, приимаю.

Святую и преславную Дѣвицу Марию Богородицу нарицаю. чьту же и съ вѣрою поклоняюся ей. И на святѣй иконѣ еи Господа моего, яко младеньца на лонѣ еи зрю — и веселюся, распята ѣ вижду — и радуюся, възкресъша его и на небеса идуша съмотря — въздѣю руцѣ и поклоняюся ему. Тако же и угодникъ его святыхъ иконы видѣвъ, славлю Спасъшааго ихъ. Мощи ихъ съ любовию и вѣрою цѣлюю и чудеса ихъ проповѣдаю, и ицѣления отъ нихъ приимаю.

Къ кафоликии и апостольстѣи Церкви притѣкаю, съ вѣрою вѣхожду, съ вѣрою молюся, съ вѣрою исхожду.

Тако вѣрую и не постыжюся; и прѣдъ народы исповѣдаю, и исповѣдания ради и душу свою положю.

Слава же Богу о всемъ, строящему о мнѣ выше силы моя! И молитѣ о мнѣ, честнѣи учителя и владыкы Рускы земля! Аминь!

Азъ милостию челоувѣколюбивааго Бога мнихъ и прозвитель Иларионъ изволениемъ его отъ богочестивыхъ епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицѣмъ и богохранимѣмъ градѣ Киевѣ, яко быти ми въ немъ митрополиту, пастуху же и учителю.

Быша же си въ лѣто 6559 (1051), владычествующею благовѣрному кагану Ярославу, сыну Владимиру. Аминь.

призрачно, но истинно <пребывая> в нашей плоти. Совершенный Бог <и> совершенный человек, Он — в двух естествах и с <двумя> хотениями и волями: не отложив то, чем был, он воспринял то, чем не был.

<Христос> пострадал за меня плотию, как человек, но Божеством, как Бог, пребыл бесстрастен. Бессмертный умер, чтобы мертвого меня оживить; сошел во ад, чтобы праотца моего Адама восставить и обожить, а диавола связать. Восстал, как Бог, воскреснув в третий день из мертвых, как победитель <смерти>, Христос, царь мой, и, много раз явившись ученикам своим, восшел на небеса к Отцу, которого не отлучался, и воссел одесную его.

И в надежде пребываю, что он снова низойдет с небес, но не втайне, как прежде, но во славе Отчей <и> с небесными воинствами. По гласу архангелову, мертвые изыдут в сретение ему; и будет он судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам <его>.

Исповедую же и семь Соборов православных святых отцов; и тех, что извергнуты ими, и я отмечаю, и тех, что прокляты ими, и я проклинаяю; что же посредством писаний <своих> предали они нам, то приемлю.

Святую и преславную Деву Марию именую Богородицею и почитаю и с верою поклоняюсь ей. И на святой иконе ее лицезрю Господа моего младенцем на лоне ее — и исполняюсь веселием, распятым созерцаю его — исполняюсь радости, когда же воскресшим вижу его и восходящим на небеса — воздеваю руки и поклоняюсь ему. И, взирая также на иконы святых угодников его, славлю Спасшего их. Мощи их с верою и любовью лобызаю, чудеса их проповедую и исцеления от них приемлю.

К <храму> кафолической и апостольской Церкви притекаю, с верою вхожу, с верою молюсь, с верою исхожу.

Так верую и не постыжусь; и пред язычниками <веру эту> исповедую, и за исповедование <свое> и душу положу.

Слава же Богу, благодетелю мне выше моих сил, за всё! Молитесь обо мне, честные учителя и владыки земли Русской! Аминь!

СТАВЛЕННИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Я, милостью человеколюбивого Бога, монах и пресвитер Иларион, изволением его, посвящен и настолован богочестными епископами в великом и богохранимом граде Киеве, да быть мне в нем митрополитом, пастырем и учителем.

Было же сие в лето 6559 (1051), в княжение благоверного князя Ярослава, сына Владимирова. Аминь.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТ
ЧЕРНОРИЗЦА ФЕДОСЬЕВА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО,*
ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ <...>
И ХТО В НЕЙ ПОЧАЛЪ ПЪРВЪЕ КНЯЖИТИ,
И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Се начнемъ повѣсть сию.

По потопѣ бо 3-е сынове Ноеви роздѣлиша землю: Симъ, Хамъ, Афеть. Яся вѣстокъ Симови:* Перьсида, Ватрь, доже и до Иньдикія в долготу, и в широту и до Нирокура, якоже рещи от вѣстока доже и до полудня, и Сурия, и Мидиа по Ефратъ рѣку, и Вавилонъ, Кордуна, асурианъ, Месопотамия, Аравия Старѣйшая, Елумаисъ, Индия, Аравия Силная, Кулии, *Комаганы*, Финикия вся.

Хамови же яся полуденья часть: Егупеть, Ефиопья, прилежащая къ Индомъ, другая же Ефиопья, из неяже исходить рѣка ефиопьскаа Чермьна, текущая на вѣстокъ, Фива, Луви, прилежащи доже до Куриния, Мармария, суритъ, Ливуи другая, Нумидия, Масурия, Мавритания, противу суши Гадиръ. Сущимъ же къ востокомъ имать Киликию, Памфилию, Писидию, Мосию, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудию, Масию другую, Троаду, Солиду,* Вифунию, Старую Фругию. И острова пакы имать: Сарданию, Критъ, Купръ, и рѣку Гиону, зовемую Нилу.

А Афетови же яся полуношная страна и западная: Мидия, Ольвания, Армения Малая и Великая, Каподокія, Фефлагони, Галатія, Кольхысь, Воспорій, меоти, дереви, сармати, тавриани, Скуфия, фраци, Македония, Далматія, молоси, Фесалия, Локрия, Пеления, яже и *Полопонисъ* наречется, Аркадія, Ипириноя, Илурикъ, словене,* Лухитія, Аньдриакія, Аньдриатиньска пучина. Имать же и острова: Британию, Сикелию, Евю, Родона, Хиона, Лѣзвона, Куфирана, Закуньфа, Кефалиния, Ифакину, Керкуру, и часть всякоя страны,* и нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ; до Понетского моря,* на полуношныя страны, Дунай, Днепръ и Кавкасійскыя горы, рекше Угорьскыя,* и оттуда, рекше, доже и до Днепра, и прочаая рѣкы: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, иже идетъ на вѣстокъ, въ часть Симову. Въ Афетови же части сѣдитъ русь, чюдъ и вси

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ПОВЕСТЬ О МИНУВШИХ ГОДАХ
ЧЕРНОРИЗЦА ФЕОДОСЬЕВА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО,
ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ <...>
КТО В НЕЙ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ,
И ОТКУДА ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Так начнем же повесть эту.

После потопа трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, и Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Индия, Аравия Сильная, Кулия, Коммагена, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирты, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся напротив Гадира. На востоке же находятся Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мисия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия. Туда же относятся и острова некие: Сардиния, Крит, Кипр, и река Геона, называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Боспор, меоты, дереви, сарматы, тавриане, Скифия, фракийцы, Македония, Далмация, молоссы, Фессалия, Локрида, Пеления, именуемая также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лухития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корфу, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря, на север, Дунай, Днестр, и Кавкасийские горы, то есть Венгерские, и оттуда, скажем, до самого Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в часть Симову. В Иафетовой же части обитает русь, чудь и всякие народы: меря, мурома,

языцѣ: меря, мурома, всь, мордва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, югра, литва, зимгола, корсь, *лѣтьгола*, либь.* Ляховѣ же, и пруси* и чюдь присѣдять к морю Вярскому. По сему же морю сѣдять варязи* сѣмо къ востоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агаряньски* и до Волошьские.*

Афетово же колѣно и то: варязи, свен, урмане, готѣ,* русь, аглянѣ, галичанѣ,* волохове,* римлянѣ, нѣмци, корлязи,* венецици, фряговѣ и прочии, присѣдять от запада къ полуденю и съсѣдятся съ племенем Хамовомъ.

Симъ же, и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, и жребии метавше, не переступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части. И бысть языкъ единъ. И умножившимся человѣком на земли, и помыслиша создати столпъ до небеси въ дни Нектана и Фалека. И събравшеся на мѣстѣ Сенаръ поле *здапи* <...> столпъ до небесе и городъ около его Вавилонъ, и здаша столпъ за 40 лѣтъ, и не свѣршенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣть город и столпа, и рече Господь: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И смѣси Богъ языки, и раздѣли на 70 и на два языка, и рассѣя по всей земли. По размѣшенъи же языкъ Богъ вѣтромъ великомъ раздруши столпъ, и есть останокъ его межи Асура и Вавилона, и есть въ высоту и въ шириню локоть 5433 локоть, въ лѣта многа хранимъ останокъ.*

По раздрушении же столпа и по раздѣлении языкъ прияша сынове Симовы *вѣсточныя* страны, а Хамовы же сынове *полуденныя* страны. Афетови же сынове западъ прияша и полунощныя страны. От сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ словенескъ, от племени же Афетова, нарѣцаемѣи норци,* иже суть словенѣ.

По мнозѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть словени по Дунаеви, кде есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. От тѣхъ словенъ *разидошася* по земли и прозвашася имены своими, кде сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Моравѣ, и прозвашася моравы, а друзии честъ нарекошася. А се ти же словѣне: хорвати бѣлии, серпъ и *хорутане*.* Волохомъ бо нашедшим на словены на дунайские, и сѣдшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ.* Словѣне же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляховѣ, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляховѣ друзии — лютицѣ, инии мазовшане, а *инии* поморяне.*

Такоже и тѣ же словѣне, пришедше, сѣдоша по Днепру и наркошася поляне, а друзии деревляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ, а друзии сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и наркошася дреговичи, и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчкы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота,* от сея прозвашася полочанѣ. Словѣне же сѣдоша около озера Илмера, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша городъ и нарекоша ѿ Новгородъ. А друзии же сѣдоша на Деснѣ, и по Семи,* и по Сулѣ* и наркошася сѣверо.* И тако разидеся словенескъ языкъ, тѣмъже и прозвася словенская грамота.

весь, мордва, заволочьская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Поляки же и пруссы, и чудь сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской.

Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, анлы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие,— они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, и Хам и Иафет, разделив землю и бросив жребий, чтобы не вступать никому в удел брата, жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, то замыслили они создать столп до неба в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не завершен был. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и язык един». И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и есть остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов приняли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны. Иафетовы же сыновья приняли запад и северные страны. От этих же семидесяти и двух народов произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норичи, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И те славяне разошлись по земле и назвались именами своими от мест, на которых сели. Как придя, сели на реке именем Морава, так назвались моравы, а другие назвались чехи. А вот те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, то поселились среди них, и стали притеснять их. Славяне же другие пришли и сели на Висле и прозвались поляками, а от тех поляков пошли поляне, другие поляки — лютичи, иные — мазовшане, а иные — поморяне.

Также эти же славяне, придя, сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и прозвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, назывались своим именем и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так распространился славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.

Поляномъ же живущим о собѣ по горамъ симъ, и бѣ путь из Варягъ въ Грѣкы, и изъ Грѣкъ по Днепру, и вѣрхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из негоже озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево, и того озера внидет устье в море Варяское.* И по тому морю внити доже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю къ Цесарюграду, и от Царяграда прити в Понтъ море, в неже втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо течеть изъ Воковскаго лѣса,* и потечеть на полудни, а Двина изъ того же лѣса потечет, и идетъ на полуночь и внидет в море Варяское. Ис того же лѣса потечеть Волга на вѣстокъ и вѣтечетъ семьмюдесять жерель в море Хвалийское.* Тѣмъже из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жеребий Симвовъ, а по Двинѣ въ Варягы, а изъ Варягъ и до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечет в Понтеское море тремя жералы, иже море словеть Руское, по нему же училъ святыи апостолъ Андрѣй, братъ Петровъ.

Якоже ркоша, Андрѣю учащу в *Синопи*, пришедшу ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Корьсуня близъ устье Днѣпрское, и вѣсхотѣ поити в Римъ, и приде въ устье Днепрское, и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ.* И по приключоу приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра, вѣставъ, рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ вѣсияеть благодать Божия: имать и городъ великъ быти и церкви многы имат Богъ вѣздвигнути». И вѣшедъ на горы сия, и благослови я, и постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словены, идеже нынѣ Новъгород, и видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варягы, и приде в Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ землю словенскую, идущую ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережъгутъ я велми, и сѣвлекутся, и будутъ нази, и обольются мытелью, и возмутъ вѣники, и начнутъ хвостатися, и того собѣ добъють, одва вылѣзутъ *еле* живы,* и обольются водою студеною, и тако оживут. И тако творять по вся дни, не мучими никымъже, но сами ся мучать, и то творят не мытву себѣ, а <...> мученье».* И се слышавше, дивляхуся. Андрѣй же, бывъ в Римѣ, приде въ Синопию.

Поляномъ же живущим о собѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху поляне, и живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще каждо родомъ своимъ. И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдъ. И сѣдьяше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ,* а Щекъ сѣдьяше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюду же прозвася Хоривица. Створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и наркоша и Киевъ.* И бяхе около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяхуть бо мудрѣ и смыслени, и *нарицахуся* поляне, от нихъ же суть поляне — кияне и до сего дни.

Когда же поляне жили сами по себе на горах этих, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно дойти даже до Рима, а от Рима можно прийти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда прийти в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и идет к северу, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьдесятью устьями в море Хвалиское. Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине — к варягам, а от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает в Понтийское море тремя устьями; это море именуемо Русским, — по берегам его учил святой Андрей, брат Петра.

Как говорят, когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел пойти в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром, встав, сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? Так на этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и подивился на них. И пошел к варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, скольких научил и кого видел, и рассказал им: «Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытьелю, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытье себе, а <...> мученье». Те же, слышав, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена сами по себе и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: а один по имени Кий, а другой — Щек, а третий — Хорив, и сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, отчего и названа Хоривицей. И построили город и в честь старшего своего брата дали имя ему Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были люди те мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне — киевляне и доньне.

Инии же, не вѣдуше, ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Киева бо перевозъ бѣше тогда съ оная страны Днепра, тѣмъ глаголаху: «На перевозъ на Киевъ». Аще бо былъ перевозникъ Кый, то не бы ходилъ къ Цесарюграду. Но сий Кий княжаше в роду своем, и приходившю ему къ цесарю — не свѣмы, но токмо о сѣмъ вѣмы, якоже сказуютъ: яко велику честь приялъ есть от цесаря, которого не вѣмъ и при котором приходи цесари.* Идушю же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби городокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему близъ живущии; еже и донынѣ нарѣчютъ дунайци городище Киевѣць. Киеви же пришедшю въ свой городъ Киевъ, ту и сконча животъ свой, и брата его — Щекъ и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдъ ту скончашася.

И по сей братьи почаша дѣржати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дръговичи свое, а словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже и полочанѣ. От сихъ же и кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины и на вѣрхъ Днѣпра, ихъже и городъ есть Смолѣнскъ; туда бо сѣдять кривичи. Таже сѣверо от них. На Бѣлѣ озерѣ сѣдять вѣсь, а на Ростовѣ озерѣ меря, а на Клецинѣ озерѣ* сѣдять мѣря же. А по Оцѣ рѣцѣ, кде втечетъ въ Волгу, языкъ свой — мурома, и черемиси свой языкъ, и мордва свой языкъ. Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новѣгородци, полочане, дръговичи, сѣверо, бужане, зане сѣдять по Бугу, послѣже же волыняне.

И се суть инии языцѣ, иже дань дают Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пѣрмь, печера, ямь, литва, зимѣгола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колѣна Афетова, иже живутъ на странахъ полунощныхъ.

Словеньску же языку, якоже ркохом, живушю на Дунаи, придоша от скуфѣ, рекше от козарѣ, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, насѣлницѣ словеномъ бѣша. А посемъ придоша угре бѣлии и насѣлдиша землю словѣнскую, прогнавшѣ *волохы*, иже бѣша приялъ землю словеньску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цесари, иже ходиша на Хоздроя, цесаря пѣрскаго.* В си же времена быша и обре,* иже воеваша на цесаря Ираклия и мало его не яша. Си же обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы,* сушая словѣны, и насилъе творяху женамъ дулѣбьскимъ: аще поѣхати бѣше обрину, не дадѣше въпрѣчи коня, ни волу, но велѣше въпрѣчи 3, или 4, ли 5 женъ в телѣгу и повести обрина, и тако мучаху дулѣбы. Бяху бо обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроша вси, и не оста ни единъ обринъ. И есть притча в Руси и до сего дни: погибоша аки обри, ихъ же нѣсть ни племене, ни насѣдка. По сихъ бс придоша печенизѣ,* и паки идоша угри чернии* мимо Киевъ послѣже при Ользѣ.

Некоторые же, не зная, говорили, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к цесарю, <какому> — не знаем, но только то знаем, что, как говорят, великих почестей удостоился тогда от цесаря, какого — не знаю, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбывал место, и срубил городок небольшой, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доньше называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и окончил жизнь свою; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И после этих братьев стал род их княжить у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белом озере сидит весь, а на Ростовском озере — меря, а на Клещине озере сидит также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, свой народ — мурома, и черемисы — свой народ, и мордва — свой народ. Вот кто только славянские народы на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться вольнянами.

А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы,— эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах.

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю славянскую, прогнав волохов, и овладели землей славянской. Угры эти появились при цесаре Ираклии, они и воевали с Хосровом, персидским царем. Были в те времена и обры, воевали они с цесарем Ираклием и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женщинам дулебским: бывало когда поедет обрин, то не позволяя запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, или четырех или пять женщин и везти обрина, и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, вымерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньше: «Погибли как обры», — их же не осталось ни рода, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после, уже при Олеге.

Полянѣмъ живущимъ о себѣ, якоже рокомѣ, сущии от рода словѣньска и наркомаша поляне, а деревляне от словенъ же и нарекомаша древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо два брата в лясѣхъ: Радимъ, а другой Вятко, И, пришедша, сѣдоста: Радимъ на *Съжю*, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде своимъ родомъ по Оцѣ, от него прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и северо, и радимичи, и вятичи и хорвати.* Дулѣби же живяху по Бугу, кде *нынѣ* вольняне, а уличи, тиверци сѣдаху по Бугу и по Днѣпру,* и *присѣдаху* къ Дунаеви. И бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Бугу и по Днепру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне, да то ся зовяху от Грѣкъ Великая скуфь.*

Имѣяхуть бо обычая своя и законы отець своихъ и предания, каждо своя норѣвъ. Поляне бо своихъ отець обычай имяху тихъ и *кровокъ*, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ своим, и снохы къ свекровамъ своимъ и къ дѣверемъ велико стыдѣнне имуще. И брачный обычай имѣяху: не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху что на ней владуче. А деревляни живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотъскы: и убиваху другъ друга, ядуше все нечисто, и браченья в нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А радимичи, и вятичи и северо одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякій звѣр, ядуше все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отци и пред снохами, и бѣраци не бываху в нихъ, но игрища межю селы, и схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с неуже кто свѣщевашеся. Имяхут же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемя творяху кладу велику, и възложить на кладу мертвѣца и сѣжигаху, и посемя, събравше кости, вложяху въ <...> ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ, иже творять вятичи и нынѣ. Си же обычай творяху и кривичи и прочии поганин, не вѣдуше закона Божиа, но творяху сами себѣ законъ.

Глаголетъ Георгий в лѣтописьцѣ:* «Ибо комуждо языку овѣмъ законъ исписанъ есть, другимъ же обычая, зане безаконнымъ отечествомъ мнится. От нихъ же пѣрвое сирии, живущии на конѣцъ земля, законъ имуть отець своих и обычая: не любодѣяти, ни прѣлюбодѣяти, ни красти, ни клеветати, ли убити, ли зло дѣяти всема отинудъ. Законъ же и у ктириянъ, глаголемии върахмане и островичи,* иже от прадѣдъ показаньемъ и благочестьемъ мясь не ядуше, ни вина пьюше, ни блуда творяше, никакаяже злобы творяше, страха ради многа. Ибо явѣ таче прилежащимъ к *нимъ* индомъ: убийстводѣица, сквѣрнотворящи, гнѣвливи паче естества; въ нутренѣйший же странѣ ихъ человекы ядуше и странствуютъ убиваху, паче же ядятъ яко пси. Етеръ же законъ халдѣемъ* и вавилоняномъ: матери поимати, и съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. Всяко бестудное дѣяние яко *добродѣтелье* мнятся дѣюше, любо аще и далече страны своя будут.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода поляков. Были ведь два брата у поляков — Радим, а другой — Вятко. И пришли и сели: Радим на Сожи, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляныне, а уличи и тиверцы сидели по Бугу и по Днепру и возле Дуная. Было их множество: сидели по Бугу и по Днепру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое — свои обычаи. Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями; и снохи перед свекровьями своими и перед деверьями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай: не идет жених за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят что за нее дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен поговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Говорит Георгий в своем летописце: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые — сирийцы, живущие на краю света, имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеем и прелюбодеем, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, страх имея великий. Иначе — у соседних с ними индийцев: эти — убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны едят людей, и убивают путешественников, и даже едят как псы. Свой закон и у халдеев и у вавилонян: на матерях жениться, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны.

Инь же законъ гилиомъ:* жены у нихъ орють, и хоромы зиждють, и мужьскыя дѣла творять, но и любы творить елико хошеть, не въздѣржаемы от мужий своихъ отинудь, ни зазрять. В нихъ же суть и хоробры жены ловити звѣрѣ крѣпкы. Владѣють жены мужьми своими и въздобляють ими. Въ Вритании же мнози мужи съ единою женою спять, тако же и многыя жены съ единымъ мужемъ похотѣствуютъ и безаконная законъ отецъ творять независимо и невъздѣржанно.

Амазоняни* же мужа не имуть, акы скотъ бесловесный, но единою лѣтомъ к вешнимъ днемъ озѣмьствени будутъ и съчитаются съ *окрѣстныхъ* <...> мужи, яко нѣкоторое имъ торжество и велико празднество время тѣмъ мнать. От нихъ зачешимъ въ чревѣ, и пакы разбѣгнутся отсюду вси. Въ время же хотящимъ родити, аще родится отроча — погубять ѳ, аще ли дѣвическъ полъ, то въздоять и прилѣжно и възпитають».

Якоже се и нынѣ при насъ половци законъ дѣржать отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящеса о семъ, и ядуше мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, и поймають мачехы своя и ятрови, и ины обычая отецъ своихъ. Но мы же, християне, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу, и въ едино крещение, и въ едину вѣру, законъ имамъ одинъ, елико в Христа крѣстихомъся и въ Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтехъ, по смерти брата сея, быша обидими деревляны и инѣми околными. И наидоша я козарь,* сѣдьящая в лѣсѣхъ на горахъ, и ркоша козарѣ: «Платите намъ дань». Здумавше же поляне и вдаша от дыма мечъ. И несоша козарѣ къ князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «Откуда?». Они же рѣша имъ: «В лѣсѣ на горахъ, над рѣкою Днѣпрскою». Они же ркоша: «Что суть вдаль?» Они же показаша мечъ. И рѣша старцѣ козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы доискахомся оружьемъ единой страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечи. Си имуть имати и на насъ дань и на инѣхъ странахъ». Се же събысться все: не от своя воля ркоша, но от Божия изволѣнья. Яко и при фараонѣ, цесари егупетьстемъ, егда приведоша Моисѣя предъ фараона, и ркоша старци фараони: «Сий хошеть смирити область Егупетску»; якоже и бысть: погыбоша егуптянѣ от Моисѣя, а пѣрвѣ бѣша работающе имъ.* Тако и си: пѣрвѣ владѣша, а послѣдѣ самѣми владѣють; якоже и бысть: володѣють бо козары русьстии князи и до днешняго дне.

В лѣто 6360, индикта 15,* наченшю Михаилу цесарьствовати,* нача ся прозывати Руская земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цесари приходиша Русь на Цесарьградъ, якоже писашеть в лѣтописании грѣцкомъ. Тѣмъже и отселѣ почнемъ и числа положимъ, яко от Адама до потопа лѣтъ 2242, а от потопа до Аврама лѣтъ 1082, от Аврама до исхожения Моисѣева лѣтъ 430; от исхожения Моисѣева до Давида лѣтъ 601, от Давида и от

Другой закон у гилий: жены у них пашут, и дома строят, и мужские дела совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые вовсе своими мужьями и не стыдясь; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, а также многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые.

Амазонки же не имеют мужей, как скот бессловесный, но единожды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестных <земель> мужчинами, считая то время как бы неким торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве,— снова покидают те места. Когда же придет время родить, и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то вскормят ее и прилежно воспитают».

Так вот и теперь при нас половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, и едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов, и берут в жены своих мачех и невесток, и следуют иным обычаям своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

По прошествии времени, после смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И набрали на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посоветавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: «Вот, новую дань нашли». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили им: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не на добро дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны,— саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьей воле. Так было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старцы фараоновы: «Этому суждено унижить землю Египетскую»; так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва были <евреи> рабами их. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Поэтому с этой поры начнем и числа положим: от Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1082 года, от Авраама до исхода Моисея 430 лет, от исхода Моисея до Давида 601 год, от Давида и от начала царствования Соломона

начала царства Соломона до плѣнения Иеросалимова лѣт 448, от плѣнения до Александра лѣт 318, от Александра до Христова *рождества* лѣт 333, от Христова рождества до Костянтина лѣт 318, от Костянтина же до Михаила сего лѣт 542.* От пѣрваго лѣта Михаила сего до пѣрваго лѣта Олгова рускаго князя, лѣт 29, от пѣрваго лѣта Олгова, понелѣже сѣде в Киевѣ, до пѣрваго лѣта Игорева лѣто 31, от пѣрваго лѣта Игорева до пѣрваго лѣта Святославля лѣт 33, от пѣрваго лѣта Святославля до пѣрваго лѣта Ярополча лѣт 28, Ярополкъ княжи лѣт 8, Володимеръ княжи лѣт 37, Ярославъ княжи лѣт 40. Тѣмже от смерти Святославля до смерти Ярославля лѣт 85, от смерти Ярославля до смерти *Святополчи* лѣт 60*.

Но мы на подлежащее възвратимся и скажемъ, что ся удѣяло в лѣта си, якоже преже почали бяхомъ пѣрвое лѣто Михаила, и по ряду положимъ числа.

В лѣто 6361-е. В лѣто 6362-е. В лѣто 6363-е. В лѣто 6364-е. В лѣто 6365-е.

В лѣто 6366-е. Михаилъ цесарь изыде с вои берегом и моремъ на болгары. Болгар(е) же увидѣвъше, не могоша стати противу, креститися просиша, покорятися грѣком. Цесарь же крести князя ихъ и бояры вся и мирь сътвори съ болгары.*

В лѣто 6367. Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на словѣнехъ, и на меряхъ и на всѣхъ, кривичахъ.* А козаре имахуть на полянехъ, и на сѣверехъ, и на вятичихъ, имаху по бѣлѣ и вѣверици* тако от дыма.

В лѣто 6368. В лѣто 6369.

В лѣто 6370. И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша. И ркоша: «Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду, по праву.» Идоша за море к варягом, к руси. Сие бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмани, англыне, инѣи и готе, тако и си.* Ркоша *руси* чюдъ, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ. Да поидете княжить и володѣтъ нами». И избрашася трие брата с роды своими, и пояша по собѣ всю русь, и придоша къ словѣномъ пѣрвѣе. И срубиша город Ладугу. И сѣде старѣйший в Ладозѣ Рюрикъ, а другий, Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третѣй Труворъ въ Изборьскѣ.* И от тѣхъ варяги прозвася Руская земля. По дѣвою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ. И прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Ильмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша ѿ Новѣгород, и сѣдѣ ту, княжа, и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити: овому Польшескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницѣ варязи; пѣрвии *населници* е Новѣгородѣ словенѣ, и в Полотьскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозерѣ вѣсь, Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.

до пленения Иерусалима 448 лет, от пленения до Александра 318 лет, от Александра до рождества Христова 333 года, от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила этого 542 года. От первого года Михайлова до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, от первого года княжения Олега, с тех пор как он сел в Киеве, до первого года Игорева 31 год, от первого года Игорева до первого года Святославова 33 года, от первого года Святославова до первого года Ярополкова 28 лет; княжил Ярополк 8 лет, Владимир княжил 37 лет, Ярослав княжил 40 лет. Таким образом от смерти Святославовой до смерти Ярославовой 85 лет, от смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, как уже начали с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года.

В год 6361 (853). В год 6362 (854). В год 6363 (855). В год 6364 (856). В год 6365 (857).

В год 6366 (858). Цесарь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, увидев, не смогли противостоять им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Цесарь же крестил князя их и всех бояр и заключил мир с болгарами.

В год 6367 (859). Варяги, приходя из-за моря, взымали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: «Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону». Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные — норманны и англы, а еще иные готы — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой — Синеус, — на Белом озере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренные жители в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася къ Цесарюграду с родом своимъ. И поидоста по Дънепру, идуче мимо и узрѣста на горѣ городокъ. И въспрошаста, ркуше: «Чий се городъ?» Они же ркоша: «Была суть три братья — Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша городъ сий, и изъгыбоша, а мы сѣдимъ *род* ихъ,* и платимы дань козаром». Аскольдъ же и Дирь остаѣта в городе семь, и многы варягы съвокуписта и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же княжящу в Новѣгородѣ.

В лѣто 6371. В лѣто 6372. В лѣто 6373.

В лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Дирь на Грѣкы, и приде въ 14 лѣто Михаила цесаря.* Цесарю же отшедъшу на агаряны,* и дошедъшу ему Черное рѣкы,* вѣсть епархъ* посла ему, яко русь идетъ на Цесарьград, и воротися цесарь. Си же внутрь Суда* вшедъше, много убийство христьяномъ створиша, и въ двою сту кораблей Цесарьград оступиша. Цесарь же одва в городъ вниде, и с патриархомъ Фотиемъ* къ сущий церкви святей Богородици *Вълахерни* всю ночь молитву створиша, такоже божественую ризу святыя Богородица с пѣсньми изнесъше, в рѣку омочиша.* Тишинѣ сущи и морю укротившюся, абѣ буря с вѣтромъ вѣста,* и волнамъ великимъ вѣставшимъ засобѣ, и безъбожныхъ руси корабля смяте, и къ берегу привѣрже, и изби я, яко малу ихъ от таковыя бѣды избыти и въсвоиси възвратишася.

В лѣто 6375.

В лѣто 6376. Поча цесарствовати Василий.*

В лѣто 6377. *Крещена* бысть вся земля Болгарская.*

В лѣто 6378. В лѣто 6379. В лѣто 6380. В лѣто 6381. В лѣто 6382. В лѣто 6383. В лѣто 6384. В лѣто 6385. В лѣто 6386.

В лѣто 6387. Умѣршю же Рюрикови предасть княжение свое Олгови, от рода ему суца, вѣдавъ ему на руцѣ сына своего Игоря, бяше бо молодъ велми.*

В лѣто 6388. В лѣто 6389.

В лѣто 6390. Поиде Олгъ, поемъ вои свои многы: варягы, чюдь, словѣны, мѣрю, весь, кривичи. И прия городъ Смольнескъ и посади в немъ мужъ свой. Оттуда поиде внизъ и, пришедъ, взя Любечъ,* и посади мужъ свой. И придоста къ горамъ киевскимъ, и увидѣ Олгъ, яко Осколдъ и Дирь княжита, и похорони вои въ лодьяхъ, а другыя назади остави, а самъ приде, нося Игоря молода. И приступль под Угорское, похоронивъ вои свои, и посла къ Асколду и Диру, глаголя, яко «Гостѣе есмы, идемъ въ Грѣкы от Олга и от Игоря княжича. Да придета к роду своему, к нам». Аскольдъ же и Дирь придоста, и выскакаша вси из лодѣй, и рече Олгъ къ Аскольдови и Дирови: «Вы нѣста князя, ни роду князя, но азъ есмь роду князя», и вынесоша Игоря: «Съ сынъ Рюриковъ». И убиша Аскольда и Диру, и несоша на гору, *и погребоша на горѣ*, еже ся нынѣ зоветъ Угорь-

И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864). В год 6373 (865).

В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы Влахернской, и вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной Руси, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось спастись от этой беды и вернуться домой.

В год 6375 (867).

В год 6376 (868). Начал царствовать Василий.

В год 6377 (869). Крещена была вся земля Болгарская.

В год 6378 (870). В год 6379 (871). В год 6380 (872). В год 6381 (873). В год 6382 (874). В год 6383 (875). В год 6384 (876). В год 6385 (877). В год 6386 (878).

В год 6387 (879). Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу—родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень молод.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов своих: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и овладел городом Смоленском и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и придя, взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам киевским, и увидел Олег, что княжат тут Аскольд и Дир, спрятал он воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам приступил, неся отрока Игоря. И подошел к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и вынесли Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру, отнесли на гору и погребли <Аскольда> на горе, которая называется

ское, *идеже нынѣ* Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ божицю святого Николы: и Дирова могила за святою Ориною.* И сѣде Олегъ, княжа в Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати городом русскимъ». И бѣша у него словѣни и варязи и прочии, прозвашася русью. Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣном, и кривичемъ и мерямъ, и устави варягом дань даяти от Новагорода 300 гривенъ на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославля даяше варягом.

В лѣто 6391. Поча Олегъ воевати на древяны, и примучивъ я, поча на них дань имать по чернѣ кунѣ.

В лѣто 6392. Иде Олегъ на сѣвяры, и побѣди сѣверы, и възложи на нихъ дань легьку, и не дасть имъ козаромъ дани даяти, рекъ: «Азь имъ противенъ, а вамъ не чему».

В лѣто 6393. Посла Олегъ к радимичем, ркя: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаром». И рече имъ Олегъ: «Не давайте козаромъ, но мнѣ давайте». И вдаша Олгови по щелягу,* якоже и козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ древяны, полями, радимичи, а со уличи и тиверьци имѣяше рать.

В лѣто 6394.

В лѣто 6395. Леонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Александръ, иже *цесарствоваша* <...> лѣт 26.*

В лѣто 6396. В лѣто 6397. В лѣто 6398. В лѣто 6399. В лѣто 6400. В лѣто 6401. В лѣто 6402. В лѣто 6403. В лѣто 6404. В лѣто 6405.

В лѣто 6406. Идоша угре мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское, и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами; бѣша бо ходяще, яко и половци. И пришедше от вѣстока и устремишася чересь горы великыя, иже прозвашася горы Угорскыя, и почаша воевати на живушая ту. Сѣдяху бо ту преже словене и волохове, переяша землю Волянскую.* Посемъ же угре прогнаша волохы, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словеньми, покоривше я подъ ся. И оттолѣ прозвася земля Угорска. И начаша воевати угре на Грѣкы, и пополниша землю Фрачьскую и Македоньску доже и до Селуня.* И начаша воевати на Мораву и на Чехы. Бѣ бо единъ языкъ словѣнѣскъ:* словѣнѣ, *иже сѣдяху* по Дунаю, ихъже прияша угре, и моравы, и чеси, и ляховѣ, и поляне, яже нынѣ зовемая Русь. Симъ бо пѣрвѣе положены* книги моравѣ, яже и прозвася грамота словенская, яже грамота е в Руси и в болгарехъ дунайскихъ.

Словѣномъ бо живушимъ крещеным и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ и Коцель* послаша къ цесарю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крѣщена, и нѣсть в нас учитель, иже бы нас училъ и казалъ, и протококовалъ святыя книги. Не разумѣемъ бо ни грѣчькому языку, ни латиньскому — оны бо ны инако учать, а друзии — инако, тѣмъже не разумѣем книжнаго разума, ни силы ихъ. А послете ны учителя, иже могутъ ны сказати книжная словеса и разумъ ихъ». Се слышавъ, Михаилъ цесарь съзъва философы вся и сказа

ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николая; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него славяне и варяги, и прочие, прозававшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать с древлянами и, покорив их, начал брать дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их, и вам <им платить> незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И обладал Олег древлянами, полянами, радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394 (886).

В год 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, и брат его Александр, и царствовали двадцать шесть лет.

В год 6396 (888). В год 6397 (889). В год 6398 (890). В год 6399 (891). В год 6400 (892). В год 6401 (893). В год 6402 (894). В год 6403 (895). В год 6404 (896). В год 6405 (897).

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, и пришли к Днепру, стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые называются Угорскими, и стали воевать с жившими там. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем землю Волынскую захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились вместе со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать с греками и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать с моравами и чехами. Был един народ славянский: славяне, сидевшие по Дунаю и покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь. Для них ведь, моравов, первых переведены книги, которые и названы славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещеными, князя их Ростислав, Святополк и Коцел послали к цесарю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас и объяснял святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, потому что не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам истолковать слова книжные и смысл их». Услышав это, цесарь Михаил созвал всех философов и

имъ рѣчи вся словенскихъ князь. И ркоша философы: «Есть мужъ в Селуни, именовъ Левъ, И суть у него сынове, разумиви языку словенску, и хытра два сына у него и философа». Се слышавъ, цесарь посла по ня в Селунь къ Лвови, глаголя: «Пошли к намъ сына своя, Мефедья и Костянтина».* Се слышавъ, Левъ въскорѣ посла я. И придоста къ цесареви, и рече има цесарь: «Се прислалася ко мнѣ словенская земля, просяще учителя себѣ, иже бы могль имъ истолковати святыя книги, сего бо желаютъ». И умолена быста цесаремъ, и послаша я въ словѣнскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Коцьлови. Сима же пришедъшима, начаста съставляти писмена азбуковъная словенскы, и преложиста Апостоль и Еуангелие. И ради быша словѣнѣ, яко слышаша величья Божия своимъ языком. Посемъ же переложиста Псалтырь и Октаикъ* и прочая книги. Нѣции же начаша хулити словенскыя книги, глаголюще, яко: «Не достоинъ никоторому же языку имѣти буквовъ своихъ, развѣвъ еврѣи, и грѣкъ и латины, по Пилатову писанию, еже на крестѣ Господни написа».* Се же услышавъ, папезъ римскый* похули тѣхъ, иже ропыщют на *книгы* словѣнскыя, рька: «Да ся исполнит книжное слово: яко “Въсхвалять Бога вси языци”; другое же: “Вси възглаголють языки различными величья Божия, якоже дасть им Святой Духъ отвѣщевати”. Да аще кто хулить словенскую грамоту, да *будут* отлучени от церкви, дондеже исправятся; ти бо суть волци, а не овцѣ, яже *достоитъ* от плодъ познати я и хранитися ихъ. Вы же, чада, Божия послушайте учения и не отринете наказания церковнаго,* якоже вы наказаль Мефедий, учитель вашъ». Костянтинъ же възвратися въспять и иде учить болгарьска языка, а Мефедий оста въ Моравѣ. Посемъ же Коцель князь постави Мефедия епископа въ Пании, на мѣстѣ святаго апостола Андроника, единого от 70, ученика святаго апостола Павла. Мефедий же посади 2 попа борзописца велми, и преложи вся кынигы исполнь от грѣцька языка въ словѣнѣскъ шестью мѣсяць, наченъ от марта мѣсяца до двунадесяту и 6 дней октябрия мѣсяца. Окончавъ же, достойную хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать* епископу Мефедью, настолнику Андроникову. Тѣмъже словѣнску языку есть учитель Андроникъ апостоль. Моравы бо доходиль и апостоль Павелъ и училь ту; ту бо е Илурикъ, егоже доходиль апостоль Павелъ, ту бо бяша словѣни пѣрвѣе. Тѣмъже словѣнску языку учитель есть Павелъ, от негоже языка и мы есме русь, тѣмъже и намъ руси учитель есть Павелъ апостоль, понеже училь есть языкъ словѣнескъ и поставиль есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника словѣнску языку. А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ. От варягъ бо прозвашася Русью, а пѣрвѣе бѣша словѣне; аще и поляне звахуса, но словѣнская рѣчь бѣ. Полями же прозвашася, занеже в полѣ сѣдяху, языкъ словѣнскый бѣ имъ единъ.

В лѣто 6407. В лѣто 6408. В лѣто 6409.

В лѣто 6410. Леонъ цесарь ная угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарьскую плѣноваху. *Семеонъ* же, увѣдавъ, на угры възврати-

передал им все сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. И есть у него сыновья, знающие славянский язык; оба сына у него искусные философы». Услышав об этом, цесарь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к цесарю, и сказал он им: «Вот, прислала ко мне славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их цесарь и послал их в славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же они <Константин и Мефодий> пришли, то начали составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божиим на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи Пилата, который на кресте Господнем написал <только на этих языках>». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: “Пусть восхвалят Бога все народы”, и другое: “Пусть все восхвалят своими языками величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить”. Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, чада, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на месте святого апостола Андроника, одного из семидесяти, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив в 26 день октября месяца. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; поэтому учитель славянскому народу — апостол Андроник. К морavam же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян — Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель апостол Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един. От варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами же прозваны были потому, что сидели в поле, а язык им был общий — славянский.

В год 6407 (899). В год 6408 (900). В год 6409 (901).

В год 6410 (902). Леон-цесарь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, пошел

ся, угри противу поидоша и побѣдиша болгары, яко одѣва Семеонъ въ Деръстерь убѣжа.*

В лѣто 6411. Игореви възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и *приведоша* ему жену от Плескова, именемъ Ольгу.

В лѣто 6412. В лѣто 6413. В лѣто 6414.

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грѣкы, Игоря оставивъ Киевѣ.* Поя же множество варягъ, и словѣнъ, и чюди, и кривичи, и мерю, и поляны, и сѣверо, и деревляны, и радимичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины,* си вси звахуться Великая скуфь.* И съ сѣми всеми поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблей 2000. И приде къ Цесарюграду, и грѣци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабля на берегъ, и повоева *около* города, и много убийство створи грѣком, и полаты многы разбиша, а церквы пожгоша. А ихъже имяху полоняники, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же растрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина многа зла творяху русь грѣком, елико же ратнии творять.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса изъдѣлати и вѣставити корабля на колеса.* И бывшую покосну вѣтру, успяша *парусы* с поля, и идяше къ городу. Видѣвше же грѣцѣ, убояшася, и ркоша; выславше ко Ольгови: «Не погубляй город, имемься по дань, якоже хочеша». И *устави* Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прия его — бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася грѣцѣ и ркоша: «*Нѣсть* се Олегъ, но святой Дмитрий,* посланъ на ны от Бога». И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблей, по 12 гривнѣ на человѣка, а в корабли по 40 мужь.

Няшася грѣци по се, и почаша грѣци мира просити, дабы не воеваль Грѣцкой земли. Олегъ же, мало отступивъ от города, нача миръ творити съ цесарема грѣцкыма, съ Леономъ и съ Александром. Посла к нима в городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стѣмида, глаголя: «Имете ми ся по дань». И ркоша грѣцѣ: «Чего хочете и дамы ти». И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблей по двѣнацать гривнѣ на ключь, и потом даяти углады на руские города: пѣрвое на Киевѣ, таже и на Черниговѣ, и на Переяславль, и на Польтескъ, и на Ростовѣ и на Любечѣ и на прочая города; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгомъ суще.

«Да приходять русь *сѣлебное* емлють, елико хотят, а иже придуть гостье, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы и овощемъ. И да творять имъ мовь, елико хотятъ. И *поидут* же русь домови, да емлют у цесаря вашего на путь брашно, и якоря, и ужа, и *парусы* и елико надобѣ.» И яшася грѣци, и ркоша цесаря и боярство все: «Аще приидуть русь бес купли, да не взимают мѣсячины. Да запрѣтитъ князь людемъ своимъ, приходящимъ руси здѣ, да не творят пакости в селѣхъ и въ странѣ нашей. Приходящии русь да витают у святаго Мамы, и послеть

на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

В год 6411 (903). Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега, и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли «Великая скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и приказал воинам вытащить корабли на берег, и разорил окрестности города, и много перебил греков, и множество палат разрушили и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда поднялся попутный ветер, подняли они в поле паруса и двинулись к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, согласимся на дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом». И потребовал Олег выплатить дань на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не разорял Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими цесарями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

«Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у цесаря на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цесари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Пусть запретит русский князь людям своим, приходящим сюда русским, творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у

царство наше, да испишют имена ихъ, и тогда возмут мѣсячное свое — пѣрвое от города Киева, и паки ис Чернигова и Переяславля и прочии города. И да входятъ в городъ одиными вороты съ цесаревымъ мужемъ, безъ оружья, мужъ 50, и да творят куплю, якоже имъ надобѣ, и не платяче мыта ни в чемыже».

Цесарь же Леонъ съ Александромъ миръ створиста съ Ольгомъ, имѣшеся по дань, и ротѣ заходивше межи собою, целовавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужий его на роту по рускому закону: кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ,* скотымъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «Исшийте *парусы* паволочиты руси, а словѣномъ кропийнныя». И бысть тако. И повѣсиша щиты своя* въ вратѣхъ, показующе побѣду, и поиде от Цесаряграда. И въспяша *русь парусы* паволочитыѣ, а словѣне кропийнныя, и раздра я вѣтръ. И ркоша словенѣ: «Имемъся своимъ тольстинамъ — не даны суть словѣномъ *парусы* кропийнныя». И приде Олегъ къ Киеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всяко узорочье. И прозваша Ольга «вѣщий» — бяху бо людие погани и невѣголоси.

В лѣто 6416. В лѣто 6417. В лѣто 6418.

В лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ.*

В лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грѣкы и Русью, и посла глаголя:

«Равно другаго свѣщания,* бывшаго при тѣхъже цесарихъ Лва и Александра. Мы от рода рускаго — Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемиръ, иже послани от Олга, великаго князя рускаго, и от всѣхъ, иже суть под рукою его, свѣтлыхъ бояръ, к вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великъмъ о Бозѣ самодѣржцемъ, цесаремъ грѣцкымъ, на удѣржаніе и на извѣщение от многихъ лѣтъ межю християны и Русью бывшую *любовь*, похотѣнемъ нашихъ князь и по повелѣнию и от всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ руси. Наша свѣтлость боле инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удѣржати и извѣстити такую любовь, бывшую межю християны и русью многожды, право судихомъ, *не* точью простословесенъ и писаниемъ и клятвою твердою, клѣншеся оружьемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвѣрдити по вѣрѣ и по закону нашему.

Суть, яко понеже мы ся имали о Божии вѣрѣ и любви, главы таковыя: по пѣрвому слову да умиримся с вами, грѣкы, да любимъ другъ друга от всея душа и изволѣнья, и не владимъ, елико наше изволение, быти от сущихъ под рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же съблазну или винѣ. Но потщимся, елико по силѣ, на сохранение прочихъ и всегда лѣтъ с вами, грѣкы, исповѣданиемъ и написаниемъ съ клятвою извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну. Тако же и вы, грѣци, да храните такую же любовь къ княземъ же свѣтлымъ нашимъ рускымъ и къ всѣмъ, иже суть

церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, и тогда возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Цесари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам шелковые», и было так. И повесили щиты свои на воротах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне шелковые, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны, знать, славянам паруса шелковые». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и ряд между греками и русскими, и послал, говоря:

«Согласно другому уряжению, бывшему при тех же цесарях — Льве и Александре. Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукой его, светлых князей, бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, цесарям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших князей и по повелению, от всех находящихся под рукой его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, такую дружбу объявить и утвердить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, насколько это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей. Но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непреходящую и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непо-

подъ рукою свѣтлаго князя нашего, несъблазнену и непреложну всегда и въ вся лѣта.

А о *главах*, иже ся *ключит* проказа, урядимся сице: да елико явѣ будетъ показании явленными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явлении, а емуже начнуть не яти вѣры, да *кленется* часть та, иже ищетъ неятю вѣры, да егда клѣнется по вѣрѣ своей, будетъ казнь, якоже явится съгрѣшение.

О семь, аще кто убиеть крестьяна русинь, или хрѣстьянъ русина, да умереть, идеже аще створить убийство. Аще ли убѣжить створивый убийство, еще есть имовить, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть, толцѣмъ же прибудеть по закону. Аще ли есть неимовит створивый убой и убѣжавъ, да дѣржится тяжи, дондеже обрящется, яко да умереть.

Аще ли ударить мечемъ или бьеть кацѣмъ любо сѣсудомъ, за то ударение или убьение да вдасть литръ 5 сребра по покону рускому; аще ли будетъ неимовить тако створивый, да вдасть елико можетъ, и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, в нихъже ходитъ, да о прочѣ да ротѣ ходитъ своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа оттоле не взыскаема.

О семь, аще украдет русинъ что любо у крѣстьянина, или паки хрѣстьянинъ у русина, и ятъ будетъ в томъ часѣ тать, егда татьбу створит, от погубившаго что любо, аще приготовится татьбу творяй: и убиень будетъ, да не възыщется смерть его ни от хрѣстьянъ, ни от руси, но паче убо да възметъ свое, иже будетъ погубилъ. И аще вдасть руцѣ украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у негоже будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдасть то, еже смѣ створити, и створить трижды.

О семь, аще ли кто или русинъ хрѣстьяну или хрѣстьянъ русину мучения образомъ искусь створити и насилье явѣ, или възмет что любо *дружне*, да възпятитъ трончъ.

Аще вывѣржена лодья будетъ вѣтромъ великомъ на землю чюю, и обрящются тамо иже от нас руси, да аще кто идетъ снабдѣти лодью с рухломъ своимъ и отсылати паки на землю крестьянскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придетъ в бестрашно мѣсто. Аще *ли* таковая лодья *или* от буря, или боронения земнаго боронима,* не можетъ *възвратитися* въ своя си мѣста, спотружаемъся грѣбцемъ бо тоя лодья мы, русь, и допроводимъ с куплею ихъ поздорову. Ти аще ключится близъ земли Грѣцькы, аще ли ключится такоже проказа лодьи рустѣй, да проводимъ ю в Рускую землю, и да продають рухло тоя лодья, и аще что можетъ продати от лодья, воволочимъ имъ мы, русь. Да егда ходимъ *въ* <...> Грѣкы или с куплею, или в солбу къ цесареви *вашему*, да пустимъ я съ честию проданое рухло лодья ихъ. Аще ли ключится кому от тоя лодья в ней убьену быти или

колебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет,— русский христианина, или христианин русского,— да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому; если же совершит этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина, или напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он крал, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из русских христианину или христианин русскому с побоями угрожает, и насилие явно, или отнимет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и станет помогать сохранить ладью с грузом ее и отправить ее вновь в христианскую землю, то следует нам проводить ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта бурей или на мель сев задержана и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с товарами их поздорову. Если же случится около Греческой земли такая беда с русской ладьей, то проводим ее в Русскую землю и пусть продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пусть вынесем <на греческий берег> мы, русские. И когда приходим <мы, русские> в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то <мы, греки> пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из прибывших с ладью

бъену быти от нас, руси, или взяти что любо, да повиньни будутъ то створшии преждереченную епитѣмьею от тѣхъ.

Аще полоняникъ обою страну держимъ есть или от руси, или от грѣкъ, проданъ въ ину страну, оже обрящется или русинъ или грѣчинъ, да *искупятъ* и възвратятъ искупленое лице въ свою страну, и възмутъ цѣну его купяшии, или мниться въ куплю *над* нь челядиная цѣна. Также аще от рати ять будетъ, да от тѣхъ грѣкъ, также да възвратится въ свою страну, и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля.

Егда же требуетъ на войну ити, егда же потребу творите, и си хотять почестити цесаря вашего, да аще въ кое время *елико* ихъ придет, и хотять оставити у цесаря вашего своею волею, да будутъ.

О руси, о полонѣни. Многажды от коея убо страны пришедшимъ в Русь и продаемомъ въ крестьяны, и еще же и от хрестиянъ *полоненых* многажды от коея любо страны приходящимъ в Русь, се продаеми бывають по 20 золота, и да придуть в Грѣкы.

О томъ, аще украденъ будетъ челядинъ рускый, или *ускочить*, или по нужи проданъ будет, и жаловати начнуть русь, да покажется таковое *о челядине*, да имуть ѥ въ Русь. Но и гостье, погубиша челядинъ и жалуют, да ищють и обрѣтаемое, да имуть е. Аще ли кто искушения сего не дастъ створити мѣстникъ, да погубит правду свою.

О работающихъ въ Грѣцѣхъ руси у хрестьяньского цесаря. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възратитъ имѣнье к малымъ ближикамъ в Русь. Аще ли створитъ *обряжение* таковой, възмет уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдит е.*

О взимающихъ куплю руси.

О различныхъ ходящихъ въ Грѣкы и удалжающихъ. Аще злодѣй *не* възвратится в Русь, да жалуютъ русь хрестьяньскому царству, и ять будетъ таковой, и възвращень будет, не хотяи, в Русь, Си же вся да творять русь грѣком, идеже аще ключится таково.

На утвержение же и неподвижение быти межѣ вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сътворихомъ Ивановомъ написаниемъ* на двою харотью, цесаря вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосушною Троицею единоистиньнаго Бога *вашего*, извѣсти и дастъ нашимъ *послом*. Мы же кляхомся къ цесарю вашему, иже от Бога суще, яко *Божие* здание, по закону и по покону языка нашего, не переступати ни намъ, ни иному от страны нашея от уставленыхъ главъ мира и любве. И таково написание дахомъ царства вашего на утвержение обоему пребывати таковому свѣщанию, на утвержение и извѣщение межѣ *нами* бывающаго мира. Мѣсяца *сентября* въ 2, в недѣлю 15,* в лѣто создания миру 6420».

быть убиту или избитому от нас, русских, или что-нибудь будет взято, то пусть будут виновники присуждены теми к вышесказанному наказанию.

Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, — все равно пусть возвратится он в свою страну, и отдана будет за него обычная цена его, как уже сказано выше.

Если же будет набор в войско и когда нужда возникнет, и эти <русские> захотят почтить вашего цесаря, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего цесаря по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны <пленные христиане> на Русь и продаваемые <русскими> назад в Грецию, или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, — все эти должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, — возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, — тем самым не будет признан правым.

О русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих <в Греции> у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому завещал письменно наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских торгующих.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — цесаря вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись цесарю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Цесарь же Леонъ послы рускыя почъстивъ дарми — золотом, и паволоками и фофудьями* — и пристави къ нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и полаты златыя и в нихъ сушая *богатства*, злато много и паволоки и камѣные драгое, и страсти Господни, вѣнѣць, и гвоздь,* и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я к вѣрѣ своей, и показаше имъ истинную вѣру. И тако отпусти я въ свою землю съ честью великою. Послании же Ольгомъ послѣ придоша къ Ольгови и повѣдаша вся рѣчи обою цесарю, како створиша миръ, и урядъ положиша межю Грѣцкою землею и Рускою, и клятвы не переступати ни грѣцемъ, ни руси.

И живяше Олегъ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, княжа въ Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣдати на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?». И рече ему одинъ кудесникъ:* «Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, от того ти умрети». Олегъ же приимъ въ умѣ, си рече: «Николи же всяду на конь, ни вижю его боле того». И повѣлѣ кормити ѣ и не водити его к нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, дондеже и на грѣкы иде. И пришедшу ему къ Киеву и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, от негоже бяху рекѣли *вольсви* умрети Ольгови. И призва старѣйшину конюхомъ, рка: «Кде есть конь мой, егоже бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?». Онъ же рече: «Умерлъ есть». Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рка: «То ть неправо молвять вольсви, но все то лъжа есть: конь умерлъ, а я живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «Да ть вижю кости его». И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ, и слѣзъ с коня, посмѣяся, рка: «От сего ли лъба смерть мнѣ взяти?» И вступѣ ногою на лобъ, и выникнучи змѣя и уклону ѣ в ногу. И с того разболѣвся, умре. И плакашася по немъ вси людие плачем великом, и несоша ѣ, и погребоша ѣ на горѣ, иже глаголется Щековица; есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова.* И бысть всѣхъ лѣтъ его княжения 33.

Се же *не* дивно есть, яко от волхвованія сбывается чародѣйством.* Якоже бысть во царство Деметьяново, нѣкый волхвъ, именовъ Аполоня Тянинъ,* знаемъ бяше, шествуя и творя всюду, в городех и в селѣх, бѣсовская чюдеса творя. От Рима бо пришедъ въ Узантию, умоленъ бысть от живущих ту, створити сия: отгна множество змий и скоропия изъ града, яко не върежатися чловѣкомъ от нихъ, ярость коньскую обуздавъ, егда схожахуся боярѣ. Тако же и въ Антиохию* пришедъ и умоленъ бывъ от них, томимомъ бо антиохомъ от скорпий и от комаровъ, створи скорпий мѣдянь и погребѣ ѣ в земли, и малъ столпъ мраморянъ постави надъ *ним*. И повелѣ трость дѣржати чловѣкомъ, и ходити по городу, звати, тростемъ трясомомъ: «Бес комара граду». Тако изъшезоша изъ града комари и скорпия. И спросиша же и паки *о належащемъ на градѣ труствѣ*, въздохну,

Цесарь же Леон почтил русских послов дарами — золотом и шелками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великой честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и урядились Греческая земля и Русская не преступать клятвы — ни грекам, ни руси.

И жил Олег, мир имея со всеми странами, княжа в Киеве. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он когда-то волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты едешь, — от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не пользуясь им, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого тогда волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И наступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доньше, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Это не удивительно, что от волхвования сбывается чародейство. Так было и в царствование Домициана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса — в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, упросили его живущие там сделать следующее: он изгнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на глазах у бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрошенный людьми теми — антиохиянами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и покрикивать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города комары и скорпионы. И спросили его еще об угрожавшем городу землетрясении, и, вздохнув, напи-

списа на дщицѣ сия: «Увы тебе, оканнѣи горюде, яко потрясешия много, одѣржимъ будеши огнемъ, *оплачетъ* же ты и при березѣ си *Оронтии*». О немъ же и великий Анастасий Божия города* рече: «Аполонию же доже и донинѣ на нѣцѣхъ мѣстехъ сбываются створенаа, стоящая *ова* на отвращение четвероногъ, птица, могуши вредити челоувѣкы, другыя же на въздѣржаніе струямъ рѣчнымъ, нездѣржаньно текущимъ, но ина нѣкая на тлѣнье и вредъ челоувѣкомъ суша на побѣжение стоять. И не точью бо за живота его така и таковая створиша бѣсовѣ его ради, но и по смерти его пребывающа у гроба его знаменья творяху во имя его, а на прелешение оканнѣи челоувѣкомъ, болма крадомымъ на таковая от дьявола». Кто убо что речеть о творящихъ волшебныхъ дѣлъ? Яко то таковой горазнѣ бысть волшебнымъ прелешениемъ, яко воину зазряше ведый Аполоний, яко *неистовъствен* на ся философскую хитрость имуща; подобашеть бо ему рещи, якоже и «Азь словомъ точью творити, ихъже хотяша», а не свѣршениемъ творити повелѣваема от него. Та же вся ослаблениемъ Божиимъ и творениемъ бѣсовскимъ бываетъ, таковыми вещьми искушатися наша преславныя вѣры, аще тверда есть, искръ пребывающа Господеви, ни не влекома врагомъ мечетныхъ ради чудесъ и сотонинѣ дѣлъ, творимомъ от рабѣ и слугѣ злобіе. 2-е и еще и именемъ Господнимъ пророчествоваша нѣщии, яко Валамъ, и Саулъ, и Каиыфа, и бѣсъ паки изгнаша, яко Июда и сынове Скевави.* Убо и на недостойнии благодѣтствуетъ многожды, да етеры *свидѣтельствуеть*, ибо Валаамъ чюжь бѣ обоихъ — житья *изящна* и вѣры, но обаче свѣдѣльство в немъ благодать инѣхъ ради смотраения. И Фараонъ таковой бѣ, но и тому предбудушаа показа. И Навходьносоръ законопреступный, но и сему паки по мнозѣхъ сухихъ посредѣ же града откры,* тѣмъ являя, яко мнози, прекостьни имуще умъ, предъ образомъ Христовымъ знаменають иною кознью на прелѣсть челоувѣкомъ, не разумѣющимъ добраго, якоже бысть Симонъ* волхвъ, и *Менандръ*,* ини таковыхъ ради, поистинѣ рече: «Не чудесы прельщати...».

В лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Ользѣ. В се же время поча царствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ, зять Романовъ.* И деревлянѣ заратишася* от Игоря по Олговѣ смѣрти.

В лѣто 6422. Иде Игорь на древляны и, побѣдивъ, възложи на ня дань болшую Ольговы. В то же лѣто приде Семеонъ Болгарьскый на Цесарьград и, створивъ миръ, иде въсвосяи.

В лѣто 6423. Придоша печенѣзи пѣрвое на Рускую землю и, створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю. В си же времена приде Семеонъ, плѣнныя Фракию.* Грѣци же послаша по печенѣгы. Печенѣгомъ же пришедшимъ и хотящимъ на Семеона, расваришася грѣцкыя воеводы. Видѣвъше печенизи, яко сами на ся реть имуть, отидоша въсвосяи, а болгаре съ грѣкы съступишася, и посѣчени быша грѣцы. Семеонъ же прия градъ Одырѣнь, иже

сал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много ты потрясешься, и огнем будешь попален, оплачет тебя <тот, кто будет> на берегу Оронта». Об <Аполлонии> этом и великий Анастасий из Божьего града сказал: «Чудеса, сотворенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: одни — для отогнания четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы, такие чудеса, но и по смерти, находясь у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать несчастных людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебным искушением дела? Вот ведь, искусен был Аполлоний на волшебное обольщение и никогда не считался с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий ожидаемых от него. То все попушением Божиим и творением бесовским случается, — всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка, пребывая подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Другое же, когда некоторые именем Господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и даже бесов изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам всего был чужд — и праведного жития и веры, но тем не менее явилась в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго, каков был и Симон волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было справедливо сказано: «Не чудесами прельщать...»

В год 6421 (913). После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона и зять Романа. И затворились от Игоря древляне после смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси.

В год 6423 (915). Сначала пришли печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, поплняя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и перебиты были греки. Симеон же захватил город Адри-

первое Орестовъ город нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже пѣрвое въ трехъ рѣкахъ купався, недуга избы ту, сего *ради град* въ свое имя нарече. Послѣдѣ же Андрѣянъ кесарь обновивый, въ свое имя нарече — Андрѣянъ; мы же зовемъ Ондрѣянем градом.*

В лѣто 6424. В лѣто 6425. В лѣто 6426. В лѣто 6427.

В лѣто 6428. Поставленъ Романъ цесаремъ въ Грѣцѣхъ. Игорь же воеваше на печенѣгы.

В лѣто 6429. В лѣто 6430. В лѣто 6431. В лѣто 6432. В лѣто 6433. В лѣто 6434. В лѣто 6435. В лѣто 6436.

В лѣто 6437. Прииде Семеонъ на Цесарьград, и поплѣни Фракию и Македонью, и приде къ Цесарюграду в силѣ велицѣ и в горѣдости, и створи миръ с Романомъ цесарем и възвратися въсвои.*

В лѣто 6438. В лѣто 6439. В лѣто 6440. В лѣто 6441.

В лѣто 6442. Пѣрвое придоша угри на Цесарьград и пленяху всю Фракию. Романъ же створи миръ со угры.*

В лѣто 6443. В лѣто 6444. В лѣто 6445. В лѣто 6446. В лѣто 6447. В лѣто 6448.

В лѣто 6449. Иде Игорь на Грѣкы.* И яко послаша болгаре вѣсть къ цесарю, яко идутъ Русь на Цесарьград, скѣдий * 10 тысящ. Иже и поидоша, и приплуша, и почаша воевати Вифаньскыя страны, и плѣноваху по Понту до Ираклия и до Фофлагоньскыя земля, и всю страну Никомидийскую пополниша,* и Судъ всъ пожьгоша. Ихъже емъше, овѣхъ растинаху, и другия же сторожи поставляюще,* стрѣлами растрѣляху и изъламляху опаки руци связавше, и гвозды желѣзны посредѣ головъ вѣбивахуть има. Мьного же и святыхъ церквий огньеви предаша, и имѣнье немало обою сторону взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ от вѣстока, Панфиръ деместникъ съ четьрмидесятъ тысящъ, Фока же патрикий съ македоны, Феодоръ же стратилать съ фракы,* и с ними же и сановницы боярьстии, обидоша русь около. И свѣщаша русь, и изидоша противу, вѣоружившесе на грѣкы, и брани межю има бывши злѣ, одва одолѣша грѣци. Русь же възвратишася къ дружинѣ своей к вечеру и, на ночь влѣзъше въ лодья, отбѣгоша. Феофанъ же усрѣте я въ олядѣхъ съ огнемъ, и нача пушати огонь трубами на лодья рускыя.* И бысть видѣти страшно чудо. Русь же, видяше пламень, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрѣсти, и тако прочии възвратишася въсвои. Тѣмъже пришедшимъ в землю свою, повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и оляднѣмъ огни: «Якоже молонья, — рече, иже на небесихъ, грѣци имуть в себе, и сию пушающе, жьжаху насъ, и сего ради не одолѣхом имъ». Игорь же, пришедъ, и нача *сѣвокупляти* вои многы, и посла по варягы за море, вабя ѣ на грѣкы, паки хотя поити на ня.

В лѣто 6450. Семеонъ иде на хорваты, и побѣженъ бысть хорваты, и умре, оставивъ Петра, сына своего, княжить.* В се же лѣто родися Святославъ у Игоря.*

анов, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона, ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни — оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил кесарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В год 6424 (916). В год 6425 (917). В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен цесарем Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922). В год 6431 (923). В год 6432 (924). В год 6433 (925). В год 6434 (926). В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и гордости, и сотворил мир с Романом-цесарем, и возвратился восвояси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931). В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В год 6443 (935). В год 6444 (936). В год 6445 (937). В год 6446 (938). В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали разорять страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, как цель их ставя, стрелами стреляли, заламывая назад руки, связывали и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церковей предали огню и по обоим берегам Суда захватили немало богатств. Когда же пришли с востока воины — Панфир-демestik с сорока тысячами, Фока-патрикий с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановитые бояре, то окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русичи же, видя пламя, бросались в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились восвояси. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них.

В год 6450 (942). Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарями. В том же году родился Святослав у Игоря.

В лѣто 6451. Паки приидоша *угре* на Цесарьград и, миръ створивше с Романомъ, възвратишася въсвоися.

В лѣто 6452. Игорьъ совокупи воя многы — варягы, и русь, и поляны, и словѣны, и кривичи, и тиверцы, и печенѣгы ная и тали в нихъ поемъ, поиде на грѣкы в лодяхъ и на конехъ, хотя мьстити себе. Се слышавше, *корсунци* послаша къ Роману, глаголюще: «Се идуть Русь, покърыли суть море корабли». Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «Идуть Русь и печенѣгы наяли суть к собѣ». Се слышавъ, цесарь посла къ Игореву лутьшии бояры, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, и придамъ еше къ той дани». Также и печенѣгомъ послаша паволокы и золото много. Игорь же, дошедъ Дуная, съзва дружину, и нача думати и повѣда имъ рѣчь цесареву. Ркоша же дружина Игорева: «Да аше сице глаголетъ цесарь, то что хошемъ боле того: не бившися, имати злато, и серебро, и паволокы? Еда кто вѣсть: кто одолѣеть, мы ли, они ли? Или с моремъ кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстий — и обѣча смерть вѣсмъ». И послуша ихъ Игорь, и повелѣ печенѣгомъ воевати Болгарьскую землю, а самъ, вземъ у грѣкъ злато и паволокы на вся воя, възвратися въспяты и приде къ Киеву въсвоися.

В лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Стефанъ слы къ Игореву построити мира пѣрваго. Игорь же глаголавъ с ними о мирѣ. Посла Игорь мужи свои къ Роману. Романъ же събра бояры и сановники. И приведоша рускыя слы, и повелѣша глаголати и писати обоихъ речи на харотью:

«Равно другаго свѣщания, бывшаго при цесаре Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ,* христоролюбивыхъ владыкъ. Мы от рода рускаго слы и гостье: Иворъ, соль Игоревъ, великаго князя рускаго, и обѣчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева, Искусеву Олгы княгыня, Слуды Игоревъ, нетий Игоревъ, Улѣбъ Володиславль, Каницарь *Предславинь*, Шигобернь Сфандръ, жены Улѣбовы, Прастенъ Турдуви, Либиарь Фастов, Гримъ Сфирковъ, Прастѣнь Якунь, нетий Игоревъ, Кары Тудковъ, Каршевь Тудоровъ, Егри Ерлисковъ, Воистовъ Иковъ,* Истръ Яминдовъ, Ятьвягъ Гунаревъ, Шибьридь Алданъ, Колъ Клековъ, Стегги Етоновъ, Сфирка, Алвадь Гудовъ, Фудри Тулбовъ, Муторъ Утинъ, купѣць Адунь, Адолбъ, Ангивладъ, Улѣбъ, Фрутанъ, Гомоль, Куци, Емигъ, Турьбридь, Фурьстенъ, Бруны, Роальдь, Гунастръ, Фрастенъ, Ингелдь, Турбернь и другий Турбернь, Улѣбъ, Турбенъ, Моны, Руалдь, Свѣнь, Стирь, Алданъ, Тилий, Апубкаръ, Свень, Вузельвъ, и Синько биричь, послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всея княжыя и от всѣхъ людий Руское земли. И от тѣхъ заповѣдано обѣновити ветхый миръ и от ненавидящаго добра, враждолюбца дьявола *разореный* от много лѣт, утвѣрдити любовь межю Грѣкы и Русью.

И великий нашъ князь Игорь, и бояре его, и людие вси рустии послаша ны къ Роману, и Стефану, и Костянтину, великимъ цесаремъ грѣцкымъ,

В год 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси.

В год 6452 (944). Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов». Услышав об этом, цесарь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цесареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно,— не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кто одолеет: мы ли, они ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию:

«Согласно другому уряжению, заключенному при цесарях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы — от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги, Слуды от Игоря, племянник Игорев, Улеб от Володислава, Каницар от Предславы, Шихберн Сфандр от жены Улеба, Прастен Туродов, Либиар Фастов, Грим Сфирьков, Прастен Акун, племянник Игорев, Кары Тудков, Каршев Туродов, Егри Евлисков, Воист Войков, Истр Аминдов, Ятвяг Гунарев, Шибрид Алдан, Кол Клеков, Стегги Етонов, Сфирка..., Алвад Гудов, Фудри Тулбов; Мутор Утин, купцы Адунь, Адолб, Ангивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турьбрид, Фурьстен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Ингелд, Турберн и другой Турберн, Улеб, Турбен, Моны, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилий, Апубкарь, Свень, Вузелев, Синько бирич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всех князей, и от всех людей Русской земли. И ими поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману и Стефану, и Константину, к великим цесарям греческим

створити любовь съ самими цесари, и съ всѣмъ боярствомъ и съ всеми людьми грѣцкими на вся лѣта, дондеже солнце сияеть и весь миръ стоить.

Иже помыслить от страны Руския раздрушити таковую любовь, и елико ихъ *крещенье* прияли суть, да примуть мѣсть от Бога вседѣржителя, осужение и на погибель и в сий вѣкъ и в будущий, а елико ихъ не крещено есть, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ушитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, и от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби и в сий вѣкъ и будущий.

Великий князь руский и боярѣ его да посылають на то въ Грѣкы к великимъ цесаремъ грѣцкимъ корабля, елико хотять, съ послы своими и гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху слы печати златы, а гостие серебряны. Нынѣ же увѣдалъ есть князь *вашь* посылати грамоту къ царству *нашему*,* иже посылаеми бывають от нихъ послы и гостье, да приносятъ грамоту, пишуще сице, яко «послах корабль селико». И от тѣхъ да увѣмы и мы, оже с миромъ приходят. Аще ли безъ грамоты придуть, и предани будутъ намъ, дѣржимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадут и противятся, да убьени будутъ, и да не изыщется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли, убѣжавше, придуть в Русь, и мы напишемъ къ князю вашему, и яко имъ любо, тако створять. И аще придуть русь безъ купля, да не взимають мѣсячины. И да запретить князь *слом* своимъ и приходящий руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, да послеть царство *наше*, да испишетъ имена ихъ, и тогда възмутъ мѣсячное свое, сли слѣбное свое, а гостье мѣсячное свое, пѣрвое от града Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля и прочии городи. И да входятъ в город одиными вороты съ цесаревомъ мужемъ безъ оружья, 50 мужь, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, и паки да исходятъ; и мужь цесарства *нашего* да хранить я, да аще кто от руси или от грѣкъ створить криво да оправляет тѣ. Входя же русь в городъ, да не творят пакости и не имѣють власти купити паволокъ лише по пятидесять золотникъ; и от тѣхъ паволокъ аще кто купить, да показаетъ цесареву мужеву, и тѣ я запечатаеть и дастъ имъ. И отходящи руси отсюда, взимають от нас, еже надоби брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть пѣрвое, и да възвращаются съ спасениемъ въ свою сторону, и да не имуть волости зимовати у святаго Мамы.

И аще ускочить челядинъ от Руси, по не же придуть въ страну царства нашего, и от святаго Мамы, и аще будетъ и обрящется, да поимуть ѱ, аще ли не обрящется, да на роту идут наши *християне руси*, а не християнии — по закону своему, ти тогда взимають от нас цѣну свою, якоже уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинъ.

Аще ли кто от людей царства *нашего*, ли от *города нашего*, или от инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашъ къ вамъ и принесеть что, да взвратять

заклучить мир с самими цесарями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока солнце сияет и весь мир стоит.

Кто от страны Русской замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крешены, да не имеют помощи и от Бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами в этой и в загробной жизни.

Великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим цесарям греческим сколько хотят кораблей с послами своими и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные. Ныне же стал князь ваш посылать грамоту в царство наше; те послы и гости, которые будут посылаться им, пусть приносят грамоту, написав в ней, что «послал столько-то кораблей», чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взъщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернуться в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают, что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цесари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину — послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по 50 золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, и да не имеют права зимовать у святого Мамонта.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну царства нашего, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, — по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего, или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять

е опять, и еже что принесль будеть цѣло все, да возмет от него золотника два имѣчнаго.

Аще ли покусятся кто взяти от руси и от людей царства *нашего*, иже то створить, покажнень будеть вельми; аще ли и взяль будеть, да заплатит сугубо. Аще ли створить то же грѣцинь русину, да примет ту же казнь, якоже прияль есть онъ.

Аще ли ключится украсти русину от грѣкъ что, или грѣчину от руси, достойно есть, да *възвратит* е не точью едино, но и цѣну его. Аще украденое обрящется продаемо, да вдасть цѣну его сугубу, и тѣ покажнень будеть по закону грѣцкому, и по уставу грѣцкому и по закону рускому.

И елико християнъ от власти нашея пленена приведут русь ту, аще будеть уноша или дѣвица добра, да въдадять золотникъ 10 и поимуть и. Аще ли есть средовѣчъ, да вдасть золотникъ 8 и поиметь и. Аще ли будеть старъ или дѣтичь, да вдасть золотникъ 5.

Аще ли обрящются русь работающе у грѣкъ, аще суть *положняницы*, да искупають а русь по 10 золотникъ; аще ли купиль и будет грѣчинь, под крестомъ достоить ему, да възметъ цѣну, елико же даль будеть на нем.

О Корсуньский сторонѣ.* Колко же есть городъ на той части, да не имуть власти князи рускыи, да воюеть на тѣхъ сторонахъ, а та страна не покоряется вам, и тогда, аще просит вой от насъ князь рускый, дамы ему, елико ему будеть требѣ, и да воюет.

И о томъ, аще обрящют русь кувару * грѣчьску, вывержену на нѣкоемъ любо мѣстѣ, да не приобидять ея. Аще ли от нея възметъ кто что или человекъ поработить или убьеть, да будеть повинень закону рускому и грѣцкому.

И аще обрящють русь корьсуняны, рыбы ловяща въ устьи Днѣпра, да не творят имъ зла никакогоже.

И да не имѣють русь власти зимовати въ устьи Днепра, *Бѣлобережию*, у святаго Елеуфѣрья,* но егда придетъ осень, да идутъ в дома своя в Русь.

А о сихъ, иже то приходятъ черьнии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстей, и велимъ князю рускому, да ихъ не пушаетъ, и пакостятъ сторонѣ его.

Или аще ключится проказа нѣкака от грѣкъ, сушихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣнемъ царства нашего, да примет, якоже будеть створиль.

И аще убьеть крестьянинъ русина, да дѣржимъ будеть створивый убийство от ближнихъ убьенаго, да убьють и. Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, и аще будеть имовит, да возмутъ имѣнье его ближнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ створивый убийство и ускочить, да ищють его, дондеже обрящется, да убьенъ будет.

вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит тоже наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому, и по уставу греческому и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую пусть наши дадут 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклониться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, дадим ему, сколько ему будет нужно, и пусть воюет.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев за ловлей рыбы в устье Днепра, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков, — наших царских подданных, — да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского, то да задержат убийцу родственники убитого, и да убьют его. Если же убежит убийца и скроется, а будет у него имущество, то пусть родственники убитого возьмут имущество это; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его пока не найдется. И да будет убит.

Или аще ударит мечемъ, или копьемъ, или кацемъ инымъ съсудом русинъ грѣчина, или грѣчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатитъ серебра литръ 5 по закону рускому. Аще ли есть неимовит, да како можетъ, въ толко же и проданъ будетъ, яко да и порты, в нихъже ходитъ, и то с него сняти, а о прочи да на роту ходит по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будетъ.

Аще ли хотѣти начнетъ наше царство от вас вои на противящая намъ, да пишутъ к великому князю вашему, и пошлетъ к намъ, елико хошемъ; и оттолѣ увѣдятъ иныя страны, каку любовь имѣютъ грѣци с русью.

Мы же свѣщание все положимъ на двою харатью, и едина харотья есть у царства нашего, на нейже есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши. А отходяче со слом царства нашего да *допроводятъ* к великому князю Игореву рускому и к людемъ его, и ти, приимающе харотью, на роту идуть хранити истину, якоже мы свѣщахом и написахом на харотью сию, на нейже суть написана имена наша.

Мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильи въ зборнѣй церкви и *предлежащимъ* честнымъ крестомъ, и харотьею сею, хранити же все, еже есть написано на ней, и не преступати от того ничтоже. А оже переступить се от страны нашея, или князь, или инъ кто, или крещенъ или некрѣщенъ, да не имать от Бога помощи, и да будутъ рабы в сий вѣкъ и в будущий, и да заколенъ будетъ своимъ оружьемъ.

А некрѣщении русь да полагають щиты своя и мечи свои нагы, и обручи свои и прочая оружья, и да клѣнуться о всем, и яже суть написана на харотье сей, и хранити от Игоря и от всѣхъ бояръ и от всѣхъ людей и от страны Рускыя въ прочая лѣта и всегда.

Аще ли же кто от князь и от людей рускыхъ или крестьянъ, или некрещеный переступить все, еже написано на харотье сей, и будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будетъ клять от Бога и от Перуна, и яко преступи свою клятву.

Да обаче будетъ добръ Игорь великий князь да хранитъ любовь всю правую, да не раздрушится, дондеже солнце сияет и весь миръ стоитъ, въ нынѣшняя вѣкъы и в будущая».

Послании же сли Игоремъ придоша къ Игореву съ слы грѣцкими и повѣдаша вся рѣчи цесаря Романа. Игорь же призва *послы* грѣцкыя, рече «Молвите, что вы казалъ цесарь?» И ркоша сли цесареви: «Се посла ны цесарь, радъ есть миру и хочеть миръ имѣти съ князем рускымъ и любовь. И твои сли водили суть цесаря нашего ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужъ твоихъ». И обѣшася Игорь сице створити. И наутрѣя призва Игорь сли, и приде на хольмы, где стояше Перунъ, и покладоша оружья своя, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и мужи его, и елико поганыя руси, а хрестьянующую русь водиша въ церковь святаго Ильи, яже есть надъ Ручьемъ, конѣць Па-

Если же ударит мечом или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших врагов, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем; и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, цесарей, — на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой — имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, — пусть проводят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, и предлежащим честным крестом, и хартией этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли, или иной кто, крещеный или некрещеный, да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом и в этой жизни и в загробной и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, написанное на хартии этой, будет соблюдаться Игорем и всеми боярами, и всеми людьми и Русской страной во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия, и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И пусть на благо Игорь, великий князь, сохранит любовь эту верную, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи цесаря Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что наказал вам цесарь?» И сказали царские послы: «Вот послал нас цесарь, обрадованный миром, и хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге наших цесарей, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и мужи его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских водили

сыныцѣ бесѣды, и козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестьяни.* Игорь же, утвѣрдивъ миръ съ грѣкы, отпусти слы, *одаривъ скорою*, и челядью и воском, и отпусти я. Слы же придоша къ цесареву и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь, яже къ грѣком.

Игорь же нача княжити въ Киевѣ, и миръ имѣя къ всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити болшую дань.*

В лѣто 6453. Ркоша дружина Игореву: «Отроци Свѣнделжи* изодѣлѣся суть оружьемъ и порты, а мы назы. И поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудешъ и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Деревя в дань, и примысляше къ пѣрвой дани, и насилыше имъ и мужи его. И возмъ дань и поиде въ свой городъ. Идушую же ему въспятъ, размысли, рече дружинѣ своей: «Идете вы с данью домови, а язъ възвращося и похожо еше». И пусти дружину свою домови, с маломъ же дружины възвратися, желая болшая имѣнья. Слышавше же древяне, яко опять идеть, съдумавше древяне съ княземъ своимъ Маломъ и ркоша: «Аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то относитъ по единой все стадо, аще не убьютъ его; тако и сий, аще не убьемъ его, то вси ны погубить». И послаша к *нему*, глаголюще: «Почто идеси опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и шедше из города Искоростѣня* противу древяне и убиша Игоря* и дружину его, бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и естъ могила его у Искоростиня города в Деревѣхъ и до сего дни.

Ольга же бѣше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ бѣ его Асмудъ, и воевода бѣ Свинделдъ,— то же отецъ Мъстишинъ. Ркоша же древянѣ: «Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хошемъ». И послаша древяне лучшии мужи свои, числомъ 20, в лоды къ Ользѣ. И *присташа* подъ Боричевомъ въ лоды. Бѣ бо тогда вода текуши возлѣ горы *Киевскыя*, и на Подолѣ не сѣдахуть людье, но на горѣ. Городъ же бѣше Киевъ, идеже естъ нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ кнѣжъ бѣше в городѣ, идеже естъ нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ города. Дворъ теремный и другый — идеже естъ дворъ демесниковъ* за святою Богородицею, надъ горою. Бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко древяни придоша, и възва Ольга к собѣ и рече имъ: «Добрѣ, гостье, приидоша?» И ркоша древяне: «Придохомъ, княгини». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради приидосте сѣмо?» И ркоша древяни: «Посла ны Деревская земля, ркуши сице: мужа твоего убихомъ, бѣшетъ бо мужъ твой яко волкъ, въсхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревскую землю, да иди за нашъ князь за Малъ» — бѣ бо ему имя Малъ, князю деревскому. Рече же имъ Олга: «Люба ми естъ рѣчь ваша, уже мнѣ своего мужа не крѣсити, но хошу вы почтити наутрѣя предъ людьми

в церковь святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы, и хазар, — это была соборная церковь, так как много было христиан среди варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил их; послы же пришли к цесарю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять пойти к древлянам, желая взять с них большую дань.

В год 6453 (945). Сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите вы с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом и сказали: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя навстречу ему из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у города Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, и воевода был Свенельд, тот был отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а место для ловли птиц было вне города. Двор теремной и другой двор были, где стоит сейчас двор деместика, позади церкви святой Богородицы, над горою. Был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и спросила их: «Хорошо ли, гости, дошли?» И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?» Ответили древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: “Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхишал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойди замуж за нашего князя за Мала”. Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить;

своими, а нынѣ идете в лодью свою и лязьте в лодьи величающесе. Азь утро пошлю по вы, вы же речете: “Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодьи”, и възнесуть вы в лодьи». И отпусти я в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьскомъ внѣ города. И заутра Ольга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и приидоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же ркоша: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни на возѣхъ, ни пешь идемъ, но понесите ны в лодьи». Ркоша же киянѣ: «Намъ неволя: князь нашъ убить, а княгини наша хоцеть за вашъ князь», и понесоша я в лодьи. Они же сѣдаху в *перегбехъ* въ великихъ сустогахъ* гордящесе. И принесоша я на дворѣ къ Ользѣ, и, несѣше я, и вринуша въ яму и съ лодьею. И приникши Олга и рече имъ: «Добѣра ли вы честь?» Они же ркоша: «Пуще ны Игоревы смѣрти». И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Олга къ деревлянном, рече: «Да аще мя право просите, то пришлите къ мнѣ мужи нарочиты, да въ велице чести поиду за вашъ князь, еда не пустять мене людьє киевѣсциинъ». Се слышавше, древляне избѣраша лучшая мужи, *иже дѣржать Деревьскую землю*, и послаша по ню. Деревлянномъ же пришедѣшим, повелѣ Олга мовницю створити, ркущи сиче: «Измывѣшесе, придета къ мнѣ». Они же пережѣгоша мовницю, и влѣзоша древляне и начаша мытиса, и запроша мовницю о них, и повелѣ зажечи я от двѣрий, и ту изгорѣша вси.

И посла къ деревлянном, ркущи сиче: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многы у города, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю моему». Они же, слышавше, свезоша меды многы зѣло. Олга же, поемши мало дружинѣ и легько идущи, приде къ гробу его и плакася по мужи своемъ. И повелѣ людемъ съсути могилу велику, и, яко съспоша, повелѣ трызну творити. Посем сѣдоша деревлянѣ пити, и повелѣ Олга отрокомъ своимъ служити передъ ними. И ркоша древляне къ Олзѣ: «Кдѣ суть друзѣ наши, ихъже послахомъ по тя?» Она же рече: «Идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего». И яко упишася древляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отиде прочь и потомъ повелѣ отрокомъ сѣчи я, и исъсѣкоша ихъ 5000. А Ольга възвратиса къ Киеву и пристрой воя на прокъ ихъ.*

Начало княженья Святославля.

В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многы и храбры, и иде на Деревьскую землю. И изыдоша древляне противу. И снемѣшеся обѣма полкома на *скупь*, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье летѣвъ сквози уши коневи и удари в ноги коневи, бѣ бо велми дѣтескъ.* И рече Свенгелдъ и Асмудъ: «Князь уже почаль, потягнемъ, дружино, по князи». И побѣдиша деревляны.* Деревлянѣ же побѣгоша и затворисася в городѣхъ своихъ. Ольга же устрѣмиса съ сыномъ своимъ на Иско-

ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, с гордостью. Утром я пошлю за вами, вы же скажите: “Не едем на конях, ни пешком не пойдем, но понесите нас в ладье” — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах, ни пешком не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же сидели, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям насыпать высокий холм могильный и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где другие мужи наши, которых послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко, а потом приказала отрокам рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. И Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся.

Начало княжения Святослава.

В год 6454 (946). Ольга с сыном Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав метнул копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще совсем мал. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню,

ростѣнь городъ, яко тѣ бяху убилѣ мужа ея, и ста около города съ сыномъ своимъ, а деревляне затворишася в городѣ, и боряху крѣпко из города, вѣдаху бо, яко сами убилѣ князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто цѣло, и не можаше взяти города, и умысли сице: посла къ городу, ркущи: «Чего хошете досѣдѣти? А вси ваши города передашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землю свою, а вы хошете голодомъ измерети, не имучи-ся по дань». Деревляни же ркоша: «Ради быхомъ ся яли по дань, но хошеши мьшати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «Азъ уже мьстила есмь мужа своего, когда придоша къ Киеву, и второе, и третье, еже когда творяхут трызѣну мужю моему. А уже не хошю отмщения творити, но хошю дань имати помалу и, смирившися с вами, поиду опять». Ркоша же деревляне: «Что хошеши у нас? Ради даемъ и медом и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у вас нѣту меду, ни скоры, но мала у васъ прошю: дайте ми от двора по три голуби и по три воробьи. Азъ бо не хошю тяжкы дани възложити на васъ, якоже мужь мой, но сего у васъ прошю мала: изнемогли бо ся есте въ осадѣ, да вдайте ми се малое». Деревляне же ради быша, събраша же от двора по три голуби и по три воробьи, и послаша къ Ользѣ с поклоном. Ольга же рече имъ: «Се уже ся есте покорилѣ мнѣ и моему дѣтяти, а идете в городъ, а язъ заутра отступлю от города и поиду в городъ свой». Деревляне же ради быша, вѣнидоша в город и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людемъ в городе. Ольга же раздая воемъ комуждо по голуби, а дьругимъ по воробьеви, и повелѣ къемуждо голубеви и воробьеви привязати чѣръ и, обѣрътываючи въ *платкы* малы, нитькою повѣръзаючи къ всѣмъ голубемъ и воробьемъ. И повелѣ Ольга, яко смѣрчеся, пустити голуби и воробии воемъ своимъ. *Голуби* же и воробьеви полетѣша въ гнѣзда своя, ови в голубники своя, воробьеви же подѣ острѣхы, и тако загарахуться голубници, и от нихъ клѣти и одрины. И не бѣ двора, идеже не горяше, и не бѣ лъзѣ гасити, вси бо дворѣ възгорѣшася. И побѣгоша людемъ из города, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я. И яко взя городъ и пожьже ѿ, старѣйшины же города *изънима* и прочая люди овѣхъ изби, а другия работѣ преда мужемъ своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань.

И възложи на ня дань тяжкю, и двѣ части идета Киеву, а третья — Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ* Ольжинъ город. И иде Ольга по Деревской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляючи уставы и урокы, и суть становища ея и ловища ея. И приде в городъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославом и, пребывши лѣто едино, в лѣто 6455 иде Ольга Новугороду. И уставы по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты* и дань, и оброкы; и ловища ея суть по всей земли, и знамения и мѣста и погосты. *И сани ея стоятъ въ Плескъовѣ и до сего дни*, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и до сего дни. Изрядивши, възвратися къ сыну своему в Киевъ и пребываше с нимъ въ любви.

так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне за-творились в городе и стойко сопротивлялись, ибо знали, что сами убили князя и что их ожидает. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и согласились на дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь от дани, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий — когда устроили тризну по моем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, так дайте же мне эту малость». Древляне же, обрадовавшись, собрали с каждого двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому голубю и воробью. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни свои, а воробьи под стрехи, и так загорелись голубятни, а от них клети и сеновалы. И не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною своею по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места ее стоянок и места для охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и, пробыв здесь год, в год 6465 (947) отправилась Ольга к Новгороду. И основала по Мсте погосты и установила дани, и по Луге — погосты и дани и оброки установила, и места охот ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты. И сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть ее места для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там пребывала с ним в любви.

В лѣто 6456. В лѣто 6457. В лѣто 6458. В лѣто 6459. В лѣто 6460. В лѣто 6461. В лѣто 6462.

В лѣто 6463. Иде Ольга въ Грѣкы и приде к Цесарюграду.* И бѣ тогда цесарь Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И видѣвъ ю добру сущю лицем и смыслену велми, и удивися цесарь разуму ея, бесѣдова к ней и рекъ ей: «Подобна еси царствовати в городѣ семъ с нами». Она же, разумѣвши, и рече къ цесарю: «Азъ погана есмь, да аще мя хощеша крестити, то крѣсти мя самъ, аще ли — то не крещюся». И крести ю цесарь с патриархом. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ. И поучи ю патриархъ о вѣрѣ и рече ей: «Благословена ты еси в руських князехъ, яко възлюби свѣтъ, а тму остави. Благословити тя имуть сынове рустии и въ послѣдний родъ внукъ твоихъ». И заповѣда ей о церковнемъ уставѣ, и о молитвѣ, и постѣ, и о милостыни и о въздѣржании тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимаючи ученью, и, поклонившися патриарху, глаголаше: «Молитвами твоими, владыко, да съхранена буду от сѣти неприязненны». Бѣ же имя ей наречено въ крещении Олена, якоже и древняя цесарица, мати Великого Костянтина. И благослови ю патриархъ и отпусти ю. И по крещении призва ю цесарь и рече ей: «Хощу ты поняти женѣ». Она же рече: «Какое мя хощеша поняти, а крѣстивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А въ крестьянѣхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече цесарь: «Переключка мя, Ольга». И вдасть ей дары многы, золото и серебро, паволокы, съсуды разноличныя и отпусти ю, нарекъ ю дщерь себѣ. Она же, хотячи домови, приде къ патриарху, благословения просящи на домъ, и рече ему: «Людье мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ от всякого зла». И рече патриархъ: «Чадо вѣрное! Въ Христа крѣстилася еси и въ Христа облечеся, и Христось съхранить тя, якоже съхрани Еноха в пѣрвыя роды, потомъ Ноя в ковчезѣ, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от Фараона, Давида от Саула, три отроky от печи, Данила от звѣрий,* тако и тебе избавить от неприязни и сѣтий его». И благослови ю патриархъ, и иде с миром в землю свою и приде къ Киеву.

Се же бысть, яко и при Соломони приде цесарица ефиопская, слышати хотящи мудрость Соломоню, многу мудрость видѣти и зънамения:* тако и си блаженная Ольга искаше добрыя мудрости Божия, но она чловѣцкыя, а си Божия. «Ищущи бо премудрости обрящют»,* «Премудрость на исходищихъ поеться, на путехъ же дѣрзновение водит, на краихъ же стѣнъ забралныхъ проповѣдается, въ вратѣхъ же градныхъ дѣрзающи глаголетъ: елико бо лѣтъ незлобивии дѣржатся по пьравду...».* И си бо от възвѣста блаженная Олена искаше мудростью, что есть луче всего въ свѣтѣ семъ, и налѣзе бисеръ многоцѣнный, еже есть Христось. Рече бо Соломонъ: «Желанье благовѣрныхъ наслажаеть душу»,* и «Приложиши сердце свое в разумъ»,* «Азъ бо любящая мя люблю, а ищущии мене обрящютъ мя»,* ибо Господь рече: «Приходящаго къ мнѣ не иждену вонь».*

В год 6456 (948). В год 6457 (949). В год 6458 (950). В год 6459 (951). В год 6460 (952). В год 6461 (953). В год 6462 (954).

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. Был тогда цесарь Константин, сын Льва. И увидев, что она красива лицом и весьма умна, подивился цесарь ее разуму, беседа с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в городе этом». Она же, поразмыслив, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее цесарь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих». И дал ей наставления о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее цесарь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей цесарь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И поднес ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные, и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась, и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев.

Произошло это как при Соломоне: пришла царица эфиопская, желая услышать премудрости Соломона, и увидела великую мудрость и чудеса: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та <царица эфиопская> — человеческой, а эта — Божьей. «Ибо ищущие мудрости — найдут». «Премудрость на улицах возглашает, на дорогах возвышает голос свой, на забралах стен городских проповедует, в городских воротах громко вещает: доколе невежды будут любить невежество...» Эта же блаженная Елена с малых лет искала мудростью своей, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Склонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня», ибо Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Си же Ольга приде къ Киеву, и, якоже рькохом, и присла к ней цесарь грѣцкый, глаголя, яко «Много дарихъ тя. Ты же глагола ми, яко «аше възвращюся в Русь, многы дары послю ти: челядь, и воскъ и скору, и воя многы в помощь». Отвѣщавши же, Олга рече къ послю: «Аше ты, рци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти вдамъ». И отпусти слы, си рекши.

Живяше же Олга съ сыномъ своимъ Святославом, и учает его мати креститися, и не брешаше того, ни въ уши внимаше, но аше кто хотяше волею креститися, не браняху, но ругахуся тому. «Невѣрнымъ бо вѣра крестьянская уродство есть»;^{*} «Не смыслиша бо, ни разумѣша въ тмѣ ходящии»,^{*} и не видѣша славы Господня. «Одобелѣша бо сердца ихъ, и ушима бо тяжько *слышати*, очима видѣти». Рече бо Соломонъ: «Дѣла нечестивыхъ далече от разума». «Понеже звахъ вы, и не послушасте, и прострох словеса, и не разумѣсте, но отмѣтасте моя свѣты и моихъ же обличений не внимасте»,^{*} «Възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же моя обличения». Якоже бо Олга часто глаголаше: «Азъ, сыну, Бога познах и радуюся, аше и ты познаеши Бога, то радоватися начнеши». Онъ же не внимаше того, глаголя: «Како азъ хочу инъ законъ одинъ язъ приняти? А дружина моя сему смѣяти начнут». Она же рече ему: «Аше ты крестишися, вси имут то же створити». Онъ же не послуша матери и творяше норовы поганьскыя. Аше кто матери не слушаетъ, в бѣду впадае, якоже рече: «Аше кто отца или мать не слушаетъ, смертью да умереть». Се же тому гнѣвашеся на мать. Соломонъ бо рече: «Кажа злыя, приемлетъ себе досаждение, обличая нечестиваго, поречеть себѣ; обличения бо нечестивымъ мозолье имъ суть. Не обличай злыхъ, да не *възненавидятъ* тебе». Но обаче любяше Олга сына своего Святослава, ркуши: «Воля Божия да будет: аше Богъ въсхошетъ помиловати роду моего и земли Рускыя, да *възложит* имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи, кормячи сына своего до мужьства его и до възроста его.

В лѣто 6464. В лѣто 6465. В лѣто 6466. В лѣто 6467. В лѣто 6468. В лѣто 6469. В лѣто 6470. В лѣто 6471.

В лѣто 6472. Князю Святославу възростышю и възмужавшю, нача воя съвокупляти многы и храбры. Бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя аки пардусъ, войны многы творяше. Возъ бо по себѣ не возяше, ни котла, ни мясь варя, но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на угълехъ испекъ, ядыше, ни шатра имяше, но подкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу, и

Ольга же эта пришла в Киев, как мы сказали, и прислал к ней цесарь греческий послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда возвращусь в Русь, много даров пришло тебе: челядь, воск, и меха, и много воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и уговаривала принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался по своей воле креститься, то не запрещал, а только насмеялся над тем. Ибо «для неверующих вера христианская юродство есть»; Ибо «не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались, обратился к вам, и не поняли, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь Бога — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмеяться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям. Если кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе беды, обличающего же нечестивого самого оскорбят; ибо обличения для нечестивых как мозоли. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и уговаривала: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, воспитывая сына до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В год 6464 (956). В год 6465 (957). В год 6466 (958). В год 6467 (959). В год 6468 (960). В год 6469 (961). В год 6470 (962). В год 6471 (963).

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. Был ведь и сам он храбр, и ходил легко как пардус, и много воевал. Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и

налѣзе вятичи и рече имъ: «Кому дань даете?» Они же ркоша: «Козаром по щелягу от рала даем».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары. Слышавше же, козаре изыдоша противу съ княземъ своим каганомъ, и съступиша ся *бити*, и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ козаром и городъ ихъ Бѣлу Вежю взя.* И ясы побѣди и касоги, и приде къ Киеву.

В лѣто 6474. Побѣди вятичъ Святославъ и дань на нихъ възложи.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болъгары.* И бившимся, одолѣ Святославъ болгаромъ и взя городовъ 80 по Дунаю, и сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцѣхъ.

В лѣто 6476. Придоша печенизи пѣрвое на Рускую землю, а Святославъ бѣше в Переяславци. И затворися Ольга съ внуки *своими* Ярополкомъ, и Олгомъ и Володимеромъ в городѣ Киевѣ. И оступиша печенизи городъ в силѣ тяжьцѣ, бещисленое множество около города, и не бѣ лѣзъ вылѣсти изъ града, ни вѣсти послати, и изънемогаху людье гладом и водою. И събравшеся людье оная страны Днѣпра в лодьяхъ и об ону страну стояху, и не бѣ лѣзъ внити в Киевъ ни единому же ихъ, ни изъ города къ онѣмъ. И вѣстужиша людье в городѣ и ркоша: «Нѣ ли кого, иже бы на ону страну могъ дойти *и речи имъ*: аще не приступите утро подѣ городъ, предатися имамъ печенѣгом?» И рече одинъ отрокъ: «Азъ могу пренти». Горожани же, ради бывше, ркоша отроку: «Аще можеша, како ити — иди». Онъ же изыде изъ града съ уздою и хожаше *сквозѣ* печенѣгы, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?» Бѣ бо умѣя *печенѣжскы*, и ѣ мняхуть и-своихъ. И яко приближися к рѣцѣ, свѣргъ порты съ себе, сунуся въ Днѣпръ, и побрѣде. И видѣвше, печенѣзи устрѣмишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же, видѣвше съ оная страны, приѣхавше в лодыи противу ему, взяша ѣ в лодью и привезоша и къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не подѣступите заутра рано подѣ город, предатися имуть людье пѣченѣгом». Рече же имъ воевода ихъ, именемъ Претичъ: «Подѣступимъ заутра в лодьяхъ и, попадѣше княгиню и *княжичи*, умьчимъ на сю страну, и люди.* Аще ли сего не створим, погубити ны имать Святославъ». И яко бысть заутра, всѣдоша в лодья противу свѣту, вѣструбиша велми трубами, и людье въ градѣ кликоша. Печенизѣ же мнѣша князя пришедша, побѣгоша розно от града. И изыде Олга съ внуки и съ людми к лодьямъ. И видѣвъ же, князь печенѣжскый възвратися единъ къ воеводѣ Претичю и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «Людье оная страны». И рече князь печенѣжскый: «А ты князь ли еси?» Онъ же рече: «Азъ есмь мужъ его и пришель есмь въ сторожехъ, а по мнѣ идетъ вой бещисленое множество». Се же рече, грозя имъ. И рече князь печенѣжскый Претичю: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако буди». И подаста руку межю собою, и вѣдасть печенѣжскый князь Претичю конь, саблю, стрѣлы.

набрел на вятичей, и спросил вятичей: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в войне с ними одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов, и пришел в Киев.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В году 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И сразились, и одолел Святослав болгар, и взял городов восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли печенеги впервые на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце. И заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силой великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогли люди от голода и жажды. И собрались люди противоположной стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я смогу пройти». Горожане же обрадовались и сказали отроку: «Если знаешь, как пройти, — иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и прошел через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув с себя одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. Те же заметили его с другого берега, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подступите завтра рано утром к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив с собой княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города враспынную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны <Днепра>». Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет воинов бесчисленное множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Будет так». И подали они друг другу руки, и одарил печенежский князь Претича конем, саблей и

Онъ же дасть ему брони, щить, мечь. И отступиша печенѣзѣ от города, и не бяше лѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣгы. И послаша киянѣ къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чужей земли ищешь и блюдешь, а своя ся лишивъ: малѣ бо нас не възьяша печенѣзи, и мать твою и дѣтий твоихъ. Аще не придеши, ни оборониши нас, да паки възмутъ. Аще ти не жаль отъчины своя, и мать, стары суша, и дѣти своих?» То слышавъ, Святославъ вборзѣ възѣдь на кони съ дружиною своею и приде къ Киеву, и цѣлова мать свою и дѣти своя, съжалиси о бывшем от печенѣгъ. И събра воя и прогна печенѣгы в поле, и бысть мирно.

В лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боярам своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ жити, хочю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грѣкъ паволокы, золото, вино и овощи разноличьнии, и и-Щеховъ и изъ Угорь — серебро и комони, изъ Руси же — скора, и воскъ, и медъ и челядь». И рече ему мати: «Видиши ли мя болну сушою, камо хочеши от мене?» — бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему: «Погребѣ мя, иди аможе хочеши». И по трехъ днехъ умре Олга. И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великим и, несъше, погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Олга не творити трызны над собою, бѣ бо имуши прозвутера, и тѣ похорони блажену Олгу.

Си бысть предѣтекушия хрестьяньской земли, аки дѣньница пред солнцем и аки заря предъ свѣтомъ. Си бо сияше аки луна в ноши, тако и си в невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтяшеса аки бисерь въ калѣ: калнѣ бо бѣша грѣхом, не омовени святымъ крещением. Си бо омыся святою купѣлю, съвлечеса грѣховныя одежда ветхаго челоуѣка Адама, и въ новый Адамъ облѣчеса, еже есть Христось. Мы же речемъ къ ней: «Радуйся, руское познание къ Богу, начатокъ примирению быхом». Си пѣрвое вниде въ царство небесное от Руси, сию бо хвалятъ рустии сынове акы началницу, ибо по смерти моляшеса къ Богу за Русь. Праведнихъ бо душа не умирают, якоже рече Соломонъ: «Похваляему правѣдному възвеселятса людье»,* бесмертье бо есть память его, яко от Бога познаветса и от челоуѣкѣ. Се бо вси челоуѣци прославляют, видяще лежащю в тѣлѣ за многа лѣта, рече бо пророкъ: «Прославляюща мя прославлю».* О сяковыхъ бо Давидъ глаголаше: «В память вѣчную будетъ правѣдникъ, от слуха зла не убоятса; готово сердце его уповати на Господа, утвѣрдися сердце его и не подвижитса».* Соломонъ бо рече: «Праведници въ вѣкы живутъ, и от Господа мзда имъ есть и строение от Вышняго. Сего ради примут царствие красотѣ и вѣнѣцъ доброты от руки Господня, яко десницею защититъ я и мышцею покрыетъ я».* Защитилъ бо есть силою блаженую Ольгу от противника и супостата дьявола.

стрелами. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою потеряешь, нас ведь чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — паволоки, золото, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха, и воск, и мед, и рабы». Отвечала ему Ольга: «Разве не видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И сказала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали о ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвестницей христианской земле, как утренняя звезда перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди запятнаны грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Радуется народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и Богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от Господа и попечение о них у всевышнего. Посему получают они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо он защитит их десницею и покроет их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. В се же время придоша люде новгородьстии, просяще князя себѣ: «Аще не поидете к нам, то налѣземъ князя себѣ». И рече к нимъ Святославъ: «А бы кто к вам шель». И отпрѣся Ярополкъ и Олгъ. И рече Добрыня: «Просите Володимиря». Володимиръ бо бѣ от Малуши, милостьницѣ Ольжины;* сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малько Любчанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру. И рѣша новгородци Святославу: «Вѣдай ны Володимира». И пояша новгородьци Володимира себѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею, уемъ своим, к Новугороду, а Святославъ къ Переяславцю.

В лѣто 6479. Прииде Святославъ Переяславцю, и затворишася болгаре в городѣ. И излѣзоша болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одолѣваху болгаре. И рече Святославъ воем своимъ: «Уже нам здѣ пасти, потягнемъ мужьскы, братье и дружино!». И к вечеру одолѣ Святославъ и взя городъ копьем, рѣка: «Се городъ мой!». И посла къ грѣком, глаголя: «Хошу на вы ити и взяти городъ вашъ, яко и сий». И ркоша грѣци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми на нас дань и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на головы». Се же ркоша грѣци, *лѣстячи* подѣ русью: суть бо грѣци мудри* и до сего дни. И рече имъ Святославъ: «Есть нас 20 тысящъ» и прирече 10 тысящъ, бѣ бо руси 10 тысящъ толко. И пристроиша грѣци 100 тысящъ на Святослава и не даша дани. И поиде Святославъ на грѣкы, и изидоша противу руси. Видѣвъ же русь и убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу. Да не посрамим земли Руские, но ляжемы костью ту, и мертвы бо сорома не имаеть. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ нам. И не имамъ убѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предѣ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, *то* промыслите о себѣ». И ркоша вои: «Идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложим». И исполчишася русь и грѣци противу. И сразистася полка, и оступиша грѣци русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и грѣци побѣгоша. И поиде Святославъ, воюя, къ городу* и другия города разбивая, иже стоятъ пусты и до *днешнього* дне.

И съзва цесарь в полату бояры своя и рече имъ: «Что створим? Не можемъ стати противу ему». И ркоша ему бояре: «Посли к нему дары, искусимъ ѿ, любезнивъ ли есть злату, или паволокам?». Послаша к нему злато и паволокы и мужа *мудра* и ркоша ему: «Глядай взора его и лица его и смысла его». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И яко придоша грѣци с *поклоном*, рече: «Въведете я сѣмо». И придоша, и поклонишася ему, и положиша предѣ нимъ злато и паволокы. И рече Святославъ, прочь зря: «Похороните!». Отроци же Святослави, вземше, похорониша. Сли же цесаревы възвратишася къ цесарю. и съзва цесарь бояры. И ркоша же послании, яко «Придохомъ к нему и вѣдахомъ дары, и не позрѣ на ня

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — милостницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть: постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, сказав: «Это мой город!» И послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невозмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки мудры и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвым не ведом позор. Если же победим — позор нам будет. Так не победим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о себе сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские и греки друг на друга. И сразились полки, и окружили греки русских, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разрушая другие города, что стоят и донныне пусты.

И созвал цесарь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И когда пришли греки с поклоном, сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав, смотря в сторону: «Спрячьте». Отроки же Святославовы, взяв, спрятали. Послы же цесаревы вернулись к цесарю, и созвал цесарь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них, и приказал

и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси ѿ единою и еще — послѣ ему оружье». Они же послушаша его и послаша ему мечь и ино оружье. Онъ же, примѣ, нача любити, и хвалити, и цѣловати цесаря. И придоша опять къ цесарю и повѣдаша вся бывшая. И ркоша бояре: «Лютъ сей мужъ хошетъ быти, яко имѣнѣя не брежетъ, а оружье емлетъ. Имѣся по дань». И посла цесарь, глаголя сице: «Не ходи къ городу, но възми дань и еже хощешѣ», за маломъ бо бѣ не *дошелъ* Цесаря-града. И вдаша ему дань; имашеть же и за убьенѣя, глаголя, яко «Родъ его възметъ». Възя же и дары многы и възвратися в Переяславѣцъ с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своя, рече в себе: «Егда како, прелѣстивше, изъбьютъ дружину мою и мене», бѣша бо мнози погыбли на полку. И рече: «Поиду в Русь и приведу боле дружины».

И посла слы къ цесареви в Дерестѣрь, бѣ бо ту цесарь, ркя сице: «Хочю имѣти миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, *цесарь* радъ бысть и посла дары къ нему болша пѣрвыхъ. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, ркя сице: «Аще не створимъ мира съ цесаремъ, а увѣсть цесарь, яко мало нас есть и, пришедше, оступятъ ны в городѣ. А Руская земля далече есть, а печенѣзи с нами ратни, а кто ны поможетъ? Но створимъ миръ с цесаремъ, се бо ны ся по дань ялъ, и то буди доволно намъ. Аще ли начнетъ не управляти дани, то изнова изъ Руси, съвокупивше вои множайша, и придемъ къ Цесарюграду». И любя бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшии мужи къ цесареви, и придоша въ Дерѣстеръ, и повѣдаша цесареви. Цесарь же наутрѣя призна я, и рече цесарь: «Да глаголють сли руссци». Они же ркоша: «Такъ глаголетъ князь нашъ: хочю имѣти любовь съ царемъ грѣцкымъ свѣршену прочая вся лѣта». Цесарь же, радъ бывъ, повелѣ письцо писати на харотью вся рѣци Святослави. И начаша глаголати сли вся рѣчи, и нача писецъ писати. Глаголя сице:

«Равно другаго свѣщанѣя,* *бывшаго* при Святославѣ, велицѣмъ князи русѣмъ и при Свѣнгельдѣ, писано при Феофилѣ *синкелѣ* и ко Иоану, нарѣцаемому Цимьскому,* цесарю грѣцкому, в Дерѣстрѣ, мѣсяца июлия, индикта 14, в лѣто 6479.

Азь Святославъ, князь рускый, якоже кляхся, и утвѣржаю на свѣщанѣи семь роту свою и хочю имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякымъ и великымъ цесаремъ* грѣцкимъ и съ Васильемъ и съ Костянтиномъ, и съ богодохновенными цесари, и съ всеми людьми вашими, иже суть подо мною Русь, бояре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышляю на страну вашу, ни собираю людей, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ *властию* грѣцкою, ни на власть Корьсуньскую и елико есть *городовъ* ихъ, ни на страну Болъгарьску. Да аще инъ кто помыслитъ на страну вашу, да язъ буду противенъ ему и бьюся с ним. Якоже и кляхся азъ к цесаремъ грѣцкымъ, и со мною бояре и русь вся, да хранимъ

спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие. Он же взял и стал хвалить цесаря, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к цесарю и поведали все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань». И послал к нему цесарь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы какой-нибудь хитростью не истребили дружину мою и меня не убили», так как многие погибли в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к цесарю в Доростол, ибо там находился цесарь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Цесарь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с цесарем и узнает цесарь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с цесарем мир: ведь они уже обязались платить нам дань,— того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдём на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к цесарю, и пришли в Доростол и сказали о том цесарю. Цесарь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: “Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена”». Цесарь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Согласно другому уряжению, заключенному при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, цесарю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479.

Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми поданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими цесарями греческими, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными цесарями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим цесарям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы неизменным

правая свѣщания. Аще ли от тѣхъ самѣхъ и преждереченыхъ не храним, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от Бога, в неже вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, бога скотья, да будем золотѣ, якоже золото се,* и своимъ оружьемъ да иссѣчени будемъ, да умремъ. Се же имѣете во истину, якоже створихъ нынѣ к вамъ, и написахъ на хароты сей и своими печатями запечатахомъ».

Створивъ же миръ Святославъ съ грѣкы и поиде в лодяхъ къ порогом. И рече ему воевода отень и Свѣнгелдь: «Поиди, княже, около на конех, стоять бо печенѣзи в порозѣхъ». И не послуша его и поиде въ лодяхъ. Послаша же переяславци къ печенѣгом, глаголя: «Идетъ Святославъ в Русь, възем имѣнье много у грѣкъ и полонъ бещисленъ, а с маломъ дружины». Слышавше же печенѣзи се, заступиша пороги.* И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лзѣ проити пороговъ. И ста зимовать въ Бѣлобережьи, не бѣ в них брашна, и бысть гладь великъ, яко по полугривнѣ голова коняча, и зимова Святославъ. Веснѣ же приспѣвъши, поиде Святославъ в пороги.

В лѣто 6480. Приде Святославъ в пороги, и нападе на ня Куря, князь печенѣжский, и убиша Святослава, и взяша голову его, и во лбѣ его здѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху в немъ. Свѣнгелдь же приде къ Киеву къ Ярополку. И бысть всѣхъ лѣт княжения Святославля лѣт 28.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

В лѣто 6482.

В лѣто 6483. Ловы дѣюшю Свѣнгелдичю, именемъ Лоть, ишедъ бо изъ Киева, гна по звѣри в лѣсѣ. Узрѣ й Олегъ и рече: «Кто се есть?». И ркоша ему: «Свѣнгелдиць». И, заѣхавъ, уби й, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о том бысть межи има ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣнгелдь: «Поиди на брата своего и примеша власть един его», хотя отмстити сыну своему.

В лѣто 6484.

В лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьскую землю. И изыде противу ему Олегъ, и ополчистася, и сразившимася полкома, и побѣди Ярополкъ Олга. Побѣгъшю же Олгови с вои своими в город, рѣкомый Вручий,* и бяше мость чресъ гроблю к воротам городным, и, тѣснячися другъ друга, спехнуша Олга с моста въ дебрь. И падаху людье мнози с моста, и удавиша и кони и челоуѣци. И вшедъ Ярополкъ в город Олговъ, прия волость его, и посла искати брата своего, и искавше его, не обрѣтоша. И рече одинъ древлянинъ: «Азъ видѣхъ вчера, яко съпехнуша й с моста». И посла Ярополкъ искать, и волочиша трупье изъ гробли от утра и до полудни, и налѣзоша исподи Олга подъ трупьемъ, и внесше, положиша й на коврѣ. И приде Ярополкъ надъ онъ и плакася, и рече Свѣнгелду: «Вижь, иже ты сего хотяше». И погребоша Ольга на мѣстѣ у

договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем,— в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем колоты, как золото, и своим оружием посечены будем и умрем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел на ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и перезимовал Святослав. Когда же наступила весна, отправился Святослав к порогам.

В год 6480 (972). Пришел Святослав к порогам, и напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А было всех лет княжения Святослава двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И с того началась вражда между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати власть его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало с моста, и кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега внизу под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!» И похоронили Олега в поле у города Овруча, и

города Вручего, и есть могила его у Въручего и до сего дни. И прия волость его Ярополкъ. И у Ярополка жена грѣкини бѣ, и бяше была черницею, юже бѣ привель отець его Святославъ и вѣда ю за Ярополка, красы дѣля лица ея. Слышавъ же се Володимиръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Олга, убоявся, бѣжа за море. А Ярополкъ посади посадникъ свой въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

В лѣто 6486. В лѣто 6487.

В лѣто 6488. Приде Володимиръ с варягы къ Новугороду и рече посадником Ярополчичимъ: «Идете къ брату моему и речете ему: Володимиръ идетъ на тя, пристраивайся противу бится». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла к Роговолоду Полотъску, глаголя: «Хощу пояти дщерь твою женѣ». Онъ же рече дѣшери своей: «Хошеши ли за Володимира?». Она же рече: «Не хощу розути Володимера,* но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ перешель изъ заморья, имяше волость свою Полотъскѣ, а Туръ Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимири и *повѣдаша* ему всю рѣчь Рогнѣдину, дщери Рогъволождѣ, князя полотъского. Володимиръ же събра вои многы, варягы и словѣны, и чюдъ и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху вести Рогнѣдъ за Ярополка. И приде Володимиръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дщерь его Рогнѣдъ поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимиръ къ Киеву съ вои многыми, и не може Ярополкъ стати противу Володимиру, и затворися Ярополкъ въ Киевѣ съ людьми своими и съ Блудом; и стояше Володимиръ, обрывся на Дорогожичи,* межи Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимиръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, с лѣстью глаголя: «Попрій ми! Аще убью брата своего, имѣти тя начну въ отца мѣсто своего, и многу честь возмеша от мене: не я бо почаль братью бити, но онъ. Азъ же того убояхъся и приходхъ на нь». И рече Блудъ къ посланымъ Володимиромъ: «Азъ буду *ти въ пріязнь*». О злая лѣсть чловѣчская! Якоже Давидъ глаголетъ: «Ядый хлѣбъ мой, възвеличилъ есть на мя лѣсть».* Съи убо *лукавоваше* на князя лѣстью. *И паки*: «Языки своими лъсашу. Суди имъ, Боже, да отпадут от мыслии своих; по множеству *нечестіа их* изърини я, яко прогнѣваша тя, Господи».* И паки тоже рече Давидъ: «Мужи крови льстиви не приплывят дний своих».* Се есть свѣтъ золь, еже *свѣщеваютъ* <...> на кровопролитъе, то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь и дары, ти мыслятъ о главѣ князя своего на погубление, горьше суть таковии бѣсовъ. Якоже и Блудъ предасть князя своего, примъ от него чести многы, съ бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворивъся съ Ярополкомъ, слаше къ Володимиру часто, веля ему приступати къ городу браню, самъ мысля убити Ярополка; гражаны

есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовясь с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она ответила: «Не хочу разуть Владимира, но хочу за Ярополка». Этот Рогволд пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнеду взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог противостоять Владимиру и затворился Ярополк в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с коварством говоря: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как своего отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд посланным Владимиром: «Буду я тебе друг». О злое коварство человеческое! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, возвел на меня клевету». Этот же обманом задумал измену князю. И еще: «Языками своими льстили. Осуди их, Боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневили тебя, Господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумны те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Затворился Блуд <в городе> вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд

же не лѣзъ убити его. Блуд же не възмогъ, како бы ѿ погубити, замысли лѣстью, веля ему не изълазити на брань изъ града. И рече же Блудъ Ярополку: «Киянѣ слются къ Володимирю, глаголюще: “Приступай къ городу бранью, яко предамы ти Ярополка”. Побѣгни изъ града». И послуша его Ярополкъ и бѣжа изъ града, и, пришедъ, затворися въ градѣ Роднѣ на устьи Ръси,* а Володимиръ вниде в Киевѣ, и осѣдяху Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немъ, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши ли, колко вой у брата твоего? Намъ ихъ не *перебороти*. И твори миръ съ братомъ своимъ», лѣстя подъ ним, се рече. И рече Ярополкъ: «Тако буди». И посла Блудъ къ Володимеру, глаголя, яко «Събыся мысль твоя, яко приведу Ярополка к тебѣ, и пристрой убити ѿ». Володимиръ же, то слышавъ, възшедъ въ дворъ теремный отень, о немъже преже сказахом, сѣде ту с вой и съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ брату своему и рѣчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму». Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжко: «Не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в печенѣгы и приведеши воя». И не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру, и яко полѣзе въ двѣри, подъяста ѿ два варяга мечема подъ пазусъ. Блудъ же затвори двѣри и не дасть по немъ внити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяжко же, видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣгы и много воева с печенѣгы на Володимира, и одва приваби ѿ, заходивъ к нему ротѣ. Володимиръ же залѣже жену братьню грѣкиню, и бѣ непрадна, от нея же роди Святотолка. От грѣховнаго бо корене злый плодъ бываетъ: понеже была бѣ мати его черницею, а второе — Володимиръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчищъ бысть убо. Тѣмъже и отецъ его не любяше, бѣ бо от двою отцю — от Ярополка и от Володимира.

Посемъ рѣша варязи Володимеру: «Се град нашъ, и мы прияхом ѿ, да хошем имати откупъ на них по 2 гривнѣ от человекъ». И рече имъ Володимиръ: «Пожьдете, даже вы куны сберут за мѣсяць». И жьдаша за мѣсяць, и не дасть имъ. И рѣша варязи: «Съльстиль еси нами, да покажи ны путь въ грѣкы». Онъ же рече: «Идете». Изъбра от нихъ мужа добры и смыслены и храбры и раздая имъ грады; прочии же идоша Цесарюграду. И посла пред ними слы, глаголя сице цесареви: «Се идуть к тебѣ варязи, не мози ихъ дѣржати в городѣ, или то створят ти въ градѣ, яко здѣ, но расточи я раздно, а семо не пушай ни единого».

И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинъ и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна деревяна, а голова его серебряна, а усъ золот, и Хорьса, и Дажьбога, и Стрибога и Сѣмарыгла, и Мокошь.* И жряхут имъ, наричуще *богы*, и привожаху сыны своя, и жряху бѣсомъ, и осквѣрняху землю требами своими. И осквѣрнися требами земля Рус-

никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: “Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка”. Беги же из города». И послушался его Ярополк, бежал из города и, придя в город Родень в устье реки Роси, затворился там, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть будет так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, и как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: “Что ты мне ни дашь, то я и приму”. Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под мышки. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и долго воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

После всего этого сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе натворят тебе такое же зло в городе, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни единого».

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса и Дажьдбога, и Стрибога, и Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквер-

ская и холмъ ть. Но преблагый Богъ не хотяй смерти грѣшником: на томъ холмѣ нынѣ церкы есть святаго Василья, якоже послѣдѣ скажем. Мы же на преднее възвратимся.

Володимиръ же посади Добрыню, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришед Добрыня Новугороду, постави Перуна кумиръ надъ рѣкою Волховомъ, и жряхуть ему людье новгородьстии акы Богу.

Бѣ же Володимиръ побѣженъ похотью женскою. Быша ему видимыя: Рогънѣдъ, юже посади на Лыбеди, идеже есть нынѣ селце Передславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, и двѣ дщери; от грѣкини — Святополка; от чехыни — Вышеслава; а от другия — Святослава, а от болгарыни — Бориса и Глѣба. И наложницъ у него 300 въ Вышегородѣ, 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣмъ в сельци, еже зовут и нынѣ Берестовое. И бѣ несуть блуда, и приводя к себѣ мужьскыя жены и дѣвицы растляя. Бѣ бо женолюбецъ, яко и Соломонъ: бѣ бо у Соломона, рече, *женъ* 700, а наложницъ 300.* Мудръ же бѣ, а на конѣцъ погибе; съ же бѣ невеликъ, на конѣцъ обрѣте спасение. «Велий бо Господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть числа!»* Зло бо есть женская прелѣсть, якоже рече Соломонъ, покаявся, о женахъ: «Не внимати злѣ женѣ, медь бо каплетъ от устъ ея, жены любодѣица, во время наслажаеть твой гортань, послѣдѣ же горьчѣ желчи обрящеша. Прилѣпляющаяся ей *вънидутъ съ* смертию въ адъ. На пути бо животныя не находит, блудна бо теченья ея и неблагоразумна».* Се же рече Соломонъ о прелюбодѣицахъ. О добрыхъ же женахъ рече: «Дражыши есть каменя многоцѣннаго. Радуется о ней мужъ ея. Дѣть бо мужеви своему благо все житье. Обрѣтши волну и лень, створитъ благопотребная рукама своимъ. Бысть яко корабль, куплю дѣющъ, издавеча събираеть себѣ богатство, и въстаетъ из нощи, и даеть брашно дому и дѣло рабынямъ. Видѣвши тяжание, куповаша, от дѣлъ руку свою насадить тяжание. Препоясавши крѣпко чресла своя, и утвѣрди мышцы свои на дѣло. И вкуси, яко добро дѣлати, и не угасает свѣтилникъ ея всю ношь. Руцѣ свои простираеть на полезная, локти же свои утвѣржает на веретено. Руцѣ свои отвѣрзаеть убогимъ, плодъ же простре нищим. Не печеться о дому своемъ мужъ ея, егда кдѣ будет. Сугуба одѣнья створит мужю своему, очервлена и багряна себѣ одѣнья. Възоренъ бываетъ въ вратѣхъ мужъ ея, внигда аще сядеть на соньмищи съ старци и съ жители земля. Опоны створи и отдасть в куплю. Уста же своя отвѣрзе смыслено и въ чинъ молвити языкомъ своимъ. Въ крѣпость и в лѣпоту облечеша. Милостыня ея въздвигоша чада ея, обогатѣша, и мужъ ея похвали ю. Жена бо разумлива благословлена есть, боязнь же Господню да хвалит. Дадите ей от плода устъну ея, да хвалять въ вратѣхъ мужа ея».*

нилась жертвоприношениями земля Русская и холм тот. Но исполненный блага Бог не захотел гибели грешников, и на том холме ныне есть церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира Перуна над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден похотью. Были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, и наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлевая девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик Господь, и велико могущество его, и разуму его нет конца!» Женское прельщение — зло; вот как, покаившись, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене, ибо мед каплет с уст ее, жены прелюбодейцы; на мгновение только наслаждает гортань твою, после горчее желчи станет... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках, а о хороших женах сказал он так: «Дороже она многоценного камня. Радуетя на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, создает все потребное руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и дело рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит руки свои на дело. И вкусила она, что благо — трудиться, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои простирает к полезному, локти свои возлагает на веретено. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, — все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее замечен всем у ворот, когда сядет на совете со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, с достоинством говорит языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее; муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо хвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

В лѣто 6489. Иде Володимиръ к ляхомъ и зая грады ихъ: Перемышль, Червень* и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью. Семъ же лѣтъ и вятичи побѣди и възложи на ня дань от плуга, якоже отець его ималь.

В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимеръ и победи я въторое.

В лѣто 6491. Иде Володимиръ на ятвягы* и взя землю ихъ. И приде къ Киеву и творяше потребу кумиромъ с людми своими. И ркоша старци и бояре: «Мечемъ жребий на отрока и дѣвицю, на негоже падееть, того зарѣжемы богомъ». И бяше варягъ одинъ, бѣ дворъ его, идеже бѣ церкви святыя Богородица, юже създа Володимиръ. Бѣ же варягъ тѣй пришелъ от Грѣкъ и дѣржаше вѣру в тайнѣ крестьянскую. И бѣ у него сынъ красенъ лицом и душею, и на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не тѣрпяше бо дьяволь, власть имѣя надъ всеми, съй бяше ему акы тѣрнъ въ сердци, и тшашеся потребити оканный и наусти люди. И рѣша, пришедъша, послании к нему, яко: «Паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и бози себѣ, да створим потребу богомъ». И рече варягъ: «Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнило есть, не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками въ дровѣ *секирою* и ножемъ. А Богъ единъ есть, ему же служатъ грѣци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, и челоуѣка, и звѣзды, и солнце, и луну, и далъ есть жити на земли. И си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсом». Они же, шедъше, повѣдаша людемъ. Они же, возьмѣше оружье, поидоша на нь и разъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: «Дай сына своего, дамы и богомъ». Онъ же рече: «Аще суть бози, то единого себе послють бога, да поимуть сына моего. А вы чему *перетребуете* имъ?». И кликнуша и сѣкоша сѣни подъ ними, и тако побиша я. И не свѣсть никтоже, кде положиша я. Бяху бо челоуѣци тогда невегласи, погани, и дьяволь радовашеся сему, не вѣды, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо и *преди* тшашеся погубити родъ хрестьянскый, но прогонимъ бяше крестомъ честнымъ во иныхъ странах, здѣ же мняшеся оканный, яко здѣ ми есть жилище, здѣ бо не суть учили апостоли, ни пророци прорекъли, не вѣдый пророка, глаголюща: «И нареку не люди моя *люди моя*»;* о апостолѣхъ же рече: «Во всю землю изидоша вѣщания ихъ и в конѣць вселеня глаголи ихъ».* Аще бо и тѣломъ апостоли суть здѣ не были, но учения ихъ, яко трубы, гласять по вселений въ цѣрквахъ, имъже ученьемъ побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ нозѣ, якоже попраста и сия отъченика, и приемъша вѣнѣць небесный съ святыми мученики и съ праведными.

В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их: Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов и захватил их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, тех и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, и был двор его, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и втайне исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его, окаянный, и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, так принесем же жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны вручную из дерева секирою и ножом. Бог же один, которому служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и человека, и звезды, и солнце, и луну, и создал жизнь на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он и прежде погубить род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран. «Здесь же,— думал окаянный,— обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, ни пророки не предрекали», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми»; об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их». Если и не были здесь апостолы сами, однако учение их как трубные звуки раздается в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем противника и врага — дьявола, попирая его под ноги, как попрали и эти два отца наших, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

В лѣто 6492. Иде Володимиръ на радимици. И бѣ у него воевода Волчий Хвостъ, и посла пред собою Володимиръ Волчий Хвоста, и срѣте радимици на рѣцѣ Пишанѣ,* и побѣди Волчий Хвостъ радимици. Тѣмъ и русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пѣшаньци вольчья хвоста бѣгають». Быша же радимици от рода ляховъ; и, пришедше ту, ся вселиша, и платяты дань в Руси, и повозъ везуть и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимиръ на Болъгары съ Добрынею, уемъ своимъ, в лодьяхъ, а торки берегомъ приведе на конехъ. И тако побѣди болгары.* И рече Добрыня Володимиру: «Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ. Симъ дани намъ не платити, поидевѣ искать лапотникъ». И сътвори миръ Володимиръ с болгары, и ротѣ заходиша межи собою, и рѣша болгаре: «Толи не буди мира межи нами, оли же камень начнетъ плавати, а хмель грязнути». И приде Владимиръ къ Киеву.

В лѣто 6494. Придоша болгаре вѣры бохъмичи,* глаголюще, яко «Ты князь еси мудръ и смысленъ и не вѣси закона; да вѣруй въ законъ наш и поклонися Бохъмиту». Рече Володимиръ: «Кака есть вѣра ваша?» Они же рѣша: «Вѣруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, а свинины не ѣсти, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творити блудную. Дастъ Бохъмитъ комуждо по семидесятъ женъ красенъ, и изберець едину красну, и всѣхъ красоту възложит на едину, и та будетъ ему жена. Здѣ же, рече, достоить блудъ творити всякій. На семь же свѣтъ аще будетъ кто убогъ, то и тамо, аще ли богатъ есть здѣ, то и тамо». И ина многа лѣсть, еяже *нелзѣ* писати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любяше жены и блужение многое, и послушаше сладько. Но се бѣ ему не любо: обрѣзание удовъ и о *неядении* свиныхъ мясъ, а о питьи отинудъ рекъ: «Руси веселье питье, не можемъ безъ того быти». По семъ же придоша нѣмци от Рима, глаголюще, яко «Придохомъ послани от папежа». И ркоша ему: «Рекль ти папезъ: “Земля твоя яко земля наша, а вѣра ваша не акы вѣра наша, *вѣра* бо наша свѣтъ есть, кланяемъся Богу, иже створи небо и землю, и звѣзды, и мѣсяць и всяко дыхание, а бози ваши — древо суть“». Володимиръ же рече: «Кака есть заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «Пощение по силѣ. Аще кто пьетъ или ѣсть, все въ славу Божию,* рече учитель нашъ Павелъ». Рече же Володимиръ нѣмцомъ: «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше, жидове козарьстии* придоша, ркуще: «Слышахомъ, яко приходиша болгаре и хрестьяни, учаше тя кождо ихъ вѣрѣ своей. Хрестьяни бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ едину Богу Аврамову, Исакову, Иаковлю». И рече Володимиръ: «Что есть законъ вашъ?» Они же рѣша: «Обрѣзатися и свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити». Онъ же рече: «То кде есть земля ваша?» Они же рѣша: «Въ Иерусалимѣ». Онъ же рече: «То тамо ли есть?» Они же рѣша: «Разгнѣвалься Богъ на отци наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестьяномъ».*

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста впереди себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил Волчий Хвост радимичей. Оттого дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы от волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода поляков, пришли и поселились тут и платят дань Руси, повоз везут и доньше.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и так победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не платить — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарам, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том, если здесь богат, то и там», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье и подавно сказал: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли немцы из Рима, говоря: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: “Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево“». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; “если кто пьет или ест, то все это во славу Божию“, — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и зайчины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам».

Володимиръ же рече: «То како вы инѣхъ учите, а сами отвѣржени от Бога? Аще бы Богъ любилъ васъ, то не бысте расточнени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ то же мыслите зло прияти?»

По семь прислаша грѣци къ Володимиру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаше тя приняти вѣру свою. Ихъ же вѣра осквѣрняетъ небо и землю, иже суть проклятѣ паче всѣхъ чловѣкъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на няже пусти Богъ камѣнье горушее и потопа я, и погрязоша,* яко и сихъ ожидаетъ день погибели ихъ, егда придетъ Богъ судити на землю и погубити вься творящая безаконье и сквѣрны дѣющая. Си бо омывають оходы своя, поливавшеся водою, и въ ротъ вливають, и по брадѣ мажутся, наричюше Бохмита. Тако же и жены ихъ творятъ ту же сквѣрну и ино же пуше: от совокупления мужьска вкушаютъ». Си слышавъ, Володимиръ плюну на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахомъ же и се, яко приходиша от Рима учить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра с нами мало же развращена: служатъ бо опрѣсноки, рекши оплаткы, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити, и преда апостоломъ, примъ хлѣбъ, и рекъ: “Се есть тѣло мое, ломимое за вы”. Такжеже и чашю примъ, рече: “Се есть кровь моя новаго завѣта”.* Си же того не творять, и суть не исправилѣ вѣры». Рече же Володимиръ: «Придоша къ мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмьци и грѣци *вѣрують*, егоже мы распяхомъ». Философъ же рече: «Воистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорькоша, яко Богу родитися, а другии — распяту быти и третѣй день въскреснути и на небеса възити. Они же ты пророки и избиваху, а другия претираху. Егда же събысться проречение ихъ, сниде на землю, и распятѣ приять, и въскресе и на небеса възиде, а сихъ же ожидаше покаянья за 40 лѣтъ и за 6, и не покаяшася, и посла на ня римляны. Грады ихъ разьбиша, а самѣхъ расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ». Рече же Володимиръ: «Что ради сниде Богъ на землю и страсть таку приять?» Отвѣщавъ же, рече философъ: «Аще хочещи, княже, послушати из начала, что ради сниде Богъ на землю?» Володимиръ же рече: «Послушаю, радъ». И нача философъ глаголати сице:*

Въ начало испѣрва створи Богъ небо и землю въ 1 день. Въ вторѣй день створи твердь, иже есть посредѣ водъ. Сего же дни раздѣлишася воды, полъ ихъ възиде на твѣрдъ, а полъ ихъ под твѣрдъ.* Въ 3 день сътвори море, рѣкы, источники и сѣмена. Въ 4 — солнце, и луну, и звѣзды, и украси Богъ небо. Видѣвъ же пѣрвый от ангелъ, старѣйшина чину ангельску, помысли в себе, рекъ: «Сниду на землю, и прииму землю, и поставлю столъ свой на облацѣхъ сѣверьскихъ, и буду подобень Богу». И ту абы свѣрже и съ небеси, и по немъ спадоша иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятей. Бѣ же имя противнику Сотанаилъ, в неже мѣсто постави старѣйшину Михаила. Сотана же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы пѣрвыя, наречеся противникъ Богу. По семь же въ 5 день створи Богъ

Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они более всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых низверг Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день гибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, поливаются этой водой и вливают ее в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую: скверну совокупления вкушают». Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: “Это есть тело мое, ломимое за вас”. Так же и чашу взял и сказал: “Это есть кровь моя нового завета”. Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого мы распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие — что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взошел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния сорок шесть лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так:

В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь посреди воды. В тот же день разделились воды — половина их взошла на твердь, а половина сошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день — солнце, луну, звезды, и украсил Бог небо. Увидел все это первый из ангелов — старейшина чина ангельского и решил: «Сойду на землю, и овладею ею, и поставлю престол свой на облаках северных, и буду подобен Богу». И тотчас же был свергнут с небес и вслед за ним пали те, кто находился под его началом — десятый ангельский чин. Было имя врагу — Сатанаил, а на его место Бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником Богу. Затем, в

кыты, и гады, и рыбы, и птица пернатая, и звѣри, и скоты, и гады земныя. Въ 6 день створи же Богъ чловѣка.* Въ 7 день почи Богъ от дѣлъ своихъ, еже есть субота. И насади Богъ Рай на вѣстоци въ Едемѣ, и въведе Богъ ту чловѣка, егоже созда, и заповѣда ему от древа всякого ясти, от древа же *единого* не ясти, иже есть разумѣти злу и добру. И бѣ Адамъ в Раи, и видяше Бога и славяше, егда ангели славяху Бога, и онъ с ними. И възложи Богъ на Адама сонъ, и успе Адамъ, и взявъ Богъ едино ребро у Адама, и створи ему жену, и приведе ю къ Адаму, и рече Адамъ: «Се кость от кости моя и плоть от плоти моя, си наречеться жена». И нарече Адамъ имена всѣмъ скотом и птицам, и звѣрем, и гадомъ, и самѣма ангель повѣда имени. И покори Богъ Адаму звѣри и скоты, и обладаше всими, и послушаху его. Видѣвъ же дьяволь, яко почести Богъ чловѣка, позавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и прииде в Евзѣ, и рече ей: «Почто не яста от древа, сушаго посередѣ Рая?» И рече жена къ змии: «Рече Богъ: не имата ясти, оли — да умрета смертью». И рече змия къ женѣ: «Смертью не умрета; вѣдаше бо Богъ, яко вѣнже день яста от него, отвѣрзостася очи ваю, и будета яко Богъ, разумѣвающа добро и зло». И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и взявши жена снѣсть, и вѣдасть мужю своему, и яста, и отвѣрзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и сшиста листовиномъ смоковнымъ препоясание. И рече Богъ: «Проклята земля въ дѣлехъ твоихъ, в печали яси вся дни живота твоего». И рече Господь Богъ: «Егда како прострета руку, и возмета от древа животнаго, и живета в вѣки». Изъгна Господь Богъ Адама из Рая. И сѣде прямо Раю, плачася и дѣлая землю, и порадовася сатана о проклятѣи земля. Се на ны пѣрвое падение, горкый отвѣтъ, отпадения ангельскаго житья. И роди Адамъ Каина и Авеля, и бѣ Каинъ ратай, а Авѣль пастух. Принесе Каинъ от плодъ земныхъ къ Богу, и не прия Богъ даровъ его. А Авель принесе от агнѣць пѣрвѣнѣць, и прия Богъ дары Авѣлевы. Сотона же вѣлѣзе въ Каина и пострѣкаше Каина на убийство Авѣлево. И рече Каинъ къ Авелю: «Изидевѣ на поле». И яко изидоша, вѣста Каинъ и хотяше убити ѱ, не умѣяше убити ѱ. И рече ему сотона: «Возми камень и удари ѱ». И уби Авѣля. И рече Богъ Каину: «Кде есть братъ твой?» Он же рече: «Еда азъ стражъ есмь брату моему?»* И рече Богъ: «Кровь брата твоего въпиет къ мнѣ, буди стоня и трясися до живота своего». Адамъ же и Евга плачущася бяста, и дьяволь радовашеся, рекъ: «Сего же Богъ почести, азъ створихъ ему отпасти от Бога, и се нынѣ плачь ему налѣзох». И плакастася по Авѣлѣ лѣтъ 30, и не съгни тѣло его, и не умѣста погresti его. И повелѣньемъ Божиимъ пѣтѣнца два прилетѣста, единъ ею умре, и единъ же ископа яму, вложи умѣршаго и погребе. Видѣвша же се, Адамъ и Евга ископаста яму, и вложиста Авѣля, и погребоста ѱ съ плачем. Бысть же Адамъ лѣтъ 230 роди Сифа и 2 дщери, и поя едину Каинъ, а другую Сифъ, и от того чловѣци расплодишася по

пятый день сотворил Бог китов, и гадов, и рыб, и птиц пернатых, и зверей, и скотов, и гадов земных. В шестой день сотворил Бог человека. В седьмой же день почил Бог от дел своих, это и есть суббота. И насадил Бог Рай на востоке в Едеме и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева — познания зла и добра — не есть. И был Адам в Раю, видел Бога и славил его, когда ангелы славилы Бога, и он с ними. И навел Бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял Бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и привел ее к Адаму, и сказал Адам: «Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою». И нарек Адам имена всем скотам и птицам, зверям и гадам, и дал имена даже самим ангелам. И подчинил Бог Адаму зверей и скот, и обладал он всеми, и все его слушали. Дьявол же, увидев, как почтил Бог человека, и позавидовав ему, преобразился в змия, пришел к Еве, и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине Рая?» И сказала жена змию: «Сказал Бог: не ешьте, а не то — смертью умрете». И сказал жене змий: «Смертью не умрете; ибо знает Бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете, как Бог, ведать добро и зло». И увидела жена, что дерево съедобное, и взяв, съела жена плод и дала мужу своему, и ели оба, и открылись им очи, и поняли они, что наги, и сшили себе перепоясание из листвы смоковницы. И сказал Бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь питаться все дни твоей жизни». И сказал Господь Бог: «Когда прострете руки и возьмете от дерева жизни,— будете жить вечно». И изгнал Господь Бог Адама из Рая. И поселился он против Рая, плачась и возделывая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельского жития. Родил Адам Каина и Авеля. Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву Богу плоды земные, и не принял Бог даров его. Авель же принес первенца ягненка, и принял Бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: «Пойдем в поле». И, когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не сумел это сделать. И сказал ему сатана: «Возьми камень и ударь его». И убил Каин Авеля. И сказал Бог Каину: «Где брат твой?» Он же ответил: «Разве я сторож брату моему?» И сказал Бог: «Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стенать и дрожать до конца жизни своей». Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: «Кого Бог почтил, того я заставил отпасть от Бога, и вот ныне горе на него навлек». И плакались по Авеле тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением Божиим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем. Когда Адаму было 230 лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда,

земли. И не познаша створшаго я, исполнишася блуда и всякого *скаредиа*, и убийства, и зависти, и живяху скотьскы чловѣци. И бѣ Ной единъ правѣденъ в родѣ семъ. И роди 3 сына: Сима, Хама, Афета. И рече Богъ: «Не имать пребывати духъ мой въ чловѣцехъ», и рече: «Да *потреблю* чловѣка, егоже створих, от чловѣка до скота». И рече Богъ Ноеви: «Створи ковчегъ в долготу локоть 300, а в широту 80, а *възвышье* 30 локотъ — егуптъ бо локтемъ сажень зовуть. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣт, и повѣдаше Ной, яко быти потопу, посмѣхася ему. И егда сдѣла ковчегъ, рече Господь Богъ Ноеви: «Влѣзи ты, и жена твоя, и сынове твои, и снохы твоя, и въведи я к себѣ по двоему от всѣхъ гадъ, *скот и птиць*». И въведе Ной, якоже заповѣда ему Богъ. И наведе Богъ потопъ на землю, и потопе всяка плоть, и ковчегъ плаваше на водѣ. Егда же посяче вода, излѣзе Ной, и сынове его, и жена его. И от сихъ расплодися земля. И быша чловѣци мнози и единогласни, рѣша другъ другу: «*Съзижемъ* столпъ до небесе». И начаша здати, и бѣ старѣйшина имъ Невродъ.* И рече Богъ: «Умножишася чловѣци, и помыслы ихъ суетны». И съниде Богъ, и размѣси языки на 70 и два языка. Адамовъ же языкъ бысть не отъять у Авера: то бо единъ не приложися къ безумью ихъ, рѣкъ сице: «Аще бы чловѣком Богъ реклъ на небо столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ Богъ словом, якоже створи небеса, и землю, и моря и вся видимая и невидимая». Того ради сего языкъ не премѣнися, от сего суть еврѣи. На 70 и единъ языкъ раздѣлишася и разидошася по странам, каждо свой нравъ прияша. И по дьяволю научению ови рошением и кладязямъ жряху и рѣкам, и не познаша Бога. От Адама же до потопа лѣт 2242, а от потопа до раздѣленья языкъ лѣт 529.

По семь же дьяволъ в болша прелщения въвѣрже чловѣкы, и начаша кумиры творити, ови древяныя и мѣдяныя, а друзии мороморяны, златы и сребряны, и кланяхуться имъ, и привожаху сыны своя и дъщери своя и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквѣрнена. И начальникъ же бяше кумиротворению Серухъ, творяше бо кумиры въ имена мерътвыхъ чловѣкъ, бывшимъ овѣмъ цесаремъ, другимъ храбрымъ, и вольхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ. Се же Серухъ роди Фару, Фара же роди 3 сыны: Аврама, и Нахора, и Арана.* Фара же творяше кумиры, навикъ у отца своего. Аврамъ же, пришедъ въ ум, възрѣвъ на небо, и рече: «Воистину *той* есть Богъ, иже створилъ небо и землю, а отецъ мой прельщает чловѣкы». И рече Аврамъ: «Искушу богъ отца своего» и рече: «Отче! Прельщаша чловѣкы, творя кумиры древяны. То есть Богъ, иже створилъ небо и землю». И примъ Аврамъ огонь, зажже идолы въ *храминѣ*. Видѣвъ же се Аранъ, братъ Аврамовъ, рѣвнуя по идолѣхъ, хотѣ умчати идолъ, самъ згорѣ ту Аранъ и умре предъ отцемъ. Предъ сѣмъ бо не умиралъ сынъ предъ отцемъ, но отецъ предъ сыномъ, и от сего начаша умирати сынове предъ отцемъ. И възлюби Богъ Аврама, и рече Богъ Авраму: «Изиди изъ дому отца твоего и поиди в землю, в

всякой нечистоты, убийства, зависти, и жили люди как скоты. Только Ной один был праведен в роде людском. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал Бог: «Не будет дух мой пребывать среди людей»; и еще: «Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота». И сказал Господь Бог Ною: «Построй ковчег в длину 300 локтей, в ширину 80, а в высоту 30»; египтяне же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною Господь: «Войди в него ты и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех гадов, скотов и птиц». И ввел Ной, кого повелел ему Бог. И навел Бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена его. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на одном языке, и сказали они друг другу: «Построим столп до неба». И начали строить, и был старейшина у них Неврод; и сказал Бог: «Умножились люди и замыслы их суетные». И сошел Бог, разделил речь их на 70 и 2 языка. Только язык Адама не был отнят у Евера: этот один из всех остался непричастен к их безумному делу, и сказал так: «Если бы Бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы сам Бог словом своим — так же как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменялся его язык; от него пошли евреи. Итак, разделились люди на 70 и 1 народ и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению дьявола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам, и не познали Бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до разделения народов 529 лет.

Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они изготовлять кумиры: одни — деревянные, другие — медные, третьи — мраморные, а некоторые — золотые и серебряные. И поклонялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторых бывших царей или храбрых людей и волхвов, и жен прелюбодеек. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, задумавшись, посмотрел на небо и сказал: «Воистину тот Бог, который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей». И сказал Авраам: «Испытаю богов отца своего» и обратился к отцу: «Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянные кумиры? Тот Бог, кто сотворил небо и землю». Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храмине. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но и сам тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: «Изыди из дома отца твоего и пойди в землю, которую покажу

нюже ти покажу, и створю тя въ языкъ великъ, и благословятъ тя колѣна земная». И створи Аврамъ, якоже заповѣда ему Богъ. И поя Аврамъ Лота, сыновца своего, и бѣ бо ему Лоть шюринь и сыновець, бѣ бо Аврамъ поялъ братьню дщерь Ароню, Сарру. И приде в землю Хананѣйску къ дубу високу, и рече Богъ къ Авраму: «Сѣмени твоему дамъ землю сию». И поклонися Аврамъ Богу. Аврамъ же бяше лѣтъ 75, егда изиде от Хараона. Бѣ же Сарра неплоды, болящи *неплодским*. Рече Сарра Авраму: «Влѣзи убо къ рабѣ моей». И поемши Сарра Агарь и вдасть ю мужеву своему, и влѣзъ Аврамъ къ Агари. И зача Агарь и *роди сына*, и прозва Аврамъ Измаилом, а Аврамъ же бѣ лѣтъ 86, егда родися Измаил. По семъ же, заченши, Сарра роди сына и нарече имя ему Исакъ. И повѣлъ Богъ Авраму обрѣзати отроча, и обрѣза Аврамъ въ 8 день. И възлюбилъ Богъ Аврама и племя его, и нарече я в люди себѣ, и отлучилъ я отъ языкъ, нарекъ люди своя. Сему же Исаку *възмогшу*, Авраму же живущу лѣтъ 175 и умре, и погребенъ бысть. Исаку же бывшу лѣтъ 60, роди два сына — Исава и Якова. Исавъ же бысть лукавъ, а Яковъ правдивъ. Сий же Яковъ работа у уя своего изъ дщери его изъ *меньше* 7 лѣтъ, и не дасть ему ея *Лаван*, уй его, рекъ: «Старѣйшую поими». И вдасть ему Лию, старѣйшую, и изъ другое рекъ ему: «Другую работай 7 лѣтъ». Онъ же работа другую 7 лѣтъ изъ Рахили. И поя себѣ 2 сестреници, от неюже роди 8 сыновъ: Рувима, Семеона, Левгию, Июду, Исахара, и Заулону, Иосифа и Венямина, и от робу двою: Дана, Нефталима, Гада, Асира. И от сихъ расплодишася жидовѣ. Ияковъ же сниде въ Егупеть, сы лѣтъ 130 с родомъ своимъ, числомъ 65 душъ. Поживе же в Егуптѣ лѣтъ 17, и успе, и поработиша племя его за 400 лѣтъ.

По сихъ же лѣтѣхъ възмогша людье жидовьстии, умножишася, и насилыхуть имъ егуптяне работою. В си же времена родися Моисѣй в жидехъ, и рѣша *волъсви* егупетьстии цесарю, яко «Родилъся есть дѣтищъ въ жидохъ, иже хошетъ погубити Егупетъ». Ту абы повелѣ цесарь ражающаяся дѣти жидовьскыя вмѣтати в рѣку. Мати же Моисѣова, убоявшися сего погубления, взявши младенѣцъ, вложи въ крабѣицу и, несъши, постави в лузѣ. В се же время сниде дщи фараонова Фермуфи купаться и видѣ отроча плачущесе, и възвзя е и пошадилъ е, и нарече имя ему Моисей, и въскормилъ е. И бысть отроча красно, и бысть 4 лѣтъ, и приведе ѣ дщи фараоня къ отцю своему фараону. Видѣвъ же Моисѣя фараонъ, нача любити фараонъ отроча. Моисей же, хапаяся за шию цесареву, срони вѣнѣцъ съ главы цесаревы, и попра ѣ.* Видѣвъ же волхвъ, рече цесареву: «О цесарю! Погуби отроча се: аще ли не погубиши, имаеть погубити всь Егупетъ». И не послуша его цесарь, но паче повелѣ не погубити дѣтий жидовьскыхъ. Моисѣеву же възмогъшу, и бысть великъ в дому фараони. И бысть цесарь инъ, възавидѣша ему бояре. Моисѣй же уби егуптянина, бѣжа изъ Егупта и приде в землю Мадиямьску и, ходя по пустыни, научися от ангела Гавриила о бытѣи всего мира, и о пѣрвѣмъ чловѣци, и яже суть была

тебе, и произведу от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские». И сделал Авраам так, как заповедал ему Бог. И взял Авраам Лота, племянника своего; этот Лот был ему и шурином и племянником, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона — Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал Бог Аврааму: «Потомству твоему дам землю эту». И поклонился Авраам Богу. Аврааму же было 75 лет, когда вышел он из Харрана. Сара же была неплодной, болела бесчадием. И сказала Сара Аврааму: «Войди к рабе моей». И взяла Сара Агарь и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына, и назвал его Авраам Измаилом. Аврааму же было 86 лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сара и родила сына, и нарекла имя ему Исаак. И приказал Бог Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезал его Авраам на восьмой день. Возлюбил Бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, а назвав своим народом, отделил его от других. И возмужал Исаак, а Авраам жил 175 лет и умер, и был погребен. Когда же Исааку было 60 лет, родил он двух сыновей: Исав и Яков. Исав же был лжив, а Яков — праведен. Этот Яков работал у своего дяди семь лет, добываясь его младшей дочери, и не дал ее ему Лаван — дядя его, сказав: «Возьми старшую». И дал ему Лию, старшую, а ради другой сказал ему: «Работай еще семь лет». Он же работал еще семь лет ради Рахили. И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, Заулону, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от них пошли евреи. Иаков же, когда ему было 130 лет, пошел в Египет вместе со всем родом своим, числом 65 душ. Прожил он в Египте 17 лет и умер, а потомство его находилось в рабстве 400 лет.

По прошествии же этих лет усилились евреи и умножились, а египтяне притесняли их как рабов. В эти времена родился у евреев Моисей, и сказали волхвы египетские царю: «Родился ребенок у евреев, который погубит Египет». И тотчас же повелел царь всех рождающихся еврейских детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого истребления, взяла младенца, положила его в корзину и, отнеся, поставила ее подле реки. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила и дала имя ему Моисей, и вскормила. Был же тот мальчик красив, и, когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу. Фараон же, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей же, хватаясь как-то за шею царя, уронил с царской головы венец и наступил на него. Волхв же, увидев это, сказал царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то он сам погубит весь Египет». Царь же не только его не послушал, но, больше того, приказал не губить еврейских детей. Моисей, повзрослев, стал великим мужем в доме фараона. Когда же стал в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, бежал из Египта и пришел в землю Мадямскую, и, когда бродил по пустыне, узнал он от ангела

по нем и по потопѣ, и о смѣшении языкъ, аще кто колико лѣтъ бяше былъ, и *звѣздное* хождение и число, земельную мѣру и всяку мудрость. По семъ же явися ему Богъ в купинѣ огнь и рече ему: «Видѣхъ бѣду людей моихъ въ Егуптѣ и низлѣзохъ изяти я от руку егупетъску, изъвѣсти я от земли тоя. Ты же иди къ фараону цесарю егупетъску и речеши ему: “Пусти Израиля, да три дни положить тебе Господу Богу”. Аще не послушаетъ тебе цесарь егупетъскый, побью ѱ и всеми чудесы моими». И пришедъшю Моисѣови, и не послуша его фараонъ, и пусти Богъ 10 казний на фараона: 1 — рѣкы въ кровь, 2 — жабы, 3 — мѣшицѣ, 4 — пѣсья мухы, 5 — смерть на скотъ, 6 — прыщеве *горющии*, 7 — градъ, 8 — пружи, 9 — тма три дни, 10 — моръ в человѣцѣхъ. Сего ради 10 казний бысть на нихъ, яко 10 мѣсяць топиша дѣти жидовьскы. Егда же бысть моръ въ Егупте, рече фараонъ Моисѣови и брату его Аарону: «Отъидета въскорѣ». Моисѣй же, събравъ люди жидовьскыя, поиде от земля Егупетъскыя. И ведяше я Господь путемъ по пустыни къ Чермному морю, и предъидяше предъ ними ночью столпъ огнь, а во дни — облаченъ. Слышавъ же фараонъ, яко бѣжать людье, погна по нихъ, и притисну я къ морю. *Видѣвъше* же людье жидовьстии въспиша на Моисѣя, ркуше: «Почто *изведе* ны на смерть?». И въспи Моисѣй къ Богу, и рече Господь: «Что вопиеша къ мнѣ? Удари жезломъ в море». И створи Моисѣй тако, и раступися вода надвое, и внидоша сынове израилеви в море. Видѣвъ же, фараонъ гна по нихъ, сынове же израилеви придоша посуху. Яко излѣзоша на брегъ, и съступися море о фараонѣ и о воихъ его. И възлюби Богъ Израиля, и идоша от моря три дня по пустыни, и придоша в *Меронъ*. И бѣ ту вода горка, и възропташа людье на Бога, и показа имъ древо, и вложи е Моисѣй въ воду, и оладишася воды. По семъ же паки възропташа людье на Моисѣя и на Арона, ркуши: «Луче ны бяше въ Егуптѣ, еже ядохом мяса, и тукъ и хлѣбъ до сытости». И рече Господь Бог Моисѣови: «Слышах хулнание сыновъ Израилевъ». И дасть *им* манну ясти. По семъ же дасть имъ законъ на горѣ Синаистий. И Моисѣови въшедъшю на гору къ Богу, они же, съльавше тѣльчю главу, поклонишася аки Богу. Ихъ же Моисѣй исъсѣче 3000 числом. По семъ же паки възропташа на Моисѣя и на Арона, еже не бѣ воды. И рече Господь Моисѣови: «Удари жезломъ в камень», рекъ: «Ись сего камени егда не испустивъ воды?» И разгнѣвася Господь на Моисѣя, яко не възвеличи Господа, и не вниде в землю обѣтованую сего ради, роптанья онѣхъ ради, но възведе ѱ на гору Вамьску и показа ему землю обѣтованую. И умре Моисѣй ту на горѣ. И прия власть Исусъ Навгинъ. Сий приде въ землю обѣтованую и избѣ хананѣйско племя, и всели в нихъ мѣсто сыны Израилевы. Умѣрьшу же Исусу, бысть судья въ него мѣсто Июда, инѣхъ судий бысть 14. При нихъ же, забывше Бога, изъведъшаго я изъ Егупта, начаша служити бѣсом. И разгнѣвася Богъ, предаешеть я иноплемьником на расхыщение. И егда ся начну каяти, помиловашеть их, и паки укланяхуся на бѣсослужение. По сихъ же служаше

Гавриила о бытии всего мира, о первом человеке и о том, что было после него и после потопа, и о смешении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд и о числе их, и о размерах земли и всякую премудрость. Затем явился Моисею Бог пламенем в терновнике и сказал ему: «Видел я бедствия людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: “Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они потребу Богу”. Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими». Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил Бог на него десять казней: 1) окровавленные реки, 2) жабы, 3) мошки, 4) песьи мухи, 5) мор скота, 6) нарывы, 7) град, 8) саранча, 9) трехсуточная тьма, 10) мор на людей. Потому напустил Бог на них десять казней, что десять месяцев топили они детей еврейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: «Поскорей уходите!» Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их Господь через пустыню к Красному морю, и шел впереди их огненный столп ночью, а днем — облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними, и прижал их к морю. Увидев это, евреи стали кричать на Моисея: «Зачем повел нас на смерть?» И возопил Моисей к Богу, и сказал Господь: «Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю». И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море по суху. И когда вышли на берег, сомкнулась вода над фараоном и воинами его. И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на Бога, и показал он им дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и на Аарона: «Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта». И сказал Господь Моисею: «Слышал ропот сынов Израилевых», и дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к Богу, люди отлили голову тельца и поклонились ей как Богу. И иссек Моисей три тысячи этих людей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал Господь Моисею: «Ударь жезлом в камень» и сказал: «Из камня этого разве не источите вы воды?» И разгневался Господь на Моисея, что не возвеличил Господа. И не вошел он в землю обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамьскую и показал землю обетованную. И умер Моисей здесь на горе. И принял власть Иисус Навин. Этот вошел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на место его сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда; а иных судей было четырнадцать. При них забыли евреи Бога, изведшего их из Египта, и стали служить бесам. И разгневался Бог, и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда же начинали они каяться, — миловал их Бог; и снова уклонялись на служение бесам. Затем был судья Илья жрец, а затем пророк

Илий жрецъ, и по семь Самуиль пророкъ. Рѣша людьє Самуилу: «Постави нам цесаря». И разгнѣвася Богъ на Израиля и постави надъ ними цесаря Саула. Таче Саулъ не изволи ходити въ завѣтѣ Господни, избра Господь Давида, постави ѓ цесаря надъ Израилемъ, и угоди Давидъ Богу. Сему Давиду кляся Богъ, яко от племени его родитися Богу. И пѣрвое начаша пророчествовати о воплощении Божии, рекъ: «Изъ щрева преже деньница родихъ тя».* Се же пророчествовавъ 40 лѣт и умре. И по нем царствова и пророчествова сынъ его Соломонъ, иже възгради церковь Богови и нарече ю Святая Святыхъ. И бысть мудръ, но на конѣць поползеса; цесарьствовавъ лѣт 40 и умре. По Соломонѣ же цесарьствовавъ сынъ его *Ровоамъ*. При семь раздѣлися царство надвое жидовское: въ Ерусалимъ одно, а другое в *Самарию*.* Въ Самарѣи же царьствова Еровамъ, холопъ Соломонъ, иже створи двѣ кравь златѣ и постави едину въ Вефили на холмѣ, а другу въ Енданѣ и рекъ: «Се Бога твоя, Израилю». И кланяхуся людьє, а Бога забыша. Таче и въ Ерусалимѣ забывати Бога начаша, кланятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть *Арей*,* и забыша Бога отецъ своихъ. И нача Богъ посылати к нимъ пророкы. Пророци же начаша обличати о безаконьи ихъ и о служеньи кумирь. Они же начаша пророкы избивати, обличаеми от них. И разгнѣвася Богъ на Израиля велми и рече: «Отрину от себе и призову ины люди, иже мене послушают. И аще съгрѣшат, не помяну съгрѣшения ихъ». И нача посылати пророкы, глаголя: «*Прорицайте* о отвѣржении жидовствѣ и о призваньи стран».

Пѣрвое же начаша пророчествовати Осий, глаголя: «Преставлю царство дому Израилева и скрушю лукъ Израилевъ, и не приложю пакы помиловати дому Израилева, но *отмѣтаа*, отвѣргуся ихъ, — глаголетъ Господь, — и будут блудяще въ языкѣхъ».* Иеремѣя же рече: «Аще станеть Самуиль и Моисѣй, не помилую ихъ». И пакы той же Еремѣя рече: «Тако глаголетъ Господь: Се кляхся именемъ моимъ великимъ, аще будетъ отселѣ кдѣ имя мое именуемо въ устѣхъ иудѣйскихъ».* *Иезекиль* же рече: «Тако глаголетъ Господь Аданай: Расъсю вы вся, останкы твоя въ вся вѣтры, зане святая моя осквѣрнависте всими *негодованми* твоими. Азь же тя отрину и не имамъ тя помиловати пакы».* Малахия же рече: «Тако глаголетъ Господь: Уже нѣсть ми хотѣнья въ вас, понеже от востока и до запада имя мое прославися въ языкѣхъ, и на всяком мѣстѣ приносится кадило имени моего и жертва чиста, зане велье имя мое въ языкѣхъ. Сего ради дамъ васъ на понось и на пришествие въ вся языкы».* Исаия великий рече: «Тако глаголетъ Господь: Простру руку свою на тя, истылю тя и расъю тя, и *не* приведу тя». И пакы и тѣ же рече: «Възненавидѣхъ праздникы ваша и начаткы мѣсяць ваших не приемлю».* Амось же пророкъ рече: «Слышите слово Господне: Азь приемлю на вы плачь. Домъ Израилевъ падеса и не приложи вѣстати».* Малахия же рече: «Тако глаголетъ Господь: Послю на вы клятву и проклѣну благословение ваше, и разорю, и не будетъ въ вас».*

Самуил. И сказали люди Самуилу: «Поставь нам царя». И разгневался Бог на израильтян, и поставил им царя Саула. Однако Саул не захотел подчиниться закону Господню, и избрал Господь Давида, и поставил его царем над Израилем, и угодил Давид Богу. Давиду этому обещал Бог, что родится Бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении Божьем, говоря: «Из чрева прежде утренней звезды родил тебя». Так он пророчествовал 40 лет и умер. А после него царствовал и пророчествовал сын его Соломон, который создал храм Богу и назвал его Святая Святых. И был он мудр, но под конец согрешил; царствовал 40 лет и умер. После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось еврейское царство надвое: в Иерусалиме одно, а в Самарии другое. В Самарии же царствовал Иеровоам, холоп Соломона; сотворил он два золотых тельца и поставил — одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: «Вот боги твои, Израиль». И поклонялись им люди, а Бога забыли. Так и в Иерусалиме стали забывать Бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, иначе говоря Арею; и забыли Бога отцов своих. И стал Бог посылать к ним пророков. Пророки же начали обличать их в беззаконии и служении кумирам. Они же, обличаемые, стали избивать пророков. Бог разгневался сильно на Израиля и сказал: «Отвергну от себя, призову иных людей, которые будут послушны мне. Если и согрешат, не помяну согрешений их». И стал он посылать пророков, говоря им: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании иных народов».

Первым стал пророчествовать Осия, говоря: «Положу конец царству дома Израилева и сокрушу лук Израилев, уже не буду более миловать дом Израилев, но, отменяя, отвергнусь их, — говорит Господь, — И будут скитальцами между народами». Иеремия же сказал: «Хотя бы восстали Моисей и Самуил, не помилю их». И еще сказал тот же Иеремия: «Так говорит Господь: “Вот я поклялся именем моим великим, что не будет имя мое произносимо устами евреев”». Иезекииль же сказал: «Так говорит Господь Адонай: Рассею вас, и все остатки ваши развею по всем ветрам за то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими. Я же отрину тебя и не помилю тебя снова». Малахия же сказал: «Так говорит Господь: “Уже нет моего благоволения к вам, ибо от востока и до запада прославится имя мое между народами, и повсюду возносят фимиам имени моему и жертву чистую, так как велико имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов”». И еще сказал тот же пророк: «Возненавидел я праздники и начала месяцев ваших не приемлю». Амос же пророк сказал: «Слышите слово Господне: “Я подниму плач о вас. Пал дом Израилев и не встанет более”». Малахия же сказал: «Так говорит Господь: “Пошлю на вас проклятие и проклянью ваше благословение... разрушу его и не будет с вами”».

И много пророчествоваша о отвѣрженіи ихъ. Симъ же пророкомъ повелѣ Богъ пророчествовати о призваніи инѣхъ странъ в нихъ мѣсто. Нача звати Исаия, тако глаголя: яко «Законъ от мене изидетъ, и судъ мой свѣтъ странамъ. Приближается скоро правда моя, изидеть, и на мышцу мою страны уповаютъ».* Иеремѣя же рече: «Тако глаголетъ Господь: И положю дому Иудову завѣтъ новъ, дая законы в разумѣнья ихъ, и на сѣрдца ихъ напишу, и будутъ имъ въ Богъ, и ти будутъ мнѣ въ люди».* Исаия же рече: «Ветхая мимоидоша, а новая възвѣщаю. И преже възвѣщення явлено бысть вамъ: пойте Господеву пѣснь нову. Работающимъ ми призоветь имя ново, еже благословиться имя ново, еже благословится имя всей земли. Домъ мой домъ молитвъ прозвется по всѣмъ языкомъ».* Той же Исаия глаголетъ: «Открыеть Господь мышцею свою святую предъ всѣми языки. Узрять вси конци земля спасение Бога нашего».* Давидъ же: «Хвалите Господа вси языци, похвалите его вси людье».*

Тако Богу възлюбившу новыя люди, рекъ имъ снити к нимъ самъ и явится челоувѣкомъ плотью и пострадати за Адамово преступление. И начаша пророчествовати о воплощеніи Божии. И пѣрвое Давидъ, глаголя: «Рече Господь Господеву моему: сяди одѣсную мене, дондеже положю врагы твоя подножье ногама твоима».* И паки: «Рече Господь къ мнѣ: сынъ мой еси ты, азъ днесъ родихъ тя».* Исаия же рече: «Не солъ, ни вѣстьникъ, но самъ Господь, пришедь, спасеть ны».* И паки: «Яко дѣтишь родися намъ, ему же бысть начало на рамѣ его. И прозвется имя его “велика свѣта ангель” и велика власть его, и миру его нѣсть конца». И паки: «Се въ утробѣ дѣвая зачат и родить сынъ, и прозовуть имя ему Еммануиль».* Михѣя же рече: «Ты Вифлеоме, доме Ефрантовъ, еда не *много* еси быти в тысящахъ Иудовахъ? Ис тебе бо ми изидетъ старѣйшина быти *въ князехъ* въ Израили; исходъ его отъ дний вѣка. Сего ради дасться до времени ражающая родит, и прочии отъ братья его обратятся на сыны Израилевы».* Иеремія же рече: «Се Богъ наш, и не *въмѣнится* инъ к нему. Изъобрѣте всякъ путь художства, яко дасть Иякову, отроку своему. По сихъ же на земли явися и съ челоувѣкы поживе».* И паки: «Челоувѣкъ есть, и кто увѣсть, яко Богъ есть, яко челоувѣкъ же умираеть».* Захарья же рече: «Не послушаша сына моего, и не услышу ихъ, глаголетъ Господь».* Иосѣй рече: «Тако глаголетъ Господь: Плоть моя отъ нихъ».*

Прорекоша же и о страсти его, ркуше, якоже рече Исаия: «О лютѣ души ихъ, понеже свѣтъ золь свѣщаша, ркуше: Свяжемъ праведника».* И паки той же рече: «Тако глаголетъ Господь: Азъ не *супротивлюся* <...> ни глаголю противу. Плещи мои дахъ на раны, и ланитѣ мои на заушение, и лица моего не отвратихъ отъ *студа заплеваниа*».* Еремія же рече: «Приидите, въложимъ древо въ хлѣбъ его, изътребимъ отъ земля животь его».* Моисѣй же рече о распятіи его: «Узрите жизньъ вашу висящую предъ очима вашима».* И Давидъ рече: «Въскую шаташася языци».* Исаия же рече: «Яко овъча на зако-

И много пророчествовали пророки об отвержении их. Тем же пророкам повелел Бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал зывать Исайя, так говоря: «От меня произойдет закон и суд мой — свет для народов. Скоро приблизится правда моя и восходит, и на мышцу мою надеются народы». Иеремия же сказал: «Так говорит Господь: “Заклучу с домом Иудиным новый завет, давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом”». Исайя же сказал: «Прежнее миновало, а новое возвещу. И прежде возвещения оно было явлено вам: пойте Богу новую песнь. Рабам моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле. Дом мой назовется домом молитвы всех народов». Тот же пророк Исайя говорит: «Обнажит Господь святую мышцу свою перед глазами всех народов,— и все концы земли увидят спасение от Бога нашего». Давид же говорит: «Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди».

Так возлюбил Бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним сам, явится человеком в плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении Бога. Первым Давид возвестил: «Сказал Господь Господу моему: “Сядь одесную меня, доколе положу врагов твоих к подножию ног твоих”». И еще: «Сказал мне Господь: “Ты сын мой; я ныне родил тебя”». Исайя же сказал: «Ни посол, ни вестник, но сам Бог придя, спасет нас». И еще: «Как младенец родится нам, владычество на плечах его, и нарекут имя ему “великого света ангел” и велика власть его, и миру его нет предела». И еще: «Вот, дева во чреве зачнет, и нарекут имя ему Еммануил». Михей же сказал: «Ты, Вифлеем — дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами Иудиными? Из тебя ведь произойдет тот, который должен быть владыкою во Израиле и исход которого от дней вечных. Посему он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля». Иеремия же сказал: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее отроку своему Иакову. После того он явился на земле и жил между людей». И еще: «Человек он; кто узнает, что он Бог, ибо умирает как человек». Захария же сказал: «Не послушали сына моего, а я не услышу их, говорит Господь». И Осия сказал: «Так говорит Господь: “Плоть моя от них”».

Прорекли же и страдания его, говоря, как сказал Исайя: «Горе душе их, ибо совет зол сотворили, говоря: “Свяжем праведника”». И еще сказал тот же пророк: «Так говорит Господь: “Я не воспротивлюсь, не скажу вопреки. Хребет мой отдал я для нанесения ран, а щеки мои — на заушение, и лица моего не отвернул от поругания и оплевывания”». Иеремия же сказал: «Придите, положим дерево в пищу его и отторгнем от земли жизнь его». Моисей же сказал о распятии его: «Увидите жизнь вашу висящую перед глазами вашими». И Давид сказал: «Зачем мнутся народы». Исайя же сказал:

лень веденъ бысть». * Езра же рече: «Благословенъ Богъ, распростеръ руцъ свои и спаслъ Иерусалима».

И о възкресении же его рѣкоша. Давидъ: «Въстани, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши въ всѣхъ странахъ». * И паки: «Да възкреснетъ Богъ, и разидутся врази его». * И паки: «Въскрѣсни, Господи Боже мой, да възнесеться рука твоя». * Исаия же рече: «Сходящий въ страну и сѣнь смѣртъную, свѣтъ восияеть на вы». * Захарья же рече: «Ты въ крови завѣта твоего испустилъ еси ужники своя от рова, не имуши воды». * И ино много пророчествова о немъ же, и събытся все.

Рече же Володимиръ: «То въ кое время събытся се? И было ли се есть? Еда ли топѣрво хошет быти се?» И философъ же, отвѣщавъ, рече ему, яко «Уже преже събытся все, егда Богъ въплотися. Якоже преже ркох, жидомъ пророки избивающимъ, цесаремъ ихъ законы престапующимъ, предасть я на расхыщение въ пленъ, и ведени быша въ Асурию, грѣхъ ради ихъ, и работаша тамо лѣтъ 70. И по семь възвратишася на землю свою, и не бѣ у нихъ цесаря, но архиерѣи обладаху ими <...> до Ирода иноплеменьника, иже облада ими.»

В сего же власть, в лѣто 5000 и 500 посланъ бысть Гаврилъ въ Назаревъ къ дѣвици Марьи, от колѣна Давидова, рещи ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» * И от слова сего зачатъ Слово Божие во утробѣ, и породи сына, и нарече имя ему Исусъ. И се *волъсви* приидоша от вѣстока, глаголюще: «Кде есть рожийся цесарь *жидовескъ*? Видѣхом звѣзду его на вѣстоци, приидохом поклонитя ему». Слышавъ же се, Иродъ цесарь смятесе, и всѣ Иерусалимъ с нимъ, и, призвавъ книжники и старци людскыя, въпрашаше: «Кде Христосъ ражается?» Они же рѣша ему: «Въ Вифлеомѣ иудѣйстѣмъ». Иродъ же, се слышавъ, посла, рекъ: «Избѣйте младенца сушаа до дву лѣту». Они же, шедше, избиха младенциъ 14 000. Марья же, убоявшися, скры отроча. Иосифъ же съ Мариею, поимъ отроча и бѣжа въ Егупеть, и бысть ту до умертвия Иродова. Въ Егупте же явися аныгълъ Иосифу, глаголя: «Въстани, поими отроча и мать его и иди в землю Израилеву». Пришедъшю же ему, вселися въ Назаревъ. И възрастъшю же ему и бывшю ему лѣтъ 30, нача чюдеса творити и проповѣдати царство небесное. Изъбра 12 и яже ученики себѣ нарече, и нача чюдеса творити велика: мертвыя възкрешати, прокаженныя очишати, хромыя ходити, слѣпымъ прозрѣнье творити, и ина многа чюдеса велика, якоже бѣша пророци прорекли о немъ, глаголюще: «Тѣ недугы наша ицѣли, и болезни подъя». И крестися въ Иерданѣ от Ивана, * показая новымъ людемъ обновление. Крестившю же ся ему, и се отвѣрзошася небеса, и Духъ сходящъ зракомъ голубиномъ на нь, и глас глаголя: «Се есть сынъ мой възлюбленный, о немъже благоизволихъ». * И посылаше ученики своя проповѣдати царство небесное и покаяние въ оставленье грѣховъ. И хотя исполнити пророчество, и нача проповѣдати, яко подобаетъ сыну чловѣчьскому пострадати, и распяту бы-

«Как овца, веден был он на заклание». Ездра же сказал: «Благословен Бог, распростерший руки свои и спасший Иерусалим».

И о воскресении его вещали. Сказал Давид: «Встань, Боже, суди землю, ибо ты наследуешь среди всех народов». И еще: «Да воскреснет Бог, и да расточатся враги его». И еще: «Воскресни, Господь Бог мой, да вознесется рука твоя». Исая же сказал: «Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас». Захария же сказал: «И ты ради крови завета твоего освободил узников своих из оврага, в котором нет воды». И много пророчествовали о нем, что и сбылось все.

Спросил же Владимир: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?» Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился Бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их преступали законы, предал их <Бог> на расхищение, и выведены были в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там 70 лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменика Ирода, ставшего над ними властвовать.

В дни владычества его, в году пять тысяч и пятисотом послан был Гавриил в Назарет к деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» И от слова этого зачала она в утробе Слово Божие, и родила сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: «Где родившийся царь еврейский? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему». Услышав об этом, Ирод царь пришел в смятение и весь Иерусалим с ним, и, призвав книжников и старцев, спросил их: «Где рождается Христос?» Они же ответили ему: «В Вифлееме иудейском». Ирод же, услышав это, послал с приказанием: «Избейте младенцев всех до двух лет». Они же пошли и истребили младенцев четырнадцать тысяч. А Мария, испугавшись, спрятала отрока. Затем Иосиф с Марией, взяв отрока, бежали в Египет и пробыли там до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: «Встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву». И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было ему 30 лет, начал он творить чудеса и проповедывать царство небесное. И избрал двенадцать и назвал их учениками своими, и стал творить великие чудеса — воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым — и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о нем, говоря: «Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял». И крестился он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и Дух сошел в образе голубином, и голос сказал: «Вот сын мой возлюбленный, его же благоизволил». И посылал он учеников своих проповедывать царствие небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедывать о том, как подобает сыну человеческому постра-

ти, и въ 3 день въскреснути. И учащо ему въ церкви, архьерѣи исполнишася зависти и книжници искаху убити ѿ, и емъше ѿ, ведоша ѿ къ игѣмону Пилату.* Пилатъ же, испытавъ, яко безъ вины предаша ѿ, хотѣ пустити ѿ. Они же рѣша ему: «Аще тогопустиши, не имаеши быти другъ кесареви». Пилатъ же повелѣ, да ѿ расъпнут. Они же, поемъше Исуса, ведоша ѿ на мѣсто краньево,* и ту ѿ распяша. И бысть тма по всей земли от шестаго часа до 9-го, и при 9-мъ часѣ испусти духъ Исусъ. И церковная запона раздрася надвое, и мертвии въстаяху мнози, имъже повелѣ въ рай быти. И снемъше же ѿ съ креста, положиша ѿ въ гробѣ, и печатями запечаташа гробѣ людье же жидовъстии, и стражи приставиша, ркуше: «Еда украдутъ и ночью ученичи его». Онъ же въ 3 день въскресе. И явися ученикомъ, и въскресе изъ мертвыхъ, рекъ имъ: «Идете въ вся языки и научите вся языки, крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа». И пребысть с ними 40 дний, являся имъ по въскресении. И егда исполнися *дъний* 40, повелѣ имъ ити на гору Елеонскую. И ту явися имъ и, благословивъ я, рече имъ: «Сядете въ градѣ Иерусалимѣ, дондеже послю обѣтование Отца моего». И егда възношася на небо, ученики поклонишася ему. И възъратишася въ Иерусалимъ и бяху воину въ церкви. И егда скончася днии 50, сниде Духъ Святой на апостолы, и примъше обѣтование Святаго Духа, разидошася по вселенѣй, учаще и крестяще водою».

Рече же Володимиръ къ философу: «Что ради от жены родися, и на дъревѣ распятыся, и водою крестися?». Философъ же рече ему: «Сего ради, понеже испѣрва родъ чловѣчскый женою съгрѣши: дьяволь прелѣсти Евгою Адама, и отпаде рая; тако же и Богъ отмѣстье створи дьяволу, женою пѣрвѣ побѣженье бысть дьяволу, женою бо *пѣрвѣ** испадение бысть Адаму из раа; от жены же паки въплътися Богъ и повелѣ в рай ити вѣрным. А еже на дъревѣ распяты быти, сего ради, яко от древа вкушь и испаде породы; Богъ же на дъревѣ страсть приать, да древомъ дьяволь побѣженъ будет, и от древа праведнаго примут праведнии. А еже водою обновление, понеже *при Нои умножившемъ* грѣхомъ въ чловѣцех, и наведе Богъ потопъ на землю и потопи чловѣкы водою. Сего ради рече Богъ: «Понеже погубих водою чловѣкы грѣх ради их, нынѣ же паки водою очищу грѣхы чловѣкомъ обновлениемъ водою», ибо жидовскый родъ въ мори очистишася от египетскаго злаго нрава, понеже вода изначала бысть пръвое; рече бо, и Духъ Божий ношася врѣху воды, еже бо и нынѣ крестятся водою и Духомъ. Проображение бысть пръвое водою, якоже Гедеонъ прообрази. Егда прииде к нему аггелъ, веляше ему ити на мадиана, *онъ же, искушая*, рече къ Богу, положивъ руно на гумнѣ, рекъ: «И аще будет по всей земли роса, а на рунѣ суша...». И бысть тако. Се же прообрази, яко иностраны бѣша преже суша, а жидове — руно, послѣже на странахъ роса, еже есть святое крещение, а на жидѣхъ суша. И пророци же проповѣдаша, яко водою обновление будет.

дать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил он в церкви, архиереи исполнились зависти и хотели убить его и, схватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что без вины его ему передали, захотел его отпустить. Они же сказали ему: «Если отпустишь этого, то не будешь другом Цесарю». Тогда Пилат приказал, чтобы его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место, и тут распяли его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, встали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли его с креста, положили его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: «Как бы не украли ученики его». Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам своим и сказал им: «Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Пробыл он с ними сорок дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло сорок дней, повелел им идти на гору Елеонскую. И тут явился им и, благословив их, сказал: «Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование Отца моего». И, когда возносился на небо, поклонились ему ученики. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел Дух Святой на апостолов. А когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимир же спросил философа: «Почему родился он от жены, был распят на дереве и крестился водою?» Философ же ответил ему: «Того ради, что вначале род человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и лишился тот рая; так и Бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, из-за жены первоначально был изгнан Адам из рая; так же через жену воплотился Бог и повелел войти в рай верным. А на древе он был распят потому, что от древа вкусил <Адам> и лишился рая; Бог же на древе принял страдания, чтобы древом был побежден дьявол, и древом праведным спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел Бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал Бог: «Как водою погубил я людей за грехи их, так и теперь вновь водою очищу от грехов людей,— водою обновления»; ибо и евреи в море очистились от египетского злого нрава, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: Дух Божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и Духом. Первое преобразование тоже было водою, чему Гедеон дал прообраз. Когда пришел к нему ангел, веля ему идти на мадимьян, он же, испытывая, обратился к Богу, положив руно на земле, сказал: «Если будет по всей земле роса, а руно сухо...» И было так. Это же было прообразом, что все иные страны были прежде без росы, а евреи — руно, после же на другие страны пала роса, которая есть святое крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду.

Апостолом же учашим по вселенней вѣровати Богу, их же учение и мы, греци, приахом, и вся вселеннаа вѣрует учению их. Нарекль же есть Богъ единъ день, в он же хошет судити, пришедый, живым и мертвым и въздати комуждо по дѣлом их: праведному царство небесное, и красоту неизреченную, веселие без конца, и не умирати в вѣки, а грѣшником — мука огненна, и червь неусыпаемый, и муцѣ не будет конца. Сиче же будут мучения, иже не вѣруют Господу нашему Иисусу Христу: мучими будут въ огни, иже ся не креститъ. И се рекъ, показа ему запону, на нейже бѣ написано судище Господне, показываше же ему одесную праведныа въ веселии *предъидуца* в рай, а ошуюю — грѣшныа, идуших въ муку. Вълодимер же, въздохнувъ рече: «Добро сим одесную, горе же сим ошуюю». Он же рече: «Аще хощеша одесную стати, то крестися». Вълодимеръ же положи на сердци своем, рекъ: «Пожду еще мало», хотя испытати о всѣх вѣрах. Вълодимер же, сему дары многы въздавъ, отпусти съ честию великою.

В лѣто 6495. Съзва Вълодимеръ бояры своя и старци градскыа и рече имъ: «Се приходиша къ мнѣ болгаре, рекуще: “Прими закон нашъ”. По сем же приидоша нѣмци, и тые хваляху закон свой. По сих приходиша жидове. Сих же послѣди приходиша и греци, хуляше всѣ законы, свой же хваляше, и много глаголаша, сказующе от начала миру. Суть же хитро сказующе, яко и другыи свѣтъ повѣдаютъ быти, и чюдно *слышати их: да аще кто*, дѣеть, в нашу вѣру ступитъ, то паки, умереть, станеть, и не умрети ему в вѣки, аще ли в-ынъ законъ ступитъ, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своего никтоже не хулитъ, но хвалитъ. Аще хощеша испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ, испытай кождо ихъ службу, и кто како служитъ Богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ. Избраша *мужи добры* и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: «Идете первое в Болгары, испытайте вѣру ихъ и службу». Они же идоша и, пришедше, видиша сквѣрная дѣла ихъ и кланяние въ ропати, и придоша в землю свою. И рече имъ Володимѣръ: «Идете паки в нѣмцѣ и сгядайте такоже, и оттуду идете въ Грѣкы». Они же придоша в нѣмцѣ и сгядавша церковь и службу ихъ, и придоша к Цесарюграду и внидоша къ цесарю. Цесарь же испыталъ, коея ради вины придоша. Они же исповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ цесарь и рад бысть, и честь велику створи имъ въ тѣ день. Наутрѣя же посла къ патрѣарху, глаголя сиче: «Придоша русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилось и самъ причинися въ святительския ризы, да видятъ славу Бога нашего». И си слышавъ патрѣархъ и повелѣ созвати крилось всь, и по *обычаю* створи празникъ, и кадила възгоша, и пѣния лики составиша. И иде и цесарь с ними во церковь, и поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, и пѣнья, и службу архиерѣйскы, и предстоянныа дьяконъ, сказующе имъ служение Бога своего. Они же въ изумѣнныи бывше и удивившеся, похвалиша

Когда апостолы учили по вселенной веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, и вся вселенная верует учению их. Установит же Бог и день единый, в который будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам его: праведникам царство небесное и красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же страдания в огне, червь неусыпающий и муки без конца. Таковы же будут мучения тем, кто не верит Господу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится». И, сказав это, <философ> показал <Владимиру> завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». <Философ> же сказал: «Если хочешь с праведниками по правую сторону стать, то крестись». Владимиру же запало это в сердце, и сказал: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: “Прими закон наш”. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира. И удивительное рассказывают, будто бы и другой свет есть — и чудно слушать их, — если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то по смерти снова встанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у кого служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их и службу». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к цесарю. Цесарь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав это, цесарь обрадовался и в тот же день оказал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские, разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила зажгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в

службу ихъ. И призвавша я цесаря Василѣй и Костянтинъ,* и рѣста имъ: «Идете в землю вашу». И *отпустиша* я с дары великы и с честию. Они же придоша в землю свою. И созва князь бояры своя и старца, рче Володимерь: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече имъ: «Скажите предъ дружиною». Они же рѣша, яко «ходимомъ первое в *Болгары* и смотрихомъ, како ся кланяють въ храминѣ, рекше в ропатѣ, стояще бес пояса: и поклонився, сядет и глядитъ сѣмо и овамо, акы бѣшенъ, и нѣсть веселія у нихъ, но печаль и смрадь великъ. И нѣсть добръ законъ ихъ. И приходомъ в Нѣмцѣ и видихомъ службу творяща, а красоты не видихомъ никоеяже. И приходом же въ Грѣкы, и ведоша ны, идеже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небеси ли *есмы были*, или на землѣ: нѣсть бо на земли такого вида или красоты такая, недоумѣемъ бо сказати. Токмо то вѣмы, яко *онѣдѣ* Богъ съ чловѣкы пребываетъ, и есть служба ихъ паче всихъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя — всякъ бо чловѣкъ, аще преже вкусить сладка, послѣди же <...> не можетъ горести прияти — тако и мы не имамъ сде жити». Отвѣщавъша же боярѣ и рѣша: «Аще лихъ бы законъ грѣчкый, то не бы баба твоя Олга прияла крещения, яже бѣ мудрѣйши всихъ чловѣкы». Отвѣщав же Володимѣръ, рече: «То кде крещение приемемъ?». Они же рѣша: «Кдѣ ти любо».

И минувшу лѣту, в лѣто 6496, иде Володимерь с вои на Корсунь, град грѣчкый, и затворишася корсуняни въ градѣ.* И ста Володимѣръ об онъ полъ града в лимени, выдале града стрѣлище *едино*. И боряхуся крѣпко горожанѣ с ними. Володимерь обстоя град. И изнемогаху людие въ градѣ, и рече Володимерь к гражданамъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣта». Они же не послушаша того. Володимерь же изряди воя своя и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спушимъ, корсуняне, подкопавше стѣну градскую, крадяху *сыплемую* персть и ношаху к собѣ в град, сыплюше посредѣ града. Вои же присыпаху боле, и Володимерь стояше. И се мужъ именемъ Анастасъ корсуняннинъ стрѣли, написавъ на стрѣлѣ: «Кладези, яже суть за тобою от вѣстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавше, преимете воду». *Володимерь* же, се слыша, възрѣвъ на небо, и рече: «Аще ся сбудеть, се имамъ креститися». И ту абъе повелѣ копати преку трубамъ, и переяша воду. И людье изнемогаху жажею водною и предашася. И вниде Володимерь въ град и *дружина* его, и посла Володимиръ къ цесареви, Василию и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышу же се, яко сестру имаете дѣвою, да аще ея не вдасте за мя, то створю граду вашему, яко и сему створихъ». И се слышавша цесаря, *быста* печална, посласта вѣсть, сице глаголюще: «Не *достойтъ* крестьяномъ за поганья посягати и даяти. Аще ли ся крестиши, то приимеши се и получиши царство небесное, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хочеши створити, не можевѣ дати сестры своей за тя». И сѣ слышавъ Володимѣръ и рече посланымъ от цесарю: «Глаголите цесарема тако, яко азъ

восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цесари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними»,— и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили прежде всего в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, называемом мечетью. Стоят там без пояса и, сделав поклон, садятся и глядят туда и сюда, как безумные, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не хорош закон их. И пришли мы к немцам и видели их службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали мы — на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом,— знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы бабка твоя Ольга крещения, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на другом берегу лимана, на расстоянии полета стрелы от города, и крепко сопротивлялись горожане. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушали его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал насыпать землю горой у городских стен. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, крали насыпанную землю, и носили ее себе в город, и сыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж именем Анастас, корсунянин, пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это,— сам крещусь!» И тотчас же повелел копать поперек трубам, и перекрыли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к цесарям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цесари и послали ему весть такую: «Не пристало христианам жениться и выдавать замуж за язычников. Если же крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единовырен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от цесарей: «Скажите цеса-

крещуюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любь, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мужи». И се слышавша цесаря и рада быста, и умолиста сестру свою, именовемъ Анну, и посласта к Володимеру, глаголющи: «Крестися, тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». И рече Володимеръ: «Да пришедше съ сестрою вашею крестятъ мя». И послушаста цесаря и посласта сестру свою и сановники нѣкыя и прозвутеры. Она же не хотяше ити яко в поганяя,* и рече им: «Луче бы ми сде умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратитъ Богъ Рускую землю в покаяние, а Грѣчкую землю избавиши от лютыя рати. Видиши ли колико зло створиша русь грѣкомъ? Нынѣ же, аще не идеши, то же имуть творити намъ». И одва принудиста. Она же, всѣдши в кубару, цѣловавши ужикы своѣ с плачемъ, поиде чресь море. Яко приде ко Корсуню, и излѣзоша корсуняни с поклономъ, и введоша ю въ градъ, и посадиша ю в полатѣ. По Божью же строенью въ се время разболѣлся Володимеръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и не домышляше, что створити. И посла къ нему цесарица, рекуще: «Аще хочещи болезни сея избыти, то вскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаеши избыти сего». И си слышавъ, Володимеръ рече: «Аще се истина будет, поистѣнѣ великъ Богъ крестьянескъ». И повелѣ крестити ся. И епископъ же корсунскый с попы цесарицины, огласивъ ѿ, и крести Володимѣра. И яко возложи руку на нь, и абье прозрѣ. Видив же се Володимеръ напрасное исцѣление и прослави Бога, рекъ: «То первое увидѣхъ Бога истиннаго». Си же увидивше дружина его, мнози крестисаша. Крести же ся въ церкви святое Софьи,* и есть церкви та стояще в Корсуни градѣ, на мѣстѣ посредѣ града, идеже торгъ дѣють корсунянѣ; полата Володимѣря воскрай церкви стоитъ и до сего дни, а цесарицина полата за олтѣаремъ. По крещении же приведе цесарицу на обручение.

Се же не свѣдуше право, глаголють, яко крестился есть в Киевѣ, инии же рѣша — в Василевѣ, друзии же рѣша инако сказующе.

И крещену же Володимеру в Корсуни, предаша ему вѣру крестьянскую, рекуще сице: «Да не прельстятъ тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя: «Вѣрую въ единого Бога Отца, вседержителя, творца небу и землѣ» и до конца вѣру сию. И пакы: «Вѣрую въ единого Бога-Отца нерожена, и въ единого Сына рожена, и въ единъ Святой Духъ исходящъ: три собьства свѣршена, мыслъна, раздѣляема числомъ и собьствомъ, а не божествомъ, раздѣляетъ бо ся не раздѣлно, и совокупляется неразмѣсно. Отець бо, Богъ-Отець, присно сый пребываетъ въ отечествѣ, нероженъ, безначаленъ, начало, вина всимъ, единемъ нероженемъ старѣй сы Сыну и Духови. От него же ражається Сынъ преже всихъ вѣкъ, исходитъ же Духъ Святой и безъ време и бес тѣла; вкупѣ Отець, вкупѣ Сынъ, вкупѣ Духъ Святой есть. Сынъ подобосущенъ и безначаленъ <...>, роженемъ точию разнествуя Отцю и Духу. Духъ есть пресвятой, Отцю и Сыну под-

рям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде разузнал о законе вашем и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цесари, услышав это, и упростили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня». И послушались цесари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти к язычникам и сказала им: «Лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села на корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. Когда прибыла в Корсунь, вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и отвели ее в палату. По божественному промыслу разболелись в то время у Владимира глаза, и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга этого». Услышав это, Владимир сказал: «Если же так и будет, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, увидев свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь познал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святой Софии, а стоит церковь та в городе Корсуну посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака.

Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут.

Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: “Верую во единого Бога Отца вседержителя, творца неба и земли” — и до конца этот символ веры. И еще: “Верую во единого Бога Отца нерожденного и во единого Сына рожденного, в единый Святой Дух, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности; ибо разделяется <Бог> нераздельно и соединяется без смешения. Отец, Бог Отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем Сын и Дух; от него же рождается Сын прежде всех времен, Дух же Святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосущен Отцу и безначален, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же пресвятой подобосущен Отцу и

обосуень и присносуень.* Отцю бо отечество, Сыну же сыновство, Святому Духу исхождение. *Ни* Отець бо *въ* Сынъ или *въ* Духъ преступаетъ, *ни* Сынъ въ Отца и Духа, *ни* Духъ въ Сынъ или въ Отець, *неподвижна* бо *свойствия*. Не трие бози — единъ Богъ, понеже едино божество въ трехъ лицахъ. Хотѣнемъ же Отца же и Духа свою *спасти* тварь, отечскихъ ядръ, иже не отступи, шедъ и въ дѣвичьское ложе пречистое, акы Божье сѣмя вшед и плоть съдушвну, и словесну же, и умну, не преже бывшу, примъ, изииде Богъ воплощень, родивыся неизрѣченънѣ и дѣвство матери схрани нетлѣнно, не смятение, ни размѣшение, ни измѣнения пострадавъ, но пребывъ еже бѣ, *прием* рабий зракъ истинною, а не мечтаниемъ, всячьскы, развѣ грѣха, намъ подобень бывъ. Волею родися, волею бо взалка, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, истинною, а не мечтаниемъ, вся свѣршена, не оклеветанныи страсти челоуѣчества. Распятъ же ся, смерти вкуси безгрѣшный и въскресъ въ своей плоти, и, не вѣдѣвши истлѣннѣ, на небеса възиде и седе одесную Отца. И придетъ же паки съ славою судити живымъ и мертвымъ, якоже взиде съ своею плотью, тако и снидеть.

К симъ едино крещение исповѣдаю водою и духомъ, приступаю къ пречистымъ тайнамъ, *вѣрую* въ истину тѣло и кровь, и приемлю церковная предания, и кланяюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному и кресту, и всякому кресту и святымъ мощемъ и святымъ съсудомъ. *Вѣруй* же семи сборъ святыхъ отецъ,* иже есть первый в Никии 300 и 18, иже прокляша Арья и проповѣдаша вѣру непорочну и праву. Второй же сборъ в Костянтинѣградѣ святыхъ отецъ 100 и 50, иже прокляша Македонья духоборца и проповѣдаша Троицю единосущную. 3-й же сборъ въ Ефесѣ святыхъ *отець* 200 на Несторья, егоже прокленше, проповѣдаша святую Богородицю. 4-й сборъ в Халкидонѣ святыхъ отецъ 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, еюже прокленше святии отци, изгласивше свершена Бога и свѣршена челоуѣка Господа нашего Исуса Христа. 5 сборъ въ Цесарѣградѣ святыхъ отецъ 100 и 60 и 5 на Ерегенова предания и на Евагрия, ихже прокляша святии отци. 6-й сборъ Цесарѣградѣ святыхъ отецъ 100 и 70 на Сергия и Кура, ихже *прокляша* святии отци. 7-й сборъ в Никеи святыхъ отецъ 300 и 50, прокляша, иже не поклоняются иконамъ.

Не принимай же от латынѣ учения, их же учение развращено: влѣзше бо въ церковь, не поклоняются иконамъ, но стоя *поклониться* <...> и, поклонився, напишетъ крестъ на земли и цѣлуеть, и встанеть простъ ногама на немъ, да, легъ, цѣлуеть, а вставъ попираеть. Сего бо апостоли не предаша: предали суть апостоли крестъ поставленъ цѣловати, иконы предаша. Лука бо еуангелистъ, первое написавъ, посла въ *Римъ*. «Якоже глаголетъ Василѣй, *икона* на первый образъ приходить».* Паки же землю глаголють

Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или в Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменные их свойства. Не три бога, но один Бог, так как божество едино в трех лицах. Желанием же Отца и Духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился Бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский — на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам <людям>... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле утрастился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, — воскрес в собственном теле, не зная тления, взошел на небеса, и сел справа от Отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет.

Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и кровь, принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному дереву и кресту, и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никее 318 отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония и проповедовавших единосущную Троицу. Третий же собор — в Ефесе 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедовали святую Богородицу. Четвертый собор в Халкидоне 630 святых отцов против Евтуха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде 170 святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам.

Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не склоняются перед иконами, но, стоя, кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами, — так что ложась целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. Как говорит Василий: чествование иконы переходит на ее первообраз. Больше того, называют они землю

матерью. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони створи Богъ небо и *такоже* землю. Тако глаголють: «Отче нашъ, иже еси на небеси». Аще ли по сихъ разуму земля есть мати, почто плюете на матеръ свою? Да сѣмо ю лобызаете, а семо ю сквѣрните? Сего же римлянѣ не творяху, но исправляху на всехъ сборѣхъ, *сходящяся* от Рима и от всехъ престолѣ. На первомъ сборѣ, иже на Арья, иже в Nikeи, от Рима преже Селивестръ посла епископы и прозвутеры, а от Александрия *Афанасия*, от Цесаряграда Митрофанъ посла епископы от себе, и тако исправляху вѣру. На второмъ же сборѣ от Рима Дамась, а от Александрѣа Тимофѣй, от Антиохия Мелетий, Куриль Ерусалимскый, Григорѣй Богословець. На третьемъ же сборѣ Келестинъ Римскый, Куриль Александрийскый. На 4 же сборѣ Леонтий Римскый, *Анатолѣй* Цесаряграда, Увеналий Ерусалимскый. На пятомъ сборѣ Римскый Вилигий, Евтухий Цесаряграда, Аполинарий Александрийскый, Домнинъ Антиохийскый. На шестомъ сборѣ от Рима Агафонъ, Георгий Цесаряграда, Фефанъ Антиохийскый, от Александрия Петръ мнихъ. На 7-мъ сборѣ Андрианъ от Рима, Тарасий Цесаряграда, Политьянъ Александрѣйскый, Феодоръ *Антиохийскый*, Илья Ерусалимскый. Сии вси съ своими епископы и, *сходящяся*, и правяху вѣру. По семемъ же сборѣ Петръ Гугнивий* съ иними шедъ в Римъ и прѣстолъ всъхытивъ, развративъ вѣру, отвѣргъся престола Ерусалимскаго, и Александрѣйскаго, и Цесаряграда и Антиохийскаго. И возмутиша Италию всю, сѣюще учение свое раздно, тѣм же держать не в одино съглашение вѣру, но раздно: овии бо поповѣ, одиною женою оженився, служить, а друзии до семи женъ *поимающе* служить, ина же многа раздно держать, ихже блюдися учения. Прашають же грѣхы на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да хранить ть, княже, от сего».

Володимеръ же поимъ цесарицю, и Настаса, и попы корсуньскыя, мощи святаго Климента* и Фива, ученика его, и поима съсуды церковныя, иконы на благословенье себе. Постави же церковь святаго Иоана Предтечу в Корсунѣ на горѣ, иже ссыпаше средѣ града, крадуше приспу, и яже и церкви стоять и до сего дни. Взяша же, идя, мѣдянѣ 2 капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, яко иже невѣдуше *мнать* я мраморяны суша. Вдасть же за вѣно Корсунъ грѣкомъ цесарицѣ дѣля, а самъ прииде Киеву. И яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другыя огньви предати. Перуна же повелѣ привязати къ коневу хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужа пристави бити жезлиемъ. Се же не яко древу чююще, но на поругание бѣсу, иже прильщаше симъ образомъ чловѣкы, да возмѣстье приметь от чловѣкѣ. «Велий еси, Господи, чюдная дѣла твоя!»* Вчера чѣстимъ от чловѣкѣ, а днесъ поругаем. И влѣкому же ему по Ручаеву къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли крещения. И привлекше, и вринуша ѣ въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы-то

матерью. Если же земля им мать, то отец им небо,— изначала сотворил Бог небо, также и землю. Так говорят: «Отче наш, иже еси на небеси». Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же ее лобзаете и тут же оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. На первый собор в Никее против Ария <папа> римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров; от Александрии Афанасий, а от Царьграда Митрофан послали от себя епископов и так исправляли веру. На втором же соборе — от Рима Дамас, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На третьем же соборе — Келестин Римский, Кирилл Александрийский. На четвертом же соборе — Леонтий Римский, Анатолий из Царьграда, Ювеналий Иерусалимский. На пятом соборе — Римский Вигилий, Евтихий из Царьграда, Аполлинарий Александрийский, Домнин Антиохийский. На шестом соборе — от Рима Агафон, Георгий из Царьграда, Феофан Антиохийский, от Александрии монах Петр. На седьмом соборе — от Рима Адриан, Тарасий из Царьграда, Политиан Александрийский, Феодор Антиохийский, Илья Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляли веру. После же седьмого собора Петр Гугнивый вошел с иными в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола Иерусалимского, Александрийского, Константинопольского и Антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея различные свои учения, потому и нет у них единой согласованной веры, а различные: одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат, иные же и многие другие отличия имеют, и следует остерегаться их учения. Прощают же они и грехи за подношения, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

Владимир же взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь святого Иоанна Предтечи в Корсуну на горе, которую насыпали посреди города, когда крали землю из насыпи; стоит церковь та и доньше. Отправляясь, захватил он с собой и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел повергнуть идола — одни изрубить, а другие сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе,— чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли они еще святого крещения. И, приволочив,

отрѣвайте его от берега, дондеже пороги проидеть, тогда охабитесь его». Они же повелѣное створиша. Яко пустиша ѿ, и проиде сквозѣ пороги, извѣрже ѿ вѣтръ на рѣнь, яже и до сего дни слово Перуна рѣнь. По сем же Володимиръ посла послы своя по всему граду, глаголя: «Аще не обрящется кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, убогъ, или нищъ, или работенъ — противникъ мнѣ да будетъ». И се слышавше, людье с радостью идяху, радуящися и глаголаху: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояри прияли». Наутрѣ же изиде Володимиръ с попы цесарицины и корсуньскими на Днѣпръ, и снидеса бе-щисла людий.* И влѣзоша въ воду и стояху ови до шеѣ, а другии до персий, младѣи же по перси от берега, друзии же младенци держаше, свѣршени же бродяху, поповѣ же, стояше, молитвы творяху. И бяше видити: радость велика на небеси и на земли, толико душъ спасаемых, а дьяволь стенаше, глаголя: «Увы мнѣ, яко отсюду прогонимъ есмь! Здѣ бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть учения апостолскаа, ни суть вѣдуше Бога, но веселяхуся о службѣ ихъ, еже служажу мнѣ. И се уже побѣждаемъ есмь от невѣгласа сего, а не от апостоль и мученикъ, и ни имамъ уже царствовать во странах сихъ». Крестившим же ся людемъ, идоша кождо в дома своя. Володимиръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже великий, створивый небо и землю! Призри на новыя люди своя, вдай же имъ, Господи, увѣдити тебе, истеннаго Бога, якоже увидиша страны крестьянскыя, и утверди у нихъ вѣру правую и несъвратну, мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣюся на тя и на твою державу, побѣжаю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церквы и поставляти по мѣстомъ, идеже стояше кумиры. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумири — Перунъ и прочии, идеже треба творяху князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и людие на крещение приводити по всемъ градом и селомъ. И, пославъ, нача поимати у нарочитой чади дѣти, и даяти на учение книжное. А матери же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, и еще бо ся бяху не утвѣрдилѣ вѣроу, но акы по мерьтвѣцѣ плакахуся.

Симъ же раздаянымъ на учение книжное, и сбытсся пророчество на Руской землѣ, глаголящее: «Въ оны дни услышать глусии словеса книжная, ясны будетъ языкъ гугнивыхъ».* Си бо не бѣша прѣди слышали словеса книжная, но по Божью строению и по милости своей помилова Богъ, якоже рече пророкъ: «Помилюю, егоже хоощю».* Помилова бо ны «Паки банею бытия и обновлениемъ духа»,* по изволенію Божию, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Иисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Рускую землю, и просвѣти ю крещениемъ святымъ. Тѣмже и мы припадаемъ к нему, глаголюще: «Господи Иисусе Христе! Что ти въздамъ о всихъ, яже ты въздасть намъ, грѣшнымъ сущимъ? Недоумеемъ противу даромъ твоимъ въздати». «Велий бо

кинули его в Днепр. И поручил Владимир <людям>, сказав: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его, пока не пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили повеленное. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, которая и до сих пор зовется Перунья отмель. Затем разослал Владимир посланцев своих по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни, погрузившись до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость великая на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой этим, а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, возвел глаза на небо и сказал: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правую и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где приносили им жертвы князь и люди. И по другим городам стал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему устроению и по милости своей помиловал их Бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по Божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать тебе за все, что воздал нам, грешным? Не знаем, какое воздаяние дать тебе за дары твои». «Ибо велик ты и чудны дела твои;

еси и чюдна дѣла твоя, и величю твоему нѣсть конца. В роды и родъ възхвалимъ дѣла твоя»,* рекуще съ Давидомъ: «Придете, възрадуемся Господеви и воскликнемъ Богу, Спасу нашему. Варимъ лице его исповѣданиемъ»,* «Исповѣдающеся ему, яко благъ, яко въ вѣкы милость его», яко «избавиль ны еси от врагъ нашихъ»,* рекше от идолъслужитель. И паки рчемъ съ Давидомъ: «*Воспойте* Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля, воспойте Господеви, благословите имя его, благовѣстите день от дни спасение его, възвѣстите въ языцѣхъ славу его и во всѣхъ людехъ чюдеса его, яко велий Господь, хваленъ зѣло»,* «И величю его нѣсть конца». * Колика ти радость: не единъ, ни два спасается! Рече бо Господь: «Яко радость бываетъ на небеси о единъмъ грѣшницѣ кающемся». * Се же не единъ, ни два, но бесчисленное множество к Богу *приступиша*, святымъ крещениемъ просвѣщени. Якоже пророкъ рече: «Въскроплю на *вы* воду *чисту*, и очиститесь от идолъ вашихъ и грѣхъ вашихъ». * И паки другой пророкъ рче: «Кто яко Богъ отъемля грѣхы и преступая неправду? Яко хотяя милостивъ есть. Тъ обратитъ и ущедритъ ны, погрузи грѣхы наша въ глубинѣ». * Ибо Павелъ глаголетъ: «Братья, елико насъ креститься въ Христа Иисуса, и въ смерть его крестихомся, погребомся убо с нимъ крещениемъ въ смерть; да якоже вста Христосъ от мертвыхъ съ славою отчею, якоже и мы въ обновлении житя поидемъ». * И паки: «Ветхая мимоидоша, и се быша нова». * «Нынѣ приближися намъ спасение, ношь успе, а день приближися». * «Им же привѣдение обрѣтохомъ вѣроу» князя нашего Володимера «въ благодать сию, им же възхвалимся и стоимъ». * «Нынѣ же свободившеся от грѣха, поработившеся Господеви, имате плодъ вашъ въ священие». * Тѣмже должни есми рабѣтати Господеви, радующеся ему. Рече бо Давидъ: «Работайте Господеви съ страхомъ и радуйтеся ему с трепетомъ». * Мы же вопиемъ къ владыцѣ Богу нашему, глаголюще: «Благословенъ Господь, иже не дасть насъ в ловитву зубомъ *их*. Сѣтъ скрушися, и мы избавлени быхомъ»* от прелести дьяволя. «И погыбе память его с шюмомъ, и Господь въ вѣкы прѣбываетъ»,* хвалимъ от рускихъ сыновъ, поемъ въ Троици, а дѣмони проклинаемы от благовѣрныхъ мужъ и от говѣинныхъ женъ, иже прияли суть крещение, покаяние въ отпущение грѣховъ, нови людье крестьянъстии, избрани Богомъ».

Володимиръ же просвѣщенъ самъ, и сынови его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Святополкъ, и *Ярославъ*, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ и Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава в Полотьсцѣ, а *Святополка* в Туровѣ, Ярослава в Ростовѣ. И умершю же старѣйшому Вышеславу в Новѣгородѣ, и посади Ярослава в Новѣгородѣ, а Бориса в Ростовѣ, а Глѣба въ Муромѣ, *Святослава* в Деревѣхъ, Всеволода в Володимѣрѣ, Мьстислава въ Тмутороканѣ. И рече Володимиръ: «Се не добро есть: мало городовъ около Кыева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Устры, и по Трубешеву, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. * И поча нарубати мужи лутши от словенъ, и от кривичъ,

нет предела величию твоему. Род за родом восхвалят дела твои», скажем с Давидом: «Придите, возрадуемся Господу, возгласим Бога и спасителя нашего. Предстанем лицу его со славословием»; «Славьте его, ибо он благ, ибо вовек милость его», ибо «избавил нас от врагов наших», скажем так о идолослужителях. И еще скажем с Давидом: «Воспойте Господу песнь новую, воспойте Господу вся земля. Пойте Господу, благословляйте имя его, благовестуйте со дня на день спасение его. Возвещайте в народах славу его, во всех людях чудеса его, ибо велик Господь и достохвален», «И величию его нет конца». Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал Господь: «Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приступили к Богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водой чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто Бог, как не ты, прощающий грехи и не вменяющий преступлений? ибо хотящий того — милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и свергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть его крестились; итак погребены с ним крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперь все новое». «Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Через него», князя нашего Владимира, «получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим». «Ныне же, когда освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость». Вот почему должны мы служить Господу, радуясь ему. Ибо сказал Давид: «Служите Господу со страхом, и радуйтесь ему с трепетом». Мы же воскликнем к владыке Богу нашему: «Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их! Сеть расторгнулась, и мы избавились» от обмана дьявольского. «И исчезла память его с шумом, и Господь пребывает вовеки», а демоны проклинаемы благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещение и покаяние в отпущение грехов,— новые люди христиане, избранные Богом».

Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Святополк и Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис и Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил Ярослава в Новгороде, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Это плохо, что мало городов вокруг Киева». И стал ставить города на Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и

и от чюдин, и от вятичь, и от сихъ насели и грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одоляя имъ.

Въ лѣто 6497. Въ лѣто 6498.

Въ лѣто 6499. По сем же Володимиру живушю в законѣ крестьянствѣм, и помысли создати каменую церковь святяя Богородица,* и, пославъ, приведе мастера от Грькъ. Заченшю здати, яко сконча зижя, украси ю иконами и поручивъ ю Настасу Корсунянину, и попы корсунския *пристави* служити въ ней, вда ту все, еже бѣ взялъ в Корсунѣ: иконы, и ссуды церковныя и кресты.

Въ лѣто 6500. Володимѣръ заложи град *Бѣльградъ*,* и наруби въ н от инѣхъ град, и много людий сведе в онь, и бѣ бо любя городъ *сий*.

Въ лѣто 6501. Иде Володимѣръ на *Хорваты*.* Пришедшю же ему с войны хорватской, и се печенѣзѣ придоша по оной сторонѣ от Сулы, Володимѣръ же *поиде* противу имъ. И усрѣтѣ я на Трубешѣ на броду, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимѣръ на сей странѣ, а печенѣзѣ на оной, и не смѣяху си на ону *сторону*, и они на сю сторону. И приѣха князь печенѣскый к рѣцѣ, и возва Володимира и рече ему: «Пусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужъ ударить моимъ, да не воюемъ за три *лѣта* <...>. Аще ли нашъ мужъ ударить вашимъ, да воюемъ за три лѣта». *И разидостася разнѣ*. Володимѣръ же, пришедъ в товары, посла по товаромъ бирича, глаголя: «Нѣтутѣ ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжаниномъ брати?» И не обрѣтесе никдѣже. И заутра приѣхаша печенѣзѣ, а свой мужъ приведоша, а наших не бысть. И почя тужити Володимѣръ, сля по всимъ воемъ своим. И приде единъ мужъ старъ к нему и рече ему: «Княже! Есть у мене единъ сынъ дома менший, а съ четырьми есмь вышель, и онь дома. От дѣтства си своего нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми сваряшю, оному же мнушю *усны*, и разгнѣвася на мя, преторже черевии руками». Князь же, се слышавъ, и рад бысть, и посла по нь борзо, и приведоша ѥ ко князю, и князь повѣда ему вся. Сьѣ же рече: «Княже! Не вѣмъ, могу ли *со нь*, да искусите мя: нѣтутѣ ли вола, велика и силна?» И налѣзоша волъ силенъ, и повелѣ раздражити вола, и *возложиша на нь* желѣзо горяче, и пустиша вола. И побѣже волъ мимо нь, и похвати вола рукою за бокъ и выня кожу с мясы, елико ему рука я. И рече ему Володимѣръ: «*Можешѣ* ся с нимъ *бороти*». И назавѣтрѣ придоша печенѣзѣ и почаша звати: «*Нѣсть ли мужа?* Се нашъ доспѣлъ». Володимѣръ же повелѣ той ночи облѣчися въ оружье. И выпустиша печенѣзѣ мужъ свой, и бѣ превеликъ зѣло и страшень. И выступи мужъ Володимѣръ, и възрѣвъ печенѣжинъ и посмѣяся, — бѣ бо средний тѣломъ. И размѣривше межѣ обѣима полкома, и пустиша я к собѣ. И ястася крѣпко, и удави печенѣжинина в руку до смерти. И удари имъ о землю. И въскликоша русь, а печенѣзѣ побѣгоша, а русь погнаша по нихъ, сѣкуще ѣ, и прогнаша их. Володимѣръ же, рад бывъ, и заложи городъ на броду томъ и нарче ѥ Переяславль, зане перея *славу* от

ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их.

В год 6497 (989). В год 6498 (990).

В год 6499 (991). После этого жил Владимир в христианском законе, и задумал создать каменную церковь пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсун: иконы, сосуды церковные и кресты.

В год 6500 (992). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6501 (993). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года и разойдемся; если же наш муж бросит вашего оземь, то будем разорять вас три года». Владимир же, вернувшись в стан свой, разослал глашатаев объявлять: «Нет ли такого мужа, который бы поборолся с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и тут же послал за ним, привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли крупного и сильного вола?» И нашли могучего вола, и приказал он разъярить вола; возложили на него раскаленное железо и пустили вола. И побежал вол мимо него, и схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи. Печенеги выпустили своего мужа: был же он огромен и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули русские, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок. И сделал его

рокъ.* Володимиръ же великомъ мужемъ створи того и отца его. Володимиръ же възвратися въ Киевъ с побѣдою и славою великою.

Въ лѣто 6502. Въ лѣто 6503.

Въ лѣто 6504. Володимиръ же видивъ церковь свѣршену, и вшедъ в ню и помолися Богу, глаголя: «Господи Боже! Призри с небеси и вижь. Посѣти винограда своего. И свѣрши, яже насади десница твоя»,* люди сия новыя, имже обратилъ еси сердца в разумъ, познати тебе, истиннаго Бога. И призри на церковь сию, юже создахъ, недостойный рабъ твой, во имя рожшая ти матери и приснодѣвныя Марья Богородица. И аще помолиться кто въ церкви сей, то услыши молитву его и отпусти вся грѣхы его *молитвы* ради пресвятыя Богородица». И помолившюся ему, и рекъ сице: «Се даю церкви сей святѣй Богородицѣ от имѣнныя своего и от моих град десятую часть». И положи, написавъ, клятву въ церкви сей, рекъ: «Аще сего посудить кто, да будетъ проклятъ». И вдасть десятину Анастасу Корсунянину. И створи же праздникъ великъ в той день бояромъ и старцемъ градскимъ, и убогимъ *раздая* имѣние много.

По сихъ же придоша печенѣзѣ к Василеву,* и Володимѣръ с малою дружиною изыде противу имъ. И съступившимся имъ, не могъ Володимѣръ стѣрпѣти противу, *подбѣгъ, ста под* мостомъ, и одва укрыся от противных. И тогда обѣщася Володимѣръ поставити церковь въ Василевѣ святое Преображение, бѣ бо праздникъ Преображению Господню въ день, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимѣръ сего, постави церковь и творяше праздникъ, варя 300 переваръ меду. И зваше бояры своя, и посадники, и старѣйшины по всимъ градомъ, и люди многы, и раздаваше 300 гривень убогимъ. И празнова князь Володимѣръ ту дний 8, и възвращашеться Киеву на Успение святыя Богородица,* и ту паку *творяше* праздникъ свѣтель, съзываше бесчисленное множество народа. Видяше же люди крестьяны суша, радовашеся душею и тѣломъ. И тако по вся лѣта творяше.

Бѣ бо любя книжная словеса, слыша бо единоку еуангелие чтомо: «Блаженни милостивии, яко тѣи помиловани будутъ»,* и паку: «*Продайте* имѣнныя ваша и дайте нищимъ»,* и паку: «*Не* <...> скрываете собѣ скровища на земли, идеже тля тлеть и татѣ подькопываетъ, но скрываете собѣ скровище на небесих, идеже ни тля тлеть, ни татѣ крадутъ»,* и Давида глаголюща: «Блажь мужъ милуя и дая»,* Соломона слыша глаголюща: «Дая нищимъ, Богу в заемъ даетъ».* Си слышавъ, повелѣ нищю всяку и убогу приходити на дворъ на княжь и взимати всяку потребу: питье и яденье, и от скотыничъ кунами.* Устрои же се: рекъ, яко «Немощнии, болнии не могутъ дойти двора моего», повеле устроити кола и, вскладываше хлѣбы, мяса, рыбы и оwoщь разноличный и медъ въ *бочкахъ*, а въ другихъ квасы, возити по градомъ,* въпрашающе: «Кде болнии, нищии, не могутъ ходити?» И тѣмъ раздаваху на потребу. И се же творя людемъ своимъ: по вся недѣля устави по вся дни на дворѣ въ гридници

Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу, говоря так: «Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И сверши то, что насадила десница твоя» — этих новых людей, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его и отпусти все грехи его, ради молитвы пречистой Богородицы». И, помолившись Богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и от моих городов». И оставил так, написав завет в церкви этой, сказав: «Если кто отменит это,— да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал многие богатства.

После этого пришли печенеги к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И сошлись, и не смог устоять Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо был праздник Преображения Господня в тот день, когда произошла та сеча. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великое празднование, наварив триста мер меду. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал здесь князь Владимир восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой Богородицы, и здесь вновь устроил светлый праздник, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно.

И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет, ни воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и займы дает». Слышал он и слова Соломона: «Дающий нищему дает займы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут дойти до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И такое делал он

пирь творити и приходити бояромъ, и гридьмъ, и соцькимъ, и десятникомъ* и нарочитымъ мужемъ и при князѣ и безъ князя. И бываше на обѣдѣ томъ множество от мясъ, и от скота и от звѣрины, и бяше же избылию всего. Егда же подопьяхуться, и начаху роптати на князя, глаголюще: «Зло есть нашимъ головамъ: да намъ ясти деревяными лжицами, а не серебряными». И се слышавъ, Володимиръ повелѣ исковати лжици серебряны ясти дружинѣ, рекъ сице, яко «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко дѣдъ мой и отецъ мой <...> доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо любяше Володимиръ дружину, и с ними *думаа* о строенїи землинемъ, и о уставѣ землинемъ, и о ратѣхъ. И бѣ живя с князи околными его миромъ: с Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угорьскимъ и съ Ондроникомъ Чышьскимъ.* И бѣ миръ межи *ими* и любы. И живяше Володимиръ въ страсъ Божию. И умножишася разбоевъ, и рече *епископи* Володимеру: «Се умножишася разбойници, почто не казниши?» Он же рче: «*Боюся* грѣха.» Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а на милование добрымъ. Достоить ти казнити разбойника, нъ съ испытаниемъ». Володимеръ же отвѣргъ виры и нача казнити *разбойники* <...>. И рѣша епископы и старци: «Рать многа, а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди». И рече Володимиръ: «Да тако буди». И живяше Володимиръ по *устроению* дѣдню и отню.

Въ лѣто 6505. Володимеру шедшу к Новугороду по вѣрхъние воѣ на печенѣгы, бѣ бо рать велика бес пересту. В то же время увѣдаша печенѣзѣ, яко князя нѣту, придоша и сташа около Бѣлагограда. И не дадахуть вылѣсти из града. Бѣ бо голодъ великъ въ градѣ, и не лзѣ Володимеру помочи, и не бѣ лзѣ поити ему, и еще бо ся бяхуть не собрали к нему вои, печенѣгъ же бѣ множество много. И удолжишася, остояче въ градѣ люди, и бѣ *глад* великъ. И створиша вѣче въ градѣ и рѣша: «Се хочемъ помрети от глада, а от князя помочи нѣтъ. Да лучше ли ны умерети? Вдадимся печенѣгомъ, да кого ли оживят, кого ли умертвятъ, уже помираемъ от глада». И тако свѣтъ створиша. И бѣ же одинъ старецъ не былъ в вѣчи томъ, выпрашаше: «Что ради створиша вѣче людье?» И повѣдаша ему, яко утро хотять ся людье передати печенѣгомъ. Се же слышавъ, посла по старѣйшины градския и рече имъ: «Слышахъ, яко хотите передатися печенѣгомъ». Они же рѣша: «Не стѣрпять людье голода». И рече имъ: «Послушайте мене, не *предайтеся* за три дни, и азъ что вы велю и створите». И они же ради и обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберете по горьсти овса, или пшеницѣ, ли *отруб*». Они же, шедше, ради снискаху. И повелѣ *женам* створити цѣжь, в немже варять кисель, и повелѣ копати кладязь, и вѣставити тамо кадъ, и наля цѣжа кадъ. И повелѣ копати другой кладязь и вѣставити тамо другую кадъ. Повелѣ имъ искати меду. Они же, шедше, взяша лукно меду, бѣ бо погребено въ княжи медуши. И повелѣ росытити

для людей своих: велел он по всем дням недели на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходиться туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — при князе и без князя. Бывало на обедах тех множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии. Когда же, бывало, перепьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел искать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны. И жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андроником Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе Божьем. И умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам деда и отца.

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир пойти к нему, так как не собрались еще к нему воины, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и начался среди горожан сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а от князя помощи нет. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам — кого оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем собрали люди вече?» И поведали ему, что завтра горожане хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же охотно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел копать колодец и поставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел копать другой колодец и поставить в него другую кадь. Повелел им поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и влить в кадь во втором

воду велми и вльяти въ кадъ и в друземъ кладязѣ тако. Наутрѣя же посла по печенѣгы. Горожани же рекоша, шедше, печенѣгомъ: «Поимете к собѣ тали наша, а васъ до 10 мужъ идете въ *градъ* и видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ». Печенѣзи же радѣ бывше, мняще, яко *хотять* ся передати, а сами избраша лучшии мужи въ градѣ* и послаша я въ град, да розглядають, что ся дѣеть въ градѣ у нихъ. И придоша въ градъ, и *рекоша* людие: «Почто губите себе? Коли можете перестояти нас? Аще стоите 10 лѣт, что можете створити намъ? Имѣемъ бо кормлю от земля. Аще ли не вѣруете, да видите своима очима». И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромъ и ляху в *латкы*. И варяху пред ними, и яко *свариша* пред ними кисель, и поемъ я, и приведоша къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти первое сами, потом же и печенѣзѣ. И удивишася, рекоша: «Не имуть сему вѣры наши князи, аще не ядятъ сами». И людье наляша корчагу цѣжа и сыты от кладязя и вдаша печенѣгомъ. Они же, пришедше, повѣдаша вся бывшая. И вариша кисель, и яша князи печенѣжстии и подивишася. И поемше *тали* своя, а онѣхъ пустивше, и вьсташа от града, и въ своя идоша.

Въ лѣто 6506. Въ лѣто 6507.

Въ лѣто 6508. Преставися Малѣфридъ.* В се же лѣто преставися и Рогънѣдъ, мати Ярослава.

Въ лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брючъславль, сынъ Володимѣрь.

Въ лѣто 6510.

Въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Вьлодимѣрь.

Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514.

Въ лѣто 6515. Принесени святии въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518.

Въ лѣто 6519. Преставися цесарици Володимеря Анна.

Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521.

Въ лѣто 6522. Ярославу сушу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю 2000 гривень от года до года Киеву, а тысящю Новѣгородѣ *гридемъ* раздаваху. И тако *дааху* вси посадницѣ новѣгородстии, а Ярославъ поча сего не даяти Киеву, отцю своему. И рче Володимирь: «Теребите путь и мосты мостите» — хотяше бо ити на Ярослава, на сына своего, но разболѣся.

Въ лѣто 6523. Хотящю ити Володимѣру на Ярослава, Ярослав же, посла за море и приведе варягы, бояся отца своего. Но Богъ не дасть дьяволу радости. Володимеру же разболѣвшюся, в се же время бяше у него Борисъ, а печенѣгомъ идушимъ на Русь, и посла противу имъ Бориса, а самъ боляше велми, в нейже болести и скончася мѣсяца *ууля* въ 15 день. Умре же Володимирь, князь великий, на Берестовѣмъ, и потаиша ѥ, бѣ

колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегам. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается у тех в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И стали варить у них на глазах; когда сварили кисель, взяли его, и пришли к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив кисель, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В год 6506 (998). В год 6507 (999).

В год 6508 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава.

В год 6509 (1001). Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира.

В год 6510 (1002).

В год 6511 (1003). Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира.

В год 6512 (1004). В год 6513 (1005). В год 6514 (1006).

В год 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы.

В год 6516 (1008). В год 6517 (1009). В год 6518 (1010).

В год 6519 (1011). Преставилась Владимирова царица Анна.

В год 6520 (1012). В год 6521 (1013).

В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав перестал платить в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис, а тем временем печенеги пошли походом на Русь, и Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер же князь великий Владимир на Берестове, и утаили

бо Святополкъ в Киевѣ.* И ночью же межѣ клѣтми проймавъше помость, в коврьѣ опрятавши и ужи свѣсиша и на землю, и възложивъша ѣ на сани, и везоша,* и поставиша ѣ въ святѣй Богородици церкви, юже бѣ самъ создалъ. Се же увидѣвъше людѣе и снидошася бе-щисла, и плакашася по немъ, бояре аки заступника земли ихъ, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша ѣ въ гробѣ мраморяни, спрятавшѣ тѣло его с плачемъ великимъ, блаженаго князя.

Се есть новы Костянтинъ великаго Рима, иже крести вся люди своа самъ, и тако сий *створи* подобно ему.* Аще бо бѣ преже в поганьствѣ и на сквѣрную похоть желая, но послѣди прилежа к покаянью, якоже вѣщаше апостоль: «Идеже умножися грѣхъ, ту изобильствуеъть благодать».* Аще бо прѣже в невѣжествѣ, етера быша сгрѣшения, послѣди же расыпашася покаянемъ и милостнями, якоже глаголетъ: «В немъ ты застану, в томъ ти и сужю».* Якоже пророкъ глаголетъ: «Живъ азъ, *Аданай* Господь, якоже не хошю смерти грѣшника, якоже обратитися ему от пути своего и живу быти, обращениемъ обратитися от пути своего злаго».* Мнози бо праведнии творяще и по правдѣ живуше, и къ смерти соврашаються праваго пути и погыбають, а друзии развращено пребываютъ и къ смерти воспоминаются и покаянемъ добрымъ *очистять* грѣхы. Якоже пророкъ глаголетъ: «Праведный не возможе спастися въ день грѣха его. Егда рекутъ правѣдному: Живъ будеши, съѣ же уповаеътъ правдою своею и сотворитъ безаконье, вся правда его не воспоминаются, в неправдѣ его, юже створи, и в ней умреть. И егда рекутъ нечестивому: смертью умрешѣ, ти обратитися от пути своего и створитъ судъ и правду. И займъ судъ, лъжю *отдасть*, и всхищение възвратитъ. Все грѣси его, яже сгрѣшилъ есть, не *помянутся*, яко *суд* и правду створилъ есть, и живъ будеть в нихъ. Комужьто вас сужю по пути его, доме Израилевъ!»*

Съѣ же умеръ во исповѣданѣ добрымъ, покааньемъ расыпа грѣхы своя, милостнями, иже есть паче всего добрѣй. «*Милостныи* бо хошю, а не жерьтвѣ».* Милостныи бо есть всего луче и вышше, възводящи до самого небеси предъ *Богъ*. Якоже ангель Корнильеви рече: «Молитвы твоя и милостныя твоя взидоша в память предъ Богомъ».* Дивно есть се, колико добра створи Руской земли, крестивъ ю. Мы же, крестьяни суще, *не* въздаемъ почестья противу оного възданью. Аще бы онъ не крестилъ насъ, то и нынѣ быхомъ былъ въ прельсти дьяволѣ, якоже и прародители наши погыбноша. Да аще быхомъ и мы потшание и молбы *приносили* къ Богу за нь, въ день преставления его; видя бы Богъ тщание наше къ нему, прославилъ бы ѣ. Намъ бо достоить Бога молити за нь, понеже тѣмъ Бога познахомъ. Нъ дай же ти Господь по сердцю твоему и вся прошения твоя исполни, егоже желаше царства небснаго. Дажъ ти Господь вѣнѣцъ с правѣдными, в пищи райстий, весельи, ликъствованье съ Авраомъ и с прочими патрѣархы, якоже Соломонъ

смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем великим.

То новый Константин великого Рима, который крестил всех людей своих и крестился сам, и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в язычестве и в скверных похотных желаниях, зато впоследствии усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Если в прежние годы невежества и были какие согрешения, то впоследствии рассыпаны они покаянием и милостыней, как говорится: «За чем тебя застану, по тому и сужу». Как пророк говорит: «Жив я, Адонай Господь, и не хочу смерти грешника, пусть он сойдет с пути своего и жив будет, обращением <к добру> отвернется от пути своего злого». Многие ведь из праведников, творившие и жившие по правде, накануне смерти совращаются с верного пути и погибают, а другие, в разврате пребывавшие, к смерти опомнятся и добрым покаянием очистятся от грехов. Как говорит пророк: «Праведник не сможет спастись в день греха своего. Когда скажут праведному: жив будешь, и он начнет уповать на праведность свою и сотворит незаконное, то все праведное его не вспомнится в неправде его, им сотворенной, в ней же умрет. И когда скажут нечестивому: смертью умрешь, и он отвернется от пути своего и поступит по справедливости, и сотворит суд праведный, ложь отринет и похищенное возвратит. Все грехи его, все, в чем согрешил он, не помянутся, если он творит суд и правду, и будет жив благодаря этому. Каждого сужу по делам его, дом Израилев!»

Этот же <Владимир> умер в исповедании, следуя добру, покаянием рассыпал грехи свои и милостынями, что всего лучше. «Милостыни ведь хочу, а не жертвы». Милостыня всего лучше и выше, возносит до самого неба перед Богом. Как ангел Корнилию сказал: «Молитвы твои и милостыня твоя останутся в памяти перед Богом». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем ему тех почестей, каковых достойны его деяния. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него Богу в день его смерти, то Бог, видя, как чтим мы его, прославил бы его: нам ведь следует молить за него Бога, так как через него познали мы Бога. Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть увенчает тебя Господь вместе с праведниками, воздаст услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и

рче: «Умершю правѣдному, не погибнетъ упованье».* *Сего* бо в память держать рустии людье, поминающе святое крещение и прославляюще Бога въ молитвах и въ пѣснѣхъ и въ псалмихъ, поюще Господеви, новии людье, просвѣщени Духомъ Святымъ, чающе надежа великаго Бога, Спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неизреченьную радость, юже буди уллучити всимъ крестьяномъ.

Святополкъ же сѣде в Киевѣ по отци своемъ, и созва кыяны и нача имѣние имъ даяти, а они приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ быша с Борисомъ. Борису же возвратившюся с воины, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде ему, яко «Отець ти умерлъ». И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ паче всих, и ста на Алтѣ, пришедъ. Рѣша ему дружина отня: «Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди в Киевѣ на столѣ отнѣ». Онъ же рече: «Не буди то — мнѣ възнати руки на брата на старѣйшаго: аще отецъ ми умре, то сѣй ми будетъ въ отца мѣсто». И се слышавше вои и разидошася от него. Борисъ же стояше съ отроки своими. Святополкъ же исполнися безакония, Каиновъ смыслъ примъ, посылая к Борису, глаголя, яко «С тобою хощу любовь имѣти и к отню ти придамъ», лъстя под нимъ, како бы погубити. Святополкъ же приде ночью к Вышегороду и отай призва Путшю и вышегородскыя боярьцѣ, и рече имъ: «Прияете ли мнѣ всимъ сердцемъ?». И рече Путьша: «Можемъ головы своѣ с вышегородци положити». Он же рче имъ: «Не повѣдите никомуже, шедше, убийте брата моего Бориса». Они же въскорѣ общашася ему створити се. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: «Скоры суть бес правды прольяти кровь. Сбираютъ собѣ злая. Ти бо *общаются* крови. Сихъ путье суть скончевающе безаконие, нечестьемъ бо свою душу емлютъ».* Послании же придоша ночью, и подѣступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса, поюща заутренюю — повѣдаша бо ему, яко хотять тя погубити. И, вставъ, нача *пѣти*, глаголя: «Господи! Что ся *умножиша* стужающии ми. Встають на мя мнози»,* и паки: «Яко стрѣлы твоя унъзоша во мнѣ, яко азъ на раны готовъ, и *болѣзнь* моя предо мною есть»,* и паки глаголаше: «Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ твоимъ, яко не оправдаться предъ тобою всякъ *живый*, яко погна врагъ душу мою».* И кончавъ ексапсалмы* и, видивъ, яко послании суть погубить его, и нача пѣти псалтырь, глаголя, яко «*Обыидоша* мя унци тучни. И сборъ злобныхъ осѣде мя. Господи, Боже мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и от всихъ гонящихъ избави мя».* По сем же нача канунъ пѣти. Тако въ заутрню, помолися, зря на икону, глаголя, на образъ владычень: «Господи Иисусе Христе! Иже симъ образомъ явися на земли спасения ради нашего, изволивый своею волею пригвоздити руци свои на крестѣ, и приемъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби прияти страсть. Се же не от противныхъ приимаю, но от брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха». И

другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда». Держат в памяти его русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют Бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом, ожидая надежды нашей, великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Святополк сел в Киеве после смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Святополк же, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечал же Путша: «Согласны я и вышгородцы головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на несправедное пролитие крови. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли ночью, и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню, так как сказали уже ему, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные. Скопище злых обступило меня»; «Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ владыки: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волей дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от сво-

помолившюся ему, и възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша на нь, акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса и слугу его, падша на немъ, прободоша с нимъ. Бѣ бо съ любимъ Борисомъ. Бяше бо отрокъ съ родомъ угринъ, именовъ Георгий, егоже любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложи на нь гривну злату, в нейже *предстояше* ему. Избиша же отроки многы Борисовы. Георгиеви же, не могуще сняти вборзѣ гривны съ шѣи, и усѣкънуша главу его и тако сняша гривну ту, а главу отвѣргъше прочь, тѣмже не обрѣтоша послѣже тѣла его въ трупъ. Бориса же убивше, оканънии, увѣртѣвше ѥ в шатерь, и възложиша ѥ на кола, повезоша ѥ, еще дышющу ему. И увидивше се, оканъный Святополкъ, и яко еще ему дышющу, и посла два варяга приконъчевати его. Онѣма же пришедшима и видившема, яко еще ему живу сушю, и единъ ею извлекъ мечъ и пронъзе ѥ къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, примъ вѣнѣць от Христа Бога с правѣдными, причтеся съ пророкы и съ апостолы, и с лики *мученичьскими* вѣдворяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неизречънную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся с ликы святыхъ. И положиша тѣло его, принесоша ѥ отай Вышегороду, въ церкви святаго Василия. Оканънии же убийци придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, незаконъници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, Талець, Еловичъ, Ляшко, отецъ же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають: бѣси бо на зло посылаеми бывають, а ангелы на благое *слеми бывають*. Ангель бо и чловѣку зла не *творяет*, но благое мыслить ему всегда; паки же крестьяномъ помагаютъ и заступають от супротивнаго врага. А бѣси на злое всегда ловять, завидяше ему, понеже видять чловѣка Богомъ почъщена, и завидяше ему, и на зло слеми скоры суть. Рече бо: «Кто идетъ *прельстити* Ахава?» И рече бѣсъ: «Се азъ иду».* Золь чловѣкъ тщиться на злое, не *хужьши* есть бѣса, бѣси бо бояться Бога, а золь чловѣкъ ни Бога ся боить, ни чловѣкъ стыдиться; бѣси бо креста Господня бояться, а золь чловѣкъ ни креста боиться. Тѣмже и Давидъ глаголаше: «Аще воистину убо право глаголите, право судите, сынови чловѣчстии, ибо въ сердци дѣлаете безаконие, на земли неправду руки ваша сплѣтають. учюжени быша грѣшници от ложеснѣ, заблудиша от чрева, глаголюща лжю, ярость ихъ по *образу* <...> змину».*

Святополкъ же оканъный помысли в себе, рекъ: «Се уже убихъ Бориса, а еще како бы убити Глѣба?» И примъ смыслъ Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сиче: «Поиде вборзѣ, отецъ тя зоветъ, нездоровить бо велми». Глѣбъ же, всѣдъ на конь, поиде с маломъ дружины, бѣ бо послушьливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на полѣ потъчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде ко Смоленську, и поиде от Смоленска, яко зрѣима, и ста на Смядинѣ в корабли.* В се же время пришла бѣ вѣсть от Передьславы къ Ярославу о отни смерти, и посла Ярославъ къ

его же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса, и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его очень любил, и одел он на него большое золотое ожерелье, в котором тот и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. Не могли они быстро снять ожерелье с шеи Георгия и отсекли голову ему, и только тогда сняли ожерелье, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те подошли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнившись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, поживая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, воспевая с ангелами и в весельи пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, словно хвалу заслужившие, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы побуждают человека на зло, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, — потому и завидуют и скоры на совершение зла. Было сказано: «Кто идет прельстить Ахава?» И ответил бес: «Это я иду». Злой человек, усердствуя злему делу, хуже самих бесов, ибо бесы хоть Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой и креста не боится. Поэтому и Давид говорит: «Воистину ли верно говорите и по праву ли судите, сыны человеческие? Но в сердце творите беззаконие, на земле неправду ваши руки плетут, от самого лона материнского отступили грешники <от правды>, заблудились, <выйдя> из чрева, говоря ложь, а ярость их подобна змеиной».

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне на корабле. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца, и послал Ярослав

Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отецъ ти умерль, а братъ ти убить от Святополка». И се слышавъ, Глѣбъ въспи велми съ слезами и плачася по отци, паче же и по братѣ, и нача молитися со слезами, глаголя: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы мнѣ умрети с братомъ, нежели жити въ свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, *брате*, видиль лице твое ангелское, умерль быхъ с тобою. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Кде суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказания. Да аще еси получилъ дерзновение у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же приялъ страсть. Луче бы ми с тобою умрети, нежели въ свѣтѣ семь прельстнемъ жити». И сице ему молящюся съ слезами, и внезапно придоша послании от Святополка на погубленье Глѣба. И ту абѣ послании яша корабль Глѣбовъ и обнажиша оружья. И отроци Глѣбовы уныша. Оканый же Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, выньзъ ножъ, зарѣза Глѣба, аки агня непорочно.

Принесеса на жерътву Богови, въ *вою* благоухания, жерътва словесная, и прия вѣнѣцъ, вшед в небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимъ неизреченною радостью, юже улучиста братолюбьемъ своимъ. «Се коль добро и коль красно еже жити братама вкупѣ!»* А оканни же възвратишася въспяты, якоже рече *Давидъ*: «Возвратишася грѣшници въ адъ».* И пакы: «Оружье извълѣкоша грѣшници и напрягоша луку своя истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ, и оружие ихъ вниде въ сердца ихъ, и луци ихъ скрушаться. Яко грѣшници погибнуть изысцающе яко дымъ погибнуть».*

Онѣм же пришедшимъ, повѣдающимъ Святополку, яко «Створихомъ повѣленое тобою». Он же, се слыша, и възвеселися сердце его болма, и не вѣды Давида, глаголюща: «Что ся хвалиши о злѣбѣ, *силный*? Безаконье умысли языкъ твой, яко бритва изострена. Створиль *еси* леть, възлюбиль еси злѣбу паче благостыня, неправду, неже глаголати правду. Возлюбиль еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ раздрушитъ тя до конца и встерыгнетъ тя от села твоего и корень твой от земля живущихъ».* Якоже и *Соломонъ* рче: «Азъ вашей погибели посмѣюся, порадою же ся, внигда грядеть на вы пагуба. Тѣмже снѣдять своего *труда* плоды и своя нечести насытятся».*

Глѣбу же убѣну и повѣржену бывшую на брезѣ межю двѣма кладома. По сем же въземше и везоша ѿ, и положиша ѿ у брата своего Бориса у церкви святаго Василья.

Совокуплена тѣлома, паче же и душама, у владыкы всих цесаря пребывающа в радости бесконѣчнѣй и въ свѣтѣ неизреченнемъ, подающа ицѣления дары Руськой землѣ, инѣмъ приходящимъ правою вѣрою даета ицѣление: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣние, болящимъ цѣлбы, окованымъ раздърѣшение, тѣмницамъ отвержение, печалнымъ утѣху, напастнымъ избавление. И еста заступника Руськой земли, и свѣтлника сияюща *воюну* и молящася воину ко владыци о своихъ людехъ. Тѣмже и мы долъжни есме

лав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услышав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою. Ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И неожиданно захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка.

Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама — жертва одушевленная, и принял венец, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостью, которой удостоились они за свое братолюбие. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». И еще: «Оружие обнажили грешники и натянули луки свои, чтобы застрелить нищего и убогого, заклать чистых сердцем. И оружие их вонзится в их же сердца, и луки их переломаются. Как грешники они погибнут, исчезая словно дым погибнут».

Пришли <убийцы> и сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Беззаконие умышляет язык твой, изостренный словно бритва, творит коварное. Полюбил зло более благостыни, неправду больше, чем говорить правду. Полюбил все слова гибельные, язык лживый. За это Бог уничтожит тебя до конца и исторгнет тебя из села твоего и корень твой из земли живущих». Как и Соломон говорит: «Я посмеюсь над погибелью вашей, порадуюсь, когда придет на вас бедствие. Поэтому съедят своих дел плоды и насытятся своего нечестия».

Итак, Глеб был убит и положен на берегу между двумя колодами. Затем же, взяв его, увезли и положили рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а того более — душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном, и подавая дары исцеления Русской земле и всех, приходящих с верою из иных стран, исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке Богу о своих людях. Вот почему и мы

хвалити достойно страсотерпца Христова, молящеся прилѣжно к нима, рекуще: «Радуйтася, страсотерпца Христова, заступника Руськой земли, еже ицѣление подаета приходящимъ к вамъ вѣрою и любовью. Радуйтася, небесная жителя, въ плоти ангела быста, *единомысленна* служителя, вѣрста единогообразна, святымъ единогодушна, тѣмъ стражующимъ всимъ исцѣление подаета. Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита от кладязя *воды* живоносныя исцѣления, истѣкають вѣрнымъ людемъ на ицѣление. Радуйтася, луча свѣтозарная и явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Рускую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклонною. Радуйтася, недрѣманная ока стяжавша, душа на свѣршение Божиихъ святыхъ заповѣдий приимша въ сердци своемъ, блаженная. Радуйтася, брата, вкупѣ в мѣстѣхъ златозарныхъ, в селѣхъ небесныхъ, и въ славѣ неувядающей, еяже по достоянию сподобистася. Радуйтася, Божьими свѣтлостями явѣ *облистаеми*, всего мира обходита, бѣсы отгоняюща, *недугы* ицѣляюща, свѣтелника предобрая и заступника теплая, суща съ Богомъ, *божественнами* лучами *разжи-заеми* воину, добляя страстьника, душа просвѣщающа вѣрнымъ людемъ. Възвысила бо есть ваю свѣтоносная *небеснаа* любви, тѣмъ красныхъ всих наслѣдоваста въ небеснемъ житьи, славу, и райскую пищу, свѣтъ разумный, красная радости. Радуйтася, яко напаяющиа сердца, горести и болезнемъ отгоняща, страсти злыя ицѣляюща, каплями кровными, святыми очервивьша багряницу, преславная, ту же красно носяща съ Христомъ царствуете всегда, молящеся за новыя люди хрестьяньскыя и сродьники своя. Земля Руская благословися ваю кровью, и мощьми положениемъ въ церкви, духомъ божественнѣ просвѣщаете, в нейже с мученикы яко мученика за люди своя молита. Радуеться церкви свѣтозарное солнце, стяжавши въсходѣ, всегда просвѣщаетъ въ страданьи въ славу ваю мученикомъ. Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра въсходящи. Но и христоролюбивая заступника наша, страсотерпца, покорита поганья под нозѣ княземъ нашимъ, молящася ко владыцѣ и Богу нашему, и мирно пребывати въ совокуплении и въ здравьи, избавляюща от усобныя рати и от пронырства дьяволя, сподобита же и насъ, поющихъ и почитающихъ ваю честное торжество въ вся вѣкы до скончания.

Святополкъ же оканьный, злый уби Святъслава, пославъ къ горѣ Угорьской, бѣжашу ему въ Угры. И нача помышляти, яко «Избью всю братью свою и прииму власть рускую единь». Помысли высокоумьемъ своимъ, а не вѣды, яко «Даеъ *Богъ* власть, *емуже* хошетъ, поставляеъ цесаря и князя Вышений, *емуже* хошет, дасть».* Аще бо кая земля управитъ предъ Богомъ, поставляеъ цесаря и князя правѣдна, любяща судъ и правду, и властеля *устраеъ*, судью, правяща судъ. Аще бо князи правдиви бывають на земли, то много отдаються согрѣшения, аще ли зли и лукави бывають, то болшее зло наводитъ Богъ на землю ту, понеже глава есть *земли* <...>. Тако бо Исая рече: «Согрѣшиша от главы

должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, ангелы во плоти, единомысленные служители Богу, единообразная чета, святым единомудушная; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи целебные из источника живоносной воды, истекают они верным людям на исцеление. Радуйтесь, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие недреманное око, души свои к исполнению святых Божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, которой по делам своим удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обходите, бесов отгоняя, недуги исцеляя, светильники добрые, заступники теплые, с Богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напоите вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багрянцу, преславные, ибо, прекрасные в ней, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословила земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуется церкви светозарное солнце, дождавшись восхода, всегда освещает в страдании славу вашу, мучеников. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие! Христолюбивые заступники наши и страстотерпцы, покорите же поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостоите и нас того же, воспевающих вас и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал к уграм. И стал помышлять: «Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русской землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит он ей цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, правящего суд. Ибо если князя справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь — глава земли. Ибо так сказал Исая: «Согрешили от головы и до

и до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людей».* «Лютѣ бо граду тому, в немже князь унѣ»,* любя вино пити со гуслими и съ младыми свѣтники. Сяковыя Богъ даетъ за грѣхы, а старыя, мудрыя отъемлетъ, якоже Исая глаголетъ: «Отъиметь Господь от Ерусалима крѣпость и крѣпкаго исполина, и челоуѣка храбра, и судью, и пророка, и смирена старца, и дивна свѣтника, и мудра хытрѣца, разумьна послушника. И поставлю уношю князя имѣ и ругателя имѣ, обладающа ими».*

Святополкъ же оканьны нача княжити в Киевѣ. И созвавъ люди, и нача даяти овѣмъ корьзна, а другимъ кунами, и раздая множество. Ярославъ же не вѣдушю отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородцемъ. И, вставша на нь, новгородци избиша варягы въ дворѣ *Поромони*. И разгнѣвася Ярославъ и, шедъ на Рокъмь,* и сѣде въ дворѣ. И пославъ к новгородцемъ и рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити».* И позва к собѣ нарочитая мужа, иже бяху исъсѣкли варяги, и *обльсти* я сице, *исѣче их 1000*. В ту же ночь приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передьслава: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ в Киевѣ, *уби Бориса и по Глѣба посла*, а ты блюди сего повелику». И се слышавъ, Ярославъ печалень бысть по отци, и по брату, и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородцевъ и рече Ярославъ: «О, любимая дружино, юже избихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ». И утре слезъ и рече имѣ на вѣчѣ: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ в Киевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородцѣ: «Аще, княже, братья наша исѣченѣ суть, можемъ по тобѣ бороти». И собра Ярославъ варягъ тысящю, а прочихъ вой 40 тысящъ* и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: «Не азъ почахъ избивать братью, но онъ; да будетъ Богъ отмественникъ крови брату моея, зане без вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведною. Еда и мнѣ си же створить? Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на Святополка. Слышавъ же Святополкъ идуша Ярослава и пристрой бе-щисла вой — руси и печенѣгъ — и изииде противу Любчю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.

Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу обаполь Днѣпра, и не смѣаху ни си на они наити, и ни тѣи на сихъ, и стояша за 3 мѣсяцѣ противу собѣ. И воевода нача Святополчъ, яздя възлѣ бѣрегъ, укарати новгородци, глаголя: «Что приидосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще? А приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ». Се слышавше новгородци и рѣша Ярославу, яко «Заутра перевеземься на нихъ; аще кто не поидеть с нами, то сами потнемъ». Бѣ бо уже въ *заморозѣ*. И стояше Святополкъ межи двѣма озерома, и всю ночь упивься с дружиною своею. Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину, противу свѣту перевезеся. И, высѣдше на брегъ, отринуша *лодия* от берега и поидоша противу собѣ, и съвкупившеся на мѣстѣ. И бысть сѣча зла, не бѣ лзѣ озеромъ помогати печенѣгомъ, и притиснуша *Святополчи* вой къ озеру, и выступиша на ледъ, и *обломися лед с вои Святополчи, и мнози потопоша въ водах, и*

ног, то есть от цесаря и до простых людей». «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками. Таких князей дает Бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исайя: «Отнимет Господь у Иерусалима силу и могучего исполина, и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону. И дам им юношу князя, и обидчика им поставлю обладать ими».

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства. Когда еще Ярослав не знал об отцовской смерти, было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам. Новгородцы же поднялись на них и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав и пошел в Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: «Мне уже тех не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил их тысячу. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса и за Глебом послал, берегись его очень». Услышав это, Ярослав опечалился об отце, и о брате, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, истребляя братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссечены братья наши, — можем за тебя сражаться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка, и, воззвав к Богу, сказал: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Или же и мне то же сделать? Рассуди меня, Господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что идет Ярослав, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех напасть, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим, вы, плотники? Поставим вас хоромы нам ставить!» Слыша это, сказали новгородцы Ярославу: «Завтра мы переправимся и пойдем на них; если кто не пойдет с нами, сами уьем его». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же на другой день, на рассвете, исполчив дружину, переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился лед под воинами Святополка, и многие утонули в воде. И стал одолевать

одолѣвати нача Ярославъ. Видивъ же, Святополкъ побѣже, и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа в Ляхы. Ярославъ же сѣде в Киевѣ на столѣ отни. Бѣ же тогда Ярославъ лѣтъ 28.*

В лѣто 6525. Ярославъ *въиде* в Киевѣ, и погорѣша церкви.*

В лѣто 6526. Поиде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы. Ярославъ же множество совокупи руси, варягы, словены, поиде противу Болеславу и Святополку. И приде *Волыню*, и сташа оба поль рѣкы Буга.* И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода *Буды*, и нача Буды укаряти Болеслава, глаголя: «Да что ти пропоремъ трескою чрево твое тольстое». Бѣ бо великъ и тяжекъ Болеславъ, яко ни на кони не моги сѣдѣти, но бѣше смыслень. И рече Болеславъ: «Аще вы сего *укора* <...> не жаль, азъ единъ погибну!» И, въсѣдъ на конь, въбреде в рѣку, а по немъ вои его. Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжавъ с четырьми челоуѣкы к Новугороду. Болеславъ же вниде в Киевѣ съ Святополкомъ.* И рече Болеславъ: «Разведете дружину мою по городомъ на кормъ». И бысть тако. Ярославу же прибѣгшу к Новугороду, хотяше бѣжати за *море*, и посадникъ *Коснятинъ*, сынъ Добрынь, с новгородци расѣкоша лодья Ярославлѣ, рекуше: «Можемъ ся еще *бити* с Болеславомъ и съ Святополкомъ». И начаша скотъ брати от мужа по четыре куны, а от старость по 10 гривенъ, а от бояръ по осмидесятъ гривенъ.* Приведоша варягы и выдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многи. Болеславъ же бѣ въ Киевѣ сѣдя, безумный же Святополкъ рече: «Елико же ляховъ по городомъ, избивайте я». Избиша ляхы. Болеславъ же бѣжа ис Кыева, *възма* имѣние и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его,* и Настаса пристави десятиннаго къ имѣнию, бѣ бо ся ему вѣвѣрилъ лестью. И людий множество веде съ *собою*, и грады червѣньскыя зая собѣ, и приде въ свою землю. Святополкъ же нача княжити в Киевѣ. И поиде Ярославъ на Святополка, и побѣди Ярославъ Святополка, и бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы.

В лѣто 6527. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжыцѣ, и Ярославъ собралъ множество вой, и *изыде* противу ему на Альто.* Ярославъ же ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, и въздѣвъ руцѣ на небо, и рече: «Кровь брата моего вопиеть к тобѣ, Владыко! Мьсти от крове правѣднаго сего, якоже мьстиль еси от крови Авелевы, положивъ на Каинѣ стѣнанье и трясение, — тако положи на семь. И, помолився, рекъ: «Брата моя! Аще есте отсюду тѣломъ отошла, то молитвою помозита ми на противнаго сего убийцю гордаго». И се ему рекшу, и поидоша противу собѣ, и покрыша поле *Летьское* обои от множества вой. Бѣ же пятокъ тогда, всходящу солнцю, и совокупишася обои, и бысть сѣча зла, ака же не была в Руси, и за руки емлюще сѣчахуся, и соступишася трижды, яко по удольемъ кровь течаше. И къ вечеру одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. Бѣжашю же ему, и нападе на нь бѣсъ, и расслабѣша кости его, и не можаше сѣдѣти на кони, и ношахуть ѣ въ носилахъ. И принесоша ѣ к Берестью, бѣгающе с нимъ. Он же глаголаше: «Побѣгнете со мною, женуть по насъ». Отроци же его посылаху противу: «*Еда* кто *женет* по немъ?» И не бѣ никогоже

Ярослав. Видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав, а Святополк бежал в Польшу, Ярослав же сел в Киеве на столе отцовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет.

В год 6525 (1017). Ярослав вступил в Киев, и погорели церкви.

В год 6526 (1018). Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав множество руси, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка. И пришел к Волыню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода по имени Буда, и стал он оскорблять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав так велик и тяжок, что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И воскликнул Болеслав, обратившись к дружине своей: «Если вас не оскорбляет насмешка эта, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его, Ярослав же не успел исполниться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород. Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорм»; и было так. Ярослав же, добравшись до Новгорода, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек ладьи Ярославовы, говоря: «Можем и дальше биться с Болеславом и со Святополком». Стали собирать деньги от мужа по четыре куны, а от старост по десять гривен, а от бояр по восьмидесяти гривен. И привели варягов и дали им деньги, и собрал Ярослав множество воинов. Когда Болеслав еще находился в Киеве, безумец Святополк сказал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же бежал из Киева, забрав богатства и бояр Ярославовых и сестры его, а Анастаса — попа Десятинной церкви — приставил к этим богатствам, ибо тот обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и победил Ярослав Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В год 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, обрек Каина на стенания и трепет: так возложи и на этого». Помолвившись сказал: «Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего — убийцы и гордеца». И когда сказал так, двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, когда сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабили все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?» И не было ни-

вслѣдъ женушаго, и бѣжаху с нимъ. Онъ же в немощи лежа, и, всхлывшя, глаголаше: «Осе женуть, оно женуть, побѣгнете». И не можаше стерпѣти на единомъ мѣстѣ и пробѣже Лядскую землю, гонимъ гнѣвомъ Божиимъ, и пробѣже пустыню межи Чяхи и Ляхы, и ту испровѣрже животь свой злѣ. «Его же и по правдѣ, яко неправѣдна, суду пришедшу по отшествии сего свѣта прияша муки сего, оканьнаго». Святополка «показываше явѣ посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно выгна»,* и по смерти вѣчно мучимъ есть и связанъ. Есть же могила его в пустыни той и до сихъ дней. Исходить же от ней смрадъ золь. Се же Богъ показа на показание княземъ рускимъ, да аще сице же створять, се слышавше, ту же казнь примуть, но больши сея, понеже се вѣдуше бывшее, створити такое же зло братоубийство. 7 бо мстыи прия Каинъ, убивъ Авѣля, а Ламехъ 70, понеже бо Каинъ не вѣды мщяния прияти от Бога, а Ламехъ вѣды казнь, бывшую на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламехъ своимъ женама: мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношу въ язву мнѣ, тѣмже, рече, 70 мстыи на мнѣ, понеже, рече, вѣдая, створихъ се».* Ламехъ уби 2 брата Енохова, и поя собѣ женѣ ею; съи же Святополкъ — новы *Авимелех*, иже ся родиль от прелюбодѣанья, иже изби братью свою, сыны Гедеоновы, тако и съ бысть.*

Ярославъ же, пришедъ, сѣде в Киевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

В лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимиръ.

В лѣто 6529. Приде Брячислав, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, на Новгородъ, и зая Новгородъ, поимъ множество новгородецъ, имѣние ихъ, поиде Полотъску опять. И пришедшу ему к Судмири рѣцѣ,* *Ярославъ* <...> выиде ис Кыева *въ* 7 день постиже и ту. И побѣди Ярославъ Брячислава и *новгородцѣ* <...> *вороти* <...> к Новугороду, а Брячиславъ бѣжа къ Полотъску.

Въ лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестью. Въ си же времена Мьстиславу сущю въ Тмуторокани, и поиде на касоги. Слышавъ же се, князь касожький Редедя изыиде противу ему. И ставшима обѣиима полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидевѣ *сама* бороться. Да аще одолѣешь ты, и возмешь имѣние мое, и жену мою и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то возму твое все». И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И *сѣхастася*, и рече Редедя къ Мьстиславу: «Не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющимся има, и нача изнемогати Мьстиславъ: бѣ бо великъ *и силенъ* Редедя. И рече Мьстиславъ: «О пресвятая Богородице, помози ми. Аще бо одолѣю сему, съизию церковь въ имя твое». И се рекъ, удари имъ о землю. И вынемъ ножъ, удари и въ гортанъ ножемъ, и *ту бысть* зарѣзанъ Редедя. И вышедъ в землю его, и взя все имѣние его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касоги. И пришедшю к Тмутороканю и заложил церковь святяя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дни в Тмутороканѣ.

кого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там в муках окончил жизнь свою. «Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного». Святополку «показало явно: посланная на него Богом пагубная кара безжалостно предала его смерти», и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки. Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит же из нее тяжелый смрад. Все это Бог явил в поучение князьям русским; если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут, и даже еще большую той, потому что совершат такое злое братоубийство, уже зная обо всем этом. Семь казней принял Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять мщение от Бога, а Ламех совершил убийство, уже зная о казни, постигшей прародителя его. «Ибо сказал Ламех женам своим: „Мужа убил во вред себе и, юношу убив, навлек на себя беду, потому, — сказал он, — и семьдесят мщений положено мне, что, зная обо всем, сотворил я это“». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк — новый Авимелех, родившийся от прелюбодейания и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось.

Ярослав же пришел и сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик.

В год 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и нарек имя ему Владимир.

В год 6529 (1021). Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив множество новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к реке Судомири, Ярослав, выйдя из Киева, на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев возвратил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку.

В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услыша же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И съехались. И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был рослым и сильным Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и ударил его ножом в горло, и тут был зарезан Редедя. И, войдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

В лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и съ касоги.

В лѣто 6532. Ярославу сущю в Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмуторокана Киеву, и не прияша его кыянѣ. Онъ же сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю в Новѣгородѣ тогда.

В се же лѣто вьсташа вьльсви в суждалцихъ, избиваху старую чадь по дьяволу наученю и бѣсованию, глаголюще, яко си держать гобино.* И мятежь великъ и голодъ въ всей странѣ той; идоша по Волзѣ вси людье въ Болъгары и привезоша жито, и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ вьлѣхвы ты, и приде к Суждалю, изьима вольхвы, расточи, и другия показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на *куюждо* землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иноу казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже». И възвратився Ярославъ и поиде к Новугороду, и посла Ярославъ за море по варяги.

И приде Акунъ с варягы, и бѣ Акунъ *съ лѣпъ*,* и луда у него златомъ истькана. И приде ко Ярославу, и Ярославъ съ Акуномъ поиде на Мьстислава. Мьстиславъ же, слышавъ, изииде противу има къ Листьвну.* Мьстиславъ же с вечера исполчи дружину, и постави сѣверъ въ чело противу варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома. И бывъши ноши, бысть тма, и громове, и молнья и дождь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: «Поидемъ на нѣ». И поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу, и съступишася въ чело варязѣ съ сѣверомъ, и трудишася варязи, сѣкуще сѣверъ, и по семь наступи Мьстиславъ с дружиною своею и нача сѣчи варягы. И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше мьльнѣя и блисташася оружья, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, и побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжькимъ, и Акунъ ту отбѣже луды златое. А Ярославъ же приде к Новугороду, а Акунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ *зутра* <...> видѣ лежачи исѣчены от своихъ сѣвѣръ и варягы Ярославлѣ, и рече: «Кто сему не рад? Се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а своя дружина цѣла». И посла Мьстиславъ по Ярославлѣ, глаголя: «Сѣди ты на столѣ своемъ Киевѣ, понеже ты еси старѣй братъ, а мнѣ буди *ся* сторона». И не смѣяше Ярославъ в Киевѣ ити, донележе смирилася. И сѣдѣше Ярославъ в Новѣгородѣ, и бяху сѣдѣше в Киевѣ мужи Ярославлѣ. В том же лѣтѣ родися у Ярослава другой сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.*

В лѣто 6533.

В лѣто 6534. Ярославъ съвокупи воя многи и приде Киеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мьстиславомъ у Городьца. И раздѣлиста и по Днѣпръ Рускую землю: Ярославъ прия *сию* страну, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и въ братолюбьи, и преста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

В лѣто 6535. Родися третий сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

В лѣто 6536.

В год 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде.

В тот же год появились волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на какую-либо страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, а человек же ничего не ведает». И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами.

И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполнил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина варягов с северянами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиною своею и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, то блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Сиди ты на своем столе в Киеве, поскольку ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона <Днепра>». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Ярослав в Новгороде, а в Киеве были мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6533 (1025).

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В год 6535 (1027). Родился третий сын у Ярослава, и дал имя ему Святослав.

В год 6536 (1028).

В лѣто 6537. Мирно лѣто.

В лѣто 6538. Ярославъ взя Белзъ.* И родися Ярославу 4-тый сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Сего лѣта иде Ярославъ на чюдъ, и побѣди я, и постави городъ Юрьевъ.* В се же время умершу Болеславу Великому в Ляхѣхъ, и бысть мятежь великъ в Лядской земли, и, выставше, людье избивша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть мятежь въ нихъ.*

В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собраста воя многы, и идоста на Ляхы, и заяста *грады* червеньскыя опять, и *повоеваста* Лядскую землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣлиста я. И посади Ярославъ своя по Рси, и суть и до сего дни.

В лѣто 6540. Ярославъ поча ставити городы по Рси.

В лѣто 6541. Мьстиславичъ Еустафий умьре.

В лѣто 6542. В лѣто 6543.

В лѣто 6544. Мьстиславъ изыиде на ловы и разболѣся и умре. И положиша ѥ въ церкви святаго Спаса, юже создалъ самъ, бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко и на конѣ стоячи рукою досячи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, черьномъ лицемъ, великома очима, храбръ на рати, и милостивъ, и любяше дружину повелику, и имѣния не щадяще, ни питья, ни ядения не браняше. По семь же прия власть его Ярославъ, и бысть единовластецъ Руской земли. Иде Ярославъ к Новугороду, посади сына своего Володимира в Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту.* И в то время родися Ярославу сынъ, и нарекоша имя ему Вячеславъ.

И Ярославу же сущу в Новѣгородѣ, и приде ему вѣсть, яко печенѣзѣ *обьстоят* Киевъ. Ярослав же собравъ воя многы — варягы и словены — и прииде Киеву, и вьниде въ градъ свой. И бѣ же печенѣгъ бе-шисла. Ярославъ же выступи из града, исполчи дружину, и постави варягы по средѣ, а на правѣй странѣ кыяны, и на лѣвемъ крилѣ новгородцѣ, и сташа предъ городомъ. А печенѣзѣ приступати начаша, и соступишася на мѣстѣ, идѣже есть нынѣ святая Софья, митрополья руская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бѣ сѣча зла, и одва одолѣвъ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша печенѣзѣ раздно и не вѣдахуся, камо бѣжаче, и овии, бѣгающе, тоняху в *Ситомли*, инѣи же во инѣхъ рѣкахъ, и тако погибоша, и прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни. В то же лѣто всади Ярославъ Судислава въ порубь, брата своего, Плесковѣ, *оклеветань* к нему.

Въ лѣто 6545. Заложилъ Ярославъ городъ великый Киевъ, у него же града врата суть Златая; заложилъ же и церковь святаго Софья, Премудрость Божию, митрополью, и по семь — церковь на Златыхъ вратѣхъ камену святаго Богородица Благовѣщение. Сий же премудрый князь Ярославъ то того дѣля створи Благовѣщение на вратѣхъ, дать всегда радость граду тому святымъ благовѣщениемъ Господнимъ и молитвою святаго Богородица и архангела Гаврила. По семь святаго Георгия монастырь и святаго Орины.*

В год 6537 (1029). Мирно было.

В год 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и дал имя ему Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж великий в земле Польской: восстав, люди перебили епископов, и попов, и бояр своих, и был среди них мятеж.

В год 6539 (1031). Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на поляков, и возвратили себе червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их. Ярослав же посадил своих поляков по Роси; там они живут и по сей день.

В год 6540 (1032). Ярослав начал ставить города по Роси.

В год 6541 (1033). Евстафий Мстиславич умер.

В год 6542 (1034). В год 6543 (1035).

В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам создал: ведь были при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всем его уделом Ярослав и стал единовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав.

Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, исполчил дружину, и поставил варягов посередине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев, и стал пред градом. Печенеги двинулись на них, и сошлись на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врасыпную и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, и так гибли, а остаток их бегают где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу во Пскове — был тот оклеветан перед ним.

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав великий город <городские стены> Киев, у того же города Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, Премудрости Божьей, митрополию, и затем церковь каменную на Золотых воротах — святой Богородицы Благовещения. Этот премудрый князь Ярослав для того создал <церковь> Благовещения на вратах, чтобы даровать навсегда радость городу тому благовещением Господним и молитвою святой Богородицы и архангела Гавриила. Потом <заложил> монастырь святого Георгия и свя-

И при семь нача вѣра крестьянская плодится и раширяется, и чернорисци поча множитися, и манастыреве почаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и попы любяше повелику, излиха же бѣ любя черноризьци, и книгамъ прилежа, почитая часто в день и въ нощи. И собра писецѣ многы и прѣкладаше от грѣкъ на словенский языкъ и *писмо*.* И списаша многы книги, и *сниска*, ими же поучаются вѣрнии людѣе и наслажаются учения божественаго гласа. Якоже бо нѣкто землю разореть, другой же насѣть, инии же пожинають и ядятъ пищу бескудну,— *так*о и се: отецъ бо сего Володимиръ землю разора и умягчи, рекше крещениемъ просвѣтивъ. Сий же Ярославъ, сынъ Володимеръ, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей. А мы пожинаемъ, учение приемлюще книжное.

Велика бо полза бываетъ челоувѣку от учения книжнаго; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию, и мудрость бо обрѣтаемъ и въздержаніе от словесъ книжныхъ. Се бо суть реки, напаяющи вселеную всю, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими *бо* <...> в печали утѣшаемы есмы, си суть узда въздержанию. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваляше ю, глаголаше: «Азъ, премудрость, вселихъ свѣтъ и разумъ, и смыслъ азъ призвах. Страхъ Господень. Мой свѣтъ, моя мудрость, мое утвѣрженіе. Мною цесари царствуютъ, и силнии *пишутъ* правду. Мною вельможи величаются, мучители удержатъ землю. Азъ любящая *мя* люблю, *ищущи* мене обрящють».* Аще бо поищещи въ книгахъ *мудрости* <...> прилежно, то обрящещи великую ползу души своей. Иже *бо* часто кто чтеъ книги, то бесѣдуеть с Богомъ или святыми мужьми. Почитая пророчья бесѣды, еуангелская учения и апостолская, и житья святыхъ *отець* <...>, въсприемлетъ душа ползу велику.

Ярославъ же съ, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многы, списавъ, положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ. И украси ю иконами многоцѣнными, и златомъ и серебромъ и сосуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають в годы обычныя. И ины церкви ставяше по градомъ и по мѣстамъ, поставляя попы и дая *им* имѣнія своего урокъ, и веля имъ учити людей, и приходити часто къ церквамъ, попови бо часто достонитъ учити людей, понеже тому есть поручено Богомъ. И умножишася прозвутери и людѣе хрестьянствѣи. И радовашеся Ярославъ, видя многи церкви и люди хрестьянны зѣло, а врагъ сѣтоваше, побѣжаемъ новыми людьми хрестьянныи.

В лѣто 6546. Иде Ярославъ на ятвягы.

В лѣто 6547. Священа бысть церкви святая Богородица, юже созда Володимеръ, отецъ Ярославль, митрополитомъ Феопеньтомъ.*

В лѣто 6548. Ярославъ иде на литву.

В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовшаны* въ лодьяхъ.

той Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же любил черноризцев, и к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью, и днем. И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг, которые наставляют верующих людей, и наслаждаются они учением Божественного слова. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую,— так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узды воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх Господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение. Мною цесари царствуют, и сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, обретает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее иконами бесценными, и золотом, и серебром, и сосудами церковными, и возносят в ней к Богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей и постоянно пребывать в церкви, потому что попам достоин всегда наставлять людей, ибо им поручено это Богом. И умножились пресвитеры и люди христиане. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христиан, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

В год 6546 (1038). Ярослав пошел на ятвягов.

В год 6547 (1039). Освящена была митрополитом Феопемптом церковь святой Богородицы, которую создал Владимир, отец Ярослава.

В год 6548 (1040). Ярослав пошел на Литву.

В год 6549 (1041). Пошел Ярослав на мазовшан в ладьях.

В лѣто 6550. Иде Володимиръ, сын *Ярославль*, на ямь,* побѣдивъ я. И помроша кони у Володимеръ вой, и яко еще дышущимъ конемъ, сдираху хъзы с нихъ: толикъ бѣ морь в конѣхъ.

В лѣто 6551. Посла Ярославъ Володимира, сына своего, на грѣкы и да ему воя многы, а воеводство поручи Вышатъ, отцю Яневу.* И поиде Володимиръ на Цесарьград в лодьяхъ, и придоша в Дунай, и от Дуная поидоша къ Цесарюграду. И бысть буря велика и разби корабль руси, и князь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабли Иванъ Твоимирича, воеводы Ярослава. Прочии вои Володимѣръ вывержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотяче поити в Русь, и не иде с ними никтоже от дружины княжа. И рече Вышата: «Азъ поиду с ними». И высѣде ис корабля к нимъ, рекъ: «Аще живъ буду, то с ними, аще ли погибну — с дружиною». И поидоша, хотяче в Русь. И бысть вѣсть грѣкомъ, яко избило море русь, и пославъ цесарь, именемъ Мономахъ,* по руси олядий 14. Володимеръ же, видивъ, яко идуть по нихъ, вспятився, изби олядии грѣчкия и възвратися в Русь, ссѣдавшися в корабль своѣ.* Вышату же яша съ изверженными на брегъ и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша руси много. По 3-хъ же лѣтѣхъ, миру бывшю, и пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу. В сии же времена выдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и выдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.*

В лѣто 6552. Выгребена быста 2 князя — Ярополкъ и Олегъ, сына Святослава, и крестиша кости ею, и *положиша* я въ церкви святыя Богородица в Володимѣри.* Того же лѣта умре Брячьславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, егоже роди мати от вольхвованія.* Матери бо родивши его, и бысть ему *язвено* на главѣ его; рекоша же вольсви матери его: «Се язвено на главѣ его навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носилъ Всеславъ и до смертного дни на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитѣе.

В лѣто 6553. Заложилъ Володимиръ святую Софью в Новѣгородѣ.

В лѣто 6554. В се же лѣто бысть тишина велика.

В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимеру.

В лѣто 6556. В лѣто 6557.

В лѣто 6558. Преставися жена Ярослава княгини февраля въ 10.*

В лѣто 6559. Поставилъ Ярославъ Лариона митрополитомъ Руси въ святѣй Софьи, собравъ епископы.*

И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерскый монастырь.

Боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое и церковь *ту* сущую Святыхъ апостолъ и попы многы набдящю, и в них же бѣ прозвутеръ, именемъ Ларионъ, мужъ благъ, и книженъ и постникъ, и хожаше с

В год 6550 (1042). Пошел Владимир Ярославович на ямь и победил их. И пали кони у воинов Владимировых; так, что и с еще дышащих коней сдирали кожу: такой был мор на коней.

В год 6551 (1043). Послал Ярослав Владимира, сына своего, на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир на Царьград в ладьях, и приплыл к Дунаю, и от Дуная пошли к Царьграду. И началась буря сильная, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разбила ветер, и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославов. Прочих воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля, сказав: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с соратниками». И хотели дойти до Руси. И сообщили грекам, что море разбило ладьи русских, и послал царь, именем Мономах, в погоню за русскими четырнадцать ладей. Владимир же, увидев, что преследуют их, повернув, разбила ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу. В это же время выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казмир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава.

В год 6552 (1044). Извлечены были из могил два князя — Ярополк и Олег, сыновья Святослава, и окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы Владимировой. В тот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его, мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалось язвено, и сказали волхвы матери его: «Это язвено навяжи на него, пусть носит его до смерти», и носил его на себе Всеслав и до дня последнего своего, оттого и немилостив он был на кровопролитие.

В год 6553 (1045). Заложил Владимир святую Софию в Новгороде.

В год 6554 (1046). В этом году была тишина великая.

В год 6555 (1047). Ярослав пошел на мазовшан и победил их, и убил князя их Моислава, и покорил их Казмиру.

В год 6556 (1048). В год 6557 (1049).

В год 6558 (1050). Преставилась княгиня, жена Ярослава, февраля в 10-й день.

В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона русским митрополитом в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и находившуюся там церковь Святых апостолов и помогал попам многим, среди которых был пресвитер, именем

Берестового на Дьнѣпрѣ, на холмѣ, кде нынѣ ветхый монастырь Печерскый, и ту молитвы творяше, бѣ бо лѣсъ ту великъ. Ископа ту печерку малу, 2-саженю, и приходя с Берестового, отпеваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посем же возложи Богъ князю въ сердце, и постави его митрополитомъ святѣй Софѣи, а си печерка тако ста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкий *человѣкъ*, именемъ мирскимъ,* от града Любча; и възложи сему Богъ *в сердце* въ страну ити. Онъ же устремися въ Святую Гору* ити. И видѣ монастыря сушая ту, и възлюби чернѣцскый образъ, и приде въ единъ монастырь от сушихъ ту монастыревъ, и моли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ *мнишьскый*. И онъ же, послушавъ его, постриже его и нарче имя ему Антоний, и наказавъ его и научивъ его чернѣцкому образу, и рече ему: «Да иди опять въ Русь, и буди благословение от Святыя Горы, и мнози от тебе чернорисци будутъ». И благослови его, отпусти, рекъ ему: «Иди съ миромъ». Антоний же приде Киеву и мышляше, кдѣ жити; и походи по монастыремъ и не възлюби, Богу не хотящу. И поча ходити по дебремъ и по горамъ, ища, кде бы ему Богъ показалъ. И приде на холмъ, идеже бѣ Ларионъ печеру ископалъ, и възлюби мьстыце се и вселися во нь, и нача молитися Богу со слезами, глаголя: «Господи! Утверди мя в мѣстыцѣ семь, и да будетъ на мѣстыци семь благословение Святыя Горы и моего игумена, иже мя постригль». И поча жити ту, моля Бога, яды хлѣбъ сухой и того чересь день, и воды в мѣру вкушая, и копая печеру, и не дадя собѣ покоя ни день, ни ношь, въ трудѣхъ пребывая, въ бѣдѣни и въ молитвахъ. По сем же уведавшѣ добрѣи *человѣцѣ* и приходяху к нему, приносяще ему на потребу. И прослу *же* <...> великий Антоний, и приходяще к нему, просяху от него благословения. По сем же, преставлешюся великому князю Ярославу, и прия власть его сынъ Изяславъ и сѣде Киевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Руской земли. Изяславъ же, увѣдавъ житие его, и приде с дружиною своею, прося у него благословения и *молитвы*. И увѣданъ бысть всими великий Антоний и честимъ, и начаша приходити к нему братья, и нача принимати и постригати я, и собращася братья к нему яко числомъ 12, ископаша печеру велику, и церковь, и кѣлья, яже суть и до сего дни в печерѣ подъ ветхымъ монастыремъ.

Совокуплени же братья, рече имъ Антоний: «Се Богъ васъ съвокупи, братье, от благословения есте Святыя Горы, иже постриже мене игумень Святыя Горы, а я васъ постригалъ; да буди на васъ благословение первое от Бога, а второе от Святыя Горы». И се рекъ имъ <...>: «Живете о собѣ, поставлю вы игумена, и самъ хощу въ ину гору сѣсти одинъ, якоже и преже бяхъ обыкль, уединився». И постави имъ игумена именемъ Варламъ, а самъ иде в гору, ископа печеру, яже есть под новымъ монастыремъ, в *ней* же и сконча животъ свой, живъ въ добродѣтели и не выходя ис печеры лѣт 40 николиже никаможе,* в нейже лежать мощи его

Иларион, муж благочестивый, книжный и постник, и ходил он из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил, ибо был там большой лес. Выкопал он небольшую пещерку, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился Богу втайне. Затем Бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и осталась. И некоторое время спустя некоему человеку, мирянину из города Любеча, положил Бог мысль на сердце пойти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел тамошние монастыри, и, полюбив монашескую жизнь, пришел в один из тамошних монастырей, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-монашески, и сказал ему: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут черноризцами». И благословил его и отпустил, сказав ему: «Иди с миром». Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и нигде ему не нравилось, так как Бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, в поисках места, которое бы ему указал Бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и полюбил место то, и поселился в ней, и стал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет на нем благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И стал жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды испивая в меру, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах. Потом узнали о нем добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний, и, приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же прославлен был в Русской земле. Изяслав, узнав о житии его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стали приходять к нему братья, и начал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии числом двенадцать, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем.

Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это Бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословию Святой Горы, по которому меня постриг игумен Святой Горы, а я вас постригал,— да будет благословение на вас, первое от Бога, а второе от Святой Горы». И так сказал им: «Живите же сами по себе, и поставлю вам игумена, а сам я хочу уединиться в другой горе, так как и прежде уже привык жить в уединении». И поставил им игуменом Варлаама, а сам пришел к горе и ископал пещеру, что под новым монастырем, и в ней скончал дни свои, живя в добродетели, не выходя никогда и никуда из пещеры в течение сорока лет, в ней лежат

и до сего дни. Братья же и игумень живяху в печерѣ. И умножившимся братья и не могущимъ имъ вмѣститися в печеру, и помыслиша поставити внѣ печеры монастырь. И приде игумень и братья ко Аньтонию и рекоша ему: «Отче! Умножилось братья, а не можем ся *въмѣстити* в печерѣ. Да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставилѣ церквицю малу внѣ печеры». И повелѣ имъ Аньтоний. Они же поклонишася ему и поставиша церквицю малу надъ печерою во имя святыя Богородица Успение. И нача Богъ *умножати* черноризѣцъ молитвами святыя Богородица, и свѣтъ створиша братья съ игуменомъ поставити монастырь. И рѣша *братья* <...> къ Антонию: «Отче! Братья умножается, а хотѣлѣ быхомъ поставити монастырь». Антоний же, рад бывъ, рче: «Благословенъ Богъ о всемъ, и молитвами святыя Богородица и сущихъ отецъ, иже въ Святѣй Горѣ, да будетъ с вами». И се рекъ, посла *единаго* от братья къ Изяславу князю, река тако: «Княже мой! Се Богъ умножаетъ братью, а *мѣстце* мало; да бы ны вдаль гору ту, яже есть надъ печерою». Изяславъ же, се слышавъ, радъ бывъ и мужи свои посла и дасть имъ гору ту. Игумень же и братья *заложыша* церковь велику, и монастырь оградиша столпьемъ, и кѣля *поставыша* многы, и церковь свѣршиша и украсиша ю иконами. И оттолѣ начаша звати монастырь Печерський, имже бѣша жили чернцы преже в печерѣ, и от того прозвася Печерський монастырь. Есть же Печерський монастырь от благословения Святыя Горы пошелъ.

Манастиреви же свершену, игуменьство же держащу Варламу, Изяславъ же постави монастырь святаго Дмитрѣя,* и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрею, хотя створити вышый сего монастыря, надѣяся богатствѣ. Мнози бо манастири от цесарь и от боярь и от богатства поставлени, но не суть тацѣ, кации же суть поставлени слезами, и пощениемъ, и молитвою, и бдѣниемъ. Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, *но стяжа* пощениемъ и слезами, якоже глаголахъ. Варламу же шедшу къ святому Дмитрѣю, и свѣтъ створше братья; идоша къ старцю Аньтонию и рекоша: «Постави намъ игумена». Онъ же рче имъ: «Кого хотите?» Они же рѣша ему: «Кого хочеть Богъ и ты». И рече: «Кто болий есть в вас, акъ есть Федосий:* послушливъ, и кротокъ, и смиренный, да съй будетъ игумень вамъ». Братья же ради бывше и поклонишася старцю, и поставиша Федосья игуменомъ *братши* сущей числомъ 20. Федосьеви же приемшу монастырь, и поча имѣти въздержание велико, пощение и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы *черноризци*, и совокупи братьяи числомъ 100. И нача исыкати правила чернечскаго, и обрѣтесе тогда Михаилъ, чернѣцъ манастиря Студискаго, иже бѣ пришелъ изъ Грѣкъ с митрополитомъ Георгиемъ,* и нача у него исыкати устава чернецъ студийскихъ. И обрѣтъ у него, и списа, и уставѣ въ манастири своемъ, какъ пѣти пѣния манастирьская и поклонъ како держати, и чтения почитати, и стояние въ церкви, и весь рядъ церковный, на трапезѣ сѣдание,

мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в прежней пещере. И в те времена, когда братия умножилась и не могла уже втиснуться в пещере, задумали поставить монастырь вне пещеры. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему: «Отец! Умножилась братия, не можем втиснуться в пещере; если бы Бог повелел, по твоей молитве поставили бы мы церковку вне пещеры». И повелел им Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой Богородицы. И начал Бог, по молитвам святой Богородицы, умножать черноризцев, и совет сотворили братья с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: «Отец! Братия умножается, и мы хотели бы поставить монастырь». Антоний же сказал с радостью: «Благословен Бог во всем, и молитва святой Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами». И, сказав это, послал одного из братьев к князю Изяславу, говоря так: «Князь мой! Вот Бог умножает братию, а местечко мало: дал бы нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же услышал это и был рад, и послал мужа своего, и отдал им гору ту. Игумен же и братия заложили церковь великую, и монастырь огородили острогом, келий поставили много, завершили церковь и украсили ее иконами. И с той поры начал прозываться Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основан же монастырь Печерский по благословию Святой Горы.

Когда устроился монастырь при игумене Варлааме, Изяслав поставил другой монастырь, святого Дмитрия, и вывел Варлаама на игуменство к святому Дмитрию, желая сделать тот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Много ведь монастырей цесарями, и боярами, и богачами поставлено, но не такие они, как те, которые прославлены слезами, постом, молитвою, бдением. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг всего постом и слезами, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, сотворив совет, пошли к старцу Антонию и сказали: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?» Они же ответили: «Кого хочет Бог и ты». И сказал им: «Кто из вас больше Феодосия — послушного, кроткого, смиренного, — да будет он вам игумен». Братия же рада была, поклонилась старцу; и поставили Феодосия игуменом братии, числом их было двадцать. Когда же Феодосий принял монастырь, стал он следовать воздержанию, и строгим постам, и молитвам со слезами, и стал собирать многих черноризцев, и собрал братии числом сто. И стал искать устава монашеского, и нашелся тогда Михаил, монах Студийского монастыря, пришедший из Греческой земли с митрополитом Георгием, — и стал у него Феодосий спрашивать устав студийских монахов. И нашел у него, и списал, и ввел в монастыре своем — как петь пения монастырские, и как класть поклоны, и как читать, и как стоять в церкви, и весь распорядок церковный,

и что ясти въ кыя дни, все съ *установлениемъ*. Федосий все то приобрѣтъ и предасть монастырю своему. От него же монастыря прияша вси монастырѣ уставъ по всемъ монастыремъ: тѣмже почтенъ есть монастырь Печерскый старѣй всихъ и честию боле всихъ. Федосьеви же живушю в монастырѣ и правяшю добродѣтельное житѣе и чернѣцское правило, и приимающе всякого приходящего к нему, к нему же и азъ придохъ, худый и недостойны рабъ, и приять мя лѣтъ ми сущю 17 от рожения моего.* Се же написахъ и положихъ, и в кое лѣто почаль быти монастырь, и что ради зоветься Печерскый монастырь. А о Федосьевѣ житиѣ паки скажемъ.

В лѣто 6560. Преставися Володимѣръ, сын Ярославль старѣйший, в Новѣгородѣ и положенъ бысть въ святѣй Софѣи, юже бѣ самъ создалъ.

В лѣто 6561. У Всеволода родися сынъ Володимиръ от цесарицѣ грѣчское.*

В лѣто 6562. Преставися *великий* князь рускый Ярославъ. И еще живу сущю ему, наряди сыны своя, реки имъ: «Се азъ отхожю свѣта сего, а вы, сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь, понеже вы есте братья одинокого отца и единой *матере*. Да аще будете в любви межи собою, и Богъ будетъ в васъ и покорить вы противныя подъ вы. И будете мирно живуше. Аще ли будете ненавистно живуше, въ распряхъ, которающесея, то и сами погибнете, и землю отецъ своихъ и дѣдъ погубите, иже налѣзоша трудомъ великомъ; но послушайте братъ брата, пребывайте мирно. Се же поручаю в себе мѣсто столъ свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу — Киевѣ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да ть вы будетъ въ мене мѣсто.* А Святославу — Черниговѣ, а Всеволоду — Переяславль,* а Вячеславу — Смолнескъ». И тако раздѣли города, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: «Аще кто хоцетъ обидити своего брата, *то ты помогай, егоже обидять*». И тако наряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю ему к Вышегороду, разболѣся *велми*. Изяславу тогда в Туровѣ князяшю, а Святославу въ *Володимерѣ*, а Всеволодъ тогда у отца, бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братья, егоже имяше у себе.

Ярославу же приспѣ конѣць житѣя, и предасть душу свою мѣсяца февраля въ 20, в субботу 1 недели поста, въ святаго Федора день. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложивъ на сани и повезоша Киеву, поповѣ по обычаю пѣсни пѣвше, и плакашесе по немъ людье. И принесъше и положиша ѥ в рацѣ мороморянѣ въ церкви святѣй Софѣи. И плакася по немъ Всеволодъ и людье вси. Житъ же всѣхъ лѣтъ Ярославъ 70 и 6.

Начало княжения Изяслава въ Киевѣ. В лѣто 6563, пришедъ, Изяславъ сѣде Киевѣ, а Святославъ в Черниговѣ, *Всеволодъ* же в Переяславль, Игорь в Володимерѣ, Вячеславъ въ Смолнѣнскѣ. В тое же лѣто иде *Всеволодъ* на торкы зимѣ къ Воиню и побѣди торкы.* Того же лѣта приходи *Болушь* с половци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и възвратишася въсвои.

и на трапезе поведение, и что вкушать в какие дни — все это по уставу. Найдя этот устав, Феодосий ввел его в своем монастыре. От того же монастыря переняли все монастыри этот устав, оттого и считается монастырь Печерский старшим из всех. И почитаем более других. Когда же жил Феодосий в монастыре, и вел добродетельную жизнь, и соблюдал монашеские правила, и принимал всякого, приходящего к нему,— пришел к нему и я — худой и недостойный раб,— и принял меня, а лет мне было от роду семнадцать. Написал я это и указал, в какой год начался Печерский монастырь и чего ради зовется Печерским. А о житии Феодосия скажем после.

В год 6560 (1052). Преставился Владимир, старший сын Ярослава, в Новгороде и положен был в святой Софии, которую воздвиг сам.

В год 6561 (1053). У Всеволода родился сын Владимир от царевны греческой.

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, а вы, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов. И будете жить в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом своим великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно. Вот я поручаю престол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, завещав им не переступать границы уделов других братьев и не изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть своего брата, ты помогай тому, кого обижают». И так наставил сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда княжил в Турове, а Святослав во Владимире, а Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его при себе.

И пришел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою месяца февраля в 20-й день, в субботу первой недели поста, в день святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали о нем люди; и, принеся, положили его в гробе мраморном в церкви святой Софии. И оплакивали его Всеволод и весь народ. Жил же Ярослав всех лет семьдесят и шесть.

Начало княжения Изяслава в Киеве. В год 6563 (1055), придя, сел Изяслав на столе в Киеве, а Святослав в Чернигове, Всеволод же в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимой пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы восвоюси.

Въ лѣто 6564.

Въ лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смоленский. И посадиша Игоря въ *Смолѣньскѣ*, изъ Володимеря выведше.

Въ лѣто 6566. Побѣди Изяславъ голядь.

Въ лѣто 6567. Изяславъ, и Святославъ и Всеволодъ высадиша стрья своего *Судислава* ис поруба, сѣдѣвша 20 и 4 лѣта, и водивше ѿ ко кресту, и бысть черньцемъ.

Въ лѣто 6568. Преставися Игорьъ, сынъ *Ярославль*. Того же лѣта Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ и Всеславъ, совокупивше воя бещислены, и поидоша на конихъ и в лодяхъ, бещисленное множество, на торкы. И се слышавше, торци, убоявшесея, пробѣгоша и до сего дни, и помроша, бѣгающе, Божиимъ гнѣвомъ гоними, овии от зимы, друзии же гладомъ, инии же моромъ и судомъ Божиимъ. И такъ Богъ избави крестьяны от поганыхъ.

Въ лѣто 6569. Придоша половци первое на Руськую землю воевать. Всеволодъ же изыиде противу имъ мѣсяца февраля въ 2 день, и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода и, воевавше *отъидоша*. Се бысть первое зло на Руськую землю от поганыхъ безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Сокаль.*

Въ лѣто 6570.

Въ лѣто 6571. Преставися Судиславъ, братъ Ярославль, и погребоша ѿ во церкви святаго Георгия. Того же лѣта в Новѣгородѣ иде Волхово въспяты дний 5. Се же знамение недобро бысть: на 4-е лѣто погорѣ весь городъ.*

Въ лѣто 6572. Бѣжа *Ростиславъ* къ Тмутороканю, сынъ Володимиръ, внукъ Ярославль, и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы новгородского. И, пришедъ, выгна Глѣба изъ Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.*

Въ лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю. Ростиславъ же отступи прочь из града, не убоявсья его, не не хотя противу строеви своему оружья взяти. Святославъ же, пришедъ къ Тмутороканю, посади сына своего паки Глѣба и възвратися въсвоеси. Пришедъ паки опять Ростиславъ и выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же, пришедъ, сѣде въ Тмутороканѣ. В то же лѣто *Всеславъ* <...> рать почаль.

В та же времена бысть знамение на западѣ: звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавѣ, всходящи с вечера по заходѣ солънечнемъ, и бысть за 7 дний.* Се же проявляющи не на добро. По сем же быша усобицѣ многи и *нашествие* поганыхъ на Руськую землю, си бо звѣзда, акы кровава, проявляющи крови пролитье. В та же времена бысть дѣтище въвержено въ Сѣтомле. Сего же дѣтища выволокоша рыболовѣ в неводѣ, его же позоровахомъ и до вечера, и паки вывѣргоша ѿ въ воду. Бяше бо на лицѣ его сице срамнии удове, а иногю нѣльзѣ казати срама ради. Пред сим же временемъ солнце прѣменися,* не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть. Его же невелигасии глаголють снѣдаему сущю.

В год 6564 (1056).

В год 6565 (1057). Преставился Вячеслав, сын Ярославов, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В год 6566 (1058). Победил Изяслав голядь.

В год 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом.

В год 6568 (1060). Преставился Игорь, сын Ярославов. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, бесчисленное множество. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор, — так и перемерли в бегах, Божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом Божиим. Так избавил Бог христиан от поганых.

В год 6569 (1061). Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в бою победили Всеволода и, разорив землю, ушли. То было первое зло Русской земле от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Сокал.

В год 6570 (1062).

В год 6571 (1063). Судислав преставился, брат Ярославов, и погребли его в церкви святого Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении пять дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год сгорел весь город.

В год 6572 (1064). Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмуторокани, а сам сел на его место.

В год 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же отступил из города — не потому, что испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмуторокань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему. Ростислав же, придя, сел в Тмуторокани. В том же году Всеслав начал войну.

В те же времена было знаменье на западе: звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней. Знамение это было не к добру. После того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда, как бы кровавая, предвещала кровопролитье. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль: этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера и опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно съедаемо.

Се же бывають сия знаменія не на добро, мы бо по сему разумѣхом. Якоже древле, при Антиоѣ, въ Ерусалимѣ ключися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на въздуѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златыя одежа имущи, и полкы *обоямо являемы*, и оружью движашюся. Се же являше нахождение Антиохова, нашествие рати на Ерусалимъ.* По сем же при Неронѣ цесарѣ в том же Ерусалимѣ въсия звѣзда въ образъ копийный надъ городомъ: се же проявляше нахождение рати от римлянъ.* И паки сие бысть при Устиянѣ цесарѣ, звѣзда въсия на западѣ, испушаючи луча, юже прозываху блисталницу. И бысть сияючи за 20 дний. По сем же бысть звѣздамъ течение с вечера до утрия, яко мнѣти всимъ, яко падаютъ звѣзды. И паки солнце без лучъ сияше. Се же проявляше крамолы, недужи, челоуѣкомъ умертвие бяше.* Паки же при Маврикии цесари бысть се: жена дѣтище роди безъ очью, безъ руку, въ чресла бѣ ему рыбьей хвостъ прирослъ. И песь родися шестоногъ. Въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4 ногахъ, а другой о двое главу.* По сем же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова: течение звѣздное бысть на небесѣхъ, оттергаху бо ся на землю, и яко видящимъ мнѣти кончину. Тогда же въздухъ възлияся повелику. В Сурии же бысть трусь велий, землѣ расѣдшися трий попришь, изииде дивно изъ земли мѣска, челоуѣцскимъ гласомъ глаголющи, проповѣдаючи наитѣе языка, еже и бысть: наидоша бо срацини на *Палестинскую* землю.* Знаменья бо въ небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнци, или птицами, или етеромъ чимъ не благо *бываютъ*, но знаменія сиа на зло бывають, или проявление рати, или гладу, или на смерть проявляеть.

В лѣто 6574. Ростиславу сѣдѣшу въ Тмуторокани и емлющи дань у косога и въ иныхъ странахъ, сего же убоявъ же ся грѣци, послаша с лестью котопана.* Оному же пришедшу къ Ростиславу и увѣрившюся ему, и чѣтяше ѥ Ростиславъ. Единою же пьющу Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хошю на тя пити». Оному же рекшу: «Пий». Онъ же, испивъ половину чаши, а половину вдасть князю пити, дотиснувъся пальцемъ в чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворение смертное, и дасть князю, урекъ смерть до осми дний. Оному же испившу, котопанъ же, пришедъ Кърсуню, повѣда, яко в сий день умереть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиша каменнемъ людье корсуньстии. Бѣ же Ростиславъ мужъ добръ на рать, възрастомъ же лѣтъ и красенъ лицомъ, милостивъ убогимъ. Умре же мѣсяца февраля въ третій день, и тако положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

В лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячьславль, Полотский, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше воя, идоша на Всеслава, зимѣ суци велицѣ. И придоша къ Мѣнску, и мѣнянѣ затворишася въ градъ. Си же братья взяша Мѣнескъ, исъсѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупившеся обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3

Знамения эти бывают не к добру, мы вот почему так думаем. Так же случилось в древности, при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, два полка являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья: это предвещало нашествие римского войска. Так же было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней двадцать; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни, смерть людей. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так: жена родила ребенка без глаз и без рук, и к бедрам его рыбий хвост прирос; и пес родился шестиногий; в Африке же двое детей родились: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при Константине Иконоборце, сыне Леонове, звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное. В Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и чудесным образом из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказавший нашествие иноземцев, как и случилось потом: напали сарацины на Палестинскую землю. Знамения ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знамения эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть.

В год 6574 (1066). Когда Ростислав княжил в Тмуторокани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу, то завоевал его доверие, и чтит его Ростислав. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, прижав палец к чаше, а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, прибыв в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди. Был Ростислав доблестным воином, прекрасно сложен и красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви святой Богородицы.

В год 6575 (1067). Начал междоусобную войну Всеслав Полоцкий, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей: Изяслав, Святослав, Всеволод,— собрав воинов, пошли на Всеслава в сильный мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге

день. И бяше снѣгъ великъ. И поидоша противу собѣ, и бысть сѣча зла, падоша мнозѣ, и одолѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодь, а Всеславъ бѣжа.* По сем же, мѣсяца иуныя въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодь *целовавши* крестъ честный къ Всеславу, рекше: «Приди к нама, а не створим ти зла». Он же, надѣяся *цѣлованию* креста, переѣха в лодыи чресъ Днѣпръ. Изяславу же в шатерь предъидушю.* И тако яша Всеслава на Рши у Смоленска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведе Всеслава Киеву, и всадиша ѿ в порубѣ съ двѣма *сынома*.

В лѣто 6576. Придоша иноплемьеници на Рускую землю, половци мнозѣ. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодь изиидоша противу имъ на Лѣто. И бывши ноши, поидоша противу собѣ. Грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на ны поганяя, и побѣгоша *русьскыя князи, и побѣдиша* половци.*

Наводитъ Богъ по гнѣву своему* иноплемьеники на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомануться къ Богу; усобная же рать бываетъ от сваженія дьяволя. Богъ бо не хоцеть зла въ чловѣцѣхъ, но блага, а дьяволъ радуется злomu убийству, кровопролитю, въздвизая свары, зависти, брато-ненавидѣнныя, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, то казнить Богъ смертью, или гладомъ, или наведениемъ поганыхъ, или *ведромъ*, или густницею, или инѣми казнями. Аще ли покаавшеся будемъ, в немже ны Богъ велить быти, глаголетъ бо намъ пророкомъ: «Обратитесь ко мнѣ всимъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ».* Да аще сице творимъ, всихъ грѣхъ прощени будемъ, но мы на злое възвращаемся, аки свинья в калѣ грѣховьнемъ присно валяющеся, и тако пребываемъ. Тѣмже и пророкомъ намъ глаголетъ: «Разумѣхъ,— рече,— яко жестокъ еси, и шия желѣзна выя твоя»,* того ради «удержах от васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исьше»; «И поразихъ вы зноемъ и различными казнями, то и тако не обратитесь ко мнѣ».* Сего ради винограды ваша, и смоквие *ваша*, нивы и *дубравы* ваша истърохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти. «Послахъ на вы различныя болезни и смерти тяжкы»,* и на скотѣ ихъ казнь свою послахъ, «то и тако не обратитесь», ко мнѣ, но рѣсте: «Мужаймся». Доколѣ не насытитесь злобъ вашихъ? Вы бо уклонистесь от пути моего,— глаголетъ Господь,— *соблазните* многы, сего ради «свидитель скоро на противныя, на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемъ моимъ во лжю, и на лишающая мзды наемника, и насильствующе сиротѣ и вдовици, и на укланяющая судъ криво. Почто не здерзаетесь въ грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. И обратитесь ко мнѣ — и обращаюся къ вамъ,— глаголетъ Господь,— и азъ *отверзу* вамъ хляби небесныя и възвращу от васъ гнѣвъ свой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не *имут* изнемощи винограды ваши и нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: *суетень* работая Богу».* Тѣмже усты чтуть мя, а сердце ваше далече отстоить от мене»,*— глаголетъ Господь. Того ради, ихже просимъ и не улучимъ.

месяца марта в 3-й день; и было много снега, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней и одолели Изяслав, Святослав и Всеволод, Всеслав же бежал. Позднее, месяца июля в 10-й день, Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной, сказали Всеславу: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Изяслав первым вошел в шатер. И так схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу с двумя сыновьями.

В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побегали русские князья, и победили половцы.

Наводит Бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и тогда, в горе, люди вспоминают о Боге; междоусобная же война бывает от дьявольского совращения. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злomu убийству и кровопролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо Бог велит нам жить в покаянии и говорит нам через пророка: «Обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и плаче». Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы к злу возвращаемся, как свинья, в кале греховном вечно валяющаяся, так и пребываем. Устами того же пророка говорит нам Господь: «Знаю,— говорит,— что ты жесток и жилы железные в шее твоей», поэтому «не допустил к вам дождя, одну землю одождил, а другую не одождил, и иссохло». «И порази вас зноем и различными казнями, но и тут вы не обратились ко мне». Потому сады ваши, смоковницы ваши, нивы и дубравы ваши погубил я,— говорит Господь,— а злоб ваших не мог изничтожить. «Послал на вас различные болезни и смерти ужасные» и на скот ваш послал казнь свою, но и «тогда не обратились ко мне», но сказали: «Не поддадимся». Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего,— говорит Господь,— и соблазнили многих; поэтому «буду свидетелем скорым против врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, и лишаящих мзды наемника, чинящих насилие над сиротами и вдовами и уклоняющих суд от правды. Почему не покаетесь в грехах ваших? Но искажаете законы мои и не соблюдаете их? Обратитесь ко мне — и я обращусь к вам,— говорит Господь,— и разверзу вам хляби небесные и отвращу от вас гнев мой, пока не будет у вас всего в изобилии и не станут истощаться ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушили на меня слова ваши, говоря: «Ничтожен служащий Богу!» Поэтому: «Устами чтут меня, а сердце их далеко отстоит от меня». Оттого, чего просим, не приемлем. «Будет же так,— говорит,— когда

«*Будет* бо, рече, егда *призовете* мя, и азъ не послушаю васъ».* Взищете меня злии и не обрящете: не въсхотѣша бо *ходити* по путемъ моимъ. Да того ради затворяется небо, ово *злѣ* отвѣрзается, градъ в дождя мѣсто пушая, ово ли сланою плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради грѣхъ. Аще ли ся покаемъ о злобахъ своихъ, то «аки чадомъ своимъ подасть намъ вся прошения, и одождитъ намъ дождь ранъ и поздень. И наполняться гумна ваша пшеницы, и прольются точила винная и маслиньная. И въздамъ вамъ за лѣта, яже пояша пружи, и хрустове, и гусиница; сила моя великая, юже послахъ на вы»,* — глаголетъ Господь вседержитель. И си слышаше, встыгаемся от зла на добро: взищете суда, избавите обидимаго, на покаяние придемъ, не въздающе зла за зло, и ни клеветы за клевету, но любовию прилѣпимся Господѣ Бозѣ *нашемъ*, постомъ и рыданиемъ, слезами омывающе вся прегрѣшениа, не словомъ нарѣчающеся крестъяни, а поганьскы живуще. Се бо не поганьски *ли* живемъ, аще *въ стрѣчию* вѣрующе: аще бо кто усрящеть чернорисца, то възвращается, или единецъ, или свинью — то не поганьский ли есть се? Се бо по дьяволу научению кобъ сию держать. Друзии же *чиханию вѣруютъ*, еже бываетъ на здравье головѣ. Но сими дьяволь лѣстить и другими нравы, всякими лѣстymi превабляеть ны от Бога: трубами, скомрахи, и гусльми и русальями.* Видимъ бо игрища утолочена, и людий множество на нихъ, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоятъ. Егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтається въ церкви. Да сего ради казни приемлемъ от Бога всякыя, нахождение ратныхъ; по Божью повелению приемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ.* И мы же на предлежащее возвратимся.

Изяславу же со Всеволодомъ Киеву пришедшу, а Святославу — Чернигову, и людье кыевьстии прибѣгоша Киеву, и створивше вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли, да вдай, княже, оружья и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на *Коснячька*, и идоша с *вѣча* <...> на гору, и придоша на дворъ Коснячьковъ и не обрѣтоша его, у двора сташа Брячьславля и рѣша: «Поидемъ, высадимъ дружину ис погребѣ».* И раздѣлишася надвое: и половина ихъ иде къ погребу, а половина иде по Мосту, сии же идоша на княжь дворъ. Изяславу сѣдящю на сенѣхъ с дружиною своею, и начаша прѣтися съ княземъ стояще долѣ, а князю изо оконца зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Туки, *Чюдиновъ* брат, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли, послѣ, ать блюдутъ Всеслава». И се ему глаголющю, и другая половина людий приде от погребѣ, отворивше погребѣ. И рѣша дружина князю: «Се зло есть, послѣ ко Всеславу, ать призвавше ко оконцью и *проньзутъ* ѥ мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша к порубу Всеславу. Изяслав же, се видивъ, со Всеволодомъ побѣгоста с двора. Людье же высѣкоша Всеслава ис порубѣ

призовете меня, я не стану вас слушать». «Будете искать меня в беде — и не обрящете, ибо не восхотели ходить по путям моим», отчего и затворяется небо или, напротив, на горе разверзается, град вместо дождя испуская или инем плоды губя и землю зноем томя, за наши грехи. Если же покаемся в злодеяниях своих, то «как родным детям своим, даст он нам все просимое и дождь ранний или поздний. И наполнятся гумна ваши пшеницею, а давила — вином и маслом. И возьму вам за годы, в которые поели у вас саранча, и жуки, и гусеницы; сила моя велика, которую я послал на вас», — говорит Господь вседержитель. Слыша все это, обратимся от зла к добру: взыщите праведного суда, избавьте обижаемого; обратимся к покаянию, не воздавая злом на зло, клеветой за клевету, но возлюбим Господа Бога нашего, постом, и рыданием, и слезами омывая все прегрешения наши, не так, что словом только называемся христианами, а живем, как язычники. Вот разве не по-язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит чернорица, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью, — разве это не по-язычески? Это ведь по наущению дьявола держатся этих примет; другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове. Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от Бога: трубами и скоморохами, гуслиями и русалиями. Видим ведь, как места игрищ утопаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, — а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов; по Божьему повелению принимаем наказание за грехи наши. Но возвратимся к своему повествованию.

Когда Изяслав со Всеволодом пришли в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли с вече на гору и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брячиславова и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по Мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туки, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Не к добру это; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и

въ 15 день сентября и поставиша ѥ средѣ двора княжа. И дворъ княжъ разъграбиша, бещисленное множество злата и сребра, и кунами и скорою. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

По сем же половцемъ воюющимъ по земли Рустѣй, а Святославу же сущо в Черниговѣ, а половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же, собравъ *дружины нѣколико*, изыиде на ня ко Сновьску.* И узрѣша половци идуща вѣя и пристрояшася противу. И видивъ Святославъ множество ихъ и рече дружинѣ своей: «Потягнемъ, уже намъ нѣ лъзѣ камо ся дѣти». И удариша въ конѣ, и одолѣ Святославъ въ трѣхъ тысящахъ, а половѣць 12 тысящъ; и тако изби я, и друзии потопоша въ Снѣви, а князя ихъ руками яша въ 1 день ноября. И възвратися с побѣдою въ градъ свой Черниговъ Святославъ.

Всеслав же сѣде в Киевѣ. Се же Богъ яви крестъную силу: понеже Изяслав цѣловавъ крестъ и я ѥ, тѣмже наведе Богъ поганяя, сего же явѣ избави крестъ честный. Въ день бо Въздвижения *Всеславъ* <...> въздохнувъ, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рова сего».* Богъ же показа силу крестъную на показание земли Рустѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли кто преступить, то и сдѣ примуть казнь и на преидущемъ вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестъная: крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовския, крестомъ бо Господь княземъ пособить в бранехъ, крестомъ огражени вѣрнии человѣци и побѣжаютъ супостаты противныя, крестомъ бо въскорѣ избавляетъ от напасти призывающимъ его с вѣрою. *Ничто* <...> бѣси бояться, токмо креста. Аще бо бываетъ от бѣсовъ мѣчтанье, знаменавъше лице крестомъ, прогоними бывають. Всеслав же сѣде въ Киевѣ мѣсяць 7.*

В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ* на Всеслава, Всеславъ же поиде противу. И приде к Бѣлугороду Всеславъ, *бывши* нощи, утаися кыянъ, бѣжа из Бѣлгорода къ Полотъску. Заутра же видивъше людѣ бѣжавша князя и възвратишася Киеву, и створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «Мы же зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю Лядскую, а поидете въ град отца своего. Аще ли не хошета, то намъ неволя: зажегши городъ *свой* <...> ступити въ Грѣцискую землю». И рече имъ Святославъ: «Вѣ послевѣ къ брату своему: да аще поидеть на вы с ляхы погубить васъ, то вѣ противу ему ратью, не дадивѣ погубити града отца своего; аще ли *хошет* с миромъ, то в малѣ придеть дружинѣ». И утѣшиста кыяне. Святослав же и Всеволодъ посласта къ Изяславу, глаголюще: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Киеву, противнаго ти нѣтуть; аще ли хошеши гнѣвомъ ити и погубити град, то вѣси, яко намъ жаль отня стола». То слышавъ, Изяславъ остави ляхы, иде с Болеславомъ, мало ляховъ поемъ; посла же предѣ собою сына своего Мьстислава Киеву. И, пришедъ, Мьстиславъ исьсѣче кыяны, иже бяху высѣкли Всеслава, числомъ 70 чади, а другыя исьслѣпиша, другыя без

поставили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, и монеты, и меха. Изяслав же бежал в Польшу.

Продолжали половцы разорять землю Русскую, а Святослав был в Чернигове, и стали они воевать около Чернигова, Святослав же, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущих воинов, и изготовились к бою. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда уже нам деться». И припустили коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч; и так их перебили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в первый день ноября. И возвратился с победой в город свой Чернигов Святослав.

Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганных. Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от рва этого». Бог же явил силу креста в назидание земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная: крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крестом Господь князьям в сражениях помогает, крестом ограждаемы, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывают от бесов наваждения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава, Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю, идите же в город отца своего; если же не хотите, то поневоле придется нам поджечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками губить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим погубить город отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если же хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом семьдесят человек, а других ослепил, а иных без

вины погубивъ, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, и изиидоша люде противу с поклономъ, и прияша князь свой кыане. И съде Изяславъ на столъ своемъ, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща ляхы на покормъ, и избиваху ляхы отай. *Възвратися* Болеславъ въ землю свою. Изяслав же възгна торгъ на гору* и прогна Всеслава ис Полотьска, и посади сына своего Мьстислава въ Полотьскъ, иже въскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата его Святополка, а Всеславу же бѣжавшю.

В лѣто 6578. Родися у *Всеволода* сынъ, и нарекоша именемъ Ростиславъ. Того лѣта заложена бысть церкви святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи на Выдобичи.*

В лѣто 6579. Воеваша половци у Растовца и у Неятина.* Того же лѣта выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. Того же лѣта побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска.* В та же времена приде волѣхвъ, прельщенъ бѣсомъ. Пришедъ бо Киеву, глаголаше: «Явили ми ся естъ 5 богъ, глаголюще: сице повѣдай людемъ, яко на пять лѣт Днѣпру потеши въспять, а землямъ переступати на ина мѣста, яко стати Грѣчкой земли на Руской земли, а Руской на Грѣчкой, и прочимъ землямъ измѣнитися». Его же невегласни послушахуть, а вѣрнии насмѣхавшася, глаголюще ему: «Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ». Еже и бысть ему: въ едину бо нощь бысть без вѣсти. Бѣси бо *подтокуше* и на зло вьводятъ и по сем же насмѣхающися, вринуша и в пропасть смертную, *научивше* <...> глаголати, яко се скажемъ бѣсовское наущение и дѣйство.

Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, и вьстаста два волѣхва от Ярославля, глаголюща, яко «Вѣ свѣмы, кто обилье держить».* И поидоста по Волзѣ, и кдѣ придучи в погость, ту же *нарекаста* лучшия жены, глаголюща, яко «Си жито держать, а сии — медъ, а сии рыбы, а сии скору». И привожаху к нима сестры своя, и матери и жены своя. Она же въ мьчтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбы, или вѣверицю, и *убиваша* <...> многы жены, имѣния ихъ имаша собѣ. И приидоста на Бѣлоозеро и бѣ у нею людий инѣхъ 300. В то же время приключиса прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатины, и повѣдаша ему бѣлоозерьци, яко два кудесника избила многы жены по Волзѣ и по Шькснѣ и пришла естъ сѣмо. Янь же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего ему князя, пославъ же къ нимъ, иже около ею суть, и рече имъ: «Выдайте волѣхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромяютъ тя». Онъ же повелѣ взяти оружье отрокомъ, и бяста 12 отрока с нимъ, и поиде к нимъ къ лѣсу. Они же сташа, сполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцемъ, выступиша от нихъ трие мужи и придоша къ Яневи, рекуще ему: «Видя, идеши на смерть, не ходи». Оному же *повелѣвшю* бити я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на ня, единъ *грѣшися* Яня

вины умертвил, без следствия. Когда же Изяслав подошел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во второй день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно. И возвратился Болеслав в землю свою. Изяслав же перевел торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

В год 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и нарекли имя ему Ростислав. В тот же год заложена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволода на Выдубичи.

В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотического. В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал: «Явились мне пять богов, говоря: вот что поведай людям: на пятый год Днепр потечет вспять и земли начнут перемещаться, и Греческая земля станет на месте Русской земли, а Русская на месте Греческой, и прочие земли переместятся». Невежды слушали его, благоверные же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести. Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеваются, ввергнув их в пропасть смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто урожай держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут же называли знатных женщин, говоря, что та жито удерживает, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо белку, и убивали многих женщин, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Янью, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много женщин по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи они смерды, и узнав, что это смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов, потому что смерды они мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, оскорбят тебя». Он же велел взять оружие отрокам, и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же изготовились против него. И вот, когда Янь пошел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Янью, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них замахнул-

топоромъ. Янь же, оборотя *топоръ*, и удари тыльемъ, и повелѣ отрокомъ сѣши я. Они же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попа Янева. Янь же, вшедь в горьдъ к бѣлоозерьчемъ и рече имъ: «Аще не имете волѣхву сею, и не иду от васъ за лѣто». Бѣлоозѣрци же, шедше, и яша я и приведоша я к нему. И рече има: «Что ради погубисте толико человекъ?» Она же рекшима, яко «Си держать гобину, да аще истрѣбивѣ, избѣевѣ всихъ, и будетъ обилье. Аще ли хощеша, то предъ тобою выемлевѣ жито, или рыбу, или ино». Янь же рече: «Поистинѣ лжете: створилъ бо есть Богъ человекъ от земля, и съставленъ костыми и жилами от крови, и нѣсть в немъ ничтоже и не вѣсть ничтоже, токмо Богъ единъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ два вѣдаевѣ, како есть створенъ человекъ». Онъ же рече: «Како?» Она же рекоста: «Мывся Богъ в мовъници и въспотився, отерся вѣхтемъ, и свѣрже с небеси на землю. И распрѣся сотона съ Богомъ, кому в немъ створити человекъ. И створи дьявълъ человекъ, а Богъ душу во нь вложи. Тѣмже, аще умреть человекъ, в землю и деть, а душа къ Богу». Рече же има Янь: «Поистинѣ прельстилъ есть васъ дьявълъ. Которому Богу вѣруета?» Она же рекоста: «Антихрѣсту». Он же рече има: «То гдѣ есть?» Она же рекоста: «Сѣдять в безднѣ». И рече има Янь: «То кий есть Богъ, сѣдя в безднѣ? То есть бѣсъ, а Богъ есть сѣдя на небесѣхъ и на престолѣ, славимъ от ангель, иже предъстоять ему со страхомъ, не могуше на нь зрѣти. А сий бо от ангель свѣрженъ бысть, егоже вы глаголете антихрѣста, за величание его, и свѣрженъ бысть с небеси и есть в безднѣ, якоже вы глаголете, ждя, егда придетъ *Богъ* с небесѣ и, сего емъ антихрѣста, свяжетъ узами и посадить во огни вѣчнемъ со слугами его и иже к нему вѣруеть. А вама же зде *муку* прияти от мене, а по смерти — тамо». Онѣма же рекшима: «Нама бози повѣдають, не можеша нама створити ничтоже». Онъ же рече има: «Лжють вама бози ваши». Она же рекоста: «Нама предстати предъ Святославомъ, а ты намъ не можеша створити ничтоже». Янь же повелѣ бити я и поторѣгати брадѣ ею.* Сима же битыма, и брадѣ поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: «Что вамъ бозѣ молвятъ?» Онѣма же рекшима: «Стати намъ предъ Святославомъ». И повелѣ Янь вложити има рубля въ уста и привязати ко упругамъ, и пустити я предъ собою в *лодии*, а самъ по нихъ иде. И сташа на устьи Шекъсны, и рече има Янь: «Што вамъ молвятъ бози ваши?» Она же рекоста: «Сице намъ бози молвятъ: не быти нама живымъ от тебе». И рече има Янь: «То вамъ право молвятъ бозѣ ваши». Она же рекоста: «Аще насъ пустиши, много ти добра будетъ, аще насъ погубиши, многу печаль приимеши и зло». Онъ же рече има: «Аще васъ отпушю, то зло ми будетъ от Бога, аще ли васъ погублю, то мзда ми будетъ от Бога». И рече Янь к повозникомъ: «Ци кому васъ родинъ убьенъ от сею?» Они же рѣша: «Мнѣ мати, а другому сестра, иному родичъ».* Онъ же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же, поимше я, *избиша* <...> и повѣсиша я на дрѣвѣ: отмѣстѣе приимша от Бога по правдѣ. Яневи же идушю домовъ, въ другую ночь медвѣдъ влѣзъ,

ся на Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И спросил их: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали, что «они удерживают урожай, и если истребим, перебьем их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине лжете вы: сотворил Бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, и ничего он не знает, один только Бог знает». Они же сказали: «Мы двое знаем, как сотворен человек». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, — в землю идет тело, а душа к Богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас дьявол: какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу». Он же спросил их: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это Бог, коли сидит в бездне? Это бес, а Бог восседает на небесах, на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из ангелов был свергнут — тот, кого вы называете антихристом; за высокомерие свое и низвергнут был с небес и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба Бог и этого антихриста свяжет узами и посадит в бездну, схватив его, в огонь вечный вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а после смерти — там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги ваши». Они же ответили: «Суждено нам предстать перед Святославом, а ты не можешь ничего нам сделать». Янь же повелел бить их и повыдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?» Они же ответили: «Предстать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить кляп в уста им и привязать их к мачте и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь ваши боги молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это вам правду поведали боги ваши». Волхвы же ответили: «Если наспустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пущу, то возмездие мне будет от Бога, если же вас погублю, то будет мне от Бога награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у иного дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от Бога по справедливости! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взобрался, загрыз и съел кудесников. И

угрызъ я и снѣде кудеснику. И тако *погыбоста* научениемъ дьяволимъ, инѣмъ вѣдуща и гадающа, а своя пагубы не вѣдуща. Аще быста вѣдала, то не бы пришла на мѣсто се, идѣже ятома быти; аще ли ята быста, то почто глаголаста, яко «Не умрети нама», а оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовское *научение*; бѣси бо не вѣдаютъ мысли чловѣчьскыя, но влагаютъ помысль въ чловѣка, а тайны не вѣдуща. Богъ же единъ вѣсть помышления чловѣчьска, бѣси бо не вѣдаютъ ничегоже, суть бо немощни и худи взоромъ.

Яко се скажемъ о взорѣ ихъ и о *омрачении ихъ*. В си бо времена и в сѣ лѣта приключися нѣкоему новгородцю прити в чюдь. И приде кудеснику, хотя волѣхвования от него. Онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя храмины въ сторонѣ, кудесникъ лежаше оцѣпъ, и шибѣ имъ бѣсъ. Кудесникъ же, вставъ, рече новгородцю: «Бози наши не смѣютъ внити, нѣчто имаше на собѣ, егоже бояться». Онъ же помяну крестъ на собѣ и, отышедь, повѣси кромѣ храмины тоя. Онъ же нача изнова призывати бѣсы. Бѣси же, *метавше* имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. По сем же нача просити его: «Что ради бояться его, егоже носимъ на собѣ — крестъ?» Онъ же рече: «То есть знамение небеснаго Бога, егоже наши бози бояться». Онъ же рече: «То каци суть бози ваши, где живутъ?». Онъ же рече: «Бози наши живутъ въ безднахъ. Суть же образомъ черни, крилати, хвостъ имущи; восходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ *боговъ*. Ваши бози на небесѣ суть. Аще кто умреть от вашихъ людей, то возносимъ есть на небо, аще ли от нашихъ умираетъ, но носимъ есть к нашимъ богомъ въ бездну». Якоже грѣшници въ адѣ суть, ждуще муки вѣчныя, а правѣдници въ *небеснемъ* <...> жилищи вьдворяются съ ангелы.

Сица ти есть бѣсовская сила, и лѣпота и немощь. Тѣмъже и прельщаютъ чловѣкы, велящи имъ глаголати видѣнья, являющеса имъ, *несвѣршеннымъ* вѣрою являющеса въ снѣ, инѣмъ въ мѣчтѣ, и тако волѣхвуютъ научениемъ дьяволимъ. Паче же женами бѣсовская волѣхвования бываютъ: исконѣ бо бѣсъ жену прельсти, жена же — мужа, *такъ в си роди* много *волѣхвуютъ* жены чародѣйствомъ, и отравою, инѣми бесовскими кознями. Но и мужи прельщени *бываютъ* от бѣсовъ невѣрнии. Яко и се въ первый родъ при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волѣхвъ, иже вѣлшествомъ творяше, повелѣ псомъ чловѣчьскы глаголати и самъ премѣняеться ово старь, ово молодь, ово ли иного пременяше въ иного образъ в мечтаныи.* Сице творяшетъ Аньний, Замврий, волѣшвенемъ чюдеса творяшетъ противу Моисѣви, но въскорѣ не возмогоста. Но и Кунопъ творяшетъ мѣчтаниемъ бѣсовскимъ, яко и по водамъ ходити, и ина мѣчтания творяше, бѣсомъ льстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ.*

Сице бысть волѣхвъ всталъ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ; глаголашетъ бо людемъ и творяшетъ бо ся аки богѣмъ, и многы прельсти, мало не весь городъ,

так погибли они по наущению дьявольскому, о других зная и им гадая, а своей гибели не предвидев. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им суждено было быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайного не ведая. Бог один знает помыслы человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и безобразны видом.

Вот и еще расскажем о виде их и о наваждениях их. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую. И пришел к кудеснику, прося волхвования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: «Боги не смеют прийти,— имеешь на себе нечто, чего они боятся». Тот же вспомнил, что на нем крест, и, отойдя, повесил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: «Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?» Он же сказал: «Это знамение небесного Бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А каковы боги ваши, где живут?» Кудесник же сказал: «Боги наши живут в безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, не твердым в вере, одним во сне, а другим в наваждении, и так волхвуют по наущению дьявольскому. Больше же всего через жен бесовские волхвования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины, нестойкие в вере, бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь превращал в иной образ, в мечтании. Так творили Анний и Мамврий: они волхвованием чудеса творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не могли сделать, равное ему; так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходит, и иные наваждения делал, бесом прельщаем, на погибель себе и другим.

Такой волхв объявился при Глебе в Новгороде; говорил людям, представляя себя богом, и многих обманул, чуть ли не весь город, говорил

глаголаше бо, яко «Все ведаю», хуля вѣру крестьянскую, глаголашеть бо, яко «Преиду по Волхову предъ всеми». И бысть мятежь в городѣ, и вси яша ему вѣру и хотя побѣдити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и оболкъся в ризы, ста, рекъ: «Иже хочеть вѣру яти волхву, да за нь идеть, аще ли вѣруеть кто кресту, да идеть *к нему*». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь великъ вельми. Глѣбъ же, возма топоръ подъ skutъ, и приде к волхву и рече ему: «То веси ли, что утрѣ хочеть быти, что ли до вечера?» Онъ же рече: «Все вѣдаю». И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что *ти* хочеть днесъ быти?» Онъ же рече: «Чюдеса велика створю». Глѣбъ же, выня топоръ, и ростя ѿ, и паде мертвъ, и людие разидошася. Он же погиге тѣломъ и душею предався дьяволу.

В лѣто 6580. Принесоша святая страсотерпца Бориса и Глѣба. Со-вокупившеся Ярославличи — Изяславъ, Святъславъ и Всеволодъ, митрополить же бѣ тогда Георгий, епископъ Петръ Переяславскый, Михаилъ Юрьевскый, Федосий же игумень Печерскый, Софроний же святаго Михаила игумень, Германъ святаго Спаса игумень и Никола, игумень Переяславскый,* и прочии игумени вси, створивше праздникъ свѣтель и преложиша я в новую церковь, юже здѣла Изяславъ, яже стоитъ *и* <...> нынѣ. Вземше бо первое Бориса в деревяний ракъ Изяславъ, и Святославъ и Всеволодъ, вземше на плещи своя и понесоша и, предъидущимъ черноризьцемъ, свѣща держаще в рукахъ, и по нихъ дьякони с кандилы, и по семь прозвутери, и по нихъ епископи с митрополитомъ, и по нихъ с ракою идяхуть. И принесеше ѿ в новую церковь, отверзоша раку, исполнися церкви благоухания, вонѣ благи; видивше се, прославиша Бога. И митрополита ужась обниде, бяше бо не твердо вѣруя к нима; и падъ ниць, прося прощения. И цѣловавше мощи его, вложиша и в раку камену. По сем же вземше Глѣба в рацѣ камени, и выставиша ѿ на сани и, емше за вужа, везоша ѿ. Яко быша въ двѣрехъ, *ста* рака, не поидуши. И повелѣша народу звати: «Господи помилуй», и повезоша. И положиша я мѣсяца мая въ 20.* И отпѣвше литургию, обѣдаша братья си вся закупъ, кождо с бояры своими и с любовью великою. Бѣ бо тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. И по семь разидошася вьсвосяи.

В лѣто 6581. Въздвиге дьяволъ котору въ братьи сей Ярославличихъ. И бывши распре межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава. И изииде Изяславъ исъ Кыева. Святославъ же и Всеволодъ внидошта в Кыевъ мѣсяца марта въ 22 и сѣдошта на столѣ на Берестовомъ, преступивша заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанию братню, желая болшая власти, Всеволода бо прельсти и глаголя, яко «Изяславъ *сватаетъ* съ Все-славомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати». И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяславъ же иде в Ляхы со имѣниемъ многимъ

ведь: «Все знаю», хуля веру христианскую, уверял: «Перейду по Волхву перед всеми». И была смута в городе, и все поверили ему, и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал, что кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует кресту, пусть к нему идет. И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» Он же ответил: «Чудеса великие сотворю». Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу.

В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод, митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святого Михаила, Герман игумен святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и прочие игумены, — и устроили светлый праздник, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ним дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли гроб, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили Бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них <Бориса и Глеба>; и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу зывать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их месяца мая в 20-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

В год 6581 (1073). Возбудил дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Покинул Изяслав Киев, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеволодом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со

и съ женою, уповая богатствомъ многымъ, глаголя, яко «Симь налѣзу воя». Еже взяша у него ляхове, показаша ему путь от себе. А Святославъ сѣде в Киевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отнюю, паче же и Божию. Великъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамовѣ на землю Сифову, по 400 лѣтъ отмъщение прияша от Бога; от племени бо Сифова суть еврѣи, иже избиша хананейско племя, восприяша свой жребий и свою землю.* И пакы преступи заповѣдь Исавъ* отца своего и прия убийство; не *добро* есть преступати придѣла чужаго.

Того же лѣта основана бысть церковь Печерская Святославомъ княземъ, сыномъ Ярославимъ, игуменомъ Федосьемъ, епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгиеви тогда сущю въ Грѣцѣхъ, а Святославу в Киевѣ сѣдящю.

В лѣто 6582. Федоси, игумень Печерскый, преставися. Скажемъ о *успени* его мало. Федосий бо обычай имяше, приходящю бо постъному времени, в недѣлю масленую,* вечеръ, бо по обычаю целовавъ братью и поучивъ ихъ, како *проводити* постъное время, въ молитвахъ ношньныхъ и дневныхъ, и блюстися от помыслъ скверныхъ, и от бѣсовскаго насѣянья. «Бѣси бо, — рече, — всѣвають черноризьцемъ *помышления*, похотѣнны лукава, вжагающе имъ помыслы, тѣмъже врежаемы бывають имъ молитвы. Да приходящая таковыя мысли *възбраняти* <...> знамениемъ крестнымъ, глаголюще сице: “Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь”. И к симъ въздержаніе имѣти от многого брашна; въ ѣденьи бо мнозѣ и въ питьи безмернѣ възрастають помыслы лукавни, помысломъ же възростъшимъ стваряеться грѣхъ». «Тѣмъже, — рече, — *противитися* бѣсовскому дѣйству и пронырьству ихъ, и блюстися от лѣности и от многого сна, и *бодру* быти на пѣние церковное, и на преданія отецьская и на почитанія книжная. Паче же имѣти во устѣхъ псаломъ Давидовъ подабаеть черноризьцемъ — симъ бо прогонити бѣсовское уныние. Паче же всего имѣти любовь в себе к мѣншимъ и къ старѣйшимъ покорение и *послушание*, <...> старѣйшимъ же <...> къ мѣншимъ любовь и наказание. Образъ бивати собою въздержаніемъ и бдѣньемъ, и хоженіемъ смиреннымъ, и тако наказывати и мѣншая, утѣшивати я, и тако проводити постъ». Глаголашеть бо сице, яко «Богъ даль есть намъ сию 40 дней на очищение души; се бо есть десятина, от *лѣта* даема Богу: дней бо есть от года до года 300 и 60 и 5 дней, и от сихъ дней десятый день въздаяти Богу — десятину, еже есть постъ си *четырьдесятный*, в ня же дни *очистившися* душа, празнуеть свѣтло възкресение Господне, веселящеса о Бозѣ. Постъное бо время очищаеть убо умъ чловѣку. Пощение бо исперва проображено бысть: Адаму не вкусити от древа единого; пости бо ся Моисѣй дней 40, сподоби бо ся прияти законъ на горѣ Синайстѣй и вѣдѣвъ славу Божию; постомъ Самуила мати роди; постившеса ниневгитянѣ гнѣва Божия избыша; постився, Даниль видѣнья сподобися великаго; постив-

многими ценностями и с женой, рассчитывая на богатство, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего Божью. Велик ведь грех — преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через четыреста лет отмщение приняли от Бога; от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю. Затем преступил Исав заповедь отца своего и был убит, не к добру ведь вступать в предел чужой!

В этот же год основана была церковь Печерская князем Святославом, сыном Ярославовым, игуменом Феодосием и епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582 (1074). Феодосий игумен Печерский преставился. Скажем же о кончине его вкратце. Феодосий имел обычай с наступлением поста, в воскресенье на Масленой неделе вечером, по обычаю прощаясь со всей братией, поучать ее, как проводить время поста: в молитвах ночных и дневных, блюсти себя от помыслов скверных, от бесовского соблазна. «Бесы ведь,— говорил,— внушают черноризцам дурные помыслы, мысли лукавые, разжигая в них желания, и тем нарушены бывают их молитвы; когда приходят такие мысли, следует отгонять их знамением крестным, говоря так: “Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь”. И еще надо воздерживаться от обильной пищи, ибо от многоядения и питья безмерного возрастают помыслы лукавые, от возросших же помыслов случается грех». «Поэтому,— говорил он,— противьтесь делам бесовским и хитрости их, остерегайтесь лености и многого сна, бодрствуйте для церковного пения и для усвоения предания отеческого и чтения книжного; больше же всего подобает черноризцам иметь на устах псалмы Давидовы и ими прогонять бесовское уныние, а всего более хранить в себе любовь ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание, старшим же к меньшим проявлять любовь, и наставлять их, и давать собою пример воздержания, бдения и смиренного хождения; так учить меньших и утешать их и так проводить пост». «Ибо,— говорил он,— Бог дал нам эти сорок дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами от года Богу: дней в году триста и шестьдесят и пять, а от этих дней отдавать Богу десятый день как десятину — это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует светло день воскресения Господня, в радости о Боге. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам в первые времена не вкушал плодов от запретного древа; пропустившись сорок дней, Моисей сподобился получить закон на горе Синойской и видел славу Божию; постясь, Самуила мать родила; постившись, ниневитяне от гнева Божия избавились; постясь, Даниил великого виденья сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в благодать райскую;

ся Илья акы на небо взять бысть и в пищу породную; постившеса трие отроци угасиша силу огненую; постившеса Господь дний 40, намъ показа постное время.* Постомъ апостоли искорениша бѣсовское учение; постомъ явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ и сияють и по смерти, показавше труды великыя и въздержания, яко сей великий Антоний, и Евѣфимий, и Сава* и прочии отци, ихже и мы поревнуемъ, братье». Сице поучивъ братью и цѣловавъ вся по имени, и тако изиидше из монастыря, возмъ мало коврижекъ. И вшедъ в пещеру, и затворяше двери пещеры и засыпаше пьрьстью, и не глаголаше никомуже. Аще ли будяше нужное орудье, то оконцемъ мало бѣсѣдоваше в суботу или в недѣлю, а по иныи дни пребываше в постѣ и въ молитвѣ, и въздержашеся крѣпко. И прихожаше в монастырь в пятокъ на канунъ Лазоревъ,* в сий бо день кончается постъ 40-ный, начинается от перваго понедѣльника наставшии Федоровъ недѣль,* кончаеъ же ся в пятокъ Лазоревъ; а Страстная недѣля* уставлена естъ поститися страсти ради Господня.

Федосьеви же пришедшю по обычаю, цѣлова братью и празнова съ ними недѣлю Цвѣтную,* и дошедъ великаго дни *Въскресениа*, по обычаю празновавъ свѣтло, впаде в болезнь. И разболѣвшюся ему и болѣвшю ему дний 5, по семь, бывшу вечеру, и повелѣ изнести ся на дворъ. Братья же, взявше ѿ на санехъ, и поставиша ѿ прямо церкви. Онъ же повелѣ братью собрати всю. Братья же удариша в било, и собравшеса вси. Онъ же рече имъ: «Братье моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от васъ, якоже яви ми Господь в постное время, в пещерѣ ми сушю, изыити от свѣта сего. Вы же кого хочете игуменомъ поставити себѣ; да и азъ благословение подадь быхъ ему?» Они же рекоша ему: «Ты еси отецъ намъ всѣмъ, да его же изволиши самъ, то намъ будетъ отецъ и игумень, и послушаемъ его, яко и тебе». Отецъ же нашъ Федосий рече: «Шедше кромѣ мене, наречете, егоже хочете, кромѣ двою брату, Николю и Игната; въ прочихъ кого хочете, от старѣйшихъ даже и до меншихъ». Они же, послушавъше его, отступивше мало къ церкви, сдумавъше, и послаша два брата, глаголюще сице: «Егоже изволить Богъ и твоя честная молитва, егоже тобѣ любо, того нарци». Федосий же рече имъ: «Да аще от мене хочете игумена прияти, то азъ створю вамъ, но не по своему изволению, но по Божию строению». И нарече имъ Якова прозвутера. Братья же нелюбо бысть, глаголюще, яко «Не здѣ естъ постриглься»; бѣ бо Ияковъ пришелъ съ Летьца* с братомъ своимъ Павломъ. И начаша братья просити *Стефана деместника*,* суща тогда ученика Федосьева, глаголюще, яко «Се съ естъ въздрасль подь рукою твоею и <...> тебе послужилъ естъ, сего нынѣ вдай». Рече же имъ Федосий: «Се азъ по Божию повелению нареклъ бѣхъ вамъ Якова; се же вы своєю волею створити хочете». И послушавъ ихъ, и предасть имъ Стефана, да будетъ имъ игумень. И благослови Стефана и рече ему: «Чадо! Се предаю ти монастырь, блюди с *опащением* его, якоже устроишь и въ службахъ, то держи. Преданья монастырская

постясь, трое отроков угасили силу огненную; постился и Господь сорок дней, показав нам время поста; постом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту явились отцы наши в мире как светила, что сияют и по смерти, дав пример трудов великих и воздержания, как и тот великий Антоний, или Евфимий, или Савва и прочие отцы, примеру которых мы последуем, братия». И так поучив братию, Феодосий прощался с каждым поименно и потом уходил из монастыря, взяв немного хлебцев, и, войдя в пещеру, затворил двери в пещере и засыпал их землею и не говорил ни с кем; когда же бывало к нему какое-нибудь необходимое дело, то через оконце малое беседовал он в субботу или в воскресенье, а в остальные дни пребывал в посте и молитвах, в строгом воздержании. И снова приходил в монастырь в пятницу, в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровой недели, кончается же пост в пятницу Лазареву; а в Страстную неделю установлено поститься в память страданий Господних.

И в этот раз Феодосий же, вернувшись, по обычаю приветствовал братию и праздновал с ними Цветное воскресенье, когда же пришел день Воскресения, по обычаю отпраздновав его светло, впал в болезнь. Разболевшись и проболев дней пять, как-то вечером приказал он вынести себя на двор; братия же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он же приказал созвать братию всю, братья же ударили в било, и собрались все. Он же сказал им: «Братия моя, и отцы мои, и дети мои! Вот я отхожу от вас, как это открыл мне Господь во время поста, когда я был в пещере, что отойти мне от света сего. Вы же кого хотите игуменом иметь у себя? Я бы подал ему благословение». Они же сказали ему: «Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и будем слушаться его, как и тебя». Отец же наш Феодосий сказал: «Отойдите от меня и назовите, кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих же — кого захотите, от старейших и до меньших». Они, послушав его, отошли немного к церкви и, посоветовавшись, послали к нему двух братьев сказать так: «Кого захочет Бог и твоя честная молитва, кого тебе любо, того и назови». Феодосий же сказал им: «Если уж от меня хотите игумена принять, то я поступлю не по своей воле, а по божественному промыслу». И назвал им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «не здесь пострижен». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала братия просить Стефана domestика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь». Сказал же им Феодосий: «Вот я по Божию повелению назвал вам Иакова, а вы на своей воле настаиваете». Однако послушал их, дал им Стефана, да будет им игуменом. И благословил Стефана, и сказал ему: «Чадо, вот поручаю тебе монастырь, блюди его бережно, и как я уставил службы, так и держи. Преданий монастырских и

и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину монастырьскому». И по семь взявше ѿ братья, и несоша ѿ в кѣлюю и положиша ѿ на одрѣ. И шестому дни наставшю, и болну сущю велми, приде к нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбѣомъ. И сѣдящима има у него, рече ему Федосий: «Се отхожю свѣта се го и се предаю ти монастырь на сблюденье, еда будетъ что смятение в немъ. Се поручаю Стефану игуменьство, не давай его въ обиду». И князь, цѣловавъ его, и обѣщася пешися монастыремъ, и отиде от него. Семому же дни пришедшю, изнемогающю Федосьеви, и призва Стефана и братью и нача имъ глаголати сице: «Аще по моемъ отшествии свѣта се го, аще буду Богу угодиль, и прияль мя будетъ Богъ, то по моемъ отшествии монастырь ся начнетъ строити и прибывати в немъ, то вѣжьте, яко прияль мя есть Богъ. Аще ли по моемъ животѣ оскудѣвати начнетъ *монастырь* <...> черноризьци, потребами монастырьскими, то вѣдуше будете, яко не угодиль буду Богу». И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: «Отче! Моли за ны Господа; вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презрѣ». И прѣсѣдѣша братья у него ту ночь всю, и наставшю дни осмому, въ вторую субботу по Пасцѣ въ 2 час дни, и предасть душу в руцѣ Божии мѣсяца мая въ 3 день, индикта въ 11 лѣто. И плакашася по немъ братья. Бѣ же Федосий заповѣдалъ братьи положити ся в пещерѣ, идѣже показа труды многы, и рекъ сице: «В нощи похраните тѣло мое», якоже и створиша. Вечеру бо приспѣвшю, вся братья взявше тѣло его и положиша ѿ в пещерѣ, проводивше съ пѣсньми, и съ свѣщами, честно, на хвалу Господу нашему Иисусу Христу.

Стефану же предержашю монастырь и блаженое стадо, яже бѣ совокупилъ Феодосий...* Таки черноризьци, аки свѣтила в Руськой земли сияху: ово бо бяху постыници, овии же на бдѣние, овии же на кланяние коленное, овии на пощение чересь день и чересь два дни, овии же ядыху хлѣбъ с водою, инии же зелье варено, и друзии *сыро*. В любви пребывающе, мѣншии покоряющиеся старѣйшимъ, не смѣюще пред ними глаголати, но все с покорениемъ и с послушаниемъ великомъ. И тако же и старѣйшии имяху любовь к меншимъ, наказаху и утѣшающе аки чада възлюбленая. Аще который братъ впадетъ в кое любо согрѣшение, и утѣшаху ѿ, и епитемью* единого брата раздѣляху 3-е или 4 за великую любовь. Такова бо бяше любовь в братьи той и въздержание велико. Аще братъ етеръ вѣнъ идяше изъ монастыря, и вся братья имяху о томъ печаль велику и посылають по нь, приводяху брата къ монастырю и, шедше, вси покланяхуся игумену, и умолять игумена и приимаху в монастырь брата с радостью. Таки бо бѣша любовници, и въздѣръжници. От нихъ же намѣню нѣколько мужъ чюдныхъ.

Первый Дѣмьянъ прозвутерь, бяше постыникъ и въздѣръжник, яко развѣе хлѣба и воды ясти ему до смерти своей. Аще бо коли кто принесаше дѣтищъ боленъ, кацимъ любо недугомъ одеръжимъ, приношаху в монастырь, или свѣршенъ человекъ, кацимъ любо недугомъ *одрѣжим*, прихожаше в ма-

устава не изменяй, но твори все по закону и по чину монастырскому». И после того взяли его братья, отнесли в келью и положили на постели. И когда настал шестой день и ему было уже очень плохо, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели у него, сказал ему Феодосий: «Вот, отхожу от света сего и поручаю монастырь тебе на попечение, если будет в нем какое-нибудь смятение. И поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду». Князь же простился с ним и обещал заботиться о монастыре, и ушел. Когда же настал седьмой день, Феодосий, уже изнемогая, призвал Стефана и братию и стал говорить им так: «Если после того, как я покину свет этот, буду я Богу угоден и примет меня Бог, то монастырь этот начнет устраиваться и пополняться; так и знайте, что принял меня Бог. Если же после моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами и монастырскими запасами, то знайте, что не угодил я Богу». И когда он говорил это, плакали братья и говорили: «Отче! Молись за нас Богу, ибо знаем, что Бог трудов твоих не презрит». И просидела братия у него всю ту ночь, и когда настал день восьмой, во вторую субботу по Пасхе, во втором часу дня, отдал душу в руки Божьи, месяца мая 3-го, индикта в 11-й год. Плакала по нем братия. Феодосий же завещал братии положить себя в пещере, где явил подвиги многие, сказав так: «Ночью похороните тело мое», как и сделали. Когда наступил вечер, братья взяли тело его и положили его в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, достойно, на хвалу Богу нашему Иисусу Христу.

Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... Такие чернецы как светила в Русской земле сияли: ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи — на преклонение коленное, четвертые — на пощение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные же овощи вареные, другие — сырые. В любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим. Также и старшие любовь имели к младшим, поучали их, утешая, как детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой-либо грех впадал, его утешали, а епитимью, наложенную на одного, разделяли между собой трое или четверо, из великой любви. Таковы были любовь и воздержание великое в братии той. Если брат какой-нибудь покидал монастырь, вся братия бывала этим сильно опечалена, посылали за ним, приводили его в монастырь, шли всей братией кланяться игумену, и молили игумена, и принимали брата в монастырь с радостью. Вот какие это были люди, полные любви, воздержники и постники; из них я назову несколько чудных мужей.

Первый среди них, Демьян пресвитер, был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до смерти своей. Если кто когда приносил в монастырь больного ребенка, каким недугом одержимого, или взрослый человек, каким-либо недугом одержимый, приходил

настырь къ блаженому Федосьеви, и повелѣваше сему Дѣмьяну молитву творити над болящимъ. И абѣ творяше молитву и масломъ святымъ помазаше, и абѣ исцѣлѣваху приходящии к нему. Единою же ему разболѣвшюся, и конѣцъ прияти лежащю ему в болести, и приде к нему ангелъ въ образѣ Федосьевѣ, даруя ему царство небесное за труды его. По семь же приде Федосий съ братьею, и сѣдоша у него, оному же изнемогающю, възрѣвъ на игумена и рече: «Не забывай, игумене, еже ми еси ночесь общалъ». И разумѣ Федосий великий, яко видѣние *видѣ*, и рече ему: «Брате Дѣмьяне! Еже ти есмь общалъ, то ти буди». Онъ же смѣживъ очи и предасть духъ в руцѣ Божии. Игумен же и братья похоронивше тѣло его.

Тако же и другой братъ, именемъ Еремѣй, иже помняше крещение земли Руськой. Сему даръ данъ от Бога: проповѣдаше, провидѣ будущая. И аще кого видяше в помышлении, обличаше втайнѣ и наказаше блюстися от дьявола. Аще который братъ мысляше изыити из монастыря, узряше и, пришедъ к нему, и обличаше мысль его и утѣшаше брата. И аще кому речаше, любо добро, любо зло, сбывашеться старцево слово.

Бѣ же и другой братъ, именемъ Матфѣй, той бѣ прозорливъ. Единою ему стоящю въ церкви на мѣстѣ своемъ, и възведе очи свои, и позрѣ по братьи, иже стоятъ, поюще, по обѣими сторонама, и видѣ обходяща бѣса въ образѣ ляха в людѣ, носяща въ приполѣ цвѣтокъ, еже глаголется лѣпокъ. И обходя подлѣ братью, взимая из лона цвѣтокъ и вѣржаше на кого любо. Аще прилпаше къму цвѣтокъ поющих от братья, и тѣ, мало стоявъ и раслабевъ умомъ, вину створивъ каку любо, исходяше изъ церкви, и шедъ в кѣлю и спаше, и не възвратяшеся въ церковь до отпѣтя. Аще ли верже на другога, и не прилпаше к нему цвѣтокъ, стояше бо крѣпко въ пѣньи, дондеже отпояху утренюю, и тогда идяше в кѣлю свою. И се видя, старѣць повѣда братьи своей. И паки же сий старѣць виде се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, братьи отпѣвши заутрѣнюю, предъ зорями идоша по кѣльямъ своимъ, сий же старѣць *послѣди* исхожаше изъ церкви. Идушю же ему единою, и сѣде, почивая, подъ биломъ, бѣ бо кѣля его подале церкви, и види се, аки толпа поиде от вратъ. И възведе очи свои, видѣ единого сѣдяща на свиньи, а другыя текуща около его. И рече имъ старѣць: «Камо идете?» И рече бѣсъ, сѣдя на свиньи: «По Михалѣ по Толбоковича». Старѣць знаменася крестнымъ знаменемъ и приде в кѣлю *свою*. И бысть свѣтъ, и разумѣ старѣць и рече кѣлѣйнику: «Иди, въспроси, есть ли Михаль в кельи?» И рѣша ему, яко «Выскочилъ есть чресъ столпѣ по *заутрени*». И повѣда старѣць видѣние се игумену и всей братьи. При семь бо старьци Федосий преставилсѣя, и бысть Стефанъ игумень, и по Стефани Никонъ,* и сему старцю и еще сущю. Единою ему стоящю на заутрѣнии, възведе очи, хотя видити игумена Никона, и видѣ осла, стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игумень.

в монастырь к блаженному Феодосию, тогда приказывал он этому Демьяну молитву сотворить над больным, и тотчас же творил молитву и елеем мазал, и тут же выздоравливали приходящие к нему. Когда же он разболелся и лежал при смерти в немощи, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему царствие небесное за труды его. Затем пришел Феодосий с братиею, и сели около него; он же, изнемогая, взглянув на игумена, сказал: «Не забывай, игумен, что мне обещал». И понял великий Феодосий, что тот видел видение, и сказал ему: «Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет». Тот же, смежив очи, предал дух в руки Божии. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был также другой брат, именем Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дар дарован от Бога: предсказывал будущее и если видел, что у кого-нибудь нечистые помыслы, то обличал его втайне и учил, как уберечься от дьявола. Если кто-нибудь из братьев замышлял уйти из монастыря, то, увидя его и придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если же он кому предрекал что, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был же и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда он стоял в церкви на месте своем, поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обеим сторонам на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще, несшего под полою цветов, который называется лепок. И, обходя братию, бес вынимал из-под полы цветок и бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, с расслабленным умом, придумав предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал, и не возвращался в церковь до конца службы; если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, тот оставался стоять крепко на службе, пока не отпоют утреню, и тогда уже шел в келью свою. Видя такое, старец поведал об этом братии своей. Другой раз видел старец следующее. Обычно, когда старец этот отстоит заутреню, а братия, отпев заутреню, перед рассветом расходилась по келиям своим, старец этот уходил из церкви после всех. И вот однажды, когда он шел так, присел он отдохнуть под билом, ибо была его келья поодаль от церкви, и вот видит, как толпа идет от ворот; поднял глаза и увидел кого-то верхом на свинье, а другие идут около него. И сказал им старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тольбековичем». Старец осенил себя крестным знамением и пришел в келию свою. Когда рассвело и понял старец, в чем дело, сказал он келейнику: «Поди спроси, в келье ли Михаль». И сказали ему, что после заутрени перескочил через ограду. И поведал старец о видении этом игумену и братии. При этом старец Феодосий преставился, и Стефан стал игуменом, а по Стефане Никон: все это было еще при старце. Стоит он как-то на заутрене, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменовом месте;

Также ина многа видѣния провидяше старѣць съ, и почи въ старости добрѣ в манастирѣ семь.

Яко се бысть другый черноризецъ, именовъ Исакий, яко еще сущю в мирскомъ жити и богату сущю ему, бѣ бо купецъ, родомъ торопчанинъ,* и помысли быти мнихомъ, и раздая имѣние свое трѣбующимъ и по манастиремъ, иде къ великому Антонию в пещеру, моляшеся ему, дабы створилъ черноризьцемъ. И приять ѿ Антоний, и возложи на нь порты чернѣцкиѣ и нарече имя ему Исакий, бѣ бо имя ему мирское Чернь. Сий же Исакий въсприя житъе крепко: облѣчеся въ власяницу,* и повелѣ купити собѣ козелъ и одерти мѣшьюкомъ козелъ, и возвлече ѿ на власяницу, и осьше около его кожа сыра. И затворися в пещерѣ, въ единой улици, въ кѣльницѣ малѣ, яко 4 лакоть, и ту моляше Бога беспрестани день и ночь со слезами. Бѣ же ядение его проскура* одина, и та же чресъ день, и воды в мѣру пьаше. Приношаше же ему великий Антоний и подаваше оконьцемъ ему, яко ся вмѣсташе рука, и тако принимаше пищу. И того створи лѣтъ 7, на свѣтъ не вылазя, ни на ребрехъ лежа, но, сѣдя, мало принимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечерю, и поча кланятися, поя псалмы оли до полунощи, и яко трудяшеться, сѣдяше же на сѣдалѣ своемъ. И единою же ему сѣдящю по обычаю и свѣщю угасившю, и внезапно свѣтъ восия, яко солнце, въ пещерѣ, яко *зрак вынимаа* челоуѣку. И поидоста двѣ уноши к нему прекрасна, и блистася лице има, яко и солнце, и глаголаста к нему: «Исакъ! Вѣ есвѣ ангела, а се идетъ к тобѣ Христось, съ ангелы». И, вставъ, Исакий видѣ толпу, и лица ихъ паче солнца, и единъ посередѣ ихъ и съяху от лица его паче всихъ. И глаголаста ему: «Исакъ, то ти Христось, падъ, поклонися ему». Онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, выступя поклонися, акы Христу, бѣсовскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣкоша: «Нашъ еси уже, Исакъ», и введоша ѿ в кѣльницу, и посадиша ѿ, и начаша садитися около его — полна келья и улица пещерская. И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христось: «Возмите сопѣли и бубны и гусли, и ударяйте, ать ны Исакъ съпляшетъ». И удариша в сопѣли и въ гусли и въ бубни и начаша имъ играти. И утомивше ѿ, оставиша ѿ еле жива суши, и отъидоша, поругавшеся ему.

Заутра же бывши свѣту и приспѣвшю вкушению хлѣба, и приде Антоний къ *оконцю* по обычаю и глагола: «Благослови, отче Исакъ!» И не бысть гласа, ни послушания. И многажды глагола Антоний, и не бысть отвѣта. И глагола Антоний: «Се уже яко преставилься естъ». И посла в манастирь по Федосья и по братью. И откопавше, гдѣ бѣ загражено устье, и пришедше и взяша ѿ, мняще ѿ мертваго, и вынесше, положиша ѿ предъ пещерою. И узрѣша, яко живъ естъ. И рече игумень Федосий, яко «Се иматъ от бѣсовскаго дѣйства». И положиша ѿ на одрѣ, и служаше около его Антоний. В то же время приключися Изяславу прити из Ляховъ, и нача гнѣватися Изяславъ на Антония изо Всеслава.* И приславъ Святъславъ ночью, поя

и понял он, что не встал еще игумен. Много и других видений видел старец, и почил он в старости почтенной в монастыре этом.

А был еще и другой черноризец, именем Исакий; был он, когда еще жил в миру, богат, ибо был купец, родом торопчанин, и задумал он стать монахом, и роздал имущество свое нуждающимся и монастырям, и пошел к великому Антонию в пещеру, моля, чтобы постриг его в монахи. И принял его Антоний, и возложил на него одеяние чернеческое, и дал имя ему Исакий, а было ему имя мирское Чернь. Этот Исакий повел строгую жизнь: облекся во власяницу, велел купить себе козла, содрать мешком его шкуру, и надел на власяницу, и обсохла на нем шкура сырая. И затворился в пещере, в одном из проходов, в малой кельице, в четыре локтя, и там молил Бога со слезами непрестанно день и ночь. Была же пищей его просфора одна, и та через день, и воды в меру пил. Приносил же ему пищу великий Антоний и подавал ее через оконце — такое, что только руку просунуть, и так принимал пищу. И так подвизался он лет семь, не выходя на свет, никогда не ложась на бок, но, сидя, спал немного. И однажды по обычаю, с наступлением вечера, стал класть поклоны и петь псалмы по полуночи; когда же уставал, садился на своем сиденье. И как-то, когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно свет воссиял в пещере, как от солнца, точно глаза вынимая у человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных, и блистали лица их, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а там идет к тебе Христос с ангелами». И, встав, Исакий увидел толпу, и лица их ярче солнца, а один среди них — от лица его сияние ярче всех. И сказали ему: «Это Христос, пади и поклонись ему». Он же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому действию. Бесы же закричали: «Наш Исакий уже!» И, введя его в кельицу, посадили и стали сами рассаживаться вокруг него — полна ими келья его и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, называемый Христом: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет». И грянули в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали им забавляться. И утомив его, оставили его еле живого и ушли, так надругавшись над ним.

На другой день, когда рассвело и подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Благослови, отче Исакий». И не слышно было голоса. И еще не раз взывал Антоний, и не было ответа. И сказал Антоний: «Вот, он уже преставился». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. И, прокопав там, где был засыпан вход, вошли и взяли его, думая, что он мертв; вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий: «Случилось это от бесовского действия». И положили его на постель, и стал прислуживать ему Антоний. В то время случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И Святослав, прислав, ночью отправил

Антония к Чернигову. Антоний же, пришедъ къ Чернигову, и възлюби Болдину гору,* и ископавъ пещеру, и ту вселися. И есть монастырь святоѣ Богородицѣ на Болдинахъ горахъ и до сихъ дней.

Федосий же, увѣда, яко Антоний шель къ Чернигову, и, шедъ с братьею, взяа Исакия и принесе къ собѣ в кѣлю, и служаше около его. Бѣ бо ослабленъ тѣломъ и умомъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати и ни сѣдити, но лежа на единой странѣ и подъ ся поливаше многажды, и червѣ кыняхуся подъ бедру ему с мочения. Федосий же самъ своима руками омываше и *спряташе* ѣ, за 2 лѣтъ створи се около его. Се же бысть чудно и дивно, яко, за двѣ лѣтъ лежа, сий ни хлѣба вкуси, ни воды, ни от какаго брашна, ни от *овоща*, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за 2 лѣтъ. Федосий моляшетъ Бога за нь и молитву творяшетъ над нимъ ношь и день, дондеже на 3-е лѣто проглаголавъ и слыша, и на ноги нача вставати акы младенѣць, и нача ходити. И не брежаше къ церкви ити, но нужею привлекахуть его къ церкви, и тако по малу научиша ѣ. И по семь научися и на тряпезницу ходити, и *посажаше* ѣ кромѣ братья и положаху предъ нимъ хлѣбъ, и не взимаше его, олны вложити будяше в руцѣ ему. Федосий же рече: «Положите хлѣбъ предъ нимъ и не выкладывайте в руцѣ ему, ать самъ ясть», и не бреже за недѣлю ясти ѣ, помалу оглядався, кушавше хлѣба, и тако научися ѣсти, и тако избави ѣ Федосий от козни дьяволя и от прельсти.

Исакий же восприя дерзновение и въздержание жестоко. Федосью же преставившюся и Стефану в него мѣсто бывшю, Исакий же рече: «Се уже прельстиль мя еси, дьяволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ, а уже не имамъ затворитися в пещерѣ, но имамъ тя побѣдити, *ходя* в монастырѣ». И облечеса въ власяницу, и на власяницу свиту вотоляну, и нача уродство творити, и помагати нача поваромъ и варити на братью. И на заутреню ходя преже всихъ, и стояше крѣпко и *неподвижно*. Егда же приспѣяше зима и мрази лютии, и сътояше въ прабошняхъ, въ черевыхъ и въ протоптанныхъ, яко примѣръзяше нози его къ камени, и не двигняше ногами, дондеже отпояху заутреню. И по *заутрени* идяше в поварницу и приготоваше огонь, и воду, и дрова, и приходяху прочии повари от братья. Единъ же поваръ, такоже бѣ именемъ Исакий, и рече, посмихаяся: «Исакий! Оно сѣдитъ вранъ черный, иди, ими его». Онъ же, поклонився ему до земли и, шедъ, я врана и принесе ему предо всеми повары. И ужасошася и повѣдаша игумену и братьи. И начаша ѣ братья чтити. Онъ же, не хотя славы челоувѣчскыя, и нача уродствовати и пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мирскимъ челоувѣкомъ, друзии же *раны* ему даяху. И поча по миру ходити, тако же уродомъ ся творя. И вселися в пещеру, в нейже преже былъ, уже бо бѣ Аньтоний преставилься, и *совокупи* собѣ уныхъ и въскладаше *на нь* порты чернѣцкыя, да ово от игумена Никона раны принимаше, ово ли от родитель

Антония в Чернигов. Антоний же, придя в Чернигов, возлюбил Болдины горы; выкопав пещеру, там и поселился. И существует там монастырь святой Богородицы на Болдиных горах и до сего дня.

Феодосий же, узнав, что Антоний отправился в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо был он расслаблен телом и разумом так, что не мог сам ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, но лежал на одном боку и постоянно мочился под себя, так что от мочеания и черви завелись у него под бедрами. Феодосий же сам своими руками умывал и переодевал его и делал так в течение двух лет. То было дивное чудо, что в течение двух лет тот ни хлеба не вкусил, ни воды, никакой иной пищи, ни овощей, ни слова не произнес, но нем и глух лежал два года. Феодосий же молился Богу за него и молитву творил над ним ночью и днем, пока тот на третий год не заговорил, и не начал слышать, и на ноги вставать, как младенец, и стал ходить. Но не стремился посещать церковь, силою притаскивали его к церкви и так понемногу приучили его. И затем научился он в трапезницу ходить, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, и не брал его, пока не вкладывали его в руки ему. Феодосий же сказал: «Положите хлеб перед ним, но не вкладывайте его в руки ему, пусть сам ест»; и тот неделю не ел и, только понемногу оглядевшись, стал откусывать хлеб; так научился он есть, и так избавил его Феодосий от козней дьявольских и коварства.

Исакий же обратился к подвижничеству и воздержанию строгому. Когда же скончался Феодосий и на его месте был Стефан, Исакий сказал: «Ты уже было прельстил меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю». И облекся в власяницу, а на власяницу надел свиту из грубой ткани и начал юродствовать и помогать поварам, варя на братию. И, приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо и неподвижно. Когда же наступала зима и морозы лютые, стоял в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали ноги его к камню, и не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и приготовлял огонь, воду, дрова, а затем уже приходили прочие повара из братии. Один же повар, тоже по имени Исакий, в насмешку сказал Исакию: «Вон сидит ворон черный, ступай, возьми его». Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему при всех поварах. И те ужаснулись и поведали о том игумену и братии, и стала братия почитать его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать и пакостить стал то игумену, то братии, то мирянам, так что некоторые и били его. И стал ходить к мирянам, также юродствуя. Поселился он в пещере, в которой жил прежде, — Антоний уже умер к тому времени, — и собрал к себе детей, и одевал их в одежды чернеческие, и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей тех детей. Он же все то терпел,

дѣтскихъ. Се съ же то все терпяше и подымаше раны и наготу, и студень день и ночь. Въ едину бо ночь въжегъ печь во истопцѣ у пещеры, и яко разгорѣся печь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами. Оному же нѣчимъ заложити, и вступле на пламень ногама босыма, *ста на пламени*, дондеже изгорѣ печь, и слезе. Ина много повѣдаху о немъ, а другому и самовидци быхомъ. И тако взя побѣду на бѣсовскыя силы, яко и мухъ ни во что же имяше устрашения ихъ и мечтания ихъ, глаголашеть бо к нимъ: «Аще бо мя бѣсте первое прельстилѣ, понеже не вѣдахъ козний вашихъ и лукавства. Нынѣ же имамъ Господа Иисуса Христа, Бога нашего, и молитву отца нашего Федосья, надѣюся на Христа, имамъ побѣдити васъ». И многожды бѣси пакости дѣаху и глаголаху *ему* <...>: «Нашъ еси, поклонилъся еси нашему старѣйшины и намъ». Онъ же глагола имъ: «Вашъ старѣйшина есть антихрьсть, а вы бѣси есте». И перекрѣстися, и тако ищезняху. Овогда же ли паки в нощи прихожаху к нему, и страхъ ему творяще ово въ мечтѣ, яко се много народъ с мотыками и с лыскари, глаголюще: «Раскопаемы пещеру сию и се здѣ загребемъ». Инии же глаголаху: «Бѣжи, Исаке, хотять тя загрести». Онъ же глаголаше к нимъ: «Аще бысте челоуѣцѣ былѣ, то въ день бысте ходили, а вы есте тма, во тмѣ ходите». И знаменася крестнымъ знамениемъ, они же ищезняху. А другоичи страшухуть ѥ во образѣ медвѣжьи, овогда же лютомъ звѣремъ, овогда же воломъ, ово ли змия ползаху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ. И не возмогоша ему ничьтоже створити. И рекоша ему: «Исакий! Побѣдилъ ны еси». Онъ же рече: «Якоже и вы первѣ мене побѣдили есте въ образѣ Иисусъ Христовѣ и въ ангелскомъ, недостойнѣ суще того видѣния, то первое являетесь въ образѣ звѣриноу и скотьюмъ, змиями и гадомъ, аци же и сами бысте сквѣрни, зли въ видѣнни. И абые погыбоша бѣси от него, и оттолѣ не бысть ему пакости от бѣсовъ, якоже самъ повѣдаше, яко «Се бысть ми за три лѣта брань си». И потомъ нача крѣплѣе жити и въздержаніе имѣти, пощенье и бдѣніе. И тако живушу ему, сконча житье свое. И разболѣся в пещерѣ, и несоша ѥ болна в монастырь, и до осмога дни скончася о Господѣ. Игумен же Иванъ и братья спрятавшѣ тѣло его и погребоша ѥ.

Тацѣ же бѣша чернорисци Федосьева монастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молятъ Бога за здѣ сущюю братью, и за приносящия в монастырь, и за мирскую братью. Въ нем же и нынѣ добродѣтельно житье живутъ и обыче вкупѣ, въ пѣннихъ, и въ молитвахъ и в послушаньихъ на славу Богу всемогущому, и Федосьевами молитвами соблюдаемы, ему же слава въ вѣкы, аминь.

В лѣто 6583. Почата бысть церкви печерская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ, изъ основанья бо Федосій почла, а на основаньи Стефанъ почла; и кончана бысть на третье лѣто мѣсяца июля въ 1 день.

В се же лѣто придоша послѣ из немецъ къ Святославу. Святослав же, величашеся, показа имъ богатство свое. Они же, видивше бесчисленное

выносил побои, и наготу, и холод, днем и ночью. В одну из ночей разжег он печку в избушке у пещеры, и когда разгорелась печь, запольхал огонь через щели, ибо была она ветхой. И не было ему чем заложить щели, и встал на огонь ногами босыми, и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда слез. И многое другое рассказывали о нем, а иному я сам был очевидцем. И так он победил бесовские силы, как мух, невзирая на их запугивания и наваждения, говоря им: «Хоть вы меня когда-то и прельстили в пещере, потому что не знал я козней ваших и лукавства, ныне же со мною Господь Иисус Христос и Бог наш и молитва отца нашего Феодосия, надеюсь на Христа и одержу победу над вами». Много раз бесы пакостили и говорили ему: «Наш ты, поклонился нашему старейшине и нам». Он же говорил им: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы». И осенял себя крестным знамением, и оттого исчезали. Иногда же вновь приходили к нему ночью, пугая его видением, будто идет много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыплем его здесь». Иные же говорили: «Беги, Исакий, хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма, и во тьме ходите, и тьма вас поглотит». И осенял себя крестным знамением, и они исчезали. Другой раз пугали его то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами и всякими гадами. И не могли ему ничего сделать и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас». Он же сказал: «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид». И пострадал от него бесы, и с тех пор не было ему пакости от бесов, как он и сам поведал, что была у него с ними три года война. Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. В таком житии и кончил жизнь свою. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю в благочестии скончался. Игумен же Иван и братия убрали тело его и похоронили.

Таковы были черноризцы Феодосиева монастыря; сияют они и по смерти, как светила, и молят Бога за живущую здесь братию, и за жертвующих в монастырь, и за мирскую братию. В монастыре же и доныне добродетельной жизнью живут все вместе, сообщая, в пении, и в молитвах, и в послушании, на славу Богу всемогущему, хранимые молитвами Феодосия, ему же слава вечная, аминь.

В год 6583 (1075). Начата была церковь Печерская над основанием Стефаном игуменом; основание ее начал Феодосий, а над основанием продолжил Стефан; и окончена была она на третий год, месяца июля в 11-й день.

В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, похваляясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множе-

множество золота, и серебра и паволок, рѣша: «Се ни во что же есть, се бо лежитъ мертво. Сего суть *кметье* лучше. Мужи бо доишуться и болша сего».* Сице ся похвали Езекий, царь иудѣйский, к *послом царя асурийска*, егоже вся взята быша *въ Вавилонѣ*.* Тако и по сего смерти все имѣнье расъсыпашася раздѣно.

В лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ Святъславль ляхомъ в помощь на чехы.* В се же лѣто преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабрия въ 27, от рѣзанья желве, и положенъ бысть у Спаса. И сѣде по немъ Усеволодь на столѣ мѣсяца генваря въ 1 день. В се же лѣто родися у Володимера сынъ Мьстиславъ, внук Всеволож.*

В лѣто 6585. Поиде Изяславъ с ляхы, Всеволод же поиде противу ему. И бывшу Всеволоду...* Сѣде Борисъ в Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его дний 8, и бѣжа Тмутороканю к Романовѣ. Всеволодъ же възиде противу брату Изяславу на Волынь и створи миръ, и, пришед, Изяславъ сѣде в Киевѣ мѣсяца июля 15 день, *Олегъ* же, Святославль сынъ, бѣ у Всеволода в Чернѣговѣ.

В лѣто 6586. Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю от Всеволода мѣсяца априля въ 10 день. В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, Святославль сынъ, в Заволочьи.* Бѣ же Глѣбъ милостивъ на *убогия* и страньнолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть в Черниговѣ за Спасомъ мѣсяца июля 23 день. Сѣдящу в него мѣсто Святополку в Новѣгородѣ, сыну Изяславу, Ярополку сѣдящу Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящу у Смоленскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганя на Рускую землю и поидоста на Всеволода с половцѣ.* Всеволодъ же изоиде противу *има* на Съжици, и побидиша половцѣ русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть ту Иванъ Жирославичъ, и Туку, Чюдинъ братъ. Порѣй и ини мнози мѣсяца августа 25 день. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняше одолѣвше, а земли Руской много зла створившим, прольяше кровь хрестьянску, еяже кровь възыщеть Богъ от руку ея, отвѣтъ дати за погиблыя душа хрестьянскѣ. Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Киеву, и цѣловавшася, сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда ему все бывшее. И рече ему Изяславъ: «Брате! Не тужи. Видиши бо, колко ся мнѣ склочи зла: первое бо, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И паки, кую вину створиль есмь? Не изгнаста ли вы, мене, брата своя, и не блудих ли по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ, не створи зла ничтоже? И нынѣ, брате, не туживѣ. Аще будетъ нама причастье в Руской землѣ, то обѣма, аще лишена будевѣ, то *оба*. Язь сложю главу свою за тя». И се рекъ, *утѣши* Всеволода и повелѣ збирати воя от мала до велика. И поиде Изяславъ съ Ярополкомъ, сыномъ своимъ, и Всеволодъ с Володимером, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и черниговцѣ затворишася у градѣ. Олегъ же и Борисъ *не* бяшета в Черниговѣ.* Чернѣговцемъ же не отворящимся, приступиша ко граду. Воло-

ство золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого войны. Ведь мужи добудут и больше того». Так похвалялся Иезекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти Святослава все имущество его расточилось.

В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег Святославич в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го от разрезания желвака, и положен был у Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день. В том же году родился у Владимира сын Мстислав, внук Всеволодов.

В год 6585 (1077). Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел против него... Сел Борис в Чернигове, месяца мая в 4-й день, Всеволод же пошел против брата Изяслава на Вольты; и заключили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода, месяца апреля в 10-й день. В этом же году убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца июля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святополк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске,— привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирславич и Туки, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет Бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня в прошлом и не разграбили ли мое имущество? И снова в чем провинился я? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода и повелел собирать воинов от мала до велика. И двинулись в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса не было в Чернигове. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил

димеръ же приступиша къ вратомъ вѣсточнымъ, отъ Стръжене, и отъ врата, и взяша градъ околний, и пожгоша огнемъ, людемъ выбѣгшимъ во днешний городъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко иде Олегъ и Борисъ противу, Изяславъ же и Всеволодъ урянився, поидоста отъ града противу Олговѣ. И рече Олегъ къ Борисовѣ: «Не ходиви противу, не можевѣ стати противу чотыремъ княземъ, но пошливѣ съ молбою къ строема своимъ». И рече ему Борисъ: «Ты зри готова, язъ имъ противенъ всимъ». И похвалився велми, не вѣды яко Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ же благодать даетъ, и да не похвалится силныю силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣсѣтъ на Нѣжатини нивѣ, и совокупившимъся обоемъ, бысть сѣча зла. И пѣрвое убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившаго велми. Изяславу, стоящю въ пѣщехъ, унезапу приѣхавъ одинъ, удари копьемъ за плеча. И тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. Предложенъ же бывшѣ сѣчѣ, побѣже Олегъ въ малѣ дружини, едва втече и бѣжа Тмютороканю.

Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день. Воземше же тѣло его, привезоша въ лоды, и поставиша противу Городчю, и изидоша противу ему весь городъ Киевъ, и възложиша на санѣ, повезоша ѱ съ пѣсньми попове и черноризци, и понесоша въ градъ. И не бѣ лзѣ слышати пѣнья въ плачѣ велицѣ и воплѣ, плакася о немъ весь городъ Киевъ. Ярополкъ же идяше по немъ, плачяся съ дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси бес печали пожил на свѣтѣ семь, многи напасти приемъ отъ людѣй и отъ братья своя? се же погибе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою». И, принесѣше, положиша тѣло его въ церквѣ святыя Богородица, уложиша ѱ въ раку камяну и мраморяну.* Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ, тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, кривды ненавида, любя правду. Клюкъ же въ немъ не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло. Колко бо ему створиша киянѣ: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не възда противу тому зла. Аще ли кто дѣеть: киянѣ исѣклъ, которѣи же высадили Всеслава ис поруба, то съ того не створѣ, но сынъ его. Паки же брата своя выгнаста ѱ, и ходи по чужей землѣ, блудя. И сѣдящу ему паки на своемъ столѣ, Всеволоду пришедшу побѣжену къ нему, не рече ему: «Колко подьяхъ отъ ваю». Не вдасть зла на зло, но утѣши и рекъ ему: «Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, уведи мя на столъ мой, нарекъ мя старѣйши себе, се азъ не помяну злобы первоѣ, ты мнѣ еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя», еже и бысть. Не рече бо ему: «Колко зло створиста мнѣ, и се нынѣ тобѣ ся приключи», не рече: «Сего кромѣ мене», но на ся перея печаль братню, показа любовь велику, свершая апостола, глаголюща: «Утѣшайте печалныя».* По истинѣ, аще что створилъ есть на свѣтѣ семь, етеро согрѣшенъе, отдасться ему, зане положи главу свою за брата своего, ни желая болшая части, ни имѣнья хотя болшого, но за братню обиду. О сяковыхъ бо и Господь рече: «Да кто положить душу свою за други своя».* Соломонъ же рече: «Братъе, въ бѣдахъ пособиви бывай-

ворота, и взял внешний город, и запалил его огнем, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города навстречу Олегу. И сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостоять четырем князьям, но пошлем со смирением к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех» и расхвастался он сильно, не ведая, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и когда были они на Нежатиной ниве, соступились обе стороны, и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеславова, безмерно похвалявшегося. К Изяславу, стоявшему среди пеших воинов, неожиданно подъехал кто-то и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал Олег с небольшой дружиной и едва спасся, убежал в Тмуторокань.

Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяв тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И не слышно было пения из-за плача великого и вопля, плакал о нем весь город Киев. Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Много ли пожил ты без печали на свете этом, столько напастей приняв от людей и от братья своею? И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб каменный и мраморный. Был же Изяслав муж красивый видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Хитрости не было в нем, ни обмана, но был простодушен, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, — и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Киевлян истребил, которые освободили Всеслава из темницы», то не он это сделал, а сын его. Затем братья прогнали его, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся!», не воздал злом за зло, но утешил, сказав ему: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», — как и было. Не сказал ведь ему: «Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не добиваясь ни большего удела, ни большего богатства, но за братню обиду. О таких-то Господь сказал: «Братья в бедах помогают друг другу». Ибо любовь превышает

те». * Любовь бо есть выше всего. Яко же *Иоан* глаголетъ: «Богъ любви есть, и пребывая у любви, у Бози пребываетъ, и Богъ в немъ пребываетъ». О семь свершается любви, да достоянье имамъ въ день Судный, да якоже онъ есть, и мы есмы в мирѣ семь. Боязни нѣсть в любви, но свершена любви вонъ измѣщаетъ боязнь, яко боязнь мученье имать. «*Бояй* же ся нѣсть свершень у любви. Аще кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавижда — ложь есть. Не любяй брата своего, егоже видить, Бога, егоже не видить, како можетъ любити? Сию заповѣдь има от него, да любяй Бога любить и брата своего». * У любви бо все свершается. Любви бо ради грѣси расыпаются. Любви бо ради и Господь сниде на землю и распялся за ны грѣшныя и возьмъ грѣхи наша, пригвоздѣ на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на помощь и на прогнание бѣсомъ. Любви ради мученици прольяха кровь свою. *Любве* же ради и сий князь прольяха кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню.

Начало княженья Всеволожа в Києви. Всеволодъ же сѣде Києвѣ на столѣ отца своего и брата своего, переимъ всю власть рускую. И посади сына своего Володимера в Черниговѣ, а Ярополка — Володимерѣ, придавъ ему Туровъ.

В лѣто 6587. Приде Романъ с половцѣ к Воиню. Всеволод же став у Переяславля и створи миръ с половцѣ. И възратися Романъ възспать, и бывшу ему ...* убиша ѥ половцѣ мѣсяца августа 2 день. И суть кости его и до сего лѣта тамо лежаче, сына Святославля и внука Ярославля. А Ольга емше козарѣ, поточиша за море Царюгороду.* Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмутороканю.

В лѣто 6588. Заратишася торци *перяславстии* на Русь. Всеволод же посла на нѣ сына своего Володимера. Володимер же, шедъ, побил *торки*.

В лѣто 6589. Бѣжа Игоревич Давыдъ с Володаремъ Ростиславlichem мѣсяца мая въ 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмутороканю.

В лѣто 6590. Осѣнь умре половѣцкый князь.

В лѣто 6591. Приде Олегъ изъ Грек Тмутороканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и сѣде Тмуторокани. И исѣче козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

В лѣто 6592. Приходи Ярополкъ* ко Всеволоду на Великъ день. В се же время вбѣгоста Ростиславича два от Ярополка *и, пришедша, прогнаста Ярополка*, и посла Всеволодъ сына своего Володимера, и выгна Ростиславича и посади Ярополка Володимерѣ. В се же лѣто Давыдъ зая грѣчнѣки во Олешьи и зая в них все имѣнье.* Всеволодъ же, пославъ, привеле ѥ и вдасть ему Дорогобужь.*

В лѣто 6593. Ярополку хотящю на Всеволода, послушавшю ему злыхъ свѣтникъ. Се увѣдавъ, Всеволодъ посла противу ему сына своего Володимера, а Ярополкъ же, оставивъ матеръ свою и дружину свою в Лучскѣ,* а самъ бѣжа в Ляхи. Володимеру же пришедшю к Лучску, дашася лучане. Володимеру

всего. Также и Иоанн говорит: «Бог есть любовь; пребывающий в любви — в Боге пребывает, а Бог в нем пребывает». Так совершается любовь, чтобы имели мы что <предъявить> в день Судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь отвергает ее, так как боязнь есть мученье. «Боящийся не совершенен в любви. Если кто говорит: «Люблю Бога, а брата своего ненавижу», это — ложь. Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? Эту заповедь получили от него, чтобы любящий Бога любил и брата своего». В любви ведь все совершается. Любви ради и грехи исчезают. Любви ради и Господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест свой на помощь и для борьбы с бесом. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради князь этот пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь Господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров.

В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами в Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад и когда был он... убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святославова, внука Ярославова. А Олега хазары, захватив, отправили за море в Царьград. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.

В год 6588 (1080). Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.

В год 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмуторокани, и схватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.

В год 6590 (1082). Умер Осень, половецкий князь.

В год 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани, и захватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.

В год 6592 (1084). Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод сына своего, Владимира, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд захватил гречников в Олесье и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобуж.

В год 6593 (1085). Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушавшись злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, сам бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же

ру же посадившую Давыда въ Володимерѣ, у Ярополка мѣсто, а матеръ Ярополчю и жену его и дружину его приведе Киеву, имѣнье его вземь.

В лѣто 6594. Всеволодъ заложи церковь святаго Андрѣя при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ, створи у церкви тоя монастырь, в нем же пострижеса дщи его дѣвою, именемъ Янька. Сия же Янка, совокупивши черноризци многи, пребываше с ними по монастырьскому чину.*

В лѣто 6595. Приде Ярополкъ из Ляховъ и створи миръ с Володимеромъ, и иде Володимеръ опять Чернѣгову, а Ярополкъ сѣде Володимерѣ. И пересѣдивъ мало днѣй, иде Звенигороду.* И не дошедшу ему города, прободенъ бысть от проклятаго Нерядьца, от дьяволя наученья и от злыхъ чловѣкъ. Князю же Ярополку лежашу на санкахъ, а онъ с коня саблюю прободе я мѣсяца ноября въ 22. Тогда въздвигнувся Ярополкъ, выторгну ись себе саблю, и рече великимъ гласомъ: «Охъ, тот мя вороже погуби». И бѣжа Нерядецъ проклятый до Перемышля к Рюрикови,* а Ярополка взяша отроци на конь передъ ся — Радко и Воикина и инии отроци, несоша к Володимерю, а оттуду Киеву. И изниде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ со сынома своима, Володимеремъ и Ростиславомъ, и вси бояре, и блаженный митрополитъ Иванъ и черноризци и прозвутерѣ. И вси кияне великъ плачь створиша над нимъ, со псалмы и пѣснями проводиша и до монастыря святаго Дмитрия,* съпрятавше тѣло его, съ честью положиша ѥ в рацѣ у церкви святаго апостола Петра, юже бо самъ началъ здати, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды приемъ, без вины изгонимъ от братья своя, обидимъ и разграбленъ, наконецъ и смерть горку прия, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бо бяше блаженный князь Ярополкъ кротокъ, смиренъ, братолюбивъ и нищелюбець, десятину дая от всихъ скотъ своихъ святѣй Богородици и от жита на вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: «Господи Боже мой Иисусъ Христѣ! Приими молитву мою и дай же ми смерть такую, якоже вдаль еси брату моему, Борису и Глѣбови, от чюжую руку, да омыю грѣхи вся своею кровью, избуду суетнаго свѣта и *сѣти* вражинъ». Его же прошенья не лиши его благий Богъ: усприя благая она, ихже ни око не види, ни *ухо* слыша, ни на сердце чловѣку не взиде, яже уготова Богъ любящимъ его.* В се же лѣто ходи Всеволодо къ Перемышлю.

В лѣто 6596. Священа бысть церкви святаго Михаила монастыря Всеволожа митрополитомъ Иоаномъ и *епископы* Лукою, Исаемъ, игуменьство тогда держашу того монастыря Лазореви. Том же лѣтѣ иде Святополкъ из Новгорода Турову на княженье. У се же лѣто умре Никонъ, печерьски игумень. В се же лѣто взяша болгаре Муромъ.

В лѣто 6597. Священа бысть церкви печерьская святыя Богородица монастыря Федосьева Иваномъ митрополитомъ, и Лукою, Бѣлогородскимъ епископомъ, и епискупомъ Ростовскимъ Исаиемъ, и Иваномъ Черниговскимъ

посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял.

В год 6594 (1086). Всеволод заложил церковь святого Андрея при Иоанне, преподобном митрополите, и создал при церкви той монастырь, в котором постриглась дочь его девицей по имени Янка. Янка эта, собрав многих черноризиц, подвизалась с ними по чину монастырскому.

В год 6595 (1087). Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову, а Ярополк сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И еще не дошел он до города, как был пронзен проклятым Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Князя Ярополка, лежавшего на возу, пронзил тот саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда, приподнявшись, Ярополк выдернул из себя саблю и возопил громким голосом: «Ох, погубил меня враг тот». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка положили на коня перед собой отроки его Радко, Воикина и другие отроки и повезли его во Владимир, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне оплакали его горько, с псалмами и песнопением проводили его до монастыря святого Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в раку месяца декабря в 5-й день, в церкви святого апостола Петра, которую сам когда-то начал воздвигать. Многие беды испытал, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, а в конце и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Был же блаженный князь Ярополк кроток, смирен и братолюбив, и нищелюбец, десятину давал от всех богатств своих святой Богородице и от хлебов своих ежегодно, и всегда молил Бога, говоря: «Господи, Боже мой Иисус Христос! Прими молитву мою и ниспошли мне смерть такую же, какую даровал и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и сети вражеской». Просимого им не лишил его милостивый Бог: получил он блага те, каких ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал Бог любящим его. В том же году ходил Всеволод к Перемышлю.

В год 6596 (1088). Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном и епископами Лукою и Исайей, а игумен того монастыря был тогда Лазарь. В том же году пошел Святополк из Новгорода княжить в Туров. В том же году умер Никон, игумен Печерский. В тот же год взяли <волжские> болгары Муром.

В год 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевом монастыре митрополитом Иоанном, и Лукою, белгородским епископом, и епископом ростовским Исайей, и Иоанном, черниговским

епискупомъ, и Антоньемъ, гурьговскимъ игуменомъ, при благовѣрномъ князи Всеволодѣ, державному Руския земля, и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводство держашу киевской тысячи Яневи, игуменьство держашу Ивану. В се же лѣто преставися Иоанъ митрополить. Бысть же Иоанъ си мужъ хитръ книгамъ и учѣнью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласкав же всякому, к богату и къ убогу, смиренъ же умомъ и кротокъ, и молчаливъ, рѣчистъ же книгами святыми, утѣшая печальныя, и сякова не бысть преже в Руси, ни по нѣмъ не будетъ такой. В се же лѣто иде Янъка въ Греки, дщѣ Всеволожа, нареченая прѣже.

В лѣто 6598. Приведе Янка митрополита *Иоана* скопчину, егоже видивши людье вси рекоша: «Се мертвецъ пришелъ». От года бо до года пребывъ, умре. Бѣ же се мужъ не книженъ и умомъ простъ и просторѣкъ. В се же лѣто священа бысть церкви святаго Михаила переяславлеския Ефрѣмомъ, тоя церкви митрополитомъ, иже ю естъ создалъ велику сущю, и пристрою в нѣй велику створи, украсивъ ю всякою красотою, церковными съсуды. Сий бо Ефрѣмъ в си лѣта много зданье въздвиже: *докончавъ церковь* святаго Михаила, заложи же церковь на воротехъ святаго Федора, и святаго Андрѣя у церкви у воротъ, и городѣ каменъ, и строено банное камяно, сего же не бысть в Руси.* И въкраси городъ Переяславскій зданьи церковными и прочими зданьи.

В лѣто 6599. Игумень и черноризци свѣтъ створше, рѣша: «Не добро естъ лежати отцю нашему Федосьеви кромѣ монастыря и церкви своя, понеже тѣ естъ основаль церковь и черноризци совокупиль». И свѣтъ створше, повелѣша устроити мѣсто, идеже положити мощи его. И приспѣвшу празднику Успѣнья Богородицѣ треми деньми, и повелѣ игумень рушити, гдѣ лежать мощѣ отца нашего Федосья, егоже повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидецъ. Се же и скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о собѣ началникъ. Пришедшу бо игумену ко мнѣ и рекшу мнѣ: «Поидевъ в пещеру к Федосьеви». Азъ же пришедъ съ игуменомъ, не вѣдущю никомуже, разгладивша, куда копати, и назнаменоваша мѣсто, кдѣ копати кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игумень: «Не мози повѣдати *никомуже* <...> от братьи, да не увѣсть никтоже; но пойми, егоже хошеши, да ти поможетъ». Азъ же пристроихъ семь дни рогаля, имже копати. И въ вторникъ вечеръ в суморокъ, пояхъ съ собою 2 брата, не вѣдущю никомуже, приходхъ в пещеру и отпѣхъ псалмы, почяхъ копати. И, вътрудився, вдахъ другому брату, и копахомъ до полуночья и трудихомся, не могуше ся докопати. Начяхъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же, возьмъ *рогалью*, начяхъ рамяно копати, другу моему опочивающю предъ пещерою, и рече ми: «Удариша в било». И азъ тотъ час *прокопах* на мощи Федосьеви. И оному глаголющю ко мнѣ: «Удариша у било», мнѣ же рекшу: «Прокопахъ уже». Егда же прокопахъ, объдержашет мя ужастъ, начяхъ звати: «Господи помилуй!» Въ *тѣй* же часъ сѣдяста два брата в монастыри, егда игумень, утаився, нѣ с кимъ принесетъ его отай, зряста к пещерѣ. И егда

епископом, и Антонием, юрьевским игуменом, при благоверном, державном князе Русской земли Всеволоде и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство держал Иоанн. В том же году преставился Иоанн митрополит. Был же тот Иоанн сведущ в книгах и в учении, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и нищему, смиренен же умом и кроток, молчалив, речист же, когда от святых книг утешал печальных; такого не было прежде на Руси, и после него не будет такого. В тот же год пошла в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, о которой говорилось прежде.

В год 6598 (1090). Привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжен, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила в Переяславле Ефремом, митрополитом той церкви, которую он выстроил большой и пристроил к ней большую пристройку, украсив церковь всяческой красотой, церковными сосудами. Этот Ефрем в те годы много зданий воздвиг: докончил церковь святого Михаила, заложил церковь святого Федора на воротах и церковь святого Андрея у ворот, и стену <городскую> каменную, и строение банное каменное, чего не было на Руси, украсив город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В год 6599 (1091). Игумен и черноризцы, посовещавшись, сказали: «Не годится лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церкви основание положил и черноризцев собрал». И посовещавшись, повелели устроить место, где положить мощи его. И когда через три дня наступил праздник Успения Богородицы, повелел игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия, повелению которого я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как участник того дела. Итак, пришел игумен ко мне и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я и пришел с игуменом, втайне от всех, и рассмотрели, куда копать, и обозначили место, где копать,— в стороне от входа. Сказал же мне игумен: «Не смей рассказывать никому из братии, чтобы никто не узнал, но возьми кого хочешь, чтобы тебе помог». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял с собою двух братьев, и втайне от всех пришел в пещеру, и, отпев псалмы, стал копать. И, устав, дал копать другому брату, и копали до полуночи, утомились и не могли докопаться, и начал тужить, что копаем не в ту сторону. Я же, взяв мотыгу, начал усердно копать, а друг мой отдыхал перед пещерою и сказал мне: «Ударили в било!» И я в это мгновение докопался до мощей Феодосиевых. И когда он мне сказал: «Ударили в било», я сказал: «Уже прокопал». Когда же прокопал, охватил меня ужас, и стал взывать: «Господи, помилуй». В это время сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры: игумен еще не сказал тогда, с кем он будет переносить его тайно. Когда ударили в било, увидели они три

ударилша в било, видиста три столпы, аки дуги зарни, и, стоявше, и приидоша надъ верхъ церкви, идѣже положенъ бысть Федосий. В се же время видѣ Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игумень, — в се же время бысть епископъ, — видивъ въ своемъ манастыри чресь поле* зарю велику надъ пещерою, мнѣвъ, яко несутъ Федосья, бѣ бо ему извѣщено, переже днемъ единѣмъ, и съжаливси, яко без него *преносят* ѿ, и всѣдъ на конь, вборзѣ поѣха, поемъ съ собою Климянта, егоже постави игумена по собѣ. Идяста в собѣ видяста зарю велику. И яко приидоста близъ, видѣста свѣщи многи надъ пещерою, и приидоста к пещерѣ, и не видиста ничтоже, и приидоста дну в пещеру, намъ сѣдящимъ у мощѣй его. Егда бо прокопах, послах ко игумену: «Прииди, да ѿвозмемъ». Игумень же прииде съ двѣма братома. И прокопах велми, и влѣзохъ, и видихом мощѣ его лежащѣ, но съставѣ не распалися быша, и власи главнии притясли бяху. И възлозъше на *варимантъю*, вынесоша предъ пещеру. На другой же день совокупишася епископи: Ефримъ Переяславскый, Стефанъ Володимирскый, Иванъ Черниговскый, *Маринъ* Гургевскый, игумени вси от всехъ манастыревъ с чернорисци, приидоша и людье благовѣрнии, взяша мощи Федосьевы съ свѣщами и съ *темияном*. И принесоша, и положиша ѿ своей ему церкви, у притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 у четвергъ, в час 1 дне, индикта 14, лѣта... И празноваша свѣтло въ тѣ день.

Се же повѣмъ мало нѣчто, еже ся збысть прорѣченъе Федосьево. Игуменьство бо Федосьеви держашю у животѣ своемъ и правящю стадо, порученое ему Богомъ — черноризци, не токмо же си едини, но в мирьскими печашеся душами, како быша спаслися, паче же о сынехъ своихъ душевныхъ, утѣшая и наказая приходящая к нему, другоичи в дома ихъ приходя и благословленъе имъ подавая. Единою бо ему пришедшю в домъ Яновъ* къ Яновѣ и к женѣ его Марьи — *Федосий* бо бѣ любя я, занеже живяста по заповидѣ Господнѣ и в любви живяста, единою же ему пришедшю к нима, и учашеть я о милостынѣ ко убогим, и о царствѣ небеснѣмъ, еже пряти праведникомъ, а грѣшнымъ муку, и о смертнемъ часѣ. И се ему глаголющю и о положени тѣла у гробѣ има. И рече ему Яневая: «Кто вѣсть, гдѣ мя положить?» Рече же ей Федосий: «Поистинѣ *идеже* азъ лягу, ту и ты положена будеши». Се же събысться. Игумену бо *преставльшуся* преже 18 лѣт, се събысться: в се бо лѣто преставися Яневая, именемъ Марья, мѣсяца августа в 16 день. И пришедъше чернорисци, пѣвше обычныя пѣсни, и, принесше, и положиша ю у церквѣ святыя Богородица, противу гробу Федосьеву, на лѣвой сторонѣ. *Федосий* бо положенъ бысть 14 день, а си въ 16 день. Се събысться прорѣченъе блаженаго отца нашего Федосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овца нелицемѣрно, с кротостью и с рассмотрениемъ блюда ихъ и бдѣниемъ, и моляся за порученое ему стадо и за люди хръстьянскыя, и за землю Рускую, иже по *отшествии* его моляся за люди *вѣрныя* и за своя *ученикы*, иже, взирающе на *раку* твою, поминають ученъе твое и въздержанъе твое, и прославляютъ Бога. Азъ же, грѣшный твой рабъ и ученикъ, недоумѣю, чимъ похвалити тя, добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто.

столпа, точно светящиеся дуги, и, постояв, передвинулись эти дуги на верх церкви, где был положен потом Феодосий. В это же время Стефан, который раньше был игуменом на месте Феодосия, а теперь был уже епископом, видел в своем монастыре за полем зарю великую над пещерою; решив, что несут Феодосия, так как за день до того было ему возвещено об этом, и пожалев, что переносят без него, сел на коня и быстро поехал, взяв с собою Климента, которого он потом поставил вместо себя игуменом. И когда они ехали, видели они свет великий. И когда приблизились, увидели свечей множество над пещерою, и подошли к пещере, и не увидели ничего, и вошли в глубину пещеры, а мы сидели тогда у мощей. Когда я прокопал, послал я к игумену: «Приходи, вынем его». Игумен же пришел с двумя братьями; и я раскопал поболее, и влезли мы и увидели лежащие мощи; суставы не распались, и волосы на голове присохли. И, положив его на мантию, вынесли его перед пещерой. На другой же день собрались епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, игумены из всех монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные и взяли мощи Феодосиевы со свечами и с фимиамом. И, принеся, положили его в церкви его, в притворе, по правой стороне, месяца августа в 14-й день, в четверг, в час дня, индикта 14-го, года... И праздновали светло день тот.

Теперь коротко поведаю о том, как сбылось пророчество Феодосия. Еще когда Феодосий был жив и держал игуменство, управляя стадом черноризцев, порученных ему Богом, пекся он не только о них, но и о мирянах — о душах их, как бы им спастись, особенно о духовных сынах своих, утешая и наставляя приходящих к нему, а иногда приходя в дома их и благословение им подавая. Однажды, придя в дом Янев к Яню и к жене его Марье, — ибо Феодосий любил их за то, что они жили по заповеди Господней и в любви, итак, однажды, зайдя к ним, поучал он их о милостыне убогим, и о царствии небесном, которое заслужат праведники, тогда как грешники — муку, и о смертном часе. И когда он говорил о положении их тел во гроб, сказала ему жена Яня: «Кто знает, где меня похоронят?» Сказал же ей Феодосий: «Во истину, где лягу я, там и ты похоронена будешь». Что и сбылось. Игумен умер раньше ее, а на восемнадцатый год это и сбылось: ибо в тот год преставилась жена Яня, именем Марья, месяца августа в 16-й день, и пришли черноризцы, отпели положенные песнопения и принесли и положили ее в церкви святой Богородицы, против Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосий был похоронен 14-го, а та 16-го. Так сбылось пророчество блаженного отца нашего Феодосия, доброго пастуха, пасшего словесных овец истово, с кротостью и со вниманием, наблюдая за ними и опекая их, молясь за порученное ему стадо, за землю Русскую, и за людей христианских, за которых и по отшествии своем молится, за людей верных и за своих учеников, — они, взирая на гроб твой, вспоминают поучения твои и воздержание твое и прославляют Бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как восхвалить доброе твое житие и воздержание. Но скажу немногое.

«Радуйся, отче нашъ и наставниче, Федосий! Мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, Богу послужилъ еси у мнишьскомъ жити, всяко собѣ принесѣнье принеслъ еси божественое, *пощеньемъ* преузвысився, плотьскихъ сластей възненавидивъ, и мирьскую красоту и желанье вѣка сего отринувъ, услѣдуя стопамъ высокомысленымъ отцемъ, ревнуя, молчаньемъ възвышаяся, смиреньемъ украшаяся. Радуйся, укрѣплеса надежею и вѣчныхъ благъ приемъ, умертвивъ плотьскую похоть, источникъ безаконью и мятежь, *преподобне*, и бѣсовскихъ кознѣй избѣгъ и от *свѣтий* его. С праведными, отче, почилъ еси, усприемъ противу трудомъ своимъ *възмѣдье*, отцемъ наслѣдникъ бывать, послѣдовавъ ученью ихъ и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя. Паче же ревноваше великому Федосью* житьемъ и нравомъ, и въздержаньемъ ревнуя и послѣдствуя обычаю его, и прѣходя от дѣла в дѣло уншее, обычныя молбы Богу уздая и воню благоуханья принося, кадѣло молитвенное, темьянъ благоуханьный. Побѣдивъ мирьскую похоть и миродержьца князя вѣка сего, супротивника поправъ дьявола и его козни, побѣдникъ явися, противнымъ его стрѣламъ и гордымъ помысломъ ставъ супротивно, укривився оружьемъ крестьнымъ и вѣрою непобидимую, и Божью помощю. И помолися за мя, честный отче, избавлену быти от сити неприязненъ, и от противнаго врага съблуди мя твоими молитвами».

В се же лѣто бысть знаменье въ солнци, погибе, мало ся его оста — акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия въ 21. В се же лѣто бысть: Всеволоду ловы дѣюща звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и людемъ кликнувшимъ, спаде привеликъ змѣй с небесѣ, и ужасошася вси людье.* В се же время земля стукну, мнозѣ слышаша. В се же лѣто волѣхвъ явися у Ростовѣ и погибе.

В лѣто 6600. Предивно бысть чудо у Полотьскѣ у мечть: и в нощи бывши тутенъ, стонаше полунощи, яко челоуѣци рыщуть бѣси по улици. Аще кто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, и абье уязвенъ бѣше невидимо от бѣсовъ, и с того умираху, и не смѣяху излазити ис хоромъ. По сѣмъ же начаша во дне являтися на конѣхъ, и не бѣ ихъ видити самѣхъ, но кони ихъ видити копыта,* и тако уязвляху люди *полотскыя* и его область. Тѣмъ и челоуѣци глаголаху, яко навье бѣють полочаны. Се же знаменье почаша быти от Дрюцька. В си же времена бысть знаменье у небесѣ, яко кругъ бысть посреде неба привеликъ. У се же лѣто ведро бѣше, яко изгаряше земля, и мнози борове изгоряхуса самѣ и болота, многа знаменья бываху по землѣ, и рать велика бѣше от половець отвсюду. И взяша 3 города: *Пѣсоцень*, *Перволоку*, Прилукъ* и многа села повоеваша. В се же лѣто воеваша половець ляхи с Васильемъ Ростиславlichem.* У се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. У си же веремена мнози челоуѣци умираху различными *недугы*, яко же глаголаху *продающе крсты*, яко *продахом крсты* от Филипова дни до мясопуць* 7 тысящ. Се же бысть за грѣхы нашѣ, яко умножишася грѣси наши и неправды. Се же наведе на ны Богъ, веля намъ *имѣти покаание* и востагнути от грѣха, и зависти, от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязненыхъ.

«Радуйся, отче наш и наставник Феодосий! Мирскую суету отвергнув, молчание возлюбив, Богу послужил ты в монашеском житии, всякое себе божественное приношение принес, постом превознесся, плотские наслаждения возненавидел, красоту мирскую и желания жизни этой отринул, следуя по стопам высокомысленных отцов, подражая им, в молчании возвышаясь и смирением украшаясь. Радуйся, укрепившись надеждою и вечные блага восприняв, умертвив плотскую похоть, источник беззакония и волнений, ты, преподобный, бесовских козней избег и сетей. С праведными, отче, почил, обрета по трудам твоим воздаяние, став наследником отцов, последовав учению их и нраву их, воздержанию их и правила их соблюдая. Всего более хотел уподобиться ты великому Феодосию образом жизни и нравом, в воздержании с ним соперничая, последуя его обычаям и переходя от одного хорошего дела к еще лучшему, положенные молитвы к Богу вознося и благоухания принося, кадило молитвенное, фимиам благовонный. Победив мирскую похоть и миродержца — князя мира сего, врага поправ дьявола и его козни, победителем явился, противостав вражеским его стрелам и гордым помыслам, укрепясь оружием крестным и верою непобедимою, Божьею помощью. Молись за меня, отче честный, чтобы избавиться мне от сети вражеской, и от противника-врага сохрани меня твоими молитвами».

В тот же год знамение было на солнце: исчезло, и совсем мало его осталось — как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом и были уже брошены тенета и люди кликнули, упал превеликий змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове и погиб.

В год 6600 (1092). Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало, рыскали бесы по улице, словно люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка. В те же времена было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что пересохла земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было на земле; и рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Перволоку, Прилук, и много сел разорили. В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава. В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопушта семь тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас Бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских.

В лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися *великий* князь Всеволодь, сынъ Ярославль, внукъ Володимеръ, мѣсяца априля 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли суци тогда Страстьнѣй и дни суцу тогда четвергу великому, в онже положенъ бысть у гробѣ у велицѣй церкви святаго Софѣя. Сий благовѣрный князь Всеволодь бѣ измлада любя правду и набдя убогия, и воздая честь епископомъ и прозвутеромъ, излиха же любляше чернорисцѣ и подаваше требованье имъ. Бѣ же и самъ уздержася от пьянства и похотѣ, тѣмъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю его к нему: «Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти Богъ подасть прияти власть стола *моего* по брати своей, с правдою, а с ненасильемъ, то егда Богъ отведеть тя от житья твоего, то ту ляжеша, идѣже азъ, у гроба моего, понеже люблю тя паче братья твоя». Се же сбьсться *глаголь* отца его, еже глаголаше бѣ. Сему же приемшю послѣже всея братья столъ отца своего, и по смерти брата своего, сѣде Киевѣ княжа.

И быша ему печалѣ болшѣ паче, неже сѣдящю ему у Переяславлѣ. Сѣдшю бо ему Киевѣ, печаль бысть ему о *сыновцех* своих, яко начаша ему стужати, хотяще властей ов сея, овъ же другоѣ, *сѣй* же, смиривая их, раздаваше волость имъ. У сихъ же печали вѣсташа и недужи ему, и приспѣваше к нимъ старость. И нача любити смыслъ уныхъ и свѣтъ творяше с ними, си же начаша ѣ заводити и негодовати дружины своя первая, и людемъ не *доходити* княжѣ правдѣ. И начаша тивунѣ* его грабите люди и продаяти, сему не вѣдушю у болѣзнѣхъ своихъ. И разболѣвшюся ему велми, посла *по* сына своего Володимера Чернѣгову. И пришедшу Володимеру, видивъ отца больна суца, плакася велми. И присѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну меншому его, и пришедшу же часу, прѣставися тихо и кротко и приложися ко отцемъ своимъ, княживъ лѣт у Киевѣ 15, а в Переяславлѣ лѣто,* а Черниговѣ лѣто. Володимер же плакався с Ростиславомъ, братомъ своимъ, спрятаста тѣло его. Собрашася епископи, игумени с черноризци, и попове, и бояре и прости люде, взявше тѣло его со обычными пѣснями и положиша у святой Софѣи, якоже рекохомъ преже.

Володимеръ же нача размышляти, река: «Аще азъ сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать со Святополкомъ узяти, яко то естъ столъ отца *его* переже былъ». И, тако размысливъ, посла по Святополку Турову, а самъ иде Чернѣгову, а Ростиславъ Переяславлю.

И минувши Велику дни, и *прешедше* Празднѣй недѣли, *въ* день антипасхы,* мѣсяца априля 24 *день* <...> начало княженья Святополка у Киевѣ. Приде Святополкъ Киеву. Изидоша противу ему кияне с поклономъ и прияша с радостью, и сѣде на столѣ отца своего и стрья своего. В се же время поидоша половцѣ на Рускую землю, слышавше яко умерлъ естъ Всеволодь, послаша послы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здума с болшею

В год 6601 (1093), индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, сын Ярославов, внук Владимира, месяца апреля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда Страстная, и день тогда был четверг великий, когда он положен был в гробу в великой церкви святой Софии. Этот благоверный князь Всеволод с младых лет любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, поэтому говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если Бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то когда Бог пошлет тебе смерть, то тут ляжешь, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего сел княжить в Киеве.

И было у него огорчений больше, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, печаль была ему о племянниках его, ибо начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях начались и недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших, советуясь с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали тивуны его грабить и продавать людей, а князь о том не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев отца больным, сильно горевал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшого, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, прокняжив в Киеве пятнадцать лет, а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же с Ростиславом, братом своим, оплакав его, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, с песнопениями по обычаю положили его в церкви святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то ожидает меня война со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал по Святополку в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав — в Переяславль.

И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день <...> начало княжения Святополка в Киеве. Пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пришли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовав-

дружиною отнею и строя своего, но свѣтъ створи с пришедшими с нимъ, изоимавъ послы, всажа въ погребѣ. Слышавше же се, половцѣ почаша воевати. И приидоша половцѣ мнози и оступиша Торъчскій градъ. Святополкъ же, слышавъ половцѣ, посла, прося мира, и не восхотѣша половцѣ мира, и пустиша по землѣ воююще. Святополкъ же нача сбирати воѣ, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смысленѣи: «Не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой». Он же рече имъ: «Имѣю отрокъ своихъ 8 сотъ, иже могутъ противу имъ стати». Начаша же друзии несмысленѣи молвити: «Поиди, княже». Смысленѣи же глаголаху: «Аще бы пристроилъ ихъ 8 тысящъ, не лихо ти есть: наша земля оскудила есть от ратий и продажъ.* Но пошлися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ». Святополкъ же послуша ихъ и посла к Володимеру, дабы помоглъ ему. Володимеръ же собра вой свои и посла по Ростислава, брата своего, до Переяславля, веля ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшу Киеву, и совокупися у святаго Михаила, и взяста межи собою распрѣ и которы, и уладившася, цѣловаста крестъ межи собою, а половцемъ воюющимъ по землѣ. И рѣша *има* мужѣ смысленѣи: «Почто вы распрю имата межи собою? А погании губять землю Рускую. Послѣдѣ ся смирита, а нынѣ поидита противу имъ любо с миромъ, любо ратью». Володимеръ же хотяше мира, Святополкъ же хотя ратью. И поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю, и приидоша ко Стугнѣ.* Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ съзваша дружину свою на свѣтъ, хотяче поступити чересь рѣку, и начаша думати. И глаголаше Володимеръ, яко «Сдѣ стояще чересь рѣку, у грозѣ сей, створимъ миръ с ними». И присташа свѣту сему смысленѣи мужи, Янъ и прочии. Киянѣ же не восхотѣша свѣта сего, но рекоша: «Хощемъ ся бити, поступимъ на ону сторону рѣкъ». Излюбиша свѣто съ и *приидоша Стѣгну* рѣку, бѣ бо тогда наводнилася велми.* Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ, исполчившеся, поидоша. Идяше на десной сторонѣ Святополкъ, а на шюеѣ Володимеръ, а посередѣ Ростиславъ. И, минувше Треполь, проидоша валъ. И се половцѣ идяху противу, и стрѣлци противу пред ними. Нашимъ же ставшимъ межи валома, и поставиша стяги своя, и изидоша стрилци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стяги своя, налягоша первое на Святополка, и възломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не терпяще ратныхъ противленья, и послѣже побѣже Святополкъ. И налегоста на Володимера, и бысть брань люта, и побѣже и Володимеръ с Ростиславомъ и вой его. И прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и въбродъ Володимеръ с Ростиславомъ, и нача утапати Ростиславъ перѣд очима Володимеровыма. И хотѣ подхватити брата своего и мало не втону самъ. И тако утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожъ. Володимеръ же пребредъ рѣку с маломъ дружины,— мнози же падоша от полка его, и боярѣ его туто падоша,— и пришедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружини своей, иде Чернѣгову печалень велми. Святополкъ же убѣже во

шись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в погреб. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же, узнав о приходе половцев, послал с предложением мира. И не захотели половцы мира, и разошлись по всей земле, воюя. Святополк же стал собирать воинов, чтобы пойти на них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих восемьсот, которые могут им противостоять». Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы выставил их и восемь тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал по Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю. И сказали им мужи разумные: «Зачем вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу им — либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне. Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир: «Пока за рекою стоим, грозной силой, заключим мир с ними». И присоединились к совету этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку. Сильно разлилась она тогда. Святополк же, и Владимир, и Ростислав, исполчившись, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой — Владимир, посредине же — Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрелки их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двинулись стрелки из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поставили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и прорвали строй полка его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. И навалились на Владимира, и был бой лютый; и побежали Владимир с Ростиславом и воины его. И прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал тонуть Ростислав на глазах у Владимира. И попытался подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с небольшою дружиною, — ибо много пало людей из полка его и бояре его тут пали, — и перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей и

Треполь, и затворися ту, и бѣ до вечера и в ту ночь приде Киеву. Половци же, видивше се, пустиша по землѣ воююще, а друзии узъвратишася к Торочскому. Си же злоба соключи въ день святаго Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая 26. Ростислава же, искавше, обрѣтоша ѿ в рецѣ и, взявше, и принесоша ѿ Киеву, и плакася по нѣмъ мати его, и вси людье плакаша по немъ повелику, уности его ради.* И собрашася епископы, и поповѣ, и чернорисцѣ, и пѣсни обычныя пѣвше, и положиша въ церкви святоѣ Софѣ у отца своего. Половцемъ же осѣдѣше Торочский, противящем же ся торокомъ и крѣпко борующимъ изъ града, убиваху многы от противныхъ. Половци же начаша налѣгати, отогнати воду, изнемогати начаша у городѣ людье жажою водною и гладомъ. И прислаша *торѣци* <...> къ Святополку, глаголюще: «Аще не пришлеша брашна, прѣдатися имамъ». Святополкъ же пославъ, и не бѣ лѣзъ украстися в городъ множества ради ратныхъ. И стояше около города недѣль 9 и разделишася надвое: едини сташа у града, рать борующу, а друзии поидоша Киеву и пустиша на воропѣ межи Киевъ и Вышегородъ. Святополкъ же вынииде на Желяню,* и поидоша обои противу собѣ и ступишася, и въкрипися брань. Побѣгоша наши предъ иноплеменнѣки, и падаху язвенѣи предъ врагы нашими, и мнози погибоша и быша мертви, паче неже у Треполя. Святополкъ же приде Киеву самъ третѣй, а половцѣ узъвратишася к Торочскому. И быша же си злая мѣсяца июля 23. Навѣтрея же въ 24, у святоу мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь великъ у городѣ грѣхъ ради наших великихъ, за умноженье безаконий наших.

Се на ны Богъ пусти поганяя, не милуя их, но насъ казня, да быхом ся востягнули от злыхъ дѣлъ. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть бо батѣгъ Божий, да нѣколи смирившеся успомянемся от злаго пути. Сего ради во праздники Богъ намъ наводитъ сѣтованье, якоже ся створи в се лѣто первое зло на Вознесенье у Треполя, 2 <...> на праздникъ Бориса и Глѣба, иже есть праздникъ новой руской. Сего ради пророкъ глаголаше: «И прѣложю праздники ваша у плачь и пѣсни ваша в рыданье».* Створи бо ся плачь великъ у землѣ нашей, и опустѣша села наша и городѣ наши, и быхомъ бѣгающеи предъ враги нашими. Якоже и пророкъ глаголаше: «Падете предъ враги вашими, и поженуть вы ненавидящеи васъ, и побѣгнете, никому же не женющу по васъ. И скрушу руганье гордѣнья вашего, и будетъ во тшету крѣпость ваша, и *убиеть* вы приходяй мѣчь, и будетъ земля ваша пуста, и дворѣ ваши пустѣ будутъ, яко вы зли есте и лукавѣ, и азъ поиду к вамъ яростью лукавою»,* — глаголетъ Господь Богъ святой Израилевъ. Ибо лукавии сынове Измаилове пожигаху села и гумьна, и многи церкви запалиша огнемъ. Да не чюдиться никтоже о сѣмъ: «Идеже множество грѣховъ, ту всякого видѣнья показанье».* Сего ради *вселеннаа* прѣдастася, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: ови ведутся полоненѣ, а друзии посѣкаеми бывають, друзии на мечь даеми бывають, и горкую прием-

пошел в Чернигов в печали великой. Святополк же убежал в Треполь, и заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя все это, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день святого Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди горько оплакивали его, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его. Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки <...> к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества неприятелей. И стояли <половцы> около города девять недель, и разделились надвое: одни остались у города, сражаясь, а другие пошли к Киеву и совершили набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же прибежал в Киев сам-третий, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, за грехи наши великие, за умножение беззаконий наших.

Это Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич Божий, чтобы мы смирились, опомнившись на пути зла. Из-за этого в праздники Бог посылает нам огорчение, как в этом году случилась на Вознесение первая напасть у Треполя, вторая — в праздник Бориса и Глеба; это новый праздник Русской земли. Вот об этом и пророк сказал: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и бегали мы перед врагами нашими. Как сказал пророк: «Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем не гонимы. Сокрушу наглость гордыни вашей, и будет тщетной сила ваша, убьет вас захожий меч, и будет земля ваша пуста, двory ваши будут пусты. Так как вы злы и лукавы, то и я приду к вам с яростью лукавой», — говорит Господь Бог святой Израилев. Ибо коварные сыны Измаила сжигали села и гумна и многие церкви запалили огнем. Да никто не подивится тому: «Где множество грехов, там видим и всяческое наказание». Сего ради и вселенная предана была, сего ради и гнев распространился, сего ради и земля страдает: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть, и они принимают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иных голодом умерщвляют и жаждою. Только наказание,

люще смерть, друзии трепещють, зряще убиваемыхъ, другии гладомъ умори- ваеми и водною жажею. Едино прѣшенье, едина казнь, *многovesцныя* имуще раны и различныя печали, и страшныя муки,— ови вязани и пятами пхаети, и на морозѣ держими и вкаряеми. И се *пристраннѣ* и страшнѣи, яко на хрѣстьянсьцѣ родѣ страхъ и колибанье и бѣда упространися. Право и достойно! Тако да накажемся и тако собѣ вѣру имемъ, кажеми есмы: подобаше бо намъ «в руцѣ преданымъ быти языку страньну и безаконьну и лукавнейшу паче всея земля». Рцѣмъ велегласно: «Праведенъ еси, Господи, и праведнѣ суди твои».* Рцѣмъ по оному разбойнику: «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, и прияхомъ».* Рцѣмъ съ Иевомъ: «Яко Господеви любо, тако и бысть: буди имя Господне благословено у вѣки».* Да *нахожениемъ* поганыхъ мучими, Владыку познаемъ, егоже мы прогнѣвахомъ. Прославлени бывше, *не прославихом, почтени бывше*, не почтохомъ, освятивъшеся, не разумѣхомъ, куплени бывше, не поработдохомъ, породившеся, не яко отца постыдихомся, согрѣшихомъ и казними есмы. Якоже согришихомъ, тако и стражемъ: и градѣ вси опустѣша, и перейдѣмъ поля, идѣже пасома быша стада конѣ, овцѣ и волове, се все тше нынѣ видим, нивы *поростыше стоять*, звѣремъ жилище быша. Но обаче надѣмься на милость Божью, казнѣтъ бо ны добрѣ благый Владыка, и «*Не* по безаконью нашему створи намъ и по грѣхомъ нашимъ въздалъ есть намъ»,* тако подобаетъ благому Владыцѣ казати не по множеству грѣховъ. Тако Господь створи намъ: падшая уставить, Адамле преступление прости, баню нетлѣнныя дарова, свою кровь за ны изля. Также ны видѣ неправо прѣбывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбь, да хотяще и не хотяще и всяко в будущий вѣкъ обрящемъ милость: душа бо, здѣ казнима, *всяко* у будущий вѣкъ обрящемъ милость и лготу от муки: не мстити бо Господь двоичѣ о томъ. О неизреченному человѣколюбью! Якоже видити ны неволею к собѣ обращающася. Тмами любовь, яже к намъ! Понеже хотяще уклонитися от заповидѣ его. Се уже не хотяще терпимъ с нужею, и понеже неволею, се уже волею. Кдѣ бо бѣ тогда умиленье в насъ? Нынѣ же вся полна суть слезъ. Кдѣ бѣ в насъ уздыханье? Нынѣ же плачь по всимъ улицамъ умножися избъеныхъ ради, иже избиша безаконнѣи.

Половцѣ воеваша много и възвратишася к Торъческому; изнемогоша людье въ градѣ от глада и предашася ратнымъ. Половцѣ же, приемше градъ, запалиша огнемъ, и люди раздилиша и ведоша я у вежѣ к сердо- болямъ своимъ и сродникомъ своимъ; мучими зимою и оцѣпляемъ, у альчбѣ и в жажѣ и в бѣдѣ, побледѣвши лица и почернивше телесы, незнаемую страну, языкомъ испаленомъ, нази ходяще и босѣ, ноги имуще избодены терньемъ, съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: «Азѣ бѣхъ сего города», а другий: «*И азѣ сего села*». И тако съвъспрошахуса со слезами, родъ свой повѣдающе, очи *възводяще* на небеса к Вышнему, вѣдущему тайная.

только казнь, разнообразные несущая бедствия, и различные печали и страшные муки, — кого-то связывают и пинают ногами, держат на морозе и оскорбляют. И это тем более удивительно и страшно, что повсюду среди христиан страх, и колебанье, и беды. Справедливо и достойно! Так и будем наказаны, и так будем верить, терпя наказания: подобает ведь нам «преданным быть народу чужому и самому беззаконному и коварному на всей земле». Воскликнем громко: «Праведен ты, Господи, и справедливы суды твои». Скажем по примеру того разбойника: «Мы достойное получили по делам нашим». Скажем и с Иовом: «Как Господу угодно, так и случилось; да будет имя Господне благословенно вовеки». Через нашествие поганых и мучения от них познаем Владыку, которого мы прогневали. Прославлены были — и не прославили его, чествуемы были — и не почтили его, просвещали нас — и не уразумели, наняты были — и не поработали, родились — и не усовестились его как отца, согрешили — и наказаны теперь. Как нагрешили, так и страдаем. И города все опустели; и пройдем полями, где паслись стада коней, овцы и волы, и все пусто ныне увидим; нивы стоят заросшие, стали они жилищем зверям. Но надеемся все же на милость Божию; справедливо наказывает нас благой Владыка, «не по беззаконию нашему сделал нам, но по грехам нашим воздал нам». Так подобает благому Владыке наказывать не по множеству грехов. Так Господь сотворил нам: падших поднял, Адамово преступление простил, нетленные даровал и свою кровь за нас пролил. Вот и нас видя в неправде пребывающими, навел на нас эту войну и скорбь, чтобы желая и не желая, в будущей жизни получили милость: потому что душа, наказываемая здесь, всякую милость в будущей жизни обрящет и освобождение от мук, ибо не мстит Господь дважды за одно и то же. О неизреченное человеколюбие! Ибо видел нас, поневоле к нему обращающихся. О безграничная любовь его к нам! Ибо сами захотели уклониться от заповедей его. Теперь уже и не хотим, а терпим — по необходимости и поневоле, терпим, но как бы и по своей воле! Ибо где было у нас тогда умиление? А ныне все полно слез. Где у нас было вздыхание? А ныне плач умножился по всем улицам из-за убитых, которых избili беззаконные.

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с бледными лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бредя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Вышнему, ведающему сокровенное.

Да никтоже дерзнуть реши, яко ненавидими Богомъ есмы! Кого бо Богъ тако любить, якоже насъ узлюбилъ есть? Кого бо тако почтилъ есть, якоже насъ прославилъ есть и вънеслъ есть? Никого же! Им же паче ярость свою уздвиже на ны, якоже паче всихъ *почтени* бывше, *горѣ всѣхъ съдѣяхом грѣхы*. Якоже паче *всѣхъ просвѣщени бывше*, и владычню волю вѣдуше, и презрѣвше, въ лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный, многа и часто Бога прогнѣвахъ и часто согрѣшая бываю по вся дни.*

В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславъ, внукъ Изяславля, мѣсяца октября въ 1, а погребень бысть мѣсяца ноября въ 16, въ церкви святыя Богородица Десятинныя.

В лѣто 6602. Створи миръ с половцѣмъ Святополкъ и поя жену дщерь Тугортоканю, князя половецкаго. Того же лѣта Олегъ приде с половцѣмъ ис Тмуроканя и прииде к Чернигову. Володимерь же затворися в городѣ. Олегъ же прииде ко граду и пожже около града, и монастыри пожже. Володимерь же створи миръ со Олгомъ и иде из города на столь отень до Переяславля, а Олегъ вниде в городъ отца своего. Половецѣ же начаша воевати около Чернигова, Олговѣ не возбраняющю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третее наведе Олегъ поганя на Рускую землю, егоже грѣха дабы и Богъ простилъ, понеже много хрестьянъ изгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землямъ. В се же лѣто приидоша пружи на землю Рускую мѣсяца августа въ 16 и пояша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано во днѣхъ первыхъ в землѣ *Руской*, якоже видиста очи наша за грѣхи наша. В се же лѣто преставися епископъ володимерьскѣй Стефанъ, мѣсяца априля въ 27, въ 6 час ноши, бывшу преже игумену Печерскаго монастыря.

В лѣто 6603. Идоша половцѣ на Греки съ Девьгеневичемъ и воеваша на греки, а царь я Девьгеневица и ослѣпѣ.* В се же лѣто приидоша половцѣмъ Итларь, Китанъ к Володимеру на миръ. И приде Итларь у городъ Переяславль, а Китанъ ста mezi валомъ с вои. И вда Володимерь сына своего Святослава Китанови у таль, а Итларь бысть въ градѣ с лучшею дружиною. В се же веремя пришелъ Славяты ис Кыева от Святополка к Володимеру на нѣкое орудье. И начаша думати дружина, Ратиборова чадь, съ княземъ Володимеровъ о погубленѣ Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, глаголющю ему: «Како могу се азъ створити, ротѣ с ними ходивъ». Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «Княже! Нѣсть ти в томъ грѣха: привелъ ти ѣ Богъ в руцѣ твои. Чему онѣ, к тобѣ всегда ротѣ ходяще, губять землю Рускую и кровь хрестьянскую проливають беспрестани». И послуша ихъ Володимерь. В ту ношь посла Володимерь Славяту с нѣсколкою дружиною и с *торкы* mezi вала. Выкрадше первое Святослава, и потомъ убиша Китана и дружину его всю избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареви в ту ношь лежашу на *сѣнници* у Ратибора и не вѣдушу ему, что ся

Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы Богом! Ибо кого так любит Бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому-то и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и более всех совершили грехов. Ибо больше других просвещены были, зная волю владычную, и презрев ее, больше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто Бога гневлю и часто согрешаю во все дни!

В тот же год скончался Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, месяца октября в 1-й день, а погребен был месяца ноября в 16, в церкви святой Богородицы Десятиной.

В год 6602 (1094). Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмуторокани и подошел к Чернигову. Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел Олег поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слыхано было такого в земле Русской с первых ее дней, что увидели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день, в шестой час ночи, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603 (1095). Ходили половцы на греков с Девгеневицем и воевали с греками; и цесарь захватил Девгеневица и ослепил. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с отборной дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву дружину. Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?» И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в том греха! Отдал их Бог в руки твои. Зачем они всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». И послушал их Владимир. В ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. Выкрав сперва Святослава, потом убили Кытана и дружину его всю перебили. Вечер был тогда субботний, и Итларь в ту ночь спал у Ратибора на сеновале и не знал, что сделали с Кытаном в ту

надъ Китаномъ створи в ту ночь. Наутрѣя же в недѣлю, в завьтренѣ суши години, пристрои же Ратиборъ отроки в оружьи, и изьбу *пристави* имъ затопити. И присла Володимеръ отрока своего Бяидюка по Итлареву чадь, и рече Бяидукъ ко Итлареву: «Зоветь вы князь Володимеръ, рекль тако: обувшеся в теплѣй изьбѣ и завѣтрокавше у Ратибора, приидѣте же ко мнѣ». И рече Итларь: «Тако буди». И яко влѣзоша во истьбу, и запроша я. И вои *възлѣзше* на изьбу и прокопаша истьбу, и тако Ельбѣхъ Ратиборечь, возьмъ лукъ свой и наложивъ стрѣлу, вдари Итларя подь сердце, и дружину его всю *пострѣляша*. И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь со дружиною своею в недѣлю Сыропустную, въ 1 час дни.

Святополкъ же и Володимеръ посласта к Олгови, веляча ему ити съ собою на половцѣ. Олегъ же обѣщася ити с нима и, пошедъ, не иде с нима в путь единъ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и полониша скоты и кони, и вельблуды и челядь, и приведоста в землю свою. И начаста гнѣватися на Олга, яко не шедшу ему на поганья с нима. И посла Святополкъ и Володимеръ ко Олгови, глаголюща сице: «Се ты не шель еси с нама на поганьѣ, иже погубиша землю Русьскую. А се у тебе есть Итларевичь: любо убий, любо дай нама. То есть ворогъ нама и Русьской землѣ». Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лѣто приидоша половцѣ ко Гурьгову* и стояша около его лѣто все, мало не възяша его. Святополкъ же въмири я. Половецѣ же приидоша за Рось, гюргевци же выбѣгоша и приидоша къ Киеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевскомъ холмѣ, имя свое нарекъ — Святополчь градъ, и повелѣ епископу *Марину* со гурговцѣ сѣстѣ ту, и засаковцемъ, и прочимъ от нихъ, а Гюргевъ *зажгоша* половцѣ тощ. Сего же лѣта исходяча, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода къ Смоленску, новгородцѣ же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. И поемъше и приведоша й Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к намъ». Пошедъ Давыдъ узворотися и сѣде у Смоленскѣ опять, а Мьстиславъ сѣде у Новѣгородѣ. В се же веремя прииде Изяславъ, сынъ Володимеръ, ис Курьска к Мурому. И прияша й муромьцѣ, и я посадника Олгова. В се же лѣто приидоша прузѣ мѣсяца августа 28 и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ *странам*, ядуше траву или проса.

В лѣто 6604. Святополкъ и Володимеръ посласта к Олгови, глаголюща сице: «Поиди Киеву, ать рядъ учинимъ о Руской землѣ предъ епископы, игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ и перѣд горожаны, дабы оборонили землю Русьскую от поганыхъ». Олегъ же усприемъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть лѣпо судити епископомъ и черньцемъ или смердомъ». И не восхотѣ ити къ братома своимъ, послушавъ злыхъ свѣтникъ. Святополкъ же и Володимеръ рекоста к нему: «Да се ты ни на поганья идеши с нама, ни на думу, то ты и ты зло мыслиши на наю и

ночь. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой дружиной, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: “Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне“». И сказал Итларь: «Так и сделаем». И как вошли они в избу, так и заперли их. И воины, забравшись на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, выстрелил Итларю в сердце, и дружину его всю перестреляли. И так страшно окончил жизнь свою Итларь с дружиной своей в неделю Сыропустную, в первом часу дня.

Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, пообещав пойти с ними, и выступив, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и захватили скот, и коней, и верблюдов, и челядь, и привели их в землю свою. И стали гневаться на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли на Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополк же приказал рубить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчь город и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам, и другим, а опустевший Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд и опять сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватили Олегова. В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

В год 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Приди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами и игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед горожанами, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня епископу, или чернецам, или смердам». И не захотел идти к братьям своим, послушав недобрых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь с нами на поганых, ни на совет тот, то ты злоумышляешь

помогати хочещи поганымъ, а Богъ промежи нама будеть». Святополкъ же и Володимерь идоста на Олга къ Чернигову, и выбѣже Олегъ ис Чернѣгова мѣсяца мая въ 3 день, в субботу. Святополкъ же и Володимерь гнаста по нѣмъ, Олегъ же вѣже въ Стародубъ* и затворися ту; Святополкъ же и Володимерь оступиста ѿ у городѣ, и бяхуся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и въязвенѣ бываху мнозѣ от обоих. И бысть межи ими брань люта. И стояша около града дни 30 и 3, и изнемагаху люди в городѣ. И выиде Олегъ из города, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекуше сице: «Иди къ брату своему Давыдови, и приидита къ Киеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то естъ старѣй в землѣ нашѣй Киевѣ, и туто достоитъ снятися и порядъ положити». Олег же обѣщася створити, и на семь цѣловаша хрестъ.

В се же веремея прииде Бонякъ с половцѣ къ Киеву у недѣлю от вечера, и *повоеваша* околѣ Киева, и пожже на Берестовомъ дворѣ княжь. В се же веремея воева Куря с половцѣ у Переяславля и Устьѣ пожже мѣсяца мая 24. Олегъ же *выиде* з Стародуба вонъ и прииде къ Смоленску ..., и не прияша его смолняне, и иде к *Рязаню*, а Святополкъ и Володимерь идоста усвоиси. Того же мѣсяца приде Тугорканъ, тещъ Святополчъ, къ Переяславлю мѣсяца мая въ 31 и ста около города, а переяславцѣ затворишася в городѣ. Святополкъ же и Володимерь поидоста на нь по сѣй сторонѣ Днѣпра, и приидоста к Зарубу,* и туто перебродистася, и не почютиша ихъ половцѣ, Богу схраншю ихъ, и, исполчившася, поидоста к городу. Гражанѣ, узрѣвше, ради быша и изидоша к нима, а половци стояху на оной сторонѣ Трубѣша, исполчивѣвшася. Святополкъ же и Володимерь убредша у Трубѣшъ к половцемъ, и нача Володимерь хотѣти порядити дружины, они же не послушаша, но удариша в конѣ къ противнымъ. И се видивше, половци устремишася на бѣгъ, и наши погнаша у слѣдъ ратныхъ, сѣкуще противныя. Сдѣя въ тѣ день Господь спасенье велико: мѣсяца иуля въ 19 день побѣжени быша иноплемьеници, и князь ихъ Тугортьканъ убьенъ бысть и сынъ его, и инии князи мнози ту падоша. Наутрея же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя ѿ Святополкъ *аки тещя* своего и врага. И привезъше Киеву и погребоша ѿ на Берестовомъ на могылѣ межи путемъ, грядущимъ на Берестовое, а другимъ, идущимъ в монастырь. Въ 20 того же мѣсяца, въ день пятокъ, въ час 1 дне, прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай, хыщникъ, къ Киеву внезапно, и мало в городѣ не вогнаша половци, и зажгоша *болонье** около города, и увратишася на монастырѣ, и пожгоша манастырь Стефанечъ, деревнѣ и Германечъ.* И приидоша на манастырь Печерскый, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени, и кликоша около манастыря и поставиша 2 стяга предъ ворота манастырьскими, намъ же бѣжащимъ задомъ манастыря, а другимъ убѣгшимъ на полатѣ. Безбожнии же сынове Измаилеви высѣкоши врата манастырю и устромишася по кѣльямъ, высекающе двери,

против нас и поганым хочешь помогать,— так пусть Бог рассудит нас». И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир погнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те приступали к городу и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить». Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Берестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-е. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвояси. В том же месяце пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы, Бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж к половцам, Владимир же хотел построить дружину, но те не послушались, а погнались вслед воинам, рубя врагов. И даровал Господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменики, и князь их Тугоркан был убит, и сын его, и иные князья многие тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом на кургане, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца, в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь... и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед воротами монастырскими, а мы бежали задрами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измаиловы вырубали ворота монастырские и разошлись по кельям, высекая двери, и вынося, все что находили в кельях; и затем подожгли дом святой владычицы

изношаху, еже аще обрѣтаху у кѣльи. И по сѣмь вождоша домъ святыя владычицѣ Богородицѣ, и приидоша къ церкви, и зажгоша дверѣ, яже ко угу сторонниѣ и <...> вторыя, иже к сѣверу. И влѣзше у притворѣ у гроба Федосьева и возьмше иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше, и еще бо не скончались бяху грѣси ихъ и безаконье ихъ, тѣмже и глаголаху: «Гдѣ есть Богъ ихъ,* да поможеть имъ и избавить я от насъ?» И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающесе, не вѣдуще, яко Богъ казнить рабы своя напастьми и ратьми, да явятся яко злато искушено у горьнилѣ: хрестьяномъ бо многими скорбьми и печальми внити въ царство небесное, а симъ поганымъ ругателемъ на семь свѣтѣ приемшемъ веселье и пространство, а на ономъ свѣтѣ примуть муку съ дьявълемъ и огонь вѣчный. Тогда же зажгоша и дворъ Красный, егоже поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, иже есть надъ Выдобычъ: то все оканнѣи половцѣ запалиша огнемъ. Тѣмже и мы, послѣдствующе пророку, глаголемъ: «Боже мой! Положи я яко коло, аки огонь предъ лицемъ вѣтру, иже попалить дубравы, тако поженеши я бурю твоею, исполниши и лица ихъ досаженья».* Се бо оскверниша и пожгоша святой домъ твой, монастырь матере твоея, и трупье рабъ твоихъ. Убиша бо от братья нашея нѣсколько оружьемъ безбожьнии сынове Измаилеви,* пушени на казнъ хрестьяномъ.

Ищѣли бо си суть от пустыня Етривьския, межи вѣстокомъ и сѣверомъ, ищѣло же есть ихъ колѣнъ 4: торкмене, и печенѣзи, торци, половцѣ. Мефедий же свидѣтельствуеъ о нихъ,* яко 8 колѣнъ пробѣглѣ суть, егда исѣче я Гедеонъ:* осмь ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы, нѣсть тако: сынове бо Моавли — хвалисе, а сынове Амонови — болгаре, а срацини от Измаила и творятся сарини, и прозваша имя собѣ саракине, рекше: «Сарини есмы».* Тѣмже хвалисе и болгаре суть от дщерью Лотову, иже зачастую от отца своего, тѣмже нечисто есть племя ихъ. И Измаило роди 12 сына, от нихъже суть торькмени, печенѣзи, и торци и половци, иже *исходят* от пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть заклепани в горѣ Олександромъ Макидонскомъ нечистыя челоуѣкы.

Се же хошю сказати, яже слышашъ преже сихъ 4 лѣтъ,* яже сказа ми Гурята Роговичъ, новгородецъ, глаголя сиче, яко «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть данъ дающе Новугороду. И пришедшу отроку моему к нимъ, и отгудѣ иде въ Угру. Угра же суть людье языкъ нѣмъ и съсѣдятся съ Самоѣдью на полунощныхъ сторонахъ.* Угра же рекоша отроку моему: “Дивно находимъ мы чюдо ново, егоже нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третее лѣто поча быти: суть горы заидуче в луку моря, имъже высота акы до небеси, и в горахъ тыхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяше просѣчися. И есть в горѣ той просѣчено оконце мало, и туда молвять. Не разумѣти языку ихъ, но кажють желѣзо и помавають рукою, просяще

Богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне, и вторые — на северной. И, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли Бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам и беззакониям их, а они говорили: «Где есть Бог их? Пусть поможет им и спасет их от нас!» И иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что Бог казнит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через многую скорбь и печаль, суждено войти в царство небесное, а эти поганые оскорбители, на этом свете знающие веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом, огонь вечный. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, что над Выдубичем: все это окаянные половцы запалили огнем. Потому-то и мы, вслед за пророком Давидом, взываем: «Боже мой! Положи их как колесо, как огонь перед лицом ветра, что пожирает дубравы, так погонишь их бурюю твою; исполнишь лица их досадой». Ибо они осквернили и сожгли святой дом твой, и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием безбожные сыны Измаиловы, посланные в наказание христианам.

Вышли они из пустыни Етравской между востоком и севером, вышло же их четыре колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что восемь колен убежало, когда иссек их Геден, восемь их бежало в пустыню, а четыре он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава — хвалисы, а сыны Амона — болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и назвали себя сарацины, что значит: «Сарины мы». Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и половцы, которые выходят из пустыни. И после этих восьми колен, при конце мира, выйдут заточенные в горе Александром Македонским нечистые люди.

Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович, новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди с языком непонятным, и соседствуют они с самоедью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: “Дивное мы нашли и новое чудо, о котором не слышали раньше, а началось это еще три года назад: есть горы, доходящие до залива морского, высота у них как до неба, и в горах тех слышны клики великие и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят. Не понять языка их, но показывают железо и машут

желѣза; и аще кто дасть имъ железо — или ножь, или *секиру* — и они дають скорою противу. Есть же путь до горъ *тѣхъ* непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощи“». Мнѣ же рекшу к Гурятъ: «Се суть людье, заклѣпленѣ Олександромъ, макидонскомъ цесаремъ, якоже сказа о нихъ Мефедий Патарийскъ, глаголя: “Олександръ, царь макидонский възыде на вѣсточныя страны до моря, нарѣцаемое *Солнце* мѣсто, и видѣ челоувѣки нечистыя от племене Афетова, ихъже нечистоту *видѣвъ*: ядыху скверну всяку, комары, мухы, коткы, змѣя, мертвеца не погребати, но ядыху, и женьскиѣ изъврагы и скоты вся нечистыя. То видѣвъ, Олександръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, *загна их* на полунощныя страны у горы высокыя. И Богу повелѣвшю, сосупишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы 12 локтѣю, и створиша врата мѣденая и помазаша суньклитомъ. И аще хотять взяти и не возмогутъ, ни огнемъ могутъ ижъжещи; вѣщъ бо суньклитова сица есть: ни огонь можетъ ижъжещи его, ни желѣзо его принять. У послѣдняя же дни по сихъ осми колень, иже изидуть от пустыня Етривьския, изидуть си скверныи языци, яже суть в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божью“».*

Но мы на прежерѣченое уворотимся, якоже бѣхомъ глаголали первѣе. Ольговѣ обещавшюся ити къ брату своему Давыдови Смоленску и приити с братомъ своимъ Киеву и обрядъ положити, и не восхотѣ сего Олегъ сѣтворити, *но* пришедъ къ Смоленску и поемъ воя и поиде Мурому, у Муромѣ тогда сущю Изяславу. *Бысть же вѣсть Изяславу*, яко Олегъ идетъ к Мурому, посла Изяславъ по вои Ростову и Суждалю, и по бѣлозерцѣ, и собра вои много. И посла Олегъ послы своя къ Изяславу, глаголя: «Иди у волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего.* Да хочю, ту *сѣдя*, порядъ положити съ отцемъ твоимъ. Се бо мя выгналъ из города отца моего. Или ты ми здѣ не хошеши хлѣба *моего* же вдати?». И не послуша Изяславъ словесъ сихъ, надѣяся на множество вой. Олегъ же надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ в сѣмъ, и поиде к городу с вои. Изяславъ же исполчися передъ городомъ на полѣ. Олегъ же поиде противу ему полкомъ, и сняшася обоѣ, и бысть брань люта. И убиша Изяслава, сына *Володимеря, внука* Всеволожа,* мѣсяца септебря въ 6 день; прочии же вои побѣгоша, ови чресъ лѣсъ, друзии же в городъ. *Олег же вниде въ град*, и прияша ѿ горожане. Изяслава же возьмеше и положиша в монастыри святого Спаса, и оттуда перенесоша ѿ Новугороду и положиша у святоѣ Софьи на лѣвой сторонѣ. Олегъ же по прияти града изоима ростовцѣ, и бѣлозерци и суждалецѣ и скова, и устремися на Суждаль. И пришедъ Суждалю, и суждалци дашася ему. Олегъ же, омиривъ городъ, овы изоима, другыя расточи, имѣнье ихъ взя. И приде к Ростову, и ростовци вдашася ему. И *перей* всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажа посадники по городомъ и дани поча брати. И посла к нему Мьстиславъ посоль свой из Новагорода, глаголя: «Иди опять Мурому, а в

руками, прося железа; и если кто даст им железо — или нож, или секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север“». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заточенные <в горах> Александром, царем Македонским, как говорит о них Мефодий Патарский: “Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоился, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по Божию повелению окружили их горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и воздвигли ворота медные и помазали сунклитом. И если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство сунклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Етравской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по велению Божию“».

Но мы к предыдущему возвратимся,— о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не захотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Ростов и Суздаль, и за белозерцами, и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. Ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты мне и здесь моего же хлеба не хочешь дать?» И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполнился перед городом в поле. Олег же пошел на него с полком, и сошлись обе стороны, и была сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же, взяв, положили в монастыре святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне. Олег же по взятии города похватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился в Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замилив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. И пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посадил посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: «Иди назад в

чужей волость не сѣди. И азъ пошлю молиться съ дружиною своею къ отцю моему и смирю *тя* с нимъ. Аще и брата моего *убилъ* еси, то есть недивно: в ратехъ бо цесари и мужи погыбають». Олегъ же не восхотѣ сего послушатъ, но паче мышляше и *Новъгородъ* прияти. И посла Олегъ брата своего Ярослава въ сторожѣ, а самъ стояше на поли у Ростова. Мьстиславъ же здумавъ с новгородьци, и послаша передъ собою *въ* сторожѣ Добрыну Рагуиловича. Добрыня же первое изоима данники. Увѣда же Ярославъ се, яко *изымани* даньници, стояшетъ бо тогда Ярославъ на Медвѣдици* у сторожи, бѣжа тоѣ ноши, и прибѣже ко Олгови и повѣда ему, яко идетъ Мьстиславъ. Прииде же вѣсть к Олгови, яко сторожеве его изоиманѣ, поиде к Ростову. Мьстиславъ же поиде на Волгу, повѣдаша ему яко Олегъ узвратилъся есть к Ростову, а Мьстиславъ поиде по немъ. Олегъ же прииде к Суждалю, и слышавъ, яко идетъ по немъ Мьстиславъ, Олегъ же повелѣ зажещи городъ Суждаль, *токмо* остана дворъ монастырескъ Печерьскаго монастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ* и съ селы. Олегъ же побѣже к Мурому, а Мьстиславъ поиде к Суждалю и, сѣдя ту, посылаше к Ольгови, мира прося, глаголя яко: «*Мний* азъ есмь тебе; шлися ко отцю моему, а дружину вороти, юже еси заялъ, а язъ тебе о всемъ послушаю»*. Олегъ же посла к нему хотя мира лестью. Мьстиславъ же, емъ вѣры льсти и распусти дружину по селомъ. И наста Федорова недѣля 1 поста, и приспѣ Федорова субота, Мьстиславу сѣдящу на обѣдѣ, и прииде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязьмѣ, близъ бо бѣ пришелъ безъ вѣсти. Мьстиславъ бо емъ ему вѣру, не постави сторожовъ. Но Богъ вѣсть избавити челоувѣкы благочтивыя своя ото льсти. Олегъ же установися на Клязьмѣ, мня, яко, вбоися его, Мьстиславъ и побѣгнетъ. Къ Мьстиславу собрася дружина въ тѣ день и въ другой — новгородцѣ, и ростовцѣ, и бѣлозерьци. Мьстиславъ же ста предъ городомъ, исполчивъ дружину, не поступи ни онъ къ Мьстиславу, ни Мьстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ дний 4. И прииде Мьстиславу вѣсть, яко «Послалъ ти отецъ Вячьслава брата с половьци». И прииде Вячьславъ у четвертокъ по Федоровой недѣлѣ поста, а в пятокъ завѣтра поиде Олегъ, исполчився, к городу, а Мьстиславъ поиде противу ему с новгородци. И вѣда Мьстиславъ стягъ Володимерь половчину, именовъ Куману, удавъ ему пѣшьцѣ, поставивъ ѳ на правомъ крилѣ. И напя стягъ Володимерь, и узри Олегъ стягъ Володимерь, и вбоися, и ужась нападе на нь и на вои его. И поидоша к боеви противу собѣ, и поиде Олегъ противу *Мьстиславу, а Ярославъ поиде противу* Вячьславу. Мьстиславъ же перешедъ *пожаръ* с новгородцѣ, и ступишася на Колачьцѣ,* и бысть брань крѣпка, и нача *одоляти* Мьстиславъ. И видивъ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь и нача заходити в тылъ его, и вбоися, побѣже Олегъ, и одолѣ Мьстиславъ. Олегъ же прибѣже Мурому и затвори Ярослава Муромѣ, и самъ иде *Рязаню*. Мьстиславъ же прииде Мурому и створи миръ с муромьци, поя люди своя, ростовцѣ же и

Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своею пошлю просить отца моего и помирю тебя с ним. Хоть и брата моего убил ты, то дело обычное: в бою ведь и цари и мужи погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторожу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали вперед себя в сторожу Добрыню Рагуиловича. Добрыня же прежде всего перехватал сборщиков дани. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в стороже, что сборщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав. Пришла весть к Олегу, что сторожи захвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздаю, и услышав, что преследует его Мстислав, повелел зажечь город Суздаль, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти, а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота, и когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторожей, — но Бог знает, как избавлять благочестивых людей своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой — новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, исполчив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга четыре дня. И пришла к Мстиславу весть: «Послал к тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу приступил Олег, исполчившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Куману, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И <Куман> развернул стяг Владимиров, и увидел Олег стяг Владимиров и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и соступились на реке Колокше, и была сеча жестокая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и

суждальци, и поиде к Рязаню по Ользѣ. Олегъ же выбѣже из Рязаня, а Мьстиславъ створи миръ с рязаньци и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ *Олгови*, глаголя: «Не бѣгай никаможе, но послися ко братъи своей с молбою не лишать тебе Русьской земли. А язъ послию къ отцю молится о тобѣ. Олегъ же общася тако створити. Мьстиславъ же узворотися въспять к Суждалю и оттуду прииде Новгороду в городъ свой молитвами преподобнаго епископа Никиты.* Се же бысть исходящую лѣту 6604, индикта 4 на полы.

В лѣто 6605. Приидоша Святополкъ и Володимерь, и Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ и братъ его Олегъ, и сняшася Любчи на строенье мира.* И глаголаше к собѣ, рекуше: «Почто губимъ Рускую землю, сами на ся *котору* <...> имуще? А половци землю нашу несутъ роздно и ради суть, оже межи нами рать донынѣ. Отселѣ имѣмся *въ* едино сердце и съблюдемъ Рускую землю. Каждо держитъ очьчину свою: Святополку — Киевъ Изяславль, Володимерь — *Всеволожю*, Давыдъ и Олегъ, Ярославъ — *Святославлю*, имѣже раздаялъ Всеволодъ города: Давыдови Володимерь, Ростиславичема — Перемышль Володареви, *Теребовль* <...> Василькови». И на томъ цѣловаша крестъ: «Да аще отселѣ кто на кого встанеть, то на того будемъ вси и честный крестъ». И рекоша вси: «Да будетъ на нь крестъ честный и вся земля Руская». И цѣловавшеся и поидоша усвоися.*

И прииде Святополкъ Киеву съ Давыдомъ, и радѣ быша людье вси, токмо дьяволь печалень быше о любви сѣй. И влѣзе сотона у сердце нѣкоторымъ мужемъ, и начаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуше сице, яко «Володимерь сложилъся есть с Василкомъ на Святополка и на тя». Давыдъ же, имѣ въры лживымъ словесемъ, нача молвити на Василка, глаголя сице: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а *нынѣ* мыслить на тя и на мя, и сложилъся есть с Володимеромъ? Да промышляй си о своей головѣ». Святополкъ же смятеся умомъ, рекий: «Еда се право будетъ или лжа, не *вѣдѣ*». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да аще право молвиши, да Богъ ти буди послухъ, аще ли завистью молвиши, да Богъ будетъ за тѣмъ». Святополкъ же съжалиси по братѣ своемъ и о себѣ нача помышляти, еда се право будетъ? И я въру Давыдови, и перельсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василцѣ, а Василко сего не вѣдаше и Володимерь. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имеве Василка, то ни тобѣ княженья у Киевѣ, ни мнѣ Володимери». И послуша сего Святополкъ. И прииде Василко въ 4 ноября и перевезеся на Выдобичь, иде поклонитися къ святому Михаилу в монастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици. Вечеру же бывшую, прииде в товаръ свой. Наутрия же бывшую, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинъ моихъ». Василко же отопрѣся, река: «Не могу ждати, еда будетъ рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, и не ослушайся брата старѣйшаго. Поидевѣ оба». И не въсхотѣ Василко створити тако, ни послушаетъ ею. И рече Давыдъ

пошли к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не бегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город, по молитвам преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами до сих пор идут войны. Да отныне объединимся чистосердечно и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И попросившись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, говоря так: «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог за того будет». Святополк же пожалел брата своего и про себя стал думать, а ну как правда все это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдубичь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинали тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего. Пойдем оба». И не захотел Василько ни сделать так, ни послушаться их. И сказал Давыд Свято-

къ Святополку: «Видиши ли, не помнишь тебе, ходя в руку твою. Аще ли отъидеть въ свою волость, самъ узриши, аще ти не займешь городовъ твоихъ — Турова и Пиньска и прочихъ городовъ твоихъ. Да помянеши мя. Но, призвавъ ѱ ныня, ими и дай его мнѣ». И послуша его Святополкъ и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хоцеши ждати до имянинъ моихъ, и прииди нынѣ, да цѣлуеши мя, и посѣдимы вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася приити, не вѣдый лести, юже коваше на нь Давыдъ, Василко же, всѣдъ на конь, поѣха, и всърѣте ѱ отрокъ его и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша сего, помышляя: «Како мя хотять яти? Оногды цѣловали хрестъ, рекуше: аще кто на кого будетъ, хрестъ *на того* и мы вси». И помысливъ си, перехрестися, река: «Воля Господня да будетъ». И приѣха в малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылезе противу ему Святополкъ, и идоша въ гридьницу, и прииде Давыдъ, и сѣдоша. И нача Святополкъ глаголати: «Остани на святокъ». И рече Василко: «Не могу, брате, остати, уже есмь повелѣл товаромъ поити переди». Давыдъ же сѣдядше аки нѣмъ. И рече Святополкъ: «Завѣтрокай, брате!». И обѣщася Василко завѣтрокати. И рече Святополкъ: «Посидита вы здѣ, а язъ лѣзу, наряжу». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати ко Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа и ни послушанья: бѣ бо вжаслѣся и лести имѣя въ сердцѣ. И посѣдѣвъ мало Давыдъ, рече: «Гдѣ есть братъ?» Они же рекоша ему: «Стоить на сѣнехъ». И вѣставъ Давыдъ, рече: «Атъ иду по нь, а ты ту, брате, посѣди». И, вѣставъ, Давыдъ лѣзе вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5 ноября, и оковавше въ двоѣ оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва бояре и кияне и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ и на тя свѣщаль с Володимеромъ, хочеть тя убити и градъ твой заяти». И рекоша бояре и люде: «Тобѣ, княже, головы своеѣ достоить блюсти. Да аще есть молвилъ право Давыдъ, да приметъ Василко казнь: аще ли неправо глаголаъ Давыдъ, да приметъ мечь от Бога и отвѣщаетъ предъ Богомъ». И увѣдѣша игумени и начаша молитися о Васильцѣ къ Святополку, и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Давыдъ же, се вѣвѣдавъ, нача поостривати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створиши и его пустиши, тѣ ни тобѣ княжити, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити ѱ, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша ѱ Звенигороду,* иже есть городъ малъ у Киева, яко десяти *верьстѣ* <...> вѣдале, и привезѣше ѱ на колѣхъ, окована суца, и сѣсадиша ѱ с колъ и введоша в-истобъку малу. И сѣдядшу ему, узрѣ Василко торчина, остряща ножъ, и вразумѣ, яко *хотят* ѱ ослипити, и възпи къ Богу плачемъ великомъ и стонаньемъ великомъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомъ Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополчъ, и Дмитръ, конюхъ Давыдовъ, почаста простирати *коверъ* и, простерша, яста Василка и *хотяще* поврѣщи ѱ, боряшеться с нима крѣпко, и не можета его поврѣщи. И се влѣзѣше друзии, повергоша ѱ, и связаша ѱ, и

полку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь дожидаться именин моих, то придя сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не догадываясь об обмане, который задумал против него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не ездь, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, подумав: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в гридницу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце. И, посидев немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сеньях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, Давыд вышел вон. И как только вышел Давыд, заперли Василька — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует заботиться о голове своей; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Давыд же, узнав обо всем, начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Звенигород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в небольшую избу. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаньями громкими. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот вошли

снемше доску с печи и възложиша на персии ему. И сѣдоста обаполы Сновидь Изечевичь и Дмитръ и не можаста его удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дѣску с печи, и сѣдоста, и вдавиша ѿ рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи търчинь именовъ Береньди, овчюхъ Святополчъ, держа ножъ, хотя уверьтѣти ножъ в око, и грѣши ока и перерѣза ему лице, и бяше знати рану ту на лици ему. По семъ же увертѣ ему ножъ в зѣницю, изя зѣницю, по семъ у другое око уверьтѣ ножъ, изя другую зиницю. И томъ часѣ бысть яко мертвъ. И возьмше ѿ на коврѣ, узложиша ѿ на кола яко мертва, и повезоша ѿ Володимерю. И пришедъше, сташа с нимъ, перешедъше мостъ Въздвиженъскы, на торговищи, и сволькоша с него сорочку кроваву и вдаша попадьи *опрати*. Попадья же, оправъши, узволоче на нь, онѣмъ обѣдающимъ, и плакатися нача попадьа оному, яко мерьтву сущю. Узбуди ѿ плачь, и рече: «Кдѣ се есьмъ?» Они же рекоша ему: «Въ Звѣждени градѣ». И въпроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вѣступи *во нь* душа, и помянуса, и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли с мене? Да быхъ в сѣй сорочици смерть приялъ и сталь предъ Богомъ в кровавѣ сорочицѣ». Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша с нимъ въскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь. И приидоша с нимъ Володимерю въ 6 день. Прииде же и Давыдъ по немъ, яко звѣрь уловилъ. И посадиша ѿ у дворѣ Вакѣвѣ, и приставиша 30 мужъ стрѣщи, а 2 отрока княжа, Улана и Колчю.

Влодимеръ же, слышавъ, яко ятъ естъ Василко и ослѣплень, ужасая, и въсплакася вельми и рече: «Сего не было естъ у Русьской земли ни при дѣдехъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла». И ту абѣ посла ко Давыду и к Ольгови Святѣславичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся сотвори у Русьской земли и в насъ, братьи, оже уверже в ны ножъ. Да аще сего не поправимъ, болше зло встанеть в насъ, и начнетъ братъ брата заколати, и погыбнетъ земля Русьская, и врази наши половци, пришедъше, возмутъ землю Русьскую». Се слышавъ, Давыдъ и Олегъ печална быста вельми и начаста плакатися, рекуща, яко «Сего не было в родѣ нашемъ». И ту абѣ собравъша воя и приидоста к Володимеру. Володимеру сущю с вои стоящю у бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои къ Святополку, глаголюще: «Что се створилъ еси в Русьской землѣ — уверьглъ еси ножъ в ны? Чему еси ослипил брата своего? Аще бы ти вина какая была на нь, обличилъ бы предъ нами и, упрѣвъ бы ѿ, створилъ ему. А ныне кая вина до него, оже ему се створилъ еси?» И рече Святополкъ: «Повѣдалъ ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хошетъ убити и зайти волость твою — Туровъ, и Пинескъ,* и Берести и Погорину, и шелъ ротѣ с Володимѣромъ, яко сѣсти Володимеру в Киевѣ, а Василкови Володимери. А неволя ми главы своя блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и вель ѿ к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдо-

другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел вонзить нож в глаз, и, промахнувшись, порезал ему лицо, и видна та рана на лице его. И затем вонзил ему нож в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз вонзил нож и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И по пути остановились с ним, перейдя Здвиженский мост, на торговище и стащили с него окровавленную сорочку и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, натянула на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И разбудил его плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Здвижене городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке смерть принял и предстал бы в окровавленной сорочке перед Богом». Те же, пообедав, вскоре поехали с ним на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно зверя изловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, горько заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Приходите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле среди нас, братьев, ибо нож в нас ввержен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и заплакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору, Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вверг нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: “Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а договорился с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире”. А мне поневоле нужно свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдо-

ви и Олгови: «Извѣта о семь не *имѣй*, яко Давыдъ есть слѣпилъ ѿ. Не в Давыдовѣ градѣ ятъ есть, ни ослѣплень, но въ твоємъ городѣ ятъ и ослѣплень». И се имѣ глаголющимъ, разидошася раздно. Наутрия же хотя Володимеру и Давыдови и Олгови чересь Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотяше побѣгнути ис Кыева, и не даша ему кияне побѣгнути, но послаша Усеволожую и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюща: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьской землѣ. Аще бо *возмете* рать межю собою, погани имуть радоватися и возмуть землю нашу, юже бѣша стяжали ваши дѣди и отци ваши трудомъ великимъ и хороборьствомъ, побарающе по Русьской земли, а ины земли приискаху, а вы хочете погубити Русьскую землю». Всеволожая и митрополитъ приидоста к Володимеру и молистася ему и повѣдаста молбу кыянъ, яко створити миръ и блюсти земли Руской, и брань имѣти с погаными. И се слышавъ, Володимеръ расплакася *и рече*: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши соблюдоша Русьскую землю, а мы ю хотимъ погубити». И преклонися на молбу *княгинину*, чтящеть бо ю яко матеръ, отца ради своего,* бѣ бо любимъ отцю своему повелику в животѣ и по смерти, и не ослушася его ни в чемъ же. И послуша яко матере и митрополита такоже, чтя санъ святительскый, не прѣслуша молбы его.

Володимеръ же такъ есть любѣзливъ: любовь имѣя к митрополитомъ и къ епискупомъ *и къ игуменом*, паче же и черноризецкый чинъ любя, и приходящая к нему напиташе и напояше, акы мати дѣти своя. Аще кого видить или шюмна, или в коемъ зазорѣ, и не осужаше, но все на любовь прикладаше и вѣшаше.

Но мы на прежереченое узвратѣмся. Княгини же бывши у Володимера, и прииде Кыеву и повѣда всю рѣчь Святополку и кияномъ, яко миръ будеть. И начаша межю собою мужѣ слати и вмиришася на семь, яко рѣша Святополку, яко «Се Давыдова есть сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, люби ими ѿ, любо прожени». Святополкъ же емься по се, и цѣловаше хрестъ межю собою, миръ створше.

Василкови же сущю в Володимери на прѣжереченомъ мѣстѣ, яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю, у Володимерѣ, у едину ношь присла по мя князь Давыдъ.* И приидохъ к нему, и сѣдяху дружина около его, и посади мя и рече ми: «Се молвилъ Василко сыночи ко Вланови и къ Колчи, рекль тако Василко: “Се слышу, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда. Даже бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужа своего к Володимеру, и *воротися*, вѣдѣ бо ся с нимъ что молвивъ — не поидеть“. Да се, Василю, шлю тя, ѣди к Василкови со сима отрокома, и молви ему тако: “Оже хощеша послати мужа своего, и воротится Володимеръ, то вдам ти который любо городъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль“».* Азь же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Давыдову. Он же рче: «Сего есмь не молвилъ, но надѣяся на Богъ. Послю к Володимеру, да быша не

вы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро Владимир и Давыд и Олег собрались перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую собрали ваши деды и отцы ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И уступил Владимир мольбе княгининой, которую почитал как мать, в память об отце своем, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем. И послушал ее как мать свою, и митрополита также чтит за сан святительский и не ослушался мольбы его.

Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин, и приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал.

Но вернемся к сказанному ранее. Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде названном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему: и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче, и сказал Василько так: “Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, то я бы послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше”. И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку с этими отроками и молви ему так: “Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, — либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемиль”». Я же пошел к Васильку и поведал ему все, что сказал Давыд. Он же сказал: “Того я не говорил, но надеюсь на Бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не

проляли крови мене дѣля. Но сему ми дивно: даеть ми градъ свой, а мой Теробовль, моя волость пождавше и нынѣ». Якоже и бысть: въскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: «Иди къ Давыдови и рци ему: “Пришли ми Кулмѣя, азъ его пошлю к Володимеру”». И не послуша его Давыдъ и посла мя река паки: «Нѣ ту Кулмѣя». И рече ми Василко: «*Посѣди* мало». И повелѣ слуги своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача глаголати: «Се азъ слышу, оже мя хочеть Давыдъ давати ляхомъ; то ся мало насытилъ крове моя, и се хочеть болше ся насытити, иже мя вдасть имъ. Азъ бо ляхомъ много зла створихъ* и еще есмь хотѣлъ створити и мьстити Русьскую землю. Аще мя вдасть ляхомъ, не боюся смерти, но се повѣдаю ти поистинѣ, яко наведе на мя Богъ за мое узвышене, яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ *берендичи*,* и печенѣзи, и торци, и се рекохъ въ умъ своемъ: оже ми будутъ берендичи, и торци и печенѣзи, и реку брату своему Володареву и Давыдови:* “Дайта дружину свою молоджьшюю, а сама пейта и веселитася”. И помыслихъ: “На землю Лядьскую наступлю на зиму и на лѣто, и возму землю Лядьскую, и мьщу землю Русьскую”. И по семь хотѣлъ есмь переяти болгары дунайскыя и посадити я у себе. По семь хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера на половцѣ, и поиду, рѣхъ, на половцѣ, да любо налѣзу собѣ славу, любо главу свою сложю за Русьскую землю. А иное помышлене въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся Богомъ и его пришествиемъ, яко не помыслилъ есмь зла братьи моеи ни в чемъ же. Но за мое узнесене — иже поидоша берендичи ко мнѣ и веселяся сердце мое и възвеселися умъ мой — и низложи мя Богъ и смѣри мя».

По семь же приходящю Великому дни, поиде Давыдъ, пряти хотя власть Василкову, и всърѣте ѿ Володарь, братъ Василковъ, у Бужьиска.* И не смѣ Давыдъ стати противу Володареву и затворися въ Бужьскѣ, и оступи градъ Бужескъ Володарь. И нача Володарь молвити: «Почто зло створивъ, не каешися сего? Да уже помянися, колко еси зла створилъ». Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ творити, глаголя: «Ци я се створилъ, ци ли у моемъ городѣ? Язъ и самъ боялься, аще быша и мене не яли и створили то же. Неволья ми было пристати свѣту ихъ, ходящу в рукахъ ихъ». И рече Володарь: «Богъ свидитель тому, а нынѣ пусти брата *моего*, и створю с тобою миръ». И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведы и уда ѿ Володареву, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко в Теробовли, а Давыдъ приде Володимерю. Ставши веснѣ, и прииде Володарь и Василко на Давыда, и приидоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися у Володимерѣ. Онѣма же ставшима около Всеволожа и взяста копьемъ городъ и зажъгоста огнемъ, и выбѣгоша людье *от* огня. И повелѣ Василко вся исѣщи, и створи Василко мьшене на людьхъ неповинныхъ и проля кровь неповинну. По семь же приидоста Володимерю, и Давыдъ затворися в городѣ, си же обступиста градъ. И посласта к володимерцемъ, глаголюща: «Вѣ не приидохвѣ на городъ вашъ, ни на васъ, но на во-

проливали ради меня крови. Но то мне дивно, что отдает мне город свой, но той Теребовль — мое владение ожидает меня поныне». Это и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: «Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру»». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного». И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: «Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, — хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал полякам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правде, что Бог на меня навел <беду> за мою гордость; пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и торки, и печенеги, то скажу брату своему Володарю и Давыду: «Дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь». И подумал: «На землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польской и отомщу за Русскую землю». И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и Владимира идти на половцев, и пойду, думал, на половцев, и либо славу себе добуду, либо голову свою сложу за Русскую землю. Других помыслов в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь Богом и его пришествием, что не замышлял я зла против братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие — что пришли берендичи ко мне, возликовало сердце мое и возвеселился ум мой, и низложил меня Бог и смирил».

Потом же, с приходом Великого дня, пошел Давыд, собираясь захватить Василькову волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Бужьска. И не посмел Давыд пойти против Володаря и затворился в Бужьске, и осадил город Бужьск Володарь. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни же, сколько зла натворил?» Давыд же стал возлагать вину на Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору, ибо я у них под рукой». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теребовле, а Давыд пришел во Владимир. И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожу, и взяли город приступом, и запалили его огнем, выбежали люди, спасаясь от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил Василько мщение над людьми неповинными, и пролил кровь неповинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд в городе, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы пришли ни на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на

роги своя — на Туряка и на Лазоря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ все зло. Аще хошете за сихъ битися, да се мы готовы, аще ли — то выдайте враги наша». Гражани же, слышавше се, и *созваша* вѣче, и рекоша *Давыдови* людье на вѣчи: «Выдай мужи сия, мы не бьемъся за сихъ, а за тя можемъ ся бити, а за сихъ не бьемъся. Аще ли — то отворимъ ворота городу, а самъ промышляй о собѣ». И неволя бысть выдати я. И рече *Давыдъ*: «Нѣту ихъ сдѣ», бѣ бо я послалъ до Лучька. Онѣмъ же пошедшимъ Лучьску, Турягъ бѣжалъ Киеву, а Лазоръ и Василь воротистася Турийську.* И слышаша людье, яко в Турийскѣ суть, и кликоша людье на Давыда, рекуще: «Выдай, кого ти хотять. Аще ли — то предамыся». Давыдъ же, пославъ, приведе Василья и Лазаря и вдасть я. И створися миръ в недѣлю, и завѣтра в понедѣльникъ, по зорямъ, повѣсиша Лазоря и Василя и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша от града. Се второе мыщенье створи, егоже бѣше не лѣпо створити, дабы отместникъ Богъ былъ, и възложити было на Бога отмыщенье свое, якоже рече пророкъ: «И въздамъ мечь врагомъ и ненавиждащимъ мене въздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мыщаетъ и мьститъ, и въздасть мечь врагомъ и ненавиждащимъ его въздасть».* Симвъ же от града отшедшимъ, и сею снемше погребоша.

Святополку же обѣщавшюся се створити — прогнати Давыда, поиде к Берестью к Ляхомъ. И се слышавъ, Давыдъ иде в Ляхы к Володиславу,* ища помощи. Ляхове же обѣщашася се створити и взяша у него 50 гривен злата, рекуще ему: «Поиди с нами Берестью, яко се вадить ны Святополкъ на снемъ, и ту вмиримъ тя съ Святополкомъ». И, послушавъ ихъ, Давыдъ иде Берестью с Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а ляховѣ на Бузѣ, и сносися Святополкъ рѣчью с ляхы и дасть имъ великия дары на Давыда. Володиславъ рече: «Не послушаетъ мене Святополкъ, да иди опять». И прииде Давыдъ Володимерю, а Святополкъ свѣтъ створи с ляхы и поиде къ Пиньску, посла по воѣ. И прииде Дорогобужю и дожда ту вой своихъ, поиде на Давыда къ граду. Давыдъ затворися въ градѣ, чая помочи в *ляхах* на Святополъка, бѣша бо рекли ему: «Яко на тя приидуть русьскии князи, то мы ти будемъ помощници». И солгаша, а емлюще злато у Давыда *и у Святополка*. Святополкъ же оступи городъ, и Давыдъ въ градѣ. И стоя Святополкъ около города 7 недѣль, и поча Давыдъ молитися: «Пусти мя из города». Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста хрестъ межи собою, и изиде Давыдъ из города и прииде в Чернень*, а Святополкъ вниде в городъ в Великую субботу. Давыдъ же бѣжа в Ляхы.

Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего и брата»,* и поиде на ня. И се слышавъ, *Володаръ* и Василко поидоста противу, вземше хрестъ, *егоже цѣловалъ к нима на сем, яко, «На Давыда* пришелъ есмь, а с вама хошю имѣти миръ и любовь». И преступи Святополкъ, надѣяся на множество вой. И

Туряка, и на Лазаря, и на Василия, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, если же нет — то выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди на вече: «Выдай мужей этих, мы не будем биться из-за них, а за тебя биться можем, а за них не бьемся. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь», ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, стали кричать люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого те хотят! Иначе сдадимся». Давыд же, послав, привел Василия и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, в понедельник на рассвете повесили Лазаря и Василя, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы Бог был только мстителем, и надо было возложить на Бога отмщение свое, как сказал пророк: «И воздам мечь врагам и ненавидящим меня воздам, ибо за кровь сынов своих мстит Бог и воздаст отмщение врагам и ненавидящим его воздаст». Когда же те ушли от города, сняли тела их и погребли.

Святополк же, обещав это сделать — прогнать Давыда, пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу, ища помощи у Владислава. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота пятьдесят гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди назад». И пошел Давыд во Владимир, и Святополк, посовещавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь поляков против Святополка, ибо сказали ему: «Если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками», и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город, а Давыд был там, и стоял Святополк около города семь недель; и стал Давыд просить: «Выпусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен, а Святополк вошел во Владимир в Великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на многочисленность своих воинов. И

съсступишася на поли на *Рожни*; исполчившимся имъ обоимъ, Василькови же узвыси хрестъ, глаголя: «*Сего еси цѣловаль, се прѣвое* взялъ еси *зракъ* <...> очью моею, а се нынѣ отъяти хоцещи душу мою. И межѣ буди нами хрестъ сий честный». И поидоша обои противу собѣ к боеви, и съступишася полци, и мнози челоувѣци благоувѣрнии видѣша хрестъ над *Василковыми* вои узвышшиися вельми. Брани же велицѣ бывши и многымъ падающимъ от обою полку, видѣ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже к Володимерю. И Володаръ же и Василко, побѣдивша, стапта ту, рекуша: «Доволѣетъ нама на межѣ своей стати», и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимъ сына его два,* и Святоша, сынъ Давыдовъ Святѣславичъ, и прочая дружина.

Святополкъ же посади сына своего Володимери Мьстислава, иже бѣ от наложницѣ ему, а Ярослава посла *въ* Угры, вабя угры на Володаря, а самъ иде Киеву. Ярославъ, сынъ Святополчъ, прииде съ угры, и король Коломанъ* и 2 епископа, и сташа около Перемышля по Вягру,* а Володаръ затворися въ градѣ. Давыдъ же въ тѣ чинъ пришедъ из Ляховъ и посади жену свою у Володаря, а самъ иде в Половецѣ. И усрѣте ѿ Бонякъ, и воротися Давыдъ, и пойдоста на *угры*. Идущима же има и сташа ночълѣгу, и яко бысть полунощи, и въставъ Бонякъ отѣха от рати и поча выти вольчьски, и отвыся ему волкъ, и начаша мнози волци выти. Бонякъ же, приѣха, повѣда Давыдови, яко «Побѣда ны есть на *угры*». И завѣтра Бонякъ исполчивъ вои свои; *Давыдовых* 100, а Бонякъ у *трех* стѣхъ, и *раздѣли* на 3 полки и поиде к угромъ. И пусти на воропѣ Алтунопу въ 50, а Давыда постави подѣ стягомъ, а самъ раздѣлися на два полка, по 50 на сторону. Угре же исполчишася на заступы: бѣ бо угоръ числомъ 100 тысящъ.* Алтунопа же пригна къ первому заступу и, стриливше, побѣгну передѣ угры, угре же погнаху по нихъ, мьняху Боняка бѣжаща, а Бонякъ гнаше, сѣка у плещи. Алтунопа *възвратився* успяты и не допустяху угръ опять, и тако множицею избиваше я. Бонякъ же разделися на 3 полки, и сбиша угры в мячъ, яко соколь галицѣ збиваеъ. И побѣгоша угре, и мнози истопоша у Вягру, друзии же в Сану. И бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга, и гна по нихъ два дни, сѣкущи я. Ту же убиша *епископа* их Купана и от боляръ многи, якоже глаголаху, погыбло убьено 40 тысящъ.

Ярославъ же бѣже на Ляхы и прииде Берестью, а Давыдъ заеъмъ Сутѣйску и Червень, и прииде внезапно и зая володимерцѣ, а Мьстиславъ затворися у градѣ съ засадою, уже *блеше* у него берестьяне, и пиняни, вышгородци.* И ста Давыдъ, оступивъ городъ, и часто приступаше. Единою *подступиша* къ граду подѣ вежами, онѣмъ же бьющимся съ града и стрѣляющимъ межѣ собою, идяху стрѣлы акы дожчь. Мьстиславу же хотящю стрилити, внезапно вдаренъ бысть подѣ пазуху стрѣлою на заборолѣхъ* скважнею, и сведоша ѿ, и на ночь умре. И таиша его 3 дни, и в четвертый день

сошлись в поле на Рожни, исполчились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!» И двинулись оба друг против друга в бой, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко вознесенный над Васильковыми воинами. Во время жестокого сражения, когда многие пали в обоих полках, Святополк, увидев, какой идет лютый бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина.

Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, подбивая венгров на Володаря, сам же пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Давыд же в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. В пути остановились они на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк откликнулся на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми». Наутро Боняк исполнил воинов своих, и было у Давыда воинов сто, а у Боняка триста; и разделил их на три полка и пошел на венгров. И пустил Алтунопу нападать с пятьюдесятью людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по пятьдесят человек на каждой стороне. Венгры же построились в несколько рядов, ибо было их сто тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, побежал от венгров, венгры же погнались за ним, думая, что это Боняк обратился в бегство, а Боняк погнался за ними, рубя их с тыла. Алтунопа же повернул обратно, и не пропустили венгров назад, и так во множестве избивали их. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в кучу, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сана. И бежали они вдоль Сана берегом, и спихивали друг друга в реку, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили, ведь, что погибло их сорок тысяч.

Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, пришел внезапно и захватил владимирцев. Мстислав же затворился в городе с засадой из берестьян, пинчан, вышгородцев. И стал Давыд, обступив город, и часто приступал. Однажды подступили к городу под <осадными> башнями, те же стреляли с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы как дождь. Мстислав же, собравшийся выстрелить, внезапно ранен был под пазуху стрелою на забрале, через щель между досок. И свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый

повѣдаша и на вѣчи. И рекоша людьє: «Се князь убьєнъ, да аще ся вдамы, и Святополкъ погубить ны». И послаша къ Святополку, глаголюще: «Се сынъ твой убьєнъ, а мы изнемогаемъ голодомъ. Аще не придеши, хотятъ ся людьє предати, не могуще глада терпѣти». Святополкъ же посла Путятю, своего воеводу. Путятя же пришедъ с вои к Лутцьку къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ: заходилъ бо бѣ Святоша ротѣ къ *Давыдови*: «Аще поидеть на тя Святополкъ, повѣмъ ти». И не сѣтвори сего Святоша, но изоима мужѣ Давыдовы, а сам поиде на Давыда. И прииде Святоша и Путятя августа въ 5 день, Давыдови облежашю градъ, в полудне, а Давыдови спящю, и нападаша на нѣ и начаша сѣщи. И горожане скочишася съ града и почаша сѣщѣ вои Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мьстиславъ, сыновець его. Святоша и Путятя переяста городъ и посадника Святополча Василья посади-ста. И прииде Святоша Лучьку, а Путятя Киеву. Давыдъ же побѣже в половцѣ, и усрѣте и <...> Бонякъ и половцѣ. И поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошу к Лучьку, и оступиша Святошу у городи и створиша миръ. И изиде Святоша из города и прииде къ отцю своему Чернѣгову. А Давыдъ прия Луческъ и оттуду прииде к Володимерю; посадникъ же Василь выбѣже из города, а Давыдъ перея Володимеръ и седѣ в немъ. А на другое лѣто снемъ створиша князи. Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, у немъже и въмре. А Святополкъ перея Володимеръ и посади сына своего Ярослава.

В лѣто 6606.* Прииде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ. В се же лѣто заложи Володимеръ церковь камяну святоѣ Богородицѣ в *Переяславли* на княжѣ дворѣ. Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Вѣстри.

В лѣто 6607. Иде Святополкъ на Давыда к *Володимерю* и прогна *Давыда* в Ляхы. В се же лѣто бысть знаменье надъ Володимеремъ мѣсяца априля: два круга, а в нею аки солнце, и до шестаго часа, а *ночи* аки три *стези** свѣтлѣ оли до зорь. У се же лѣто побьєни угре у Перемышля. В се же лѣто убьєнъ бысть Мьстиславъ, сынъ Святополчъ, у Володимери мѣсяца июня 12 день.

Вниде Мьстиславъ от Давыда на море мѣсяца июня въ 10.* Того же лѣта братья створиша миръ межи собою: Святополкъ и Володимеръ, Давыдъ и Олегъ въ Увѣтичихъ мѣсяца августа въ 14 день. Того же мѣсяца въ 30 в томъ же мѣстѣ братья вся сняшася — Святополкъ, Володимеръ, *Давыдъ*, Олегъ.* Прииде к нимъ Давыдъ Игоревичъ и рече имъ: «На что мя есте привабили? Осе есмь. Кому до мене обида?» И отвѣща к нему Володимеръ: «Ты еси прислалъ к намъ, река: “Хощю, братьє, приити къ вамъ и пожаловати своее обиды”. Да се еси пришелъ и сѣдиши съ своею братьєю на единомъ коврѣ, и чему не жалуеши? До кого ти обида?» И не отвѣща ему ничтоже Давыдъ. И сташа уся братья на конихъ, и ста Святополкъ съ своею дружи-

день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сдадимся, Святополк погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут стерпеть голода». Святополк же послал Путятю, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то поведаю тебе». И не сделал того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины осаждали город, а Давыд спал; и напали на них и начали рубить. И горожане поскакали со стен и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василия. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побегал в Половецкую землю, и встретил его Боняк с половцами. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и заключили мир. И вышел Святоша из города и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василий бежал из города, а Давыд захватил Владимир и сел в нем. А на следующий год собрались на съезд князья — Святополк, Владимир, Давыд и Олег, призвали Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк получил Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В год 6606 (1098). Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка, стали у Городца, и заключили мир. В тот же год заложил Владимир церковь каменную святой Богородицы в Переяславле на княжеском дворе. В том же году заложил Владимир Мономах крепость на Востри.

В год 6607 (1099). Пошел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В том же году было знамение над Владимиром в апреле месяце: два круга, а в них словно бы солнце, и видно было до шестого часа, а ночью словно три дороги светлые и так до самого рассвета. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополка, во Владимире, месяца июля в 12-й день.

Ушел Мстислав от Давыда на море месяца июня в 10-й день. В тот же год братья заключили мир между собой — Святополк, Владимир, Давыд и Олег в Уветичах месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья — Святополк, Владимир, Давыд и Олег — и пришел к ним Давыд Игоревич и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: “Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды”. Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя обида?» И не отвечал ему Давыд ничего. И стали братья на конях: и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый

ною, а Давыдъ и Олегъ съ своею дружиною раздно, кромѣ себѣ. А Давыдъ Игоревичъ сѣдѣше опрочъ, и не припустяху его к собѣ и особѣ думаху о Давыдѣ. И, сдумавше, послаша къ Давыдови мужи свои: Святополкъ Путятю, Володимеръ — Ратибора, Давыдъ и Олегъ — Торчина. Послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвятъ братья: “Не хошем ти вдати стола Володимерьскаго, зане увергъ еси ножъ в ны, егоже не было в Русьской земли. Но мы тебе не имемъ, ни иного зла створимъ, но се ти даемъ: шедъ, сяди в Божескомъ во остроуѣ. Дубень и Черторыескъ* — то ти даетъ Святополкъ, а се ти даетъ Володимеръ 200 гривенъ, Давыдъ и Олегъ — 200 гривенъ“». И тогда *послаша* послы своя к Володареви и к Василкови: «Поими брата своего Василка к собѣ, и буди вам Перемышль. Да аче вам любо, да сѣдѣта, аще ли — да пусти Василка сѣмо, атѣ и кормимъ здѣ. А холопы наши и смерды выдайта». И не послуша сего Володарь и Василко. А Давыдъ сѣдѣше у Божьскомъ, и по семь вда Святополкъ Давыдови Дорогобужь,* в немже и вомре, а Володимеръ вдасть сынови своему Ярославу.

В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, полотьскый князь, мѣсяца априля в 14 день, у 9 *часъ дне*, въ среду. В то же лѣто затворися* Ярославъ Ярополчичъ у Берестьи, и изиде на нь Святополкъ, и заступи ѥ в городѣ, и емь, и окова, и приведе ѥ до Киева. И молися о немъ митрополитъ и игумени, умолиша Святополка и узаводиша ѥ у раку святоу Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша ѥ. В тѣм же лѣтѣ съвѣкупишася братья — Святополкъ и Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, Ярославъ с братьею — на Золотьчи.* И прислаша половци послы ото всихъ князь къ всей братьи, глаголюще и просяще мира. И рѣша имъ князи русьскии: «Аще хошете мира, да совкупимься у Сакова».* И послаша половци, и сняшася в Сакове, и створиша миръ с половци, и пояша таль межи собою, мѣсяца сентябрия въ 15 день. В се же лѣто Володимеръ заложилъ церковь у Смоленскѣ святоѣ Богородицѣ камяну епискупью.

В лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ ис Киева мѣсяца октябрия въ 1 день. Того же мѣсяца на исходѣ *прелсти* Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, ятъ ѥ на Нури,* и приведе къ отцю Святополку, и оковаша ѥ. Того же лѣта, мѣсяца октябрия у 20, приде Мьстиславъ, сынъ Володимеръ, с новгородци, бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в *Новѣгородѣ*, а *Володимери сына своего посадити* Володимеру. И прииде Мьстиславъ Киеву, и сѣдоша в ыстоуѣ, и рекоша мужи Володимери: «Се присла Володимеръ сына своего, да се сѣдѣтъ новгородцѣ, да поемьше сына твоего, идутъ Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю». И рекоша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тобѣ, и рекли намъ тако: не хошемъ Святополка, ни сына его. Аще ли двѣ головѣ имѣеть сынъ твой, то послѣ ѥ. Сего ны далъ Всеволодъ, ускормили есмы собѣ князя,* а ты еси шель от насъ». Святополкъ

со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих: Святополк — Путяту, Владимир — Ратибора, Давыд и Олег — Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: “Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо вверх ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и садись в Бужском остроге, а Дубен и Черторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе двести гривен, и Давыд с Олегом двести гривен“». И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость — Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушали этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Бужске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер, а город Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В год 6609 (1101). Преставился Всеслав, полоцкий князь, месяца апреля в 14-й день, в девять часов дня, в среду. В том же году затворился Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и осадил его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него <Ярослава> клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и отпустили его. В том же году собрались все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег, и Ярослав с братьями на Золотче. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на совет у Сакова, и заключили мир с половцами, и обменялись заложниками месяца сентября в 15-й день. В тот же год Владимир заложил в Смоленске каменную церковь святой Богородицы, епископскую.

В год 6610 (1102). Бежал Ярослав Ярополчич из Киева, месяца октября в 1-й день. Того же месяца на исходе обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, схватил его на Нуре и привел его к отцу Святополку, и оковали его. В том же году, месяца декабря в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимиров, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром договорились, что Новгороду быть за Святополком, и посадить ему сына своего в Новгороде, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: “Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его, а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе

же многу имѣ проу с ними, онѣмъ же не восхотившимъ, поемше Мьстислава, поидоша Новгороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря 29, по 3 дни, аки пожарная зоря от вѣстока, и уга, и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ношь, акы от луны полны свѣтящеса. В то же лѣто бысть знаменье у лунѣ мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнцѣ: огородилося бяше солнце въ 3 дуги, и быша другыя дугы хрепты к собѣ. И сия видяще знаменья благовѣрнѣи человѣци съ въздыханьемъ моляхуся Богу, съ слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро. Знаменья бо бывають ово же на добро, ово же на зло. Яко и си знаменья быша на добро: на прѣидушее лѣто вложи Богъ мысль добру в русьскіи князи — умыслиша дерзнути на половцѣ, поити в землю их, еже и бысть, якоже скажемъ въ пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Володиславъ, лядьскій князь. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичъ мѣсяца августа в 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава,* мѣсяца ноября въ 16 день. В то же лѣто родися у Володимера сынъ Андрѣй.

В лѣто 6611. Вложи Богъ у сердце русьскимъ княземъ мысль благу: Святополку, Володимеру, и снястася думати на Долобьскѣ. В сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею дружиною, а въ единомъ шатрѣ. И поча думати и начаша глаголати дружина Святополча: «Не верема веснѣ воевати: хочемъ погубити смерды и ролью имѣ». И рече Володимеръ: «Дивно ми, дружино, оже лошади кто жалуеть, еюже ореть кто, а сего чему не рассмотрите, оже начьнетъ смердъ орати, и половчинъ приѣха, ударить смерда стрѣлою, а кобылу его поиметь, а в село вѣхавъ, поиметь жену его и дѣти, и все имѣнье его возметь. То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь?» И не могоша противу ему отвѣшати дружина Святополча. И рече Святополкъ: «Брате! Се азъ готовъ уже». И вѣста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши Русьской земли». И посласта къ Давыдови и к Олгови, глаголюща: «Поидита на половци, а любо будемъ живи, любо мертви». Давыдъ же послуша ею, а Олегъ не послуша сего, вину река: «Не здоровлю». Володимеръ же, цѣловавъ брата своего, поиде Переяславлю, а Святополкъ по немъ и Давыдъ Святъславичъ,* и Мьстиславъ, Игоревъ унукъ, Вячьславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ.* И поидоша на конихъ и в лодыяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа въ протолчехъ и в Хортичимъ островѣ. И всѣдоша на конѣ, и пѣшци из лодей высѣдавше, идоша в поле 4 дни и придоша на Сутинь.* Половци же, слышавше, яко идуть русь, и собрашася бес числа и начаша думати. И рече Урусоба: «Просимъ мира в руси, яко крѣпко ся имуть бити с нами, мы бо много зла створихомъ Руской земли». И рѣша уншии Урусобѣ: «Аще ся ты боиши руси, но мы ся не боимъ. Сихъ бо избивше и поидемъ в землю ихъ, и примемъ вся грады ихъ, и кто избавитъ ихъ от насъ?» Рустии же князи и

князя, а ты ушел от нас». И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье на небе месяца января в 29-е, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знамение в солнце: окружено было солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знаменья, благоверные люди с воздыханием молились Богу и со слезами, чтобы Бог обратил эти знаменья к добру: знаменья ведь бывают одни к добру, другие же к беде. Эти же знаменья предвещали добро: на следующий год внушил Бог мысль добрую русским князьям — задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как расскажем под следующим годом. В этот же год преставился Владислав, польский князь. В том же году преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава, месяца ноября в 16-й день. В том же году родился у Владимира сын Андрей.

В год 6611 (1103). Вложил Бог в сердце князьям русским мысль благую — Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею дружиною в одном шатре. И стали совещаться, и начала говорить дружина Святополкова, что «не время ныне, весной, воевать: погубим смердов и пахоту их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут, а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половец поразит смерда стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, захватит жену его и детей, и все имущество его возьмет? Лошадь его вы жалеете, а самого почему не жалеете?» И ничего не смогла возразить ему дружина Святополка. И сказал Святополк: «Брат мой! Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и зашли ниже порогов, и стали на протоке у острова Хортицы. И сели на коней, а пешие, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и прошли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и стали совещаться. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла причинили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?» Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и Пречистой матери его, что

вои моляху Бога и причистии его матери, ово кутьею, овъ же милостынею къ убогимъ, ови же манастиремъ трѣбованья. И сие молящимся, поидоша половци и посла передь собою въ сторожѣ Алтунопу, иже словяше мужьствомъ. Тако же и русьстии князи послаша сторожѣ свои. И въстерегоша Алтунопу, и обступиша Алтунопу и въбиша ѿ и сущая с нимъ, ни единъ не избы от нихъ, но вся избиша. И поидоша полци половецкыи аки борове, и не бѣ презрити ихъ, и русь поидоша противу имъ. И великий Богъ вложив жалость велику у половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепеть от лица русьскыхъ вой, и дрѣмаху самѣ, и конемъ ихъ не бяше спѣха у ногахъ. Русь же с весельемъ на конихъ и пѣши потекоша к нимъ. Половци же, видивше устремленье руское на ся, не достигнувше, *побѣгоша* передь рускими князи. Наши же погнаша, сѣкуще я. Въ 4 мѣсяца априля, и великое спасенье створи Богъ въ тѣ день благовѣрнымъ княземъ русьскимъ и всимъ хрестьяномъ, а на врагы нашѣ дасть побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кочия, Ярославну, Китанопу, Кунама, Асупа, Курьтыка, Ченегрепа, *Сурбаря* и прочая князя ихъ, а *Бельдузя* яша. По семь же сѣдоша братья, побѣдивше враги своя, и приведоша Белдузя къ Святополку, и нача Белдузь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скоть. Святополкъ же посла Володимеру. И пришедшу ему, упроси его Володимеръ: «То веде, яла вы рота. Многожды бо, ходивше ротѣ, воевасте Русьскую землю. То чему ты не учишь сыновъ своихъ и роду своего не переступати ротѣ, но проливаеи кровь хрестьянскую? Да се буди кровь твоя на главѣ твоей». И повели убити ѿ, и тако расѣкоша ѿ на *уды*. И по семь сняшася братья вся, и рече Володимеръ: «Се день, иже створи Господь, възрадуемъ и възвеселимъ во нь»,* яко Богъ избавилъ ны естъ отъ врагъ нашихъ, и покори враги наша, и «скруши главы змѣевыя, и далъ естъ Господь брашно ихъ намъ».* Взаяша бо тогда скоты, и овцѣ, и кони, и вельблуды, и вежѣ с добыткомъ и съ челядью, и заяша печенѣгы и торькы с вежами. И приидоша в Русь с полономъ великимъ и съ славою и съ побѣдою великою усвоися.

Того же лѣта приидоша пружии, августа въ 1 день. Томъ же лѣтѣ, того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ и сруби Гурьговъ, егоже бѣша пожьглѣ половци. Того же лѣта бися Ярославъ* с морьдовою мѣсяца марта въ 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

В лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за цесаревича за Олексинича Цесарюграду,* мѣсяца июля въ 20. В том же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, во Угры за королевча,* мѣсяца августа въ 21. Того лѣта прииде митрополитъ Никифоръ в Русь мѣсяца декабря въ 6 день. *Того же мѣсяца* преставися Вячславъ Ярополчичъ въ 13 день. *Того же мѣсяца въ 18* Никифоръ митрополитъ посаженъ на столѣ. Сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путятю на Менескъ, а Володимеръ посла сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемъше Давыда Всеславича,* и не въспѣша ничто-

кутьей, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в разведку Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья послали разведку свою. И подстерегли Алтунопу и, обступив Алтунопу, убили его и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки половецкие, словно лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил растерянность великую в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие двинулись на них. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя до них, побежали перед русскими князьями. Наши же погнались, рубя их. В день 4-го апреля даровал Бог великое спасение в тот день благоверным князьям русским и всем христианам, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою двадцать князей: Урусобу, Кочия, Ярославну, Китанопу, Кунама, Асупа, Куртыка, Ченегрепу, Сурбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это <нарушенная> клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки разоряли Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливаете кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на куски. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: «“Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день”, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и “сокрушил головы змеиные и отдал Господь достояние их нам“». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победой великой.

В том же году пришла саранча, августа в 1-й день. В тот же год, того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, который сожгли половцы. В том же году бился Ярослав с мордвою месяца марта в 4-й день, и побежден был Ярослав.

В год 6612 (1104). Выдана была дочь Володарева за царевича Алексинича в Царьград месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, месяца августа в 21-й день. В том же году пришел митрополит Никифор на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день преставился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит посажен на столе. На исходе того же года послал Святополк Путятю на Минск, а Владимир послал сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича, и, ничего не

же и възратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце въ крузѣ, а посреде круга хрестъ, а посреде креста солнце, а внѣ круга обаполы 2 солнци, надъ солнцемъ же кромѣ круга дуга, рогома на сѣверь. Тако же знаменье в лунѣ тѣмъ же образомъ мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, въ дне по три дни, а в ноци и в лунѣ по три ноци.

В лѣто 6613. Увалися верхъ святаго Андрѣя.* В се же лѣто постави митрополитъ Анфилохья епископа Володимерю августа въ 27. Томъ же лѣтъ постави Лазоря Переяславлю мѣсяца ноября 12. Томъ же лѣтъ постави Мину Полотьскѣ мѣсяца декабрия въ 13 день. Томъ же лѣтъ явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя мѣсяць. Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ на торкы и берендѣѣ.

В лѣто 6614. Повоева половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ Яня и Иванка Захарьича и Козарина,* и въгонивше половцѣ до Дуная, полон *отяша* <...>. В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старостѣ маститѣ, живъ по закону Божию, не хужий первыхъ праведникъ. У него же азъ слышахъ многа словеса, яже вписахъ в лѣтописици. Бѣ бо мужъ благъ, и кротокъ, и смѣренъ, отгрѣбаяся от всякоя вещи, егоже и гробъ есть въ Печерьскомъ монастырѣ, у притворѣ, идѣже лежитъ тѣло его, положено мѣсяца июня въ 24. В то же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи,* мѣсяца декабрия въ 6 день. Того же лѣта помраченье бысть въ солнци августа. *Тогда пострижеся князь Святоша, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, Никола, мѣсяца февраля въ 17. В том же лѣтъ побѣдиша зимѣгола Всеславича и всю братию и дружину, убиша их 9 тысяч.*

В лѣто 6615, *кругъ луны 4, а солнечнаго — 8* лѣто. В се же время преставися Володимеря княгини* мѣсяца мая въ 7 день. Того же мѣсяца воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславлѣ. Томъ же лѣтъ прииде Бонякъ, и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и сташа около Лубна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мьстиславъ, Вячьславъ,* Ярополкъ идоша на половцѣ къ Лубьну,* въ 6 часъ дне бродишася чересь Сулу и кликоша на нѣ. Половци же вжасошася, от страха не възмогша и стяга поставити, но побѣгоша, хватаючи коний, *а друзици пѣши побѣгоша. Наши же начаша сѣщи я, а другыя руками имати, и гнаша я до Хорола. Убиша же Тааза, Бонякова брата, и Сугра яша и братию его, а Шаруканъ одва утече.* Отбѣгоша же товара своего, и взяша рускии вои мѣсяца августа въ 12 день, и възвратишася въ своаси с побѣдою великою. Святополкъ же прииде завѣтрению в Печерьскый монастырь на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша и радостью великою, яко врази наши побѣжены быша молитвами святыя Богородица и великаго Федосья, отца нашего. И тако бо обычай имяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, оли поклонився у*

достигнув, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брючислав. В тот же год было знамение: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем же вне круга — дуга, рогами на север; такое же знамение было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613 (1105). Провалился верх <церкви> святого Андрея. В том же году поставил митрополит епископом Амфилохия во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславле, месяца ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, месяца декабря в 13-й день. В том же году явилась звезда с хвостом на западе и стояла месяц. В том же году пришел Боняк зимой к Зарубу на торков и берендеев.

В год 6614 (1106). Воевали половцы около Заречска, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, и Козарина, и прогнали половцев до Дуная и полон отняли. В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону Божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописаньи этом. Был он муж благ, и кроток, и смиренный, избегал он всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положено месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день. В тот же год померкло солнце в августе. Тогда же постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов, Никола, месяца февраля в 17-е. В тот же год победила зимигола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила девять тысяч.

В год 6615 (1107), круг луны 4-й, а солнечного — 8-й год. В это же время преставилась жена Владимирова, месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старый и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, от страха не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, а других руками хватать, и гнали их до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и братьев его, а Шарукан едва убежал. Бросили половцы и обоз свой, который захватили русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой Богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой Богородицы и великого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополк: когда шел на войну

гроба Федосьева и молитву возьмь у игумена, сущаго *ту*, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати мѣсяца генваря въ 4 день. Томъ же лѣтѣ, того же мѣсяца, иде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ къ Аяпѣ и другому Аепѣ и створиша миръ. И поя Володимеръ за *Георгия* Аепину* дщерь, Асѣну *внуку*, а Олегъ поя за *сына* Аепину* дщерь, *Гиргенеу* внуку, мѣсяца генваря во второй на 10 день. *А февраля 5 трясеся земля пред зорями в нощи.*

В лѣто 6616. Заложена бысть церкви святаго Михаила Золотоверхая Святополкомъ княземъ мѣсяца июля въ 11. И тряпезницу кончаша Печерскаго монастыря при Фектистѣ игуменѣ, юже заложилъ повеленьемъ Глѣбовомъ,* иже ю и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика во Днѣпрѣ, и въ Деснѣ, и въ Припетѣ. Того же лѣта вложи Богъ въ сердце *архимандриту*, игумену печерскому, нача понужати Феоктистъ Святополка князя *вписати* Федосья в сѣнаникъ,* Богу тако изволшю. Святополкъ же радъ бысть, *общася* створити се, и се вѣды житье его. И нача Святополкъ узвѣщати житье Федосьево и велѣ ѿ вписати в сѣнаникъ, еже створи митрополить — вписа его в сѣнаникъ. Повелѣ же митрополить по всѣмъ епискупьямъ вписати Федосья в сѣнаникъ. Все епископи с радостью вписаша, и поминають его во всѣхъ сборѣхъ. В се же лѣто прѣставися Ерина,* Всеволожа дщерь, мѣсяца июля в 24. В се же лѣто кончаша верхъ святаго Борогодица Влахѣрны на Кловѣ, заложеныи Стефаномъ епископомъ, бывшу ему прѣже игуменомъ Печерскаго монастыря.

В лѣто 6617. Приставися Евѣпраксии, Всеволожа дщи, мѣсяца июля въ 9 день, и положено бысть тѣло ея в Печерскомъ монастыри у дверей, яже къ угу, и вчиниша над нею божницу, идѣже лежитъ тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичъ взя вежи половецкые у Дона, 1000 вежъ взя, послани Володимеромъ княземъ.

В лѣто 6618. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, Давыдъ. И дошедше Воиня, воротишася. Того же лѣта пришедше *половци* <...> воеваша около Переяславля по селомъ. Того же лѣта взяша *полонъ* половци у *Чина.** В то же лѣто бысть знаменье в Печерскомъ монастыри февраля въ 11 день: явися столпъ огненъ от земля до небесе, а молнья осветиша всю землю, и на небеси погромѣ в час 1 нощи, весь миръ видѣ. Се съ же столпъ ста на тряпезници камянѣй, яко не видити хреста бѣше, и стоя мало, ступи на церковь и ста надъ гробомъ Федосьевомъ, и потомъ надъ верхъ съступи, аки ко вѣстоку лицемъ, и потомъ невидимо бысть. Се же бѣше не огонь, ни столпъ, но видѣ ангельскый: ангель бо сице *является* ово столпомъ огненомъ, ово же пламеномъ. Якоже рече Давидъ: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огонь пламянъ,* и следи суть повеленьемъ Божьимъ, аможе хошетъ Владыка, всихъ Творецъ, ангеломъ и челоукомъ. Ангель бо приходитъ, кдѣ благая мѣста и молитвенни домове, и ту показаютъ нѣчто

или куда-нибудь, то сперва поклонится гробу Феодосиеву и молитву возьмет у игумена печерского, только тогда уже отправится в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мать Святополка, месяца января в 4-й день. В том же году, в том же месяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и к другому Аепе, и заключили мир. И взял Владимир за Георгия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргенеvu внучку, месяца января в 12-й день. А февраля 5-го тряслась земля ночью перед рассветом.

В год 6616 (1108). Заложена была церковь святого Михаила Златоверхая Святополком князем, месяца июля 11-го. И закончили строить трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба и на его пожертвования. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил Бог в сердце архимандриту, игумену печерскому, и стал побуждать Феоктиста князя Святополка вписать имя Феодосия в синодик. Богу так было угодно. Святополк же рад был, пообещал сделать так, ибо знал о житии его. И начал Святополк возвещать о житии Феодосиевом и велел вписать его в синодик, что и сделал митрополит — вписал его в синодик. Повелел же митрополит по всем епископам вписывать Феодосия в синодик. Все епископы с радостью вписали и поминают его на всех соборах. В том же году преставилась Ирина, Всеволодова дочь, месяца июля в 24-е. В том же году закончили верх святой Богородицы Влахерны на Клове, заложенной Стефаном епископом, бывшим в прошлом игуменом Печерского монастыря.

В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволодова, месяца июля в 9-й день, и положено было тело ее в Печерском монастыре у дверей, что к югу, и соорудили над ней божницу, на том месте, где лежит тело ее. В том же году, месяца декабря во 2-й день, Дмитрий Иворович захватил вежи половецкие у Дона, тысячу веж захватили посланные князем Владимиром.

В год 6618 (1110). Весной пошли на половцев Святополк, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, возвратились. В том же году половцы <...> разорjali села около Переяславля. В том же году захватили половцы полон у Чучина. В том же году было знамение в Печерском монастыре, февраля в 11-й день: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час ночи, и все люди видели это. Этот же столп сначала стал над трапезной каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосиевым, и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангела, ибо ангел так является — иногда столпом огненным, иногда пламенем. Как сказал Давид: «Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь пламенный», посылаемы они повелением Божиим, куда хочет Владыка и Творец всех ангелов и людей. Ангел же приходит туда, где есть благословенные места и молитвен-

мало видинья своего, ово бо огнемь, ово столпомь, ово инако, яко мощно зрѣти *человѣком*, а не мощно бо зрѣти *человѣкомь* естества ангельскаго видити, аще и Моиси великий не возможе видѣти ангельскаго естества: водяшетъ бо я во дне столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ,* то се не столпъ водяше ихъ, но ангель Божий идяше пред нимъ в нощи и во дне. Тако и се явленье которое показываше, емуже быти хотяше, еже бо и бысть на второе лѣто. Не сий ли ангель вожь бы на иноплеменники, супостать бысть, якоже рече: «Ангель предъ тобою предъидеть», и паку: «Ангель твой буди с тобою?»* Якоже пророк Давидъ глаголетъ: «Яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебе сохранить тя».* Якоже пишетъ премудрый Епифаний: «Къ коей же твари ангель приставленъ: ангель облакомъ и мъгламъ, и снѣгу, и граду, и мразу, ангель гласомъ и громомъ, ангель зимы, и зноєви, и осени, и весны, и лѣта, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподннии тмы, и сущи *врѣху* безны, бывшия древле верху земля, от неяже тмы, вечеръ, и ношь, и свѣтъ, и день».* Ко всимъ тваремъ ангели приставлени, тако же ангель приставленъ къ которой убо земли, да соблюдаютъ куюжъто землю, аще суть и погани. Аще Божий гнѣвъ будетъ на кую убо землю, повелѣвая ангелу тому на кую убо землю бранью ити, то оной землѣ ангель не вопротивитя повелѣнью Божью. Яко и се бяше, и на ны навель Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганья, и побѣжахуть ны повелѣнемъ Божьимъ: они бо бяху водими аньеломъ по повелѣнью Божью.* Аще ли кто речеть, яко аньела нѣсть у поганыхъ, да слышитъ, яко Олександру Макидоньскому, ополчившу на Дарья и пошедшу ему, и побидившу землю всю от вѣстокъ и до западъ, и поби землю Егупетьскую, и поби Арама,* и приде в острова морьскыя; и врати лице свое взыти въ Ерусалимъ, побидити жиды, занеже бяху мирни со Дарьемъ. И поиде со вси вои его, и ста на товарищи, и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемъ посреде шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща над нимъ и мѣчь нагъ в руцѣ его, и *обличие* меча его яко молонии. И запряже мечемъ своимъ на главу цареву. И ужасеся цесарь велми и рече: «Не бий мене». И рече ему ангель: «Посла мя Богъ уимати цесарѣ великии предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помагая ти. А нынѣ вѣдай, яко умреши, понеже помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣмъ Божьимъ и к людемъ его». И рече царь: «Молю тя, о Господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего, аче не любо ти, а ворочюся дому моему». И рече ангель: «Не бойся, иди путемъ твоимъ къ Иерусалиму, и узриши ту въ Ерусалими мужа въ *обличении моем*, и борзо пади на лица своемъ, и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тобѣ, створи, не прѣступи рѣчи ему. В онъ же день приступиши рѣчь его, и *умреши*». И въставъ, цесарь иде въ Ерусалимъ и, пришедъ, въспроси ерѣвѣ: «Иду ли на Дарья?» И показаша ему книги Данила пророка и рекоша ему: «Ты еси козелъ, а онъ овенъ, и потолчеши и возмеша царство его».* Се убо не ангель

ные дома, и тут лишь едва являет свой вид либо огнем, либо столпом, либо как иначе, чтобы можно было людям увидеть; ибо людям невозможно узреть и увидеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества, ибо водил их <евреев> днем столп облачный, а ночью столп огненный, но это не столп водил их, но ангел Божий шел перед ним ночью и днем. Так и это явление предсказывало, что предстояло быть, что и сбылось на второй год. Не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», и еще: «Ангел твой да будет с тобой?». Как пророк Давид говорит: «Как ангелам своим заповедал о тебе — сохранить тебя». Как пишет и премудрый Епифаний: «Ко всякому сотворенному ангел приставлен: ангел облаков, и туманов, и снега, и града, и мороза, ангел голосов и громов, ангел холода и зноя, и осени, и весны, и лета, всякой одушевленной твари его на земле, и тайной бездны, скрытой под землей, и преисподней тьмы и всему, что над бездной, а раньше бывшей над землей, от чего происходят и тьма, и вечер, и ночь, и свет, и день». Ко всему сотворенному ангелы приставлены; также ангел приставлен к каждой земле, чтобы соблюдал эту землю, хотя бы она была и поганая. Если Божий гнев обратится на какую-либо землю, то повелит ангелу тому пойти войной на ту землю, а ангел той земли не воспротивится повелению Божьему. Так и это было, и навел Бог на нас, из-за грехов наших, иноплеменников поганых, и побеждали они нас по повелению Божьему, ибо они были водимы ангелом по повелению Божьему. Если же кто говорит, что у поганых нет ангела, то пусть слышит, как Александр Македонский, ополчившись на Дария и двинувшись на него, завоевал всю землю от востока и до запада, и разгромил землю Египетскую, и сокрушил Арам и пришел на острова морские, а затем обратил взор свой на Иерусалим, желая разгромить евреев, ибо были они в союзе с Дарием. И пошел он со всеми воинами своими, и стал лагерем, и почил. И настала ночь, и когда он, лежа на ложе своем в шатре, открыл глаза свои, то увидел мужа, стоящего над ним, и меч обнаженный в руке его, и вид меча его был подобен молнии. И замахнулся он мечом своим на голову цесареву. И очень испугался цесарь и сказал: «Не убивай меня». И сказал ему ангел: «Послал меня Бог покорять тебе цесарей великих и множество людей, и хожу я перед тобой, помогая тебе. А теперь знай, что умрешь, потому что замыслил войти в Иерусалим, зло причинить иереям Божиим и людям его». И сказал царь: «Молю тебя, о господин, прости этот грех раба твоего, если не угодно тебе, то я вернусь домой». И сказал ангел: «Не бойся, продолжай путь свой к Иерусалиму, и увидишь там в Иерусалиме мужа в облике моем, и тотчас пади ниц и поклонись мужу тому, и все, что он повелит тебе, исполни. Не преступи приказаний его. Если же преступишь, в тот же день умрешь». И, встав, цесарь пошел в Иерусалим и, придя туда, спросил иереев: «Идти ли мне на Дария?» И показали они ему книги Даниила пророка и сказали ему: «Ты

ли вожаше Олександра, не поганъ ли побѣжаше и вси елини кумирслужебници? Тако и си погании попушени грѣхъ ради нашихъ. Се же въдомо буди, яко въ хрестьянехъ *не* единъ ангель, но елико крестисяся, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ; но противу Божью повеленю не могутъ противитися, но молятъ Бога прилѣжно за хрестьянскыя люди. Якоже и бысть: молитвами святыя Богородица и святыхъ ангель умилосердися Богъ и посла ангелы в помощь русьскимъ княземъ на поганыя. Якоже рече и Моисѣви: «Се ангель мой прѣдыпойдетъ предъ лицомъ твоимъ».* Якоже рекохомъ прѣже, зънаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18.

В лѣто 6619. Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну.* Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володимерю. Они же рекоша: «Не верема нынѣ погубити смерды от ролы». И посла Святополкъ к Володимерю, глаголя: «Да быхови ся сняла, и о томъ подумали быхомъ съ дружиною». Послании же придоша к Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчу. И прииде Володимеръ, и срѣтостася на Долобскѣ. И сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчаиью, и рече Володимеръ: «Брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхъм промыслили о Русьской земли». И рече Святополкъ: «Брате, ты почни». И рече Володимеръ: «Како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хошетъ погубити смерды и ролью смердомъ. Но се дивно мя, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не *помышляюще*, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадыю тою, и, приѣхавъ, половчинъ ударить смерда стрѣлою, и поиметь лошадку, и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжетъ. То о сѣмъ чему не мыслите?» И рекоша вся дружина: «Право воистину тако есть». И рече Святополкъ: «Се азъ, брате, готовъ есмь с тобою». И посласта ко Давыдови Святославичю, веляча ему съ собою. И вѣста Володимеръ и Святополкъ и цѣловастася, и поидоста на половцѣ Святополкъ съ сыномъ, Ярославъ, и Володимеръ съ сынми, и Давыдъ со сыномъ. И поидоша, возложивше надежу на Бога и на пречистую матеръ его, и на святыя ангелы его. И поидоша въ 2 недѣлю поста, а в пятокъ быша на Сулѣ.* В субботу поидоша, и быша на Хоролѣ, и ту и сани пометаша. А в недѣлю поидоша, в ню же хрестъ цѣлуютъ, и придоша на *Пселъ*, и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ. Ту пождаша и вои. И оттудо идоша Върьскла, ту же завѣтра, въ среду, хрестъ цѣловаша и възложиша всю свою надежу на хрестъ со многими слезами. И оттудѣ приидоша многи рѣки въ 6 недѣлю поста, и поидоша к Донови въ вторникъ. И оболочишася во бронѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимеръ пристави *лопы* своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ

козел, а он овец, и разрушишь и возьмешь царство его». Так вот не ангел ли водил Александра, не язычник ли побеждал и все эллины кумиротолкователи? Так и этим поганым все дозволено за грехи наши. Да будет ведомо, что у христиан не один ангел, но столько, сколько их крещеных, а уж тем более у благоверных князей наших; но не могут они противиться божественному повелению, но молят Бога прилежно за христианский народ. Так и случилось: вняв молитвам святой Богородицы и святых ангелов, смилостивился Бог и послал ангелов в помощь русским князьям против поганых. Как сказал Бог Моисею: «Это ангел мой пойдет перед тобой». Как мы сказали ранее, знамение это было февраля в 11-й день на исходе этого 18-го года.

В год 6619 (1111). Вложил Бог Владимиру мысль, и начал он говорить брату своему Святополку, побуждая его пойти на поганых весною. Святополк же поведал дружине своей сказанное Владимиром. Дружинники же сказали: «Не время теперь: навредим смердам, оторвав их от пахоты». И послал Святополк к Владимиру, говоря: «Нам бы следовало съехаться и посоветоваться обо всем с дружиной». Посланные же пришли к Владимиру и поведали все сказанное Святополком. И пришел Владимир, и встретились на Долобске. И расположились в одном шатре Святополк со своею дружиной, а Владимир со своею. И после некоторого молчания сказал Владимир: «Брат, ты старший, говори первый, как бы нам защитить Русскую землю». И сказал Святополк: «Брат, уж ты начни». И сказал Владимир: «Как я стану говорить, а со мной станет пререкаться твоя дружина и моя, что хочет, мол, он погубить смердов и пахоту смердов. Но то мне дивно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половец, приехав, поразит смерда стрелой и заберет лошадь ту и жену его, и детей его, и гумно его подпалит. Об этом-то почему не подумаете?» И сказала вся дружина: «Право же, воистину так оно и есть». И сказал Святополк: «Вот я, брат, готов <идти> с тобою». И послали к Давыду Святославичу, веля ему выступать с ними. И поднялись Владимир и Святополк и попрощались, и пошли на половцев Святополк с сыном своим Ярославом, и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном. И пошли они, возложив надежду свою на Бога и на пречистую мать его, и на святых ангелов его. И выступили в поход во второе воскресенье поста, а в пятницу были уже на Суле. В субботу они достигли Хорола, там же и сани оставили. А в воскресенье, когда крест целуют, пришли на Псел, а оттуда дошли до реки Голты. Тут подождали воинов, и оттуда двинулись на Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы. И оттуда перешли много рек, и пришли к Дону во вторник шестой недели поста. И облеклись в доспехи, и построили полки, и двинулись к городу Шаруканю. И князь Владимир повелел попам, едучи перед войском, петь тропари и кондаки в честь креста честного и канон святой Богородицы. И

святой Богородици. Поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и в недѣлю выидоша из города, и поклонишася княземъ рускымъ, и вынесоша рыбы и вино. И перележаша ночь ту. И завѣтра, въ среду, поидоша к Сугрову и, пришедше, зажьгоша ѿ, а в четвергъ поидоша съ Дона, а в пятницу завѣтра, мѣсяца марта въ 24 день, собращася половци, изрядиша половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши, възложише надежу свою на Бога, и рекоша: «Убо смерть намъ здѣ, да станемъ крѣпко». И цѣловашася другъ друга, възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго. И бывшую же сосуту и брани крѣпцѣ, Богъ вышний възрѣ на иноплеменники со гнѣвомъ, падаху предъ хрестьяны. И тако побѣжени быша иноплеменники, и падоша мнози врази наши, супостати, предъ рускыми князи и вои на потоци Дегѣя. И поможе Богъ рускымъ княземъ. И въздаша хвалу Богу въ тѣ день. И заутра, суботѣ наставшѣ, празноваша Лазарево *въскресенье*, Благовѣщенья день, и похваливше Бога, проводиша субботу, и в недѣлю приидоша. Наставшю же понедѣлнику страстныя недѣли, паки иноплеменники собраща полки своя многое множество, и выступиша яко борове велици и тмами тмы. И оступиша полки рускыи. И посла Господь Богъ ангела в помощь рускымъ княземъ. И поидоша половецкыи *полѣци* и *полѣцѣ* русьскыи, и зразишася первое с полкомъ, и трѣсну аки громъ *сразившимася* челома. И брань бысть люта межю ими, и падаху обои. И поступи Володимерь с полки своими и Давыдъ, и, възрѣвше, половци вдаша плещи свои на бѣгъ. И падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бѣеми ангеломъ, яко се видяху мнози челоуѣци, и главы летяху, невидимо стинаемы на землю. И побиша я в понедѣлникъ страстный, мѣсяца марта въ 27 день. Избѣени быша иноплеменникѣ многое множество на рѣцѣ Салницѣ. И спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимерь, и Давыдъ прославиша Бога, давшаго имъ побѣду таку на поганяя, и взяша полона много, и скоты, и кони, и овцѣ, и колодниковъ много изоимаша рукама. И въпросиша колодникъ, глаголюще: «Како васъ толка сила и многое множество не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгостѣ?» Си же отвѣщеваху, глаголюще: «Како можемъ битися с вами, а друзии ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?» Токмо се суть ангели, от Бога послани помогать хрестьяномъ. Се бо ангель вложи въ сердце Володимеру Манамаху поуцити братью свою на иноплеменники, русьскыи князи. Се бо, якоже рекохомъ, видинье видиша в Печерьскомъ монастыри, еже стояше столпъ огнень на трапезници, таже преступѣ на церковь и *оттуда* к Городцю; ту бо бяше Володимерь в Радосыни. И тогда се ангель вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, якоже рекохомъ.

Тѣмже достойно похволяти ангелы,* якоже Иоанъ Златоустецъ* рече: ибо ти Творцю безначално поють, милостиву ему быти и *тиху* челоуѣкомъ. Ангелы бо, глаголю, наша поборники, на противныя силы воюющимъ, имже

вечером подъехали к городу, и в воскресенье вышли люди из города с поклонами к князьям русским и вынесли рыбу и вино. И провели там ночь. И на другой день, в среду, пошли к Сугрову и, приступив, зажгли его, а в четверг двинулись от Дона; в пятницу же, на другой день, марта 24-го, собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши, возложив надежду свою на Бога, сказали: «Здесь смерть нам, так станем же крепко». И прощались друг с другом и, возведя очи на небо, призывали Бога вышнего. И когда сошлись обе стороны, и завязалась битва жестокая, Бог вышний обратил взор свой, исполненный гнева, на иноплеменников, и пали они перед христианами. И так были побеждены иноплеменники, и пало множество врагов наших, супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям. И воздали хвалу Богу в тот день. И наутро, когда настала суббота, праздновали Лазарево воскресенье, день Благовещенья, и, воздав хвалу Богу, проводили субботу и дождались воскресенья. В понедельник же Страстной недели вновь собрали иноплеменники многое множество полков своих и двинулись, словно огромный лес, тысячами тысяч. И окружили полки русские. И послал Господь Бог ангела на помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и сошлись в первой схватке полки, и грохот стоял подобный грому. И битва жестокая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и, видя это, половцы обратились в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы, невидимо <кем> ссекаемые, падали на землю. И победили их в понедельник Страстной недели, месяца марта в 27-е. Перебито было иноплеменников многое множество на реке Сальнице. И спас Бог людей своих. Святополк же, и Владимир и Давыд прославили Бога, даровавшего им такую победу над погаными, и взяли полна много, и скота, и коней, и овец, и пленников многих похватали руками. И спросили пленников, говоря: «Как это случилось: вас была такая сила и такое множество, а не смогли сопротивляться и вскоре обратились в бегство?» Они же отвечали, говоря: «Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в оружии светлом и страшные и помогали вам?» Это только и могли быть ангелы, посланные Богом помогать христианам. Это ведь ангел вложил Владимиру Мономаху мысль призвать братьев своих, русских князей, на иноплеменников. Вот это, как сказали мы, виденье и видели в Печерском монастыре: стоял столп огненный над трапезной, затем передвинулся на церковь и оттуда к Городцу, а тут был Владимир в Радосыни. Вот тогда-то и вложил ангел Владимиру в сердце, и стал побуждать <он идти в поход>, как мы сказали.

Поэтому надлежит воздавать хвалу ангелам, как сказал Иоанн Златоуст, ибо они вечно Творца славят, чтобы он был милостивым и кротким к людям. Ибо ангелы, говорю я, наши защитники, когда мы воюем с силами

есть архангелъ Михаилъ, ибо со дьяволомъ тѣла ради Моисиева противяся,* на князь же перьскій свободы ради людьскія противяся. Повеленьемъ Божьимъ всю тварь раздѣлити и языкомъ старишины наставляюще. Симъ же нѣкоего персямъ *презрѣти* оправда, Михаила же сущимъ *обрѣзаномъ* людемъ схранити повелѣ, съставити же предѣлы ихъ прогнѣваньемъ, не по *грѣховныя* ярости, но от *божественнаго* нѣкоего неизреченьнаго слова; сему же работати иудѣмъ персямъ нудящую, сему же на свободу извълекущую и прилѣжно к Богу молитву *приносящую*, глаголюще: «Господи вседержителю! Доколѣ не помилуеши Иерусолима и градъ иудовых, ихже презрѣ сѣмьдесятное лѣто?». Его же *видѣ* видиньемъ и Даниль *летяща** — лице его, яко видъ молниный, рещи, очи его, яко свѣщи, и мышцы его и голени, яко видъ мѣди блещася, и гласъ слова его, яко гласъ многаго народа. Отъ нихъ есть осла отвращая и Валама от нечистого волъшвлѣнья праздно творяй.* От нихъ же и мѣчъ извлѣкъ противу Иисусу Наугину,* помощи ему на противныя образомъ повелѣвая. От нихъ есть 100 и 80 тысящ суриськихъ единою ночью поразихъ и сонъ варварьскихъ смѣси смертью. От нихъ же есть, иже пророка Амбакума *въздухомъ* принесъ *скочениемъ*, да пророка Данила посреде же левъ *прѣпитаеть*.* Таковии же убо и тации на враги изыществують. Такоже есть и боголѣпный Рафаиль: от единыя рыбы урѣза утрянки, бѣснующися отроковицю ицѣли и слѣпа старца съльнѣця видѣти створи ему.* Убо не великихъ ли честий достойни суть, нашу жизнь храняще? Не токмо бо хранитель языкомъ повелени быша аныгели, якоже речено бысть: «Егда раздѣляше Вышний языки, ихъже *разсѣя* сыны Адамовы, постави предѣлы языкомъ по числу ангель *Божших*, но и вѣрнымъ челоуѣкомъ комуждо достася ангель. Ибо отроковица *Роди* изглаголавши *апостоломъ*, предъ дверьми стоящую Петру, Иродова лица *избѣгъ*, глаголаху, не имущи вѣры: «И ангель его есть».* Свидетельствуетъ же и симъ Господь, глаголя: «Видите и *не нерадите* единого от малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ видятъ лице воину Отца моего, *сущаго* на небесѣхъ». Еще же у коейждо церкви хранителя ангелы пристави Христосъ, якоже открываеть *Иоан*, глаголя: «Рци ангелу, сущему въ церкви Измуреньстѣ: видихъ твою нищету и *скорбь*, нѣ богатъ еси». ...Доброизвѣстно убо есть любящимъ насъ ангеломъ, яко насъ ради къ Владыцѣ молящимся. Ибо служебнии дуси суть, якоже и апостоль глаголетъ: «Въ служенье слеми хотящимъ ради наслѣдити спасенье». Ихъ же и поборники, и *спорники*, якоже и нынѣ слышалъ еси Данила, како *въводи* архангела Михаила персемъ в часъ прогнѣванья нашея ради свободы. Се бо людемъ работати персямъ нужаше, якоже речено бысть, се же раздришити пленныя тщасяся. И одалаетъ Михаилъ противнику, ибо Ефратъ жидове пришедше, *отъне* паки селенье прияша, и градъ и церковь създаша. Тако же и великий Епифаний вѣща: «Коемуждо языку ангель приставлень», и Списание бо к Данилу глагола: «Ангель и властеля елиномъ и Михаила властеля иудѣмъ»; глаголетъ же: «И постави уставы по числу ангель».

врагов наших, а начальник им архангел Михаил, ибо с дьяволом за тело Моисеево боролся, на князя же персидского ополчался ради свободы человеческой. Повелением своим Бог, все сотворенное разделив и поставляя старейшин народам, этим персианам разрешил пренебречь своим <властителем>, а Михаила же обрезанным людям повелел почитать, пределы же их установил с гневом не по греховной ярости, но по божественному некоему неизреченному слову, причем тот <властитель персов> принуждал иудеев работать на персов, тот же <Михаил> старался освободить их и прилежно возносил молитву к Богу, возглашая: «Господи, вседержитель, когда же ты помилуешь Иерусалим и города иудовы, от которых ты уже 70 лет как отвернулся?» Его видел в видении и Даниил летящего — лицо его подобно молнии, и глаза его как свечи, и мышцы и голени его подобны меди блестящей, и голос его точно голос множества народа. Из них <ангелов> и отвративший осла и отторгший Валаама от нечестивого волхвования, из них и тот, кто извлек меч перед Иисусом Навином, обещая ему этим образом помощь против врагов. От них тот, кто в одну ночь перебил 180 тысяч сирийцев и сон варваров превратил в смерть. От них тот, кто перенес пророка Аввакума по воздуху, чтобы тот накормил Даниила, обретающегося среди львов. Таковые и подобные им одолевают врагов. Таков же и богоподобный Рафаил: отрезав у одной рыбы жир, бесноватую девицу исцелил и слепому старцу дал увидеть солнце. Не великой ли чести достойны те, что нашу жизнь охраняют? Не только заступниками народов повелено было быть ангелам, как было сказано: «Когда разделял Всевышний народы, которые рассеял он — сынов Адамовых, установил пределы <обитания> народов по числу ангелов Божьих», но и каждому благоверному человеку достался ангел. Ибо когда девица Родн стала говорить апостолам, что Петр стоит перед дверьми, скрывшись с глаз Иродовых, отвечали ей, не веря: «И ангел его это». Свидетельствует же об этом Господь, говоря: «Смотрите и не пренебрегайте никем из малых сих, ибо ангелы их воистину видят лик Отца моего, сущего на небесах». И еще у каждой церкви приставил Христос ангела хранителя, как свидетельствует Иоанн, говоря: «Скажи ангелу, пребывающему в церкви Измуренской: “Видел нищету твою и скорь, но богат ты”». Хорошо известно ведь все это любящим нас ангелам как молитвенникам за нас перед Владыкою. Ибо они — служебные духи, как и апостол говорит: «В служение посылаемы к хотящим обрести спасение». Им они защитники и помощники, как и ныне слышал ты Даниила, как вводит архангела Михаила к персам в час гнева ради нашего освобождения. Ибо тот принуждал покоряться персам, как было сказано, этот же старался освободить пленных. И одолевает Михаил врага, ибо евреи, перейдя Евфрат, снова обрели отеческую землю и построили и город и церковь. Также и великий Епифаний говорил: «К каждому народу ангел приставлен», так говорит Писание Даниилу: «Ангел <нарек> и властителя эллинам и Михаила властителя иудеям»; говорится же: «И уставил уставы по числу ангелов».

И се паки, якоже Иполить* глаголетъ, толкуеть Данила: «В лѣто третье Кура цесаря, азъ Даниль плакахъся три недѣли: перваго же мѣсяца смирихся, моля Бога дньи 20 и 1, прося от него откровенья тайны. И, услышавъ, Отець пусти слово *свое*, кажа хотящее быти имъ; и бысть на велицѣ *рѣцѣ*; лѣпо бяшеть ту ся явити, идѣже хотяше и грѣхи отпушати. И возведь очи свои, видѣхъ: и се мужь одѣнъ в багоръ. Первый рече видѣнемь, аки Гавриль ангель летя, сдѣ же не тако, но видѣ самого Господа, видѣ же не свершена челоуѣка, но образомъ челоуѣкомъ являющася, якоже глаголетъ: “И се мужь одѣнъ въ пѣстро, и лядвия его припоясани златомъ чистомъ, и тѣло его, аки фарсисъ, и лице ему, аки молнья, и очи ему, яко свѣщи огненѣи, и мышци ему плещи подобни мѣди чистѣ, и глас его, аки народа многа”. И падохъ на земли, и се я мя аки рука, речи, челоуѣку, и еще вѣстави мя на колѣну и рече ко мнѣ: “Не бойся, Даниле, вѣси, что ради приидохъ к тобѣ? Брань хочю створити съ княземъ перьскимъ. Но повѣдаю ти *писаное* в писаньи истинномъ, и *нѣсть* никогоже пряшася о сѣмъ со мною, развѣ Михаила князя вашего. Того бо оставихъ ту: от него же бо дне устремися молити предъ Богомъ твоимъ, услыша молитву твою, и пушень есмь азъ брань створити со княземъ *прѣскимъ*, *свѣтъ нѣкоторый* бысть не *отпусти* люди, да скоро убо будетъ молитва твоя свершена; противихся ему и оставихъ ту Михаила князя вашего”. Кто естъ Михаилъ, развѣ аньгела, прѣданаго людемъ?» Яко и к Моисиеви глаголетъ: «Не имамъ с вами ити на путь, занеже суть людье жестокою выею», но «ангелъ мой идетъ с вами».*

Якоже и се с Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святыхъ ангель, възвратишася русьстии князи вѣсвоеси съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ, *рекуще* къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде, на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь.

Того же лѣта приставися княгини Всеволожая,* мѣсяца октября въ 7 день, и положена бысть у святаго Андрѣя в монастыри. Того же лѣта приставися Иоанъ, епископъ черниговский, мѣсяца ноябъря въ 23.

В лѣто 6620. Индикта 5. Ярославъ ходи на ятвязѣ, сынъ Святополчь, и побѣди я, и, пришедъ с войны, посла Новугороду и поя Мьстиславлю дщерь собѣ женѣ, Володимерю внуку, мѣсяца мая въ 12, а приведена бысть июня въ 29. Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля.* Того же лѣта преставися Давыдъ Игоревичъ, мѣсяца мая въ 25, и положено бысть тѣло его въ 29 въ церкви святыя Богородица Влахѣрнѣ на Кловѣ. Томъ же лѣтѣ преставися Янка, дщи Всеволожа, сестра Володимѣра, мѣсяца ноябъря въ 3 день, положена бысть у церкви святаго Андрѣя, юже бѣ создалъ отецъ ея; ту бо ся бѣ и постыригла у церкви тоя, дѣвою суши. Исходящю же сему лѣту, и поставиша Феоктиста епископомъ Чернѣгову, игумена Печерьскаго, мѣсяца генваря въ 12 день, а посаженъ

И еще к тому, как Ипполит говорит, толкуя Даниила: «В третий год Кира цесаря я, Даниил, плакал три недели, <к концу> первого месяца смирился, моля Бога 21 день, прося у него откровения тайны. И, услышав, ниспослал Отец слово свое, поведав, чему суждено быть; и было на великой реке — должно было туда явиться, где хотел грехи отпускать. И возвел я глаза свои и увидел: вот муж, одетый во все багряное. На первый взгляд с виду словно летящий ангел Гавриил, но здесь не так, а облик самого Господа, облик не настоящего человека, но с виду словно бы человек, как сказано: “И вот муж, одетый во все пестрое, и бедра его препоясаны чистым золотом, и тело его словно топаз, и лицо у него словно молния, и глаза у него как свечи горящие, и мышцы и плечи подобны меди чистой, и голос его таков, точно говорит много народа“. И упал я наземь, и вот взяла меня точно бы рука человеческая и поставила меня на колени, и сказал мне: “Не бойся, Даниил, знаешь ради чего я пришел к тебе? Войну хочу начать с князем персидским. Но поведаю тебе, что написано в писании истинном, и нет никого, кто бы поспорил со мною об этом, кроме Михаила, князя вашего. Ибо его я оставил тут, и с того дня, как стал молиться я перед Богом твоим, услышал молитву твою, и послан я начать войну с князем персидским, был ему совет некий не отпускать людей, но скоро осуществится твоя мольба, противился я ему и оставил здесь Михаила, князя вашего“. Кто же такой Михаил, как не ангел, приставленный к людям?» Так и Моисею говорит <Бог>: «Не пойду с вами в путь, ибо вы люди жестоковыйные», но «ангел мой пойдет с вами».

Так вот и теперь с Божьей помощью по молитвам святой Богородицы и святых ангелов возвратились русские князья восвояси к своим людям со славой, которая донеслась до всех дальних стран — до греков, до венгров, поляков и чехов, даже и до Рима дошла она, на славу Богу всегда и ныне и присно во веки, аминь.

В тот же год скончалась вдова Всеволодова октября в 7-й день и положена была у святого Андрея в монастыре. В том же году скончался Иоанн, епископ черниговский, ноября 23-го.

В год 6620 (1112), индикта 5. Ярослав, сын Ярополка, ходил на ятвягов и победил их, и, вернувшись с войны, послал в Новгород, и взял себе в жены Мстиславу дочь, внучку Владимира, месяца мая в 12-й день, а приведена была 29 июня. В том же году повели Владимировну Ефимию в Венгрию за короля. В том же году преставился Давыд Игоревич, месяца мая в 25-е, и положено тело его 29-го в церкви святой Богородицы Влахерны на Клове. В том же году преставилась Янка, дочь Всеволодова, сестра Владимира, месяца ноября в 3-й день, положена была у церкви святого Андрея, которую создал отец ее, тут же она и постриглась в церкви этой, будучи девою. На исходе этого года поставили Феоктиста епископом в Чернигов, игумена печерского, месяца января в 12-й день, а посажен был на престоле

на столѣ въ 19. И радѣ бѣ князь Давыдъ и княгини, бѣ бо ѣй отецъ духовный, и бояре, и вси людье радовахуся; бѣ бо предъ нимъ епископъ болень и не моги служити, и лежа в болести лѣтъ 25; тѣмъже князь и людье жадаху епискуплѣ службѣ и радовахуся, славяще Бога. Сему же тако бывъшю и братьи суци безъ игумена, совокупившимся братьи всѣй, и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина, и възвистиша митрополиту и князю Святополку о немъ. И повелѣ князь митрополиту поставити с радостью. И поставленъ бысть недѣлѣ Масленоѣ в четвергѣ, мѣсяца февраля въ 9 день. И тако внидоша в постѣ братья и со игуменомъ.

В лѣто 6621. Бысть знаменье въ солнци въ 1 часѣ дъне, бысть видити всѣмъ людемъ: остана солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогама, мѣсяца марта въ 19 день, а луны въ 29. Се же бывають знаменья не на добро; бывають знаменья въ солнци и в лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но в которой любо землѣ аще будетъ знаменье, то та земля и видить, и ина земля не видить. Тако се древле, во дни <...> Онтиховы быша знаменья въ Ерусалимѣ, ключися являтися на въздуси на конихъ рыщуще во оружьи, и оружье емъ двизанье, то се бяше въ Иерусалимѣ токмо, а по инымъ землямъ не бяше сего.* Якожь бысть знаменье въ солнцѣ, проявляше Святополчу смерть. По семь бо приспѣ праздникъ пасхы, и празьноваша, и по праздницѣ разболися князь. А преставися благовѣрный князь Михаилъ, зовемый Святополкъ, мѣсяца априля въ 16 день за Вышегородомъ. И привезоша ѣ в лодьи Киеву, и спрятавше тѣло его, и възложиша на санѣ. И плакашеся по немъ бояре и дружина его вся, пѣвше надъ нимъ обычныя пѣсни, и положиша въ церкви святаго Михаила, юже бѣ самъ создалъ. Княгини же его много раздили богатство монастыремъ и попомъ, и убогимъ, яко дивитися всѣмъ челоуѣкомъ, яко такая милости никтоже можетъ створити. Наутрия же, въ семы на 10 день, свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: «Поиди, княже, на столѣ отень и дѣдень». Се слышавъ, Володимеръ плакася велми и не поиде, жаляси по братѣ. Кияни же разьграбиша дворъ Путятинъ, тысячького, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру, глаголюще: «Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зла уздвигнется, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь* твою и на бояры, и на монастырѣ, и будеши отвѣтъ *имѣти*, княже, оже ти монастырѣ разьграбятъ». Се же слышавъ, Володимеръ поиде в Киевъ.

Начало княженья Володимѣря, сына Всеволожа. Володимеръ Мономахъ сѣде Киевѣ в недѣлю. Усрѣтоша же ѣ митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всеми кияне с честью великою. Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ, и вси людье ради быша, и мятежь влеже.* Слышавше же половцѣ смерть Святополчу, и съвокупившеся, и придоша къ Выры.* Володимеръ же, совокупивъ сыны свои и сыновцѣ, иде къ Выру и совокупися съ Олгомъ,

19-го. И рад был князь Давыд и княгиня, ибо он был ее отцом духовным, и бояре, и все люди радовались; ибо был перед ним епископ больной и не мог служить, и пролежал в болезни 25 лет, поэтому князь и люди истосковались без епископской службы и радовались, славя Бога. Когда же произошло это и братия <печерского монастыря> осталась без игумена, собралась вся братия и нарекла себе игуменом Прохора попа, и возвестили митрополиту и князю Святополку о нем. И повелел князь митрополиту поставить его с радостью. И поставлен был на Масляной неделе в четверг месяца февраля в 9-й день. И так вступили братья в пост с игуменом.

В год 6621 (1113). Явилось знаменье на солнце в первом часу дня. Было видно всем людям: осталось от солнца мало, словно месяц вниз рогами, месяца марта в 19-й день, а луны в 29-й. Такие бывают знаменья не к добру; бывают знаменья на солнце, и на луне и в звездах не по всей земле, но в какой-либо земле будет знамение, то та земля и видит, а другая земля не видит. Так же в древности, в дни Антиоховы, были знаменья в Иерусалиме, стали там являться на воздухе скачущие на конях с оружием, и оружия движение, но это было только в Иерусалиме, а в других землях этого не было. А то знамение, что было на солнце, предвещало смерть Святополка. После того наступил праздник Пасхи, и праздновали, и после праздника разболелся князь. А преставился благоверный князь Михаил, именуемый Святополк, месяца апреля в 16-й день за Вышгородом. И привезли его в ладье в Киев, и, убрав тело его, возложили на сани. И оплакивали его бояре и дружина его вся, пев над ним положенные песни, и положили в церкви святого Михаила, которую он сам и создал. Княгиня же его много богатства раздала монастырям и попам, и убогим, так что дивились все люди, ибо такой милости никто не может сотворить. Наутра же 17-го посоветовались киевляне и послали к Владимиру сказать: «Пойди, княже, на стол отца и деда». Услышав это, Владимир заплакал горько и не пошел, печалась о брате. Киевляне же разграбили двор тысяцкого Путяты, пошли и на евреев и их пограбили. И снова послали киевляне к Владимиру, говоря: «Приходи, княже, в Киев; если не придешь, то знай, что много бед произойдет, не только Путятин двор, не только сотских и евреев пограбят, но нападут и на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, княже, если разграбят и монастыри». Услышав это, Владимир пошел в Киев.

Начало княжения Владимира, сына Всеволодова. Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встретили же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел он на столе отца своего и дедов своих, и все люди рады были, и мятеж улегся. Когда же узнали половцы о смерти Святополка, то собрались и пришли к Выру. Владимир же, собрав сыновей своих и племянников, пошел к Выру и соединился с Олегом,

половѣ же бѣжаша. Того же лѣта посади сына своего Святослава в Переяславлѣ, а Вячслава у Смоленскѣ. В се же лѣто преставися игуменья Лазорева монастыря, свята житѣемь, мѣсяца сентябрю въ 4 на десять день, живши лѣтъ шестьдесятъ в чернечествѣ, а от роженя девяносто лѣтъ и два. В се же лѣто поя Володимеръ за сына своего Романа Володаревну, мѣсяца сентябрю въ 1 на десять день. В се же лѣто Мьстиславъ заложи церковь камяну свягата Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ.* Того же лѣта посади сына своего Ярополка в Переяславлѣ. Томъ же лѣтѣ поставиша епископа Данила Гургеvu, а Бѣлугороду Никиту.

В лѣто 6622. Преставися Святославъ, сынъ Володимеръ, мѣсяца марта 16 день, и положенъ бысть во Переяславлѣ у церкви свгата Михаила; ту бо отецъ ему далъ столъ, выведы ѥ изъ Смоленска. В се же лѣто Мьстиславъ заложи Новѣгородъ болии перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога каменiemъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при князѣ Мьстиславѣ.

Пришедшу ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане, яко сдѣ есть: «Егда будетъ туча велика, находятъ дѣти наши глазкы стеклянии, и малы и великыи, провертаны, а *другы* подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскывааетъ вода», от нихъ же взяхъ боле ста, суть же различь.* Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: «Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь,* яко видивше сами на полунощныхъ странахъ: спаде туча, и в той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли. И пакы бывааетъ другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходятся по земли». Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкый и вси ладожане.

Аще ли кто сему вѣры не иметь, да *почтет* фронографа.* «Въ царство *Прово*, дожгъцю бывшую и тучи велиции, пшеница с водою мнокою смѣшена спаде, юже събравше, насыпаша сусѣкы велия. Тако же при Аврильянѣ крохти сребреня спадоша, а въ Африкѣи три камени спадоша превелици». И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ «поча царьствовати первое Местромъ от рода Хамова, по немъ Еремия, по немъ Феоста», иже и Соварога нарекоша егуптяне. «Царствующю сему Феостѣ въ Егуптѣ, въ время царства его спадоша клѣщѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и каменiemъ бяхуся. Тъ же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посагати и ходити говеющи, а иже прелюбы дѣющи, казнити повелѣваше. Сего ради прозваша ѥ богъ Сварогъ». «Преже бо сего жены блудяху к немуже хотяше, и бяху, акы *скотъ*, блудяще. Аще родяшетъ дѣтищъ, который ѣй любу биваше, дашеть: “Се твое дѣтя”. Он же, створяше празнество, принимаше. Феостъ же съ законъ расыпа и въстави единому мюжю едину жену имѣти и женѣ за одинъ мужъ посагати; аще

половцы же бежали. В том же году посадил <Владимир> сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава в Смоленске. В тот же год скончалась игуменья Лазарева монастыря, жившая как святая, месяца сентября в 14-й день, прожив шестьдесят лет в чернечестве, а всего от рождения 92 года. В том же году взял Владимир за сына своего Романа дочь Володаря месяца сентября в 11 день. В том же году Мстислав заложил каменную церковь святого Николы на княжеском дворе у торговища в Новгороде. В том же году посадил <Владимир> сына своего Ярополка в Переяславле. В том же году поставили епископа Даниила в Юрьеве, а в Белгороде — Никиту.

В год 6622 (1114). Скончался Святослав, сын Владимиров, месяца марта в 16-й день, и погребен был в Переяславле в церкви святого Михаила; там ведь отец дал ему стол, выведя из Смоленска. В тот же год Мстислав заложил <городскую стену> в Новгороде больше прежней. В том же году заложены были каменные стены на насыпи в Ладоге посадником Павлом при князе Мстиславе.

Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что здесь бывает: «Когда находит туча великая, то отыскивают дети наши шарики стеклянные, и маленькие и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода», их же и я взял более ста, и все различные. Когда я дивился этому, они сказали мне: «Это не удивительно, бывает же и такое: мужи старые ходили за Югру и за Самоядь, так видели сами в северных странах: спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и вырастают и расходятся по земле. А в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают олени маленькие, и вырастают, и расходятся по земле». Этому у меня есть свидетель — посадник ладожский Павел и все ладожане.

Если же кто этому не верит, пусть почитает Хронограф. «В царствовании Прова, во время дождя из огромной тучи вместе с водой многой попадала пшеница, которой, собрав ее, заполнили большие закрома. Так же при Аврелиане серебряные крупинки упали, а в Африке три камня упали громадных». И после потопа и после разделения языков «начал царствовать сначала Местром, из рода Хама, после него Ермия, затем Феоста», которого и Сварогом называли египтяне. «Когда царствовал этот Феост в Египте, в годы правления его упали клещи с неба, и начали ковать оружие, а до того палицами и камнями бились. Тот же Феоста закон издал о том, чтобы женщины выходили замуж за одного мужчину и вели себя воздержанно, а кто впадет в прелюбодеяние, тех казнить повелевал. Поэтому и прозвали его бог Сварог». «Прежде же женщины сходились с кем хотели, точно скот. Когда женщина рождала ребенка, она отдавала его тому, кто ей был люб: “Это твое дитя”. Тот же, устроив празднество, брал себе ребенка. Феост же этот обычай уничтожил и повелел одному мужчине иметь одну жену и женщине за одного мужа

ли кто переступить, да ввергуть ѿ в пещь огнену». «Сего ради прозваша ѿ Сварогомъ и блажиша ѿ егуптяне. И по семь царствова сынъ его, именемъ Солнце, егоже наричють Дажьбогъ, семь тысящ и 400 и семьдесятъ дний, яко быти лѣтома двемадесятьма ти полу. Нѣ видяху бо егуптяне инии чисти; ови по лунѣ чтяху, а друзии деньми лѣта чтяху; двою бо на десять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, отнележе начаша челоуѣци дань давати царемъ. Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужь силенъ. Слышавше нѣ от кого жену нѣкую от егуптянинъ богату и в сани сушу и нѣкому, въсхотѣвшю блудити с нею, искаше ея, яти ю хотя. И не хотя отца своего закона расыпати, Сварожа, поемъ со собою мужь нѣколко своихъ, разумѣвъ годину, егда прелюбы дѣеть, ношью припаде на ню, не удоси мужа с нею, а ону обрѣте лежащую съ инѣмъ, с нимъже хотяше. Емъ же ю, и мучи, и пусти ю водити по земли в коризнѣ, а того любодѣица всѣкну. И бысть чисто житье по всей земли Егупетской, и хвалити начаша».* Но мы не *предолжимъ* слова, но рѣчѣмъ съ Давидомъ: «Вся елико въсхотѣ и створи Господь на небеси и на земли, в мори, въ всихъ безнахъ, възводяй облакы от послѣднихъ земли».* Се бо и бысть послѣдняя земля, о нейже сказахомъ первое.

В лѣто 6623, индикта 8. Съвъкупишася братья, русции князи, Володимерь, зовемый Монамахъ, сынъ Всеволожъ, и Давыдъ Святославиць, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну на похвалу и честь телесема ею и на положение. Первое же освятиша церковь камяную мая въ 1 день, в субботу, наутрия же въ 2 день перенесоша святая. И бысть сборъ великъ, шедшюся народу съ всихъ странъ, митрополить Микифоръ съ всими епископы: съ Фектистомъ черниговьскимъ, с Лазаремъ переяславьскимъ, с попомъ Никитою бѣлогородьскимъ и с Данилою гурьговьскимъ, и съ игумены: с Прохоромъ печерььскимъ, и съ Селивестромъ святаго Михаила, и Сава святаго Спаса, и Григорий святаго Андрѣя, Петръ кловьскый* и прочии игумени. И освятиша церковь каменую. И отпѣвшимъ имъ обѣднюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учрежение велико, и накормиша убогия и страньныя по 3 дни. И яко бысть утро, митрополить, епископи, игумени оболочашася у святительския ризы и свѣща *вожгоша* с кадѣлы благовоньными, и придоша к ракама святою, и взяша раку Борисову, и въставиша ѿ на возила, и поволокоша ужи князи и бояре, черньцемъ упрѣдъ идущимъ съ свѣщами, попомъ по нимъ идущимъ, таже игумени, таже епископи предъ ракою, а княземъ с ракою идущимъ межи воромъ. И не бѣ лѣзъ вести от множества народа: поламляху воръ, а инии и покрили бяху градъ и забрала, яко страшно бяше видити народа множество. И повелѣ Володимерь, рѣжючи паволокы, орници, бѣль розметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ, силно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь и поставиша раку средѣ церкви, и идоша по Глѣба.

выходить, если же кто преступит этот закон, да ввергнут его в печь огненную». Того ради прозвали его Сварогом и чтили его египтяне. И после него царствовал сын его, по имени Солнце, которого называют Дажьдбогом, 7 тысяч и 400 и семьдесят дней, что составляет двадцать с половиной лет. Не умели ведь египтяне иначе считать: одни по луне считали, а другие днями годы считали; число двенадцать месяцев узнали потом, когда начали люди дань давать царям. Солнце царь, сын Сварогов, иначе Дажьдбог, был могучим мужем. Услышав от кого-то о некоей богатой и родовитой египтянке и о человеке некоем, восхотевшем сойтись с ней, искал ее, желая схватить. Не хотел он закон отца своего Сварога нарушить. Взяв с собой нескольких мужей и узнав час, в который она прелюбодействует, ночью застиг ее и не нашел мужа с ней, а ее застал лежащей с другим мужчиной, которого она возжелала. Схватил ее, подверг пытке и послал водить ее по земле египетской на позор, а того прелюбодея обезглавил. И настало непорочное житье по всей египетской земле, и все восхваляли его. Но мы не будем продолжать рассказ, а скажем вместе с Давидом: «Все, что пожелал, сотворил Господь на небе и на земле, в море, во всех безднах, возводя облака от края земли». Это и была последняя земля, о которой мы сказали ранее.

В год 6623 (1115), индикта 8. Собрались братья, русские князья, Владимир, именуемый Мономахом, сын Всеволодов, и Давыд Святославич, и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо возвели им церковь каменную, в похвалу и в честь им и для погребения тел их. Сначала они осветили церковь каменную мая в 1-й день, в субботу, наутро же 2-го дня перенесли святых. И собралось множество, пришли люди отовсюду, митрополит Никифор со всеми епископами: с Феоктистом черниговским, с Лазарем переяславским, с попом Никитою белгородским и с Даниилом юрьевским, и с игуменами: с Прохором печерским и Сильвестром святого Михаила, и Савва святого Спаса, и Григорий святого Андрея, Петр кловский и прочие игумены. И осветили церковь каменную. И, отпев им обедню, все обедали у Олега и пили, и было все устроено наилучшим образом, и кормили нищих и странников в течение трех дней. И вот наутро <2 мая> митрополит, епископы, игумены облачились в святительские ризы, и зажгли свечи и кадила благовонные, и пришли к ракам святых, и взяли раку Борисову и поставили ее на сани, и поволокли их за веревки князья и бояре. Впереди шли чернецы со свечами, за ними попы, игумены и епископы перед самою ракою, а князья с ракою шли между оградами. И трудно было везти из-за множества народа: поломали ограду, а иные облепили городские стены и заборолы, так что страшно было видеть такое множество народа. И повелел Владимир, нарезав на куски паволоки и шерстяные ткани, разбрасывать народу, а также беличьи шкурки, другим же <велел> бросать серебряные монеты напиравшим людям, и легко внесли раку в церковь, поставили ее посреди церкви, и пошли за

Тѣмже образомъ и сего привезоша и поставиша у брата. Распри же бывши межи Володимеромъ, и Давыдомъ и Ольгомъ: Володимеру бо хотящу я поставити средѣ церкви и теремъ серебрянъ поставити над нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшега поставити я в комару, «идеже отецъ мой назнаменаль», на правой сторонѣ, идеже бяста устроены комарѣ има. И рече митрополитъ и епископи: «Верзите жребий, да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ». И вгодно се бысть. И положи Володимеръ свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой тряпезѣ, и выняся жребий Давыдовъ и Олговъ. И поставиша я в комару тою, на деснѣй странѣ, где ныне лежита. Принесена же бысть святая мученика маяя въ второй день из деревяной церкви в каменую Вышегородѣ. Иже еста похвала княземъ нашимъ и заступника земли Русцѣй, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узлюбиста, по стопамъ его изволита шествовати, овчате Христовѣ добрии, яже влекома на заколение, не противистася, ни отбѣжаста нужная смерти. Тѣмже и съ Христомъ въцаристася у вѣчную радость, и даръ ицѣления приемъша от Спаса нашего Иисуса Христа, неискудно подаваета недужнымъ, с вѣрою приходящимъ въ святой храмъ ею, поборника отечеству своему. Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику. И тако разидошася каждо въсвои. Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ и украси гроба ею, такоже и комарѣ покова сребромъ и златомъ, имже поклоняются людие, просяще прощения грѣхомъ.

В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, егоже глаголютъ *невѣгласи* снѣдаемо солнце. В се же лѣто преставися Олегъ Святославличъ, мѣсяца августа въ 1 день, а во второй погребенъ бысть у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. Того же лѣта устрои мостъ чересь Днѣпръ.

В лѣто 6624. Приходи Володимеръ на Глѣба, Глѣбъ бо бяше воеваль дрѣговичи и Случескъ* пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покаряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголаше, укаряя ѱ. Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду, поиде къ *Мѣньску* съ сынѣми своими и с Давыдомъ Святославичемъ и Олговичи. И взя Вячеславъ Рѣшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узя Дръютескъ на щитъ. А Володимеръ самъ поиде къ *Мѣньску*;* и затворися Глѣбъ въ градѣ. Володимеръ же нача ставити истьбу у товара своего противу граду. Глѣбови же, узрившю, ужасеся сердцемъ, и нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля от себе послы. Володимеръ же съжалиси тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дѣни постыныя великого поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же, вышедъ из города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и общася Глѣбъ по всему послушати Володимера. Володимеръ же, омирѣвъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възратися Киеву. Ярополкъ же сруби городъ Жельди* дрѣвчаномъ, ихже бѣ полонилъ. В се же лѣто Мьстиславъ Володимеричъ

Глебом. Таким же способом и его привезли и поставили рядом с братом. И заспорили Владимир, Давыд и Олег: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный возвести над ними, а Давыд и Олег хотели поставить их под сводом, «где отец мой указал», на правой стороне, где и было подготовлено для них место. И сказали митрополит и епископы: «Бросьте жребий, и где угодно будет мученикам, там их и поставим». И все согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой на святую трапезу, и вынул жребий Давыда и Олега. И поставили их под свод тот, на правой стороне, где и теперь лежат. Принесены же были святые мученики 2 мая из деревянной церкви в каменную в Вышгороде. Они же — похвала князьям нашим и заступники земли Русской, ибо славу мира этого они попрали, а Христа возлюбили, по стопам его возжелали шествовать, овцы Христовы добрые, которые не воспротивились, когда влекли их на заклание, не бежали от насильственной смерти. Потому и воцарились с Христом в вечной радости и дар исцеления приняли от Спаса нашего Иисуса Христа, щедро оделяя им больных, с верою приходящих в святой храм их, поборников отечества своего. Князья же и бояре и все люди праздновали три дня и воздали хвалу Богу и святым мученикам. И затем разъехались каждый восво-яси. Владимир же оковал раки серебром и золотом и украсил гробы их, также и своды оковал серебром и золотом, и поклоняются им люди, прося прощения грехов.

В том же году было знамение: погибло солнце и стало как месяц, про который невежды говорят — объеденное солнце. В том же году скончался Олег Святославич в первый день августа, а во второй был погребен у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. В том же году <Владимир> построил мост через Днепр.

В год 6624 (1116). Ходил Владимир войной на Глеба, ибо Глеб воевал с дреговичами, Случеск сжег и не раскаялся в этом и не подчинился, но все более перечил Владимиру, укоряя его. Владимир же, надеясь на Бога и на правду, пошел к Минску с сыновьями своими и с Давыдом Святославичем и с Ольговичами. И взял Вячеслав Оршу и Копысу, а Давыд с Ярополком взяли Друцк штурмом. А сам Владимир пошел к Минску, и затворился Глеб в городе. Владимир же стал сооружать возле лагеря своего осадную башню (?) против городских стен. Глеб же, увидев это, устранился и стал слать к Владимиру послов с мольбами <о мире>. Владимир же пожалел о том, что проливается кровь в дни Великого поста и заключил с ним мир. Глеб же, выйдя из города с детьми и с дружиной, поклонился Владимиру, и начали переговоры о мире, и обещался Глеб во всем слушаться Владимира. Владимир же, заключив с Глебом мир и наставив его обо всем, дал ему Минск, а сам вернулся в Киев. Ярополк же срубил город Желди для жителей Друцка, которых он взял в плен. В том же году Мстислав Владимирович ходил на чудь

ходи на чюдъ с новгородчи и со псковичи, и взя городъ ихъ именемъ Медвѣжа Глава,* и погость бе-щисла взяша, и възвратишася въсвоиси съ многомъ полономъ. В се же лѣто иде Леонъ царевичъ, зять Володимеръ, на куръ на Олексия царя,* и влася городовъ ему дунайскихъ нѣколко, и въ *Дерьстрѣ* городѣ лестию убиста ѿ два сорочинина, посланая царемъ, мѣсяца августа въ 15 день. В се же лѣто князь великий Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю. В се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка, а Давыдъ сына своего Всеволода на Донъ, и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену красну велми, яьскаго князя дщерь полонивъ. Томъ же лѣтѣ и Предѣславна черница, Святославна, предѣставися. Томъ же лѣте ходи Вячеславъ на Дунай с Фомою Ратиборичемъ и, пришедъ къ Дерьсту, и не въспѣвше ничтоже, воротишася. В се же лѣто бишася с половци и с торки и с печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дни и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру торци и печенѣзи. В се же лѣто преставися Романъ Всеславичъ. В се же лѣто преставися Мьстиславъ, внукъ Игоревъ.* Томъ же лѣтѣ Володимеръ отда дщерь свою Огафью за Всеволодка.

В лѣто 6625. Приведе Володимеръ Мьстислава из Новагорода, и дасть ему отецъ Бѣлгородъ, а Новѣгородъ сѣде Мьстиславичъ, сынъ его, внукъ Володимеровъ.* В се же лѣто иде Володимеръ на Ярослава к Володимерю* и Давыдъ Ольговичъ, и Володаръ, и Василко и оступиша ѿ городѣ Володимери, и стояша дний шестьдесятъ, и створи миръ съ Ярославомъ. Ярославу покоровшюся и вдарившю челомъ передъ строемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити, «когда тя позову». И тако в мирѣ разидошася каждо въсвоиси.

Тогда же придоша половци къ болгаромъ, и высла имъ князь болгарскый пити съ отравою, и пивъ Аепа и прочии князи, вси помроша. Семъ же лѣтѣ преставися Лазоръ, епископъ переяславскый, семтября въ 6. Томъ же лѣтѣ придоша бѣловѣжци в Русь. В се же лѣто поя Володимеръ за Андрѣя внуку Тугъртъканову. В се же лѣто потрясеса земля, семтября въ двадесять шестый. Того же лѣта *выведе* Глѣба из Мѣньска Володимеръ. И церковь заложилъ на Лѣтѣ мученику.* Володимеръ же посла сына Романа во Володимеръ княжить. Того же лѣта умре куръ Олексий, и взя царство сынъ его *Иванъ*.*

с новгородцами и псковичами и взял их город, называемый Медвежья голова, и погостов захватили бесчисленное множество, и возвратились домой с большим полоном. В том же году ходил царевич Леон, зять Владимира, на царя Алексея, и сдались ему несколько дунайских городов, и в городе Дерестре хитростью убили его два подосланные царем сарацина августа месяца в 15-й день. В тот же год князь великий Владимир послал Ивана Войтишича и посажал посадников по Дунаю. В том же году послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли они три города: Сугров, Шарукан и Балин. Тогда же Ярополк привел себе жену очень красивую, пленив дочь ясского князя. В том же году и монахиня Предслава, дочь Святослава, скончалась. В том же году ходил Вячеслав на Дунай с Фомой Ратиборичем и, придя к Дерестру, не достигли ничего и вернулись обратно. В том же году бились с половцами, и с торками, и с печенегами у Дона, и секлись два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги. В том же году скончался Роман Всеславич. В том же году скончался Мстислав, внук Игорев. В том же году Владимир выдал дочь свою Агафью за Всеволодка.

В год 6625 (1117). Привел Владимир Мстислава из Новгорода, и дал ему отец Белгород, а в Новгороде сел Мстиславич, сын его, внук Владимиров. В том же году ходил Владимир на Ярослава к <городу> Владимиру с Давыдом и Ольговичами, и Володарем и Васильком, и осадили они его во Владимире, и стояли дней шестьдесят, и заключили мир с Ярославом. Ярослав же покорился и ударил челом дяде своему Владимиру, Владимир же дал наказ ему обо всем, повелев ему приходить к себе, «когда ты позову». И так мирно разошлись восвояси.

Тогда же приходили половцы к болгарам, и выслал им князь болгарский питье с отравой, и, выпив, Аепа и другие князья половецкие все умерли. В том же году скончался Лазарь, епископ переяславский, сентября 6-го. В том же году пришли беловежцы на Русь. В тот же год взял Владимир за Андрея внучку Тугорканову. В тот же год тряслась земля 26 сентября. В том же году Владимир вывел Глеба из Минска. И церковь заложил на Альте мученикам. Владимир же послал сына Романа во Владимир княжить. В том же году умер царь Алексей, и воцарился сын его Иоанн.

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА КНЯЗЮ РУССКОМУ ВЛАДИМИРУ

КАКО КРЕСТИСЯ ВОЛОДИМЕРЪ, И ДЪТИ СВОЯ КРЕСТИ,
И ВСЮ ЗЕМЛЮ РУСКУЮ ОТ КОНЦА ДО КОНЦА, И КАКО
КРЕСТИСЯ БАБА ВОЛОДИМЕРОВА ОЛГА* ПРЕЖЕ ВОЛОДИМЕРА.
СПИСАНО ИАКОВОМЪ МНИХОМЪ

Отче, благослови!

Пауль святыи апостоль, церковный учитель и свѣтило всего мира, посылая къ Тимофею писание, глаголаше: «Чядо Тимофею, еже слыша от мене многими послухы, тоже предаи вѣрнымъ челоуѣкомъ, иже доволнѣи будутъ и иныхъ научити».* И блаженный апостоль Лука евангелистъ къ Феофилу писаше, глаголя: «Понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ, бывшихъ въ насъ, изволися и мнѣ, ходившую исперва и по всѣхъ писати тебѣ, державный Феофиле, да разумѣши, о нихъже начать Исусъ творити же и учити».* Къ тому Феофилу написа Дѣяннн апостольская и Еуангелие святыи апостоль Лука, по томъ многихъ святыихъ писати начаша жития и мучения. Тако же и азъ, худый мнихъ Иаковъ, слышавъ от многихъ о благовѣрномъ князѣ Володимери всея Руския земля, о сыну Святославлѣ*, и мало събравъ от многыа, добродѣтели его написахъ, и о сыну его, реку же святою славную мученику Бориса и Глѣба,* како просвѣти благодать Божия сердце князю рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву*, и возлюбилъ челоуеколюбивый Богъ, «хотѣи спасти всякого челоуѣка и въ разумъ истинный приити»,* и вжада святого крещения.

«Якоже жадаеть елень на источники водныа»,* тако вжада благовѣрный князь Володимеръ святого крещения, и Богъ сътвори хотѣние его. Пишетъ бо ся: «Волю боящихся его сътворитъ и молитву ихъ услышитъ и спасеть я».* И самъ рече Господь: «Просите и преимите, ищите и обрящите, толчете и отверзетъ вамъ. Всякъ просяи приемлетъ, ищай обрящеть, толкущему отверзетъ».* И паки рече: «Иже вѣру иметь и креститъ, и спасень будетъ, а иже вѣры не имать, не креститъ, осуженъ будетъ».* Взиска спасения и прия о бабѣ своей Олзѣ, како шедши къ Царюграду, и прияла бяше

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА КНЯЗЮ РУССКОМУ ВЛАДИМИРУ

КАК КРЕСТИЛСЯ ВЛАДИМИР, И ДЕТЕЙ СВОИХ КРЕСТИЛ,
И ВСЮ ЗЕМЛЮ РУССКУЮ ОТ КРАЯ ДО КРАЯ, И КАК
ЕЩЕ ДО ВЛАДИМИРА КРЕСТИЛАСЬ БАБКА ВЛАДИМИРОВА ОЛЬГА.
НАПИСАНО ИАКОВОМ МОНАХОМ

Отче, благослови!

Павел, святой апостол, церковный учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею писание, говорил: «Чадо Тимофей, то, что слышал от меня при многих свидетелях, передай верным людям, которые будут способны и других научить». И блаженный апостол Лука евангелист к Феофилу писал, говоря: «Так как многие начали повествовать о известных событиях, случившихся с нами, захотелось и мне описать тебе, достопочтенный Феофил, исследовав все сначала и по порядку, чтобы уяснил ты, как начал Иисус творить и учить». Для того же Феофила написал Деяния апостольские и Евангелие святой апостол Лука, а после жития и мучения многих святых начали описывать. Так и я, ничтожный монах Иаков, слышавший от многих о благоверном князе всей Русской земли сыне Святослава Владимире, и собрав из многого немногое, написал о добродетелях его, а также о двух сыновьях его, святых славных мучениках Борисе и Глебе. И написал, как благодать Божия просветила сердце князя русского Владимира, сына Святослава, внука Игорева, и как, «желающий всякого человека спасти и к познанию истины привести», возлюбил его человеколюбивый Бог — и возжаждал князь святого крещения.

«Как жаждет олень водного источника», так возжаждал благоверный князь Владимир святого крещения, и исполнил Бог желание его. Ибо пишется: «Волю боящихся его исполнит, и молитву их услышит, и спасет их». И сам Господь сказал: «Просите и получите, ищите и найдете, стучите и откроется вам. Всякий просящий получит, ищущий найдет, стучащему откроется». И еще сказал: «Кто уверует и крестится, тот спасен будет, а кто не уверует и не крестится, тот осужден будет». Он искал спасения и узнал о бабке своей Ольге, как, пойдя в Царьград, приняла она святое крещение, и жила, как

святое крещение, и пожи добрѣ предъ Богомъ, всими добрыми дѣлы украсившись, и почи с миромъ о Христвъ Исусѣ и въ вѣрѣ блазѣ. То все слышавъ князь Володимерь о бабѣ своей Олзѣ, нареченѣй въ святомъ крещении Елене, тоя и житие подража, такоже и святыя царици Елены*, матере великаго царя Коньстантина житию ревнуя въ всемъ. И разгоряшесе Святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещения. Видя же Богъ хотѣние сердца его, провидя доброту его, и призрѣ съ небесѣ милостью своею и щедротами. И въ Троицы славимый Богъ Отецъ, и Сынъ, и Святой Духъ на князя Володимера, «испытая сердца и утробы»,* Богъ праведенъ, вся предвѣдый, и просвѣти сердце князю Рускыя земля Володимеру прияти святое крещение.

Крести же ся самъ князь Володимерь, и чада своя, и весь домъ свой святымъ крещениемъ просвѣти, и свободи всяку душу, мужескъ полъ и женескъ, святого ради крещения. И възрадовася, и възвеселися о Бозѣ Давыдъскы князь Володимерь, и аки святой пророкъ дивный Аввакумъ «о Господѣ веселяся и радуяся»* о Бозѣ Спасѣ моемъ. О, блаженное время и днь добрый, исполненъ всего блага, в онъже крестися Володимерь князь, и нареченъ бысть въ святомъ крещении Василей! И даръ Божий осѣни его, благодать Святого Духа освѣти сердце его, и навиче по заповѣди Божии ходити и жити добрѣ о Бозѣ, и вѣру твердо удержа неподвижиму. Крести же и всю землю Рускую от конца до конца, и поганьскыя боги, паче же и бѣсы, Перуна и Хъроса,* и ины многы попра, и съкруши идолы, и отверже всю безбожную леть. И церковь созда камену во имя пресвятыя Богородица*, прибѣжище и спасение душамъ вѣрнымъ, и десятину ей дасть, тѣмъ попы набдѣти и сироты, вдовица и нищяя. И потомъ всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами. И отвержесе всея диаволи лести, и прииде от тмы диаволя на свѣтъ съ чады своими, приде къ Богу, крещение приимъ, и всю землю Рускую исторже изъ устѣ диаволь и къ Богу приведе, и къ свѣту истинному. Рече бо Господь пророкомъ: «Изводяй от нечестия нечестиваго, аки уста моя еси».* И бысть князь Володимерь аки уста Божиа и человекеы изъ лести диаволя къ Богу приведе. О, колика радость и веселие бысть на земли! Ангели възвеселишася и арахангели, и святыхъ души възыграшася. Самъ рече Господь: «Колика радость бываетъ на небесѣхъ о единемъ грѣшницѣ кающимся».* Толико бес числа душъ по всей земли Руской приведены къ Богу святымъ крещениемъ, похвалы всякыя дѣло постоянно створи и радости духовныя полно.

О блаженный и треблаженный княже Володимерь, благовѣрне, и христолюбиве, и страннолюбче, мзда твоа многа предъ Богомъ! То же блаженный Давыдъ глаголаше: «Блаженъ человекъ, егоже ты накажеши, Господи, и от закона твоего научиши ѣ, да укротиши ѣ от дний лють».* Блаженный князь Володимерь, уклонився от службы диаволя, и прииде къ Христу Богу, Владыцѣ своему, и люди своя приведе, и научи ѣ служити

следует по-божески, всеми добрыми делами украсившись, и почила с миром о Иисусе Христе и в благой вере. То все услышав о бабке своей Ольге, нареченной в святом крещении Еленой, князь Владимир и в жизни ей стал подражать, как и святой царице Елене, матери великого царя Константина, следуя во всем. И разгорелось Святым Духом сердце его, желая святого крещения. Видя желание сердца его, Бог, зная о доброте его, снизошел с небес на князя Владимира милостью своею и щедротами. И Бог Отец, и Сын, и Святой Дух в Троице славимый, «проникающий в сердце и существо» Бог праведный, все предвидящий, просветил сердце князю Русской земли Владимиру, чтобы принял он святое крещение.

Крестился сам князь Владимир, и детей своих, и весь дом свой святым крещением просветил, и освободил каждую душу, и мужского пола, и женского, крещением святым. И возвеселился, как Давид, и возрадовался Богу князь Владимир, и «веселился, и Господу радовался», как святой пророк дивный Аввакум, Богу Спасу своему. О, блаженное время и день добрый, исполненный всякого блага, в который крестился Владимир князь и назван был в святом крещении Василий! И дар Божий осенил его, и благодать Святого Духа осветила сердце его, и научился по заповеди Божьей поступать, и жить добродетельно по-божьи, и веру соблюдал твердо и непоколебимо. Он крестил всю Русскую землю из конца в конец — и отверг нечестивое наваждение, и языческих богов, а вернее бесов, Перуна и Хорса, и других многих поправил, и сокрушил идолов. И церковь построил каменную во имя пресвятой Богородицы, прибежище и спасение душам верным, и десятину ей дал, чтобы о попах заботиться, и о сиротах, и о вдовицах, и о нищих. И потом всю землю Русскую и города все украсил святыми церквами. И отверг весь дьявольский обман, и пришел от тьмы дьявольской на свет с детьми своими, пришел к Богу, крещение приняв, и всю землю Русскую вырвал из пасти дьявола и к Богу привел, и к свету истинному. Ведь сказал Господь устами пророка: «Отводящий от нечестия нечестивого, ты — как уста мои». И был князь Владимир как уста Божии и людей от обмана дьявольского к Богу привел. О, сколько радости и веселия было на земле! Ангелы возрадовались и архангелы, и души святых воспряли. Сам Господь сказал: «Какая радость бывает на небесах, если хоть один грешник раскается». Бесчисленны души, приведенные к Богу святым крещением по всей земле Русской, исполнено дело, похвалы всякой достойное и радости духовной полное.

О блаженный и трижды блаженный князь Владимир, благоверный, и христоробивый, и гостеприимный, велика награда твоя от Бога! То же блаженный Давид говорил: «Блажен человек, которого ты наставишь, Господи, и закону твоему научишь его, и сохранишь его в горькие дни». Блаженный князь Владимир, отказавшись от службы дьяволу, пришел к Христу Богу, своему Владыке, и людей своих привел, и научил их Богу

Богу. Самъ бо рече Господь: «Иже створить и научить, се великъ наречеться въ царствии небеснемъ».* А ты, блаженный княже Володимере, бысть апостоль въ князехъ, всю землю Рускую приведь къ Богу святымъ крещениемъ, и научи люди кланятися Богу, славити и пети Отца, и Сына, и Святаго Духа. И вси людие Руския земля познаша Бога тобою, божественый княже Володимере. Възрадовашася ангельстии чини, агници честнии, нынѣ радуются вѣрныи, и воспѣша, и въсхвалиша! Аки младенци еврейстии съ вѣтвymi усрѣтоша Христа, вопиюще: «Осанна Христу Богу, побѣдителю смерти!»,* тако и новоизбраннии людие Руския земля въсхвалиша Владыку Христа с Отцемъ и Святымъ Духомъ. И къ Богу приближившеся святымъ крещениемъ, и диавола отврѣгшеся, и службы его поругашася, и поплевахаша бѣсы, и познаша Бога истиннаго, творца и съдѣтеля всей твари. И поють по вся дни живота и на всякъ часъ пѣснь чудную, *хвалу* архангельскую: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуецѣхъ благоволение!»* И ты, блаженный княже Володимере, подобно Константину Великому* дѣло сътвори, яко онъ вѣроу великою и любовью Божиею подвигся. Утверди всю вселеную любовию и вѣроу, и святымъ крещениемъ просвѣти весь миръ, и законъ Божий по всей вселенѣй заповѣда. И разруши храмы идольския съ лжеименными боги, и святыя же церкви по всей вселенѣй постави на хвалу Богу, в Троицы славимому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и крестъ обрѣте, всего мира спасение. С блаженою и богомудрою матерью своею святою Оленою и съ чады многы приведе къ Богу святымъ крещениемъ бещисленное множество. И требища бѣсовскыя потреби, и храмы идольскыя разруши, и церквами украси всю вселеную и грады, и заповѣда въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣнии и молитвами, и праздникы праздновати на славу и на хвалу Богу. Тако же и блаженный князь Володимерь сътвори съ бабою своею Олгою.

Блаженный же князь Володимерь, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести от конца до конца, храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посѣче,* и идолы съкруши, и всю землю Рускую и грады честными церкви украси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяше пѣниемъ и молитвами, и празноваше свѣтло праздникы Господьскыя. И три трапезы поставляше: первую митрополиту съ епископы, и съ черноризицѣ, и съ попы; вторую нищимъ и убогимъ; третью собѣ, и бояромъ своимъ, и всѣмъ мужемъ своимъ. Подобя ся царемъ святымъ, блаженный князь Володимерь, пророку Давыду, царю Иезекѣю,* и трблаженому Иосѣю,* и великому Константину, иже избраша и изволиша Божий законъ боле всего, и послужиша Богу всѣмъ сердцемъ, и получиша милость Божию, и наслѣдиша рай, и прияша царство небесное, и почиша со всѣми святыми, угожьшими Богу. Тако же и блаженный князь Володимерь, послуживъ Богу всимъ сердцемъ и всею душею. Не дивимся, възлюбленѣи, аще чудесь не творить по смерти,

служить. Ибо сам Господь сказал: «Тот, кто совершит и научит, тот великим назван будет в царстве небесном». А ты, блаженный князь Владимир, был апостолом в князьях, всю землю Русскую привел к Богу святым крещением, научил людей своих поклоняться Богу и славить и петь Отца, и Сына, и Святого Духа. И все люди Русской земли через тебя познали Бога, божественный князь Владимир. Возрадовались ангельские чины, агнцы славные, теперь радуются верные, и воспели, и восхвалили! Как дети еврейские с ветвями встретили Христа, возглашая: «Осанна Христу Богу, победителю смерти!», так и новоизбранные люди Русской земли восхвалили Владыку Христа с Отцом и Святым Духом. И к Богу святым крещением приблизившись, и дьявола отвергнув, и службы его поругав, и бесов оплевав, истинного Бога познали, творца и создателя всего сущего. И поют во всякий день и час своей жизни песнь чудную, хвалу архангельскую: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение!» И ты, блаженный князь Владимир, подобно Константину Великому, дело совершил, как он, верой великой и любовью к Богу подвигнут был. Утвердил Константин всю вселенную любовью и верою, и святым крещением просветил весь мир, и закон Божий по всей вселенной заповедал. И разрушил храмы идольские с ложно возвеличенными богами, а церкви святые по всей вселенной поставил во славу Бога, в Троице славимого, Отца, и Сына, и Святого Духа, и крест обрел, всего мира спасение. С блаженной и богомудрой матерью своей святой Еленой и с детьми многими привел к Богу святым крещением людей бесчисленное множество. И жертвенники бесовские истребил, и храмы идольские разрушил, и украсил церквами и города, и всю вселенную, и повелел пением и молитвами в церквах память святым совершать и праздники праздновать во славу и хвалу Богу. То же блаженный князь Владимир и бабка его Ольга совершили.

Блаженный князь Владимир, внук Ольгин, крестившись сам, и детей своих, и всю землю Русскую крестил из конца в конец. Храмы и жертвенники идольские всюду раскопал и посек, и идолов сокрушил, города и всю землю Русскую церквами украсил, и память святым в церквах совершал пением и молитвами, и праздновал светло праздники Господни. Три стола накрывал: первый митрополиту с епископами и монахами, и с попами; второй нищим и убогим; третий себе, и боярам, и мужам всем своим. Подражал царям святым блаженный князь Владимир, пророку Давиду, царю Иезекии, и трижды блаженному Иосии, и великому Константину, которые избрали и предпочли закон Божий всего превыше, и послужили Богу всем сердцем, и получили милость Божию, и наследовали рай, и приняли царство небесное, и почили со всеми святыми, угодившими Богу. Подобен же им блаженный князь Владимир, послуживший Богу всем сердцем и всей душой. Не станем удивляться, возлюбленные, что чудес он не творит после смерти, потому что

мнози бо святїи праведнѣи не створиша чудесь, но святїи суть. Рече бо нѣгдѣ о томъ святїи Иоаннъ Златоустїи:* «От чего познаемъ и разумѣемъ человека свята, от чудесь ли, или от дѣлъ?» И рече: «От дѣла познати, а не от чудесь, много бо и вѣлсви чудесь створиша бѣсовскимъ мечтаниемъ». И бяху святѣи апостоли, и бяху лжиї апостоли, и бѣша святѣи пророци, и бяху лжиї пророци, слугы диаволя, ино чудо, самъ сотона преобразается въ ангель свѣтель. Но от дѣлъ разумѣти святого, яко же апостоль рече: «Плодъ духовный есть любы, радость, терпѣние, благовѣрие, благодать, кротость и въздержаніе. На таковыхъ нѣсть закона».* Блаженный же князь Володимерь всимъ сердцемъ и всею душею Бога възлюби и заповѣди его възска и съхрани. И вся страны боахуса его и дары ему приношаху. Възвеселися, и възрадывася о Бозѣ и о святѣмъ крещении, и хваляшеса, и славяше Бога о всемъ томъ князь Володимерь. И сїце в радости смиреніемъ сердца глаголаше: «Господи Владыко благїи, помянулъ мя еси и привелъ мя еси на свѣтъ, и познахъ тя, всея твари творца. Слава ти, Боже всѣхъ, Отче Господа Бога нашего Исуса Христа! Слава ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ, сїце мя помиловавъ. Въ тмѣ бяху, диаволу служу и бѣсомъ, но ты мя святымъ крещеніемъ просвѣти. Акы звѣрь бяхъ, многа зла творяхъ въ поганьствѣ и живяхъ акы скотина, но ты мя укроти и наказа своею благодатью. Слава ти, Боже в Троицы славимїи, Отче, и Сыне, и Святїи Душе! Троице Святая, помилуй мя, настави мя на путь твой и научи мя творити волю твою, яко ты еси Богъ мой!» Князь же Володимерь поревнова святыхъ мужъ дѣлу и житїю ихъ, и възлюби Аврамово* житїе и подража странолюбію его, Иаковлю* истину, Моисѣеву* кротость, Давыдово безлобіе, Константина, царя великого, перваго царя кристианского, того подражая правовѣрие, боле же всего бяше милостїию творя князь Володимерь. Иже немощныя и старыя не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то въ домы имъ посылаше, немощнымъ и старымъ, всяку потребу блаженный князь Володимерь даяше. И не могу сказати многыя его милостыня, не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Киевѣ единомъ, но и по всей земле Руской. И въ градѣхъ, и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыя одѣвая, альчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостїю; церковники чтя, и любя, и милуя, подавая имъ требованіе, нищяя, и сироты, и вдовица, и слѣпыя, и хромыя, и трудоватыя, вся милуя, и одѣвая, и накормя, и напаяя.

Такоже пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божїя просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вси. Идѣже идяше, одолѣваше: радимицѣ* побѣди и дань на нихъ положи, вятичи* побѣди и дань на нихъ положи, и ятвягы* взя, и сребреныя болгары* побѣди, и на козары* шедь, побѣди я и дань на нихъ положи.

многие святые праведные не сотворили чудес, но святы они. Как сказано об этом где-то у святого Иоанна Златоуста: «Как узнаем и понимаем человека святого, по чудесам или по делам?» И сказал: «По делам узнаем, а не по чудесам, потому что и волхвы много чудес сотворили бесовским наваждением». И были святые апостолы и были лжеапостолы, и были святые пророки и были лжепророки, слуги дьявола, и еще чудо — сам сатана превращается в светлого ангела. По делам узнаем святого, как апостол сказал: «Плод духовный — любовь, радость, терпение, благоверие, благодать, кротость и воздержание. На таких нет закона». Блаженный князь Владимир, возлюбив всем сердцем и всей душой Бога, заповеди его познал и соблюдал. И все страны боялись его и дары ему приносили. И возвеселился, и возрадовался Богу и святому крещению, и благодарил, и славил Бога за все то князь Владимир. И так в радости со смирением в сердце говорил: «Господи Владыка благой, помянул ты меня и привел на свет, и познал я тебя, творца всего сущего. Слава тебе, Боже всех, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Слава тебе с Сыном и Святым Духом за то, что меня помиловал. Во тьме я был, дьяволу служа и бесам, но ты меня святым крещением просветил. Как зверь был, в язычестве много зла творил и жил, как скотина, но ты меня благодатью своей укротил и научил. Слава тебе, Боже, в Троице славимый, Отец, и Сын, и Дух Святой! Троица Святая, помилуй меня, наставь на путь истинный и научи меня исполнять волю твою, так как ты — Бог мой!» Князь Владимир следовал делу святых мужей и жизни их, и восхитился жизнью Авраама и подражал гостеприимству его, возлюбил Иаковлеву истину, Моисееву кротость, Давидово беззлобие, более же всего Константину, царю великому, первому царю христианскому, подражая в правоверии, милостыню творил князь Владимир. Если немощные и старые не могли дойти до княжеского двора и взять необходимое, то блаженный князь Владимир к ним домой посылал и все, что нужно, давал. Не могу описать многие его милости — милосердие проявлял не только в доме своем, но и по всему городу, не только в Киеве одном, но и по всей земле Русской. И в городах, и в селах, везде оказывал милосердие, нагих одевая, голодных кормя, жаждущих поя, странствующим покой давая; церковников чтя, и любя, и милуя, подавал им нужное, нищих и сирот, и вдовиц, и слепых, и хромых, и страждущих, всех миловал, и одевал, и кормил, и поил.

Когда князь Владимир добрые дела совершал, то Божья благодать освещала сердце его и рука Господня помогала ему, и побеждал всех врагов своих, и боялись его все. На кого шел, одолевал: радимичей победил и дань на них положил, вятичей победил и дань на них положил, ятвягов взял, и серебряных болгар победил; и хазар, пойдя на них, победил и дань на них положил.

Умысли же и на грѣческий крадь Корсунь* и сиче моляшеся князь Володимерь Богу: «Господи Боже Владыко всѣхъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ, да прииму и да приведу люди крестианы и попы на всю землю, и да научать люди закону крестянскому». И послуша Богъ молитвы его, и прия градъ Корсунь, и взя съсуды церковныя, и иконы, и мощи священикомученика Климента* и иныхъ святыхъ.

И въ ты дни бѣаста цари два въ Цариградѣ, Константинъ и Василий,* и посла къ нимъ Володимерь, прося у нихъ сестры оженитися, да бы ся болма на крестянский законъ направиль. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта ему, и мощи святыхъ даста ему.

И тако добрѣ поживе благовѣрный князь Володимерь и сконча житие свое въ правовѣрнѣй вѣрѣ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ и съ благовѣрною Олгою. И та бо шедши къ Царюграду, приала бяше святое крещение, и много сътворивъ добра въ житии семъ предъ Богомъ, и сконча житие свое въ добрѣй вѣрѣ, и почи съ миромъ, в руцѣ Божии душу предавше. И еще живу сущу Володимиру князю, рать бяше от печенѣгъ, Володимерь же бяше болѣзнию одержимъ, въ той же болѣзни предастъ душу свою въ руцѣ Божии.

Молитва святого князя Володимера. Володимерь князь, отходя свѣта сего, сиче моляшеся, глаголя: «Господи Боже мой, не позналъ тебе бяху, но помиловаль мя еси и святымъ крещениемъ просвѣтилъ мя еси, и познахъ тя, Боже всѣхъ, святой творче всея твари, Отче Господа нашего Исуса Христа, слава ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ! Владыко Боже, не помяни моей злобѣ, не позналъ есмь тебе въ поганьствѣ, нынѣ же тя знаю и ведаю, Господи Боже мой, помилуй мя. Аще мя хочеши казнити и мучити за грѣхы моя, казни самъ мя, Господи, бѣсомъ не предай же мене!» И сиче глаголя и моляся Богу, преда душу свою съ миромъ ангеламъ Господнимъ и успе. «Праведныхъ бо души въ руку Божию суть»,* «и мзда имъ от Господа, и строение имъ от Вышняго, того ради примуть вѣнецъ красоты от руки Господни».*

По святомъ крещении поживе блаженный князь Володимерь 28 лѣтъ.* На другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи,* на третье Корсунь городъ взя,* на четвертое лѣто церковь камену святяя Богородица заложи,* а на пятое лѣто Переяславль заложи,* въ девятое лѣто десятину от имения своего блаженный христоролюбивый князь Володимерь вда церкви святѣй Богородицѣ.* О томъ бо и самъ Господь рече: «Идѣже есть съкровище ваше, ту и сердце ваше будетъ».* Блаженный же князь Володимерь имяше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы, тамо и сердце его бѣ въ царствии небеснѣмъ. И Богъ поможе ему, и сѣде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя печенѣзѣ убиша, а Ярополкъ* сѣде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава; и Олегъ, идый съ вои у Вруча града, ся обломи мостъ съ вои, и угнето-

Замыслив поход на город греческий Корсунь, так молился князь Владимир Богу: «Господи Боже, Владыка всех, одного у тебя прошу: дай мне город, чтобы взял и привел людей христиан и попов на всю землю, и пусть учат людей закону христианскому». И услышал Бог молитву его, и взял он город Корсунь, и сосуды церковные, и иконы, и мощи священномученика Климента и других святых.

И в те дни были два царя в Царьграде: Константин и Василий. И послал к ним Владимир, прося у них сестру себе в жены — да укрепится он еще больше в законе христианском. И дали они ему сестру свою, и дары многие прислали ему, и мощи святых дали ему.

И так добродетельно прожил благоверный князь Владимир, и окончил жизнь свою в правоверной вере о Христе Иисусе Господе нашем, как и благоверная Ольга. Она прежде него, пойдя в Царьград, приняла святое крещение, и много сделав добра в этой жизни пред Богом, кончила жизнь свою в истинной вере, и почила с миром, в руки Божии душу предав. И когда была война с печенегами, еще был жив Владимир князь, но болен, и от этой болезни предал душу свою в руки Божии.

М о л и т в а с в я т о г о к н я з я В л а д и м и р а.
Владимир князь, отходя от света сего, так молился, говоря: «Господи Боже мой, не познал я тебя, но помиловал ты меня и святым крещением просветил меня,— и познал я тебя, Боже всех, святой творец всего сущего, Отец Господа нашего Иисуса Христа, слава тебе с Сыном и Святым Духом! Владыка Боже, не помяни моего зла, не знал я тебя в язычестве, теперь же знаю тебя и ведаю. Господи Боже мой, помилуй меня. Если хочешь меня казнить и мучить за грехи мои, казни сам, Господи, не предавай меня бесам!» И так Богу молясь, предал душу свою с миром ангелам Господним и умер. «Праведных души в руках Божьих», «и награда им от Господа, и воздаяние им от Вышнего, и примут они венец красоты из руки Господней».

После святого крещения прожил блаженный князь Владимир двадцать восемь лет. На другой год после крещения к порогам ходил, на третий год Корсунь город взял, на четвертый год церковь каменную святой Богородицы заложил, а на пятый год Переяславль заложил, в девятый год десятину блаженный христолюбивый князь Владимир дал церкви святой Богородицы из достояния своего. Об этом и сам Господь сказал: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». А блаженный князь Владимир сокровище свое на небесах милосердием и добрыми делами скрыл, там и сердце его было в царстве небесном. И Бог помог ему, и сел в Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя печенеги убили, а Ярополк сел в Киеве на месте отца своего Святослава. И когда Олег шел с воинами у Овруча города, обломился мост с воинами,

ша Олга* въ гребли, а Ярополка убиша* въ Киевѣ мужи Володимеровѣ. И съде въ Киевѣ князь Володимеръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца июня в 11, въ лѣто 6486.* Крестиль же ся князь Володимеръ въ десятое лѣто по убьении брата своего Ярополка.* И каашеся и плакаше блаженный князь Володимеръ всего того, елико створи въ поганьствѣ, не зная Бога. Познавъ же Бога истиннаго, творца небу и земли, покаявся всего и отвержеся дьавола и бѣсовъ, и всея службы его, и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею. Успе съ миромъ мѣсяца июля в 15 днь, въ лѣто 6523 о Христвѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

и задавили Олега во рву, а Ярополка убили в Киеве люди Владимира. И сел в Киеве князь Владимир в восьмой год после смерти отца своего Святослава, 11 июня, в год 6486 (978). Крестился князь Владимир в десятый год после убийства брата своего Ярополка. Каялся и оплакивал блаженный князь Владимир все то, что совершил в язычестве, не зная Бога. Познав же Бога истинногѡ, творца неба и земли, покаявшись во всем и отвергнув бесов и дьявола и служение ему, послужил Богу добрыми своими делами и милосердием. Преставился с миром 15 июля 6523 (1015) года о Христе Иисусе Господе нашем.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

СЪКАЗАНИЕ И СТРАСТЬ И ПОХВАЛА СВЯТЮЮ МУЧЕНИКУ БОРИСА И ГЛѢБА

Господи, благослови, отче!

«Родъ правыхъ благословиться,— рече пророкъ,— и сѣмя ихъ въ благословении будеть».*

Сиче убо бысть малымъ преже сихъ. Сушо самодръжцю въсей Русьской земли Володимиру, сыну Святославлю,* внуку же Игореву, иже и святымъ крщениемъ всю просвѣти сию землю Русьску. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время. А о сихъ по ряду сиче есть: съ убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12 не отъ единой жены, нъ отъ раснь матеръ ихъ. Въ нихъ же бяше старѣй Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 — Святопѣлкъ, иже и убийство се зѣлое изьобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чърницею, грѣкыни суши, и поялъ ю бѣ Яропѣлкъ,* братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святопѣлка оканьнааго. Володимиръ же поганѣй еще, убивъ Яропѣлка и поять жену его непраздъну сушо. Отъ нея же родися сий оканьный Святопѣлкъ, и бысть отъ дѣвою *отьцю* и брату сушо. Тѣмъже и не любляше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сушо. А отъ Рогнѣди* 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ бѣлгарынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княженни, иже инѣде съкажемъ, сихъ же съповѣмы убо, о нихъже и повѣсть си есть.

Посади убо сего оканьнааго Святопѣлка въ княженни Пиньскѣ, а Ярослава — Новѣгородѣ, а Бориса — Ростовѣ, а Глѣба — Муромѣ. Нъ се остану много глаголати, да не многописании въ забыть вѣлземъ, нъ о немъже начахъ, си съкажемъ убо сиче. Многомъ же уже дньмъ минувшемъ, и яко съкончашася дъние Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крщении, въпаде въ недугъ крѣпкъ. Въ то же время бяше пришелъ Борисъ изъ Ростова, печенегомъ же о онуду паки идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бяше Володимиръ, зане не можааше изити противу имъ, и много пе-

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛА МУЧЕНИКАМ СВЯТЫМ БОРИСУ И ГЛЕБУ

Господи, благослови, отче!

«Род праведных благословится,— говорил пророк,— и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенегии вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно

чаляшеся. И призвавъ Бориса, емуже бѣ имя наречено въ святѣмъ крещении Романъ,* блаженааго и скоропослушливааго, предавъ воѣ многы въ руцѣ его, послаа ѥ противу безбожнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию въставъ иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико велитъ воля сѣрдьца твоего». О таковыхъ бо рече Притѣчникъ:* «Сынъ быхъ отьцю послушливъ и любимъ предъ лицемъ матере своея».

Ошедъшу же ему и не обрѣтѣшу супостатъ своихъ, възвративъшюся възспятъ ему. И се приде вѣстникъ къ нему, повѣдая ему отьцю сѣмръть, како преставися отьць его Василий, въ се бо имя бяше нареченъ въ святѣмъ крещении, и како Святопѣлкъ потаи сѣмръть отьца своего, и ночь проймавъ помость на Берестовѣмъ и въ ковѣръ обертѣвъше, сѣвѣсивъше ужи на землю, везъше на саньхъ,* поставиша ѥ въ цѣркви святыя Богородица. И яко услыша святый Борисъ, начатъ тѣлѣмъ утѣрпывати и лице его все слъзъ испѣлнися, и слъзами разливаясь и не могый глаголати. Въ сѣрдьци си начатъ сицевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние и заре лица моего, бѣздо уности моеѣ, наказание недоразумѣния моего! Увы мнѣ, отьче и господине мой! Къ кому прибѣгну, къ кому възърю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и казанія разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како зайде свѣте мой, не сущу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чѣстное твое тѣло своимъ рукама сѣпряталъ и гробу предалъ. Нѣ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни сѣподобленъ быхъ цѣловати добролѣпныхъ твоихъ сѣдинъ. Нѣ, о блажениче, помяни мя въ покои твоемъ! Сѣрдьце ми горитъ, душа ми сѣмысль сѣмушаецъ и не вѣмъ къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, егоже быхъ имѣлъ въ отьца мѣсто? Нѣ тѣ, мню, о суетни мирьскихъхъ поучаеться и о биении моемъ *помышляетъ*. Да аще крѣвь мою пролѣтеть и на убийство мое потѣшиться, мученикъ буду Господу моему. Азъ бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гѣрднымъ противиться, сѣмѣреннымъ же даецъ благодать».* Апостоль же: «Иже рече — “Бога люблю”, а брата своего ненавидитъ — лъжь есть».* И паки: «Боязни въ любви нѣсть, сѣвършенная любви вѣнъ измещеть страхъ».* Тѣмъже что реку или чѣто сѣтворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отьць — ты ми братъ и старѣи. Чѣто ми велиши, господи мой?»

И си на умѣ си помышляя, идяше къ брату своему и глаголаше въ сѣрдьци своемъ: «То понѣ узърю ли си лице братьца моего мнѣшааго Глѣба, яко же Иосифъ Венямина?»* И та вѣся полагаая въ сѣрдьци си: «Воля твоя да будетъ, Господи мой». Помышляше же въ умѣ своемъ: «Аще поиду въ домъ отьца своего, то языци мнози превратятъ сѣрдьце мое, яко прогнати брата моего, якоже и отьць мой преже святаго крещения, славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходитъ и хуже паучины. То камо имамъ приити по ошьствию моемъ отсюду? Какъ ли убо обрящюся тѣгда? Кый ли ми будетъ отвѣтъ? Къде ли сѣкрыю мнѣожество грѣха моего? Чѣто бо приобрѣтоша

печалило его. Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращаю взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увy мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О, блаженный, помяни меня в месте успокоения твоего! Сердце мое горит, душа мой разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому повеждать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: "Я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?» И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, Господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец

преже братия отца моего или отць мой? Къде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница* и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашна чьстная, и быстрыи кони, и домове красьнии и велиции, и имѣния многа, и дани, и чьсти бешисльны, и гърдѣния, яже о болярѣхъ своихъ? Уже все *се* имь, акы не было николиже: вся съ нимь ищезоша, и нѣсть помощи ни оть когоже сихъ — ни оть имѣния, ни оть множества рабъ, ни *отъ* славы мира сего. Тѣмь и Соломонъ, все прошьдъ, вся видѣвъ, вся сътяжавъ и съвъкупивъ, рече рассмотривъ вьсе: “Суета и суетие, суетию буди”,* тькмо помощь от добръ дѣль, и оть правовѣрия, и оть нелицемѣрныхъ любьве».

Идый же путьмь, помышляаше о красотѣ и о добротѣ телесе своего, и слъзами разливаашесе вьсь. И хотя удръжатися и не можааше. И вси зряше его тако, плакаашесе о добродѣньмь тѣлѣ и чьстньмь разумѣ въздраста его. И къждо въ души своей стонааше горестию сьрдьчною, и вси сьмущахуса о печали.

Къто бо не възплачеться сьмрьти тоѣ пагубноѣ, приводя предь очи сьрдьца своего?

Образъ бо бяше уныльї его, възоръ и скрушение сьрдьца его святого, такъ бо бѣ блаженный ть правдивь и щедръ, тихъ, крѣткъ, сьмѣренъ, всѣхъ милуя и вся набѣдя.

Помышлять же въ сьрдьци своемь богоблаженный Борисъ и глаголааше: «Вѣдѣ,— брата моего зьлуради чловѣци понудяти ѥ на убийство мое, и погубить мя. Да аще пролѣть кровь мою, то мученикъ буду Господу моему, а духъ мой приметъ Владыка». Таче, забывъ скърбь сьмьртную, тѣшааше *сьрдьце свое о словеси* Божии, «Иже погубити душу свою мене ради и моихъ словесъ, обрящети ю въ животѣ вѣчньмь съхранити ю».* И поиде радѣстньмь сьрдьцьмь, «не презри мене,— реки,— Господи премилостиве, уповающааго на тя, нъ спаси душу мою».

Святопѣлкъ же, сѣдя Киевѣ по отьци, призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти. Посла же къ Борису, глаголя: «Брате, хочу съ тобою любьвь имѣти и къ отню ти придамъ». Льстно, а не истину глаголя. Пришедъ Вышегороду* ночь, отай призьва Путьшу и вышегородьскыѣ мужѣ и рече имь: «Повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?» Путьша рече: «Вьси мы можемъ главы своя положить за тя».

Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяй добра чловѣка, яко вьсю надежу свою на Господа положиль есть святой Борисъ, начатъ подвижнѣи бываати, и обрѣтъ, якоже преже Каина* на братоубийство горяща, тако же и *Святопѣлка*. По истинѣ вьторааго Каина улови мысль его, яко да избить вся наслѣдьники отьца своего, а самъ приметь единъ вьсю власть.

Тьгда призьва къ себе оканьный трьклятый Святопѣлкъ сьвѣтъники всему злу и началники всей неправдѣ, и отьвързъ пресквѣрньная уста рече,

мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ним исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытав, все видев, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в лицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную. И каждый в душе своей стонал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл, и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое, и погубит он меня. И когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое Божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путьшу и вышгородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскри-

испусти злыи гласъ Путишинѣ чади: «Аще убо главы своя обѣщастея положити за мя, шедъше убо, братия моя, отай, кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрыше время убиите ѱ». И обѣщашася ему тако створити.

О таковыхъ бо рече пророкъ: «Скори суть кровь пролияти бес правды. Си бо обѣщаваются крови и събирають себе злая. Сихъ путье суть събирающей безаконие, нечистиємъ свою душу обиемлютъ».*

Блаженный же Борисъ якоже ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Лѣтъ шатъры.* И рѣша къ нему дружина: «Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отъни, се бо вси *вои* въ руку твоею суть». Онъ же имъ отъвѣщаваше: «Не буди ми възяти руки на брата своего и еще же и на старѣйша мене, егоже быхъ имѣлъ, акы отъца». Си слышавъше *вои* разидошася от него, а самъ оста тѣкъмо съ отроки своими. И бяше въ днь суботный. Въ тузѣ и печали, удручньмъ сѣрдцьмъ и вѣлѣзъ въ шатъръ свой, плакашеся съкрушеньмъ сѣрдцьмъ, а душею радостною, жалостно гласъ испущаше: «Слѣзъ моихъ не презъри, Владыко, да яко же уповаю на тя, тако да с твоими рабы прииму часть и жребий съ вѣсьми святыими твоими, яко ты еси Богъ милостивъ, и тебе славу въсылаемъ въ вѣкы. Аминь».

Помышляшеть же мучение и страсть святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему бывъшу убиению, и како святѣй Варварѣ отъць свой убойца бысть.* И помышляше слово премудрааго Соломона: «Правдъници въ вѣкы живутъ и отъ Господа мзда имъ и строение имъ от Вышняаго». И о семь словеси тѣчию утѣшашеся и радоваашеся.

Таче бысть вечеръ и повелѣ пѣти вечернюю, а самъ вѣлѣзъ въ шатъръ свой начатъ молитву творити вечернюю съ слѣзами горькими и частыимъ въздыханиемъ, и стонаниемъ многымъ. По сихъ леже съпати, и бяше сънъ его въ мнозѣ мысли и въ печали крѣпцѣ и тяжцѣ и страшнѣ: како предатися на страсть, како пострадати и течение съконъчати и вѣру съблюсти, яко да и щадимый вѣнъць приметь от руки Вьседържителевы. И видѣвъ, възбьнувъ рано, яко годъ есть утрый. Бѣ же въ святую недѣлю. Рече къ прозвутеру своему: «Въставъ, начни заутрънюю». Самъ же, обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое, начатъ молитися къ Господу Богу.

Посълании же приидоша отъ Святопѣлка на Лѣто ночь и подѣступиша близъ, и слышаша гласъ блаженааго страсотѣрпца поюща Псалтырь заутрънюю. Бяше же ему и вѣсть о убиении его. И начатъ пѣти: «Господи! Чѣто ся умножиша сътужающи! Мънози вѣсташа на мя»,* и прочая *псалма*, до коньца. И начатъ пѣти Псалтырь: «Обидоша мя пси мнози и унци тучьни одържаша мя».* И паки: «Господи Боже мой! На тя уповахъ, спаси мя».* Таже по семь канонь.* И коньчавъшу ему утрънюю, начатъ молитися, зря къ иконѣ Господьни рече: «Господи Исусъ Христе! Иже симъ образомъ явися на земли изволивъ волею пригвоздитися на крестѣ и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, съподоби и мя прияти страсть!»

чал злобным голосом Путышиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие,— нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты Бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от Всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым вздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие востают на меня» — и остальную часть псалма, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи Боже мой! На тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!»

И яко услыша шпѣтъ зълъ окрѣсть шатѣра и трѣпѣтънѣ бывѣ и начатъ слезы испущати отъ очию своею и глаголаше: «Слава ти, Господи, о вѣсемь, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую съмѣрть и все пристрадати любѣве ради словесе твоего. Не въсхотѣхомъ възискати себе самѣ; ничто же себе изволихъ по апостолу: “Любы вѣсе тѣрпѣть, всему вѣру емлетъ и не ишьтъ своихъ си“.* И пакы: “Боязни *въ* любѣви нѣтъ — съвѣршеная бо любы вѣнъ отѣмещетъ боязнѣ“.* Тѣмъ, Владыко, душа моя въ руку твою вѣину, яко закона твоего не забыхъ. Яко Господеви годѣ бытъ — *такъ буди*». И узрѣста попинѣ его и отрокъ, иже служааше ему, и видѣвѣша господина своего дряхла и печалию облияна суца зѣло, расплакастася зѣло и глаголаста: «Милый господине наю и драгий! Колико благности испълненъ бытъ, яко не въсхотѣ противитися *брату своему* любѣве ради Христовы, а колики воѣ дѣржа въ руку своею!» И си рекѣша умилистася.

И абие узрѣ текущихъ къ шатѣру, блистание оружия и мечное оцѣщение. И без милости прободено бытъ чѣстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова стратотѣрпѣца Бориса. Насунуша копии оканьнии Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшко.

Видѣвъ же отрокъ его, вѣржеся на тѣло блаженааго, рекый: «Да не остану тебе, господине мой драгий, да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду *с тобою* съконьчати животь свой!»

Бяше же съ родѣмъ угринѣ, имѣнѣмъ же Георгий. И бѣаше възложилъ на нь гривну злату,* и бѣ любимъ Борисѣмъ паче мѣры. И ту же и проньзоша.

И яко бытъ ураненъ и искочи и-шатѣра въ оторопѣ. И нача глаголати стояще округъ его: «Чѣто стоите зѣряще! Приступивѣше сконьчаимъ повелѣное намѣ!» Си слышавъ блаженный, начатъ молитися и милъ ся имѣ дѣяти, глаголя: «Братия моя милая и любимая! Мало ми время отдайте, да понѣ помолюся Богу моему». И възвѣвѣ на небо съ слезами и *горѣ* въздѣхнувъ начатъ молитися сицими глаголы: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостиве! Слава ти, яко съподобилъ мя еси убѣжати отъ прельсти жития сего лѣстьянааго! Слава ти, прещедрый живодавѣче яко сподоби мя труда святыхъ мученикъ! Слава ти, Владыко чловѣколюбѣче, сподобивый мя съконьчати хотѣние сѣрдьца моего! Слава ти, Христе, мноному ти милосѣрдию, иже направи на правый путь мирьны *ногы* моя тещи къ тебе бесѣблазна! Призьри съ высоты святагыня твоя, вижъ болѣзнѣ сѣрдьца моего, юже прияхъ отъ сѣродника моего, яко тебе ради умѣрщваемъ есмь въ съ днь. Въмѣниша мя, яко овьна на сѣнѣдѣ. Вѣси бо, Господи мой, яко не противлюся ни въпреки глаголю, а имѣй въ руку вѣся воя отѣца моего и вѣся любимыя отѣцемъ моимъ, и ничѣтоже умыслихъ противу брату моему. Онѣ же *селико, елико възможе, въздвиже на мя*. Да “аще бы ми врагъ поносилъ, протѣрпѣлъ убо быхъ, аще бы ненавидя мене вѣльречеваль, укрылъ быхъ ся“.* Нѣ ты, Господи, вижъ и суди межю мною и межю братѣмъ моимъ. И не постави имѣ, Господи, грѣха сего, нѣ приими въ мирѣ душу мою. Аминѣ».

И когда услышал он зловеший шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим. Не захотели мы сами избегнуть мук, ничего не пожелали себе, последуя заповедям апостола: “Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится”. И еще: “В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх”. Поэтому, Владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я твоей заповеди. Как Господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные Путьша, Талец, Елович, Ляшко.

Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили.

И, раненный, выскочил он в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться Богу». И возрев на небо со слезами, и горько вздохнув, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщения этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава тебе, Владыка человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравнили с овном, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же, сколько смог, воздвиг против меня. “Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него”. Но ты, Господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим. И не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицьмъ, и вьсь слъзами облявъся рече: «Братие, приступивъше, съконьчайте службу вашу. И буди миръ *брату* моему и вамъ, братие».

Да елико слышаху словеса его, отъ слъзъ не можааху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и мьногихъ слъзъ. Нъ съ въздыханиемъ горькымъ жалостно глаголааху и плакаахуся и къждо въ души своей стонааше: «Увы намъ, къняже нашъ милый и драгый и блаженный, водителю слѣпымъ, одеже нагымъ, старости жьзле, казателю ненаказанымъ! Кто уже си вься исправить? Како не възхотѣ славы мира сего, како не възхотѣ веселитися съ чьстными вельможами, како не възхотѣ величия, еже въ житии семь. Къто не почюдитися великууму съмерению, къто ли не съмѣрится, оногo съмѣрение видя и слыша?»

И абие усьпе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива, мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландъ агуста.*

Избиша же и отроки многы. Съ Георгия же не могуще съняти гривны и отсѣкъше главу, отъвьргоша ѿ кромѣ. Да тѣмъ и послѣдъ не могоша познати тѣла его.

Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатерь възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начать възскланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святоплѣкъ, пославъ два варяга и прободоста ѿ мечьмъ въ сьрдыце. И тако съконьчася и възприять неувядаемый вѣнць. И положиша тѣло его принесеше Вышегороду у цьркѣве святааго Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убийства оканьный Святоплѣкъ, нъ и на большая неистовася, начать простиратися. И яко видѣся желание сьрдыце своего уже улучивъ, абие не възпомяну зьлааго своего убийства и многааго убо съблажнения, и ни малы понѣ на покаяние преклонися. Нъ ту абие въниде въ сьрдыце его сотона и начаты ѿ пострѣкати вящыша и горьша съдѣяти и множайша убийства. Глаголааше бо въ души своей оканьнѣй: «Что сътворю? Аще бо до съде оставлю дѣло убийства моего, то дьвоаго имамъ чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же варивъше въздадять ми и горьша сихъ. Аще ли и не сиче, то да ижденуть мя и буду чюжь престола отьца моего, и жалость землѣ моя сьнѣсть мя, и поношения поносящихъ нападутъ на мя, и къняжение мое приметъ инъ и въ дворѣхъ моихъ не будетъ живушааго. Зане егоже Господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо *безаконие*. Обаче и матере моя грѣхъ да не оцѣститися и съ правьдными не напишюся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущихъ». Якоже и бысть, еже послѣди съкажемъ. Нынѣ же нѣсть время, нъ на предълежащее възвратимъся.

И си на умѣ си положивъ, зьлый свѣтъникъ дияволь, посла по блаженааго Глѣба рекъ: «Приди въбързѣ. Отьць зоветъ тя и несъдравить ти вельми».

И возрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими вздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стонал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстерегши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжело болен он».

Онъ же въбързѣ, въ мале дружинѣ, въсѣдъ на конь поѣха. И пришедь на Вългу, на поле потъчеса подъ нимъ конь въ ровѣ, и наломи ногу малы. И яко приде Смолинску и поиде отъ Смолинска, яко зърѣмъ едино, ста на Смядинѣ* въ кораблицы. И въ се время пришла бяше вѣсть отъ Передьславы* къ Ярославу о отъни смърти. И присла Ярославъ къ Глѣбу река: «Не ходи, брате! Отъць ти умърлъ, а братъ ти убиенъ *отъ* Святопѣлка».

И си услышавъ блаженный възъпи плачѣмъ горькимъ и печалию сръдъчною и сице глаголаше: «О увы мнѣ, господине мой, отъ двою плачу плачюся и стену, дѣвою сѣтованию сѣтую и тужю. Увы мнѣ, увы мнѣ! Плачу зѣло по отъци, паче же плачюся и отъчаяхъся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси, како без милости прочее смърти предася, како не отъ врага, нѣ отъ своего брата пагубу възприялъ еси? Увы мнѣ! Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житии пожити. Азъ мнѣхъ въбързѣ узърѣти лице твое ангельское, ти се селика туга състиже мя, и *уне бы ми* съ тобою умрети, господине мой! Нынѣ же что сѣворю азъ, умилений, очюженный отъ твоя доброты и отъ отъца моего мѣногаго разума? О милый мой брате и господине! Аще еси уполучилъ дръзновение у Господа, моли о моемъ унынии, да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть възприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмъ».

И сице ему стеньшоу и плачющюся и слъзами землю омачающю съ въздыхании частыми Бога призывающю, приспѣша вънезапу посълании отъ Святопѣлка зѣляя его слугы, немилостивии крѣвопийцѣ, братоненавидьници люти зѣло, сверѣпа звѣри душу *имущю*.

Святой же поиде въ кораблицы и сръѣтоша и устие Смядины. И яко узърѣ я святой, възрадодася душею, а они узърѣвъше и омрачаахуса и гребяахуса к нему, а съ цѣлования чаяше отъ нихъ прияти. И яко быша равню плувуще, начаша скакати зѣли они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщащася, акы вода. И абие въсѣмъ весла отъ руку испадоша, и вси отъ страха омъртѣвша. Си видѣвъ блаженный, разумѣвъ яко хотять его убити, възърѣвъ къ нимъ умиленама очима и слъзами лице си умывая, сѣкрушенѣмъ сръдъцѣмъ, сѣмѣренѣмъ разумѣмъ и частымъ въздыханиемъ, въсь слъзами разливаяся, а тѣлѣмъ утѣрпая, жалостно гласъ испущааше: «Не дѣйте мене, братия моя милая и драгая! Не дѣйте мене, ни ничто же вы зѣла сѣтворивъша! Не брезѣте, братие и господѣ, не брезѣте! Кую обиду сѣтворихъ брату моему и вамъ, братие и господѣ мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя къ князю вашему, а къ брату моему и господину. Помилуйте уности моеѣ, помилуйте, господѣ мои! Вы ми будѣте господие мои, а азъ вамъ рабъ. Не пожьнете мене отъ жития не сѣзърѣла, не пожьнѣте класа, не у же сѣзърѣвъша, нѣ млеко безълобья носяща! Не порѣжете лозы не до коньца въздрастѣша, а плодъ имуща! Молю вы ся и милъ вы ся дѣю. Убойтеса рекѣшааго усты апостольскы: “Не дѣти бывайте умы, зѣлобиемъ же младенествуйте, а умы

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме, и повредил слегка ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа,— помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение воспринять и быть с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники с душою свирепых зверей.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: “Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы,

свършени бивайте“.* Азь, братие, и зълбиємь и въздрасъмь еще младенствую. Се нѣсть убиство, нѣ сырорѣзание! Чьто зѣло сѣтворихъ сѣвѣдѣтельствуйте ми, и не жалю си. Аще ли крѣви моеѣ насытитися хочете, уже въ руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю».

И не понѣ единого словесе постыдѣшася, нѣ яко же убо сверѣпни звѣрие, тако възхытиша его. Онѣ же видѣвъ, яко не възнемлють словесъ его, начатъ глаголати сице: «Спасися, милый мой отъче и господине Василие, спасися, мати и госпоже моя, спасися и ты, брате Борисе, старѣйшино уности моя, спасися и ты, брате и поспѣшителю Ярославѣ, спасися и ты, брате и враже Святопѣлче, спасетеса и вы, братие и дружино, вси спасетеса! Уже не имамъ васъ видѣти въ житии семь, зане разлучаемъ есмь отъ васъ съ нужею». И глаголаше плачася: «Василие, Василие, отъче мой и господине! Приклони ухо твое и услыши гласъ мой, и призри и вижь приключьшася чаду твоему, како безъ вины закалаемъ есмь. Увы мнѣ, увь мнѣ! Слыши небо и възнуши земле. И ты, Борисе брате, услыши гласа моего. Отъца моего Василия призвахъ и не послуша мене, то ни ты не хочещи мене послушати? Вижь скръбь сѣрдьца моего и язву душа моя, вижь течение слъзъ моихъ, яко рѣку! И никтоже не възнемлетъ ми, нѣ ты убо помяни мя о мнѣ къ обьщему Владыцѣ, яко имѣя дързновение и престоя у престола его».

И начатъ, преклонь колѣнѣ, молитися сице: «Прешедрый и премилостиве Господи! Слъзъ моихъ не премълчи, нѣ умилися на мое уныние. Вижь сѣкрушение сѣрдьца моего: се бо закалаемъ есмь, не вѣмь, чьто ради, или за котерую обиду не сѣвѣдѣ. Ты вѣси, Господи, Господи мой! Вѣмь тя рекѣша къ своимъ апостоломъ яко: “За имя мое, мене ради възложатъ на вы руки, и предани будете родѣмъ и другы, и братъ брата предасть на сѣмърть и умъртвять вы имене моего ради“.* И паку: “Въ тѣрпѣнии вашемъ сѣтяжите душа ваша“.* Вижь, Господи, и суди: се бо готова естъ душа моя предъ тобою, Господи! И тебе славу възсылаемъ, Отъцу и Сыну и Святууму Духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь».

Таче възрѣвъ къ нимъ умиленьмъ гласъмь и измълкъшьмъ грѣтаньмъ рече: «То уже сѣтворивъше приступльше сѣворите, на не же посълане есте!»

Тъгда оканьный Горьсѣрь повелѣ зарѣзати ѥ възбрѣзѣ. Поварь же Глѣбовъ, именьмъ Търчинъ, изъмъ ножъ и, имъ блаженааго, и закла ѥ яко агня непорочно и безлобиво, мѣсяца септября въ 5 днь, въ понеделникъ.

И принесеса жъртва чиста Господѣви и благовоньна, и възиде въ небесныя обители къ Господу, и узрѣ желаемааго си брата и възприяста вѣнъца небесныя егоже и възжелѣста, и въздрадовастася радостию великою неиздреченьною, юже и улучиста.

Оканьнии же они убойцѣ възвративъшеся к посълавъшюуму ѥ, якоже рече Давыдъ: «Возвратятся грѣшници въ адъ и вси забывающии Бо-

а по уму совершеннолетни будьте“. Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытитесь хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: « Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис,— наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увy мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказанные тобою своим апостолам: “За имя мое, меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени моего“. И еще: “Терпением укрепляйте души свои“. Смотри, Господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред тобою, Господи! И тебе славу возносим, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога». И

га».* И паки: «Оружие *извлекоша* грѣшници, напрягоша лукъ свой заклати правыя сѣрдцьемъ и оружие ихъ вѣндетъ въ сѣрдца их, и луци ихъ съкрушатся, яко грѣшници погыбнуть».* И яко съказаша Святопѣлку, яко «сѣтворихомъ повеленое тобою», и си слышавъ, възнесеса сѣрдцьемъ, и събысться реченое псалмопѣвцемъ Давыдъмъ: «Что ся хвалиши сильной о злѣбѣ? Безаконие въ сѣ днь неправду умысли языкъ твой. Възлюбилъ еси злѣбу паче благостынѣ, неправду неже глаголаати правду. Възлюбилъ еси вся глаголы потопныя и языкъ льствѣ. Сего ради раздрушитъ тя Богъ до конца, вѣстѣргнетъ тя и преселитъ тя отъ села твоего, и корень твой отъ земля живушихъ».*

Убиену же Глѣбови и повѣржену на пустѣ мѣстѣ межю дѣвѣма колодама.* И Господь не оставляяя своихъ рабъ, якоже рече Давыдъ: «Хранитъ Господь вся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ съкрушится».*

И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудъ пребыти неврежену, нъ показа: овогда бо видѣша стѣлпъ огньнъ, овогда свѣщѣ горущѣ и паки пѣния ангельская слышааху мимоходящии же путьмъ гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуше.

Си же видяше и слышаше, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго, дондеже Ярославъ, не тѣрпя сего злѣаго убийства, движесе на братоубийца оного, оканьнѣааго Святопѣлка и брани мѣногы съ нимъ съставивъ. И въсегда пособиемъ Божиемъ и послѣшениемъ святою, побѣдивъ елико брани състави, оканьный посрамленъ и побѣженъ възвращаашесе.

Прочее же съ трѣклятый прииде съ множествомъ печенѣгъ, и Ярославъ, съвѣкупивъ вой, изиде противу ему на Лѣто и ста на мѣстѣ, идеже бѣ убиенъ святой Борисъ. И въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Се кровь брата моего въпиетъ къ тебе, Владыко, якоже и *Авелева* преже.* И ты мсты его, якоже и на ономъ положи стонание и трясение* на братоубийци Каинѣ. Ей, молю тя, Господи, да *въсприиметь* противу тому». *И помолися и рекъ: «О, брата моя, аще и тѣлѣмъ ошля еста, нъ благодатию жива еста и Госпведи предѣстоита и молитвою помозѣта ми!»*

И си рекъ, и поидоша противу собѣ и покрыша поле Лѣтское множествомъ вой. И съступишася, възходящю сѣлнцю, и бысть сѣча зла отинудъ и съступашася тришѣды, и бишася чересъ днь весь, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а съ оканьный Святопѣлкъ побѣже. И нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ. И прибѣгоша Берестию* съ нимъ. Онъ же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по насъ!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женушааго въ слѣдъ его. И, лежа въ немощи, възхопивъся глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!» И не можааше тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣже Лѣдску землю гонимъ гнѣвемъ Божиемъ. И прибѣже въ пустыню межю

еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой лживый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий своих рабов, как сказал Давид, «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и небрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение.

И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволением Божиим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, Владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, Господи,— да воздастся ему за это». И помолился и сказал: «О, братья мои, хотя телом вы и отошли отсюда, но благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божиим.

Чехы и Ляхы,* и ту испровръже животь свой зълѣ. И приять възмъдие отъ Господа, якоже показася посыланая на нь пагубная рана и по сьмърти муку вѣчную. И тако обою животу лихованъ бысть: и съде не тъкъмо княжения, нь и живота гонезе, и тамо не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития погрѣши, нь и муцѣ и огню предасться. И есть могила его и до сего дъне, и исходить отъ неѣ смрадь зълый на показание чловѣкомъ. Да аще кто си сьтворить слыша таковая, си же приметъ и вящша сихъ. Якоже Каинъ, не вѣдый мьсти прияти и едину прия, а Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмъ же седмьдесятицею мьстися ему.* Така ти суть отьмьстия зълымъ дѣлателемъ. Якоже бо Иулианъ цесарь,* иже мьногы крѣви святыихъ мученикъ пролиявъ, горькую и нечеловѣчную сьмърть прия: не вѣдомо отъ кого *прободенъ* бысть копиемъ въ сьрдце вѣдруженъ. Тако и съ бѣгая не вѣдыйся отъ кого зьлострастьну сьмърть прия.

И оттолѣ крамола преста въ Русьскѣ земли, а Ярославъ прея всько волость Русьскую. И начать въпрашати о тьльсѣхъ святою, како или кде положена еста. И о святѣмъ Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ есть. А о святѣмъ Глѣбѣ не вси сьвѣдяху, яко Смолинскѣ убиенъ есть. И тьгда ськазаша ему, яже слышаша отъ приходящихъ отьтуду, како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посъла Смолинску на възискание презвутеры, рекый, яко: «То есть братъ мой». И обретоша ѿ идеже бѣша видѣли, и шьдѣше съ крѣсты и съ свѣщами мьнозѣми, и съ кандилы, и съ чьстию многою ѿ вьложыше въ корабль,* и пришедѣше положиша ѿ Вышегородѣ, идеже лежить и тѣло преблаженааго Бориса и раскопавѣше землю, и тако же положиша ѿ, недоумѣюще, якоже бѣ лепо пречьстѣнѣ.

Се же пречюдно бысть и дивно и памяти достойно; како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святаго, то же не врежено пребысть, ни отъ коегоже плѣтоядьца, ни бѣаше почьрнѣло, яко же обычай имуть телеса мьртвыхъ, нь свѣтло и красьно и цѣло и благу воню имущю. Тако Богу сьхранивъшю своего страстотѣрпца тѣло.

И не вѣдаху мнози ту лежащю святою страстотѣрпцю телесу. Нъ якоже рече Господь: «Не можетъ градъ укрытися врѣху горы стоя, ни свѣщѣ вьжыгѣше спудьмъ покрывають, нь на свѣтилѣ поставляють, да свѣтитъ тьмьныя».* Тако и си святая постави свѣтити въ мирѣ, премногими чудесы сияти въ Русьскѣй сторонѣ велицѣй, идеже множество стражущихъ сьпасени бывають: слѣпни прозирають, хромни быстрѣ сьрны ришуть, сьлуции простьрение приемлютъ.

Нъ или могу вся сьповѣдати или ськазаати творимая чудесы, по истинѣ ни весь миръ можетъ понести, яже дѣються предивная чудеса и паче пѣска морьскааго. И не ту единде, нь и по всѣмъ сторонамъ и по всѣмъ зѣмлямъ переходяща, болѣзни вся и недугы отьгонита, сущихъ въ тьмьницахъ и въ узахъ посѣщающа. И на *мѣстѣхъ* идеже мученьскымъ вѣнцьмъ

И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло. Вот Юлиан цесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался.

И с тех пор прекратились убоицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса; раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромы бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами,

увязостася, създанѣ быста църкви въ имя ею. Да и ту тако же многа чудеса посѣщающа съдѣваета.

Тѣмъже ваю како похвалити не съвѣмъ или чѣто реши недоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, *иже* въскорѣ обрѣтаетася близъ скърбящихъ, нѣ плѣтскы на земли пожила еста въ чловѣчствѣ. Чловѣка ли ва именую, то паче всего чловѣчска ума преходита множествѣмъ чудесѣ и посѣщениемъ немощныхъ. Цесаря ли, князя ли ва проглаголю, нѣ паче чловѣка убо проста и съмѣрена съмѣрение бо сътяжала еста, имъже высокая мѣста и жилища въселитася.

По истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и защищениемъ князи наши противу вѣстающа държавно побѣждаютъ, и ваю помощю хвалятася. Вы бо тѣмъ и намъ оружие, земля Русьскыя забрала и утверждение и меча обоуду остра, има же дързость поганьскую низлагаемъ и дьяволя шатания въ земли попираемъ. По истинѣ несумнѣнѣ реши възмогу: вы убо небесная чловѣка еста, земльная ангела, стѣла и утверждение землѣ наша. Тѣмъже и борета по своемъ отчѣствѣ и пособита, якоже и великий Димитрий* по своемъ отчѣствѣ. Рекъ: «Аще убо и веселящемъ имъ съ ними бѣхъ, тако же и погыбающемъ имъ съ нимъ умру». Нѣ обаче сий великий милъсърдый Димитрий о единомъ градѣ сице извѣща, а вы не о единомъ бо градѣ, ни о дѣву, ни о вси попечение и молитву въздаета, нѣ о всей земли Русьскѣй!

О, блаженная убо гроба примыши телеси ваю чьстѣнѣ акы съкровище многоцѣнно! Блаженная църкы, въ нейже положенѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю, о Христова угодняка! Блаженѣ по истинѣ и высокъ паче всѣхъ градъ русьскыхъ и вышій градъ, имый въ себе таковое скровище. Ему же не тѣчнѣ ни въсь миръ. Поистинѣ Вышегородъ наречеса — вышій и превышій городъ всѣхъ; вѣторый Селунъ явися въ Русьскѣ земли, имый въ себе врачество безмъздное, не нашему единому языку тѣкъмо подано бысть Бѣгъмъ, нѣ и въсей земли спасение. Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще туне почьреплютъ ицѣление, якоже и въ святыхъ Евангелиихъ Господь рече святымъ апостоломъ яко: «Туне приясте, туне и дадите». * О сихъ бо и самъ Господь рече: «Вѣруяй въ мя, дѣла, яже азъ творю и тѣ сътворитъ и больша тѣхъ».*

Нѣ о блаженная страсотърпца Христова, не забываита отчѣства, идеже пожила еста въ тели, егоже всегда посѣтѣмъ не оставяета. Тако же и въ молитвахъ въсегда молитася о насъ, да не придетъ на ны зѣло, и рана да не *приступитъ* къ телеси рабъ ваю. Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо далъ естъ Богъ о насъ молящася и ходатая къ Богу за ны. Тѣмъже прибѣгаемъ къ вама, и съ слъзами припадающе, молимъся, да не придетъ на ны нога гърдыня и рука грѣшныча не погубитъ насъ, и всяка пагуба да не найдеть на ны, гладъ и озѣлобление отъ насъ далече отъженѣта и всего меча браньна избавита насъ, и усобичныя брани чужа сътворита и въсего грѣха и

созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Димитрий своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Димитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О, блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгород — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с Божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых Евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и сам Господь говорил: «Верующий в меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни, да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и беды удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и напа-

нападения заступита насъ, уповающихъ къ вама. И къ Господу Богу молитву нашу усърдьно принесѣта, яко съгрѣшихомъ зѣло и безаконьновахомъ премного, и бещиньствовахомъ паче мѣры и преизлиха. Нъ ваю молитвы надѣющеся къ Спасу възъпомнимъ глаголюще: «Владыко, единый без грѣха! Призри съ небесе святаго твоего на насъ убогихъ, елма же съгрѣшихомъ, нъ ты оцѣсти, и безаконьновахомъ, ослаби, претѣкнухомъся по пременении, яко блудьницу оцѣсти ны и яко мытоимьца оправил! Да придетъ на ны милость твоя! Да въсканеть на ны чловѣколюбие твое! И не ослаби ны преданомъ быти грѣхы нашими, ни усънути, ни умрети *горкою* съмъртию, нъ искупи ны отъ настаящаго зла и дажь ны время покаянию, яко многа безакония наша предъ тобою, Господи! Сътвори съ нами по милости твоей, Господи, яко имя твое нарицаеться въ насъ, нъ помилуй ны и ущедри и заступи молитвами пречьстною страсотърпъцю твоею. И не сътвори насъ въ поносъ, нъ милость твою излѣй на овьца пажити твоея, яко ты еси Богъ нашъ и тебе славу въсылаемъ Отцю и Сыну и Святууму Духу нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь».

О Б о р и с ѣ , к а к ѣ б ѣ в ѣ з ѣ р ѣ м . Съ убо благовѣрный Борисъ благого корене сый послушьливъ отцю бѣ, покаяряся при всемъ отцю. Тѣльмъ бяше красьнъ, высокъ, лицьмъ круглъмъ, плечи велицѣ, тѣнѣкъ въ чресла, очима добраама, весель лицьмъ, *борода* мала и усъ — младъ бо бѣ еще. Свѣтятся цесарьскы, крѣпѣкъ тѣльмъ, всьсячьскы украшень акы цвѣтъ цвьтый въ уности своей, в ратьхъ *хрѣбъръ*, въ свѣтѣхъ мудръ и разумьнъ при всемъ и благодать Божия цвьтяше на немъ.

дения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишком и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Воззри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай! Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас человеколюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред тобою, Господи! Рассуди нас по милости твоей, Господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость твою на овец стада твоего, ведь ты Бог наш и тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

О Б о р и с е, к а к о й б ы л в и д о м. Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покоряся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, борода мала и ус — ибо молод еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — точно цветок цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНААГО ОТЬЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКАГО

Господи, *благослови, отъче!*

Благодарю тя, владыко мой, Господи Иусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостойнааго съповѣдателя быти святымъ твоимъ въгодникомъ, се бо испърва писавъшю ми о житие и о погублении и о чюдесъхъ святою и блаженною страсотръпъцю Бориса и Глѣба,* понудихъ ся и на другое исповѣдание приити, еже выше моя силы, ему же и не бѣхъ достоинъ — грубъ сы и неразумичьнъ, къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ *никогѣиждо* хытрости, нъ въспоманухъ, Господи, слово твое, рекъшее: «Аще имате вѣру яко и зърно горушно и речете горѣ сей: преиди и въврзися въ море, и абие послушаетъ васъ».* Си на умѣ азъ грѣшный Нестерь примъ и оградивъся вѣрою и упованиемъ, яко вся възможна отъ тебе суть, начаткъ слову списания положихъ, еже о житии преподобнааго отъца нашего Феодосия, бывша игумена монастыря сего святаа владычицѣ наша Богородицѣ, его же и день усьление нынѣ празднующе память творимъ. Се же якоже, о братие, въспоминающю ми житие преподобнааго, не сущю же съписану ни отъ *кого* же, печалию по вся дни съдржимъ бѣхъ и *моляхъся Богу*, да съподобитъ мя по ряду съписати о житии богоноснааго отъца нашего Феодосия. Да и по насъ сущей чьрноризьци, *примъше писание и почитающе ѿ, тако видяще мужа доблестъ, въсхвалять Бога*, и въгодника его прославляюще, на прочия подвигы укрѣпляются, наипаче же яко и въ странѣ сей такъ сий мужъ явися и угольникъ Божий. О семъ бо и самъ Господь прорече: «Яко мнози приидуть отъ вѣстокъ и западъ и възлягутъ съ Авраамъмъ и съ Исакъмъ и Ияковъмъ въ царствии небеснѣмъ»* и пакы: «Мнози будутъ послѣднии *пръвии*»,* ибо сии послѣднии вящии пръвыхъ отъць явися, житиемъ бо подражая святааго и първааго начальника чьрньчьскууму образу, великааго мѣню Антония* чьрньчьскууму образу. И се же чюднѣе, якоже пишеть въ отьчьскихъ кънигахъ: «Слабу быти послѣдньому роду»; сегоже Христось въ послѣднимъ родѣ семъ такого себе

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

Господи, благослови, отче!

Благодарю тебя, владыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, Господи, слово твое, вещающее: «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то Божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей Богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. Пусть же и будущие черноризцы, взяв писание мое и прочитав его, также узнают о доблести этого мужа, восхвалят Бога и, угодника его прославляя, укрепляют души свои для новых подвигов; ведь именно в нашей земле такой муж явился и угодник Божий. Об этом и сам Господь возвещал: «Многие придут с востока и с запада и починут с Авраамом, и с Исааком и Иаковом в царствии небесном», и еще: «Многие из последних да станут первыми», ибо сей Феодосий в наши дни превзошел древних праведников, в жизни своей последуя тому, кто положил начало монашескому бытию — говорю я о великом Антонии. И вот что дивно: ведь как пишется в книгах святых отцов: «Ничтожен будет последний род»; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных

сѣдѣльника показа и пастуха инокимъ, бѣ бо измолода житиемъ чистѣмъ украшенъ, добрыми дѣлеси, вѣрою же и смысломъ паче. Его же нынѣ отъсюду уже начну съповѣдати еже отъ уны вѣрсты житие блаженааго *Феодосия*.

Нѣ послушайте, братие, съ всѣмъ прилежаниемъ, испълнь бо есть пользы слово се всѣмъ слушающимъ. Молю же вы, о възлюблении: да не зазрите паки грубости моей, съдржимъ бо сый любввию еже къ преподобнууму, сего ради окусихъся съписати вься си яже о святѣмъ, къ симъ же и блудый, да не къ мнѣ речено будетъ: «Злыи рабе лѣнивыи, подобаше ти дати сребро мое тѣржникомъ, и азъ *пришед* быхъ съ лихвою истязалъ е».* Тѣмъже якоже и нѣсть лѣпо, братие, таити чудесъ *Божиих*, наипаче Богу рекъшюуму ученикомъ своимъ яко: «Еже глаголю вамъ въ тѣмъ, повѣдите на свѣтѣ и еже въ уши слышасте, проповѣдите въ домѣхъ».* Си на успѣхъ и на устройство бесѣдующимъ съписати хошю, и о сихъ Бога славяще, мзды отдание приимете. Хотяшю же ми исповѣдати начати, преже молюся Господеви, глаголя сице: «Владыко мой, Господи всесдржителю, благымъ подателю, отъче Господа нашего Исус Христа, прииди на помощь мнѣ и просвѣти сѣрдце мое на разумѣние заповѣдий твоихъ и отвързи устѣнѣ мои на исповѣдание чудесъ твоихъ и на похваление святааго вѣгодника твоего; да прославится имя твое, яко ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы. Амин».

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попыришь, *именемъ Васильевъ**. Въ томъ бѣста родителя святааго въ вѣрѣ крѣстиянѣстѣй живуща и всячьскимъ благочѣстиюмъ *украшена*. Родиста же блаженааго дѣтища сего, таче въ осмый дѣнь принесоста и къ святителю Божию, якоже обычай есть крѣстияномъ, да имя дѣтищю нарекутъ. Прозвутерь же, видѣвъ дѣтища и сѣрдьчьныма очима прозѣря, еже о немъ, яко хошеть измлада Богу датися, Феодосиемъ того *нарицаеть*.* Таче же, яко и минуша 40 дѣний дѣтищю, крѣщениемъ того освятиша. Отроча же растяше, кѣрмимъ родителема своимъ, и благодать Божия съ нимъ, и Духъ Святой измлада всѣлися въ нь.

Кѣто исповѣсть милосѣрдие Божие! Се бо не избѣра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинѣ градъ пастуха и учителя инокимъ, нѣ — да о семь прославится имя Господне — яко грубъ сы и невѣжа премудрѣй философъ явися! О утаенія тайно! Яко отнюдуже не бѣ начаятися, оттудуже вьсяя намъ дѣньница пресвѣтла, якоже отъ всѣхъ странъ видѣвъше свѣтѣние ея, тещи к ней, вся презрѣвъше, тоя единая свѣта насытитися. О благности Божия! Еже бо испѣрва мѣсто назнаменава и благословивъ, пажить створи, на немъ же хотяше паствитися стадо богословесныхъ овць, донѣдеже пастуха избѣра.*

Бысть же родителема блаженааго преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшю, паче же реку — Богу сице изволивъшю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо,

лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно — верою и разумом. О нем же и начну теперь повествовать — с самых юных лет поведаю жизнь блаженного Феодосия.

Но послушайте, братья, со всяческим вниманием, ибо слово это исполнено пользы для всех слушающих. И молю вас, возлюбленные: не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом, к тому же хочу, чтобы не сказали обо мне: «Дурной раб ленивый, подобало тебе отдать серебро мое в рост, и я бы, вернувшись, получил его с прибытком». Поэтому и не следует, братья, скрывать чудеса Божьи, — вспомните, как он обратился к ученикам своим: «Все, что говорю вам во тьме, поведайте другим при свете, и все, что войдет в уши ваши — разглашайте по всем домам». Для успеха и блага тех, кто продолжит беседу мою, хочу писать, и, славя за это Бога, вы удостоитесь награды. Прежде чем начать повествование, обращаюсь к Богу со словами: «Владыка мой, Господь вседержитель, щедрый к благочестивым, отец Господа нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое, чтобы понял я смысл заповедей твоих, и дай мне силу поведавать о чудесах твоих и похвалить святого угодника твоего; да прославится имя твое, ибо ты помощник всем, кто во всякий день надеется на тебя. Аминь».

В пятидесяти попришах от стольного города Киева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя Богу, и назвал его Феодосием. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и Дух Святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие Божье! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя Господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие Божие! Сперва место указав и благословив, создал Бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец, пока он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — Бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с

от востока дньница възидеть, събираючи окръсть себе ины многы звѣзды, ожидаючи солнца правдѣнааго, Христа Бога, и глаголюща: «Се азъ, Владыко, и дѣти яже възпитахъ духовнымъ твоимъ брашьнымъ; и се, Господи, ученици мои, се бо сия ти приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого Бога и Господа, възлюбити. Се, о Владыко, стадо богословесныхъ твоихъ овецъ, и имъже мя бѣ пастуха створилъ и еже упасохъ на бжъствнѣй твоей пажити, и сия ти приведохъ, съблюды чисты и непорочны». Таче Господь къ нему: «Рабе благый, верне умноживый преданый талантъ,* тѣмъже прими уготованый тебе вѣнць и вѣниди въ радость Господа своего». И къ ученикомъ его речеть: «Придѣте, благое стадо, добляаго пастуха богословесная овчата, иже мене ради алкавше и трудившесеа приимѣте уготованое вамъ царствие от съложения миру».*

Тѣмъже и мы, братие, потъщимъся рвьнителе быти и подражателе житию преподобнааго Феодосия и ученикомъ его, ихъ же тгда предъ собою къ Господу посла, да тако сподобимъся слышати, гласъ он, еже отъ Владыки и вседръжителя речеться: «Придѣте убо, благословлении Отыца моего, приимѣте уготованое вамъ царствие».*

Мы же паки поидемъ на пръвое исповѣдание святааго сего отрока. Растый убо тѣлмъ и душею влекомъ на любовь Божию, и хожаше по вся дньи въ църкъвь Божию, послушая божьствныхъ книгъ съ всѣмъ вѣниманиемъ. Еще же и къ дѣтмъ играющимъ не приближашесеа, якоже обычай есть унымъ, нъ и гнушашесеа играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашды родителема его нудящема ѝ облещися въ одежду чисту и на игры съ дѣтми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от убогихъ. Къ симъ же и датися *веля* на учение божьствныхъ книгъ единому от учитель; якоже и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмъ его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемъ не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимъся с *ним*?

Въ то же время отць его житию конць приять. Сущю же тгда божьствному Феодосию 13 лѣт. Оттолѣ же начать на труды паче подвижнѣй бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякимъ съмѣрениемъ. Мати же его оставляше ѝ, не велящи ему тако творити, моляше ѝ паки облачитися въ одежду *свѣтлу* и тако исходити ему съ съвьрьстники своими на игры. Глаголаше бо ему, яко «такъ ходя, укоризну себе и роду своему твориши». Оному о томъ не послушающю ея, и *якоже* многашды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити ѝ, бѣ бо и тѣлмъ крѣпка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующю, то начынаше мнѣти мужа ю суща.

Къ симъ же паки божьствный уноша мысляше, како и кымъ образмъ спастись. Таче слыша паки о святыхъ мѣстѣхъ,* идеже Господь нашъ

востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа — и глаголя: «Вот я, Владыка, и дети, которых воспитал я духовной твоею пищей; и вот они, Господи, ученики мои, привел я их к тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного тебя, Бога и Господина. Вот, о Владыко, стадо богословесных твоих овец, к которому ты приставил меня пастухом, и я взрастил их на божественном твоём поле и к тебе привел, сохранив их чистыми и непорочными». И так ответил Господь ему: «Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант, за это прими уготованный тебе венец и приди к радости Господа своего». И ученикам его сказал: «Придите, благое стадо, доблестного пастуха богословесные овцы, ради меня терпевшие голод и трудившиеся, примите уготованное вам от сотворения мира царство».

Так и мы, братья, станем следовать и подражать жизни преподобного Феодосия и учеников его, которых он пред собой послал к Господу, и да сподобимся услышать слово Владыки и вседержителя, вещающее: «Придите, благословенные Отцом моим, и примите уготованное вам царство».

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви Божьей, и ходил каждый день в церковь Божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поразились все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах, где провел

Исусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся Богу, глаголя: «Господи Исусъ Христе мой! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ!» И тако многашды молящюся ему, и се приидоша страньници въ градъ ть, иже и видѣвъ я божьствьный уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любьзно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмъ, и, аще Богу велящю, хожемъ въспять уже ити. Святый же моляше я, да ѱ поимуть въ слѣдъ себе и съпутника ѱ *творятъ* съ собою. Они же обѣщашася пояти ѱ съ собою и допровадити ѱ до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженный *Феодосий*, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свой. И егда хотяху страньнии отъйти, възвѣстиша уноши свой отходъ. Онъ же, вѣставъ ношию и не вѣдушю никомуже, *тай* изиде из дому своего, не имый у себе ничсоже, развѣ одежда, въ нейже хожаше, и та же худа. И тако изиде вѣслѣдъ страньныхъ. Благый же Богъ не попусти ему отъйти отъ страны сея, егоже и-щрева матерья и пастуха быти въ странѣ сей богогласньныхъ овецъ назнамена, да не пастуху убо отшѣдшю, да опустѣеть пажить, юже Богъ благослови, и тьрние и вълчыцъ въздратеть на ней, и стадо разидеться.

По трьхъ убо дньхъ увѣдѣвши мати его, яко съ страньными отъиде, и абие погна вѣслѣдъ его, тькъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьний блаженааго *Феодосия*. Таче же, яко гьнаста путь мьногъ, ти тако пристигъша, яста ѱ, и отъ ярости же и гнѣва мати его имъши ѱ за власы, и поврже ѱ на земли, и своима ногама пьхашети ѱ, страньныя же много коривъши, възвратися въ домъ свой, яко нѣкоего зьлодѣя вѣдущи съвязана. Тольми же гнѣвмъ одрѣжима, яко и въ домъ ей пришьдѣши, бити ѱ, дондеже изнеможе. И по сихъ же, вѣведѣши ѱ въ храмъ и ту привяза ѱ, и затворьши, и тако отъиде. Божьствьный же уноша вѣся си съ радостию примаше, и Бога моля, благодаряше о вѣсѣхъ сихъ. Таче пришедѣши мати его по двою дньню отрѣши ѱ и подасть же ему ясти, еше же гнѣвмъ одрѣжима суши, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдуши, да не паки отъбѣжитъ отъ нея. Тако же сътвори дьни мьногы ходя. По томъ же паки умилосрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати ѱ, да не отъбѣжитъ отъ нея, любляше бо ѱ зѣло паче инѣхъ и того ради не тьрпяше без него. Оному же обѣщавъшюся ей не отъйти отъ нея, съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хошетъ. Блаженный же *Феодосий* на прьвый подвигъ възвратися и хожаше въ цьрквь Божию по вся дьни. Ти видяше, яко многашды лишаемъ суши литургии, проскурьнааго ради непечення, жаляшеси о томъ зѣло и умысли же самъ своимъ смѣрениемъ отълучитися на то дѣло. Еше и сътвори: начатъ бо печи проскуры и продаяти, и еже аше прибудяше ему къ цѣнѣ, то дадаяше нищимъ. Цѣною же паки купяше жито и, своима рукама измьль, паки проскуры творяше. Се же тако Богу изволивъшю, да проскуры чисты приносятся въ цьрквь Божию отъ непо-

свою земную жизнь Господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился Богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосий радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый Бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предначертал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная Богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь Богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтоб не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в Божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молот и снова пек просфоры. Это уж Бог так пожелал, чтобы чистые просфоры

рочнаго и несквърньнааго отрока. Сице же пребысть двѣнадесяте лѣтъ или боле творя. Вси же съврстьнии отроци его ругающеся ему, укаряхути ѿ такоувѣмъ дѣлѣ, и тоже врагу научающе я. Блаженный же вся си съ радостію приимаше, съ мълчаниемъ и съ смѣрениемъ.

Ненавидя же испрѣва добра золодѣй врагъ,* видя себе побѣжаема смѣрениемъ богословесьнааго отрока, и не почиваше, хотя отъвратити ѿ таковааго дѣла. И се начать мать его поушати, да ему възбранити отъ таковааго дѣла. Мати убо, не тѣрпящи сына своего въ такой укоризнѣ суша, и начать глаголати съ любѣвию к нему: «Молю ти ся, чадо, останися таковааго дѣла, хулу бо наносиши на родъ свой, и не трѣплю бо слышати отъ всѣхъ укаряему ти сушу о такоувѣмъ дѣлѣ. И нѣсть бо ти лѣпо, отроку сушу, таковааго дѣла дѣлати». Таче съ смѣрениемъ божьствный уноша отъвѣщаваше матери своей, глаголя: «Послушай, о мати, молю ти ся, послушай! Господь бо Исусъ Христосъ самъ поубожися и смѣрися, намъ образъ дая, да и мы его ради смѣримся. Паки же поруганъ бысть и опльванъ и заушаемъ, и вся претѣрпѣвъ нашего ради спасения. Кольми паче лѣпо есть намъ трѣпѣти, да Христа приобретаемъ. А еже о дѣлѣ моемъ, мати моя, то послушай: егда Господь нашъ Исусъ Христосъ на вечери възлеже съ ученики своими, тѣгда примъ хлѣбъ и благословивъ и преломль, даяше ученикомъ своимъ, глаголя: «Примѣте и ядите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за многы въ оставление грѣховъ».* Да аще самъ Господь нашъ плоть свою нарече, то кольми паче лѣпо есть мнѣ радоватися, яко съдѣльника мя съподобити Господь плѣти своей быти». Си слышавъши мати его и чюдивъшися о премудрости отрока и оттолѣ нача оставатися его. Нѣ врагъ не почиваше, остря ю на възбранение отрока о такоувѣмъ его смѣрении. По лѣтѣ же единомъ паки видѣвъши его пекуща проскуры и учѣрнивъшася от ожьжения пещьнааго, съжалиси зѣло, паки начать оттолѣ бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биющи ѿ, да ся останеть таковааго дѣла. Божьствный же уноша въ скѣрби велицѣ бысть о томъ, и недѣумѣя, чьто створити. Тѣгда же, вѣставъ ношю отай *изыде* из дому своего, и иде въ инъ градъ, не далече сушь *оттолѣ*, и обита у прозвутера, и дѣлаше по обычаю дѣло свое. Потомъ же мати его, яко его искавъши въ градъ своемъ и не обрете его, съжалиси по немъ. Таче по дньхъ мнозѣхъ слышавъши, кѣде живеть, и абие устрѣмися по нь съ гнѣвѣмъ великѣмъ, и пришедъши въ прежереченый градъ и, искавъши, обрете ѿ въ дому презвутерове, и имъши, влечаше ѿ въ градъ свой биющи. И въ домъ свой приведъши и запрети ему, глаголющи, яко «къ тому не имаши отити мене; елико бо аще камо идеши, азъ, шедъши и обрѣтъши тя, съвязана биющи приведу въ сий градъ». Тѣгда же блаженный Феодосий моляшеся Богу, по вся дньи ходя въ цѣрквь Божию, бѣ же смѣренъ сѣрдцьемъ и покоривъ къ всѣмъ.

Якоже и властелинъ града того, видѣвъ отрока въ такомъ смѣрении и покорении суша, вълуби ѿ зѣло и повелѣ же ему, да *пребываетъ* у него въ

приносились в церковь Божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам Господь Иисус Христос подал нам пример унижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирились. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к Богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда Господь наш Иисус Христос возлег на вечере с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: “Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов”. Если уж сам Господь наш хлеб назвал плотью своею, то как же не радоваться мне, что сподобил он меня стать содеятелем плоти своей». Услышав это, подивилась мать мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев, как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то ласкою, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться Богу и ежедневно ходить в церковь Божию, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его и повелел постоянно находиться у себя в церкви,

църкви, *вѣдасть* же ему и одежу свѣтлу, да ходитъ въ ней. Блаженный же Феодосий пребысть въ ней ходя мало дний, *яко* нѣкую тяжесть на собѣнося, тако пребываше. Таче сънъмъ ю, отдасть ю нищимъ, самъ же въ худыя пѣрты обѣлкься, ти тако хожаше. Властелинъ же, видѣвы ѥ тако ходяща, и паки ину вѣдасть одежу, вящью пѣрвыя, моля ѥ, да ходитъ въ ней. Онъ же сънъмъ и ту отѣда. Сице же многашьды сътвори, якоже судии то увѣдѣвшю, большимъ начать любити ѥ, чюдяся смѣренію его. По сих же божьствьный Феодосий шедъ къ единому от кузньць, повелѣ ему желѣзо съчепито съковати, иже и възъмъ и препоясая имъ въ чресла своя, и тако хожаше. Желѣзу же узьку суцю и грызущюся въ тѣло его, онъ же пребываше, *яко* ничсоже скърбьна от него приемля тѣлу своему.

Таче, *яко* ишьдѣшемъ дньмъ мьногмъ и бывшю дни праздьничьну, мати его начать велѣти ему облещися въ одежу свѣтлу на служение вьсѣмъ бо града того вельможамъ, въ тѣ днь възлежашемъ на обѣдѣ у властелина. И повелѣно бѣ убо блаженууму Феодосію предъстояти и служити. И сего ради поущашети ѥ мати его, да облечеться въ одежу чисту, наипаче же якоже и слышала бѣ, еже есть сътворилъ. Якоже ему облачающюся въ одежу чисту, простъ же сы умъ неже блюдыся ея. Она же прилѣжно зряше, хотящи истѣ видѣти, и се бо видѣ на срачици его кровь суцю от възгрызения желѣза. И раждьгъшися гнѣвмъ на нь, и съ яростию вьставъши и растързавъши сорочицу на немъ, биющи же ѥ, отъя желѣзо от чреслъ его. Божий же отрокъ, *яко* ничсоже зьла приять от нея, обѣлкься и, шедъ, служаше предъ възлежашими съ вьсякою тихостию.

Таче по времени паки нѣкоторѣмъ слыша въ святѣмъ еуангелии Господа глаголюща: «Аще кто не оставитъ отѣца или матере и въ слѣдъ мене не идетъ, то нѣсть мене достоинъ».* И паки: «Придѣте къ мнѣ вьси тружающіеся и *обремененици*, и азъ покою вы. Возъмѣте ярьмъ мой на ся и научитесь от мене, *яко* кръткъ есмъ и смѣренъ сьрдцьмъ, и обрящете покой душамъ вашимъ».* Си же слышавъ богодѣхновеный Феодосий и раждьгъся божьственною рьвностию и любвьию, и дышаниемъ Божиемъ, помышляше, како или кде пострѣщеся и утаитися матере своя. По сълучаю же Божию отъиде мати его на село, и якоже пребыти ѥй тамо дни мьногы. Блаженный же, радъ бывъ, помоливъся Богу, и изиде отай из дому, не имый у себе ничсоже, развѣ одежа, ти мало хлѣба немощи дѣля телесьныя. И тако устрьмися къ Киеву городу, бѣ бо слышалъ о манастырихъ ту сущиихъ. Не вѣдый же пути, моляшеся Богу, дабы обрѣлъ съпутьники, направляюща ѥ на путь желанія. И се по приключаю Божию бѣша идуще путемъ *тѣмъ* купци на возѣхъ съ бремены тяжькы. Увѣдѣвъ же я блаженный, *яко* въ тѣ же градъ идуть, прослави Бога и идяшетъ вьслѣдъ ихъ издалеча, не являяся имъ. И онѣмъ же ставъшемъ на ношньмъ становищи, блаженный же не доида, *яко* и зрѣймо ихъ, ту же опочивааше, единому Богу съблюдающю ѥ. И тако идый, трьми

и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрасивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосий некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок, словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Положите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий, и воспылал рвением и любовью к Богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле Божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись Богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился Богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле Божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил Бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только Бог охранял его. И вот

недѣлями доиде прежереченааго града. Егда же пришедь и обходи вся монастыря, хотя быти мнихъ и моляся имъ, да приять ими будеть. Они же видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти. Сице же Богу изволивъшю тако, да на мѣсто, идеже бѣ Бъгъмь от уности позъванъ, на то же ведешся.

Тъгда же бо слышавъ о блаженѣмъ Антонии,* живущимъ въ пещерѣ, и окрилатѣвъ же умъ устремися къ пещерѣ. И пришедь къ преподобьному Антонию, его же видѣвъ и, падъ, поклонися ему съ слъзами, моляся ему, да бы у него былъ. Великий же Антоний казаше и глаголя: «Чадо, видиши ли пещеру сию, скърбно суще мѣсто и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ. Ты же унъ сый, якоже мню, и не имаши тръпѣти на мѣстѣ семь скърби». Се же не тѣкмо искушая и глаголаше, нъ и прозорочьныма очима прозря, яко тѣ хотяше възградити самъ мѣстѣ то и монастырь славнъ сътворити на събъраніе множеству чърнць. Богодъхновеный же Феодосий отвѣща ему съ умилениемъ: «Вѣжъ, чьстный отче, яко проразумьникъ всячьскихъ Богъ приведе мя къ святости твоей и спасти мя веля, тѣмъже, елико ми велиши сътворити, съворю». Тъгда глагола ему блаженный Антоний: «Благословенъ Богъ, чадо, укрѣпивый тя на се тѣщание, и се мѣсто — буди въ немъ». Феодосий же, паки падъ, поклонися ему. Таче благослови и старецъ и повелѣ великому Никону* острѣщи ѿ, прозвутеру тому сущю и чърноризьцю искусьну, иже и поимъ блаженаго Феодосиа и по обычаю святыхъ отъць остригы и облече ѿ въ мнишьскую одежду.

Отъць же нашъ Феодосий предавъся Богу и преподобьнууму Антонию, и оттолѣ подаяшеса на труды телесьныя, и бѣдьяше по вся нощи въ славословении Божии, съннюю тягость *отвръгъ*, къ въздържанию же и плѣтию своею тружаяся, рукама дѣло свое дѣлая и въспоминая по вся дъни псалъмское оно слово: «Виждь съмѣрение мое и трудъ мой и остави вся грѣхы моя».* Тѣмъ вьсь съ вьсѣмъ въздържаніемъ душу съмѣряше, тѣло же паки трудъмъ и подвизаниемъ дручааше, яко дивитися преподобьнууму Антонию и великому Никону съмѣрению его, и покорению, и толику его въ уности благодѣяству, и укрѣпленію, и бѣдрости. И вельми о вьсемъ прослависта Бога.

Мати же его много искавъши въ градѣ своемъ и въ окръстныхъ градѣхъ и яко не обрете его, плакаашеса по немъ лютѣ, биючи въ пѣрси своя яко и по мртвѣмъ. И заповѣдано же бысть по всей странѣ той, аще кѣде видѣвъше такого отрока, да пришедьше възвѣстите матери его и велику мзду примуть о възвещении его. И се пришедьше от Кыева и повѣдаша ей, яко преже сихъ 4 лѣтъ видѣхомы ѿ въ нашемъ градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомъ от монастыревъ. И то слышавъши она и не облѣнивъшися и тамо ити. И нимало же помѣдливъши, ни дълготы же пути убожавъшися въ прежереченый градъ иде на възискание сына своего. Иже и пришедьши въ градъ тѣ, и обходи вся монастыря, ищющи его. Послѣди же повѣдаша ей, яко въ

после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрасивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж Бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда Бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосий о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и непригляднее всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам Бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосий всей душой отдался Богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благодарию, твердости духа и бодрости. И неустанно славил за все это Бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Ан-

пещерѣ есть у преподобнааго Антония. Она же и тамо иде, да ѿ тамо обрящеть. И се начать старьца льстию вызывати, глаголющи, яко да речете преподобнууму, да изидеть. «Се бо многъ путь гънавъши придохъ, хотящи бесѣдовати къ тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и азъ от тебе». И възвѣщено бысть старьцю о ней, и се изиде къ ней. Его же видѣвъши и поклонися ему. Таче сѣдъшема има, начать жена простирати к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, еяже ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отъче, повѣжь ми, аще сде есть сынъ мой. Много же си жалю его ради, не вѣдуши, аще убо живъ есть». Старьць же сый простъ умъмъ и, не разумѣвъ льсти ея, глагола ей, яко «сде есть сынъ твой, и не жалиси его ради, се бо живъ есть». То же она къ нему: «То чьто, отъче, оже не вижю его? Многъ бо путь шьствовавъши, придохъ въ сий градъ, тькмо же да вижю си сына своего. Ти тако възвращюся въ градъ свой». Старьць же к ней отъвѣща: «То аще хощеша видѣти ѿ да идеша нынѣ въ домъ, и азъ, шедъ, увѣщаю ѿ, не бо рачить видѣти кого. Ти въ утрѣй днь пришедъши, видиши ѿ». То же слышавъши, она отъиде, чающи въ приидущий днь видѣти ѿ. Преподобный же Антоний, въшедъ въ пещеру, възвѣсти вся си блаженууму Феодосию, иже ѿ слышавъ, сѣжалиси зѣло, яко *не* може утаитися ея. Въ другый же днь прииде паки жена, старьць же много увѣщаваше блаженааго изити и видѣти матеръ свою. Онъ же не въсхотѣ. Тьгда же старьць, ишьдъ, глагола ей, яко «многъ молихы ѿ, да изидеть къ тебе, и не рачить». Она же к тому уже не съ смѣрениемъ начать глаголати къ старьцю, съ гнѣвъмъ великъмъ въпияше о нуже старьца сего, яко имый сына моего и съкрывый въ пещерѣ, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не тръплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зълѣ умьру, се бо сама ся погублю предъ дверьми пещеры сея, аще ми не покажеша его». Тьгда Антоний, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляше блаженааго Антоний, да изидеть къ ней. Онъ же не хотя послушати ся старьца и изиде къ ней. Она же видѣвъши сына своего въ таковѣй скърби суша, бѣ бо уже лице его измѣнилось отъ многааго его труда и въздържания, и, охопивъшися емъ, плакашеса горко. И одъва мало утѣшивъшися, сѣде и начать увѣщавати Христова слугу, глаголющи: «Поиди, чадо, въ домъ свой, и еже ти на потребу и на спасение души, да дѣлаеша въ дому си по воли своей, тькмо же да не отълучайся мене. И егда ти умьру, ты же погребеша тѣло мое, ти тьгда възвратишися въ пещеру сию, якоже хощеша. Не тръплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженный же рече къ ней: «То аще хощеша видѣти мя по вся дньи, иди въ сий градъ, и въшьдъши въ единъ манастырь женъ и ту остризися. И тако, приходящи сѣмо, видиши мя. Къ симъ же и спасение души приемши. Аще ли сего не твориши, то — истину ти глаголю — к тому лица моего не имаши видѣти». Сицѣми же и инѣми многими наказани пребываша по вся дньи, увѣщавая матеръ свою. Онъй же о томъ не хотящи,

тония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвоюся». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаться с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот ослушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видаться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она

не понѣ послушати его. И егда отъхожаше от него, тѣгда блаженный, въшедь въ пещеру, моляшеся Богу прилѣжно о спасении матере своя и обращении сѣрдьца ея на послушание. Богъ же услыша молитву угодняка своего. О семь бо словеси рече пророкъ: «Близъ Господь призывающимъ вѣистину и волю боящимъся его творить, и молитву ихъ услышитъ, и спасеть я».* Въ единъ бо днь пришьдѣши мати ему глаголя: «Се, чадо, велимая вѣся тобою сѣтворю, и къ тому не възвращюся въ градъ свой, нѣ яко Богу *волящю*, да иду въ манастырь женъ, и ту остригъшися прочая пребуду дни своя. Се бо от твоего учения разумѣхъ, яко ничтоже есть свѣтъ сий маловременный». Си слышавъ, блаженный Феодосий възрадодася духъмъ и въшьдѣ сѣповѣда великому Антонию, иже, и услышавъ, прослави Бога, обративъшааго сѣрдце ея на такавое покаяние. И шдѣ къ ней и много поучивъ ю, еже на пользу и на спасение души, и възвѣстивъ о ней княгини, пусти ю въ манастырь женскый, именуемъ святааго Николы. И ту постриженъ ей быти, и въ мнѣишскую одежду облеченъ ей быти, и поживъши же ей въ добрѣ исповѣдании лѣта многа, съ миръмъ усъпе.

Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосия отъ уны вѣрсты до сде, дондеже прииде въ пещеру, мати же его сѣповѣда единому от братия, именьмъ Феодору, иже бѣ келарь при отьци нашемъ Феодосии. Азъ же от него вся си слышавъ, оному сѣповѣдающю ми, и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я. Обаче и на прочее сѣказание отрока исправления поиду, сѣвршение же глаголь ми укажетъся благоисправляющю Богу и словослову.

Сий убо отьць нашъ Феодосий свѣтый побѣдоносѣць показася въ пещерѣ на злыя духы. По острижени же матере своя и по отврѣженни всякая мирьская печали большими труды паче наченъ подвижатися на рѣвение Божие. И бѣ видѣти свѣтила три суща въ пещерѣ разгоняща тѣму бѣсовскую молитвою и алканиемъ: мѣню же преподобнааго Антония, и блаженааго Феодосия и великааго Никона. Си бѣша въ пещерѣ моляще Бога, и Богъ же бѣ съ ними; «иде бо,— рече,— 2 или трие сѣвѣкуплени въ имя мое, ту есмь посредѣ ихъ».*

Въ то же время иже бѣ пръвый у князя въ болярѣхъ именьмъ Иоан. И того сынъ часто прихожаше къ преподобнымъ, наслажаяся медоточныхъ тѣхъ словесъ, иже исхожааху изъ устѣ отьць тѣхъ, и възлюби же я зѣло и яко въсхотѣти ему жити съ ними и вѣся презърѣти въ житии семь, славу и богатство ни въ что же положивъ. Прикосну бо ся емъ слово Господне, рекшее, яко «удобѣе есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, нежели богату въ царствие небесное вѣннити».* Тѣгда же повѣда единому Антонию мысль свою, глаголя: «Хотѣлъ быхъ, отьче, аще Богу годно, мнихъ быти и жити съ вами». Глаголя ему старѣць: «Благо хотѣние твое, чадо, и помыслъ, исполненъ благодати, нѣ блюди, чадо, да не богатство и слава мира сего възврати тя въспять. Господу рекъшю: “Никтоже възложь руки своя на рало и зря

же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился Богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал Бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом Господь с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж Бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил Бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он в пещеру, поведала мать его одному из братии, именем Феодору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращаюсь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне Бог, дарующий благо и славослов.

Тот отец наш Феодосий вышел победителем в борьбе со злыми духами в пещере. После пострижения матери своей отвергся он от всего мирского и еще с большим усердием начал отдаваться служению Богу. И было тогда три светила в пещере, разгоняющих тьму бесовскую молитвою и постом: говорю я о преподобном Антонии, и блаженном Феодосии, и великом Никоне. Они пребывали в пещере в молитвах Богу, и Бог был с ними; ибо сказано: «Где двое или трое собрались служить мне, тут и я среди них».

В это же время был некто по имени Иоанн, первый из княжеских бояр. Сын же его часто приходил к преподобным, наслаждаясь медоточивыми речами, истекавшими из уст отцов тех, и полюбил их, и захотел жить с ними, отринув все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово Господне, вещающее: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное». Тогда поведал он одному лишь Антонию о своем желании, сказав ему: «Хотел бы, отец мой, если это угодно Богу, стать монахом и поселиться с вами». Отвечал ему старец: «Благое желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но остерегайся, чадо, вдруг богатство и слава мира сего позовут тебя назад. Господь говорит: "Никто, возложивший руки свои на плуг и озирающийся, не

въспять, управленъ есть въ царствии небеснѣмъ“, * тако и мнихъ, възвращаяся къ миру мыслию и пекуися о мирьскихъ, не имать управитися въ жизнь вѣчную». И *ина* многа старецъ бесѣдова къ отроку и оному же сьрдце боле остряшеся на любовь Божию и тѣгда отиде въ домъ свой.

И въ другый же днь одѣвья въ одежду свѣтлу и славну и тако въсѣдъ на конь поеха къ старцю* и отроци бѣша окрестъ его едуще и другыя коня въ утвари ведуще пред ним, и тако въ славѣ велицѣ приеха къ печерѣ отецъ тѣх. Онѣмъ же изшедшим и поклонившимся ему, якоже есть лѣпо велможам, он же паки поклонися имъ до земля, потомъ же снемъ съ себе одежду болярскую и положи ю пред старцемъ, и також коня, сушаа въ ютвари, и постави пред нимъ, глаголя: «Се вся, отче, красьнаа прельсть мира сего суть, и якоже хощеша, тако сътвори о них, азъ бо уже вся си прѣзрѣх и хошу мнихъ быти и с вами жити в печерѣ сей, и к тому не имамъ възвратитися в домъ свой». Старецъ же рече к нему: «Блюди, чадо, къ кому обѣщавашися и чий вѣинъ хощеша быти, се бо невидимо предстоятъ аггели Божии, приемлюще обѣщания твоя. Но егда како отецъ твой пришедъ съ многою властью и изведетъ тя отсюду, намъ же не могушимъ помощи ти, ты же пред Богомъ явишися, якожъ ложь и отмѣтникъ его». И глагола ему отрокъ: «Вѣрую Богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнетъ отецъ мой, не имамъ послушати его, еже възвратити мя къ миру. Молю же ти ся, отче, да въскорѣ острыжеша мя». Тогда повелѣ преподобный Антоние великому Никону, да пострижеть его и облечеть въ мнишескую одежду. Он же, по обычаю, молитвовавъ, и остриже его, и въ мнишеския ризы облече его, Варлаамъ имя тому нарекъ.

Тогда же приде каженикъ нѣкто от княжа дому, иже бѣ любимъ княземъ и предрѣжа у него вся, и моляшеся старцю Антонию, и той хотя быти чръноризецъ. Его же поучивъ старецъ еже о спасении души, и предасть его Никону, да того острижеть. Он же и того остригъ, облече его въ мнишескую одежду и Ефрѣмъ имя тому нарекъ. Нѣсть же лѣпо таити, еже нанесе врагъ скръбь на преподобныя ею ради. Ненавидяй же добра врагъ, диаволь, видя себе побѣждаема от святаго стада и разумѣвъ, яко оттолѣ хотяше прославлено быти мѣсто то, плакашеся своя погыбели. Начатъ же злыми своими козньями раждизати сердце князю на преподобныя, да поне тако то святое стадо распудитъ, но ни тако възможе, но самъ посрамленъ бысть молитвами ихъ и въпадеша въ яму, юже сътвори. «Обратитъ болѣзнь его на главу его и на верхъ его сниде неправда его».

И увѣдавъ убо князь Изяславъ* бывшее о боляринѣ и о каженицѣ его, разгнѣвався зѣло и повелѣ единого от нихъ привести предъ ся, дръзнувша таковаа сътворити. И ту абие, скоро шедше, великаго Никона приведоша предъ нь. Князь же, со гнѣвомъ възрѣвъ на Никона, глагола ему: «Ты ли еси остригый болярина и каженика безъ повелѣния моего?». Никонъ же отвѣща: «Благодатию Божиею азъ есмь остригы ихъ повелѣниемъ небеснаго царя и

найдет себе места в царствии небесном“; так же и монах, если помыслы его возвращаются к мирской жизни и печется он о мирских делах, не удостоится жизни вечной». И долго еще беседовал старец с отроком, а сердце того еще более разгоралось любовью к Богу, с тем и вернулся он в дом свой.

И на другой же день оделся в праздничные и богатые одежды и, сев на коня, поехал к старцу, и отроки его ехали подле него, а другие вели перед ним коня в богатой упряжи, и вот так торжественно подъехал он к пещере тех отцов. Они же вышли и поклонились ему, как подобает кланяться вельможам, а он в ответ поклонился им до земли, потом снял с себя одежду боярскую и положил ее перед старцем, и также коня в богатом убранстве поставил перед ним и сказал: «Все это, отче,— красивые соблазны мира сего, и сделай с ними что хочешь, я же от всего этого уже отрекся, и хочу стать монахом, и с вами поселиться в пещере этой, и поэтому не вернусь в дом свой». Старец же сказал ему: «Помни, чадо, кому обещаешься и чьим воином хочешь стать, ведь невидимо предстоят тебе ангелы Божии, принимая обещания твои. А что если отец твой, придя сюда во всей силе власти своей, уведет тебя отсюда? Мы же не сможем тебе помочь, а ты перед Богом явишься лжецом и отступником его». И отвечал ему отрок: «Верю Богу моему, отче; если даже начнет истязать меня отец мой, не послушаю его и не вернусь к мирской жизни. Молю я тебя, отче, поскорее постриги меня». Тогда велел преподобный Антоний великому Никону постричь отрока и облечь его в монашескую одежду. Тот же, как требует обычай, прочел молитву, постриг его, и одел в монашеское одеяние, и имя нарек ему Варлаам.

В это же время пришел некий скопец из княжеского дома; был он любим князем и всем управлял в его дому; и стал умолять старца Антония, желая стать черноризцем. Старец же, наставив его о спасении души, передал его Никону, чтобы тот постриг его. Никон же и того постриг, облечь его в монашескую одежду и нарек имя ему Ефрем. Не следует скрывать, что из-за них двух навлек враг беды на преподобных. Ненавидящий все доброе враг наш, дьявол, видя, что побеждаем он святым стадом, и понимая, что с этих пор прославится то место, оплакивал свою погибель. И начал он злыми кознями разжигать гнев князя на преподобных, чтобы таким образом разогнать святое стадо, но ни в чем не преуспел, и сам был посрамлен молитвами их, и пал в яму, которую сам же выкопал. «На его же голову обратится злоба его, и на темя его обрушатся ухищрения его».

Когда же узнал князь Изяслав, что произошло с боярином и со скопцом его, то страшно разгневался и приказал привести к себе того, кто дерзнул все это сделать. Тотчас же пошли и привели великого Никона к князю. Князь же, в гневе обратившись к Никону, спросил его: «Ты ли тот, кто постриг боярина и скопца без моего повеления?» Никон же отвечал: «По благодати Божьей я постриг их, по повелению небесного царя и Иисуса

призавшаго их Исуса Христа на таковый подвигъ». Князь же рече то: «Или увѣщавъ их в дом свой поити, или на заточение послю тя и сушаа с тобою, и пещеру вашу раскопаю». К симъ же Никонъ отвѣща се: «Еже есть, владыко, угодно пред очима твоима, тако сътвори, мнѣ же нѣсть лѣпо отвратити вѣинь от царя небеснаго». Антоний же и иже с ним, въземше одежда своа, отъидоша от мѣста своего, хотяще отъити въ ину область. Князю же еще гнѣвающуюся и укоряющую Никона, и се единь от отрокъ, вшед, поведаше, яко *Антоний и иже* съ нимъ отъходить отъ града сего въ ину область. Тъгда глагола ему жена его: * «Послушай, господи, и не гнѣвайся. Яко тако же бысть и въ странѣ нашей, отъбѣжавшемъ нѣкоя бѣды ради чрънымъ, много зъла створися въ земли той ихъ ради, нѣ блюда, господи, да не тако въ области твоей будеть». То же слышавъ князь и убоаявсья гнѣва Божия, отпусти великааго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою. По онѣхъ же посла, рекый, да съ мольбою възвратятся възпять. Иже едва по три дъни увѣщани быша възвратитися въ свою пещеру, яко се нѣкотории храбри от брани, побѣдивше супостата своего врага. И бѣша вѣину молящеся днь и ношь къ Господу Богу. Нѣ ни тако не почиваше врагъ, боряся съ ними. Тъгда бо увѣдѣвъ боляринь Иоань, яко никоегоже имъ зъла не створи христоролюбивый князь Изяславъ, и раждгься на ня гнѣвмъ, сына ради своего, и поимъ отрокуы многы, и иде на святое стадо, иже и распудивъ я, и въшедъ въ пещеру, и имъ сына своего, божьствнааго Варлаама, извлече ѥ вѣнь, таче сънмъ съ него святую мантию, и вѣврже ю въ дѣбрь, такоже и шлѣмъ спасения, иже бѣ на главѣ его, сънмъ, завърже ѥ. И тьгда же ѥ облече въ одежду славному и свѣтлу, якоже е лѣпо боляромъ. Онъ же съврже ю долу, не хотя ни видѣти ея, и тако створи многашьды. Тоже повелѣ отць его съ гнѣвмъ съвязати ему руцѣ и одѣти ѥ въ прежереченую одежду, ти тако ити ему сквозѣ градъ въ домъ свой. Онъ же, иже поистинѣ теплый душею на Божию любовь Варламъ, идый путьмъ, узрѣ распалину, калну сушу, и скоро вѣшьдъ въ ню и Божию помощью съврже одежду съ себе, и своима ногама попирашеть ю въ калѣ, попирая съ тѣми и злыя помыслы и лукаваго врага. Таче по сихъ пришедшемъ имъ въ домъ, повелѣ отецъ его сѣсти съ нимъ на трѣпезѣ. Оному же сѣдшю, и ничьсоже въкуси отъ брашна, нѣ пребывааше нича и долу зря. По отъядении же отпусти ѥ въ своя храмы, приставивъ отрокуы блюсти, да не отъидеть; повелѣ же и женѣ его утворитися въ утварь всякую на прельщение отрока и служити предъ нимъ. Рабъ же Христовъ Варламъ вѣшедъ въ едину клѣтъ, сѣдѣ в углѣ ея. Жена же его, якоже бѣ ѥй повелѣно, хожаше предъ нимъ и моляшети ѥ сѣсти на одрѣ своемъ. Видѣвъ же онъ неистовство жены и разумѣвъ, яко на прельщение ему уготова отць, моляшеся въ тайнѣ сьрьдца своего къ милосьрдууму Богу, могущууму спасти отъ прельсти тоя. Пребысть же на мѣстѣ томъ сѣдя три дъни, не вѣстая от него, ни брашна же въкушая, ни въ одежду облечеса, нѣ въ единой свитѣ

Христа, призвавшего их на такой подвиг». Князь же отвечал так: «Или убеди их вернуться по домам, или же и ты заточен будешь, и те, кто с тобою, а пещеру вашу засыплю». На это Никон отвечал так: «Если, владыка, угодно тебе так поступить — делай, а мне не подобает совращать воинов царя небесного». Антоний же и все, кто были с ним, взяв одеяния свои, покинули свое место, намереваясь уйти в другую землю. В то время, когда разгневанный князь еще укорял Никона, пришел один из его отроков и поведал, что Антоний и все остальные уходят из их города в другую землю. Тогда обратилась к князю жена его: «Послушай, господин, и не гневайся. Вот так же случилось и в нашей стране: когда из-за какой-то беды покинули ее черноризцы, то много напастей претерпела та земля, так остерегайся же, господин, чтобы не случилось того же в твоей земле». Услышав это, князь устрасился гнева Божьего и отпустил великого Никона, повелев ему вернуться в свою пещеру. За остальными же послал, передав им, чтобы с молитвами возвращались бы назад. Их же почти три дня убеждали, прежде чем вернулись они в свою пещеру, словно герои после битвы, победив противника своего дьявола. И снова зажили там, молясь день и ночь Господу Богу. Но не дремал и враг, боровшийся с ними. Ибо как только узнал боярин Иоанн, что никакого зла не причинил монахам христолюбивый князь Изяслав, то воспылил на них гневом из-за сына своего, и, взяв с собой множество отроков, двинулся на святое стадо, и, разогнав монахов, вошел в пещеру и вывел из нее сына своего, божественного Варлаама, тут же снял с него святую мантию, бросил ее в ров, сорвав, швырнул и шлем спасения, что был на голове у него. И тотчас же одел сына в богатые и красивые одежды, в каковых подобает ходить боярам. Но тот сорвал их с себя и швырнул на землю, не желая и видеть их; и так повторялось не один раз. Тогда отец его, разгневавшись, приказал связать ему руки и одеть в те же одежды и в них провести чрез весь город до своего дома. Он же — поистине исполненный любви к Богу Варлаам — увидев по дороге грязную рытвину, прыгнул в нее, и с Божьей помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи, вместе с ней попирая и злые помыслы и лукавого врага. Когда же они пришли домой, велел отец ему сесть с ним вместе за трапезу. Тот сел, однако ни крошки не вкусил из яств, а сидел опустив голову и глядя в землю. После обеда отпустил отец сына в его покои, приставив отроков следить, как бы он не ушел; а жене его приказал нарядиться в разные одежды, чтобы прельстить отрока, и во всем угождать ему. Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его, как ей было приказано, расхаживала перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же, видя неистовство жены и догадавшись, что отец послал ее, чтобы прельстить его, в душе своей молился милосердному Богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня, не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь—

си пребывааше. Преподобный же Антоний и съ сущими съ нимъ и съ блаженнымъ Феодосиемъ бѣша въ печали мнозѣ его ради и моляхуться Богу за нь. Богъ же услыша молитву ихъ: «възвѣваша бо,— рече,— правдыни, и Господь услыша я и отъ всѣхъ печалій ихъ избавить я. Близъ Господь съкрушенныхъ сьрдцьемъ и смѣреня духъмъ спасеть».*

Видѣвъ убо благый Богъ тьрпѣние и смѣрение отрока, обрати жестокое сьрдце отца его на милость къ сыну своему. Тѣгда убо възвѣстиша ему отроки, глаголюще, яко «се уже четвертый день имать не въкушая брашна, ни въ одежду рачить облѣщися». То же слышавъ, отецъ его съжалиси зѣло его ради, блудый, да не гладьмъ и зимою умереть. Призывавъ же и любьзно цѣловавъ и отпусти ѱ. Бы же тѣгда вещь пречюдна и плачь великъ, яко и по мрътвѣмъ. Рабы и рабыня плакахуться господина своего и яко отъхожааше отъ нихъ, иде жена, мужа лишаяущися плакашеса, отецъ и мати сына своего плакастася, яко отлучашеса отъ нихъ, и тако съ плачьмъ великъмъ проважахути ѱ. Тѣгда Христовъ воинъ ишедъ изъ дому своего, яко птица ис пругла истьргъшися или яко сьрна отъ тенета, тако скоро текый, и доиде пещеры оной. Его же видѣвъше, отци ти възрадовашася радостию великою и, ставше, прославиша Бога, яко услыша молитву ихъ. То уже оттолѣ многымъ приходящемъ въ пещеру благословления ради еже отъ отецъ тѣхъ и друзии отъ нихъ бывааху чьрньци Божию благодатию.

Тѣгда же великий Никонъ и другой чьрньць святаго Мины монастыря, болярина тако наречемъ, сьвѣщавъшася, тако отъидоста, хотяща особѣ сѣсти. И пришьдъша надъ море, ту же и разлучистася отъ себе, якоже се апостола Павль и Варнава на проповѣдание Христово, якоже пишеться въ Дѣянихъ апостоль.* Боляринъ же, идый къ Костянтиню граду, обрете островъ средѣ моря и ту въселися въ ньмъ. Поживе лѣта *многа*, трпя зиму и гладъ, и тако успе съ мирьмъ. Се же и доньнѣ островъ ть зовомъ есть Боляровъ. Великий же Никонъ отъиде въ островъ Тьмуроканьскый,* и ту обрѣтъ мѣсто чисто близъ града, сѣде на немъ. И Божию благодатию възрасте мѣсто то, и цьрквь святаыя Богородица възгради на немъ, и бысть монастырь славнь, иже и доньнѣ есть, прикладъ имый въ сий Печерьскый монастырь.

По сихъ же паки Ефремъ каженикъ отиде въ Костянтинь градъ и ту живяше въ единомъ монастыри. Послѣже же изведенъ бысть и въ страну сию и поставленъ бысть митрополитъмъ въ городъ Переяслави. Се же уже многыми наказании предъложение слову створихомъ, обаче отъселѣ на предлежащее слово възвратимъся, кѣде се все мину и по отходѣ отецъ тѣхъ.

Тѣгда же блаженный отецъ нашъ Феодосий поставленъ бысть презвутьеръмъ повелѣниемъ преподобнааго Антония и бѣ по вся дьни божьствьную службу сьвършая съ всякымъ смѣрениемъ, бяше бо кроткъ нравъмъ, и тихъ сьмыслъмъ, и простъ умъмъ, и духовьныя всея мудрости испълненъ.

так и сидел в одной рубашке. Преподобный же Антоний со всеми бывшими с ним и с блаженным Феодосием очень печалились о Варлааме и молили за него Бога. И Бог услышал молитву их: «Воззвали — как говорится — праведные, и Господь услышал их, и от всех печалей избавил их. Близок Господь сокрушенным сердцем и спасает смиренных душой».

Бог же благой, видя терпение и смирение отрока, смягчил жестокое сердце отца его и обратил его на милость к сыну. Тогда как раз сказали ему отроки, что уже четвертый день не принимает он пищи и одежду не хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, облобызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слуги и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил от них, и так с громкими стенаниями провожали его. Тогда воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети или серна из западни, и чуть ли не бегом достиг пещеры. Увидев его, отцы те возрадовались великой радостью и, встав, прославили Бога, услышавшего их молитву. И с этого времени многие приходили в пещеру за благословением отцов тех, а другие по Божьей благодати становились чернецами.

Тогда великий Никон и другой чернец из монастыря святого Мины, в прошлом боярин, посовещавшись, ушли из пещеры, желая поселиться отдельно от других. И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Павел и Варнава разошлись проповедовать слово Христово, как пишется об этом в Деяниях апостольских. Боярин отправился к Константинополю, и по пути встретился ему остров среди моря, на котором он и поселился. Прожил там лет немало, переноса холод и голодая, и почил там же с миром. Сей же остров и доныне называют Бояров. Великий же Никон отправился в остров Тмутороканский, и там нашел место свободное вблизи города, и обосновался здесь. И по Божьей благодати прославилось место то, построил он там церковь святой Богородицы и основал монастырь славный, который существует и поныне, почитая за образец себе Печерский монастырь.

После этого и Ефрем скопец отправился в Константинополь и поселился там в одном из монастырей. Впоследствии был он возвращен в страну нашу и поставлен митрополитом в городе Переяславле. Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу — о том, что произошло после ухода тех отцов.

Тогда блаженный отец наш Феодосий по повелению преподобного Антония был поставлен священником и во все дни со всяческим смирением совершал божественную службу, ибо был кроток и тих, не изощрен умом, но духовной мудрости исполнен. И братию всю любил чистой любовью; собра-

Любвь же непорочну имѣя къ всей братии, бѣ бо уже съвѣкупилосѣ братия яко до пяти-на-десяте. Преподобный же Антоний, якоже бѣ обыкль единъ жити и не трпя всякого мятежа и мѣлвы, затворисѣ въ единой келии пещеры, поставивъ въ себе мѣсто братии блаженаго Варлаама, сына болярина Иоана. И отътуда пакы преселисѣ на инъ хѣлмъ Антоний и, ископавъ пещеру, живяше, не излазя из нея, идеже и донынѣ чѣстьное тѣло его лежить. Тѣгда же божествный Варламъ постави надъ пещерою малу црквицю въ имя святая Богородица, веля, да ту братия събираются на божествное словословие. То уже всѣмъ явлено бысть мѣсто то, бѣ бо мнозѣми суще преже не вѣдомо.

А еже испърва житие ихъ въ пещерѣ, и елико скърби и печали прияша, тѣсноты ради мѣста того, Богу единому съвѣдушю, а устомъ челоуѣчскомъ не мощно исповѣдати. Къ симъ же и ядъ ихъ бѣ рѣжанъ хлѣбъ тѣкмо, ти вода. Въ субботу же ти въ недѣлю сочива вѣкушахуть; многашьды же и въ та дѣни не обрѣтѣшюся сочиву, зелие съваривъше едино и то ядыху. Еще же и рукама своима дѣлахуть дѣло: ово ли копытьца плетуше и клобуки, и ина ручная дѣла строяше и тако, носяще въ градъ, продаяху и тѣмъ жито купяху, и се раздѣляхуть, да кѣждо въ нощи свою часть измельяшетъ на състроение хлѣбомъ. Таче по томъ начатъкъ пѣнню заутрънюуму творяху и тако пакы дѣлааху ручное свое дѣло. Другоици же въ оградѣ копахуть зелиинааго ради растения, дондеже будяше годъ божествнууму славословнию, и тако вси вѣкупѣ съшедъшесѣ въ цркъвь, пѣнния часомъ творяхухуть, таче святую службу съвршывъше, и тако вѣкусивъше мало хлѣба и пакы дѣлѣ ся своемъ кѣждо имяшетъ. И тако по вся дѣни трудящесѣ, пребывахуть въ любви Божии.

Отъць же нашъ Феодосий сѣмѣренѣмъ сѣмыслѣмъ и *послушаниемъ* вся преспѣвааше, трудѣмъ и подвижаниемъ и дѣлѣмъ телеснымъ, бяше бо и тѣлѣмъ благъ и крѣпкъ и съ поспѣшьствомъ всѣмъ служаше, и воду нося и дрѣва из лѣса на своею плещю, бѣдя же по вся нощи въ славословлении Божии. И братии же на опочители суще, блаженный же възѣмъ раздѣленное жито и когождо часть измѣлъ и поставляше на своемъ мѣстѣ. Другоици же, оваду сушу многу и комаромъ, въ нощи излѣзъ надъ пещеру и, обнаживъ тѣло свое до пояса, сядяше, прядый вълну на съплетение копытьцемъ и псалтырь же Давидову поя. Отъ множества же овада и комара все тѣло его покрѣвено будяше, и ядыху плѣть его о немъ, пиюще кровь его. Отъць же нашъ пребываше неподвижимъ, ни вѣстая от мѣста того, дондеже годъ будяше утрный, и тако преже всѣхъ обрѣташесѣ въ цркви. И ставъ на своемъ мѣстѣ непоступнѣ сы, ни мятыйся умѣмъ, божествное славословие съвршаше, ти тако пакы и-цркъве послѣже всѣхъ излажааше. И сего ради вси любляхути ѣ зѣло и яко отъца имяхути ѣ, зѣло дивящесѣ сѣмѣренню его и покорению.

Таче по сихъ божествный Варлаамъ, игумень сы братии въ пещерѣ, изведенъ бысть княжемъ повелѣниемъ въ монастырь святаго мученика Ди-

лось уже в то время до пятнадцати монахов. Преподобный же Антоний привык один жить, ибо не любил всяческих ссор и разговоров, и затворился в одной из келий пещеры, а игуменом поставил вместо себя блаженного Варлаама, сына боярина Иоанна. Оттуда впоследствии переселился Антоний на другой холм и, выкопав пещеру, жил в ней, никуда не выходя, и поныне там покоится его честное тело. Тогда же блаженный Варлаам построил над пещерой небольшую церквушку во имя святой Богородицы, чтобы братия собиралась в ней для молитвы. Это место уже всем известно, а до тех пор многие о нем и не ведали.

А какова была сперва их жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всяких невзгод в том месте — это одному Богу ведомо, а устами человеческими невозможно и рассказать. К тому же и еда их была — один ржаной хлеб и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи. При этом и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и иным ремеслом занимались, и носили сделанное в город, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолол для печения хлеба. Потом служили заутреню, а затем снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставал час новой молитвы, и так все вместе сходились в церковь, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затем, поев немного хлеба, снова обращались каждый к своему делу. И так трудились день за днем в неугасимой любви к Богу.

Отец же наш Феодосий смирением и послушанием всех превосходил, и трудолюбием, и подвижничеством, и делами, ибо телом был могуч и крепок и с удовольствием всем помогал, воду нося и дрова из леса на своих плечах, а ночи все бодрствовал, славя в молитвах Бога. Когда же братия почивала, блаженный, взяв выделенную каждому часть зерна, молотил за них и относил на то место, откуда взял. Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его, и пили его кровь. Отец же наш пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не наступал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И, став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности.

Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монасты-

митрия и ту игуменьмъ поставленъ.* Тогда же братия ту сушая въ пещерѣ събравъшеся, изволениемъ всѣхъ, възвѣстивъше преподобноуму Антонию, блаженааго отца нашего Феодосия игуменьмъ себе нарекоша, яко и чьрньчьскую жизнь управивъша и Божия извѣсто заповѣди излиха вѣдуша.

Отць же нашъ Феодосий, аще и старѣйшинство приимъ, не измѣни сьмѣренія своего правила, на памяти Господа имѣя, рекъша: «Иже аще кто въ васъ хошетъ быти старѣй, буди всѣхъ убо мьний и всѣмъ слуга».* Тѣмъ же сьмѣряшеся, мьний всѣхъ ся творя и всѣмъ служа, и собою образъ всѣмъ дая, и на дѣло преже всѣхъ исходя и въ чину святыя литургия. И оттолѣ цвьтяше и мьножашеся мѣсто то правьдника молитвою. «Правьдникъ бо,— рече,— яко и фуникъсь процвьтеть и яко и кедръ, иже въ Ливанѣ, умножиться».* Умножаху бо ся оттолѣ братия и цвьтяше мѣсто то добрыми нравы и молитвами ихъ и инѣми благочьствивыми нравы. И многымъ отъ вельможъ приходити къ нему благословления ради, и от имѣний своихъ малу нѣкаку часть подаючи имъ. Преподобный же отць нашъ, иже поистинѣ земельный ангелъ и небесный чловѣкъ, Феодосий видя мѣсто скьрбно суше и тѣсно и еще же и скудно при всѣмъ, и братии мьножашися, цьркиви же малѣ сущи на сьвѣкупление имъ, и николиже вьпаде о томъ въ печаль, ни поскьрбе о томъ, нѣ по вся дьни братию всю утѣшая, учаше и никакоже попечися о плѣтнѣмъ, но Господень гласъ вьспоминаше, имъ глаголя: «Не пыцѣтеся, чьто приемъ, или чьто ѣмъ, или въ чьто облечемься: вѣсть бо отць вашъ небесный, яко требуетъ вься си, обаче ищете цесарьства небеснаго и си вься приложатся вамъ». Блаженный же сице помышляше, Богъ же все на потребу нескудно подаваше ему.

Тогда бо сий великий Феодосий обрѣтъ мѣсто чисто, недалече от пещеры суше, и разумѣвъ, яко довьльно есть на възгражение монастыря, и разбогатѣвъ *благодатию* Божиею и оградивъся вѣрою и упованиемъ, испьлнивъ же ся Духа Святаго, начать подвижитися вьселити мѣсто то. И якоже Богу помагающю ему, въ мало время възгради цьрквь на мѣстѣ томъ въ имя святыя и преславныя Богородица и приснодѣвица Марія, и оградивъ и постави келиѣ многы, и тогда преселися от пещеры съ братиею на мѣсто то въ лѣто 6570. И отътолѣ Божиею благодатию въздрате мѣсто то, и бысть монастырь славнь, се же и донинѣ есть Печерьскый наричемъ, иже от святаго отца нашего Феодосия сьставленъ бысть.

По сихъ же посла единого отъ братия въ Костянтинъ градъ къ Ефрему скопцю, да вьсь уставъ Студийскааго монастыря,* испьсавъ, присьлетъ ему. Онъ же преподобнааго отца нашего повелѣная ту абие и створи, и вьсь уставъ монастырьскый испьсавъ, и посъла къ блаженому отцю нашему Феодосию. И его же приимъ отць нашъ Феодосий, повелѣ почисти предъ братию, и оттолѣ начать въ своемъ монастыри вся строити по уставу монастыря Студийскааго, якоже и донинѣ есть, ученикомъ его

ре святого мученика Дмитрия. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвести преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую блюл и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах Господних, вещающих: «Если кто из вас хочет быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга». Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех и всем услужал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский». И с той поры умножалось число братии и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяческим благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением и отдавали ему какую-то долю своих богатств. Преподобный же отец наш Феодосий — поистине он земной ангел и небесный человек — видя, что место, где жили они, и печально, и тесно, и всем скудно, и возросшей числом братии уже трудно было вмещаться в церкви, никогда из-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякий день братию утешал и поучал, чтобы не заботились они о земном, но напоминал им Господни слова, говоря: «Не думайте о том, что пьем, или что едим, или во что одеты: ибо знает отец ваш небесный, в чем нуждаетесь вы; но ищите царства небесного, а все прочее придет к вам». Блаженный так думал, а Бог щедро давал ему все, в чем была нужда.

В то время великий Феодосий присмотрел свободное место невдалеке от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и Духом Святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с Божьей помощью в недолгое время построил на том месте церковь во имя святой и преславной Богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того времени по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и доньше называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосием.

Некоторое время спустя послал Феодосий одного из братии в Константинополь, к Ефрему скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосий повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и доньше ученики

сице съвршаемъмъ. Всякому же хотящю быти чърноризъну и приходящему къ нему, не отрѣвааше ни убога, ни богата, нъ вся принимаше съ всякъмъ усърдиемъ, бѣ бо и самъ въ искушении томъ былъ, якоже и выше речеся: егда бо приде отъ града своего, хотя быти мнихъ, якоже обходящю тому вся монастыря, не рачахуть бо того прияти — Богу тако сътворишю на искушение ему. Се бо си въспоминая благый, какова скръбъ бываетъ чловѣку, тгда хотящюму острѣщися, и сего ради вся съ радостию приходящая принимаше. Нъ не ту абие постригаше его, нъ повелѣваше ему въ своей одежи ходити, дондеже извыкнеше вся устрой монастырьскый, таче по сихъ облечашети ѥ въ мнишьскую одежду и тако паки въ всѣхъ службахъ искушашети ѥ, ти тгда остригы, и оболочашети ѥ въ мантию, дондеже паки будяше чърньць искусьнъ житиемъ чистъмъ си, ти тгда сподобяшети ѥ прияти святую скиму.

По вся же дъни святыхъ мясопушь* святой отъць нашъ Феодосий отхожаше въ святую свою пещеру, идеже и чъстье тѣло его положено бысть. Ту же затворяшеса единъ до Врѣбныя недѣля,* и въ пяткъ тоя недѣля, въ годъ вечерняя, прихожааше къ братии и, ставъ въ двѣрехъ църквьныхъ, учааше вся и утѣшая, подвига ради и *пощенія* ихъ. Себе же недостойна творя, якоже ни единою недѣлѣ, понѣ достигнути противу трудомъ ихъ. Многу же скръбъ и мчатание зъли дуси творяхуть ему въ пещерѣ той; еще же и раны наносяше ему, якоже и о святѣмъ и велицѣмъ Антонии пишеться. Нъ явивыйся оному, дрззати веля Тъ, и сему невидимо съ небесе силу подасть на побѣду ихъ.

Кто бо не почюдиться убо блаженууму сему, еже въ такой тьмѣнѣ пещерѣ пребывая единъ, мнѡжества пълковъ невидимыхъ бѣсовъ не убоися, нъ крѣпко стоя, яко храбръ сильнъ, Бога моляше и Господа Исус Христа на помощь себе призывающа. И тако побѣди я Христовою силою, яко къ тому не смѣти имъ ни приблизитися емъ, нъ и еще издавеча мьчты творяшемъ ему. По вечерньнимъ убо пѣнии сѣдъшю ему и хотящю опочинуту, не бо николиже на ребрѣхъ своихъ ляжашеть, нъ аще коли хотящю ему опочинуту, то, сѣдъ на столѣ и тако мало поспавъ, въстаняше паки на ношьное пѣние, и поклонение колѣномъ творя. Сѣдъшю же ему, якоже речеся, и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ мнѡжества бѣсовъ, якоже се имъ на колесницахъ ѣдущемъ, другимъ же въ бубны биущемъ, и инѣмъ же въ сопѣли сопущемъ, ти тако всѣмъ кличущемъ, якоже трястися пещерѣ отъ мнѡжества плища зълиныхъ духовъ. Отъць же нашъ Феодосий, вся си слышавъ, не убоися духъмъ, ни ужасеса срьдцьемъ, нъ оградивъся крстьнымъ оружиемъ и, въставъ, начать пѣти псалтырь Давидову. И ту абие многый трусь не слышимъ бывааше. Таче по молитвѣ сѣдъшю ему, се паки бещисльныхъ бѣсовъ глас слышаашеса, якоже и преже. И преподобнууму же Феодосию ставъшю и начьнъшю оно псалмьское пѣние, глас онъ абие ищазааше. Сице же по

Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — Богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облачал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

Всегда после дней святого мясопуста отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до Вербной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии, и, остановившись в дверях церковных, поучал всех, и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же говорил, как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию Тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не утратил множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь Богу и призывая себе на помощь Господа Иисуса Христа. И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знаменем, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосий и снова начинал распевать псалмы, и тотчас

многы дъни и нощи творяхуть ему зълии дуси, яко не дати ему ни мало опочинути, дондеже благодатию Христовою побѣди я, и възять от Бога власть на нихъ, якоже отътолѣ не сѣмѣти имъ ни прикоснутися ни къ мѣсту тому, идеже блаженный молитву творяше.

Се бо паки бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, идеже хлѣбы братия творяху: овогда муку расыпающе, овогда же положеный квась на състроение хлѣбомъ разливааху и ину многу пакость творяще бѣша. Тъгда же старѣй пекущимъ, шьдѣ, съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыхъ бѣсовъ. То же съ уповая, яко възять власть на нихъ отъ Бога, въставъ вечеръ и иде въ храмъ тѣ, и затворивъ дъври о себе, ту же пребысть въ немъ до утрняня, молитвы творя. Якоже отъ того часа не явится бѣсомъ на томъ мѣстѣ, ни пакости никоеяже творити имъ, запрещениемъ преподобнааго и молитвою.

Имѣяше же обычай сиць великий отъць нашъ Феодосий, якоже по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсѣ, хотя увѣдѣти когоджо ихъ како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тѣгда, ставъ, прославяше о немъ Бога, егда же паки кого слышааше бесѣдующа дѣва ли или трие съшедшесе въкупѣ, то же ту, ударивъ своею рукою въ дъври ти, тако отхожааше, назнаменавъ тѣмъ свой приходъ. Таче въ утрѣй днь призывавъ я, нѣ не ту абие обличааше ихъ, нѣ якоже издалеча притѣчами нагоня, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ Богу тѣшание ихъ. Аше бо будяше братъ льгѣкъмъ сьрьдцьмъ и теплъ на любвь Божию, то сий въскорѣ разумѣвъ свою вину, падъ, поклоняшесе, прощения прося отъ него прияти. Аше ли будяше паки братъ *омрачениемъ* бѣсовьскымъ сьрьдце покръвено имый, то сий станяше, мня, яко о иномъ бесѣдуютъ, самъ чистъ ся творя, дондеже блаженный обличашети ѥ, епитимиею того утвърдяше, и отъпустяше. И тако въся прилѣжно учааше молитися къ Господу и не бесѣдовати ни къ кому же по павечерный молитвѣ, и не преходити отъ келиѣ въ келию, нѣ въ своей келии Бога молити, якоже кто можетъ и рукама же своима дѣлати по ся дъни, псалмы Давыдовы въ устѣхъ своихъ имуще и сице же имъ глаголааше: «Молю вы убо, братие, подвигнѣмся постѣмъ и молитвою, и попыцѣмся о спасении душъ нашихъ, и възвратимся отъ зълъбъ нашихъ и отъ путей лукавыхъ, яже суть сии: любодѣяннн, татѣбы и клеветы, празднословия, котеры, пиянство, обиѣдание, братоненавидѣнн. Сихъ, братие, уклонимся, сихъ възгнушаимся, не осквърнавимы си душа своя, нѣ пойдѣмъ по пути Господню, ведущимъ ны въ породу, и възшицѣмъ Бога рыданиемъ, слъзами, пощениемъ и бѣдѣниемъ, и покорениемъ же и послушаниемъ, да тако обрящемъ милость отъ него. Еще же възненавидимъ мира сего, всегда поминающе о семь Господа рекъшааго: “Аше кто не оставитъ отъца и матере, и жену, и дѣтий, и селъ мене ради Еуанглия, нѣсть ми достоинъ”,* и паки: “Обрѣтый душу свою погубитъ ю, а погубивъ ю мене ради — спасетъ ю”.* Тѣмъже и мы, братие, отърекѣшеиса мира, отъврѣзмѣмся и сушихъ въ немъ, възненавидимъ же всяку неправду, еже

же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с Божьей помощью и не приобрел от Бога власть над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлебы пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от Бога власть над ними, отправился вечером в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не озорничали, страшась запрещения преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем Бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издали, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к Богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к Богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц и, кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает, что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей. Вот так постоянно учил он молиться Господу и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться Богу, а если кто может — заниматься постоянно каким-либо ремеслом, распевая при этом псалмы Давидовы. И так им говорил: «Молю же вас, братья, подвижемся постом и молитвой, и попечемся о спасении душ наших, и отступим от пороков наших и от путей неправедных, которые же суть: любодееание, воровство и клеветы, пустословие, ссоры, пьянство, обжорство, братоненавидение. От всего этого, братья, отвратимся, всего того станем гнущаться, не оскверним этим души своей, но пойдем по пути Господню, ведущему нас в рай, и обратимся к Богу с рыданием и слезами, постом и бдением, и покорностью и послушанием, и тем обретем милость его. Еще же возненавидим мир этот, всегда помня Господа, о сем сказавшего: “Если кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и села ради меня и Евангелия, тот меня не достоин”, и еще: “Обретший жизнь свою — погубит душу, а потерявший жизнь меня ради — душу спасет”. Поэтому и мы, братья, отрекшиеся от мира, отвергнем и все ему присущее, возненавидим же всякую неправду, чтобы мерзости никакой не сотворить, и не вернемся к прежним грехам, как

мръзкаго не сътвори, и не обратимъся на пръвья грѣхы, якоже и пси на своя бльвотины. “Никътоже бо — рече Господь — възложь руки своя на рало и обращайся въспяты, управленъ есть въ царство небесное”.* Како же мы убѣжимъ муки бесконъчныя, конъчавающе время жития сего въ лѣности, а не имуще покаяния? Лѣло бо намъ есть, нарекъшемъся чърньцемъ, то по вся дъни каятися грѣхъ своихъ: покаяние бо есть путь, приводя къ царству, покаяние есть ключъ цесарствія, бес того бо неудобъ вѣлѣсти никомуже. Покаяние есть путь, въводя въ породу, того пути, братие, држимъся, на томъ пригвоздимъ плеснѣ и стопы, къ тому бо пути не приближается змий лукавый, того бо пути шѣствия суть прискърбна, а послѣдъ радованна. Тѣмъже, братие, подвигнѣмъся преже дъни оного, да получимъ благая она, избѣгнѣмъ же всѣхъ хотящихъ быти на неродивыхъ и не въ покаянии живущихъ».

Святый убо си наставникъ сиче творяше, къ симъ и учаеши всю братию. Они же, яко земля жажущия воды, тако приимааху словеса его, приносяще трудовъ своихъ плоды къ Господу: овъ съто, овъ же 60. И бѣ видѣти на земли челоуѣкы, житиемъ акы ангельмъ тѣчны, и манастырь тѣ подѣбнѣ небеси, и въ немъ блаженный отецъ нашъ Феодосий паче солнца въсиявъ добрыми дѣлы, якоже се явися игумену манастыря святаго архистратига Михаила, Софронию же именемъ. Ъдущю бо ему въ манастырь свой, ноши же суши тѣмнѣ, и се видѣ свѣтъ надъ манастыремъ тѣкмо блаженаго отьца нашего Феодосія. И якоже чюдяся ему, славяше Бога, глаголя: «О, колико благостыня твоя, Господи, яко показаль еси такъ свѣтильникъ въ мѣстѣ семь — преподобнааго сего мужа, иже, тако свѣтися, просвѣти манастырь свой!» Сиче же ини мнози, видѣвшѣ се многашды, сповѣдаху се.

Тѣмъже убо слышаше князи и боляре доброе ихъ житие прихожааху къ великууму Феодосію, исповѣдающе тому грѣхы своя, иже велику пользу примѣше бо от того, отъхожааху, ти тако паки приношааху ему нѣчто мало отъ имѣний своихъ на утѣшение братии, на състроение манастырю своему. Друзии же и села въдаваоче на попечение имъ. Наипаче же зѣло любляше блаженааго христоролюбивый князь Изяславъ, предържай тѣгда столъ отьца своего, и часто же ѥ призывааше къ собѣ, мѣножицею же и самъ прихожааше к нему и тако духовныхъ тѣхъ словесъ насыщашеся и отъхожааше. Якоже отътолѣ тако Богъ възвеличаше мѣсто то, умножая всѣхъ благыхъ въ немъ молитвами въгодника своего.

Отъць же нашъ Феодосий бѣаше сиче запретилъ вратарю, да по отѣдѣнии обѣда не отврзааетъ вратъ никомуже, и никтоже паки да не въходить въ манастырь, дондеже будяше годъ вечерний, яко да полуднию сущю почиуть братия ношньныхъ ради молитвъ и утрянго пѣнія.

И въ единъ день, полуднию сущю, прииде по обычаю христоролюбць Изяславъ съ малѣмъ отрокомъ: егда хотяше поѣхати къ блаженууму, тѣгда распустяше вся боляры въ дома своя, нѣ тѣкмо съ шестию или съ пятию отрокомъ прихожааше къ нему. Се же, яко рѣкъхъ, приѣхавъ и съсѣде съ коня, ни бо

псы возвращаются на свою блевотину. “Тот,— говорит Господь,— кто, возложив руки свои на плуг, оборачивается назад, не достоин войти в царство небесное”. Как же мы избавимся от мук бесконечных, если проведем жизнь свою в праздности и не зная покаяния? Ибо подобает нам, назвавшимся чернецами, всякий день каяться в грехах своих, ибо покаяние — это путь, ведущий к царству, покаяние — это ключ к царству, без него туда не вступить никому. Покаяние — это путь, ведущий в рай, того пути, братья, и станем держаться, на том поставим свои ноги и стопы, к тому пути ведь не приближается змей лукавый, шествие по пути тому скорбно, но зато впереди ожидает радость. Поэтому, братья, встанем на подвиг, не дожидаясь дня того, чтобы обрести блага эти, избегнем всего, что ожидает нерадивых и живущих без покаяния».

Святой же наставник этот так поступал, тому и учил всю братию. Они же, как земля, жаждущая воды, принимали слова его, принося плоды трудов своих Господу — кто сто, а кто 60. И были видны на земле люди словно бы уподобившиеся ангелам, и монастырь тот был подобен небу, и в нем блаженный отец наш Феодосий ярче солнца сиял добрыми деяниями, как это было явлено игумену монастыря святого архистратига Михаила по имени Софроний. Как-то он ехал в монастырь свой, а ночь была темная, и вдруг увидел свет только над монастырем блаженного отца нашего Феодосия. И удивился он и, прославив Бога, возгласил: «О, сколь велика благостыня твоя, Господи, что показал ты такой свет на месте сем — преподобного этого мужа, который, так сияя, озарил и монастырь свой!» О том же рассказывали не раз и иные многие.

Поэтому, услышав о славном их житии, князья и бояре приходили к великому Феодосию, исповедовались ему в грехах и уходили от него с великой для себя пользой, а также приносили ему что-либо от своих богатств, даря на утешение братии и на устройство монастыря. Другие даже села свои дарили монастырю. Но особенно любил блаженного христоробивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси. С тех пор прославил Бог место то, умножая все благое в нем по молитвам своего угодника.

Отец же наш Феодосий повелел привратнику, чтобы после обеда не отворял бы никому ворот и никто бы не входил в монастырь до самой вечерни, так как в полуденные часы братия отдыхает для ночных молитв и утренней службы.

И вот как-то в полуденное время пришел по обыкновению христоролюбец князь Изяслав с несколькими отроками: когда собирался ехать к блаженному, то распускал по домам всех бояр своих и отправлялся к нему с пятью или шестью отроками. И вот, как я сказал, приехал он и сошел

николиже ѣха на дворъ монастырьскый, и приступивъ къ вратомъ повелѣ отъврести, вѣннати хотя. Онъ же отъвѣща ему, яко повелѣние есть великааго отца не отъврѣзати вратъ никомуже, дондеже годъ вечерный будетъ. Таче паки христороубецъ възвѣща ему, да увѣсть, кто есть. И глаголаше: «Се бо азъ есмь, и мнѣ отъврѣзи врата единому». Онъ же, не вѣдый, яко князь есть, отъвѣщавааше ему сице: «Рѣхъ ти, яко повелѣно ми есть отъ игумена, яко аще и князь приидеть, не отъврѣзи вратъ, то уже аще хоцещи, потръпи мало, дондеже годъ будетъ вечерный». Онъ же отъвѣща, яко «Азъ есмь князь, то или мнѣ не отъврѣзещи». Тѣгда изникъ видѣтъ, и познавъ князя его суца, и въ страсть бывъ, не отъврѣзе вратъ, нъ блаженууму съповѣдать тече, оному же стоящю предъ враты и тѣрящю, о семь подражающю святаго и върховняаго апостола Петра: изведену бо бывъшю тому ангельмъ ис тѣмьницѣ и пришѣдъшю ему къ дому, идеже бѣша ученици его и тѣлкнувъшю ему въ врата, и се рабыни изникнувъши, видѣ Петра стояща, и от радости же не отъврѣзе воротъ, нъ, текъши, повѣда ученикомъ приходъ его. Тако же и съ от страха не отъврѣзе вратъ, нъ скоро текъ, повѣда блаженууму христороубца. Таче блаженный ишедъ и видѣвъ князя и поклонися ему, и по сихъ начать глаголати ему христороубецъ: «О како, отче, запрещение твое, еже глаголетъ чѣрноризецъ сий, яко, аще и князь приидеть, не пустити его». Блаженный же отъвѣща: «Сего ради глаголють, владыко благый, повелѣние то, якоже да въ годъ полудньный не исходятъ братия из монастыря, нъ починуть въ то время, ноцнааго ради словословия. Твое же Богъмъ подвижное тѣшание къ святѣй владычици нашей Богородици благо и души твоей на успѣхъ. И мы же вельми радуемъся о прихождении твоемъ», таче по сихъ шедъшема има въ цѣрквь и сътворивъ молитву сѣдоста. Ти тако христороубивый князь насыщашеся медоточныхъ тѣхъ словесъ и иже исхожааху от устъ преподобнааго отца нашего Феодосия и велику пользу примъ отъ него, иде въ домъ свой, славя Бога. И от того дне большимии начать любити ѣ, тако имяше его, яко единого отъ прѣвыхъ святыхъ отъцъ и вельми послушааше его и творяше вся повелѣная ему отъ великааго отца нашего Феодосия.

Божествный же Варлаамъ, сынъ Иоана боярина, игумень же монастыря святаго мученика Дмитрия, иже възгради христороубивый князь Изяславъ, иде въ святой градъ Иерусалимъ. Таче походивъ святая та мѣста, възвратися въ свой монастырь и паки по времени нѣкоторѣмъ иде въ Костянтинъ градъ, и ту такоже походи вся монастыря и искупивъ, еже на пользу монастырю своему, и тако поиде на конихъ въ страну свою. Идый же путьмъ и уже въ странахъ своихъ си, въпаде въ недугъ лють. Таче, яко доиде града Володимеря, вѣниде въ монастырь, ту сущий близъ города, иже наричюти и Святая гора, ту же усъпе съ миръмъ и житию коньцъ приять. И заповѣдавъ сущимъ с нимъ, да доправять тѣло его въ монастырь святааго и блаженааго отца нашего Феодосия и ту положить е, и вся

с коня, ибо никогда не въезжал верхом на двор монастырский, и, подойдя к воротам, приказал открыть их, намереваясь войти. Привратник же отвечал ему, что есть повеление великого отца не отворять ворот никому, пока не наступит час вечерни. Тогда христоробец снова обратился к нему, чтобы тот понял, с кем говорит. И сказал: «Это же я, и открой мне одному ворота». Тот же, не зная, что перед ним князь, отвечал ему так: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придет — не отворяй ворот; и если хочешь, то подожди немного, пока не наступит час вечерни». Тот в ответ: «Я же князь, неужели и мне не откроешь?» Тогда привратник выглянул и, узнав князя, испугался, но не открыл ворот, а побежал предупредить блаженного, князь же в то время стоял перед воротами и ожидал, уподобившись святому верховному апостолу Петру, когда извел его ангел из темницы, и пришел он к дому, где находились ученики его, и постучался в ворота, рабыня, выглянув, увидела стоящего перед нею Петра и от радости не отворила ворот, но побежала сообщить ученикам о его приходе. Так же и привратник от страха не открыл ворот, а побежал и сообщил блаженному о христоробце; блаженный тотчас же вышел и, увидев князя, поклонился ему, и тогда обратился к нему христоробец: «Таков ли, отче, запрет твой, как сказал этот черноризец: если и князь придет — не пускать его?» Блаженный же отвечал: «Потому говорят, добрый наш владыка, об этом повелении моем, чтобы в полуденное время не выходили братья из монастыря, но почивали бы в эти часы ради ночных молитв. Но твоя Богом подвигаемая забота о святой владычице нашей Богородице — благо есть, и твоей душе на пользу. И мы всегда очень рады приходу твоему». И после этого пошли они в церковь и, помолившись, сели. И так христоробивый князь насладился медоточивыми речами, проистекавшими из уст преподобного отца нашего Феодосия, и великую пользу приобрел от беседы с ним, и отправился в дом свой, славя Бога. И с того дня еще больше полюбил его и почитал его, словно одного из святых отцов древности, и всегда слушался его и исполнял все, что повелевал ему великий отец наш Феодосий.

Божественный же Варлаам, сын Иоанна боярина, игумен монастыря святого мученика Димитрия, построенного христоробивым князем Изяславом, отправился в святой город Иерусалим. И, обойдя там все святые места, возвратился в свой монастырь, а некоторое время спустя отправился в Константинополь, и там также обошел все монастыри, и, накупив всего, необходимого для своего монастыря, на конях двинулся в свою страну. По пути, уже в пределах земли своей, он тяжело заболел. И, добравшись до города Владимира, остановился в пригородном монастыре, именуемом Святая Гора, и тут почил с миром, придя к концу жизненного пути. И завещал своим спутникам, чтобы тело его перевезли в монастырь святого и блаженного отца нашего Феодосия и там бы положили, и все то, что накупил он в Константинополе —

сушая, яже бѣ искупилъ въ Костянтини градѣ — иконы и ино, еже на потребу, повелѣвъ туда, иде же самъ, ту же и то повелѣ въдати блаженууму, якоже заповѣда имъ. Ти тако донесъше тѣло его, положиша е въ монастыри блаженаго и преподобнаго отца нашего Феодосия на деснѣй странѣ църкве, идеже и донынѣ есть гробъ его.

Тогда же христоролюбивый князь от монастыря великааго отца нашего Феодосия избъравъ единого отъ братия, иже въ чърньчскѣмъ житии просиявъша, Исаию наричемааго, того же, изведъ, игумена постави въ монастыри своемъ у святааго мученика Димитрия, иже и послѣже добрыхъ ради нравъ его, поставленъ бысть епискупъмъ Ростову городу.

Тогда же великий Никонъ, умръшоу Ростиславу князю острова того,* умоленъ бысть отъ людей тѣхъ преити къ Святославу князю и молити ѿ, да пуститъ къ нимъ сына своего, да сядетъ на столѣ томъ. Таче яко и пришьдъ, прииде въ монастырь блаженааго отца нашего Феодосия, и яко видѣста другъ друга, падъша оба въкупѣ, поклонистася, и тако паки охопистася, и надълзѣ плакастася, якоже много время не видѣвъшася.

По сихъ же моляшети ѿ святой Феодосий не отълучитися ему от него, дондеже еста въ плъти. Тогда же великий Никонъ обѣшася ему, глаголя, якоже «ткъмо дошьдъ тамо и монастырь свой обрядивъ, и ту абие възрашуща въспяты»; якоже и сътвори: дошьдъ бо съ князьмъ Глѣбъмъ* острова того, и оному сѣдъшоу на столѣ въ градѣ томъ, Никонъ же въворотися въспяты. Таче пришедъ въ монастырь великааго отца нашего Феодосия, и въся своя благая предавъ блаженууму, самъ же бѣ съ всякою радостию покаряся ему, зѣло же любляшет ѿ, и богодѣхновеный Феодосий, яко отца его себе имѣяшетъ. Тѣмъже, аще и коли кѣде отъходя, поручаше тому братию и еже тѣхъ съблюдати же и поучати, якоже старѣйшоу тому сушоу всѣхъ. И егда же паки самъ поучаше братию въ църкви духовными его словесы и повелѣвааше паки великууму Никону, яко се ис кнѣигъ почитающе поучение *творити* братии, таче и паки преподобнууму отцю нашему Стефану, *ексиарху* тогда сушоу, послѣже же игумену сушоу того монастыря по смърти блаженааго Феодосия, таче по томъ епискупу въ Володимирскую оболость.

Се же и о сихъ съповѣдахъ, таче на послѣдцѣ о единомъ блаженѣмъ отци Феодосии словеси поиду и яже о немъ достойна своя ему исправления, Божию благодатию исповѣдая свѣтила просвѣщенааго отца нашего Феодосия.

Бѣаше бо поистинѣ чловѣкъ Божий, свѣтило въ всемъ мирѣ видимое и просиявъшее въ всемъ чърноризьцемъ: смѣренѣмъ, смъслѣмъ и послушаниемъ, и прочими труды подвижаяся, дѣлая по вся дъни, не дада рукама своима ни ногама покоя. Еще же: въ пешъницю часто исхожааше и съ пекущими веселяшеся духъмъ, тѣсто мѣшааше и хлѣбы пека. Бѣаше бо, и преже рѣхъ, крѣпкъ тѣлѣмъ и сильнѣ. Въся же стражущая бѣ уча и укрѣпляя и утѣшая, никакоже раслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ.

иконы и другую необходимую утварь,— повелел отправить туда же, куда и его самого, и все, как заповедал он, передать блаженному. Спутники тело его доставили в монастырь блаженного и преподобного отца нашего Феодосия, и положено было оно в церкви, по правой стороне, где и донныне находится его гробница.

В то же время христолюбивый князь избрал в монастыре великого отца нашего Феодосия одного из братии, особенно прославленного своей монашеской жизнью, по имени Исаяю, и того поставил игуменом в своем монастыре святого мученика Димитрия; он впоследствии за добродетели свои был поставлен епископом города Ростова.

Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним, и тот бы занял княжеский стол. Придя оттуда, Никон посетил монастырь блаженного отца нашего Феодосия, и когда встретились они, то, оба упав на колени, поклонились друг другу до земли, потом обнялись и долго плакали, ибо давно уже они не видались.

И потом стал умолять Никона святой Феодосий, чтобы не покидал его, пока они оба живы. Тогда великий Никон пообещал ему, сказав: «Только дойду туда, и в монастыре своем все устрою, и тотчас же возвращусь назад»; так и сделал он: доехал с князем Глебом до острова того, и, когда князь сел на столе княжеском в том городе, Никон вернулся назад. Пришел он снова в монастырь великого отца нашего Феодосия и все, что было у него, отдал блаженному, а сам со всей радостью подчинился ему; очень любил его и боговдохновенный Феодосий, почитая словно отца. Поэтому, если уходил куда из монастыря, то поручал братьев Никону — чтобы заботился о них и поучал их, ибо был он среди них самый старший. И когда сам поучал братию в церкви духовными словами, то просил великого Никона прочесть что-либо из книг в наставление братии; также поручал это и преподобному отцу нашему Стефану, бывшему тогда экзархом, а позднее ставшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, а затем — епископом во Владимирской земле.

Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведу речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодати повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии.

Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством, все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Въ единъ же от дньий хотящемъ имъ праздникъ творити святяя Богородица, и водѣ не суши, преже же намѣненууму Феодору, сущю тѣгда келарю, иже и многаа ми съповѣда о преславнѣмъ мужи семь. Тѣ же, шедъ, повѣда блаженууму отцю нашему Феодосию, яко нѣсть къто воды нося. То же блаженный, съ спѣхъмъ вѣставъ, начать воду носити отъ кладязя. И се единъ отъ братия видѣвы и воду носяща и, скоро шедъ, възвѣсти нѣколику братии, иже и съ тѣщаниемъ притекъше наносиша воды до избытка. И се же паки дрѣвомъ нѣколи приготованомъ не сущемъ на потребу варения, шедъ же келарь Феодоръ къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому отъ братия, сущюуму праздну, да, вѣшедъ, приготовить дрѣва, еже на потребу. То же блаженный отвѣща ему: «То се азъ празднѣ есмь, и се поиду». Таче повелѣ на трапезу братии ити, бѣ бо годъ обѣду, самъ же, възъмъ сѣчиво, нача сѣчи дрѣва. И се по отъядении излѣзше братия, ти видѣша преподобнааго игумена своего сѣкуща дрѣва и тако тружашася. И възять къждо сѣчиво свое, таже тако приговаша дрѣва, якоже тѣмъ довольномъ имъ быти на многы дни.

Сице бо ти бѣ тѣщание къ Богу блаженааго и духовнааго отца нашего Феодосия, имяше бо сѣмѣрение и кротость велику, о семь подражая Христоса, истиннааго Бога, глаголавшааго: «Навыкнѣте отъ мене, яко крътъкъ есмь и сѣмѣренъ сѣрдцьмъ».* Тѣмъже на таковое подвизание възирая, сѣмѣряшеся, послѣдний ся всѣхъ творя и службѣникъ, и собою всѣмъ образъ дая. На дѣло же преже всѣхъ исходя, и въ църкви же преже всѣхъ обрѣтаяся, и послѣже всѣхъ излазя. Мъногашды же паки великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книги, и блаженууму възкраи того сѣдящю и прядущю нити еже на потребу таковууму дѣлу. Таково ти бѣ того мужа сѣмѣрение и простость. И никтоже его николиже видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща, ли воду възливающа на тѣло, развѣ тѣкмо руцѣ умывающа. А одежда его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ, извъну же на ней и ина свита. И та же вельми худа суши, и тоже сего ради възволочаше на ся, яко да не явитися власяници суши на *нем*. О сей одежи худѣи мнози несѣмыслнии ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууму же си съ радостию всяя приимающю укоризну ихъ, имѣя убо присно на памяти слово Господне и тѣмъ утѣшая веселяшеся: «Блажени бо,— рече,— есте, егда укорять вы, егда рекутъ всякъ зълъ глаголь на вы, лѣжюще мене ради. Възрадуйтеся въ тѣ дньи и възыграйте, се бо мѣзда ваша мѣнога на небесѣхъ».* Си възпомяна блаженный и о сихъ утѣшаяся, трѣпаше укоризну и досаждение отъ всѣхъ.

И се въ единъ дньи шедъшю великууму отцю нашему Феодосию нѣкоторааго ради орудия къ христороубцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града. Таче яко и пришьдѣ и до вечера умудивъшю ему орудия ради. И повелѣ христороубецъ, ношьнааго ради поспания ему, на възѣ допроводити и до монастыря его. И яко бысть идый путьмъ и возяй его, видѣвы и въ такой одежи

Однажды, когда готовились к празднику святой Богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Феодор, который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Феодор к блаженному отцу нашему Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Феодор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они наколоты дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к Богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному Богу, вешавшему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвижничество такое, смирялся Феодосий, недостойнейшим из всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово Божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы,— говорится,— когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клевета на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминая эти слова и утешаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христоробивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христоробец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довести его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это

сущааго, и мнѣвъ, яко единъ от убогихъ есть, глагола ему: «Черноризьче! Се бо ты по вся дни порозднь еси, азъ же труднь сый. Се не могу на кони ѣхати. Нъ сие сътворивъ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могый на кони ѣхати». То же блаженный съ всякимъ съмѣрениемъ вѣставъ, сѣде на кони, а оному же легъшу на возѣ, и идяше путьмъ, радуяся и славя Бога. И егда же въздрѣмаашеся, тѣгда же съсѣдъ, текъ, идяше въскрай коня, дондеже трудяшеша, ти тако паки на конь въсядяше. Таче же уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю, и издавеча познавъше блаженааго и съсѣдше съ конь, покланяхуся убо блаженууму отцю нашему Феодосию. Тѣгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свѣтъ есть! Въсяди на конь свой». Онъ же видѣвъ, еже тако вси покланяхуться ему, и ужасеся въ умѣ и, *трепетень сын*, вѣста и вѣсѣде на конь. Ти тако поиде путьмъ, а преподобнууму Феодосию на возѣ сѣдящю. Все же боляре, сѣрѣтъше, покланяхуся ему. Таче дошдѣшю ему монастыря, и се ишедше вся братия поклонишася ему до земля. То же отрокъ болми ужасеся, помышляя въ себе: кто съ есть, еже тако вси покланяются ему? И емы ѥ за руку, въведе ѥ въ трапезьницу, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хоцетъ, еще же и кунами тому давъ, отпусти ѥ. Си же съповѣда самъ братии повозьникъ тѣ, а блаженууму о семь никомуже явивъшю, нъ сие бѣ убо по вся дни о сихъ уча братию, не възноситися ни о чемъ же, нъ съмерену быти мниху, а самому мнѣшю всѣхъ творитися и не величатися, нъ къ всѣмъ покориву быти. «И ходяше же — глаголаше имъ — руцѣ съгбенѣ на прсъхъ своихъ къждо да имате, и никтоже васъ да не преходитъ въ съмѣрении же вашемъ, да ся покланяете къждо другъ къ другу, якоже есть лѣпо мниху, и не преходити же отъ келиѣ въ келию, нъ въ своей келии къждо васъ да молитъ Бога». Сицими же и инѣми словесы по вся дни не престая ихъ наказаше, и аще паки слышааше от братия, комуже сущю от мьчтаній бѣсовскихъ, то сия призвавъ и, яко въ всѣхъ искушенихъ бывъ, учааше и наказаше стати крѣпцѣ противу дияволемъ къзньмъ, никакоже поступати, ни раслабѣтиса от мьчтаній и бѣсовскыя напасти, не отходити имъ от мѣста того, нъ постѣмъ и молитвою оградитися и Бога часто призывати на побѣду злааго бѣса. Глаголаше же и се къ нимъ, яко тако и мнѣ бѣ испърва. «Единой бо ноци поющю ми въ *келии* обычныя псалъмы, и се песь чьрнь ста предъ мною, якоже имъ мнѣ нельзѣ ни поклонитися. Стоящю же ему на многъ часъ предъ мною, се же азъ постреченъ бывъ, хотѣхъ ударити ѥ, и се невидимъ бысть от мене. Тѣгда же страхъ и трепеть обиятъ мя, якоже хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того, яко аще не бы Господь помоглъ ми. Се бо малы възпрянувъ от ужаста, начахъ прилѣжно Бога молити и часто *поклонение* колѣномъ творити, и тако отбеже отъ мене страхъ тѣ, якоже отъ того часа не бояти ми ся ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся». Къ симъ же и ина многа словеса глаголааше, крѣпя я на зѣлыя духы. И тако отпушааше я, радуяшася и славя Бога о таковѣмъ наказании добляаго наставьника и учителя ихъ.

простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть. Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя Бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не уставал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и, издали узнав блаженного, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас, и в страхе вскочил, и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так же постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. «И когда ходите,— говорил он им,— руки держите прижав к груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Вот такими и иными словами поучал он их каждый день беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то призывал его к себе, и — так как сам испытал все искушения — поучал его, и убеждал противостоять дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей, и не оставлять своей кельи, но ограждать себя постом и молитвой, и призывать Бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью распевал я в келье положенные псалмы, и вдруг встал передо мной черный пес, так что не мог я и поклониться. И долго он так стоял, но как только, им подстрекаемый, хотел я его ударить — тут же стал невидим. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы Господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться, часто преклоняя колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, даже если являлись они передо мною». К сказанным словам добавлял он и многие другие, укрепляя братию в борьбе со злыми духами. И так отпускал их, радостно славящих Бога за такие наставления доброго наставника и учителя их.

И се исповѣда ми единъ отъ братия, именемъ Иларионъ, глаголя, яко многу ми пакость творяху въ келии зѣлии бѣси. Егда бо ему легъшу на ложи своемъ, и се множество бѣсовъ пришѣдше и за власы имѣше ѿ, тако пѣхающе, влачахути ѿ, и друзии же, стѣну подымѣше, глаголаху: «Сѣмо да влечень будеть, яко стѣною подавленъ». И тако по вся нощи творяхуть ему, и уже не могый тѣрпѣти, шедъ, съповѣда преподобному отцю *Феодосию* пакость бѣсовскую. И хотя отгити отъ мѣста того въ ину келию. То же блаженный моляшети ѿ, глаголя: «Ни, брате, не отходи отъ мѣста того, да не како похвалятья тобою злии дуси, яко побѣдивше тя и бѣду на тя створише, и оттолѣ паки больше зѣло начьнути ти *творити*, яко власть примѣше на тя. Нѣ се да молишися Богу въ келии своей, да и Богъ, видя твое тѣрпѣние, подасть ти побѣду на ня, якоже не съмѣти имѣ ни приблизитися къ тебе». Онъ же паки глаголаше ему: «Молю ти ся, отче, яко отселѣ не могу пребывати въ келии множества ради живущихъ бѣсовъ въ ней». Тѣгда же блаженный, прекрестивы ѿ, таче глагола ему: «Иди и буди въ келии своей, и отселѣ не имуть ти никоеяже пакости створити лукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши». Онъ же вѣру имѣ и, поклонивъся святууму, отъиде, и тако въ ту ношь легъ въ келии своей, съпа сладко. И отътолѣ проныривии бѣси не съмѣша ни приблизитися къ мѣсту тому, молитвами бо преподобнаго отца нашего *Феодосия* отъгоними суще и бѣжаше отидоша.

И се паки тѣ же чѣрнець Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгама хытръ псати, сий по вся дѣни и нощи писааше книги въ келии у блаженааго отца нашего *Феодосия*, оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуша вѣлну, или кое ино дѣло дѣлающа. Тако же въ единъ вечеръ дѣлающема има къждо свое дѣло, и се вѣниде икономъ, глаголя блаженому, яко въ утрий дѣнь не имамъ купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженный глагола ему: «Се, якоже видиши, уже вечеръ сушь, и утрий дѣнь далече есть. Тѣмъже иди и потрѣпи мало, моляся Богу, некъли тѣ помилуетъ ны и попечеться о насъ, якоже самъ хоцеть». И то слышавъ, икономъ отъиде. Таче, *въставъ*, блаженный иде въ келию свою пѣтъ по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитвѣ, шѣдъ, сѣде дѣлая дѣло свое. И се паки вѣниде икономъ, то же глаголя. Тѣгда отвѣща ему блаженный: «Рѣхъ ти, иди и помолися Богу. Въ утрий дѣнь шедъ въ градъ и у продающихъ да възьмеша възимъ, иже ти на потребу братии, и послѣдъ, егда *благодѣвавшу* Богу, отдамы дългъ от Бога, таче вѣрньнъ есть глаголай: “Не пыцѣтеся утрѣйшимъ, и тѣ не имать насъ оставити”». Таче отшѣдъшу иконому, и се вѣлезе свѣтъль отрокъ въ воинствѣй одени и поклонивъся, и ничьсоже рекой, и положивъ же на стѣлпѣ гривну злата* и тако паки мѣлча излезе вѣнъ. Тѣгда же въставъ блаженный, и възьмъ злато, и съ слъзами помолися въ умѣ своемъ. Таче вратаря възъвавъ, пыташе ѿ, еда кѣто къ воротомъ приходи въ сию ношь. Онъ же съ клятвою извѣшася, яко и еще свѣтъ затвореномъ

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своей постели, появлялось множество бесов и, схватив его за волосы, тащили и толкали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел из этого места перейти в другую келью. Но блаженный стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя, и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получают власть над тобою. Но молись ты Богу в келье своей, и Бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Тот же снова обратился к нему: «Молю тебя, отче, не могу больше находиться в келье из-за множества живущих в ней бесов». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и отныне не только не причинят тебе никакого зла коварные бесы, но и не увидишь их более». Он поверил, и, поклонившись святому, пошел в свою келью, и лег, и выпался сладко. И с тех пор коварные бесы не смели больше приблизиться к тому месту, ибо были отогнаны молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и пряд шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконоом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь Богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконоом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконоом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись Богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом, когда смилуется Бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: "Не заботься о завтрашнем дне, и Бог нас не оставит"». Как только удалился эконоом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и ни слова не говоря, положил на стол золотую гривну, и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще за-светло заперты были ворота, и с той поры не открывал их никому, и никто не

сущемъ воротомъ, и оттолѣ нѣсмь ихъ отвръзалъ, и никтоже приходилъ къ нимъ. Тъгда же блаженный, призвавъ иконома, подасть ему гривну злата глаголя: «Что глаголеши, брате Анастасе, яко не имамъ чимъ купити братии требованія? Нъ сице, шьдъ, купи еже на потребу братии. Въ утрѣй же паки днь Богъ да попечеться нами». Тъгда же икономъ, разумѣвъ, падъ, поклонися ему. Блаженный же учааше ѥ глаголя: «Николиже не отъчаися, нъ въ *вѣрѣ* крѣпяся, всюю печаль свою възвѣрзи къ Богу, яко ть попечеться нами, якоже хочеть. И сътвориши братии праздъникъ великъ дньесь». Богъ же паки нескудно подавааше ему еже на потребу божествнууму тому стаду.

Блаженный же о сихъ всѣхъ по вся нощи бе-съна пребываше, *моля* Бога съ плачѣмъ и часто къ земли колѣнѣ прекланяя, якоже и многашды слышаша църкъвнни строителе, вѣнегда бо годъ будяше заутрънюму пѣнию и онѣмъ хотящемъ благословленіе възяти отъ него. И единъ отъ нихъ тихы шедъ и, ставъ, послушааше, ти слышашети ѥ молящася и вельми плачющася и главою часто о землю биюща, таче мало отъступивъ и се начѣняше рамяно шьствовати и, якоже слышааше тутѣнъ, умълкнѣяше, творяся, еже мнѣти оному, яко съпить. Оному же тълкнувъшю и рекъшю: «Благослови, отъче!». Блаженный же мълчаше, якоже оному до трий кратъ сице тълкнувъшю и глаголавъшю: «Благослови, отъче!». То же сий, яко отъ сна възпрянувъ, глаголааше: «Господь нашъ Исусъ Христосъ да благословить тя, чадо», и тако же паки преже всѣхъ обрѣтаашеся въ църкви. Сице же паки по вся нощи съповѣдахути ѥ творяща.

И бѣ въ манастири его единъ нѣкто чьрноризьць, санѣмъ прозвутерь, имьнѣмъ Даміанъ*, иже *рвьнием* подражааше житію и сѣмѣренію преподобнаго своего отъца Феодосія. О немъ же мнози сѣвѣдѣтельствуютъ о добрѣмъ его сѣмѣреніи и о жити и *послушани* и еже къ всѣмъ покореніе сътяжа. Наипаче же бывъшей съ тѣмъ въ келии ти видѣвъше кротость его и несѣпаніе по вся нощи, и почитающа съ прилежаніемъ святыя книги, и учащяща паки на молитву; сии же ина многа съповѣдаху о мужи томъ. Тому же нѣколи болящю и при коньци уже сый, моляшеся Богу съ слъзами, глаголя: «Господи мой, Исусъ Христе, съподоби мя съобъщнику быти славы святыихъ твоихъ и съ тѣми причаститися царствію твоему и не отлучи мене, молю ти ся, Владыко, отъца и наставника моего преподобнаго Феодосія, нъ съ тѣмъ убо причѣти мя въ свѣтѣ томъ, еже еси уготовалъ правѣдникомъ». Сице же ему пребывающю и молящюся, и се вѣнезапу предѣста у одра его блаженный Феодосій, иже и падъ на пѣрсьхъ его и любьзно цѣлуя и глаголааше к нему: «Се, о, чадо, о немъ же молися Господеви, се нынѣ посла мя извѣстити ти, яко сице по прошенію твоему будетъ ти, и съ святыми причѣтенъ будеши и съ *тѣми* въ царствіи у небеснаго владыки обьщникъ будеши. И егда паки Господь Богъ повелитъ ми отъ свѣта сего преставитися и приити ми къ тебе, и тьгда не имавѣ разлучитися отъ себе, нъ възкупѣ будевѣ въ свѣтѣ ономъ». И се

подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра Бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к Богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.

Блаженный же все ночи проводил без сна, с плачем молясь Богу о братии и часто преклоняя колени, как это не раз слышали служащие в церкви, в тот час, когда перед заутреней приходили они к Феодосию за благословением. Когда кто-нибудь из них тихо подходил к его келье, то слышал, как он молился, и горько плакал, и головой бился о землю; тот же поспешно уходил, и, отступив немного, снова подходил, громко топая, а Феодосий, услышав шаги, замолкал, делая вид, будто спит. Пришедший же стучался и восклицал: «Благослови, отче!» Блаженный же в ответ молчал, и тому приходилось по три раза стучать и просить: «Благослови, отче!» Только тогда Феодосий, словно бы проснувшись, отвечал: «Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо», и тут же раньше всех оказывался в церкви. Вот так, говорили они, делал он каждую ночь.

Был в монастыре его один черноризец, священник саном, по имени Дамиан, который ревностно подражал житию и смирению преподобного отца своего Феодосия. Многие рассказывали о великом его смирении, и о житии его, и покорности, и о том, как он всех слушался. Особенно те, кто бывал в его келье, видели кротость его и как он бодрствовал целые ночи, как с прилежанием читал святые книги и часто принимался молиться; и много еще поведали они о муже том. Когда же заболел он и настал его смертный час, то обратился к Богу, со слезами говоря так: «Господи мой, Иисусе Христе! Сподобь меня войти в царство твое, и не разлучи меня, молю тебя, Владыка, с отцом и наставником моим преподобным Феодосием, но вместе с тем прими меня на том свете, который уготовал ты для праведников». Во время этой его молитвы вдруг внезапно предстал перед ложем его блаженный Феодосий, припал к груди его и, целуя, сказал ему: «О чадо, Господь послал меня ныне поведать тебе, что все, о чем ты молился Господу, так и будет исполнено по просьбе твоей, и со святыми принят будешь, и вместе с ними явишься в царство небесного владыки. Когда же Господь Бог повелит мне покинуть этот свет и прийти к тебе, тогда уже не разлучимся, но вместе пребудем на том свете». И, сказав это, вдруг исчез. Тогда Дамиан понял, что это было явление от Бога, ибо не видел,

рекъ, невидимъ бысть от него. Тъгда же ть разумѣвъ, яко явление от Бога бысть ему, не бо его видѣ двѣрми излѣзъша, ни паки двѣрми влѣзъша, нъ на немъже мѣстѣ явивъся, на томъ же паки и невидимъ бысть. И въскорѣ же пригласивъ служащаго ему и пославъ по блаженааго Феодосия. Тому же въскорѣ пришедъшу, и глагола ему онъ весельмъ лицъмъ: «Се, отъче, буде ли тако, якоже нынѣ явивъся обѣща ми ся». Блаженный же, яко не вѣдый того, отвѣща: «Ни, чадо, яко не вѣмъ того, еже глаголеши обѣщание». Тъгда же съповѣда ему, како молися и како явися ему ть самъ преподобный. То же услышавъ богодѣхновеный отъць нашъ Феодосий, ослабивъся лицъмъ и мало просльзивъся *глаголетъ* тому: «Ей, чадо! Будеть ти, якоже ти ся обѣща ангель, явивъся въ образѣ моемъ. Азъ же, грѣшный, како могу обѣщникъ быти славы оной, еже уготована есть правдыникомъ?». Обаче онъ, слышавъ обѣщание, радъ бысть. И тако братии малу събравъшюся, цѣлова вся и сице съ миръмъ предасть въ руцѣ душу пришедъшимъ по нь ангеломъ. Тъгда блаженный повелѣ ударити въ било, да съберутся братия, и тако съ лѣпотною чьстїю и съ пѣниемъ погребоша чьстное тѣло его, идеже и всю братию погрѣбаху.

По сихъ же множащися братии, и нужда бысть славному отъцю нашему Феодосию распространити монастырь на поставление келий, множества ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ. И бѣ самъ съ братїею дѣлая и города дворъ монастырьскый. И се же разгражену бывъшую монастырю и онѣмъ не стрѣгушемъ, и се въ едину ношь, тьмѣ суши велицѣ, придоша на ня разбойници. Глаголаху, яко въ полатахъ църквьныхъ, ту есть имѣние ихъ съкръвено, да того ради не идоша ни къ одной же келии, нъ църкви устрѣмишася. И се услышаша гласъ поющихъ въ църкви. Си же, мнѣвъше, яко братии павечерняя молитвы поющимъ, отъидоша. И мало помѣдливъше въ лѣсѣ, таче мнѣша, яко уже коньчану быти пѣнию, паки придоша къ църкви. И се услышаша ть же глас и видѣша свѣтъ пречюднѣ въ църкви сушь, и благоухание исхожаше отъ църкве, ангели бо бѣша поюще въ ней. Онѣмъ мнѣшемъ, яко братии полунощное пѣние съвършающемъ, и тако паки отидоша, чающе, донѣдеже сии съконьчаютъ пѣние, и тьгда, въшьдѣше въ църквь, поемлють вся сушая въ ѳ. И тако многашьды приходящемъ имъ, и ть гласъ аньгельскый слышашемъ. И се годъ бысть утрянюуму пѣнию, и пономонареви биющю въ било. То же они, отъшьдѣше мало въ лѣсѣ и сѣдѣше, глаголааху: «Чьто сътворимъ? Се бо мнѣнїе намъ, привидѣние бысть въ църкви? Нъ се да егда съберутся вси въ църквь, тьгда, шьдѣше и отъ двѣрий заступивъше, вся я погубимъ и тако имѣние ихъ възьмемъ». То же тако врагу на то острящю я, хотящю тѣмъ *святое* то стадо искоренити отъ мѣста того, нъ обаче ни како възможе, нъ обаче самъ отъ нихъ побѣженъ бысть, Богу помагающю молитвами преподобнааго отъца нашего Феодосия. Тъгда бо зѣлии ти челоуѣци, мало помудивъше, и преподобнууму тому стаду събравъшюся въ църквь съ блаженнымъ наставникъмъ и пастухъмъ своимъ

ни как тот выходил в дверь, ни как входил, и на каком месте появился, на том же снова и стал невидимым. Он же, не медля, позвал прислуживавшего ему и послал его за блаженным Феодосием. Когда тот поспешно пришел, то Дамиан, с веселым лицом, обратился к нему и сказал: «Что, отче, будет ли так, как ты, только что придив, пообещал мне?» Блаженный же, не зная ни о чем, отвечал: «Но, чадо, я не знаю, о каком ты говоришь обещании». Тогда тот рассказал ему, как молился и как явился ему сам преподобный. Услышав об этом, боговдохновенный отец наш Феодосий улыбнулся и, прослезившись, сказал ему: «О чадо! Будет все так, как обещал ангел, явившийся в образе моем. Я же, грешный, как могу разделить ту славу, которая уготована праведникам?» Но Дамиан, услышав то обещание, обрадовался. И когда собрались к нему некоторые из братии, поцеловал их всех и так в мире предал душу в руки пришедшим за ним ангелам. Тогда блаженный приказал ударить в било, чтобы собралась вся братия, и с подобающими почестями и с пением погребли честное его тело там, где погребали и других монахов.

К тому времени возросла числом братия, и стало необходимо отцу нашему Феодосию расширять монастырь и строить новые кельи: слишком много стало монахов и приходящих в монастырь. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, однажды темной ночью пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское, и потому не пошли по кельям, а устремились к церкви. Но тут услышали голоса поющих в церкви. Разбойники, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова пошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полунощные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они закончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все в ней хранящееся. И так еще не раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. Разбойники же, зайдя немного в глубь леса, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется, видение было в церкви! Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы с их помощью изгнать с этого места святое стадо. Но не только не смог этого совершить, но и сам побежден был братией, ибо Бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия. Тогда злодеи, подождав немного, пока преподобное стадо собралось в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и запелотренные псалмы, двинулись на них словно дикие звери. Но едва приблизи-

Феодосиемъ и поюшемъ утрняя псалмы, *устрмишася* на ня, акы звѣрие дивии. Таче яко придоша, и се вънезапу чюдо бысть страшно: отъ земля бо възятъся църкы и съ сущиими въ ней възиде на въздусъ, яко не мощи имъ дострѣлити ея. Сущей же въ църкви съ блаженнымъ не разумѣша, ни чюша того. Они же, видѣвъше чюдо се, ужасошася и, трепетьни бывше, възвратисася въ домъ свой. И отголѣ умилишася никому же зъла сътворити, якоже и старѣйшинѣ ихъ съ инѣми трѣми пришѣдшемъ къ блаженому Феодосию покаятися того и исповѣдати ему бывшее. Блаженный же, то слышавъ, прослави Бога, спасъшааго я отъ таковоу съмърти. Онъ же поучивъ я, еже о спасеніи души, и тако отпусти я, славяща и благодаряща Бога о вьсѣхъ сихъ.

Сицево же чюдо о църкви той и инѣгда паку видѣ единѣ отъ боляръ христоролюбця Изяслава. Яздящю тому нѣколи въ ноци на поли, яко 15 попьрищъ отъ монастыря блаженааго. И се видѣ църкъвь у облака сущу. И въ ужасті бивъ, погѣна съ отроку, хотя видѣти, кая то естъ църкы. И се яко доиде монастыря блаженааго Феодосія, тѣгда же, оному зрящю, съступи църкы и ста на своемъ мѣстѣ. Оному же тѣлъкнувъшю въ врата, и вратарю отвѣръзъшю ему врата, вниде и повѣда блаженому бывшее. И отголѣ часто приходяше къ нему и насыщаяся отъ него духовныхъ тѣхъ словесъ, подаваше же и отъ имѣнія своего на състроение монастырю.

И се же паку инѣ боляринѣ того же христоролюбця идый нѣколи съ князьмъ своимъ христоролюбцьмъ на ратьныя, хотящемъ имъ брань сътворити, обѣщася въ умѣ своемъ, глаголя, яко «аще възвращюся съдравъ въ домъ свой, то дамъ святѣй Богородици въ монастырь блаженааго Феодосія 2 гривнѣ золота, еще же и на икону святыя Богородиця вѣнць окую». Таче бывъшю сънятию и многомъ отъ бою оружиемъ падъшемъ. Послѣже побѣдени бывше ратьнии, си же спасени възвратисася въ дома своя. Боляринѣ же забысть еже дасть святѣй Богородици. И се по дньхъ нѣколицѣхъ, съпящю ему въ полудне въ храминѣ своей, и се приде ему гласъ страшнѣ, именемъ того зовущъ его: «Клименте!» Онъ же възпрянувъ и сѣде на ложи. Ти видѣ икону святыя Богородиця, иже бѣ въ монастыри блаженааго, прѣдъ одрѣмъ его стоящю. И гласъ отъ нея исхожааше сице: «*Почто* се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми даль? Нѣ се нынѣ глаголю ти: потѣщися съвършити обѣщание свое!» Си же рекъши, икона святыя Богородиця невидима бысть отъ него. Тѣгда же боляринѣ тѣ, въ страсъ бивъ, таче възъмъ, имъ же бѣ обѣщалься, несъ въ монастырь, блаженому Феодосию въдасть, такоже и вѣнць святыя Богородиця на иконѣ окова. И се же паку по дньхъ немнозѣхъ умысли тѣ же боляринѣ дати Евангелие въ монастырь блаженааго. Таче, яко приде къ великууму Феодосию въ монастырь, имый подъ пазухою съкръвено святое Евангелие, и по молитвѣ хотящема има сѣсти, оному не у еще явивъшю Еуангелия, глагола тому блаженный: «Първѣе, брате Клименте, изнеси си святое Еуангелие, еже имаши въ пазусѣ своей и еже обѣщаль еси

лись, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух, так что и стрела не могла бы до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с той поры, раскаявшись, никому больше не причиняли зла, и даже главарь их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать обо всем случившемся. Услышав это, блаженный прославил Бога, спасшего их от такой смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, также славящих и благодарящих за все Бога.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христолюбца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В страхе поскакал он со своими отроками, желая посмотреть, что это за церковь. И когда доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота, и, когда отпер ему привратник, вошел, и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался духовной беседой с ним, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

А некий другой боярин того же христолюбца Изяслава как-то, отправляясь с князем своим христолюбцем против вражеской рати, уже изготавившейся к битве, пообещал в мыслях своих: «Если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой Богородице в монастырь блаженного Феодосия две гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой Богородицы». Потом была битва, и многие пали в бою. Но все же враги были побеждены, а наши благополучно вернулись домой. И забыл боярин об обещанном в дар святой Богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед ложем своим икону святой Богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не даровал ты мне того, что обещал? Но вот теперь говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой Богородицы и исчезла. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой Богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. Пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, и тот еще не достал Евангелия, как вдруг сказал ему блаженный: «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой

дати святѣй Богородици, ти тѣгда сядемъ». Се слышавъ, онъ ужасеся о проповѣданіи преподобнааго, не бѣ бо никомуже о томъ възвѣстилъ. И тако изнесъ святое то Евангелие, вѣдасть блаженому на руцѣ, и тако сѣдъ и духовныя тоя бесѣды насытивъся, възвратися въ домъ свой. И оттолѣ велику любвь имяше къ блаженому Феодосію и часто прихожааше къ нему, и велику пользу принимаше от него.

И егда же сии прихожааху къ нему, то же си и тако по божьствнѣмъ томъ ученіи прѣдставляше тѣмъ тряпезу от брашнѣ тѣхъ монастырьскихъ: хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ. Многашьды же и христоролюбцю Изяславу и таковыхъ брашнѣ вѣкушающю, якоже и веселяся, глаголаше блаженому Феодосію: «Се, якоже вѣси, отъче, всѣхъ благихъ мира сего испльнися домъ мой, то же нѣсмъ тако сладька брашна вѣкушалъ, якоже нынѣ съде. Многашьды бо рабомъ моимъ *устроившим* различная и многоцѣнная брашна, ти не суть така сладька. Нѣ молю ти ся, отъче, повѣжь ми, откуда есть сладость си въ брашнѣ вашемъ?» Тѣгда же богодѣхновеный отъць Феодосій, хотя увѣрити того на любвь Божию, глагола ему: «То аще, благый владыко, сия увѣдѣти хоцещи, послушай насъ, и повѣдѣ ти. Егда бо братии монастыря сего хотящемъ варити, или хлѣбы печи, или кую ину службу творити, тѣгда же първое шьдъ единъ от нихъ възьметъ благословление отъ игумена, таче по сихъ поклонитися прѣдъ святыимъ олтярьмъ три краты до земля, ти тако свѣщю възьжеть отъ святаго олтяря и отъ того огнь възгнѣтитъ. И егда паки воду вѣливая въ котль, глаголетъ старѣйшинѣ: “Благослови, отъче!” И оному рекущю: “Богъ да благословитъ тя, брате!” И тако вѣся служба ихъ съ благословленіемъ съвьршається. Твои же раби, и якоже рече, дѣлають сварящеса и шегаше и кльнуше другъ друга, многашьды же и биени суть отъ приставникъ. И тако же вѣся служба ихъ съ грѣхъмъ сътворяється». То же слышавъ, христоролюбць глагола: «Поистинѣ, отъче, тако есть, якоже глагола».

А иже преподобный отъць нашъ Феодосій, иже поистинѣ испльненъ Духа Святааго, тѣмъже и Божия таланта умноживъ, иже населивъ мѣсто множествомъ чьрноризьць, иже пусто суще, монастырь славнѣ сътвори. Тѣмъже не хотяше никакоже прилога творити въ немъ, нѣ бѣ вѣроу и надежею къ Богу вѣскланяся, якоже паче не имѣти упованія *имѣнием*. Тѣмъже и тако сего ради многашьды хожаше по келиямъ ученикъ своихъ, и аще чѣто обрящааше у кого, ли брашно сънѣдно, ли одежею лише уставныя одежа, или отъ имѣнія чѣто, сия възьмъ, въ печь вѣмѣташе, якоже вражю часть сущю и прѣслушание *грѣху*. И сиче же глаголаше имъ: «Нѣсть лѣпо намъ, братие, мнихомъ сущемъ и отвѣргшемъся мирьскихъ, събра-
ние паки творити имѣнію въ келию свою. Како же можемъ молитву чисту приносити къ Богу, съкровища имѣнію дѣржаще въ келии своей? О семъ слыша Господа рекуща, яко “иде съкровища ваша, ту и сьрѣдця ваша”,* и паки о събирающихъ: “Безумне, въ сию ноць душу твою изьму, а яже събра — кому будутъ?”.* Тѣмъже, братие, довьльни будѣмъ о уставныхъ

Богородице, тогда и сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил о своем намерении. И достал то святое Евангелие и отдал блаженному в руки, затем сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и часто приходил к нему, и немалую пользу получал от бесед с ним.

И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христороубец Изяслав и, радуясь душой, говорил блаженному Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосий, желая укрепить благочестие князя, сказал ему: «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлебы печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: “Благослови, отче!” И тот отвечает: “Бог да благословит тебя, брат!” И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушав его, христороубец промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал».

Преподобный отец наш Феодосий поистине был исполнен Святого Духа, потому и смог умножить божественное богатство и, населив прежде пустое место множеством черноризцев, создал славный монастырь. Но никоим образом не хотел собирать в нем сокровищ, но с верою и с надеждой уповал на Бога и никогда не придавал значения богатству. Именно поэтому постоянно обходил он кельи учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: «Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в кельях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к Богу, имея в кельях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит Господь: “Где сокровища ваши, там и сердца ваши”; и еще о тех, кто собирает их: “Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?” Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждами, разрешен-

одежах нашихъ и о брашнѣ прѣдъложенѣмъ на трапезници от келаря, а въ келии от сицевыхъ не имуще ничьтоже, да тако съ всякимъ усърдиемъ и всею мыслию молитву свою чисту приносимъ къ Богу». И се же и ина многа увѣщавааше я съ всякимъ смѣрениемъ и съ слъзами учаше вся. Не бо николиже бѣ напраснѣ, ни гнѣвливъ, ни ярь очима, нѣ милосърдѣ и тихъ, и милость имѣя къ всѣмъ. Тѣмъже и аще кѣто от святааго стада раслабѣлъ бѣ сърдцемъ, отидяше от монастыря, то же блаженный его ради въ велицѣ печали и скърби будяше и моляся къ Богу, дабы отблудившееся овъча от стада его възвратилъ въспять. И такоже по вся дни прѣбываше плача и моля Бога его ради, донѣдеже братъ тѣ възвратяшеся въспять. То же того блаженный съ радостію приемъ учаше и никакоже раслабѣти вражиями кзньми, ни поустити имъ на ся, нѣ крѣпѣ стати. Се бо глаголаше яко «не мужскыя есть душа, еже раслабѣти печальными сими напастыми». Си и ина многа глаголавъ, утѣшивъ того, отпущааше въ келию его съ мирѣмъ.

Бѣ же ту единъ братъ слабъ сы, иже и часто отбѣгаше от блаженаго монастыря, и егда паки приидяше, то же блаженный съ радостію его приимаше, глаголаше бо, яко не имать бо его оставити тако, да кромѣ монастыря сего съконъчается. Се бо аще и многашды отходя есть от насъ, нѣ съ имать въ монастыри семь конъць житію пріяти. И *моляше* съ плачѣмъ Бога о немъ, прося тѣрпѣнія ему. Таче по мнозѣмъ исхожении ему, приде единою къ монастырю, моляся великому Феодосію, дабы пріять былъ. То же, иже поистинѣ милостивый и, яко овъча от заблужения пришьдѣшее, тако того съ радостію пріять и причте къ стаду своему. Тѣгдаже чьрноризыць тѣ, иже бѣ своима рукама дѣлая, сътяжалъ имѣнія мало, бѣ бо платьна дѣлая, сия принесъ, прѣдъ блаженнымъ положи. То же святой глагола ему: «Аще хоцеша чьрноризыць съвьршенъ быти, възъмъ сия, яко ослушания дѣло есть, въвьрзи въ пещь горущу». Онъ же, иже теплъ сый на вѣру, несъ, по повелѣнію блаженаго въвьрже въ пещь, и тако изгорѣ. Самъ же оттолѣ живяше въ монастыри томъ, прочая дни своя проводя, и тако ту по проречению блаженаго усъпе съ мирѣмъ. Сицева ти бѣ любы блаженаго, и сицево милосърдие къ ученикомъ своимъ имяше, дабы ни единъ от стада его отлучилъся, нѣ вся въкупѣ, яко пастухъ добрый, паки пасяше, уча и утѣшая и словеса увѣщавая душа ихъ, кърмляше и напаяя не престаяше. Тѣмъже и многы на Божий разумъ наводяше и къ небесному царствію направляше. Нѣ се паки на прокое отселѣ съповѣдание отца нашего Феодосія поидемъ.

Се бо въ единъ от дний приде келарь къ сему блаженому глаголя, яко въ сий днь не имамъ, что прѣдъложити на ядь, се бо ни съварити чѣто имамъ. Глагола тому блаженный: «Иди, потѣрпи мало, моля Бога, некъли тѣ попечеться нами. Аще ли же, то да съваривъше пышеницу, ти ту, съмятъ съ медѣмъ, прѣдъставиши на трапезѣ братии, да ѣдятъ. Обаче же надѣюся на Бога, иже въ пустыни людемъ непокоривымъ хлѣбъ небесный одѣжди и

ными уставом, и пищей, что получаем в трапезной от келаря, а в кельях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к Богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами. И никогда не бывал он несправедлив, или гневен, не посмотрел ни на кого сердито, но был всегда милосерд, и тих, и жалостлив ко всем. Поэтому, если даже кто-либо из святого стада, ослабев душой, покидал монастырь, блаженный печалился и скорбел о нем и молился Богу, чтобы заблудшая овца его стада возвратилась бы назад. И так все дни плакал и молил за него Бога, пока тот брат не возвращался обратно. Тогда блаженный, с радостью приняв его, наставлял никогда впредь не поддаваться дьявольским козням, не давать им возобладать над собою, но держаться крепко. И говорил, что «не мужская та душа, которая может ослабеть от печальных этих напастей». Такими и иными словами утешив брата, отпускал его с миром в келью.

Был же там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостью, говоря при этом, что не может допустить, чтобы тот скончался где-то вне стен монастырских. Хотя и много раз уходил он от нас, но суждено ему было в этом монастыре встретить свой последний час. И с плачем молил за него Бога, прося снисхождения. И вот как-то, после того как уже не раз покидал монастырь, вернулся тот, умоляя великого Феодосия принять его, Феодосий же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостью и вновь ввел в свое стадо. Тот черноризец своими трудами накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно, и тут принес все это и положил перед блаженным. А святой сказал ему: «Если хочешь быть беспорочным черноризцем, возьми все, ибо все это — плод твоего послушания, и брось в горящую печь». Тот же, горячо веруя в Бога, по повелению блаженного отнес и бросил в печь, где все и сгорело. Сам же с тех пор жил в монастыре, все оставшиеся дни свои в нем провел и тут же, как и предвещал ему блаженный, почил с миром. Такова была любовь блаженного, и таково милосердие его к ученикам своим, и забота, чтобы ни один от стада его не отбил, но всех вместе, словно хороший пастух, пас, учил и утешал, успокаивая души их и насыщая и утоляя духовную жажду. И этим многих приводил к осознанию мудрости Божьей и указывал им путь в небесное царство. Но сейчас снова обратимся к дальнейшему рассказу об отце нашем Феодосии.

Как-то в один из дней пришел келарь к блаженному, говоря: «Сегодня нет у меня никакой еды для братии и нечего мне для нее сварить». Отвечал тому блаженный: «Иди, подожди немного, моля Бога, чтобы позаботился о нас. Или же, на крайний случай, свари пшеницу и, смешав кашу с медом, предложи братии на трапезе, пусть едят. Но надеюсь я, однако, на Бога, который в пустыне на него ропшущим людям хлеб небесный низвел дождем и

источи крастьли.* Тъ и намъ дньсь мощньсть естъ пищу подати». То слышавъ, келарь отиде. И блаженный моляше Бога о сихъ. И се прѣжреченый онъ боляринъ, Богу ему възложьшу на умъ, се бо напълнивъ три возы брашна: хлѣбъ, и сыръ, и рыбъ, сочиво же и пышено, еще же и медь, и то посъла къ блаженому въ монастырь. И еже видѣвъ, блаженный прослави Бога и глагола келарю: «Видиши ли, брате Феодоре, яко не имать насъ Богъ оставити, аще надѣмься на нь всѣмъ сьрьдцьмъ. Нъ иди и сътвори обѣдъ братии великъ въ сий днь, се бо посѣщение Божие естъ». И тако блаженный възвеселися съ братиею на обѣдѣ веселиемъ духовнымъ, бѣ же самъ ѣда хлѣбъ сухъ и зелие варено без масла и воду пия — се же ѣде его бѣ всегда. И николиже его бѣ видѣти дряхла или съньзшася на обѣдѣ сѣдяща съ братиею, нъ всегда весело лице имуща и благодатию Божиею бѣ утѣшася.

Къ сему же блаженому нѣколи приведоша разбойники сьвязаны, ихъ же бѣша яли въ единомъ селѣ монастырьскѣ, хотяща красти. Блаженный же, видѣвъ я сьвязаны и въ такой скѣрби суща, сьжалиси зѣло и, просльзивься, повелѣ раздрѣшити я и дати же тѣмъ ѣсти и пити. И тако паки тѣхъ учаше много, еже никогоже прѣобидѣти и никомуже зѣла сътворити. Подастъ же тѣмъ от имѣния довольное, еже на потрѣбу, и тако тѣхъ съ мирьмъ отпусти, славяща Бога, якоже оттолѣ тѣмъ умилитися и никомуже зѣла сътворити, нъ своими дѣлы довольномъ *быти*.

Таково бо бѣ милосьрдие великааго отца нашего Феодосия, аще бо видяше нища или убога, въ скѣрби суща и въ одежи худѣ, жаляшеси его ради и вельми тужаше о семь и съ плачьмъ того миновааше. И сего ради сътвори дворъ близъ монастыря своего и църкъвь възгради въ немъ святааго първомученика Стефана,* ту же повелѣ прѣбывати нишимъ и слѣпымъ и хромымъ и трудоватымъ, и от монастыря подавааше имъ еже на потрѣбу и от вьсего сущааго монастырьскааго десятую часть даяше имъ. И еще же и по вься суботы посълаше въ потребу возъ хлѣбъ сушимъ въ узакъ.

Въ единъ же от дньни приде къ преподобьному Феодосию прозвутерь от града, прося вина на службу святыхъ литургия. И ту абие блаженный, призвавъ строителя църкъвьнаго, повелѣ налити вина, юже ношаше викию, и дати ему. Онъ же глагола, яко «мало имамъ вина, еже тѣкъмо довлѣеть на 3, или на 4 дни святѣй литургии». Блаженный же отвѣща ему: «Излѣй вьсе челоуѣку сему, и нами Богъ да попечеться». Онъ же отшѣдъ и прѣобидѣвъ святааго повелѣния, вьлия ему въ викию мало вина, оставивъ на утрия църкъвьнѣй службѣ. Прозвутерь же, несъ, еже мало ему вѣда, показа блаженому Феодосию. И паки призвавъ пономонаря, глагола ему: «Рѣхъ ти, излѣй вьсе и о утрѣйшньнимъ дьне не пьцися, не бо имать Богъ оставити църкве сея въ утрий днь бе-службы, нъ се въ сий днь подастъ намъ вина до избытка». Тгда же, шѣдъ, пономонарь излия вьсе вино прозвутерови и тако и отпусти. Таче по отѣдении къ вечеру сѣдящемъ имъ, и се по проречению

одарил их перепелами. Тот Бог и нам ныне может пищу подать». Услышав это, келарь ушел. И блаженный стал молиться Богу о братии. И тут помянутый нами боярин, по наставлению Божию, нагрузил три телеги съестным: хлебом и сыром, и рыбой, чечевицей и пшеном, и медом к тому же, и все то послал блаженному в монастырь. И, увидев это, блаженный прославил Бога и обратился к келарю: «Вот видишь, брат Феодор, что не оставляет нас Бог, если надеемся на него всем сердцем. Так иди же и приготовь для братии обед обильный в этот день, ибо это посещение Божье». И так блаженный радовался с братией на обеде весельем духовным, сам же ел только хлеб сухой и овощи вареные без масла, запивая водой,— такова была его ежедневная еда. Но никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью Божьей.

К тому блаженному как-то привели связанных разбойников, схваченных в одном из сел монастырских, когда они собирались там красть. Блаженный же, увидев их связанными и в унынии, сжалился над ними и, прослезившись, приказал развязать их и дать им еды и питья. А затем долго поучал их, чтобы никому не причиняли зла. Дал им и немало денег на все необходимое и отпустил их с миром, славящих Бога; и с тех пор они раскаялись и никому больше не причиняли зла, но жили своим трудом.

Таково было милосердие великого отца нашего Феодосия, что, когда видел нищего, или калеку, или скорбящего, или бедно одетого, жалел его, и очень печалился о нем, и со слезами проходил мимо. И поэтому построил двор около своего монастыря и церковь там во имя святого первомученика Стефана, и тут велел находиться нищим, и слепым, и хромым, и больным, из монастыря велел приносить им все необходимое — от всего имущества монастырского десятую часть отдавал им. И еще каждую субботу посылал воз хлеба узникам.

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас Бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит Бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано

блаженнаго привезоша 3 возы пълны суще кърчагъ съ виньмь, ихъ же посъла жена нѣкая, иже бѣ прѣдъръжащи вся въ дому благовѣрнааго князя Всеволода. Си же видѣвъ, парамонарь прослави Бога, чюдяся проповѣданию блаженнаго Феодосия, еже якоже рече: «Въ сий днь вина до избытка Богъ подасть намъ», — такоже и бысть.

Бывъшю же нѣколи дњи святаго и великаго Димитрия*, въ нь же Христа ради мучению конць приятъ, преподобному же Феодосию съ братиею идушу въ монастырь святаго Димитрия, и се принесоша ему хлѣбцы нѣ от кыхъ зѣло чисты, ихъ же повелѣ келарю прѣдължити на ядь оставшии ту братии. И то же онъ, прѣслушавъся того, помысли въ себѣ, глаголя, яко «въ утрѣй днь, пришѣдши въсей братии, прѣдължю сия хлѣбы на ѣдъ имъ; нынѣ же монастырьскый хлѣбъ и да прѣдължю сей братии». Якоже помысли, такоже и сътвори. И въ утрѣй днь съдъшемъ имъ на обѣдѣ, хлѣбомъ же тѣмъ издрѣзаномъ сущемъ, таче блаженный прѣзърѣвъ и видѣ хлебы такы суща, и, пригласивъ келаря, въпрашаше его, откуда си суть хлѣбы. Онъ же отвѣщева, яко «въчера принесени суть, нь сего ради въчера малу сущю братии, помыслихъ въ сий днь въсей братии прѣдължити на ядь». Тъгда же блаженный глагола ему: «Лѣпо бѣ не пещися о приходящимъ дњи, нь по повелѣнню моему сътворити. И нынѣ бы Господь нашъ и присно печеться нами, большими попеклься и подалъ намъ еже на потрѣбу». Таче поведѣ единому от братиѣ събрати въ кошъ укрухы ты и, несъше, посрѣдѣ рѣкы въсыпати ѣ, оного же епитимиею утвърди*, якоже прѣслушание сътвориша.

Сицимъ же образъмъ творяше, еже аще слышаше кое дѣло творимо, благословленню първое не възяту бывъшю, не бо хотяше, да святое стадо того таковааго брашна въкусити, еже не благословлениемъ сътворено и от прѣслушания суше, нь се яко вражию часть сущю повелѣваше овъгда въ пещь горушю вѣмѣтати, овъгда же въ рѣчныя струя вѣврѣщи.

Се же якоже по съмърти блаженнаго отьца нашего Феодосия сицева нѣкака от прѣслушания вещь бысть, еже аще нѣсть лѣпо съде съповѣдати ея, имъ же на въспомяновение того приидомъ и сему подобно слово къ слову приложимъ.

Се бо по изгнании еже от монастыря преподобнааго нашего игумена Стефана и великому *Никону* игуменство прѣимъшю, приспѣвъшемъ же дньмъ святааго и великаго поста. И въ 1-вую недѣлю таковаго въздържания и яко добрымъ подвижникомъ потрудивъшемъся въ ту недѣлю, тѣмъже уставлено бысть преподобнымъ отьцмъ нашимъ Феодосиемъ, въ пятокъ тоя недѣля да бывають имъ хлѣбы чисти зѣло, друзии же от нихъ съ медьмъ и съ макьмъ творени. То же тако повелѣвшю Никону по обычаю творити келарю, онъ же прѣслушанию творя, сълѣга, рекий яко «муки не имамъ на сътворение такимъ хлѣбомъ». Нъ обаче Богъ не прѣзърѣ труда и молитвы преподобныхъ своихъ, и да пакы не разоритъся уставленное божьствнымъ Феодоси-

блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил Бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам Бог вина до избытка», — так и случилось.

Как-то в день святого и великого Дмитрия, в который пришел конец мучениям его за Христа, преподобный Феодосий с братией отправились в монастырь святого Дмитрия, а тут принесли от кого-то белые хлебцы, и Феодосий повелел келарю подать их на стол оставшейся братии. Тот же не послушался, решив так: «Завтра, когда придет вся братия, подам им на обед эти хлебы, а сейчас монастырский хлеб предложу братьям». Как решил, так и сделал. И на другой день, когда сели все обедать и те принесенные хлебы были нарезаны, блаженный посмотрел на стол и увидел хлебцы, и, позвав келаря, спросил его, откуда они. Он же отвечал, что они вчера принесены, но из-за того, что вчера оставалось мало братьев, решил он сегодня всей братии подать их на стол. Тогда блаженный сказал ему: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы Господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно». Тут же повелел одному из братии собрать в корзину ломти те и высыпать их в реку, а того келаря наказал епитимьею за непослушание.

Так же поступал он, когда слышал, что какое-либо дело делается без благословения, ибо не хотел, чтобы святое стадо вкусило еды, приготовленной без благословения или без повеления его, и такую еду — как плод дьявольский — повелевал или в печь горящую бросить, или высыпать в струи речные.

Так же и после смерти блаженного отца нашего Феодосия случилось нечто таковое же от непослушания, и хотя не к месту здесь рассказывать об этом, все же вспомним о том и к нашим словам прибавим несколько слов о подобном же.

Итак, после ухода из монастыря преподобного игумена нашего Стефана, когда игуменство принял великий Никон, пришло время святого и великого поста. И было установлено еще преподобным отцом нашим Феодосием, что в пятницу первой недели этого воздержания, когда все потрудятся, как подобает истинным подвижникам, подают им белые хлебы, и другие — испеченные с медом и с маком. Так же повелел и Никон келарю сделать все по обычаю, но тот, послушавшись его, солгал, говоря, что нет у него муки для печения таких хлебов. Но, однако, Бог не оставил труда и молитв преподобных своих, чтобы не было попрано установленное божественным Феодосием. После святой литургии все отправились на постный

емь. Се бо по святѣй литургии идущемъ тѣмъ на постыныя ты обѣды, се отнюду же бѣ не начаятиса то же, тако ти привезоша возъ таковыхихъ хлѣбъ. Еже видѣвъше братия прославиша Бога, чюдящеса, како присно Богъ печеться ими, подавая вся имъ, еже на потрѣбу, молитвами преподобнаго имъ отца и наставника Феодосия. Таже по двоя днью повелѣвъшю келарю, да по обычаю хлѣбы братии испекуть въ муцѣ той, ея же бѣ прѣже рекль «не имамъ», то же пекущимъ готовящемъ и тѣсто мѣсящемъ и паки имъ лѣющемъ укропъ въ не, и се обрѣтеса ту жаба, якоже той варенѣ быти въ таковѣй водѣ и такоже то тѣмъ оскверни, иже от прѣслушания твореное дѣло. Богу сице извольшю на съблюденіе святаго стада, иже и таковъ подвигъ сътворише въ святую ту недѣлю, то же да не таковыхихъ хлѣбъ въкусать. Нѣ се, яко вражю часть сущю, гадѣмъ оскверни сию Богъ, якоже на показаніе тому быти. Еже о семь да не зазреть ми никътоже от васъ, яко сии съде въписахъ и прѣсѣчение слову сътворихъ: се бо сего ради си въписахъ, да разумѣете, яко нѣсть лѣпо намъ ни въ чемъ же ослушатиса наставника игумена своего, вѣдуше, яко аще чѣто утаимъ от него, нѣ от Бога нѣсть потаено ничътоже, и тѣ имать въскорѣ мсть сътворити о немъ, егоже постави намъ старѣйшину и пастуха, яко да вси послушаютъ его и по повелѣнію его вся съворимъ.

Обаче же уже на първое съповѣданіе възвратимъся, яже о блаженѣмъ Феодосии исповѣдающе.

Се бо приспѣвъшю нѣколи празднику Успенія прѣсвятія Богородиця, бѣша же и църкви творяще праздникъ въ тѣ днь, маслу же не сущю дрѣвяному въ кандила на вѣляніе въ тѣ днь. Помысли строитель църквѣный въ сѣмени льнянѣмъ избити масла, и то, вѣлявъше въ кандила, въжещи. И въпросивъ о томъ блаженаго Феодосия, и оному повелѣвъшю съворити тако, якоже помысли. И егда въсхотѣ лияти въ кандило масло то, и се видѣ мышъ впадышю въ не, мъртву плавающу въ немъ. Таче скоро шьдъ, съповѣда блаженому, глаголя, яко «съ всякымъ утвѣрженеемъ бѣхъ покрылъ съсудъ тѣ съ маслѣмъ, и не вѣдѣ, откуда вѣлѣзе гадъ тѣ и утопе». То же блаженный помысли, яко Божие есть сѣмотреніе се. Похуливъ же свое невѣрство, глаголя тому: «Лѣпо бы намъ, брате, надежю имѣти къ Богу уповающе, яко мощнѣсть есть подати намъ на потрѣбу, его же хошемъ. А не тако, невѣрствовавъше, съворити, егоже не бѣ лѣпо. Нѣ иди и пролѣй масло то на землю. И мало потърпимъ, моляше Бога, и тѣ имать намъ дати въ сий днь до избытка дрѣвянаго масла». Таче уже бывшю году вечерньому, и се нѣкъто от богатыхъ принесе кърчагу велику зѣло, пълну масла дрѣвянаго, юже видѣвъ, блаженный прослави Бога, яко тѣ въскорѣ услыша молитву ихъ. И тако налияша кандила вся, и избыся его большая часть. И тако съвориша на утрѣй днь праздникъ свѣтълъ святія Богородиця.

Боголюбивый же князь Изяславъ, иже поистинѣ бѣ теплѣ на вѣру, яже къ Господу нашему Иисусу Христу и къ прѣчистѣй матери его, иже

обед, но прежде чем он начался, прислали им воз именно таких хлебов. Видя это, братия прославила Бога, удивляясь, как постоянно он заботится о них, подавая им все необходимое по молитвам преподобного отца и наставника их Феодосия. Два дня спустя после этого приказал келарь, чтобы братия, как положено, испекла бы хлебы из той муки, про которую он прежде сказал, что ее нет; когда же пекари приготовились, и уже месили тесто, и заливали его горячей водой, то вдруг увидели жабу, сварившуюся в той воде и осквернившую ее, ибо дело то было плодом ослушания. Случилось же то по изволению Божию для спасения святого стада, чтобы после того, как совершили братья подвиг в святую ту неделю, не испробовали бы таковых хлебов. Но как дело дьявольское — гадом осквернил его Бог, чтобы указать на это. Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написал об этом и прервал свое повествование: сделал я того ради, чтобы знали вы, как не следует нам ни в чем послушаться наставника, игумена своего, помня, что если и утаим от него что-либо, то от Бога ничего не скроется и он тотчас же заступится за того, кого поставил старшим над нами и пастухом, чтобы все слушались его и творили все по его повелению.

Однако возвратимся к прежнему повествованию о блаженном Феодосии.

Настали как-то дни праздника Успения святой Богородицы, и в церкви готовился праздник в тот день, но не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампы. И решил пономарь надавить масла из льняного семени, и, разлив то масло по лампадам, возжечь их. И спросил на это разрешение у блаженного Феодосия, и тот велел ему сделать так, как задумал. И когда уже собрался разливать масло по лампадам, то увидел, что в нем плавают упавшая туда мертвая мышь. Поспешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом и не пойму, как пролез этот гад и утонул!» Но блаженный понял, что это — проявление Божьей заботы. И, укорив себя за неверие, сказал пономарю: «Следовало бы нам, брате, возложить надежду на Бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так как мы, потерявшие веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся Богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком». Уже настал вечер, когда неожиданно кто-то из богатых принес огромную корчагу, полную деревянного масла, увидев которую, прославил блаженный Бога, так скоро внявшего его молитвам. И заправил все лампы, и осталось еще много масла. И так справили на следующий день светлый праздник святой Богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил Господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, тот, который

послѣже положи душу свою за брата своего* по Господню гласу, съ любовью имѣя, якоже речеса, не просту къ отцю нашему Феодосию, и часто приходя къ нему, и духовныхъ тѣхъ словесъ насыщаяся от него. И тако въ единъ от дний пришьдѣшу тому, и въ църкви сѣдѣша има на божьствѣи тои бесѣдѣ, и годъ бысть вечерний. Тако же сий христороубецъ обрѣтесе ту съ блаженымъ и съ чьстною братнею на вечернимъ славословии. И абие Божиею волею дѣждю велику лѣющюся, блаженный же, видѣвъ тако належание дѣждю, призывавъ же келаря, глагола ему: «Да приготовиши на вечерю брашна на ядь кънязю». Тѣгда же приступи къ нему ключарь, глаголя: «Господи отче! Меду не имамъ, еже на потрѣбу пити кънязю и сушимъ съ нимъ». Глагола тому блаженный: «Ни ли мало имаши?» Отвѣща онъ: «Ей, отче, яко ни мало не имамъ, бѣаше бо, якоже рече, опворотилъ таковой съсудъ тѣщ и ниць положилъ». Глагола тому паки блаженный: «Иди и сьмотри истѣе, еда ослалоса или мало чьто от него будетъ». Онъ же отвѣщаваше рекой: «Ими ми вѣру, отче, яко и съсудъ тѣ, въ немъже бѣ таковое пиво, опворатихъ и тако ниць положихъ». То же блаженный, иже поистинѣ испълненъ духовныхъ благодѣти, глагола тому съ: «Иди по глаголу моему и въ имя Господа нашего Иисуса Христа обрящещи медъ въ съсудѣ томъ». Онъ же, вѣру имъ блаженому, отиде, и пришьдѣ въ храмъ, и по словеси святааго отца нашего Феодосия обрѣте бѣчвь ту правѣ положену и пълну сущю меду. Въ страсть же бивъ и въскорѣ шдѣ, съповѣда блаженому бившее. Глагола тому блаженный: «Мѣльчи, чадо, и не рѣци никомуже о томъ слова, нѣ иди и носи, елико ти на трѣбу кънязю и сушимъ съ нимъ; и еще же и братии подай от него, да пиятъ. Се бо благословение Божие есть». Таче паки дѣждю прѣставшю, отиде христороубецъ въ домъ свой. Бысть же тако благословение въ дому томъ, якоже на мѣногы дни довьльномъ имъ тѣмъ быти.

Въ единъ же паки от дний от единой вьси приде мнихъ монастырьскый къ блаженому отцю нашему Феодосию, глаголя, яко «въ хлѣвинѣ, идеже скотъ затварямъ, жилище бѣсомъ есть, тѣмъже и многу пакость ту творять въ немъ, якоже не дадуше тому ясти. Многашды же и прозвутерь молитву творить и водою святою покрапляя, то же *никако*: оставшася зѣлии ти бѣси, творяще муку и доселѣ скоту». Тѣгда же отць нашъ Феодосий вѣоруживься на ня постѣмъ и молитвою по Господню гласу, еже рече: «Съ родъ изгониться ничимъже, тѣкъмо молитвою и постѣмъ». Тѣмъже уповая блаженный, яко иматъ прогнати я от мѣста того, якоже дрѣвле от мѣсильниця. И прииде въ село то и вечеръ вѣниде единъ въ хлѣвину ту, идеже бѣси жилище имяхуть, и, затворивъ дьври, ту же прѣбысть до утрня, молитву творя. Якоже от того часа не явитися бѣсомъ на то мѣсто, се же ни въ дворѣ пакости творити никомуже. Молитвами преподобнааго отца нашего Феодосия, яко се оружиемъ отгнани быша от вьси тоя. И тако паки блаженный приде въ монастырь свой, яко храбръ сильнъ, побѣдивъ зѣлыя духы, пакостьствуоша въ области его.

сложил впоследствии голову свою за брата по призыву Господню, он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христороубец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле Божьей, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, опрокинул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя Господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую: и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полн меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение Божье». Тем временем дождь перестал, и христороубец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеву, где стоит скот, живут бесы, и немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал Господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, один войдя в хлев, где обитали бесы, запер двери и остался там до утра, творя молитвы. И с тех пор они больше там не появлялись, и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из того села. И снова возвратился блаженный в свой монастырь, точно могучий воин, победив злых духов, вредивших во владениях его.

Паки же нѣколи въ единѣ от днѣи къ сему блаженому и преподобному отцу нашему Феодосію приде старѣй пекущимъ, глаголя, яко «муки не имамъ на испечение хлѣбомъ братиѣ». Глаголя тому блаженный: «Иди, съглядай въ сусѣцѣ, еда како мало муки обрящешѣ въ немъ, донѣдеже паки Господь попечеться нами». Онъ же вѣдѣяшесѣ, яко и помель бѣ сусѣкъ тѣ и въ единѣ угль мало отрубъ, яко се съ троѣ или съ четверы пригрѣще, тѣмъже глаголаше: «Истину ти вѣщаю, отче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тѣ, и нѣсть въ немъ ничеже, развѣ мало отрубъ въ угль единомъ». Глаголя тому отць: «Вѣру ми ими, чадо, яко мощнѣ есть Богъ, и от тѣхъ малыхъ отрубъ напѣлнѣти намъ сусѣкъ тѣ муки, иже якоже и при Илии сѣтвори вѣдовици оной, умноживъ от единѣхъ пригрѣшь муки множество, якоже прѣпитатѣся ей съ чады своими въ гладное врѣмя, донѣдеже гобино бысть въ людѣхъ. Се бо нынѣ тѣ же есть, и мощнѣ есть и такоже и намъ от мала много сѣтворити. Нѣ иди и сѣмотри, еда благословленіе будетъ на сусѣцѣ томъ». То же слышавъ, онъ отиде, и яко вѣниде въ храмъ тѣ, ти видѣ сусѣкъ тѣ, иже бѣ пѣрвѣе тѣщъ, и молитвами преподобнаго отца нашего Феодосія пѣлнѣ сущъ муки, якоже прѣсыпатѣся ей чрѣсъ стѣну на землю. Тѣгда же въ ужастѣ бысть, видѣя такое прѣславное чюдо и, вспятивъсѣ, блаженому сповѣда. То же святой къ тому: «Иди, чадо, и не яви никомуже сего, нѣ сѣтвори по обычаю братиѣ хлѣбы. Се бо молитвами преподобныхъ братиѣ наша посла Богъ милость свою къ намъ, подаѣ намъ всѣя на потрѣбу, егоже аще хошемъ».

Тако ти тѣщаніе бѣ къ Богу надежа преподобнаго *Феодосіа* и тако упованіе имѣяше къ Господу нашему Иусу Христу, якоже не имѣти надежа о земныхъ никоеже, ни уповати же ни о чемъ же въ мирѣ семь, нѣ бѣ всею мыслию и всею душею къ Богу вѣскланѣяся и на того все упованіе възложъ, никакоже пекѣйсѣ о утрѣнимъ днѣ и Господенъ глас по всѣя днѣи имѣяше на памяти сѣрдця своего, еже рече: «Не пѣцѣтесѣ ни о чемъ же и сѣмотри же пѣтиць небесныхъ, како не сѣють, ни жнѣють, ниже сѣбирають въ житѣниця своя, нѣ отць небесный питаеть я,* колыми паче тѣхъ унше есте вы». Тѣмъже по всѣя ноци моляшесѣ къ Богу съ слѣзами о стадѣ своемъ глаголя: «Яко ты нынѣ еси, Владыко, сѣвѣкупилъ въ мѣсто се, и аще годѣ ти есть жити намъ въ немъ, буди намъ помощникъ и податель всѣмъ благимъ. Се бо въ имя прѣсвятѣя матере твоя възграженъ бысть домъ сий. Мы же паки въ твое имя сѣбѣраны въ нѣ, и ты сѣблуди ны и сѣхрани от всякого сѣвѣта вселукаваго врага и сѣподобѣ ны получитьи вѣчную жизнь. Присно же вѣлагай въ сѣрдця наша страхъ твой, яко да тѣмъ причастимъ блага она, яже уготова правдѣникомъ». И тако паки по всѣя днѣи прѣбывааше, братику уча, и утѣшая, и запрѣщая же никакоже расслабѣти, нѣ крѣпѣ быти на всѣя труды чѣрньчскыя. И тако прилежаніемъ стадо свое пасѣяше, блюды и, еда нѣкако зѣлокзньный вѣлкъ, вѣшьдѣ, распудити божьствѣное то стадо.

Тѣмъже о семь, якоже и челоуѣку нѣкоему христороубиву и боящюся Бога явленіемъ открысѣ еже о блаженѣмъ и преподобнѣмъ отци нашемъ Фе-

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, для того чтобы испечь братии хлеба. Ответил ему блаженный: «Пойди, посмотри в сусек, а ну, как найдется в нем немного муки на то время, пока Господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного — с три или четыре пригоршни, — и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосий: «Поверь мне, чадо, что велик Бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как сделал и при Илье, превратив одну пригоршню муки в множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не пришла пора собирать урожай. Вот так и ныне, может Бог также из малого многое сотворить. Так пойди же и посмотри: вдруг осенило благословение и тот сусек». Услышав эти слова, вышел пекарь, а когда вошел в дом тот, то увидел, что сусек, прежде пустой, по молитвам преподобного отца нашего Феодосия, наполнен мукой, так что даже пересыпается она через стенку на землю. Пришел он в ужас, видя такое преславное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же в ответ: «Иди, чадо, и, никому не говоря, испеки, как обычно, хлеба для братии. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам Бог свою милость, подав нам все, чего ни пожелаем».

Такова была искренняя надежда на Бога у преподобного Феодосия, так уповал он на Господа нашего Иисуса Христа, что никаких надежд не возлагал на мирское, не рассчитывал ни на что в мире этом, но всеми мыслями и всей душой устремлялся к Богу, и, на того все надежды возложив, совершенно не заботился о завтрашнем дне, и постоянно держал в памяти сердца своего глас Господень, вещающий: «Не заботьтесь ни о чем, посмотрите на птиц небесных, как они не сеют, не жнут, не собирают в житницы свои, но отец небесный питает их, насколько же вы лучше их». Поэтому он еженощно со слезами молил Бога о стаде своем, говоря: «Как уже ныне, Владыка, собрал ты нас в месте этом, и если угодно, чтобы мы жили здесь, то будь нам помощник и податель всех благ. Ведь во имя пресвятой матери твоей возведен дом этот. И мы тоже во имя твое собраны в нем, и сбереги и сохрани нас от всяческих козней лукавейшего врага и сподобь нас обрести вечную жизнь. Постоянно внушай сердцам нашим трепет перед тобой, ибо только этим удостоимся мы благ, уготованных праведникам». И так день за днем учил он братию, и утешал, и удерживал их, чтобы не ослабели духом, но твердыми были бы во всех подвигах монашеских. И так прилежно пас стадо свое и берег его, чтобы злокозненный волк, напав, не разогнал бы божественное то стадо.

А теперь о том, как человеку некоему, христоролюбивому и боящемуся Бога, было видение о блаженном и преподобном отце нашем Феодосии и о

одосии и о прѣчистѣй того и непорочнѣй молитвѣ, еще же и о святѣмъ того монастыри, и от того паки показуя ино мѣсто, якоже тѣмъ ту прѣселитися.

Есть бо мала гора, надлежащи надъ монастырьмъ тѣмъ, и человекѹ тому туда въ ноши по ней ѣдушю, и се видѣти тому чюдо испълнь ужаси. Ноши бо сущи тьмнѣ, свѣтъ же прѣчюднѣ тѣкъмо надъ монастырьмъ блаженааго, и се, яко възрѣвъ, видѣ прѣподобнааго Феодосия въ свѣтѣ томъ, посрѣдѣ монастыря прѣдъ църквию стояща, руцѣ же на небо въздѣвъшю и молитву къ Богу прилѣжно творяща. Таче тому зрящю и чюдящюся о томъ, и се ино чюдо явлшеся тому: пламень великъ зѣло от върха църкъвнааго ишѣдъ и, акы комара сѣтворивъся, прѣиде на другой хѣльмъ, и ту тѣмъ коньцьмъ ста, идеже блаженный отьць нашъ Феодосий църкъвъ назнамена, начатъ здати послѣже. Се же якоже и донынѣ есть на мѣстѣ томъ монастырь славнѣ. Сий же тако пламень тѣ явлшеся тому, яко дуга стоя единѣмъ коньцьмъ на върху църкъвнѣмъ, таче и другимъ на нареченѣмъ мѣстѣ, донѣдеже тому заѣхавъшю за гору не видѣти того. Се же якоже то самъ видѣвъ, исповѣда единому от братия въ монастыри блаженааго, иже истинна суть. Тѣмъже есть лѣпо намъ съ божьствнымъ Ияковѣмъ реши, яко «есть Господь на мѣстѣ семъ и есть свято мѣсто се и нѣсть ино, нѣ се домъ Божий и си врата небесьная».

И се паки подобно есть реши, еже яко пишеться таково о святѣмъ и велицѣмъ Савѣ.* Се бо въ едину ношь такоже тому шѣдъшю ис келия своя и молящюся, и се показася тому стѣлпъ огннѣ до небесе сущъ. Таче потомъ, якоже дошѣдъ мѣста того, и обрѣте въ немъ пещеру и ту тако въ мало дний сѣтвори монастырь славнѣ. Такоже и сѣде разумѣвати есть, Богу назнаменовъшю мѣсто то, еже яко видѣти есть монастырь славнѣ сущъ на мѣстѣ томъ, иже и донынѣ есть молитвами его цвѣтушъ.

Сицева ти бѣ блаженаго отьця нашего Феодосия молитва еже къ Богу о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ, и сицево бѣдѣние и несѣпанье по всьа ноши, и тако сияше яко свѣтило прѣсвѣтѣло въ монастыри томъ.

Тѣмъже тако того молитвами благый Богъ ино паки чюдо показа о святѣмъ томъ мѣстѣ человекомъ близъ ту *живущемъ*, иже якоже и послѣже съповѣдаша всей братии бывшее. Въ едину бо ношь слышаша гласъ бещисльно поющихъ. То же якоже ти слышаша гласъ тѣ, вѣсташа от ложь своихъ и, ишѣдше исъ храмъ и на висоцѣ мѣстѣ ставше, сѣмотряху гласа того. Сияше бо и свѣтъ великъ надъ монастырьмъ блаженаго, и се видѣша мнѣожьство чьрноризць исходящъ отъ ветѣхья църкве и бяхуть грядуще на нареченое мѣсто, носяху же прѣди икону святяя Богородиця. Вси иже ти въ слѣдъ идуше, пояху, и вси въ рукахъ свѣщъ горушѣ имяхуть, прѣдъ ними же идяше преподобный отьць ихъ и наставникъ Феодосий, Таче дошѣдше мѣста того, ту же пѣние и молитву сѣтворше, възвращахуся въспять. И, якоже тѣмъ зрящемъ, внидоша паки поюше въ ветѣхую църкъвъ. Се же не

пречистой и непорочной его молитве, а еще и о святом монастыре его — и так указано было то место, куда суждено будет братии переселиться.

Есть над монастырем невысокая горка, и тот человек ехал по ней ночью и вдруг увидел чудо, повергшее его в ужас. Ночь была темной, но над монастырем блаженного сиял чудесный свет, и вот, присмотревшись, увидел тот человек в сиянии этом преподобного Феодосия, стоящего посередине монастыря перед церковью, воздев руки к небу и прилежно молящегося Богу. Пока смотрел тот, дивясь увиденному, явилось ему и другое чудо: из купола церкви поднялся огненный столб и, изогнувшись наподобие свода, достиг другого холма, и на том месте оказался конец его, где блаженный отец наш Феодосий указал место для церкви, которую и начал строить впоследствии. Вот и донныне на этом месте стоит славный монастырь. И этот пламень, словно дуга, стоявшая одним концом на куполе церковном, а другим на описанном выше месте, виден был человеку тому, пока не заехал тот за гору. Обо всем этом, что он видел, поведал тот одному из братьев в монастыре блаженного как истинную правду. Поэтому и нам следует возгласить вместе с божественным Иаковом, что «сам Господь пребывает на месте том, и свято место то, и нет другого подобного, но здесь и есть дом Божий и врата небесные».

И стоит еще сказать, что такое же чудо упоминается и в житии святого и великого Саввы. Однажды ночью он также вышел из кельи своей помолиться, и вдруг предстал перед ним огненный столп до самого неба. Когда же он дошел до места того, то обнаружил там пещеру и в скором времени построил там славный монастырь. Так и здесь следует понимать, что Бог указал то место, на котором находится монастырь славный, и по сей день цветущий по молитвам Феодосия.

Такова молитва к Богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том, и таково его бдение и бодрствование во все ночи, и так сиял он, как светило пресветлое, в монастыре том.

Его же молитвами благой Бог и иное чудо показал близ живущим людям, знаменуя святое то место, а они уже после рассказали обо всем братии. В одну из ночей слышали они множество поющих голосов. Услышав это пение, встали люди с постелей своих и, выйдя из домов и взойдя на высокое место, стали смотреть оттуда в сторону поющих. И видели сияющий яркий свет над монастырем блаженного и множество черноризцев, выходящих из старой церкви и направляющихся к тому месту, о котором шла речь, а впереди них несли икону святой Богородицы. Все же, кто шли следом за ней, пели, и все держали в руках по горящей свече, а перед ними шел преподобный отец их и наставник Феодосий. Дойдя до места того, постояли там с песнопениями и молитвами и вернулись назад. И на глазах у тех людей снова вошли с пением в старую

единъ, ни дѣва видѣста, нъ мнози людие, видѣвъше сия, съповѣдааху. Си же, якоже разумѣти есть, аньгеломъ сице явльшимся быти, имъ же от братия ни единому же сихъ чювъшю, Богу сице извольшю и съкрывъшю отъ нихъ тайну сию. И якоже послѣже слышавъше, прославиша Бога, творящааго чюдеса велика и прославляющааго мѣсто то и освящающа е молитвами преподобнааго отьца нашего Феодосия.

Нъ се паки лѣпо есть намъ сия съповѣдавъше на прокое похваление блаженааго съказание поити и яже о немъ достойная съ истиною исповѣдающе, еже по Господи нашемъ Исусѣ Христѣ того рвьние. Се бо и сиць обычай имяше блаженный, якоже многашьды въ нощи вѣстая и отай вѣсѣхъ исхожааше къ жидомъ, и тѣхъ еже о Христѣ прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отметьники и безаконьники тѣхъ нарицаая, жьдаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиенъ быти.

И се же якоже бѣ отходя въ постыныя дъни въ прѣжѣреченую пещеру и оттуду паки многашьды, якоже того не вѣдушю никомуже, въ нощи вѣставъ и, Богу того съблюдающю, отходяаше единъ на село монастырьско, и ту уготванѣ суши пещерѣ въ съкръвенѣ мѣстѣ, и никомуже того вѣдушю, прѣбывааше въ ней единъ до Върьбьныя недѣля, и такоже паки прѣидяше паки въ нощи въ прѣжереченую пещеру, и оттуда въ пятъкъ Върьбьныя недѣля къ братии излазяаше, якоже тѣмъ мнѣти, ту ему прѣбывъшю въ постыныя дъни. И тако прѣбывааше, не дадый себѣ покоя бѣдѣниемъ и молитвами вѣсѣми ношьными о стадѣ своемъ, моля Бога и того призывая помощьника имъ быти о всякомъ подвизѣ ихъ, и во вся нощи обиходя дворъ монастырьскый и молитву творя, и тою огражая и яко градъмъ твърьдъмъ стрѣгый, яко да не вѣшьдъ змий лукавый плѣнить кого от ученикъ его. И тако бѣ оградиль вся области его монастырьскыя.

Се бо нѣколи ятомъ бывъшемъ мужемъ разбой творящемъ от нѣкыхъ стрѣгущиихъ дому своего, и бысть съвязаномъ имъ сущемъ и ведомомъ въ градъ къ судии. И се по изволению Божию сълучися имъ миновати мимо едино село монастырьское, и единъ от зѣлодѣй тѣхъ съвязанныхъ, покывавъ главою на село то, глаголааше якоже «нѣколи въ едину ношь приидомъ къ двору тому, разбой хотяше творити и поимати вся сущая, и видѣхомъ градъ сущъ высокъ зѣло, яко не мощи намъ приблизитися емъ». Сице бо бѣ благый Богъ оградиль невидимо вся та съдържания молитвами правьднааго и преподобнааго сего мужа. Тѣмъже и божьствьный Давидъ о семь прѣдъизвѣща, рекый: «Очи Господьни на правьдныя и уши его въ молитву ихъ».* Присно бо Владыка, създавый ны, прикладаетъ слуха своя на послушание призывающимъ ѥ въистину, и такоже молитву ихъ услышавъ, спасе я. Съде же по воли ихъ и прошению вся творить, имъ же упѣвающимъ на нь.

Сицево преподобному и прѣблаженому отьцу нашему Феодосию пащю стадо свое съ всякымъ благочъстиемъ и чистотою и еще же и житие свое съ вѣдържаниемъ и подвигомъ исправляющю, бысть въ то врѣмя съмя-

церковь. И это видел не один, и не двое, но многие люди, видевшие это, рассказывали. Как мы думаем, это являлись ангелы, но из братии никто не знал о случившемся, так уж по воле Божьей скрыта была от них эта тайна. Когда же впоследствии узнали они обо всем, то прославили Бога, творящего великие чудеса, и прославляющего место то, и освящающего его по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном, прославляя его, о достойных делах его правдиво повествуя и о рвении его за Господа нашего Иисуса Христа. Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит.

А еще, когда уходил он в дни поста в упоминавшуюся ранее пещеру, то часто втайне от всех вставал ночью и уходил оттуда, хранимый Богом, в село монастырское, где была у него в скрытном месте вырыта пещера, и, втайне от всех, пребывал в ней до Вербной недели, а затем снова возвращался ночью в упомянутую ранее пещеру и оттуда — в пятницу Вербной недели — выходил к братии, так что они думали, будто он провел здесь все дни поста. И так пребывал он, изнуряя себя бодрствованием и ночными молитвами о стаде своем, моля Бога и призывая его помочь им в их подвигах; и каждую ночь обходил двор монастырский, и творил молитву, и ею ограждал, и, словно стеною твердой, оберегал монастырь, чтобы не проник змий лукавый прельстить кого-либо из учеников его. И так же ограждал и все земли монастырские.

Как-то однажды были схвачены во время грабежа некие люди стерегущими дома свои, и повели их связанных в город к судье. И так случилось по воле Божьей, что проводили их мимо одного из сел монастырских, и один из тех связанных злодеев, показав кивком головы на село, промолвил: «Как-то ночью пришел я к тому двору, собираясь вынести все имущество из него, и увидел стену высокую, так что невозможно было нам и приблизиться к нему». Это ведь благой Бог невидимо оградил все находившееся там по молитвам праведного и преподобного сего мужа. Потому и божественный Давид об этом вещал: «Очи Господни устремлены на праведных, и уши его внимают молитвам их». Постоянно ведь Владыка, создавший нас, склоняет слух свой, внимая искренне призывающим его, и, услышав молитву их, спасет их. Здесь же по желаниям и по просьбам братии, уповающей на него, все творит.

В то время, когда преподобный и преблаженный отец наш Феодосий пас стадо свое со всяческим благочестием и чистотою и свою жизнь проводил в воздержании и подвигах, начался раздор — по наущению лукавого

тение нѣкако* отъ вселукавааго врага въ трѣхъ кнѣзѣхъ, братии сущею по плѣти, якоже двѣма брань сѣтворити на единого старѣйшааго си брата, христороубца, иже поистинѣ боголюбца Изяслава. То же тако тѣ прогнѣнѣ бысть отъ града стольнааго, и онѣма, пришѣдѣшема въ градъ тѣ, посылаета же по блаженааго отъца нашего Феодосия, бѣдѣща того прити къ тѣма на обѣдѣ и причетатися неправдѣнѣмъ томъ свѣтѣ. То же, иже бѣ испѣльненѣ Духа Святаго, преподобный же Феодосий разумѣвъ, еже неправдѣно суще изгнѣние, еже о христороубци, глаголетъ посыланому, яко «не имамъ ити на тряпезу Вельзавелину* и причаститися брашна того, испѣльнѣ суща крѣви и убийства». И ина же многа укоризна глаголавъ, отпусти того, рекый, яко да възвѣстиши всѣя си посѣлавшимъ тѣ.

Нѣ обаче она, аще и слышаста си, нѣ не възмогоста прогнѣватися на нѣ, видѣаста бо правдѣна суща челоуѣка Божия, ни пакы же послушаста того, нѣ устрѣмистася на прогнѣние брата своего, иже отъ всея тоя области отгнѣнаста того, и тако възвратистася възпѣть. И единому сѣдѣшю на столѣ томъ брата и отъца своего, другому же възвративѣшюся въ область свою.

Тѣгда же отъць нашъ Феодосий, напѣльнивѣся Святаго Духа, начатъ того обличати, яко неправдѣно сѣтворивѣша и не по закону сѣдѣша на столѣ томъ, и яко отъца си и брата старѣйшааго прогнѣнавѣша. То же тако обличаше того, овѣгда епистолия пиша, посылааше тому, овѣгда же вельможамъ его, приходѣшемъ къ нему, обличааше того о неправдѣнѣмъ прогнѣнѣнии брата, велѣя тѣмъ повѣдати тому. Се же и послѣже въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: «Глас крѣве брата твоего въпиетъ на тѣ къ Богу, яко Авелева на Каина». И инѣхъ многыхъ дрѣвниихъ гонитель, и убойникъ, и братоненавидѣникъ приводя, и притѣчами тому всѣя еже о немъ указавъ и тако въписавъ, посѣла. И яко тѣ прочѣте епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко львъ рикнувъ на правдѣнааго, и удари тою о землю. И якоже отътолѣ промѣчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. Тоже братия въ велицѣ печали быша и моляху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже такоже и отъ болярѣ мнози приходѣше повѣдахуть ему гнѣвъ княжѣ на того сущѣ и моляхуть ѣ не супротивитися ему. «Се бо,— глаголааху,— на заточение хочетъ тѣ посѣлати». Си же слышавъ блаженый, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духомъ и рече къ тѣмъ: «Се бо о семь вельми сѣ радую, братие, яко ничѣсоже ми блаже въ житии семь: еда благодатьство имѣнию лишение нудить мя? Или дѣтѣи отлучению и селѣ опечалуетъ мя? Ничѣсоже отъ таковыхъ принесохомъ въ миръ сѣ, нѣ нази родихомѣся, такоже подобаетъ намъ нагомъ проити отъ свѣта сего. Тѣмъ же готовъ есмь или на сѣмьръть». И оттолѣ начатъ того укарати о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти.

Нѣ обаче онѣ, аще и вельми разгнѣвалься бѣ на блаженааго, нѣ не дѣръзну ни единого же зѣла и скѣрьбѣна сѣтворити тому, видѣаше бо мужа преподобна и правдѣна суща его. Якоже прѣже многашѣды его ради завидѣа-

врага — среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христолюбца и поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосием, приглашая его прийти к ним на обед и приобщиться к несправедному их союзу. Но тот, исполненный Духа Святого, преподобный Феодосий, видя, что несправедливо изгнан христолюбец, ответил посланному, что не пойдет на пир Иезавелин и не прикоснется к яствам, пропитанным кровью убиенных. И долго еще укорял их, отпуская посланного, наказал ему: «Передай мои слова пославшим тебя».

Они же, хотя и выслушали его и не посмели прогневаться на него, ибо правду сказал человек Божий, не вняли ему, а двинулись на брата своего, изгнали его из его земли и вернулись назад. Один из них сел на престоле брата и отца своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись Духа Святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждая незаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и веля им передать слова его князю. А после написал ему большое послание, осуждая его в таких словах: «Голос крови брата твоего взывает к Богу, как крови Авелевой на Каина!» И приведя в пример многих других притеснителей, убийц и братоненавистников прежних времен и в притчах поступок его изобличив, обо всем этом написал и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступить и больше не обличать князя. И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю. «Он ведь,— говорили,— хочет заточить тебя». Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая оказаться в заточении.

Однако князь, как сильно ни гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, чтя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему, что есть такой

ше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своей, якоже съповѣдаше, слышавъ от того, чьрноризць Павль, игумень сый от единого монастыря, сущиихъ въ области его.

Блаженный же отць нашъ Феодосий, много молимъ бывъ от братьѣ и от вельможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсоже успѣшно сими словесы, тому остася его, и оттолѣ не укаряше его о томь, помысливъ же въ себѣ, яко унѣ есть мольбою того молити, да бы възвратилъ брата си въ область свою.

Не по мнозѣхъ же дньхъ разумѣвъ благый князь ть прѣложение блаженаго Феодосия от гнѣва и утѣшение, еже от обличения того, възрадovasя зѣло, издавна бо жадаше бесѣдовати съ нимъ и духовьныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаетъ къ блаженому, аще повелить тому прити въ монастырь свой или ни? Оному же повелѣвшу тому прити. То же сий, съ радостию въставъ, приде съ боляры въ монастырь его. И великому Феодосию съ братиею ишьдѣшу ис цьркве и по обычаю сьрѣтѣшу того и поклоньшемася, якоже е лѣпо кьнязю, и тому же цѣловавшю блаженаго. Таче глаголааше се: «Отче, не дьрзняхъ прити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя и не възпустиши насъ въ монастырь». То же блаженный отвѣща: «Чьто бо, благый владыко, успѣтъ гнѣвъ нашъ еже на дьржаву твою. Нѣ се намъ подобаетъ обличити и глаголати вамъ еже на спасение души. И вамъ лѣпо есть послушати того». И тако же възшьдѣшема въ цьрквь и бывѣши молитвѣ сѣдоста, и блаженому Феодосию начьнѣшю глаголати тому отъ святыхъ кьнигъ, и много указавшю ему о любви брата. И оному паки многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмъ мира сьтворити. И такоже паки по мнозѣй той беседѣ отъиде князь въ домъ свой, славя Бога, яко съподобися съ таковыимъ мужьмъ бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше къ нему и духовьнаго того брашна насыщаяся паче меду и сьта*: се же суть словеса блаженаго, яже исходяхуть от медоточьныхъ устѣ тѣхъ. Многашьды же великий Феодосий къ тому хожаше и тако възпоминаше тому страхъ Божий и любовь еже къ брату.

И въ единъ от дньихъ шьдѣшю къ тому благому и богоносьному отьцю нашему Феодосию, и яко вьниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многы играюща прѣдъ нимъ: овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ*, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычай есть прѣдъ князьмъ. Блаженный же, бѣ вьскрай его сѣдя и долу нича и яко малы вьсклонивься, рече къ тому: «То будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ?» То же ту абие онъ съ словьмъ блаженаго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ, аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдѣша, то повелѣвааше тѣмъ прѣстати от таковыя игры.

Многашьды же паки, егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, то же, тако ишьдѣ, того сьрѣташе, радуясь, прѣдъ дверьми храму, и тако вьнидоста оба в храмъ. Се же, якоже веселяся, глаголаше преподобьному: «Се отче,

светоч в земле Изяславовой, как рассказывал об этом слышавший такие слова от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосий после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно когда понял, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое и с тех пор уже более не укорял его, решив про себя, что лучше будет со слезами умолять князя, чтобы тот возвратил своего брата в принадлежавшую ему область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев блаженного Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной беседой. Тогда посылает он к блаженному, вопрошая, не разрешит ли тот прийти к себе в монастырь? Феодосий же велел ему прийти. Обрадовался князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосий с братией вышел из церкви и по обычаю встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и непустишь нас в монастырь». Блаженный же отвечал: «А что может, благой владыка, гнев наш против власти твоей? Но подобает нам обличать вас и поучать о спасении души. А вам следует выслушивать это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосий приводить примеры из Священного писания и много говорил князю о братолюбии. Но тот снова возлагал вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя Бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем; и с тех пор часто приходил к нему и насыщался духовной пищей более, чем медом и сытой, таковы были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и великий Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе Божьем и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в княжеские палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни брэнчали на гуслях, другие били в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженного, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженного, приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот,

истину ти глаголю: яко аще быша ми възвѣстили отьца вѣставѣша от мъртвыхъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоємъ. И не быхъ ся того тако боялъ или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоя душа». Блаженный же тоже: «Аще тако боишися мене, то да сътвори волю мою и възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрный отьць *твой* прѣдасть». Онъ же о семь умълече, не могый чьто отвѣщати къ симъ, тольми бо бѣ и врагъ раждьгль гнѣвъмъ на брата своего, яко ни слухъмъ хотяше того слышати. Отьць же нашъ Феодосий бѣ по вся дъни и ноши моля Бога о христочьбци Изиславѣ, и еще же въ ектении веля того поминати*, яко стольному тому князю и старѣйшю вьсѣхъ, сего же, якоже рече, чрѣсъ законъ сѣдъшю на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри. О семь же едѣва умоленъ бывъ от братиѣ, повелѣ и того съ нимъ поминати, обаче же първое христочьбца, ти тѣгда сего благаго.

Великий же Никонъ, видѣвъ таковое съмятение въ князихъ суще, отьиде съ инѣма дѣвѣма чьрьноризьцема въ прѣжереченый островъ, идеже бѣ монастырь съставиль, и блаженому Феодосию мѣного того моливъшю, яко да не разлучитися има, донѣдеже еста въ плъти, и не отходити ему от него. Обаче онъ не послушавъ его о томъ, нѣ, якоже рече, отьиде въ свое мѣсто.

Тѣгда же отьць нашъ Феодосий, напълнивъся Духа Святааго, начатъ благодатию Божиею подвизатися, якоже вьселити тому въ другое мѣсто, помагающу тому Святому Духу, и цьрквь же велику камениемъ възградити въ имя святяя Богородиця и приснодѣвья Мария, първѣй бо цьркии древянѣ сущи и малѣ на приятие братии.

Въ начаткъ же таковааго дѣла събьрася множество людей, и мѣсто на възгражение овѣмъ ова кажущемъ, инѣмъ же ино, и вьсѣхъ не бѣ подобно мѣсто князю полю, близъ прилежащю. И се по строю Божию бѣ благый князь Святославъ туда минуя и, видѣвъ многъ народъ, въпроси, чьто творять ту. И якоже увѣдѣвъ, и съвративъ коня, приѣха къ нимъ, и, яко от Бога подвиженъ показа тѣмъ мѣсто на своемъ поли, веля ту възградити ту таковую цьрквь. Се же якоже и по молитвѣ тому самому начаткъ копанию положи. Бѣаше же и самъ блаженный Феодосий по вся дъни съ братиею подвизаяся и тружая о възгражении таковаго дому. Обаче аще *и* не съвьрши его живъ сы, нѣ се и по съмьрти того, Стефану приемъшю игуменьство и Богу помагающу тому молитвами преподобнааго отьца нашего Феодосия, съвьршено дѣло и домъ съграженъ. Ту же братии преселивъшемся, и онѣдеже малу ихъ оставъшю, и съ тѣми прозвутеру и диакону, якоже по вся дъни и ту святая литургия съвьршається.

Се же житие преподобнааго и блаженааго отьца нашего Феодосия, еже от уны вьрсты до съде от многоаго мало вьписахъ. Кѣто бо довьльнъ вся по ряду съписати добрая управления сего блаженааго мужа, кѣто же възможе по достоянию его похвалити! Аще бо искушюся того достойно противу исправлению его похвалити, нѣ не възмогу — грубъ сы и неразумичьнъ.

отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался пред ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же возразил: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который поручил ему твой благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел. А отец наш Феодосий дни и ночи молил Бога за христолюбца Изяслава и в ектении велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава — как мы говорили, против закона севшего на престол — не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братия, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым — христолюбца, потом же и этого, благого.

А великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноридцами на упомянутый выше остров, где в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосий не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как я сказал, отправился в свой монастырь.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный Духа Святого, задумал по благодати Божьей перенести монастырь на новое место и, с помощью Святого Духа, построить большую каменную церковь во имя святой Богородицы и приснодевы Марии, ибо старая церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Начать же таковое дело собралось множество людей, и одни указывали одно место, где построить церковь, другие — другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле Божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня, и подъехал к ним, и, словно Богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосий каждый день трудился с братией, возводя храм. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с Божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними — священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую — от юных лет и до нынешних — описал я, поведав из многого малое. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не могу — невежда я и неразумен.

Многашьды же сего блаженаго князи и епископи хотѣша того искусити, осилающе словесы, нъ не възмогоша и акы о камыкъ бо приразивѣшесе *отскакаху*, ограженъ бо бѣ вѣрою и надежою, еже къ Господу нашему Иисусу Христу, и въ себе жилище Святааго Духа сътвори. И бысть въдовицямъ заступникъ и сирымъ помощникъ и убогимъ заступникъ и, съпроста рещи, вся приходящая, уча и утѣшая, отпускааше, убогимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пищу тѣм.

Мънози же того от несмыслыныхъ укаряхуть, то же сий съ радостию та приимааше, се же якоже и от ученикъ своихъ многашьды укоризны и досажения тому приимати, нъ обаче онъ, Бога моля за вся, прѣбываше. И еще же и о худости ризнѣй мнози от невѣглас, усмихающесе тому, ругахуться. Онъ же и о томъ не поскърѣбѣ, нъ бѣ радуяся о поругании своемъ и о укоризнѣ и вельми веселяся, Бога о томъ прославляше. Якоже бо еще кто не зная того, ти видяше ѥ въ такой одежи суша, то не мѣняше того самого суша блаженааго игумена, нъ яко единого от варящихъ. Се бо и въ единъ днь идущую тому къ дѣлателемъ, идеже бѣша църквь зижущей, сѣрѣте и того убога въдовица, яже бѣ от судии обидима, и глагола тому самому блаженному: «Чьрноризьче, повѣжь ми, аще дома есть игумень вашъ?» Глагола той блаженный: «Чьто трѣбуеши от него, яко ть человекъ есть грѣшнъ?» Глагола тому жена: «Аще грѣшнъ есть, не вѣмъ, тькъмо се вѣмъ, яко многы избави от печали и напасти, и сего ради и азъ придохъ, яко да и мнѣ поможетъ, обидимъ суши бес правды от судии». Таче блаженный увѣдѣвъ, яже о ней, съжалиси, глагола той: «Жено! Нынѣ иди въ домъ свой, и се, егда придетъ игумень нашъ, то же азъ възвѣщю ему, еже о тебѣ, и ть избавить тя от печали тоя». То же слышавъши жена отъиде въ домъ свой, и блаженный иде къ судии и еже о ней глаголавъ тому, избави ту от насилия того, якоже тому посълавъшю възвратити той, имъ же бѣ обидя ю.

Такъ же сий блаженный отъць нашъ Феодосий многымъ заступникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавляя тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемъ прѣслушати его, вѣдуше ѥ правдъна и свята. Не бо его чьстяху чьстныхъ ради пѣрѣтъ, или свѣтлыя одежда, или имѣния ради мьноаго, нъ чистаго его ради жития и свѣтлыя душа, и поучение того многыхъ, яже кыпяхуть Святымъ Духъмъ от усть его. Козылины бо тому бѣахуть, яко многоцѣнная и свѣтлая одежда, власяница же, яко се чьстная и цесарьская багьряница, и тако, тѣмъ величаяся, ходяше и житиемъ богоугодно поживѣ.

И уже на коньць жития прѣшъдъ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ Богу свое отшьствие и днь покоя своего: правдънымъ бо смърть покой есть.

Тгда же уже повелѣ събрати всю братию и еже въ селѣхъ или на ину кую потрѣбу шьли и, вся съзъвавъ, начать казати тиуны, и приставьники* и слугы, еже прѣбывати комуждо въ порученѣй ему служьбѣ съ всякымъ прилежаниемъ и съ страхъмъ Божиимъ, въ покорении и любьви. И тако

Много раз князья и епископы хотели искусить того блаженного, в словопрениии одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на Господа нашего Иисуса Христа и Святой Дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц, и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они, и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех Богу. И еще, насмехаясь над ветхой одеждой его, издевались над ним невежды. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам и в веселье великом славил за это Бога. Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за одного из поваров. Так, однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди, женщина, сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам вернул ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его послушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд, и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь и за светлую душу, и за многие поучения, Святым Духом кипящие в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багрянницей царской, и, в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к Богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом Божьим, с покорностью и

паки вся съ слъзми учааше, еже о спасении души и богоугоднѣмъ житии и о пощении, и еже къ църкви тѣшание, и въ той съ страхѣмъ стояние, и о братолюбии, и о покорении, еже не тѣкѣмо къ старѣйшинамъ, нѣ и къ съвѣрьстнымимъ себѣ любовь и покорение имѣти. Глаголавъ, отпусти я, самъ же, възлѣзъ въ келию, начатъ плакаться, бия въ пьрси своя, припадая къ Богу и моляся ему о спасении души, и о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ. Братия же, ишѣдъше вѣнъ, глаголаху къ себѣ: «Что убо сий сицево глаголетъ? Еда, кѣде отшѣдъ, съкрытиси хошетъ въ тайнѣ мѣстѣ, ти жити единъ и намъ не вѣдушемъ его»,— якоже многашѣды възхотѣ тако сътворити, нѣ умоленъ бываше о томъ от князя и от вельможъ, братии о томъ паче молящихся. И такоже и ту тако тѣмъ мнящемъ.

Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу ѿ, и не могый къ тому ничѣтоже, възлеже на одрѣ, рекъ: «Воля Божия да будетъ, и якоже изволися ему о мнѣ, тако да сътворитъ! Нѣ обаче молю ти ся, Владыко мой, милостивъ буди души моей, да не съряшетъ ея противныхъ лукавство, нѣ да примуть ю ангели твои, проводяще ю сквозѣ проньрство тѣмныхъ тѣхъ *мытарствѣ*, приводяще ю къ твоего милосърдия свѣту». И си рекъ, умѣлче, къ тому не могый ничѣтоже.

Братии же въ велицѣ скърѣби и печали сущемъ его ради. Потомъ онъ 3 дъни не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести, яко многими мнѣти, якоже уже умрѣтъ, тѣкѣмо же малы видяхуть и еже сущю душу въ немъ. Таче по трѣхъ днѣхъ вѣставъ, и братии же всеѣ събравъшися, глагола имъ: «Братие моя и отци! Се, яко уже вѣмъ, врѣмя житию моему коньчавается, якоже яви ми Господъ въ постное врѣмя, сущю ми въ пещерѣ, изити от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хошете, да азъ поставлю ѿ вамъ въ себе мѣсто игумена». То же слышавъше, братия въ велику печаль и плачь впадоша, и по сихъ излѣзъше вѣнъ и сами въ себѣ съвѣтъ сътвориша, и якоже съ свѣта всѣхъ Стефана игумена въ себѣ нарекоша быти, деместика суша църквѣнааго.

Таче паки въ другый днь блаженный отць нашъ Феодосий, призвавъ всю братию, глагола имъ: «Что, чада, помыслите ли въ себѣ, еже достойну быти въ вас игумену?». Они же вси рекоша, яко Стефану достойну быти по тебѣ игуменьство прияти. Блаженный же, того призвавъ и благословивъ, игумена имъ въ себе мѣсто нарече. Оны же много поучивъ, еже покарятися тому, и тако отпусти я, нарекъ имъ днь прѣставления своего, яко «въ субботу, по възитии сълнця, душа моя отлучиться от тѣлесе моего». И паки же призвавъ Стефана единого, учааше ѿ, еже о паствѣ святааго того стада, *се* бо и не отлучашеся от него, служа тому съ съмѣрениемъ, бѣ бо уже болѣзнию лютою одържимъ.

И якоже пришѣдъши суботѣ и дъни освитающу, посълавъ, блаженный призъва всю братию, и тако по единому вся цѣлова, плачущая и кричаша

любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать и бить себя в грудь, кланяясь Богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, стали говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или, уйдя куда-нибудь, хочет скрыться от нас в неизвестном месте и жить один?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе, и пылал в жару, и, уже совсем обессилев, лег на постели своей, и промолвил: «Да будет воля Божья, что угодно ему, то пусть то и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, Владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, ибо оставили его силы.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие уже подумали, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не покинула его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том Господь во время поста, когда был я в пещере, и настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой, кого поставить вместо меня игуменом». Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, потом, выйдя на двор, стали совещаться и по общему согласию порешили, что быть игуменом у них Стефану, начальнику хора церковного.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто же достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять после него игуменство. И блаженный, призвав к себе Стефана и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал, слушаться его веля, и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое». И снова, призвав к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал ему, ибо был он уже тяжело болен.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих

о разлучении таковааго имъ пастуха. Блаженный же глагола имъ сице: «Чада моя любимая и братия! Се бо и утробою вся вы цѣлюю, яко отхожю къ Владыцѣ, 'Господу нашему' Исус Христу. И се вамъ игумень, его же сами изволисте. Того послушайте, и отьця того духовнааго себѣ имѣйте, и того бойтеся, и по повелѣнию его вся творите. Богъ же, иже вся словѣмъ и прѣмудростию сътвори, тѣ васъ благослови и сънабѣди от проныриваго безбѣды, и неподвижиму и твърду яже къ тому вѣру вашу да съблюдетъ въ единомии и въ единой любви до послѣдняаго издыханія въкупѣ суще. Дай же вамъ благодать, еже работати тому бесприрока, и быти вамъ въ единомѣ тѣлѣ и единѣмъ духѣмъ въ сѣмѣреніи сущемъ и въ послушаніи. Да будете съвършени, якоже и отьць вашъ небесный съвършенъ есть. Господь же буди съ вами! И о семъ же молю вы и заклинаю: да въ ней же есмь одежи нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идеже постыныя дни прѣбываахъ, ниже омывайте убогаго моего тѣла, и да никътоже от людей мене, нѣ вы едини сами да погребете въ прѣжереченѣмъ мѣстѣ тѣло се». Си же слышавъше братия от устъ святаго отьця плачь и слъзы изъ очию испущааху.

Блаженный же паку утѣшая глаголаше: «Се общаюся вамъ, братия и отьци, аще и тѣлѣмъ отхожю от васъ, нѣ духѣмъ присно буду съ вами. И се, елико же васъ въ монастыри семъ умреть, или игуменѣмъ кѣде отсѣланъ, аще и грѣхы будетъ кѣто сътворилъ, азъ имамъ о томъ прѣдъ Богѣмъ отвѣщати. А иже отьидеть кѣто о себѣ от сего мѣста, то же азъ о томъ орудія не имамъ. Обаче о семъ разумѣйте дръзновение мое, еже къ Богу: егда видите вся блага умножающаяся въ монастыри семъ, вѣдите, яко близъ владыкы небеснааго ми сущю. Егда ли видите скудѣнныя суще и всѣмъ умаляющеса, тѣгда разумѣйте, яко далече ми Бога быти и не имуща дръзновения молитися къ нему».

Таче по глаголѣхъ сихъ отпусти я вѣнъ вся, ни единого же у себе оставивъ. Единъ же от братиѣ, иже вьсегда служааше ему, малу сътвори скважню, сѣмотряше ею. И се блаженный вѣставъ и ниць легъ на колѣну, моляше съ слъзами милостивааго Бога о спасеніи душа своя, вся свята прызывая на помощь и наипаче же — святую владычицю нашу Богородицю, и тою Господа Бога Спаса нашего Исус Христа моля о стадѣ своемъ, и о мѣстѣ томъ. И тако паку по молитвѣ възлеже на мѣстѣ своемъ и, мало полежавъ, таче възрѣвъ на небо, и великѣмъ гласомъ, лице весело имый, рече: «Благословенъ Богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нѣ паче радуся отхожю свѣта сего!» Се же, якоже разумѣти есть, яко обавление нѣкое видѣвъ, сице издрече. Яко по томъ опрятавъся, и нозѣ простеръ, и руцѣ на пьрьсѣхъ крестообразнѣ положъ, прѣдасть святую ту душу въ руцѣ Божии и прѣложися къ святыимъ отьцемъ.

Тѣгда же братия сътвориша надъ нимъ плачь великъ и тако, възъмъше того, несоша въ църквѣ, и по обычаю святое пѣнне сътвориша.

о разлучении с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу я к Владыке, Господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого вы сами пожелали. Так повинуйтесь же ему и пусть будет он вам отцом духовным, бойтесь его и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушимой и твердой, в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего вздоха вы были вместе. Да будет на вас благодать — служить безупречно Богу, и быть всем, как одно тело и одна душа, в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и ваш отец небесный. Да пребывает Господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде я сейчас, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед Богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете о дерзновении моем перед Богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте, что я возле владыки небесного; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от Бога и не имею дерзновенья ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому Богу о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую владычицу нашу Богородицу, и молил ее именем Господа Бога, спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою, и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко и радостно: «Благословен Бог, что так свершилось, вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он это, увидев явление некое. Ибо потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал свою святую душу в руки Божьи, и приобщился к святым отцам.

Тогда горько заплакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели как подобает. И тут же, словно повинувшись божест-

Тогда же, акы нѣ от коего божьствааго явления, подвижеса вѣрныхъ множество, и съ усрьдиемъ сами придоша и бѣша прѣдъ враты сѣдяще и ожидающе, донѣдеже блаженааго изнесутъ. Благовѣрный же князь Святославъ бѣ не далече от монастыря блаженааго стоя, и се видѣ стѣльпъ огньнъ, до небесе сушь надъ монастырьмъ тѣмъ. Сего же инъ никътоже видѣ, нъ тѣкъмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженааго, и глагола сущимъ съ нимъ: «Се, якоже мню, дньсь блаженный Феодосий умре». Бѣ бо прѣже того дне былъ у него и видѣлъ болеть его тяжьку сушю. Таче посълавъ и увѣдѣвъ истѣе прѣставление, плакася по томъ много.

Братии же врата затворивъшемъ и никогоже пустящемъ по повѣлению блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимъ и ожидающе, донѣдеже разидуться людие, и тако того погребуть, якоже самъ повелѣ. Бѣша же и боляре мнози пришьли, и ти прѣдъ враты стояще. И се по съмотрению Божию пооблачилося небо, и съниде дъждь. То же ти тако разбѣгошася. И абие паки дъждь прѣста и сълнце всѣся. И тако того несъше въ прѣжереченую пещеру, положиша ѳ, и запечатьлѣвъше и отъидоша, и без брашьна въсь днь прѣбыша.

Умрѣтъ же отць нашъ Феодосий въ лѣто 6 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ субботу, якоже прорече самъ, всѣсявъшю сълнцю.

венному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых людей, все с готовностью сами пришли и уселись перед воротами монастырскими, ожидая когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, находившийся недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел огненный столп, поднимающийся над тем монастырем до самого неба. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что умер блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, кажется мне, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжело больным. Тогда, послав и услышав, что вправду умер Феодосий, горько заплакал о нем князь.

Братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный, и сидели возле тела его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по воле Божьей затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разошлись люди. И тотчас же перестал дождь и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой мы говорили прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

ПОУЧЕНИЯ И МОЛИТВА ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

В ЧЕТВЕРГ 3 НЕДѢЛИ ПОСТА СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ СЛОВО О ТРЪПѢНИИ И О ЛЮБВИ И О ПОСТѢ

Господи, благослови!

Многажды друзии отгоними мною искушения ради, а не останутся, дондеже получать святой тѣй даръ. То что створю, не вѣмъ, убогый! Аще бо умолчу вашего ради роптания, угождаа вамъ ваша ради слабости, то камение възъпиеть. Не азъ бо то глаголю, но они свѣтила вселеныя всея, истиннии стлѣпи, правыя вѣры всадители, наставници всему доброму благодравию, вожди истиннии и свѣтила негасущая. Нынѣ бо печалуемъ и скорбимъ о инѣхъ богоувѣдѣнии, о нѣмже бы намъ радоватися и хвалу въздати благому Владыцѣ, иже въ первый надесят часъ пришедшимъ не похули ихъ опоздания, но тужде мзду дарова имъ, юже изъутра дѣлавшимъ; ропщущимъ бо на винограднаго владыку, *что бо рече*: «Друже, не обижу тебе; не тако ли съвѣщаа съ тобою, и не лѣтъ ли ми въ своихъ, якоже хошу».*

Нынѣ же азъ, худый, въ умѣ приемъ заповѣдъ благаго Владыкы, се вѣщаю вамъ: лѣпо бо бяше намъ от трудовъ своихъ крѣмити убогыя и странныя, а не празднымъ пребывати, прѣходити от келии въ келию. Слышасте бо Павла, глаголюща: «Яко нигдѣже туне хлѣба не ядох, но ночь дѣлахъ, а въ дне проповѣдах, и руцѣ мои послужиста си мнѣ и инѣмъ»,* и паки: «Праздный да не ясть».* Мы же ничсоже того не створихомъ. Аще бы не благодать Божиа приспѣла на насъ и крѣмила боголюбивыми человѣкы, что быхомъ сътворили, на своя труды зряще, да аще речемъ: пѣнниа ради нашего или поста ради или бдѣнниа та намъ вся приносятъ, и за всѣхъ бо за приносящихъ ни единою поклонимся.

Слышасте бо притчу о десяти дѣвахъ, мудрыхъ а 5 несмысленныхъ.* Вѣщеваеть бо святое Евангелие: мудрыя же дѣвства съблюдоша, и свѣтилники своя украсиша милостынями и вѣрою, и внидоша въ чрътогъ радостный, и никомуже не възъбраняющю имъ. Оны же буяя како

ПОУЧЕНИЯ И МОЛИТВА ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

СЛОВО О ТЕРПЕНИИ, ЛЮБВИ И ПОСТЕ

В ЧЕТВЕРГ ТРЕТЬЕЙ НЕДЕЛИ ПОСТА
СЛОВО СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ
О ТЕРПЕНИИ, О ЛЮБВИ И ПОСТЕ

Господи, благослови!

Часто я обличаю других ради их искушения, но не останетесь без святых даров. И что мне делать, не ведаю, убогому! Если стану молчать из-за вашего ропота, угождая вам по вашей слабости, то камни возопят. Не я это говорю, но оные светила, истинные столпы всей вселенной, насадители правой веры, наставники всему доброму и благонравному, истинные вожди и неугасимые светила. Ныне мы печалимся и скорбим о богоуведении других, а подобало бы нам об этом радоваться и воздавать хвалу благому Владыке, который не похулил пришедших в одиннадцатый час за их опоздание, но даровал им ту же мзду, что и тем, кто трудился с утра; ропщущим же на хозяина виноградника сказал: «Друг, я не обижаю тебя; не так ли договаривался я с тобой, и не волен ли я в своих поступать, как хочу!»

Ныне я, худой, приняв на ум заповедь благого Владыки, говорю вам: подобало бы нам от трудов своих кормить странствующих и убогих, а не пребывать в праздности, ходя из кельи в келью. Слышали ведь, как Павел глаголет: «Нигде не ел я хлеба втуне, но ночью трудился, а днем проповедывал, и руки мои работали и на меня и на других», и еще: «Кто не работает, пусть не ест». Мы же ничего из этого не сделали. Если б не снизошла к нам благодать Божия и не кормила бы нас через боголюбивых людей, что бы мы делали, на труды свои глядя, если говорим, что ради нашего пения или ради поста или бдения все это нам приносят, а сами ни разу не поклонимся ни за кого из приносящих.

Слышали ведь вы притчу о десяти девах, о <пяти> мудрых и о пяти неразумных. Святое Евангелие возвещает: мудрые и девство сохранили, и светильники свои украсили милостынею и верой, и вошли в чертог радости, и никто не остановил их. А почему же другие были названы неразумными?

нарѣкошася? Понеже дѣвственую печать съблюдоша неразориму и в пощеніи и въ бдѣніи, въ молитвахъ стончиша плоть свою, масла же милостыни не принесоша въ свѣтилницѣхъ своихъ душъ, и того ради изгнани быша исъ чрътога; и тогда възыскаша продающихъ милостыня нищихъ, но не обрѣтоша, уже бо затворишася двери челоуѣколюбиа Божиа.

Да не лѣпо намъ есть, възлюблении, посылаемыхъ отъ Бога на ползу душамъ и телесемъ нашимъ отъ боголюбивыхъ челоуѣкъ удержати себе, но инѣмъ подаати трѣбующимъ. «Луче бо,— рече апостоль,— даяти, нежели взимати»;* «Блаженъ,— рече,— разумѣвая на нища и убога, въ день лють избавить ѱ Господь»;* и еще: «Блажени милостивии, яко ти помиловани будутъ».*

Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чръва ради падоша въ пустыни; ни помышляемъ бѣсовскихъ помышлений, иже всѣвають въ сердца наша неподобнаа, не дающе намъ хвалы въздати Богу о всѣхъ благодатехъ его, еже к намъ. Слышите бо, въ что изыде роптание онѣхъ.

Не первѣе ли, егда ведяше ѱ Моиси къ морю Чръмному столпомъ огненнымъ облачнымъ, и они, забывше онѣхъ казни и елико сътвори имъ Богъ в Египтѣ Моисѣомъ и Арономъ, не възпиша ли на Моисѣя: «Что извелъ ны еси сдѣ, да умремъ нынѣ в пустыни сей; не луче ли да быша гроби наши въ Египтѣ были!»* Да егда проведе ихъ Богъ сквозѣ Чръмное море рукою Моисевою и врагы ихъ потопа,* приидоша въ Мерры и обрѣтоша ту горька вода, и паки усъкориша и забыша дѣлъ Божиихъ, възропташа на Моисѣя, глаголюще: «Чѣто приемъ! Се бо въвелъ ны еси въ пустыню сию безводную, нѣимуши никакаяже утѣхы». И не ослади ли имъ Богъ горькихъ водъ?* То и ту не остаха в разумѣ, но по тѣхъ всѣхъ чудотворныхъ поклонишася тѣлцю.* Да аще бы не Моисѣй сталъ во сокрушении ко Богу о нѣхъ, то потрѣбилъ бы ѱ Богъ отъ лица земли. И паки воду имъ ис камени источи*, и хлѣбы имъ съ небесе дарова.* То или похвалиша Бога, безъблагодатнии? Но начаша глаголати: «Егда подаваемъ отъ хлѣба иноязычникомъ?»

И не о всѣхъ ны слово сии есть, но о тѣхъ, иже тѣмъ болятъ и втайнѣ ропшущихъ. Но того дѣля глаголю то всѣмъ, да не вси примуть яко квась злосрѣбролюбнаа. Глаголаше: «Почто гибель сиа бысть? Можаше бо се миро розпродатися на мнозѣ и датися убогимъ»,* и послѣди же не продастъ ли Июда учителя своего на 30-техъ срѣбреницѣхъ, а самъ удавится. И како ми не стенати и не тужити, любимици мои, и та вся слышаше въ васъ. И аще быхъ могль, и възглагола ко вашей любви оно пророчьское слово: «Кто дасть главѣ моеи камене и очима моима источникъ слезъ, да плачюся день и ношь дщере людий моихъ!»* Удалихомъ бо ся въ пустыню, по Писанию, и чаемъ Бога, спасающаго насъ. И не изведе ли насъ, аки изъ Египта, отъ мира въ пустыню сию безводную, не рукою Моисѣвою, но благодатию Божиею. И что облиховани бы-

Потому что девственную печать сохранили неразоренной и пощением, и бдением, и молитвами истончили плоть свою, а масла милостыни не принесли в светильниках душ своих, и потому изгнаны были из чертога; и тогда бросились искать продающих милостыню нищих, но не нашли их, ибо уже затворились двери Божьего человеколюбия.

Нехорошо нам, возлюбленные, то, что через боголюбивых людей посылает нам Бог на пользу душам и телам, удерживать себе, а хорошо подавать другим, нуждающимся. Ибо сказал апостол: «Лучше давать, чем брать»; «Блажен,— сказано,— думающий о нищих и убогих, в день скорби избавит его Господь», и еще: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут».

Не станем уподобляться тем ропшущим, которые из-за своего чрева пали в пустыне; не станем помышлять бесовских помышлений, насаждающих в наши сердца непотребное, не давая нам воздать Богу хвалу за все его благодеяния к нам. Знаете ведь, к чему привело их роптание.

Сперва, когда вел их Моисей к Чермному морю с помощью столпа, огненного и облачного, не приняли ли они, забыв их наставления и все, что сотворил им Бог в Египте через Моисея и Аарона, вопить на Моисея: «Зачем ты привел нас сюда, чтобы мы умерли теперь в пустыне этой; не лучше ли б было, если б могилы наши в Египте были!» И когда провел их Бог сквозь Чермное море рукою Моисеевой и потопил их врагов, пришли они в Мерры и обрели здесь горькие воды, и снова поторопились и забыли деяния Божии, возроптали на Моисея, говоря: «Что будем пить! Вот ты привел нас в эту безводную пустыню, где нет нам никакого утешения». И не осладил ли им Бог горьких вод? Но и тогда не пришли они в разум, и после всех тех чудотворений поклонились тельцу. И если б не встал Моисей, сокрушаясь, за них пред Богом, то истребил бы их Бог с лица земли. И снова воду им из камня источил, и хлеб им с небес даровал. Быть может, после этого воздали они Богу хвалу, безблагодатные? Нет, но приняли говорить: «Разве нам следует давать хлеб иноплеменикам?»

Эти мои слова не для всех, а для тех, кто тем болен и втайне ропшет. Но потому говорю это всем, чтоб вы не приняли в себя закваску сребролюбия. Говорил Иуда: «Зачем эта трата? Можно было это миро продать за большую цену и раздать нищим», а после не продал ли учителя своего за тридцать серебряников, а сам удавился. И как мне не стенать и не тужить, возлюбленные мои, все это слыша от вас. Если б я мог, то проговорил бы к вашей милости пророческие те слова: «Кто даст главе моей камень и очам моим источник слез, чтоб плакал я день и ночь о дочери народа моего». Ушли мы в пустыню, по Писанию, и уповаем на Бога, спасающего нас. Не вывел ли он нас из мира, как из Египта, в сию пустыню безводную, не Моисеевой рукой, но благодатью Божией. И чем мы опечалены, братья мои и отцы?! Разве вы

хом, братна моя и отци?! Что бо принесосте от имѣний своих на мѣсто се или что азъ трѣбовахъ от васъ, принимая въ обитель сию? И человѣколюбие Божие что насъ лиши?! Нѣ вся ли подасть намъ молитвами святыя Богородица?!

Да тѣмъ молюся вамъ от всея душа моя, любимици мои, не прѣбываемъ въ дводушии, да не прогнѣваемъ благаго Владыкы, якоже и они непокоривии. Но въздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о иже тако о насъ смотреть и вся намъ изобилия подаваетъ, не помня немощей наших; и длѣжни есмы к нему глаголати оно Давыдово слово: «Что есмы грѣшнии, Господи мой, Господи, о иже ты и насъ избра и та вся намъ дарова! Смирихъ бо ся,— рече,— спаси мя»*, и: «Въ смиреніи нашемъ помянул ны Господь»*. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

В ПЯТОКЪ 3 НЕДѢЛИ ПОСТА

СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ ПОУЧЕНИЕ О ТРѢПѢНИИ И О СМирЕНИИ

Господи, благослови!

Подвизайтесь, трудници, да примѣте вѣнецъ трѣпѣнія вашего, Христосъ бо ждетъ входа нашего. И въздезьмъ свѣтилники наша любовію и послушаніемъ, кротосѣтію и смиреніемъ и срящемъ Христа непостыдномъ лицемъ, глаголюще къ намъ: «Приидѣте, иже мене ради потружавшеся въ молитвахъ и въ бдѣніихъ и въ всякихъ службахъ, и приобщитеся благыхъ». Паки же речеть лѣнливымъ и неродивымъ: «Идѣте от мене, проклятіи, не знаю васъ, якоже вы не слышасте гласа рабѣ моихъ, пророкъ и апостоль, и святыми Евангелии позывающа въ царство небесное, тако и азъ васъ не слышу; но емуже послѣдовасте, тому же и общници будете мукамъ бесконечнымъ».

Билу бо ударѣюшу, не лѣпо ны есть лѣжати, но вѣстати на молитву, якоже ны богоносивый Феодоръ учит* и Давыдское оно слово въ умѣ имѣюще и глаголати: «Готово сердце мое, Боже, готово».* Да егда второму клѣпанію кончевающуся, тогда и своя ноги вготовимъ на шествіе церковное, помысла своего не дряхла имуща, но весела, и въздающе хвалу живодавцю Богу, прѣпроводившу насъ врѣсту ношную, и въ устѣхъ имѣюще пророка Давыда и царя псаломъ, в нѣмже глаголетъ: «Възвеселихся о рѣкшихъ мнѣ: в домъ Господень внидемъ»* и прочее. Такожде входяще въ церковь и «Святый Боже» поюще, таже с лѣпотою поклонившеся Христу трижды до земля и съ великою боязнію и съ страхомъ стати безмолвно при стенѣ, гласы немлчны възспѣвающе къ Вышнему, иже насъ грѣшныхъ сподобилъ входа церковнаго, не имѣюще собѣ подѣпоры стѣны, ни стлѣпа, еже намъ суть на честь створена.

что-то принесли сюда из своего имения, или я что-нибудь требовал от вас, принимая в сию обитель? Или человеколюбие Божие чего-то нас лишило?! Не все ли дало оно нам молитвами святой Богородицы?!

Поэтому молю вас всей душой моей, возлюбленные мои, не будем двоедушными, чтоб не прогневать благого Владыки подобно тем непокорным. Но воздадим хвалу благому Владыке за то, что так печется о нас и подает нам все в избылии, не помня наших немощей; должны мы обращаться к нему Давыдовы слова: «Что мы такое, грешные, Господи, Боже наш, что ты нас избрал и все это нам даровал! Смирился я,—сказано,— спаси мя», и: «Во смирении нашем помянул нас Господь». О Христе Иисусе Господе нашем.

ПОУЧЕНИЕ О ТЕРПЕНИИ И СМИРЕНИИ

В ПЯТОК ТРЕТЬЕЙ НЕДЕЛИ ПОСТА

ПОУЧЕНИЕ СЯГО ФЕОДОСИЯ О ТЕРПЕНИИ И СМИРЕНИИ

Господи; благослови!

Подвизайтесь, трудники, и увенчаеесь венцом терпения, ибо ждет Христос входа нашего. Зажжем свои светильники любовью и послушанием, кротостью и смирением и непостыдно встретим Христа, глаголящего нам: «Приидите ко мне трудившиеся ради меня на молитвах и бдениях и во всяких богослужениях, и приобщитесь благих». А еще скажет ленивым и нерадивым: «Отойдите от меня, проклятые, не хочу знать вас, ибо как вы не слушали гласа рабов моих, пророков и апостолов, зовущих святыми Евангелиями в царство небесное, так и я не слышу вас; кому вы последовали, с тем вместе вечных мук и приобщайтесь».

Когда ударят в било, нехорошо нам лежать, но подобает, как учит богоносный Феодор, встать для молитвы и повторять, приводя на ум, Давыдовы слова: «Готово сердце мое, Боже, готово». А когда закончится второе клепание, тогда и ноги свои приготовим для шествия в церковь, с мыслями в голове не унылыми, а веселыми, вознося хвалу жизнедавцу Богу, препроводившему нас в ночное время, на устах неся псалом пророка и царя Давыда, в котором сказано: «Возвеселился я о сказавших мне: войдем в дом Господень», и далее. И так входя в церковь с пением «Святой Боже», потом, трижды благообразно поклонившись Христу до земли, с великою боязнью и страхом, не переставая благодарить Владыку за то, что сподобил нас, грешных, войти в церковь, безмолвно становимся у стены, не опираясь ни на стену, ни на столпы, что созданы нам для чести. Ведь когда приходим мы к друзьям,

Егда бо и къ другомъ приходимъ, то достоить нам, поклонение створше до земля и связавше руцѣ, аки рабу Божию стати прѣд нимъ, Христа о сѣмъ подражающе, видимъ бо его предстояща прѣд Пилатом и поругаема и не глаголюща ничсоже.* И повелѣно ны есть другомъ толики чести даяти смирення ради, имже добродѣтельныя вѣнца украшаемъ; еже бо не поклонитися другу своему и руцѣ долу повѣсити, то неродивых мужъ и лѣнливых и въ умѣ *гордящихся*. И въ церкви боле того есть, на честь бо намъ стѣлпи суть и стѣны церковныя, а не на бещестие.

Кадашу прозвиту святой оltарь и намъ чающимъ присѣщениа кадилнаго, не лѣпо с лѣнностію стояти, но страх великий имѣти. Святое бо кадило образъ Святаго Духа есть, да не лишимся того, любимици! Да егда приобрящемся благодати Святаго Духа кадилнымъ присѣщениемъ, и на мѣсто свое шедше и стати ны лѣпо есть съ всякою кротостию, якоже въ уставѣ пишеть, сонъ отложивше и мертва себе сътворити къ копасаниемъ и к кашлю акы нечювствѣна, и съ умилениемъ молитися Богу, да послеть намъ помощь скончати намъ въ блазѣмъ трѣпѣнии заутреню и канонъ.

Да егда присѣщениемъ Божиимъ вснаеть въ душах нашихъ свѣтъ истинный и по пѣнии «Богъ Господь» егда начнемъ псалтырное пѣние, не лѣт ны есть другъ друга прихватити стиховъ и пѣнію мятежъ творити немалъ, но на стрѣйшаго сторонузирающе, и безъ того початиа не лѣпо есть починати никомуже; тако бо добротинство бываетъ. И егда, починающе пѣснь или «аллилуа», поклоняние между събою творим, подражающе о сѣмъ ангелы, длѣжни есмы взирати в томъ на старѣйшину сторонѣ, да егда онъ поклонитися, и мы поклонитися, послѣдующе ему, длѣжни есмы добротѣпне. Ангелы бесплотныя видѣша пророкы поюща и поклоняющася и Богу хвалу въздающе съ прѣстояниемъ. Нам же кацѣмъ быти достоить, сподобившимся съ ангелы Богу невидимому служити и прѣстояти, от негоже мѣзды длѣжныа чаем! Тѣ бо свѣсть сердца наша, кого длѣя пристоимъ въ святѣй церкви. Да не лѣнимся, любимици мои, о годинах и о службѣ своей Испытающему вся длѣла наша и помышления наша. Откроемъ съгрѣшениа наша сдѣ прѣдъ худымъ челоуѣкомъ, да тамо не обличена будутъ, прѣдо вселенною. И блюдемъ години заутрѣних, и обѣдѣнных, и павечерних; иже бо погубляеть години лѣнности ради, татѣ подобно есть украдаа святаа; *проклят бо есть иже дело Божие делает со нераденіем.*

Да не лѣнимся, любимици мои, братиа и отци, и чада духовнаа, избраннаа! Съ слѣзами бо глаголю горкаа словеса къ вашей любви, понеже вамъ глаголю, сам не створя. И на мнѣ днесъ сбысться реченое от пророка: «Грѣшнику же рече Богъ: “въскую ты повѣдаеши завѣтъ мой усты твоими! Ты же наказание възненавидѣ и низвърже словеса моа възпят. Аще видяше тате, течаше с нимъ, и съ блудники участие свое полагаше, и на братъ свой клѣвѣташе, и на сына матере своя полагаше съблазнъ. Сие створиль еси, и умолчах. *А вознепщевал еси, безаконнице,*

прилично нам, поклонившись в землю, со сцепленными руками, как Божиим рабам, перед ними стоять, подражая тем Христу, о котором знаем, что он стоял пред Пилатом, и поругание терпел, и не говорил ничего. Положено нам таким образом честь воздавать друзьям для смирения, чтобы украсить им венцы наших добродетелей; ибо не кланяются своим друзьям и руки вниз опускают люди нерадивые и ленивые, превозносящиеся в своем уме над другими. А церковь выше этого, для чести созданы нам церковные столпы и стены, а не на бесчестие.

Когда кадит пресвитер святой алтарь и ожидаем мы его приближения с кадилом, следует нам стоять не леностно, но со страхом. Ибо святое кадило — образ Святого Духа, да не лишимся его, возлюбленные мои! После того как приобщимся мы благодати Святого Духа через каждение, следует нам, вернувшись на свое место, встать там со всею кротостью, как написано в уставе, забывши сон и замерев, без кашля и копошения, словно бесчувственным, и с умилением молиться Богу, чтобы послал он нам помощь, с благим терпением свершить заутреню и канон.

И когда благодаря Божию посещению просияет в наших душах свет истинный, когда после пения «Бог Господь» начнем псаломское пение, не следует нам перехватывать друг у друга стихи и вносить тем немалую сумятицу в пение, но подобает следить за старостой клироса и не начинать никому, пока не начнет он, тогда и благочиние будет. И когда мы, начиная песнь или возглас «аллилуиа», поклоны творим, подражая в том ангелам, должны мы следить за старостой клироса, чтобы, когда он поклонится, тогда бы и мы благолепно поклонились, следуя его примеру. Пророки ангелов бесплотных видели предстоящими Богу, поющими и поклоняющимися ему, и хвалу возносящими. Какowymi же подобает быть нам, вместе с ангелами сподобившимся служить и предстоять невидимому Богу, от которого ждем должного воздаяния! Знают о том сердца наши, перед кем стоим мы в святой церкви. Так не станем нерадеть, возлюбленные мои, о наших церковных часах и о службе тому, кто испытует все наши дела и помышления. Откроем здесь наши согрешения, пред худым человеком, чтобы не быть им обличенными там, перед всей вселенной. И будем блюсти церковные часы, заутренние, и обеденные, и павечерние; кто губит церковные часы по лености, подобен вору, крадущему святыню; проклят делающий Божье дело с нерадением.

Не будем лениться, возлюбленные мои братья и отцы, и чада духовные, избранные! Со слезами говорю я эти горькие слова вашей милости, ибо учу вас, сам не исполняя этого. И ныне сбылось на мне прореченное пророком: «Сказал Бог грешному: зачем ты возвещаешь устами своими завет мой! Ведь ты поучение мое возненавидел и отказался от слов моих. Если видел ты вора, то шел вместе с ним, и в общении с блудниками принимал участие, и клеветал на брата своего, и полагал соблазн на сына матери своей. Ты это делал, и я молчал. И ты подумал, беззаконный, что я уподоблюсь тебе!

яко буду подобенъ тебе! Обличю тя и поставлю прѣдъ лицомъ твоимъ грѣхы твоя, да разумѣють вси забывающей Бога, егда кѣгда похитить и не будетъ избавляющаго“.* И пакы: «Усты твоими сужю ти, рабе лукавый,— добрѣ бы ти было, да бы възвратилъ срѣбро мое, да быхъ тщинымъ дѣлателемъ вдаль, иже быша ми въздали съ прибыткомъ».* Да нужда ми есть глаголати къ вашей любви вся та, да нѣ кто умереть въ моемъ молчании лютымъ грѣхомъ. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

ВЪ ВТОРНИКЪ 3 НЕДѢЛИ ПОСТА НА ЧАСѢХЪ СЛОВО УТѢШНО КЪ БРАТИИ О ДУШЕВНѢЙ ПОЛЗѢ

Господи, благослови!

Азь, грѣшный и лѣнивый, погрѣбый талантъ свой в земли, а не придѣлавъ имъ ничтоже, и чаю по вся дни на себѣ онѣхъ лютыхъ и немилостивыхъ истязатель, и прѣщения оногo страшнаго, и гнѣва лютаго, егда начнетъ глаголати: «О, злый рабе и лѣнивый, непотрѣбне, добрѣ бы створилъ, да бы възвратилъ сребро мое добрымъ пенязникомъ, и поспѣшнымъ и дѣтельнымъ, иже быша ми въздѣлали съ лихвою»,* нынѣ же нуждю имѣю глаголати и глаголю, и, глаголя, не прѣстаю, не яко учитель, но яко рабъ, съ слезами моляся и колѣнехъ вашихъ касаяся, и указаа вамъ прѣдлежащая благаа и грядущаа муки, да бысте не погрѣшили благаа оная надежда. Немало бо то зло, еже намъ тацѣхъ даровъ лишенымъ быти и въ непроходимая и адъскаа мѣста *впасти* лѣнностію хождения ради и красоть маловрѣменныхъ, въ нихже ничсоже успѣша, послѣдовавше таковымъ. Азь же, унылый, имѣя в собѣ корѣнь злаго того прорашения от моея лѣнности, ни самъ входя въ царство небесное и вамъ препону творя своею лѣнностію и своими неподобными нравами, судихъ себе двоичю и трижды отлучитися от васъ. И се створихъ, не добродѣтелией дѣiania онѣхъ святыхъ подражати хотя, но се луче судихъ, да поне васъ не упражню от благаго подвижания, аще бо быхъ с вами былъ, немалу съпону вамъ створилъ быхъ собою, отставилъ вы быхъ от Божиа пути. Мнѣ бо, грѣшному, еже единъ день отлучитися от васъ въ все ми ся лѣто вмѣняеть, паче же достоiania церковнаго и почитания божественныхъ словесъ и житиа святыхъ, егоже облиши мя лѣнность моя немалаа, еуже акы веригами связанъ лежу, и ума моего, акы Лазаря другаго предъ враты, поврѣжена,* токмо вѣрное око къ Богу простирая и Богородицу съ вышнею молитвою на помощь призывая, да нѣкако бы ся умилосердилъ благый Богъ вашихъ дѣля молитвъ и любовь, юже ко мнѣ имѣете. Падохъ бо падениемъ злымъ; аще не Господь бы помогль мнѣ и Богородица, в малѣ не вселилася бы въ адъ душа моя. И видѣхъ, чего дѣля

Обличу тебя и поставлю пред лицом твоим грехи твои, чтобы знали все забывающие Бога, что когда они совершат преступление, не будет им избавления». И еще: «Словами твоими сужу тебя, раб лукавый,— лучше бы тебе было, если бы возвратил ты серебро мое, чтобы мог я отдать его усердным делателям, которые бы воздали мне с лихвой». Да нужда мне говорить все это вашей милости, чтобы не умер кто в лютом грехе из-за моего молчания. О Христе Иисусе Господе нашем.

СЛОВО УТЕШИТЕЛЬНОЕ К БРАТИИ О ДУШЕВНОЙ ПОЛЬЗЕ

ВО ВТОРНИК ТРЕТЬЕЙ НЕДЕЛИ ПОСТА, НА ЧАСАХ, СЛОВО УТЕШИТЕЛЬНОЕ К БРАТИИ О ПОЛЬЗЕ ДУШЕВНОЙ

Господи, благослови!

Я, грешный и ленивый, схоронивший талант свой в земле и ничего не прибавивший к нему, всякий день ожидающий к себе лютых тех и немилостивых вопрошателей и страшного того наказания и гнева лютого, когда будет сказано: «О, злой и ленивый раб, нечестивый, лучше бы ты сделал, если б отдал серебро мое добрым торговцам, усердным и трудолюбивым, которые бы воздали мне с лихвою», имею ныне нужду говорить с вами и говорю, и, говоря, не перестаю напоминать вам, не как учитель, но как раб, со слезами моля вас и припадая к ногам вашим, о предстоящих благих воздаяниях и о грядущих муках, чтоб не лишились вы благой той надежды. Ибо немалое это зло, быть нам лишенными таких даров и угодить в непроходимые и адские места из-за ленивого поведения и мимолетных красот, в погоне за которыми ничего мы не достигли. А я, унылый, имея в себе семя злого того плода, что происходит от моей лености, и сам не входя в царство небесное, и вам чиня препоны своею леностию и своими дурными нравами, позволил себе и дважды, и трижды отлучиться от вас. И сделал это, не добродетельным деяниям святых подражать желая, но так рассудив: поскольку не освобождаю вас от доброго подвижания, то если бы вместе с вами был, немалую помеху сотворил бы вам своим примером, увел бы вас с Божьего пути. Мне, грешному, и один день в отлучении от вас за целый год вменяется, тем паче — в отлучении от достояния церковного и от чтения божественных словес и житий святых, чего лишила меня моя великая леность, которой я как веригами связан лежу и ум мой повержен, как второй Лазарь пред воротами, лишь только взор с верою на Бога устремляю и Богородицу в помощь с молитвой призываю, чтоб как-то умилосердился бы ко мне благой Бог ради ваших молитв и любви, что вы ко мне имеете. Пал я падением злым; когда б не помог мне Господь и Богородица, едва ль не угодила бы во ад душа моя. И понимаю, из-за чего я пал: оставил порученное мне слу-

падохъ: оставивъ порученую ми службу, и въслѣдовах трапезамъ, и не чюях себе сводима къ пропасти адьстѣй. Но чловѣколюбивый Бог, иже не презрѣ Лазаря, струпы посыпана и гнойна, умерша, но въскресиль ѿ,* тожде и на мою немощь присѣти, не призрѣ моя лѣности, но пусти на мя духъ унынія, имже угнѣтаемъ есмь и донынѣ, егоже дѣля удалихся от васъ, чая, по писаному, Бога спасающаго мя. Въ моем бо отлучении от вас не чюх себе ничсоже добра приискавша, но токмо имый бдѣнія и пощения; не могох скончати якоже вы, да тѣмъ и осудих ся. Вашеа ради любве радуюся, еже в толицѣ злѣ видяще мою худость, не възгнушастеся моих словесъ, еже въ моемъ отхождении к вамъ изглаголаная, но съ всякимъ тшаниемъ створисте я. И своя бо лѣности забыхъ въ вашемъ тшании, и еже бо велико поспѣшение имѣете о службѣ церковнѣй, и въ длѣготрѣпнѣй стоании въ всѣхъ бо годинахъ и службахъ обрѣтающесея, и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующесея*. Потшание имѣйте, да тогожде блаженства сподобистеся и жизни вѣчнѣй причастници будете о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ.

ПОУЧЕНИЕ СЛОВО КЪ КЕЛАРЮ СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО МОНАСТЫРЯ В КЫЕВЕ

Брате, се от руки Христовы и от престола славы его приемлеш сию службу. Имѣй страхъ его предъ очима си: потщися порученое тебе дѣло непорочно свершити, да и вѣнца от Христа достоинъ будеш. И да мнить ти ся онъ престоль вышній, егоже видѣ Исая, к немуже единъ от серафимъ посланъ бысть, имѣяй уголь, не опаляяй пророка, но просвѣщаяй.* Тако же и ты, брате, взявляяй ключъ, акы огонь, а се от престола, на немже жрѣтся Христось по вся дни, аще сию службу, *сыну* имярек, в чинъ монастырьскый съ душевною приязнию исправиши, щадить ти ся правѣднѣй венець и будетъ ти сий ключъ просвѣщаяй и спасааяй душу твою. Аще ли уклониши сердце твое преобидети что монастырьское или окрадати что и себе притяжати и сбирати паче, а не манастыреви, и будетъ ти сий ключъ опаляяй душу твою, здѣ и въ будущий вѣкъ, геона ты приметь и судъ Ананьинъ и Самфиринъ постигнѣтъ тя. Та бо, уемша у цены села своего, напрасно умроста,* ты же горцей муце достоинъ будеш, крадый чюжая или раздаваяй безъ чину своимъ. Геезино прокажьство* найдеть на тя,— не телесно, но душевно. Внимай себе, брате, и службѣ своей, да спасеть тя Господь ото всѣхъ сихъ молитвами святыя Богородица и всѣхъ святыхъ твоихъ, и нынѣ, и присно.

жение и устремился на трапезы, и не почувствовал, как в адскую пропасть схожу. Но человеколюбивый Бог, не отвергший покрытого струпьями и гноем Лазаря, но воскресивший его, умершего, снизошел так же и к моей немощи, не презрел моей лености, но наслал на меня дух скорби, тот, что и доньше угнетает меня, и из-за которого я и удалился от вас, уповая, по Писанью, на Бога, спасающего меня. Ибо в своем удалении от вас не пытался я прискаты к себе ничего благого, но только молился и постился; не мог поступать как вы, потому и осудил себя на это. И радуюсь я любви вашей, ибо в таком зле видя мое убожество, не погнушались вы моих словес, проглаголенных к вам из моего уединения, но исполнили их со всем усердием. Забыл я и свою леность благодаря вашему усердию, ибо имеете вы великую ревность о церковной службе, во многотерпеливом стоянии на всех часах и службах обретаетесь и о заповедях божественного Феодора радуетесь. Усердие стяжайте, и, как он, сподобитесь блаженства, и причастники вечной жизни будете о Христе Иисусе, о Господе нашем.

ПОУЧЕНИЕ КЕЛАРЮ

СЛОВО ПОУЧЕНИЯ К КЕЛАРЮ СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Брат, вот из рук Христовых, с престола славы его, ты принимаешь эту должность. Имей пред своими глазами страх Божий: старайся непорочно свершить порученное тебе дело, чтоб удостоиться венца у Христа. Пусть представляется тебе тот вышний престол, что видел Исаия, к кому был послан один из серафимов, носящий уголь, не опаливший, но просветивший пророка. Так же и ты, брат, взявший ключ, как огонь от того престола, на котором всякий день приносится в жертву Христос, если ты, сын мой, имярек, соблюдеши эту службу по чину монастырскому с душевным прилежанием, то уготовится тебе праведный венец, и будет тебе сей ключ просвещающим и спасающим твою душу. Если же склонишь ты свое сердце пренебречь чем-либо монастырским, или что-то украсть, или стяжать и копить для себя, а не для монастыря, то будет тебе сей ключ опаляющим твою душу, здесь и в будущем веке: геенна тебя возьмет, и судьба Анании и Сампфиры постигнет тебя. Они, утаившие из цены имения своего, внезапною смертью погибли, а ты и горшей муке сподобишься, крадущий чужое или бесстыдно раздающий своим. Гиезиева проказа придет на тебя,— не телесно, но душевно. Блюда, брат, себя и служение свое, и от всего этого спасет тебя Господь молитвами святой Богородицы и всех святых своих, и ныне, и присно.

ВЪПРАШАНЬЕ ИЗЯСЛАВА КНЯЗЯ, СЫНА ЯРОСЛАВЛЯ, ВНУКА ВОЛОДИМИРЯ, ИГУМЕНА ФЕДОСЬЯ ПЕЧЕРЬСКОГО МАНАСТЫРЯ

Что възмыслиль еси, боголюбивый княже, въпрашати мене, не-книжна и худа о таковой вѣщи,— въпрашалъ бо еси: аще есть подобно въ день възкресный, еже есть недѣля, заклати ли вошь, ли овньнъ, или птицю, или что от тѣхъ и аще подобно мяса ихъ ясти въ день възкресения, въ недѣлю!

Ибо недѣля не наричется недѣля, якоже вы глаголете, нъ първый день всея недѣлѣ наричется. Понеже Христось Богъ нашъ в тотъ день възкресе из мертвыхъ, и наричется възкресный день. А понеделникъ наричется второй день, а вторникъ — третий, а среда — четвертый, а четвертокъ — пятый, а пятница — шестый, а субота — седмый. В тѣхъ днехъ свѣршилъ Богъ вся дѣла, небо, и землю, и все, яже в нихъ; последи же створи человека, цесаря надо всѣмъ; въ семый день сконьча вся дѣла.

Исходящемъ же израильтомъ изъ Египта от работы фараона и прошедшомъ древле Чьрмное море посуху, и въведе я въ пустыню и прѣпита я ту лѣтъ 40 и законъ имъ да на дѣсцѣ камянѣ — Божиимъ пѣрстомъ написано и дано Моисѣю — и суботу имъ хранити повелѣ: отинудъ не дѣлати*, ни огня възгнѣшати*, ни закалати, нъ вечеръ в пятокъ все приготовити и заутра ясти, ни прѣходити исъ храмины в храмину, егоже хранять и до днешняго дне израильтяне. А понеже Господь Богъ нашъ съниде на землю,— жидовская вся умолкоша. И нѣсмы чада Авраамля, нъ чада Христа Бога нашего святаго ради крещения, въ неже самъ ся крестилъ. Господне бо крещение очищаетъ еже от рожьства грѣхы.

А иже реклъ ти во недѣлю не рѣзати, ни того ясти, то не от Святаго Писания реклъ, нъ от своего сердца. Рече бо святой Павелъ апостоль: «Иже кто благовѣстити вамъ паче насъ, еже мы благовѣстихомъ вамъ, проклять да будетъ».* И нѣсть ти възбранено, ни грѣхъ, еже рѣзати въ недѣлю. Аще бо таковой нравъ приемемъ, еже въ суботу рѣзати, а въ недѣлю ясти, то явѣ жидовствуемъ.

Реклъ бо еси, благородне, аще отречется въ среду и в пятницу не ясти мясь, добро ли есть. Добро вельми и полезно. И не я сего завѣщаю, нъ божьствении святии апостоли да тако бо законъ положиша: да всякъ крестьянинъ постится въ среду и в пятокъ, бѣлци — от мясь, а черньци — от сыра, въ среду же понеже съвѣтъ створиша жидове на Христа, а в пятокъ распяша Господа безаконьници. Ты же, княже мой, аще которя ради вины отрелъся еси или напасти ради въ среду и въ пятокъ мясь не ясти,— глаголетъ Давыдъ, пророкъ и царь: «Обѣщайтесь и въздадите»*,— недостойтъ человеку крестьяну себе связати, оже не ясти, ни пити, нъ оже связанъ будетъ от отца

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЮ ИЗЯСЛАВУ О НЕДЕЛЕ

ВОПРОС К ИГУМЕНУ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ФЕОДОСИЮ
КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА, СЫНА ЯРОСЛАВА, ВНУКА ВЛАДИМИРА

Что вздумал, боголюбивый княже, вопрошать меня, некнижного и недостойного, о таком деле: спросил меня, подобает ли в день воскресный, то есть в неделю, резать вола, либо барана, либо птицу, либо другое что, подобное им, и подобает ли есть их мясо в день воскресения,— в неделю!

Неделя — это ведь не неделя, как вы говорите, но первый день всей недели. Потому что Христос Бог наш воскрес в этот день из мертвых, и называется он воскресным. А понедельник — это второй день, а вторник — третий, а среда — четвертый, а четверг — пятый, а пятница — шестой, а суббота — седьмой. В дни эти создал Бог все творение, небо и землю, и все, что на них; напоследок же сотворил человека, царя надо всем; в седьмой же день завершил все дела.

И во время исхода израильтян из Египта от работы фараоновой, когда прошли они древле Чермное море посуху, и Господь привел их в пустыню и сорок лет питал их там, дал он им закон на доске каменной — Божиим перстом написано и дано Моисею — и повелел почитать субботу: ничего отнюдь в этот день не делать, ни разводить огня, ни резать скотину (но все приготовить в пятницу с вечера и есть назавтра), ни ходить из дома в дом; и это блюдут израильтяне до нынешних дней. Но с тех пор как Господь Бог наш пришел на землю, иудейское все отступило. И мы не чада Авраамовы, но чада Христа Бога нашего благодаря святому крещению, которым он и сам крестился. Ибо Господне крещение очищает первородный грех.

Тот, кто сказал тебе не резать в неделю скотину, ни есть от той убоины мяса, сказал это не от Святого Писания, но по своему измышлению. Сказано святым апостолом Павлом: «Тот, кто благовестит вам больше того, что мы вам благовестили, да будет проклят». Не возбранено тебе и не грех резать скотину в неделю. Ибо если примем таков обычай,— в субботу резать, а в неделю есть, то мы явно жидовствуем.

Еще ты спрашивал, благородный княже, добро ли то, если кто заречется не есть мяса в среду и пяток. Добро и очень полезно. И этому не я научаю, но святые и божественные апостолы так законоположили: всяк христианин да постится в среду и пяток, бельцы — от мяса, а чернецы — от молочного, ибо в среду составили заговор жида против Христа, а в пяток распяли Господа беззаконные. Ты же, мой княже, если по какой-то причине или беде зарекся не есть мяса в среду и пяток,— глаголет царь и пророк Давид: «Обещайтесь и воздадите»,— то знай, что не подобает христианину самому связывать себя обетом не есть или не пить чего-либо, но должен быть

духовнаго. Обаче прѣдание имама от святыхъ апостолъ и от святыхъ богоносныхъ отецъ: въ Господскихъ праздницѣхъ и святой Богородици въ всѣ праздники и въ память святыхъ апостолъ 12 празновати духовно, а от избытка вашего питати убогя. И понеже еси мене въпрашалъ недостойнаго,— аще связанъ еси отцемъ духовнымъ въ среду и в пятокъ мясь не ясти, от того же и раздрѣшение прими; или самъ ся еси зареклъ, Богъ мене ради простить тя. Егда ся приключить въ среду или въ пятокъ Господский праздникъ, *любо святѣй Богородици, ли 12 апостолъ*, то ѣжь мясо*. И Богъ мира буди с вами. Аминь.

ТОГО ЖЕ ФЕДОСИЯ К ТОМУ ЖЕ ИЗЯСЛАВУ

Азь, Федось, худый мнихъ, рабъ есмь пресвятой Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа, въ чистѣй и въ правовѣрнѣй вѣрѣ роженъ есмь и въспитанъ добрѣ въ законѣ правовѣрнымъ отцемъ и матерью христіяною,* наказывающа мя добру закону и норомъ правовѣрныхъ послѣдовати, вѣрѣ же латинской не прилучатися, ни обычая ихъ държати, и комьканія ихъ бѣгати, и всякого ученья ихъ не слушати, и всего ихъ обычая и норова гнушати и блюстися, своихъ же дъчерѣй не даяти за нѣ, ни поймаите у нихъ, ни брататися с ними, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ въ одиночь съсудѣ ясти, ни пити, ни борошна ихъ примати. Тѣмъ же паки у насъ просящомъ Бога дѣля ясти и пити, дати имъ ясти и пити, нѣ въ своихъ съсудехъ. Аще ли не буде съсуда у нихъ, да въ своемъ дати и потомъ, измывъши же, сътворити молитва. Занеже неправо вѣруютъ и нечисто живутъ: ядятъ съ псы и съ кошьками,* пьютъ бо свой съчь* и ядятъ жълвы, и дикѣи кони, и осьлы, и удавленину, и мертвѣчину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровый ядятъ.* Въ говѣнье и мяса пушають първоѣ недѣлѣ поста въ вторникъ.* И чьрънци ихъ ядятъ лой и въ субботу постятся и, постившеса, вечеръ ядятъ молоко и яйца. А съгрѣшениемъ не от Бога просятъ прощения, нѣ прашають попове ихъ по дару.* А попове ихъ не женятся* законною женою, нѣ съ робама дѣтей добываюче и служатъ невъзбранно. И пискупы ихъ наложьницы държати и на войну ходять.* И опрѣснокомъ служатъ.* И иконъ не цѣлуютъ, ни святыхъ мошей.* И крестъ цѣлуютъ, лежаще, написавше на земли, а въставше, попирають ногами.* Мертвеча же кладуть на западъ ногами, а руцѣ положить, а не на персьхъ.* Женящеса у нихъ поймають двѣ сестреницѣ.* А крещаются въ одно погруженье,* а мы въ три. Мы же, крещаящеса, мажемъся мюромъ и масломъ, а они соль сыплють крещаемому въ ротъ.* Имени же не нарицяють святаго, нѣ како прозовуть родители, в то имя и крестять.* Се же паки глаголють и Духа Святаго

связан от отца духовного. Ибо имеем предание святых апостолов и святых отцов: Господские праздники и все праздники святой Богородицы и дни памяти святых двенадцати апостолов праздновать духовно и от избытка нашего питать убогих. И раз уж спросил ты меня, недостойного, то: если ты связан отцом духовным не есть мяса в среду и пяток <названных праздников>, тогда от него и разрешение прими; если же сам себя связал, то меня ради Бог простит тебя. Когда случится в среду или пяток Господский праздник или святой Богородицы, либо двенадцати апостолов, то ешь мясо. И Бог мира буди с вами. Аминь.

ПОСЛАНИЕ К КНЯЗЮ О ВЕРЕ ЛАТИНСКОЙ

ТОГО ЖЕ ФЕОДОСИЯ К ТОМУ ЖЕ ИЗЯСЛАВУ

Я, Федос, худой монах, раб пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, в чистой и правоверной вере рожденный и воспитанный добре в законе правоверным отцом и матерью христианкою, учившими меня следовать доброму закону и нравам православных, вере же латынской не приобщаться, не соблюдать их обычаев, и от причастия их отвращаться, и никакого учения их не слушать, и всех их обычаев и нравов гнушаться и блюстись; дочерей своих не давать за них замуж, ни у них дочерей брать; ни брататься с ними, ни кланяться им, ни целовать его; и из одной посуды не есть, и не пить с ним, и не брать у них пищи. Им же, когда они просят у нас есть или пить Бога ради, давать есть и пить, но из их собственной посуды. Если же не будет у них посуды, давать и в своей, только потом, вымыв, сотворить над ней молитву. Ибо неправо они веруют и нечисто живут: едят со псами и кошками, пьют свою мочу и едят ящериц, и диких коней, и ослов, и удавленину, и мертвечину, и медвежатину, и бобровое мясо, и бобровый хвост. В говенье мясо разрешают во вторник первой недели поста. Чернецы их едят сало и постятся в субботу и, попостившись, вечером едят молоко и яйца. А за грехи не у Бога просят прощения, но прощают попы их за мзду. Попы же их законным браком не женятся, но со служанками детей приживают и служат при этом невозбранно. И епископы их наложниц держат и на войну ходят. И на опресноке служат <Божественную службу>. Икон не целуют, ни мощей святых. А крест целуют: простершись, чертят его на земле и потом, встав, попирают ногами. Мертвеца же кладут на запад ногами, а руки его <вдоль тела> полагают, а не складывают на груди. Два брата у них, женясь, берут двух сестер. А крестят в одно погружение, а мы — в три. Мы, крестясь, мажемся миром и маслом, а они соль сыплют крещаемому в рот. Младенцев именами святых не нарекают, но как прозовут родители, в то имя и крестят.

исходящаго *от Отца и от Сына*. * Мы же не глаголемъ: *от Сына*. И ина многа суть яже въ тѣхъ злая и неправая и развращеная, и погыбели полна вѣра ихъ и делеса ихъ; егоже ни жидове творять, то они творять, много же и въ *Савьску* ересь вѣстають.*

Мнѣ же рече отецъ: «Ты же, чадо, блюди кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлесъ, занеже исполнилася и наша земля злая тоя вѣры людий. Да кто спасая и спасеть свою душу, въ правовѣрнѣй вѣрѣ жива. И нѣсть бо иная вѣры, лучши, якоже наша едина чистая и честная и святая си вѣра правовѣрная. Сею вѣрою живущи и грѣховъ избыти, и муки вѣчныя гонезнути, и жизни вѣчнѣй причастникомъ быти и бесъконца съ святыми радоватися. А сущему въ иной вѣрѣ — ли в латинской, ли въ армянской, ли въ срачинской — нѣсть видѣти жизни вѣчныя, ни части съ святыми.

Не подобаетъ же хвалити чужѣ вѣры. Аще ли хвалитъ кто чужю вѣру, то обрѣтается свою вѣру хуля. Аще ли начнетъ непрѣстанно хвалити и свою и чужю, то обрѣтается таковой двовѣрье держа и близъ есть ереси. Ты же, чадо, такихъ дѣяний блюди, ни присвоися к нимъ, нѣ бѣгай от нихъ, якоже можеша, и свою вѣру едину непрѣстанно хвали, подвизаяся въ ней добрыми дѣлы.

Милостынею же милуй, не токмо своя вѣры, нѣ и чужья. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одержима, аще ти будетъ ли жидовинъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латининъ, ли отъ поганыхъ, — всякого помилуй и от бѣды избави, якоже можеша, и мзды от Бога не погрѣшиши. Богъ бо и самъ нынѣ набѣдитъ поганя, якоже и крестьяныя. Поганымъ же и иновѣрнымъ въ семь вѣцѣ попечение от Бога, въ будущемъ же чужди будутъ добрыя дѣтели. Мы же, живущи въ правовѣрнѣй вѣрѣ, и сдѣ есмы набѣдими Богомъ, и въ будущемъ вѣцѣ спасаеми Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ».

Рече ми отецъ: «Чадо, аще ти ся лучить по вѣрѣ сей святѣй Господа ради умрети, то с дерзновеньемъ не останися правыя сея вѣры, нѣ умри за Христову вѣру. И святини бо, — рече, — по вѣрѣ умроша, да и живи суть по Христу. Ты же, чадо, аще узриши нѣкыя иновѣрныя, съ вѣрными прю дѣюща и прѣльстию хотяща отвести от правыя вѣры, невѣжамъ сущемъ вѣрнымъ, ты же, вѣдѣние имы, и не скрый въ собѣ, нѣ помози правовѣрнымъ на кривовѣрныя. И аще имъ помози, то яко овцыа избавиши отъ усть лвовъ. Аще ли умолчиши то яко отемъ у Христа, прѣдаеши ихъ сотонѣ, тѣ бо есть кривовѣрныя кривѣй вѣрѣ научиль».

И аще ти речеть пръць: «Сию вѣру и ону Богъ далъ есть», ты же, чадо, рци: «То ты, кривовѣрне, мниши ли Бога двовѣрна! Не слыши ли, оканье и развращене злою вѣрою, Писанье тако глаголетъ: “Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещенье”,* и Господь рече: “Тако бо лѣпо есть намъ исполнити волю”, да сее все исполнивъ, толи възнесеша, а ученикы посла на проповѣданье.

Еще же называют Духа Святого исходящим от Отца и от Сына. Мы же не говорим: и от Сына. И много еще другого, что плохо у них, неправо и развращенно; погибели полны и вера их, и дела; чего и жида не творят, то они делают, многожды и в Савелианскую ересь уклоняются.

Сказал мне отец: «Хранись, чадо мое, от кривоверных и от всех их затей, понеже наполнилась и наша земля людьми злой той веры. Да, спасая, спасет свою душу, кто в праведной вере живет. Нет другой такой веры лучше нашей единой чистой и честной святой православной веры. Сей верою живя — грехов избыть и вечной муки избегнуть, вечной жизни причастником стать и без конца со святыми радоваться. А сущему в иной вере, в латынской ли, в армянской или сарацинской — тому не увидеть вечной жизни, и со святыми части не получить.

Не подобает хвалить чужой веры. Если кто чужую веру хвалит, то становится он свою веру хулящим. Если же начнет непрестанно хвалить и свою и чужую, то окажется держащим двоеверие и недалеко от ереси. Ты, чадо, блюдишься от таких деяний, не свыкайся с ними, но бегай от них, сколько можешь, и одну свою веру непрестанно хвали, подвизаяся в ней добрыми делами.

Милостыней же милуй всякого, не своей только веры, но и чужого. Когда видишь нагого или голодного, страждущего от зимней стужи или какой беды, будь он жидовин или сарацин, болгарин или еретик, латынин или язычник, — всякого, как можешь, помилуй и от беды избавь, и не останешься без Божьего воздаяния. Бог ведь и сам в этой жизни сохраняет и язычников, и христиан. Язычникам и иноверным в нынешнем веке дано попечение от Бога, в будущем же чужды они будут благого воздаяния. А мы, живущие в правой вере, и здесь пребываем Богом соблюдаемы, и в будущем веке будем спасаемы Господом нашим Иисусом Христом».

Сказал мне отец: «Чадо, если придется тебе умирать за эту святую веру Господа ради, то не оставь правой сей веры, но с дерзновением умри за веру Христову. Ибо святые, — сказал он, — умерли за веру, а теперь вот живут во Христе. И ты, чадо, если узришь каких-нибудь иноверцев, стязающихся с православными о вере и стремящихся соблазном отвести от правой веры несведущих верных, то ты, многосведущий, не скрой в себе своего знания, а помоги правоверным против кривоверных. Если сможешь им, то как овец избавишь их от уст львиных. Если же промолчишь, это равносильно тому, как если бы, отняв у Христа, предал ты их сатане, ибо тот научил кривоверных кривой их вере».

И если скажет тебе спорящий с тобой: «Бог дал и ту, и другую веру», ты ему, чадо, скажи: «Ты, кажется, мнишь, кривоверный, что Бог двоеверен! Не слышал ли, окаянный, развращенный злой верою, как гласит Писание: “Един Бог, едина вера, едино крещение”. И Господь сказал: “Так надлежит нам исполнить всю волю”, и только когда он исполнил все,

Ты по проповѣданіи апостольстѣмъ толико лѣтъ дѣржавъ правую вѣру, съвратилъ еси на зловѣрье по наученію сотонину. Не слышите ли Павла глаголюща: «Аще и ангелъ пришедъ с небесе благовѣститъ вамъ не якоже мы благовѣстихомъ, да будетъ проклятъ».* Вы же отринувше проповѣдание апостольское и святыхъ отецъ исправления, приясте несправедное ученье и вѣру развращену и исполнену многыя погыбели. Того ради и от нас бысте отвѣржени. Да того ради и намъ с вами недостойтъ сужатія имѣти, ни къ Божьствнамъ Тайнамъ обыче с вами намъ не приступати, ни вамъ к нашей службѣ, ни намъ къ вашей, занеже мертвымъ тѣломъ служите,* акы мертва Господа мняще. А мы службу творимъ живымъ тѣломъ, самого Господа жива видяще и одесную Отца сѣдяща, и пакы приидеть судить живымъ и мертвымъ. Вы же есте, о латинине, мрътви иже мрътву жертву сѣдѣваете. Намъ живу Богу живу жрътву чисту и непорочну приносяще, животь вѣчный обрѣсти. Тако бо и писано есть: «Въздасться комуждо по дѣломъ ихъ о Христѣ».*

МОЛИТВА СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРЬСКАГО ЗА ВСЯ КРЕСТЬЯНЫ

Владыко Господи челоувѣколюбче! Иже суть вѣрнии, Господи, утверди я, да будутъ вѣрнѣйши того; иже суть неразумливи, ты, Владыко, вразуми я. Иже суть погани, Господи, обрати я на крестьянство, и ти будутъ братья наша. Иже суть в темницахъ, или въ оковѣхъ, или в нужи, ты, Господи, избави я от всякой печали. Иже суть в затворѣхъ, и въ столпѣхъ*, и в печерахъ, и въ пустыни, братья наша, ты, Господи, подажь имъ крѣпость к подвигу.

Помилуй, Господи, князя нашего, имярек, и градъ съ, и вся сущая люди в немъ. Милостью своею помилуй и мене, раба твоего грѣшнаго, имярек, аще и многогрѣшенъ есмь, но правую вѣрою рабъ твой есмь.

Спаси и помилуй, Господи, епископа нашего, имярек, и весь чинъ мнишьскый съ иерѣи и дьяконы, и вся правовѣрныя крестьяны, имярек.

Помилуй, Господи, сущихъ в недостаточствѣ и озлобленія нищетою, подажь имъ богатую милость, моления ради святыя Богородица, и силою честнаго креста и святаго триднвнаго въскресения твоего, и славнаго пророка и предотеца ради Иоана, и всѣхъ пророкъ и апостоль твоихъ, святитель и мученикъ, и преподобныхъ отецъ, и святыхъ женъ, и всѣхъ святыхъ твоихъ, и святыхъ отецъ 300 и 18, иже в Никѣи,* и святыхъ отецъ, поручникъ нашего покаяния: Василья, Григорья Богословця, Иоана Златоустаго, и Нико-

тогда вознесся, а учеников послал на проповедь. Ты, столько лет по апостольской проповеди державший православную веру, совратился в зловерие наущением сатаны. Не слышал разве Павла, глаголющего: «Если и ангел, прийдя с небес, благовестит вам иначе, чем мы благовестили, да будет проклят». А вы, отринувши апостольские заповеди и предание святых отцов, приняли неправедное учение и веру развращенную, исполненную многой погибели. Потому и от нас отвержены. Потому и не подобает нам иметь с вами общения, ни к Божественным Тайнам сообща приступать, ни вам к нашей службе, ни нам к вашей, ибо на мертвом теле служите, будто мертвым Господа помышляюще. А мы совершаем службу телом живым, видя самого Господа, живого и одесную Отца сидящего; и снова придет судити живым и мертвым. Мертвые вы, о латыняне, мертвую жертву совершаете. Мы же, Богу принося жертву живую, чистую и непорочную, сподобимся обрести живот вечный. Так ведь и писано: «Воздастся каждому по их делам о Христе».

МОЛИТВА ЗА ВСЕХ ХРИСТИАН

МОЛИТВА СЯТОГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО ЗА ВСЕХ ХРИСТИАН.

Владыко Господи человеколюбче! Того, кто верен, укрепи, Господи, да будут вернейшими; того, кто неразумен, вразуми, Владыко. Язычников, Господи, обрати в христианство, и будут нам братьями. В темницах сущих, в оковах и беде — избави, Господи, от всякия печали. И братьям нашим в затворах и столпах, пещерах и пустынях дай силы, Господи, на подвиг их.

Помилуй, Господи, князя нашего, имярек, и град сей, и всех людей в нем. Помилуй милостью своей и меня, грешного раба твоего, имярек, хоть я и многогрешен, но правой верою раб твой.

Спаси и помилуй, Господи, епископа нашего, имярек, и весь чин монашеский, иереев и дьяконов, и всех православных христиан.

Помилуй, Господи, того, кто беден и замучен нищетой, подай богатую им милость, моления ради святой Богородицы, силою честного креста и святого тридневного воскресения твоего, и славного ради пророка и предтечи Иоанна, и всех ради твоих пророков и апостолов, святителей, и мучеников, и преподобных отцов, и святых жен, и всех святых твоих, собравшихся в Никее святых отцов трехсот и восемнадцати, и святых отцов, поручителей о нашем покаянии — Василия, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Нико-

лы, и святого отца нашего *Антония*,* всея Руси свѣтилника, обѣщавшаго молитися за ны.

И покой, Господи, душа рабъ своихъ, правовѣрныхъ князь нашихъ и епископъ, имярек, и вся сродники наша по плоти, имярек.

И покой, Господи, душа рабъ своихъ, всѣхъ правовѣрныхъ крестьянъ, умершая въ градѣхъ, и в селѣхъ, и в пустыняхъ, и на путихъ, и на мори.

Покой я на мѣстѣ свѣтлѣ, в лицѣ святыхъ, въ оплотѣ благаго рая и жизни бесконечной и неизглаголанѣмъ и немерцаемѣмъ свѣтѣ лица твоего.

Яко ты еси покой и въскресеие усопшимъ рабомъ твоимъ, Христе Боже нашъ, и тебе славимъ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, и ныня и присно.

лы, и святого отца нашего Антония, светильника всей Руси, обещавшегося молиться за нас.

Покой, Господи, души рабов своих, правоверных князей наших и епископов, имярек, и всех наших сродников по плоти, имярек.

Покой, Господи, души рабов своих, всех православных христиан, умерших по городам и селам и в пустынных местах, в пути и на море.

Покой их в месте светлом, с сонмом святых, в ограде благого рая, в жизни бесконечной, в неизглаголанном и немерцающем свете лица твоего.

Ибо ты — покой и воскресение усопшим рабам твоим, Христе Боже наш, и славим тебя со Отцом и Святым Духом, и ныне, и присно.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНЬЕ

Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именовемъ Володимиръ,* отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы... и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдь по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ! Сѣдя на санехъ,* помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто,* слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но *емуже любя* дѣтий моихъ, а приметь ѣ в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте Божий в сердце своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя* на Волзѣ, рѣша: «Потьснися к нам, да выженемъ Ростиславича* и волость ихъ отъимем; оже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?»* и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ. Аще вы послѣдняя не любя, а передняя приимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповай* на Бога, яко исповѣмся ему».* «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующи потребятся, терпящи же Господа,— ти обладають землею».* И еще мало: «И не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротци же наслѣдятъ землю, насладятся на множествомъ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНИЕ

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его.

Оружья извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидеть в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушится, утверждаетъ же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнут; праведныя же милуя и даетъ. Яко благословящии его наслѣдятъ землю, кленущии же его потребятся. От Господа стопы челоуѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣетсяя, яко Господь подѣмлетъ руку его. Унь бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в займъ даетъ праведный, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, визиши мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».*

«Внегда стати челоуѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».*

«Помилуй мя, Боже, яко попра мя челоуѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози *борющисся* со мною свыше».* «Возвеселится праведник, и егда видить мечь; руцѣ свои умыесть в крови грѣшника. И рече убо челоуѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли».* «Изми мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающихъ на мя отъими мя. Избави мя от творящихъ безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою».* «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животь в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость».* «Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. *Тако* благословю тя в животѣ моемъ, и о имени твоємъ въздѣю руцѣ мои»*. «Покры мя от соньма лукаваго и от множества дѣлающихъ неправду».* «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его»,* и прочая.

Якоже бо Василий учаше,* собравъ ту уноша: душа чисты, нескверны, телеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: «Яди и питью бесъ плища велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; безъ лукавства бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдоу, не обило смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, к женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легкихъ власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, от Бога мзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладитися». «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буеть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмъ семь жити.

Научися, вѣрный челоуѣче, быти *благочестию* дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ — не мести, ненавидимъ — *люби*, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима,

Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянушие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо поправил меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Поправили меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: “Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле”». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою»: «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех».

судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сожжемъся, глаголетъ Господь. Аще будутъ грѣси ваши яко оброшени, яко снѣгъ обѣлю ѿ»,* и прочее. «Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ себе, братья, от всякой крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопыюще рцѣмъ: “Слава тобѣ, Человѣколюбче!”»

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хошемъ ѿ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и паки привлечь е к собѣ, тако же и Господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися.

А Бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжька; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ уллучити милость Божью.

«Что есть человѣкъ, яко помниши ѿ?»* «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣчскъ не можетъ исповѣдати чюдес твоихъ»,* и паки речемъ: «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословенно и хвално имя твое в вѣкы по всей земли».* Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоя и твоих великих чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ помыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи разноличнии въ человѣчскыхъ лицахъ,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по Божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идут,* и первѣе вѣ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и силныя и худыя идут по всѣмъ землямъ Божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угоуде человѣкомъ, на снѣдъ, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на нас, иже та угоудья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи; егда повелиши, то вспоютъ и человѣкы веселять тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»,* всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ. «Да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ».*

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: аще не всего примете, то половину.

«Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, — говорит Господь. — Если будут грехи ваши как обгаренные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: “Слава тебе, Человеколюбец!”»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не все примете, то хоть половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своих, рекуше: «Якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловаль еси, тако и нас, грѣшных, помилуй!» И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнете не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночным поклоном и пѣнемъ челоуѣкъ побѣждает дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ челоуѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздаче не будетъ ни с кым орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣзда.

Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуше по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити челоуѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не *погубляйте* никакаяже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужда никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от нихъ благословенье,* и не устраняйтесь от них, и по силѣ любите и набдите, да примете от нихъ молитву... от Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рѣчь: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробъ; се все, *что ны* еси вдаль, не наше, то твое, поручил ны еси на мало дней. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящи к вам *ни* дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣдню не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжете, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не разглядавше лѣношами, внезапно бо челоуѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромъ — брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы. И челоуѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имѣйте выше всего.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепичу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Аще забываете *сега*, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бе-сорома, и вамъ будетъ добро.

Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ,* в томъ бо честь есть от инѣхъ земля. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣннити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшет блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреню отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвѣти очи *мои*,* Христе Боже, *иже* далъ ми еси свѣтъ твой красный!» И еще: «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявѣся, оправдивъ животь», тако похваляю Бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловь ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици и челоуѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ,* посла мя отець, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Ставкомъ с *Гордятичемъ*,* той паки и отъиде к Берестию* со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю.* Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю,* а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску* мира творить с ляхи. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса*, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородское*. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову*.

И Святославъ умре,* и язъ паки Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помощь*. А на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ,— *ожгѣше* Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ,* воюя, та Чернигову. И паки и-Смолиньска къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах ѣ к собѣ на обѣдъ со отцемъ в Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ,* и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолиньска же пришедъ, и проидохъ сквозѣ половечьскыи вои, бѣся, до Переяславля, и отца

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охоте с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал,

налѣзохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битися Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга*. И паки идохомъ Переяславлю, и стахом во Обровѣ.*

И Всеславъ Смолнескъ ожже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолинскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска,* та на Дръютскѣ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука,* и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом* разгнахомъ силны вои Белкатгина,* а семечи и полонъ весь отяхом.*

А въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту* и на сына его, и ко Корьдну,* ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ* за Микулинъ,* и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды.*

Том же лѣтѣ гонихом по половцихъ за Хороль,* иже Горошинъ* взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣвичи, к Мѣньску: изѣххом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой.* И ѣдучи к Прилуку* городу, и срѣтоша ны внезапно половечскыѣ князи, 8 тысячъ, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одного живого,* ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи,* и Богъ ны поможе и святая Богородица: *избихом* 900 половець, и два князя *яхом*, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомъ на Святославль* гонихом по половцихъ, и потомъ на Торчскый городъ, и потомъ на Гюргевъ* по половцихъ. И паки на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомъ с Ростиславом* же у Варина* вежѣ взяхом. И потом ходивъ Володимерю,* паки Ярополка посади, и Ярополкъ умре.*

И паки по отни смерти* и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халѣпа,* и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечскими; и у *Глѣбовы* чади* пояхом дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде с Половчъскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу *греблю*, и не владуче *внити* имъ въ острогъ; *сѣжаливъси* хрестыяныхъ душъ и сель горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!» И вдахъ брату отца *его* мѣсто, а самъ идох на

вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии, и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восьмью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половец и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половец победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам

отца своего мѣсто Переяславлю. И *выидохом* на святого Бориса день* ис Чернигова, и ѣхавом сквозѣ полкы половъчскіѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизавутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горь, Богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь,— неврежени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды пряхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ,* и Богъ ны поможе — *избихом ѧ*, а другия *поимахом*.

И паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом шедше за Голтавомъ*.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к полоцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолинску идохом, с Давыдомъ смирившеся. Паки идохом другое с Вороницѣ*.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолинська* идох Ростову.

И паки с Святополком гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша,* и не постигохом ихъ. И потом по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.*

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню,* идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изымахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ *Аепю*, и поимъ у него дчерь, идохом Смоленску. И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на *Урусобу** с Святополком, и Богъ ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и Богъ ны поможе.

И потом ходихом к *Воиню** с Святополком; и потом паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и Богъ ны поможе.

И к Выреви* бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти ѧ, ко Ромну* идох со Олгомъ и з дѣтми на нь, и они, *очутивше*, бѣжаша.

И потом к Мѣнъску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця,* не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Києва *нестишьды* ѣздих ко отцу, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣхъ путей 80 и 3 великих,* а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половецьскими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половецскихъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2

пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах,— Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шару-

брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братьѣ 4, а всѣх лѣпших князей инѣхъ 100. А самы князи Богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномъ, Акланъ, Бурчевичь, Таревский князь Азгулуй,* и инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведь, исѣкъ, вметах в ту рѣчку въ *Салню*. По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лѣта по сту *уганивал* и имь даром всею силоу кромѣ иного лова, кромѣ Турова, *идѣже* со отцемъ ловиль есмь всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣяль есмь: конь диких своима руками связаль есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по *ровни* ѣзда ималь есмь своима руками тѣ же кони дикий. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подѣклада укусилъ, лютый звѣрь* скочиль ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже. И Богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя гоовы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створиль, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи,* сам твориль, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я твориль *есмь*. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держаль, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмь призираль.

Да не зазрите ми, дѣти мои, *ни* инъ кто, прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своя, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створиль, худаго, на вся дѣла человекъская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелѣно. А иже от Бога будет смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но *аче* добро есть блюсти, Божие блюденъе лѣплѣесть есть человекъскаго.

О многострастный* и печалны азъ! Много борешися сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣннѣи суши, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьей, каенья и смѣренья не примимши межю собою.

каневых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двух сот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, слава Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие обережение лучше человеческого.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьбою, не покаившись и не помирившись между собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю»,— ложь есть.* И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить Отецъ вашъ небесный».* Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящимъ безаконье».* «Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ!»* Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ нашихъ. Дьяволъ бо не *хочет* добра роду челоувѣчскому, *сваживает* ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ *мой*, егоже еси хрстиль, иже то сѣдѣть близъ тебе, прислалъ ко мнѣ *мужь свой* и грамоту, река: «Ладимся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А въ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ». И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряется — на Бога укладаетъ; азъ челоувѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ челоувѣкъ.

Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю примешь с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словесы варихъ тя переди, егоже почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*. Господь бо нашъ не челоувѣкъ есть, но Богъ всей *вселенѣи*, иже хошетъ, в мегновеньи ока вся створити хошетъ, то самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью. А мы что есмы, челоувѣци грѣшни и лиси?— днесъ живи, а утро мертви, днесъ в славу и въ чти, а завтра в гробъ и бесъ памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чимъ има *порты*? но токмо оже еста створила души *своей*. Но да сими словесы, пославше быше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое* предъ тобою, и быше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи быше, стояще надъ нимъ, вникнуши *въ* помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи быше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣхъ мой предо мною есть воину»*. Не крове дѣля пролиться,— помазаникъ Божий Давыдъ, прелюбодѣянье *створивъ*, посыпа главу свою и плакася горко; во тѣ часъ отда ему согрѣшенья его Богъ. А къ Богу быше покаятися, а ко мнѣ быше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ,* зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да быхъ, обуимъ, оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣ радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя! А Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первымъ *словь*, да с нею кончавъ слезы, посажу на мѣстѣ, и сядетъ акы горлица на сусѣхъ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумению так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мной». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазаннык Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусть ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тѣм бо путем шли *дѣди* и отци *наши*: судъ от Бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискивати было чужего,— ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо ѿ паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже* начнеши каяться Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мечьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоя видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане чловѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмъ... али ти лихо е, да то ти сѣдитъ сынъ твой хрестыный с малым братомъ своимъ,* хлѣбъ ѣдучи дѣдень,* а ты сѣдиши в своемъ* — а о се ся ряди; али хочеши тоу убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А егоже то и хочеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и *милосердуюча* по тебѣ, очину твою. Али Богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестыном, а не буди ему от Бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по Бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На Страшнѣй при бе-суперник обличаюся. И прочее.*

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

КОММЕНТАРИИ

ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ В «БИБЛИОТЕКЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Предназначенное для широкого круга читателей, издание не воспроизводит все лингвистические особенности публикуемых текстов, как это принято в научных изданиях. И все-таки необходимо сообщить читателю некоторые сведения по истории церковнославянского и древнерусского языков, чтобы максимально помочь восприятию публикуемых памятников.

Славянская письменность появилась в 863 г., когда свв. Кирилл и Мефодий составили алфавит *глаголицу* и перевели с греческого на славянский необходимые для церковного богослужения тексты. Впоследствии, однако, *глаголица* была вытеснена из письменного обихода более близкой по своим начертаниям *кириллицей*. Этот алфавит в измененном виде сохраняется в употреблении славянских православных народов и сегодня.

После крещения Руси в 988 г. сюда из Болгарии и Чехии перешли все основные, переведенные к тому времени на церковнославянский язык тексты. При переписке этих текстов на Руси их орфография претерпевала определенные изменения в соответствии с произношением, иногда менялись грамматические формы, заменялись отдельные слова. Степень проявления местных восточнославянских языковых черт была связана с содержанием текста: в церковных произведениях она сравнительно невелика, заметнее в летописных повествованиях, наиболее отчетливо выражена в деловых, хозяйственных и административных документах.

На орфографии как переводных, так и оригинальных русских текстов сказывались также и диалектные различия в самой восточно-славянской среде. Так для новгородской письменности было характерно смешение букв Ц и Ч (*црево, чѣтъ, коньчъ* и т. п.), а также Ъ и И (*тило, тьрпице* и т. п.); для псковской — смешение Ш и С, Ж и З (*искушьна, ношиси, козя — кожа, кажну — казну* и т. п.); для смоленско-полоцкой — смешение В и У (*удова*). Ъ и Е (*место*); для московской — безударных гласных А и О, Ъ и Е. Это разнообразие диалектных зон как южнославянских, так и восточнославянских порождало орфографическую пестроту, — различия в написании одного и того же слова были в порядке вещей.

Языковую стабильность текстов разрушали также лингвистические изменения исторического характера. Славянские тексты, появившиеся в IX—XII вв., копировались без существенных изменений и находились в активном употреблении еще и в XV—XVII веках, и язык, на котором они были написаны, не совпадал уже ни с одним из живых славянских диалектов. Это был язык исключительно письменного употребления. Обычно его называют церковнославянским, как и всю письменность славянского средневековья, общую для болгар, сербов и трех восточнославянских народов. Этот язык включал в себя множество архаизмов, принадлежавших эпохе его

становления, стремление к неизменяемости и стабильности было одним из его принципиальных свойств. Между тем живые славянские языки претерпевали громадные перемены. В X—XIII вв. исчезли краткие гласные Ъ и Ь, что вызвало уменьшение количества слогов в большинстве слов и множество новшеств в фонетике и словообразовании. С XII по XVI вв. восточнославянские диалекты постепенно сформировали современную грамматическую систему, что сказалось прежде всего на склонении имени существительного, на прошедших временах глагола (вышли из употребления аорист и имперфект), на синтаксисе сложного предложения.

Увеличившееся расхождение между грамматикой церковнославянских текстов и грамматической нормой живого языка порождало, конечно, большие трудности для тех, кто переписывал прежние или создавал новые тексты. При отсутствии системного школьного обучения славянские книжники могли опираться только на свой личный опыт в суждении о том, что лингвистически правильно и что неправильно, что стилистически хорошо и что плохо. При этом всякое новое сочинение, насыщенное цитатами из предшествующей литературной традиции (прежде всего, разумеется, Св. писания и литургических произведений), получало в глазах читателей вполне надежный авторитет и признание. Компиляция как основной принцип доминировала в древнерусской литературе, в этом отношении она не отличалась от других европейских средневековых литератур.

Рукописание было единственным способом распространения текстов. Но при переписке из-за небрежности, недосмотра, усталости писца в текст могли попадать разного рода искажения, в то же время переписчики и редакторы нередко вносили в копируемый текст свои добавления и сокращения. Иногда судьбу текстов определяло и физическое состояние рукописей, т. е. утрата или порча, перестановка листов. Положение дел изменилось лишь с распространением книгопечатания. Для рукописной эпохи существования литературы случаи, когда две или несколько копий одного текста совершенно тождественны, носят исключительный характер. Книгопечатание позволило изготовлять несколько сот и даже тысяч практически не отличимых друг от друга копий. Вследствие этого получило и сохраняет до сих пор свое значение лингвистическое нормирование текстов. С конца XVI в. начинают появляться грамматики церковнославянского языка, а в XVII в. возникает системное школьное обучение нормам письменного языка. Правда, меры, направленные на укрепление норм церковнославянского языка, приводят в конце концов к неожиданному результату: к устранению этого языка из культурного и литературного обихода, к замене его во всех сферах — за пределами церковного богослужения — языком русским. Но произошло это уже в XVIII веке.

Учитывая все выше перечисленные особенности языка текстов, дошедших до нас в рукописях, мы приняли за основу следующие принципы их публикации:

1. Используется несколько копий одного произведения (в том случае, конечно, если они сохранились и доступны). Недостатки рукописи, принятой за основу издания, исправляются по другим рукописным спискам. Доступные рукописи не всегда, однако, содержат правильное чтение, тогда издатель реконструирует его по смыслу или по нонязычному оригиналу, если текст переводный. Все исправления и реконструкции в издаваемом тексте выделяются в нашем издании курсивом.

2. Разного рода добавки и распространения, введенные переписчиком той рукописи, по которой издается текст, и не имеющие основания в оригинале, если это перевод, или отсутствующие в других списках данного текста, устраняются, когда добавки эти вредят последовательности изложения. Эти изъятия отмечаются ломаными скобками с многоточием внутри них: <...>. Этот же знак (ломаные скобки и многоточие) используется для обозначения сделанных издателем купюр в тексте при выборочной публикации того или иного литературного памятника.

3. Там, где необходимо показать, что в издаваемой рукописи имеется пропуск, который нарушает последовательность изложения, но не может быть восстановлен на основе других источников текста, ставится многоточие. В других случаях этот знак не употребляется.

4. Древнерусский текст издается со всеми орфографическими особенностями, с которыми он представлен в основном списке, принятом за основу публикации. Поэтому сохраняется пестрота в написании одних и тех же слов, если она присутствует в рукописи.

При передаче текста, однако, допускаются определенные упрощения: все буквы за исключением *ятя* (Ѣ), отсутствующие в современной графике, заменяются, буквенное обозначение цифр, принятое в средневековой письменности, заменяется арабской цифирью, сокращенные написания под титлом или без него восстанавливаются в полной форме и в том лингвистическом облике, который характерен для эпохи написания рукописи.

5. Издатели текста предлагают собственное понимание его содержания, и это делается следующим образом.

а) Проводится разбивка текста на отдельные слова: следует иметь в виду, что в средневековых рукописях для экономии места пробелы между словами как правило не оставлялись. Но в передаче многих предложно-падежных и наречных сочетаний удерживается церковнославянская норма слитного написания.

б) Проводится современное синтаксическое членение текста на предложения и его части, соответственно этому выставляются знаки препинания, принятые сегодня, а в начале предложения пишутся заглавные буквы.

в) Проводится смысловая разбивка текста на абзацы, иногда она совпадает с членением текста, принятым в рукописи, но бывает это далеко не всегда.

г) Заглавные буквы в именах собственных применяются в согласии с современной нормой, в рукописную эпоху они почти не были известны.

Параллельно древнерусскому тексту публикуется его перевод на современный литературный язык. В настоящем издании переводчики ставили перед собою три задачи.

1) Дать грамматический комментарий к древнерусскому тексту. Так, форма имперфекта 3 лица множественного числа *идяху* переводится *шли*, форма аориста 3 лица единственного числа *рече* переводится *сказал*, форма дательного падежа множественного числа *аггеломъ* переводится *ангелам*, форма относительного местоимения мужского рода родительного падежа *егоже* переводится *которого* и т. д. Читатель, даже незнакомый с исторической грамматикой церковнославянского языка, из сопоставления древнерусского текста и его перевода может прийти к правильному пониманию древнерусской грамматической системы.

Нужно, впрочем, заметить, что не все грамматические категории древнего текста могут быть последовательно переданы в нашей современной грамматической системе, поэтому, например, в зависимости от условий контекста форма аориста 3 лица единственного числа *иде* может быть переведена *шел, пошел, пришел*.

2) Дать смысловую интерпретацию сложных синтаксических построений древнего текста. Для этого некоторые причастные обороты приходится переводить придаточными предложениями, некоторые причастия — личным глаголом и, наоборот, некоторые личные глаголы — причастием, менять порядок слов в одной из частей предложения или порядок следования частей предложения и т. д. Все это может восприниматься как отступление перевода от оригинала, но с этим необходимо мириться, различия в синтаксической норме древнего и нового языков существуют объективно, порою они создают большие препятствия для правильного понимания текста.

Не имеющие эквивалента в древнерусском тексте слова и фразы, внесенные в перевод для более точного толкования смысла, помещаются в угловые скобки.

3) Найти в современном литературном языке стилистические и художественные соответствия поэтическим принципам древнерусских текстов. Задача эта принадлежит к числу наиболее трудных, в тех случаях, когда переводчик с нею справляется, он помогает читателю заметить то, что не всегда лежит на поверхности.

В известной мере эти три задачи противоречат друг другу. Последовательное выполнение первой должно привести к переводу совершенно буквальному, стилистически нейтральному и к смысловой модернизации. Последовательное выполнение третьей резко снижает возможности грамматического комментирования. Эти противоречия могут порождать неровности переводов. К тому же личные вкусы и стилистические пристрастия трудившихся над переводами лиц, естественно, не вполне одинаковы. В оправдание возможных несовершенств можно сказать, что главную свою цель переводчики видят в том, чтобы помочь читателю при чтении древнерусской литературы в конце концов обходиться без переводов. Произведения XVII века, близкие по грамматической основе современному русскому языку, мы сочли возможным не переводить полностью, а лишь ограничиться переводом отдельных слов и выражений.

Большую помощь читателю окажут комментарии, которыми завершается каждый том. В них даются сведения о времени возникновения данного текста, о его рукописной традиции, о истории его изучения и издания, дается научный анализ содержания, выявляются источники (например, библейские цитаты). В объяснении отдельных мест приводится то, что нельзя объяснить через перевод, например, историческую и литературную основу того или иного эпизода, предпочтительность того или иного понимания данного места.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БАН** — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
Библиотека РАН — см. **БАН**
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ММК — Музеи Московского Кремля
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. Двенадцать выпусков
ПЛДР, 2 — XII век. М., 1980
ПЛДР, 5 — Вторая половина XV в. М., 1982
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва), бывший Центральный государственный архив древних актов (*ЦГАДА*)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), бывшая Государственная библиотека им. В. И. Ленина (*ГБЛ*)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), бывшая Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (*ГПБ*)
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук (Санкт-Петербург)
ФИРИ — С.-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук, бывшее Ленинградское отделение Института истории АН СССР (*ЛОИИ*)
- ГБЛ* — см. **РГБ**
ГПБ — см. **РНБ**
ЛОИИ — см. **ФИРИ**
ЦГАДА — см. **РГАДА**

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

«Слово о законе и благодати» по праву можно считать произведением, с которого началась собственная история древнерусской литературы. Выросшая в лоне византийской книжной премудрости, которую Русь восприняла вместе с христианством, питаемая идеями и образами народного творчества, древнерусская литература сразу проявила в этом вершинном памятнике свои особенные черты, прославившие ее в дальнейшем.

Величественная фигура автора «Слова о законе и благодати» Илариона предстает из строк «Повести временных лет», рассказывающей о поставлении его Ярославом Мудрым во главе Русской Церкви: «В лето 6559 (1051 г.). Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ, русина, въ святѣй Софѣи, собравъ епископы. И се да скажемъ, что ради прозвася Печерскый монастырь. Боголюбивому бо князю Ярославу, любящю Берестовое и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, в нихже бѣ презвутерь именемъ Ларионъ, мужъ благъ и книженъ, и постникъ. И хожаше с Берестоваго на Днѣпръ на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерскый, и ту молитву творяше. бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу двусажену, и приходя с Берестоваго, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. По семь же Богъ князю вложи въ сердце, и постави ѥ митрополитомъ в святѣй Софѣи, а си печерка тако оста...»

Это событие, состоявшееся, вопреки установленному порядку, не в Константинопольской патриархии, а на соборе русских епископов, было, очевидно, проявлением «вежливого неповиновения» Руси по отношению к Византии. Написанное Иларионом незадолго до этого «Слово о законе и благодати», в котором обосновывалась идея права Руси на равенство среди других христианских народов, подготавливало почву для реализации княжеского решения. Ибо оно было обращено Иларионом «ни къ невѣдущимъ... нъ прѣзблиха насытъшемся сладости книжныа, не к врагомъ Божиемъ иновѣрнымъ, нъ самѣмъ сыномъ его, не къ странннымъ, нъ къ наслѣдникомъ небеснаго царства».

О сохранившейся и после этого идейной близости между Иларионом и Ярославом говорят вступительные слова составленного ими совместно церковного устава-судебника: «Се язъ князь великий Ярославъ, сынъ Володимиръ, по данию отца своего, съгадал есмь с митрополитомъ с Лариономъ, сложил есмь греческый Номоканунъ». Известно также, что Иларион совершил освящение киевской церкви Георгия — святого патрона Ярослава и рукополагал в ней новоставимых епископов.

Благодаря упоминаемым в «Слове» событиям и историческим лицам, достоверно устанавливается, что оно было написано не ранее 1037 г., когда была построена церковь Благовещения на Золотых воротах, и не позднее 1050 г., когда скончалась великая княгиня Ирина, упоминаемая в «Слове» как живая.

Искренними и высокими помыслами проникнуто это произведение, ярко передающее духовную атмосферу эпохи. Говорит ли Иларион о приоритете христианской благодати перед ветхозаветным законом, описывает ли распространение христианства на Руси, произносит ли похвалы святому Владимиру и его сыну и продолжателю его дел Ярославу, обращается ли с горячей молитвой от имени Русской земли к Богу — его речь дышит всегда живым чувством, родившимся от истины глубокой и радостной веры и гордости за свою страну. В «Слове о законе и благодати» впервые в древнерусской литературе звучат восхищенные слова о славном прошлом Руси как залог ее славного будущего: «Похвалимъ же и мы... великааго кагана нашеа землн Володимера... Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нъ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли». В этих словах угадывается уже тональность созданного спустя полтора столетия «Слова о полку Игореве».

Объем литературного наследия Илариона определить непросто в силу краткости и порой анонимности атрибутируемых ему произведений. Помимо «Слова о законе и благодати» и «Молитвы» Илариона, ему определенно принадлежит «Исповедание веры», написанное, очевидно, по случаю его рукоположения в епископы. Есть основания предполагать участие Илариона в древнерусском летописании.

Текст печатается по рукописи Синодального собрания, № 591 (ГИМ), датируемой второй половиной XV в. и представляющей «Слово о законе и благодати» с заключающей его «Молитвой», «Исповедание веры» и запись Илариона о поставлении его в митрополиты. Этот своеобразный цикл составлен, как видно, самим Иларионом. Синодальный список — единственный, в котором сохранился текст первоначальной полной редакции «Слова», с Похвалой Ярославу Мудрому. В двух более поздних редакциях (более пятидесяти списков) этой Похвалы и «Молитвы» нет. Частично видоизмененная «Молитва» имела самостоятельное «хождение» во множестве списков и представлена в них двумя редакциями. «Исповедание веры» с примыкающей к нему авторской записью Илариона дошли до нас только в составе публикуемого списка.

Стр. 26. *О законѣ, Моисѣмъ данѣмъ, и о благодѣти и истинѣ, Исусомъ Христомъ бывшии...* — Начальные слова заглавия, в которых определяется тема первой части «Слова» Илариона, восходят к Евангелию от Иоанна, гл. 1, ст. 17: «...закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа». Закон (завет) — совокупность законов и заповедей, которые Бог сообщил еврейскому народу через пророка Моисея на пути из Египта в Палестину. Употребление слова благодѣть (и производных от него: благодѣтный и т. п.) с корнем -дѣт-, преобладающее в публикуемом Синодальном списке «Слова», указывает на сохранение писцом этого списка древнейших особенностей оригинала.

Каган — тюркский титул верховного владыки, заимствованный русскими у хазар и в древности применявшийся ими по отношению к своим князьям.

Господи, благослови, отче. — Формула обращения к игумену за благословлением перед началом монастырского чтения. В ней отражено древнее, первичное значение слова «господь» — господни, владыка (также игумен), хозяин. Фраза скорее всего не принадлежит Илариону и появилась в тексте в процессе его переписки.

«Благословленъ... своимъ». — Лк. 1, 68.

...племя Авраамле... — о евреях, родоначальником которых, по Библии, был Авраам.

Скрижали — две каменные плитки с письменами завета между Богом и еврейским народом, которые были даны Моисею на горе Синай.

...яко ...призрѣ на люди своа... — 1 Цар. 9, 16.

...не солъ, ни вѣстникъ... спасе ны... — Ис. 63, 9 (слав., греч.).

...къ сущимъ же... въ адѣ... сѣниде... — См.: 1 Петр. 3, 19.

...познають пощѣние свое... — Лк. 19, 44.

...яко тѣ есть живымъ и мертвымъ... Богъ. — Ср.: Мр. 12, 27; Рим. 14, 9.

Кто бо великъ, яко Богъ нашъ... твори чудеса... — См.: Пс. 76, 14—15 и 71, 18.

Стр. 28. *Образъ же закону и благодѣти Агаръ и Сарра... ти потомъ свободнаа...* — Ср.: Быт. 25, 11—23; Галат. 4, 22—31.

...да разумѣть, иже чтеть. — Мф. 24, 15.

...и Богъ убо прѣжде вѣкъ изволи ...явитися. — См.: 1 Петр. 1, 20.

Сарра же... бѣ неплоды. — См.: Быт. 11, 30.

Не бѣ неплоды, нѣ заключена бѣ... на старость родити. — См.: Быт. 16, 2.

Сарра же глагола къ Аврааму... и родиши от неѣ. — Быт. 16, 2.

- Послуша Авраамъ... и вълъзе къ... Агаръ.*— Быт. 16, 2, 4.
Послуша же и Богъ... и съниде на Синаи.— См.: Исход. 19, 16—20.
Роди же Агаръ... имя ему Измаилъ.— Быт. 6, 15.
Изнесе же и Моисѣи... законъ...— См.: Исход. 32, 15—16; 34, 29.
...явися Богъ Аврааму... и приятъ и в кушту свою.— См.: Быт. 18, 1—5.
«Се раба Господня... по глаголу твоему».— Лк. 1, 38.
Тогда убо отключи Богъ... роди Исаака... свободнааго.— См.: Быт. 21, 1—3.
И ако отдоися отрочя Исаакъ... сынъ его.— Быт. 21, 8.
Стр. 30. *...и еще за 30 лѣтъ...*— Лк. 3, 23.
...явися благодѣть Божиа въсѣмъ человекѣмъ...— Тит. 2, 11.
...явися благодѣть Божиа... въ Иорданствѣ рѣцѣ...— См.: Мф. 3, 13—17.
...сътвори Богъ гоститву... тельцемъ упитѣнымъ от вѣка...— Ср.: Лк. 15, 23.
...сътвавъ... небесныя и земныя...— См.: Еф. 1, 10.
По сихъ же видѣвши Сарра Измаила... рече къ Аврааму: «От жени рабу и съ сыномъ еѣ... сына свободныя».— Быт. 21, 9—10; Гал. 4, 30.
По възнесенни же Господа Иисуса... бѣваху между ими многы распрѣ и которы.— См.: Деян. 6, 1; 15, 1 и далее; Гал. 2.
И отгана бысть Агаръ... и Исаакъ... наслѣдникъ бысть Аврааму, отцу своему.— См.: Быт. 21, 11—14; 25, 5.
...наслѣдници быша Богу и Отцу.— Ср.: Рим. 8, 17.
Христианыхъ же спасение... на вся края земленыя.— Ср.: Деян. 13, 47.
Манасиино бо старѣишнѣство лѣвицею Иаковлеу благословлено бысть... мшии бысть.— См.: Быт. 48, 13—16. В Синодальном списке «Слова» выделенные курсивом слова пропущены.
Стр. 32. *Рекшу бо Иосифу къ Иакову... племя его будетъ въ множество языкъ».*— Быт. 48, 18—19.
«Ветхая мимоидоша... поите Богу пѣснь нову... острови вси».— Ис. 42, 9, 10.
«Работающимъ ми наречетъ имя ново... Бога истиннааго».— Ис. 65, 15, 16.
Геден — библейский судья, потомок Манассин.
«Аще рукою моею спасеши израиля... суша».— Суд. 6, 36—37. *Израиль* — здесь: израильский народ, «израильтяне».
...«въ Израили велие имя его»...— Пс. 75, 2.
...«Да будетъ суша на рунѣ тѣкмо... роса».— Суд. 6, 39.
Кивот — кедровый, украшенный золотом ящик (ковчег), в котором иудеи хранили скрижали завета.
...оцѣстило — жертвенник, очистилище.
...грядетъ година... ибо Отецъ тацѣхъ ищетъ кланяющихся ему...— Иоан. 4, 21, 23.
«И не научитъ каждо искренняго своего... от малыхъ до великааго».— Евр. 8, 11; Иер. 31, 34; греч.: Иер. 38, 34.
«Исповѣдаю ти ся, Отче... бысть благоизволение прѣд тобою».— Мф. 11, 25—26.
...причастници Христу...— Евр. 3, 14.
Стр. 32—34. *«Прияша его, дасть имъ власть чядомъ Божиемъ быти... нъ отъ Бога родишася».*— Иоан. 1, 12—13.
Стр. 34. *...Богъ нашъ на небеси и на земли... и сътвори.*— Пс. 113, 11.
яко человекъ бо утробу матерню растяше...— См.: Лк. 11, 27.
...яко человекъ... млѣко приятъ...— См.: Лк. 11, 27.

- «Слава въ вышнихъ Богу». — См.: Лк. 2, 14.
 ...повитъся въ пелены... — См.: Лк. 2, 7, 12.
 ...вълхвы звѣздой ведяше... — См.: Мф. 2, 2, 9.
 ...възлеже въ яслехъ... — См.: Лк. 2, 7, 12, 16.
 ...от волхвъ дары... приатъ... — См.: Мф. 2, 11.
 ...бѣжааше въ Египетъ... — См.: Мф. 2, 13—14.
 ...яко Богу рукотворения египетская поклонишася... — Ср.: Ис. 19, 1.
 ...прииде на крещение... — Ср.: Мф. 3, 13.
 «Се есть Сынъ мой възлюбленый». — Мф. 3, 17.
 ...постися 40 днии... побѣди искушающаго... — См.: Мф. 4, 1—11.
 ...иде на бракъ Кана Галилѣи... въ вино приложи... — См.: Иоан. 2, 1—11.
 ...въ корабли съпааше... и послушаша его... — См.: Мф. 4, 35—41.
 ...по Лазари прослезися... възскрѣси и от мертвыихъ... — См.: Иоан. 11, 32—44.
 ...на ося въсѣде... «Благословенъ Грядыи въ имя Господне»... — Мф. 21, 7—9; Мр. 11, 7—10; Лк. 19, 29—38; Иоан. 12, 12—15.
 ...распятъ бысть... — См.: Мф.: 27, 35; Мр. 15, 25; Лк. 23, 33; Иоан. 19, 18.
 ...съпротяаго съ нимъ въпусти въ раи... — См.: Лк. 23, 43.
Стр. 36. ...оцта въкушь... и землю потрясе... — См.: Мф. 27, 45—54; Мр. 15, 36—38; Лк. 23, 44—46; Иоан. 19, 28—30.
 ...въ гробѣ положенъ бысть... и душѣ свободи... — См.: Мф. 27, 60; Мр. 15, 46; Лк. 23, 53; Иоан. 19, 40—42; I Петр. 3, 19—20.
 ...печатлѣша въ гробѣ... — См.: Мф. 27, 66.
 ...тѣщахуся иудеи... мѣдяще стражи... — См.: Мф. 28, 11—15.
 ...увѣдѣся... всѣми конци земля. — См.: Ис. 52, 10.
 ...«кто Богъ велии... творяи чюдеса»... — Пс. 76, 14, 15.
 ...«спасение посредѣ земля»... — Пс. 73, 12.
 ...крестом... на мѣстѣ лобнѣмъ... — См.: Мф. 27, 26—50; Мр. 15, 15—37; Лк. 23, 25—46; Иоан. 19, 16—30. *Лобное место* — Голгофа (холм в окрестностях Иерусалима, на котором, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос).
 ...въкусивъ оцта и зѣлчи... — См.: Мф. 27, 34, 48; Иоан. 19, 29—30; ср.: Пс. 68, 22.
 ...сластнааго въкушения Адамова... прѣступление... — См.: Быт. 2, 9, 17; 3, 1—7.
 ...прѣтѣкнушася... акы о камень... — См.: Рим. 9, 32, 33; I Петр. 2, 6—8; Ис. 28, 16.
 ...«падыи на камени семь... съкрушить и». — Мф. 21, 44.
 ...«Нѣсмь посланъ, тѣкмо... Израилева»... — Мф. 15, 24; см.: Мф. 10, 6.
 ...«Не приидохъ разоритъ закона, нѣ исполнитъ»... — Мф. 5, 17.
 ...«Нѣсть добро... и повреци псомъ». — Мф. 15, 26.
 ...нарекоша сего лестъца... — См.: Мф. 27, 63.
 ...и от блуда рождена... — В оригинале эти слова замазаны чернилами.
 ...и о Велизвуде бѣсы изгоняща. — См.: Мф. 12, 24; Мр. 3, 22; Лк. 11, 15.
 Христось слѣпны ихъ просвѣти... мертвыи възскреси. — См.: Мф. 11, 5; 12, 22; 20, 34; Мр. 8, 23; 10, 52; Лк. 7, 21—22; 13, 11—13; Иоан. 5, 8; 9, 6; 10, 21 и другие.
 ...яко злодѣа... пригвоздиша. — Ср.: I Фес. 2, 16.
 ...«Злы злѣ погубить... въ времена своа»... — Мф. 21, 41.
 ...понеже дѣла ихъ темна бяху... яко темна суть. — Ср.: Иоан. 3, 19—20.
 ...«Аще бы разумѣл ты въ день твои... понеже не разумѣ врѣмене посѣщения твоего». — Лк. 19, 42—44.

Стр. 36—38. ...*Иерусалимъ, Иерусалимъ... дождь вашъ пустъ!* — Мф. 23, 37—38.

Стр. 38. *Пришедъше бо римляне, плѣниша Иерусалимъ и разбиша и до основаниа его.* — Имеется в виду, очевидно, разрушение Иерусалимского храма римлянами в результате подавления восстания в Иудее в 66—73 гг. н. э. и окончательный разгром города после восстания иудеев в 132—135 гг., следствием которого было изгнание иудеев за пределы своей страны.

...*въ своа прииде и свои его не приаша.* — Иоан. 1, 11.

...*И тѣ чаяние языкомъ.* — Быт. 48, 10 (слав., греч.).

...*въ рождении его вълси... поклонишася ему... и младенца избѣша.* — См.: Мф. 2, 1—11; 16—18; Иоан. 5, 16, 18; 7, 1.

...*Мнози ото въстокъ и западъ приидуть... въ тму кромѣшнюю.* — Мф. 8, 11—12.

...*Отиметсѣ от васъ царство... творящимъ плоды его.* — Мф. 21, 43.

...*Шедъше въ весь миръ... спасенъ будетъ.* — Мф. 16, 15—16.

...*Шедъше, научите... елика заповѣдахъ вамъ.* — Мф. 28, 19—20.

...*аще ли, то просядутсѣ мѣси и вино пролѣтсѣ.* — Мф. 9, 17.

И обою съблюдетсѣ. — Мф. 9, 17.

Нестъ ми хотѣнѣи... имя мое велико въ странахъ. — Малах. 1, 10, 11.

Вся земля... поеть тобѣ. — Пс. 65, 4.

...*Господи... по всеи земли.* — Пс. 8, 2 (слав., греч.).

Стр. 40. ...*и въ разумъ истинный приведе.* — 1 Тим. 2, 4.

...*Разверзетсѣ вода... источникъ воды будетъ.* — Ис. 35, 6—7.

...*Тогда отверзутсѣ очеса... и ушеса... услышатъ.* — Ис. 35, 5.

...*Тогда скочить... языкъ гугнивыхъ.* — Ис. 35, 6.

...*И будетъ въ день онъ... «Господь Богъ нашъ еси ты».* — Ос. 2, 16, 18, 23; см.: Рим. 9, 25; 1 Петр. 2, 10.

И тако страннии суще... сынове его прозвахомъся. — Ср.: Еф. 2, 19; Рим. 5, 10; Гал. 3, 26; Кол. 1, 21.

...*яко украденъ бысть...* — Ср.: Мф. 28, 13.

...*идеже и бѣ...* — Иоан. 6, 62.

...*Ты еси Христосъ, сынъ Бога живааго...* — Мф. 16, 16.

...*Господь нашъ... еси...* — Иоан. 20, 28.

...*Помяни ны... въ царствии своемъ.* — Лк. 23, 42.

...*седми съборъ...* — Имеются в виду семь Вселенских соборов (с 325 по 787 гг.), утвердивших догматы и Предание православной церкви.

Стр. 42. ...*Открыеть Господь мышьцу... от Бога нашего.* — Ис. 52, 10.

...*Живу азъ... всякъ языкъ исповѣтсѣя Богу...* — Рим. 14, 11; см.: Ис. 45, 23.

...*Всяка дебрь исполнитсѣ... спасение Бога нашего...* — Ис. 40, 4—5.

...*Вси людие... тому поработаютъ...* — Дан. 7, 14.

...*Да исповѣдатсѣ тобѣ людие... и възрадуотсѣ язици...* — Пс. 66, 4—5.

...*Вси язици възплещѣте руками... по всеи земли...* — Пс. 46, 2—3.

...*Поите Богу нашему, поите... Богъ надъ языки...* — Пс. 46, 7—9.

...*Вся земля да поклонитъ ти ся... Вышнии...* — Пс. 65, 4.

...*Хвалите Господа вси язици... людие...* — Пс. 116, 1.

...*Отъ вѣстокъ и до западъ... надъ небесы слава его...* — Пс. 112, 3—4.

...*По имени твоему... на коньцихъ земля...* — Пс. 47, 11.

...*Услыши ны, Боже... и суцимъ въ мори далече...* — Пс. 64, 6.

...*Да познаемъ на земли путь твои... спасение твое...* — Пс. 66, 3.

...«Царие земьстии и вси людие... да хвалять имя Господне»...— Пс. 148, 11—13.

...«Послушайте мене, людие мои... на мышью мою страны уповають».— Ис. 51, 4—5.

...великааго кагана нашаа земли Володимера...— Владимир Святославич — великий князь киевский (с 980 по 1015 г.), крестивший Русь (988 г.).

...внучка старааго Игоря...— Игорь Рюрикович, дед Владимира (ум. в 944 или 945 г.).

...сына же славааго Святослава...— Святослав Игоревич, отец Владимира (ум. в 972 г.).

Стр. 44. ...Свѣлѣче же ся... ветѣхааго челоуѣка...— Ср.: Кол. 3, 9.

И породися от Духа и воды...— Ср.: Иоан. 3, 5.

...въ Христа крестився, въ Христа облѣчеся...— Ср.: Гал. 3, 27.

...сынѣ въскрѣшенна.— Ср.: Лк. 20, 36.

...книгы животныя...— См.: Пс. 68, 29; Фил. 4, 3; Откр. 3, 5; 17, 8; 20, 12; 20, 15; 21, 27; 22, 19.

...въ вышнихъ... Иерусалимѣ.— Ср.: Гал. 4, 26; Евр. 11, 16; 13, 14.

Стр. 46. ...«Единѣ святѣ, единѣ Господѣ, Исусе Христосе... аминь»...— См.: Литургия св. Иоанна Златоуста.

...«Великѣ еси, Господи, и чюдна дѣла твоа!» — См.: Последованне великого священника воды, молитва; см.: Пс. 138, 14; Откр. 15, 3.

...«яко благѣ Господѣ»...— Пс. 33, 9; 1 Петр. 2, 3.

Не видилъ еси Христа... не видѣв, вѣрова.— См. Рим. 10, 14.

...«Блажени не видѣше и вѣровавшие».— Иоан. 20, 29.

...«И блаженѣсть есть, иже не съблзниться о мнѣ».— Мф. 11, 6.

Не видѣ бѣсъ изгонимѣ... мертвыхъ вѣстають.— См.: Мф. 10, 8; Мр. 6, 7, 12; Лк. 10, 17 и др.

И еже имѣмъ уродьство... тебе сила Божиа вѣмѣнися.— Ср.: 1 Кор. 1, 18.

Стр. 48. ...«Свѣтѣ мои да будетъ ти... Науходоносоре... щедротами нищихъ».— Дан. 4, 24.

...не до слышанна стави глаголаное, нѣ дѣломъ съконча...— Ср.: Иак. 1, 22.

...«Милость хвалится на судѣ».— Иак. 2, 13.

...«Милостыни мужу, акы печать съ нимѣ».— Сирах. 17, 18.

...«Блажени милостивии... помиловани будутъ».— Мф. 5, 7.

...«Обративыи грѣшника... покрыеть множество грѣховѣ».— Иак. 5, 20.

...«Иже исповѣсть мя прѣд челоуѣкы... на небесѣхъ».— Мф. 10, 32.

...«Сынѣ Божии есть Христос»...— Деян. 8, 37.

...великааго Коньстантина...— Константин I Великий (ок. 285—337 г.) — римский император, покровительствовавший христианам и много сделавший для укрепления христианства в византино-римской империи, причтен к лику святых.

...Никеискааго събора...— Имеется в виду Первый Вселенский собор, состоявшийся в Никее (325 г.), на котором председательствовал император Константин Великий.

...с материю своею Еленою...— Елена — мать Константина Великого (ум. 327 г.), покровительница христиан, причтена к лику святых.

...крестѣ от Иерусалима принесѣша...— Царница Елена совершила путешествие в Иерусалим, чтобы отыскать крест, на котором был распят Исус Христос. После обретения ею креста Господня (326 г.) вскоре было установлено празднование Воздвижения Честного и Живоворящего Креста Господня (335 г.).

Стр. 50. ...святаа церкви Святыа Богородица Мариа...— киевская соборная церковь Богородицы (Десятинная), построенная св. Владимиром вскоре после крещения киевлян, в которой он был похоронен в 1015 г.

...жида трубы архангельскы.— См.: 1 Фес. 4, 16.

...сынъ твои Георгии...— Георгий — крестное имя Ярослава Мудрого.

...аки Соломонъ Давидова...— При израильско-иудейском царе (965—928 г. до н. э.) Соломоне, сыне царя Давида, было завершено начатое Давидом строительство Иерусалимского храма.

...дом Божи... Премудрости създа...— Имеется в виду киевский собор св. Софии, который был заложен Ярославом Мудрым в 1037 г. Слова Иларiona свидетельствуют о том, что строительство собора до 1050 г. («верхняя» дата написания «Слова») было уже завершено.

...церковь на Великихъ вратѣхъ създа въ имя... Благовѣщенна...— церковь Благовещенна, построенная Ярославом Мудрым на киевских Золотых воротах.

...«Радуися, обрадованаа! Господь с тобою!»...— Лк. 1, 28.

...Христа, живота всему миру.— Ср.: Иоан. 11, 25; 6, 33.

...виждь благовѣрную сноху твою Ерину...— Жена Ярослава Ирина-Ингигерда, дочь шведского короля Олафа.

Стр. 52. ...правдою бѣ облѣченъ... истинною обутъ...— Ср.: Еф. 6, 14—15.

...«яже уготова Богъ... любящимъ его»...— 1 Кор. 2, 9.

...«мы бо людие твои и овцѣ паствы твои»...— Пс. 78, 13; см.: Пс. 99, 3.

Стр. 54. Пастырю добрый, положи выи душу за овцѣ...— См.: Иоан. 10, 11.

...«Не боися, малое стадо... дати вамъ царствие!»— Лк. 12, 32.

Богатыи милостию...— Еф. 2, 4.

...ожидааи обращения грѣшныихъ...— См.: Лк. 15, 7; 17, 4.

...персть есмы и прахъ...— Ср.: Быт. 18, 27; Сирах. 10, 9.

...не вниди въ судъ съ рабы своими...— Ср.: Пс. 142, 2.

...мы людие твои...— Ср.: Пс. 78, 13.

...съгрѣшихомъ и злаа сътворихомъ... якоже заповѣда намъ! — См. службу Недели мясопустной и канон покаянный преп. Андрея Критского.

...твою руку дѣло! — Ср.: Пс. 137, 8.

«Аще бо безаконна назриши, Господи, кто постоитъ?» — Пс. 129, 3.

Яко от тебе оцѣнение есть... милость и много избавление...— Ср.: Пс. 129, 4, 7.

...и души наши... въ воли твои...— Ср.: Дан. 5, 23; см.: Ис. 42, 5; Деян. 17, 25.

...ищезнемъ, яко утреняа роса.— Ср.: Ос. 6, 4.

...помилуи ны, Боже, по велицѣи милости твои! — Пс. 50, 3.

Вси бо уклонихомся, вси въкупѣ неключими быхомъ...— Пс. 13, 3; Рим. 3, 12.

...«яко оскудѣ прѣподобныхъ»...— Пс. 11, 2.

...ни по грѣхом нашимъ въздаи намъ...— См.: Пс. 102, 10.

Стр. 56. ...мы люди твои...— Пс. 78, 13.

...твое достояние.— Пс. 73, 2.

...«руки наши къ Богу туждему»...— Пс. 43, 21.

...истиннааго Бога...— Иоан. 17, 3.

...къ тебѣ, живущему на небесѣхъ, очи наши възводимъ...— См.: Пс. 122, 1.

...призываа грѣшники въ покаание...— См.: Лк. 5, 32.

...«пришельци въ земли не свои»...— Быт. 15, 13.

...«где есть Богъ ихъ». — Пс. 78, 10.

...малы язви, а милостивно исцѣли...— Ср.: Ос. 6, 1.

Стр. 60. ...являея многократно ученикомъ своимъ, възиде на небеса... и съде одесную его.— См.: 1 Кор. 15, 5—8; Деян. 1, 1—11.

Ему же мертви гласомъ архангельскимъ противу изидуть...— См.: 1 Фес. 4, 16.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

«Повесть временных лет» занимает в истории русского общественного самосознания и истории русской литературы особое место. Это не только древнейший из дошедших до нас летописных сводов, повествующий о возникновении Русского государства и первых веках его истории, но одновременно и важнейший памятник историографии, в котором отразились представления древнерусских книжников начала XII в. о месте русичей среди других славянских народов, представления о возникновении Руси как государства и происхождении правящей династии, в котором с необычайной ясностью освещены, как бы сказали сегодня, основные направления внешней и внутренней политики. «Повесть временных лет» свидетельствует о высоко развитом в то время национальном самосознании: Русская земля осмысляет себя как могущественное государство со своей самостоятельной политикой, готовое при необходимости вступить в единоробство даже с могущественной Византийской империей, тесно связанное политическими интересами и родственными отношениями правителей не только с сопредельными странами — Венгрией, Польшей, Чехией, но и с Германией, и даже с Францией, Данией, Швецией. Русь осмысливает себя как православное государство, уже с первых лет своей христианской истории освященное особой божественной благодатью: оно по праву гордится своими святыми покровителями — князьями Борисом и Глебом, своими святынями — монастырями и храмами, своими духовными наставниками — богословами и проповедниками, известнейшим из которых, безусловно, являлся в XI в. митрополит Иларий. Гарантией целостности и военного могущества Руси должно было являться владычество в ней единой княжеской династии — Рюриковичей. Поэтому напоминания, что все князья — братья по крови, — постоянный мотив «Повести временных лет», ибо на практике Русь сотрясают междоусобицы и брат не раз поднимает руку на брата. Еще одна тема настойчиво обсуждается летописцем: половецкая опасность. Половецкие ханы — иногда союзники и сваты русских князей, чаще всего все же выступали как предводители опустошительных набегов, они осаждали и сжигали города, истребляли жителей, уводили вереницы пленных. «Повесть временных лет» вводит своих читателей в самую гущу этих актуальных для того времени политических, военных, идеологических проблем. Но кроме того, по словам Д. С. Лихачева, «Повесть» являлась «не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной литературно изложенной (курсив наш, — О. Т.) историей Руси» (Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 169). Можно с полным основанием рассматривать «Повесть временных лет» как памятник литературы, донесший до нас и записи устных исторических преданий, и монастырские рассказы о подвижниках, и представивший саму историю как повествование, рассчитанное на то, чтобы остаться не только в памяти читателей, но и в их сердце, побудить их к размышлениям и поступкам, направленным на благо государства и народа.

«Повесть временных лет» дошла до нас лишь в поздних списках, старшие из которых отдалены от времени ее создания на два с половиной — три столетия. Но сложность ее изучения не только в этом. Сама «Повесть временных лет» — лишь один из этапов истории отечественного летописания, истории, реконструкция которой представляет чрезвычайно сложную задачу.

Наиболее авторитетной по сей день остается гипотеза академика А. А. Шахматова, дополненная и уточненная его последователями (прежде всего — М. Д. Приселковым и Д. С. Лихачевым). Согласно их представлениям, «Повести временных лет» предшествовали другие летописные своды. А. А. Шахматов предполагал, что у истоков летописания находился Древнейший летописный свод конца 30-х гг. XI в., Д. С. Лихачев полагает, что первым этапом осмысления оте-

чественной истории киевскими книжниками было создание «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» (названия обоих памятников даны исследователями). В 70-х гг. XI в. создается летописный свод Никона, в 1093—1095 гг. — так называемый Начальный свод. В начале XII в. (в 1113 г.?) монах Киево-Печерского монастыря Нестор создает «Повесть временных лет», существенно переработав предшествующий ей Начальный свод. Он предпослал рассказу об истории Руси обширное историко-географическое введение, изложив свои взгляды на происхождение славян и на место русичей среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. Помимо летописных источников Нестор использовал переводную византийскую хронику — Хронику Георгия Амартола, в которой излагалась всемирная история от сотворения мира и до середины X в. Нестор включил в «Повесть временных лет» тексты договоров Руси с Византией, добавил к содержащимся уже в летописях его предшественников историческим преданиям новые: о сожжении Ольгой древлянского города Искоростеня, о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, об осаде печенегами Белгорода. Нестор продолжил повествование Начального свода описанием событий конца XI — начала XII в. Именно под его пером «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории.

А. А. Шахматов считал, что текст Нестора до нас дошел не в своем первоначальном виде: в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром (переработке подверглась, по А. А. Шахматову, лишь заключительная часть «Повести»). Так возникла вторая редакция «Повести временных лет», известная нам по Лаврентьевской летописи 1377 г., Радзивилловской летописи и Московско-Академической летописи (обе XV в.), а также по восходящим к ним (точнее — к их протографам) более поздним летописным сводам. В 1118 г. создается еще одна — третья редакция «Повести». Она дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, старший список которой датируется первой четвертью XV в.

Однако изложенная выше концепция представляется недостаточно убедительной в той части, которая касается судьбы текста Нестора. Если принять точку зрения Шахматова на существование трех редакций «Повести» и реконструируемый им их состав, окажется трудным объяснить включение в текст второй редакции значительных фрагментов из третьей и, наряду с этим, сохранение явного дефекта — обрыва на середине текста статьи 1110 г., полностью читающейся в той же третьей редакции; требует объяснения и совпадение ряда исправных чтений Радзивилловской и Ипатьевской летописей при неверных или сокращенных чтениях в Лаврентьевской и т. д. Все эти проблемы требуют еще изучения, и этим в какой-то мере было подсказано решение положить в основу издания не Лаврентьевский, а именно Ипатьевский список «Повести временных лет».

Таким образом текст издается по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, хранящемуся в Библиотеке РАН (шифр 16.4.4). Опiski и пропуски исправляются в основном по списку той же летописи — Хлебниковскому XVI в. (хранится в РНБ, шифр F.IV.230), который, восходя с Ипатьевским к общему оригиналу, часто содержит более правильные чтения. В необходимых случаях для исправления привлекаются и списки так называемой второй редакции «Повести» — Лаврентьевский (РНБ, шифр F. п. № 2) и Радзивилловский (Библиотека РАН, шифр 34.5.30).

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

ВВ — Византийский временник

ВИ — Вопросы истории

Древнейшие государства — Древнейшие государства на территории СССР

И — Ипатьевский список Ипатьевской летописи

Латиноязычные источники — Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. IX — первая половина XII в. / Сост., перевод, коммент. докт. ист. наук М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989

Л — Лаврентьевский список «Повести временных лет» // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. Текст и перевод

Лихачев. Комментарии — Там же. Часть 2. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. С. 203—484

М — Летопись Московско-Академическая (разночтения подведены к тексту Радзивиловской летописи в изд. 1989 г.)

Новг. перв. лет. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950

Новосельцев. Хазарское государство — Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990

Пашуто. Внешняя политика — Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968

ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950

Р — Радзивиловская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1989. Т. 38

Сахаров. Дипломатия Древней Руси — Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX—первая половина X века. М., 1980

Х — Хлебниковский список Ипатьевской летописи

Хроника Амартола — Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр., 1920. Т. 1

Щапов. Государство и церковь. — Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

Стр. 62. ...черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго — ... — В X после слова «черноризца» добавлено — «Нестера». Косвенное указание на создателя *ПВЛ* имеется также в Киево-Печерском патерике: в главе «О Никите Затворнике» упоминается «Нестерь, иже написа лѣтописецъ». Слов «черноризца ...Печерьскаго» нет в *Л* и *Р*. Если считать, что чтение *И* (даже без уточнения, имеющегося только в *Х*) восходит к авторскому тексту, то оно является дополнительным указанием на причастность Нестора к созданию *ПВЛ*.

Яся вѣстокъ Симови... — С этих слов начинается перечень земель, доставшихся каждому из сыновей Ноя. В *ПВЛ* он восходит не к Библии (ср.: Быт. 10, 10—12, 19 и 30), а в большей своей части к тексту хроники Амартола (см. с. 58—59).

Солиду — все списки *ПВЛ* приводят это написание; в *Хронике Амартола* — «Еолиду».

Словене — этот этноним добавлен в текст извлечения из *Хроники Амартола* летописцем.

...*часть всякая страны...* — В *Л* «всяческой страны», в *Хронике Амартола* также, вместо — «Асийская страны».

...*до Понетского моря...* — С этих слов начинается описание славянских земель, принадлежащее уже самому летописцу. Греки называли Черное море — Понт Евксинский, то есть «Море гостеприимное».

...*Кавказийския горы, рекше Угорьския...* — Речь идет о Карпатах, которые назывались «Кавказскими горами» в некоторых источниках XI—XII вв.

Стр. 62—64. ...*чудь и вси языць ...либь.* — Чудь — предки эстонцев, пермь и печера — предки коми, меря — племя, обитавшее в районе Ростова Великого, мурома — племя, жившее в районе одноименного города, весь — вепсы, обитавшие между Ладожским и Белым озерами, заволочская чудь обитала за волоками на Северной Двине, в бассейне реки Ваги и ее притоков.

Ямь — предки финнов, угра — предки манси и хантов. Зимигола, корсь и летьгола — балтийские племена, давшие впоследствии названия областям Земгалия и Латгалия (ныне на территории Латвии), курши обитали южнее Рижского залива, ливы — по северному берегу Западной Двины.

Стр. 64. *Пруссы* — литовские племена, населявшие побережье Балтийского моря от Вислы до Немана.

Варяги — скандинавские народы; варягами именовали также наемные дружины.

...до земли Агаряньски... — В Л — «до земль Агнянски», то есть, по предположению, — до Англии.

...до Волошьские... — По предположению В. Д. Королюка, — до Италии.

Готы — жители острова Готланд в Балтийском море.

Галичане — значение этого термина спорно: жители Уэльса? Галлии? Галисии?

...волохове... — В. Д. Королюк полагает, что летописец отличал древних римлян (волохов) от современных жителей Рима, Венеции и Генуи, именуя последних римлянами, виеднками, фрягами (Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 174).

...корлязи... — подданные каролингов?

Симъ же, и Хамъ ...хранимъ останокъ. — Библейский рассказ (Быт. 11, 1—9) дополнен апокрифическими подробностями о разрушении столпа и его размерах. Сходный текст находится в *Хронике Аматтола* (с. 57).

...норци... — норики, жители одноименной римской провинции к югу от Дуная, между Ретией и Паннонией.

Хорутане — предки сербов и словенцев.

Волохомъ бо ...насиляющимъ имъ. — Представления летописца о римлянах, «покоривших дунайские славянские племена и принудивших их начать расселение из прародины», восходит, по мнению В. Д. Королюка, к великоморавской историографической традиции, пытавшейся установить связи славян с первыми апостолами (Королюк. Славяне и восточные романцы. С. 175).

...ляховъ ...поморяне. — Летописец упоминает польские племена: полян, обитавших в Малой Польше, мазовшан, живших между Вислой и Бугом, поморян — на южном побережье Балтики (см. о них: Лециевич Л. Летописные поморяне // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 133—138). Славянское племя лютичей населяло южный берег Балтийского моря между Эльбой и Одером.

Полота — правый приток Западной Двины.

Семь — Сейм, левый приток Десны. Область эта впоследствии именовалась Посемьем и принадлежала черниговским князьям.

Сула — левый приток Днепра.

Северяне — славянское племя.

Стр. 66. ...озеро великое Нево ...море Варяское. — Реку Неву считали протоком, ведущим из озера Нево (Ладожского) в Балтийское море.

Оковский лес — урочище на Валдайской возвышенности.

Море Хвалиское — Каспийское море; хвалисы — жители Хорезма и само государство.

Якоже ркоша, Андрью ...Днѣпру горѣ. — Л. Мюллер обратил внимание на то, что культ апостола Андрея получает распространение на Руси в 80-х гг. XI в. Только в списках Ипатьевской летописи содержится сообщение (в статье 1086 г.) о том, что Всеволод Ярославич заложил церковь апостола Андрея в Киеве; до 1089 г. церковь Андрея воздвигает в Переяславле Южном (Русском) митрополит Ефрем, имя Андрей получает сын Владимира Мономаха, родившийся в 1102 г. (это сообщение есть только в И!). Нет ли основания связывать это внимание редакции ПВЛ, отразившейся в Ипатьевской летописи, к культу апостола Андрея со вставкой и самого эпизода о

путешествии апостола? Л. Мюллер, в частности, полагал, что возможно в каком-то храме апостола Андрея в день его памяти «выступивший с праздничной проповедью высказал предположение, а может быть и говорил, как о достоверном факте, что апостол Андрей ...зашел однажды в ту местность, где позднее был заложен Киев» (Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // *Летописи и хроники*. 1973 г. М., 1974. С. 58). См. также: Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // *Летописи и хроники*. М., 1974. С. 37—47.

...и будутъ назѣи ...еле живы... — В Л этот рассказ читается иначе: «и облѣются квасомъ уснянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьютъ ся сами, и того ся добыють, егда влѣзуть ли живи и облѣются водою студеною, тако ожить» (Ср. ПВЛ. С. 12).

...не мытуе себѣ, а мучене. — В Л смысл противоположный: «мовеные себѣ, а не мучене». На это летописное разноречие стоит обратить внимание при толковании легенды.

Увоз Боричев. — Боричев взвоз соединял центр Киева с Подолом (на берегу Днепра). Он проходил там же, где ныне — Андреевский спуск.

Створиша городокъ ...и наркоша ѿ Киевѣ. — В современной науке существуют различные концепции о времени основания Киева. М. К. Каргер и И. П. Шаскольский относят возникновение города к IX—X вв. По мнению Б. А. Рыбакова, начало Кнева следует связывать с деятельностью полянского князя Кня, княжившего в городке на Днепре, как полагает ученый, в конце V — первой половине VI в. (Рыбаков Б. А. *Город Кия* // *ВИ*, 1980. № 5). М. Ю. Брайчевский историю Киева начинает с поселений, существовавших на месте будущего города на рубеже новой эры (Брайчевский М. Ю. *Коли і як виник Київ*. Київ. 1963). Как указывает П. П. Толочко, «доказана заселенность горы Замковой и Старокиевской уже с конца V — начала VI в.» (Древний Киев. Кнев. 1983. С. 29). По его же мнению, уже в «конце VI—VII вв. Киев являлся административно-политическим центром полянского союза племен» и в дальнейшем «рос и развивался за счет притока населения ...и уже в те времена имел межплеменной характер» (Там же. С. 29, 33). Однако остается неясным, почему этот межплеменной центр с многовековой историей еще в IX в. оставался небольшим по размерам и населению; существенное расширение пределов города и рост его населения начинается лишь при Владимире.

Стр. 68. *...при котором приходи цесари.* — Б. А. Рыбаков полагает, что Кий посетил Византию при императоре Анастасии (491—518 гг.) или Юстиниане (527—565 гг.), так как монеты именно этих императоров были найдены археологами на киевских горах. См. упомянутую выше его статью «Город Кия».

...на Ростовѣ озерѣ ...на Клещинѣ озерѣ... — Речь идет об озерах Неро и Плещеево (в современной Ярославской области).

Си бо угри ...цесаря пѣрскаго. — Византийский император Ираклий в 627 г. одержал победу над персидским царем Хосровом II. Византийская хроника называет в числе союзников императора «угров», видимо тех, кого ПВЛ именует «уграми белыми» (см.: *Хроника Амартола*. С. 434).

Обры — авары. Аварский каганат — объединение различных, по преимуществу тюркских племен — был создан в 60-х гг. VI в. Центром его была Паннония (территория современной Венгрии). Авары притесняли покоренные ими народы, воевали с Византией. В 626 г. аварское войско было разгромлено под стенами Константинополя. В конце VIII в. каганат распался.

Дулебы — славянское племя, входившее в объединение славян-антов. Впоследствии это имя носили племена, обитавшие на Волыни, в Чехии, на Среднем Дунае и в др. районах.

Печенеги — союз тюркских племен. В конце IX в. печенеги заняли Северное Причерноморье от Дуная до Дона и постоянно совершали набеги на пограничные русские княжества.

...угри чернии...— венгры. В IX в. они кочевали в степях Причерноморья между Днепром и Днестром (См.: Перени Й. Угры в «Повести временных лет» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 92—102).

Стр. 70. Хорваты.— Как полагают, здесь упомянуто восточнославянское племя: в прошлом это было «одно из антских племен, и этноним его восходит к периоду славянизации ираноязычного населения в условиях черняховской культуры» (Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 125). «Около 560 г. хорваты подвергались нападению авар, в результате которого значительные части этого праславянского племени переселились в Далмацию» (Там же). Другая часть хорват обитала впоследствии в малой Польше и Приднестровье. Упоминаемые в ПВЛ хорваты заселяли в основном Левобережье Днестра в верхнем его течении.

...уличи, тиверци ...по Днѣпру...— В Л — «улучи и тиверцы съдяху бо по Днѣстру» (ПВЛ. С. 14). Днепр в И, а также в Р и М назван, видимо, ошибочно. Тиверцы (от античного названия Днестра — Тирас) обитали в его бассейне, а уличи, вероятно, и в нижнем Поднепровье, гранича непосредственно с полянами (См.: Седов. Восточные славяне. С. 129—132).

Великая скуфь.— В византийской историографии традиционно использовались восходящие еще к античности этнонимы — названия ранее обитавших на данной территории племен переносились на народы, заселявшие ее впоследствии (см.: Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // *Древнейшие государства*. 1980. М., 1982. С. 42—46).

Глаголеть Георгий в лѣтописьцѣ...— Далее, до слов «прилѣжно въспитаютъ», в ПВЛ обширная выписка из перевода Хроники Георгия Амартола (*Хроника Амартола*. С. 49—50). Текст ПВЛ имеет много искажений, которые частично исправляются по названному переводу.

...върахмане и островичи...— У Амартола — «вактриане», жители Бактрии, государства в Средней Азии, ошибочно отождествлены с рахманами — легендарным народом, будто бы обитавшем на островах блаженных.

Халдеи — семитское племя, обитавшее в южной части Месопотамии.

Стр. 72. Гилии — скифское племя, по античным представлениям обитавшее к юго-западу от Каспийского моря.

Амазонки — легендарный народ женщин-воительниц, о котором рассказывали античные, а затем и средневековые авторы.

И наидоша я козаре...— Хазары — тюркская народность, этнически близкая к протоболгарам. В середине VII в. на территории Дагестана, Прикубанья и приазовских степей возникло государственное образование — Хазарский каганат. В ПВЛ о «хазарской дани» сохранилось лишь полуполюгендарное предание, а также поздние сведения о том, как киевский князь Олег освобождал от уплаты этой дани племена северян и радимичей (см. статьи 884 и 885 г.). Подробнее о русско-хазарских отношениях см.: *Новосельцев. Хазарское государство*. С. 196—231 и др.

Яко и при фараонѣ ...работающе имѣ.— Пересказ библейского текста (Исход. 1, 10) с апокрифическими добавлениями: в Библии не говорится о встрече младенца Моисея с фараоном и о пророчестве египетских вельмож.

В лѣто 6360, индикта 15...— Летоисчисление на Руси после принятия христианства велось «от сотворения мира». Индикт — пятнадцатилетний цикл, применявшийся в византийском летоисчислении.

...наченшю Михаилу цесарьствовати...— Византийский император Михаил III вступил на престол в 842, а не в 852 г.

Стр. 72—74. ...от Адама ...лѣт 542.— В этой хронологической выкладке упоминаются библейские персонажи: первый человек Адам, праотец Авраам, Моисей, возглавивший «исход»

евреев из Египта, а также исторические деятели и события: цари Израильско-Иудейского царства Давид (1004—965 гг. до н. э.) и его сын Соломон (965—928 гг. до н. э.), завоевание Иерусалима Навуходоносором (597 г. до н. э.), Александр Македонский (336—323 гг. до н.э.), римский император Константин Великий (306—337 гг.), Михаил III, византийский император (842—867 гг.). Как видим, расчеты источника (им был, как полагают, «Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) весьма неточны.

Стр. 74. ...до смерти Святополчи лѣт 60.— Святополк Изяславич умер в 1113 г. Следовательно, эта часть *ПВЛ* не могла быть написана ранее этого времени. В *И* ошибочно «Ярополчи» вместо «Святополчи».

Цесарь же крести ...съ болгары.— Принятие христианства болгарским царем Борисом датируется 865—866 гг. Ошибка летописца (858 вместо 866 г.) объясняется, вероятно, следовани-ем за болгарским источником, в котором летоисчисление велось по «александрийской системе», отличавшейся от принятой в Византии и на Руси на 8 лет. См.: Зыков Э. Г. Известия о Болгарии в «Повести временных лет» и их источник. // *ТОДРЛ*. Л., 1969. Т. 24. С. 49.

...на всѣхъ, кривичахъ.— В этом и других случаях переписчики поняли этноним «весь» (вепсы) как местоимение.

...по бѣлѣ и вѣверици...— Это чтение вызывало споры: идет ли речь о «бѣлѣ» и «вѣверице», т. е. о серебряной монете и белчиной шкуре, или же их следует читать «по бѣлѣй вѣверице» — т. е. по зимней шкурке белки. Обоснование первого варианта см.: *Лихачев. Комментарии*. С. 233.

Сице бо звахуть ты варягы ...тако и си.— В науке не прекращаются споры о том, насколько соответствует действительности объяснение летописца, что «русь» — это название одного из скандинавских народов. См., например: Горский А. А. Проблема происхождения названия русь в современной советской историографии // *История СССР*. 1989. № 3. С. 131—136. См. также: Трубочев О. Н. Русь, Россия // *Русская речь*. 1987. № 3. С. 131—134.

И сѣде старѣйший в Ладозѣ Рюрикъ ...въ Изборьскѣ.— В *Л* город, в котором обосновался Рюрик, не назван, в *М* — «седе Новгородѣ». В *И* и в *Р* местом княжения Рюрика названа Ладога. Исследования последних лет позволяют допустить такую последовательность событий: в IX в. варяги (Рюрик) были приглашены в Ладогу (или захватили ее); затем Рюрик перенес свою резиденцию в Городище (так называемое Рюриково городище) — укрепленное славянское поселение на правом берегу Волхова, выше Новгорода по течению. Сам Новгород возник позднее: новгородская крепость («детинец») построена около 1044 г. Княжеская же резиденция была перенесена в начале XI в. на противоположный, правый берег Волхова, на Торговую сторону («Ярославово дворище»), но в XII в. князь вновь перебрался в Городище. Таким образом Новгород как укрепленный городской центр возникает лишь в середине XI в., хотя славянские поселения (особенно на северо-западном берегу озера Ильмень и в междуречьи Волхова и Веряжи) существовали здесь ранее, по крайней мере с середины IX в. (См.: Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 170—205).

Что же касается самого приглашения варяжского князя с дружиной, то оно вполне могло иметь место, но летописец интерпретировал его, исходя из своего стремления узаконить права династии Рюриковичей. В действительности же пришельцы должны были, вероятно, лишь выполнять функции воинов-наемников — оберегать пригласивших их славян от внешних нападений, в том числе и от набегов своих соплеменников. Но затем варягам удалось захватить власть, оттеснив местных старейшин. Однако то, что первые князья династии Рюриковичей этнически были варягами, отнюдь не означает, что варягами и была создана русская государственность: варяжская правящая верхушка приняла уклад жизни славянского населения, его обычаи и верования. Харак-

терно, что варягов и впоследствии продолжают приглашать как воинов-наемников. Утверждение, что Рюрик явился на Русь с двумя братьями, вероятно, легендарно (см. прим. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина в кн.: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 275).

Стр. 76. ...мы сѣдимъ род ихъ... — Исправлено по Л, в И ошибочно «въ городъ ихъ». «Род» — «родичи, потомки». То, что легенда подчеркивает непосредственную связь между Кием и его братьями и киевлянами IX в., как кажется, свидетельствует о том, что в представлении летописца время основания города не отстояло далеко от описываемых событий.

Иде Аскольдъ и Диръ ...Михаила цесаря. — Поход на Византию имел место в 860, а не в 866 г. Кто был его предводителем, не ясно: в Начальном своде в сообщении о походе русичей Аскольд и Дир не упоминаются (*Новг. перв. лет.* С. 105), впервые они называются воеводами в ПВЛ. Не знали имен русских военачальников и византийские историки, хотя само событие упоминается в ряде источников. Русских преданий о походе, видимо, не сохранилось: летописи воспроизводят сообщение *Хроники Амартола* (см. с. 511), Начальный свод — через посредство «Хронографа по великому изложению», составленному на основе *Хроники Амартола* (См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // *ТОДРЛ.* Л., 1976. Т. 30. С. 11—15).

Агаряне — название мусульманских народов. Оно восходит к представлениям о происхождении их от Агари — наложницы библейского праотца Авраама. Сын Агари звался Измаил, отсюда и другое название мусульман — измаилтяне. В данном случае речь идет о войне византийцев с арабами.

Черная река — река Мавропотам, впадающая в Эгейское море.

Эпарх — в данном случае — глава городской администрации.

Суд — залив Золотой Рог, на юго-западном берегу которого расположен Константинополь. Во время войн залив перегораживался массивной цепью, препятствовавшей проникновению вражеских судов.

Фотий — константинопольский патриарх в 858—867 гг. С его именем связывают предание о крещении какой-то части русов; некоторые исследователи без достаточных оснований связывали это крещение с походом Аскольда и Дири (См.: Творогов О. В. Сколько раз Аскольд и Дир ходили на Константинополь? // *Славяноведение.* 1992. № 2. С. 54—59).

...церкви святей Богородици Вѣлахерни ...омочиша. — Церковь находилась в районе Константинополя, примыкавшем к заливу Золотой Рог; раку с ризой Богородицы во время нашествия русичей перенесли в храм святой Софии.

...абые буря с вѣтром вѣста... — В византийской историографии существуют две версии избавления столицы: согласно одной (отразившейся в *Хронике Амартола*), русский флот разметала буря, согласно другой — русичи сняли осаду и ушли неотомщенными (см.: *Сахаров. Дипломатия Древней Руси.* С. 48—59).

Василий I Македонянин — византийский император в 867—886 гг.

Крещена ...земля Болгарская. — См. коммент. к с. 74.

Умѣршу же Рюрикови ...молодѣ велми. — Это сообщение крайне сомнительно. Некоторые источники начинают династию киевских князей непосредственно с Игоря. Если допустить, что Олег был регентом при малолетнем Игоре, то недееспособность последнего растянется на три десятилетия, что трудно объяснимо. Вероятнее всего, что Олег был самостоятельным князем, а наследовавший ему Игорь не был сыном Рюрика.

Любеч — город на Днепре, к северо-западу от Чернигова. Д. С. Лихачев допускает, что сообщение о взятии Любеча Олегом вставлено летописцем задним числом, исходя из упоминания города в договоре Олега с Византией (*Комментарии.* С. 250—251).

Стр. 78. ...за святою Ориною.— Имеется в виду церковь, возведенная при Ярославе Мудром в честь святой покровительницы его жены Ингигерды, получившей на Руси имя Ирины.

И вдаша Олгови по щелягу...— Д. С. Лихачев полагает, что «сбор дани с радимичей и вятичей польской монетой “щелягом“, очевидно, домysel летописца» (Лихачев. Комментарии. С. 254), так как о хождении таких монет у названных племен нет сведений.

Леонъ царствова ...лт 26.— Говорится о византийских императорах: Льве VI (886—912 гг.) и его брате, соправителе и преемнике — Александре (912—913 гг.).

Сѣдяху бо ту преже ...землю Вольтинскую.— В И ошибка: правильное читается в Л, где — «землю словенскую». Летописец хочет сказать, что на землях, где в его время располагалась Венгрия, прежде жили славяне и «волохи», т. е. романизированное население Паннонии. Сведения о последнем могли прийти на Русь как из «венгерской, так и из собственно славянской центрально-европейской среды» (Королюк. Славяне и восточные романцы. С. 183). Исследователь полагает, что помещение статьи под 898 г. может быть связано с итальянским походом венгров 899 г. Появились венгры на Дунае еще в 839 г., а их переселение в Паннонию состоялось не ранее 892 г.

Селунь — Фессалоника — второй по значению после Константинополя город в Византии (на северном побережье Эгейского моря), ныне — Салоники.

Бѣ бо единъ языкъ словѣнскъ...— Как полагают, от этих слов и до конца статьи — извлечение из «Сказания о начале славянской грамоты», одним из источников которого было Житие Мефодия (См.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 80—92).

...пѣрѣе положены...— Чтение ошибочно, следует читать как в Л — «преложены», то есть переведены.

Ростислав — князь Великоморавского государства (846—870 гг.), *Святополк* (870—894 гг.) — его преемник. *Коцел* — князь Блатенского княжества (в районе озера Балатон). Посольство в Византию было послано одним Ростиславом в 863 г.

Стр. 80. ...*Мефедья и Костянтина.*— Константин, в монашестве Кирилл (826/828—869/870) и его брат Мефодий (ок. 815—885) — создатели славянской грамоты и первые переводчики книг Священного писания и богослужебных книг на славянский язык.

Октоих — богослужебная книга, содержащая церковные песнопения. В течение недели они исполнялись в одной тональности, на один «глас»; всего в октоихе таких гласов восемь, отсюда и название книги, которое в переводе с греческого значит «осьмогласник» (такой термин известен в древнерусской книжности).

...по Пилатову писанию, еже на крестѣ Господни написа.— Согласно Евангелию (Лк. 23, 38), надпись на кресте — «Се есть Иисус, царь иудейский» — была воспроизведена по-гречески, по-латыни и по-еврейски.

...папезь римскый...— Римский папа Адриан II (867—872 гг.) в 869 г. издал буллу, согласно которой разрешалось богослужение на славянском языке. Об этом сообщается в 8 главе Жития Мефодия.

Да ся исполнит книжное слово ...церковнаго...— Это фрагмент из Жития Мефодия (главы 8). Входящие в его состав цитаты — свободное переложение из Псалтири (85, 9) и Деян. (2, 4).

...посади 2 попа ...дающему таку благодать...— Извлечение из 15 главы Жития Мефодия.

Стр. 80—82. *Леонъ цесарь ная ...въ Деръстеръ убѣжа.*— Эти события происходили в 893 г. *Симеон* — болгарский царь (893—927 гг.). С его именем связывают расцвет болгарской книжной культуры; для него был переведен и сборник святоотеческой литературы, список с которого известен на Руси как Изборник Святослава 1073 г.

Стр. 82. *Иде Олегъ на Гръкы, Игоря оставивъ Киевѣ.* — Некоторые ученые считают поход 907 г. историографической легендой, ссылаясь на отсутствие сведений о нем в византийских источниках (См. например: Карпозилос А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // *ВВ*. 1988. Т. 49. С. 112—118), но тексты договоров с греками свидетельствуют, что поход все же имел место. Другая проблема состоит в характере соотношения между собой договоров с Византией, включенных в *ПВЛ* под 907 и 911 гг. См. об этом: Сахаров. *Дипломатия Древней Руси*. С. 84—89. Анализ текста договоров см. там же (с. 104—124 и 165—180), а также: Лихачев. *Комментарии*. С. 272—280.

Толковины — по мнению некоторых ученых, это переводчики, толмачи. А. С. Сахаров полагает, что «толковины» — союзники. См.: *Дипломатия Древней Руси*. С. 98—100.

Велика скуфь — см. коммент. к с. 70.

...въстави корабли на колеса. — Иногда это сообщение считают эпическим вымыслом. Однако если Олег действительно перетаскил корабли через узкий перешеек в залив Золотой Рог, то воины могли использовать «колеса» — катки, которыми обычно пользовались при переправе судов через волоки. При попутном ветре распущенные паруса могли, разумеется, оказать помощь волочившим лодки людям.

...святой Дмитрий. — Приписываемое летописцем грекам сравнение Олега с Дмитрием Солунским отражает, думается, популярность этого святого на Руси. В XI в. Дмитрий считался небесным патроном Изяслава Ярославича, существовал Дмитровский монастырь и т. д. В Византии же Дмитрий почитался как покровитель Солуни, и сравнение с ним вождя враждебных русичей весьма странно.

Стр. 84. *Волос (Велес)* — бог скота (домашних животных) и бог богатства.

И повѣсиша щиты своя... — В *Р* — «и повѣси щит свой», то есть речь идет об одном Олеге, что естественней. О древнем обычае (у болгар, норманнов) вешать щит на воротах города в знак примирения см.: Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». Л., 1986. С. 112—113.

Явися звѣзда ...копейнымъ образомъ. — Речь идет о комете Галлея, приближавшейся к Земле в июле 912 г.

Равно другаго свѣщания... — А. Н. Сахаров считает, что смысл этих слов — указание на соответствии текста договора предварительным переговорам о мире (Сахаров. *Дипломатия Древней Руси*. С. 134—146).

Стр. 86. *...от буря, или боронения земнаго боронима...* — Смысл этих слов неясен, перевод отражает одно из возможных толкований.

Стр. 88. *...кому будетъ писалъ ...да наслѣдит е.* — Эта статья свидетельствует, что на Руси существовала практика составления письменных завещаний и, следовательно, были грамотные люди уже в начале X в.

...сѣтворихом Ивановомъ написанием... — Полагают, что речь идет об Иване (Иоанне) — писце или переводчике договора.

...в недѣлю 15... — В *И* ошибка, следует читать как в *Л* — «индикта 15».

Стр. 90. *Паволока* — шелковая ткань, *фофудья* — восточная золототканная материя.

...страсти Господни, вѣнѣць, и гвоздь... — Имеются в виду христианские святыни: гвозди с креста, на котором был распят Христос, и терновый венец. Об их находке Еленой, матерью императора Константина Великого, упоминает паломник Даниил: «...святая Елена налѣзла честный крестъ, гвоздзя, и вѣнець...» (см.: наст. изд., т. 4, с. 40). В «Хождении» Антония (начало XIII в.) также упоминается, что паломник видел в царских палатах «крест честный, венец, губу, гвозди».

Кудесник — финно-угорский шаман. Комментарий к этому преданию см.: Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси*. М., 1988. С. 358—361.

...словеть могила Олгова.— О смерти Олега и о месте его погребения составитель Начального свода имел другие сведения: он считал, что Олег похоронен в Ладогe, а версию о смерти от укуса змеи дает с оговоркой: «Друзини же скажутъ, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре» (*Новг. перв. лет.* С. 109).

...сбывается чародѣйством.— Фрагмент «Якоже бысть во царство ... Не чудеса прельщати» — извлечение из *Хроники Амартола* (см. с. 304—306).

...Аполоня Тянинъ — искаженное написание имени Аполлония Тианского — философа и чародея, жившего во время правления римского императора Домициана (81—96 гг.).

Антиохия — город в северной части современной Сирии на берегу реки Оронт (см. ниже: «при березѣ си Оронтин»). В античности и раннем средневековье Антиохия была одним из крупнейших городов Средиземноморья.

Стр. 92. ...Анастасий Божия города... — «Божьим градом» называли Антиохию; Анастасий — почитаемый в Византии богослов Анастасий Синаит.

...Валамъ, и Саулъ ...сынове Скевави.— Прорицатель Валаам (*Чис.* Гл. 22—24 и 29), первый израильский царь Саул (*1 Цар.* Гл. 9—31), первосвященник Каиафа (*Ио.* Гл. 11 и 18), сыновья первосвященника Скевы (*Деян.* 19, 14). Какого Иуду имеет в виду Амартол — неясно.

И Навходъносоръ ...посредѣ же града откры... — Вавилонский царь Навуходоносор II (605—562 г. до н. э.), согласно библейской книге Даниила (*Дан.*, гл. 2), видел вещий сон, истолкованный ему пророком Даниилом. В *И* текст испорчен, у Амартола: «...послѣжде паку мнозѣхъ сущихъ родъ откры». Соответственно этому тексту и сделан перевод.

Симон — философ-гностик I в. н. э. Он упоминается в апокрифическом «Прении апостола Петра с Симоном волхвом»: Симон, как и Петр, творит чудеса, возносится на воздух, но по молитве Петра, поддерживавшие его духи оказываются бессильны, Симон падает на землю и гибнет.

Менандр — чародей, живший во времена римского императора Траяна (98—117 гг.).

...Костянтинъ, сынъ Леонтовъ, зять Романовъ — Константин VII Багрянородный — византийский император (913—959 гг.); единоличным правителем он стал лишь после смерти своего тестя и соправителя Романа (920—944 гг.).

...деревянѣ заратишася... — В *Л* и *Р* — «затворишася»; судя по управлению («от Игоря») это чтение первично и верно; соответственно сделан и перевод.

В си же времена приде Семеонъ, плѣнѣя Фракшю.— Речь идет о войне болгарского царя Симеона с Византией в 913—917 гг.

Стр. 92—94. Семеонъ же прия градъ ...Ондрѣянем градом.— Эта статья *ПВЛ* — пересказ *Хроники Амартола* (см. С. 545—546). Адрианополь именовался прежде Орестий, по имени Ореста, сына Агамемнона (героя Троянского эпоса). Город был перестроен и укреплен римским императором Адрианом (117—138 гг.).

Стр. 94. Прииде Семеонъ на Цесарьград ...възвратися въсвояси.— Из *Хроники Амартола* (С. 557—559).

Пѣрвое придоша угри ...миръ со угры.— См.: *Хроника Амартола*, с. 556.

Иде Игорьъ на Грѣкы.— Рассказ летописца построен в основном на переводных источниках: византийском *Житии Василия Нового* и *Хронике Амартола* (см. С. 567). Текстуальное сопоставление с ними летописного текста см.: *Лихачев. Комментарии.* С. 284—286. В Начальном своде извлечение из Амартола было полнее: этот текст отразился, например, в Новгородской четвертой летописи (См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // *ТОДРЛ.* Л., 1974. Т. 28. С. 108—113).

Скедия — греческий термин, обозначавший наскоро построенную лодку. Возможно, в его употреблении отразилось пренебрежительное отношение византийцев к «варварам» — русичам.

...и почаша воевати ...пополониша.— Нападению подверглись византийские провинции на северо-западе полуострова Малая Азия и города Никомидия и Гераклея.

...другия же сторожи поставляюще...— Текст испорчен; в переводе Амартола — «аки стража», в греческом тексте — «скопос», слово имеющее значение и «сторож» и «цель».

...Панфиръ деместникъ ...съ фракы...— Упоминаются византийские военачальники: Панфирий — командующий войсками империи, Варда Фока — полководец и командующий флотом Феофан.

...пущати огонь трубами на лодья рускыя.— Византийские корабли были оснащены сифонами, из которых выбрасывалась струей горящая смесь смолы, серы, селитры и нефти.

Петр — болгарский царь (927—969 гг.).

В се же лѣто родися Святославъ у Игоря.— Это сообщение отсутствует в *Л* и *Р*.

Стр. 96. ...при цесари Романъ, и Костянтинъ, и Стефанъ ...— Соправители Романа, его сыновья Константин и Стефан, свергли отца в декабре 944 г. Следовательно, договор был подписан до этого времени.

...Воистовъ Иковъ...— В *Л* — «Воиковъ». Чтение спорно, отождествление с варяжскими именами в данном случае не удастся; возможно чтение — «Воистъ Воиковъ».

Стр. 98. ...князь вашъ ...царству нашему...— При переводе текста договора на русский язык переводчик иногда забывал заменять местоимение «вашъ» (по отношению к русской стороне) на «нашъ» и наоборот. В наст. издании эти ошибки исправляются нами по смыслу.

Стр. 100. *О Корсуньский сторонъ.*— Центром греческой (а с IV в. — византийской) колонии на южном берегу Крыма был город Херсонес (Корсунь), находившийся в границах современного Севастополя.

Кувара — грецизм со значением «морское судно».

...у святого Елеуфѣрья...— Остров святого Еферия обычно отождествлялся с островом Березань, находящемся близ устья Днепра. Недавно выдвинуто предположение, что имеется в виду западная часть Кинбурнского полуострова, ограничивающего с юга Днепровский лиман, которая в древности была островом (Погорелая В. В. Остров св. Эферия // *Древнейшие государства*. 1984. М., 1985. С. 188—198).

Стр. 102—104. ...а хрестыяную русь водиша въ церковь святого Ильи, яже есть надъ Ручьемъ, конць Пасынць бѣды, и козарь: се бо бѣ сборная церква, мнози бо бѣша варязи хрестыяни.— А. А. Шахматов предложил осуществить перестановку слов и конец фразы читать иначе: «...мнози бо бѣша варязи и козарь хрестыяни» (Повесть временных лет. СПб., 1916. С. 61).

Стр. 104. *И приспѣ осень ...большую дань.*— Игорь отправился в полюдье — ежегодный осенний обход князем и его дружиной подвластных племен, где местные князья уже подготавливали для киевского князя собраниую дань. О полюдье упоминает в своем сочинении византийский император Константин Багрянородный (См.: «Об управлении империей» // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 273).

Отроци Свѣдѣлжи...— Отроки — младшая (по положению и в значительной степени по возрасту) дружина князя, его вооруженная охрана и слуги. В данном случае говорится об отроках княжеского воеводы Свенельда (в *И* он именуется Свендел).

Искоростень — столица древлян; ее отождествляют с городом Коростень Житомирской области Украины.

...убиша Игоря...— Византийский историк Лев Диакон сообщает, что Игорь «был взят ...в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (Лев Диакон. История. М., 1988. С. 57). Следует учесть, что пишущий располагал косвенными данными: он назвал древлян — германцами (!!) — и писал спустя сорок лет после гибели Игоря.

...дворъ демесниковъ...— Деместик — руководитель церковного хора.

Стр. 106. *Сустога* — значение этого термина неясно.

А Ольга възвратися...на прокъ ихъ.— Как показали исследователи (См., например: *Лихачев. Комментарии.* С. 297—301; Рыбаков. *Язычество Древней Руси.* С. 365—376), три мести Ольги как бы воспроизводят три элемента языческого погребального обряда: покойника несли в ладье, затем сжигали, во время тризны совершались ритуальные военные игры.

...суну копьемъ ...велми дѣтескъ.— По обычаю бой начинал сам князь. Ребенок Святослав также мечет копье в сторону неприятеля; брошенное детской рукой оно падает в ноги княжеского коня, но ритуал соблюден, и битва начинается.

И побѣдиша деревьяны.— Как установил еще А. А. Шахматов, в Начальном своде после этих слов следует: «И възложи на ня дань тяжку ...» (ср. *Новг. перв. лет.* С. 113). Таким образом, рассказ о четвертой мести Ольги — взятии Искоростеня — появляется только в *ПВЛ*. Он явно разрушает отмеченную выше символическую «триаду».

Стр. 108. *Вышгород* — городок в 15—16 км от Киева, выше по течению Днепра.

Погосты — центры, в которых осуществлялся сбор княжеской дани.

Стр. 110. *Иде Олга въ Грѣки и приде к Цесарюграду.*— В сочинении Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» описан прием Ольги в Константинополе. 9 сентября ее принял император в Магнавре — тронном зале дворца, а затем — императрица Елена. Потом княгиня была приглашена во внутренние покои императрицы, куда явился и Константин с детьми. В честь Ольги был дан обед. Г. Г. Литаврин выдвинул гипотезу, что описанный прием состоялся не в 957 г., как считалось ранее, а в 946 г. Второй раз Ольга, по мнению Литаврина, посетила Константинополь в 954/955 г.; она была принята с большими почестями, так как Византия нуждалась в русской военной помощи. Именно во время этой поездки Ольга крестилась и была наречена «дочерью» императора (Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // *Древнейшие государства.* 1985. М., 1986. С. 49—57). Иную точку зрения высказывает А. В. Назаренко (Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь // *ВВ,* 1989. Т. 50. С. 63—83). По мнению Д. Оболенского (К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. // *Проблемы изучения культурного наследия.* М., 1985. С. 36—47), Ольга крестилась не в Константинополе, а в Киеве после возвращения из Византии.

...якоже съхрани Еноха ...Данила от звѣрий.— Приводятся аналогии из Библии и апокрифов: по апокрифическому преданию праведный Енох был взят живым на небо, Ной спасся от потопа в ковчеге (Быт. Гл. 6—9), ангелы спасли жизнь Лоту (Быт. Гл. 19), герарский царь Авимелех примирился с Авраамом (Быт. Гл. 20), неудачей кончилась попытка царя Саула убить Давида (1 Цар. Гл. 18—19), три отрока, брошенные в горящую печь, остались невредимыми (Дан. Гл. 3), пророка Даниила не тронули голодные львы (Там же. Гл. 6).

...при Соломони приде цесарица ...и зъзнаменя...— О посещении Соломона царицей Савской (Сава — область Эфиопии) рассказывается в Библии (3 Цар. 10, 1—13).

Ищущи бо премудрости обряцют.— Притч. 8, 17.

Премудрость ...по правду.— Там же. 1, 20—22.

Желанье благовѣрныхъ наслаждает душу.— Там же. 13, 19.

Приложиши сердце свое в разумъ.— Там же. 2, 2.

Азъ бо любящая ...обряцють мя.— Там же. 8, 17.

Приходящаго ...не иждену вонъ.— Ио. 6, 37.

Стр. 112. *Невѣрнымъ ...уродъство есть.*— 1 Кор. 1, 18.

Не смыслиша ...въ тмѣ ходящии.— Пс. 81, 5.

Одобѣлша бо сердца ...очима видѣти.— Ис. 6, 10.

Дѣла нечестивых далече от разума. — Притч. 13, 20 (?)

Понеже звахъ вы ...не внимаете. — Там же. 1, 24—25.

Възненавидѣша бо ...моя обличения. — Там же. 1. 29—30.

Аще кто отца ...да умереть. — Лев. 20, 9.

Кажя злыя ...възненавидяють тебе. — Притч. 9, 7—8.

Князю Святославу възрастѣшю ...на вы ити. — Византийский историк Лев Диакон описывает внешность Святослава: «...умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетя золотая серьга, она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой» (Лев Диакон. История. М., 1988. С. 82). Однако комментаторы отмечают, что Лев «возможно, правильно — по рассказам очевидцев — рисует наружность Святослава, но повествование его не вызывает доверия из-за особого пристрастия подражать древним авторам. В данном случае ...описание наружности Святослава напоминает описание Приском Аттилы» (Там же. С. 214).

Стр. 114. Белая Вежа — хазарская крепость Саркел, стены которой были сложены из кирпича. Во время этого похода, более подробные сведения о котором сохранились в восточных источниках, Святослав (по мнению А. П. Новосельцева и вопреки существовавшим ранее представлениям) захватил Белую Вежу и воевал в западных районах Хазарского каганата. Целью его похода было завоевание Тьмуторокани и освобождение от хазарской дани вятичей. В 968—969 гг. был совершен второй поход (быть может без личного участия Святослава), во время которого были разрушены Атиль (в устье Волги) и Самандар (в Дагестане). Именно этот поход и предопределил скорое крушение каганата (Новосельцев. *Хазарское государство*. С. 230—231).

Иде Святославъ на Дунай на Болъгары. — Поход на Дунай в 967 г. был, вероятно, осуществлен с согласия византийского императора Никифора Фоки (963—969 гг.). Но когда обосновавшийся в Перяславце (на Дунае) Святослав добился возобновления уплаты Византией дани, отношение империи к русичам изменилось — весной 970 г. между ними начинается война.

...умьчимъ на сю страну, и люди. — Слов «и люди» в Л и Р нет, вероятно, в И текст испорчен.

Стр. 116. Похваляему правѣдному възвеселятсѣ людье. — Притч. 29, 2.

Прославляюща мя прославлю. — 1 Цар. 2, 30.

В память вѣчную ...не подвижитсѣ. — Пс. 111, 6—8.

Праведници въ вѣки живутъ... покрыть я. — Прем. 5, 15—16.

Стр. 118. ...милостыницѣ Ольжины... — Милостники — наиболее доверенные приближенные, слуги.

...суть бо грѣци мудри... — В Л — «суть бо грѣци льстивы»; это чтение более соответствует смыслу.

И поиде Святославъ, воюя, къ городу... — Святослав, одолев в битве прославленного византийского полководца патрикия Петра (эта битва и описана в ПВЛ), двинулся к Константинополю (он именуется просто «город»), но другой русский отряд был остановлен и разбит под Аркадиополем, в 150 км от столицы, Вардой Склиром. Это поражение и побудило Святослава начать переговоры с византийцами (См.: Сахаров А. Н. *Дипломатия Святослава*. М., 1991. С. 146—150).

Стр. 120. Равно другаго свѣщания... — См. коммент. к стр. 84. Дипломатическую оценку этого договора см.: Сахаров А. Н. *Дипломатия Святослава*. С. 178—198.

Иоанн Цимисхий — византийский император (969—976 гг.). Он был женат на дочери Константина Багрянородного — Феодоре, ее племянники — Василий и Константин, сыновья Романа II, являлись его соправителями.

...съ всякъмъ и великъмъ цесаремъ ... — Исследователи полагают, что «всякъмъ» — описка вместо имени императора, но А. Н. Сахаров считает, что речь идет о намерении заключить с греками как бы «вечный мир» (Дипломатия Святослава. С. 193).

Стр. 122. *...да будем золотъ, якоже золото се...* — В Л «будемъ колоти». Возможно, это не описка, а первоначальное чтение, и речь идет о каком-то ритуальном обряде «прокалывания золота»: ведь, принося клятву, русичи «покладоша оружья своя, и щиты и золото», как говорится в статье 945 г. Так полагал и В. М. Истрин (см. его статью «Договоры русских с греками X века» в Т. 29 ИОРЯС. С. 390).

Слышавше же печенъзи се, заступиша пороги. — Одним из условий договора Святослава с греками было требование, чтобы византийцы гарантировали беспрепятственное возвращение русичей в Киев. Однако печенегии отказались дать византийцам эти гарантии, а византийцы не сообщили об отказе Святославу.

Вручий — Овруч, город на севере современной Житомирской области на Украине.

Стр. 124. *Не хоцю розути Володимера...* — В Л ответ Рогнеды более резкий: «не хоцю розути робиичча» — намек на происхождение княжича от Малуши, ключницы княгини Ольги. Разувание мужа — элемент свадебного обряда.

Дорогожич — урочище между Киевом и Вышгородом.

Ядый хлѣбъ ...на мя лѣсть. — Пс. 40, 10.

Языки своими ...Господи. — Там же. 5, 10—11.

Мужи крови ...дний своих. — Там же. 54, 24. Следует «крови и лъсти».

Стр. 126. *Рось* — правый приток Днепра, впадающий в него южнее Киева. По реке проходила граница русских княжеств со Степью.

...Перуна деревяна ...Мокошь. — В 1975 г. украинские археологи обнаружили на Старокиевской горе постаменты языческих идолов: Перуна (бога грозы, покровителя князей и дружины), Хорса (божества солнца и светила), Даждьбога (божества света и подателя благ), Мокоши (богини земли и плодородия). Изображение Семаргла — крылатого пса, божества семян, ростков и корней, охранителя посевов, могло представлять собой, как предполагает Б. А. Рыбаков, рельеф при идоле Мокоши. (См.: Рыбаков. Язычество Древней Руси. С. 412—445.)

Стр. 128. *...женъ 700, а наложьнищ 300.* — Об этом говорится в Библии: 3 Цар. 11, 3.

Велий бо Господь ...нѣсть числа! — Пс. 146, 5.

Не внимати злѣ женѣ ...неблагоразумна. — Притч. 5, 3—6.

Дражъши естъ ...въ вратѣхъ мужа ея. — Там же. 31, 10—29, 31—32.

Стр. 130. *...Перемышль, Червенъ...* — Перемышль — город на реке Сан, ныне Пшемсль в Польше, Червен — город в междуречье рек Вепш и Западный Буг. Древняя Червенская земля — ныне приграничный район Польши к югу от города Хелм.

Ятвяги — древнепрусское племя, обитавшее между реками Неман и Нарев (к северо-западу от города Гродно).

И нареку не люди моя люди моя... — Ос. 2, 23.

Во всю землю ...глаголи ихъ. — Пс. 18, 5.

Стр. 132. *Пищанъ* (Пещана) — правый приток реки Сож, впадающий в нее близ устья реки Прони (около города Славгород).

Иде Володимеръ на Болгары ...И тако побѣди болгары. — На каких болгар — волжских или дунайских — ходил Владимир? «Память и похвала Владимиру» упоминает в этом случае

«серебряных», т. е. волжских болгар. А. П. Новосельцев высказывает осторожное предположение, что речь могла идти о приазовских (черных) болгарях (*Хазарское государство*. С. 227).

Придоша болгаре вѣры бохъмичи...— В 922 г. хан города Булгара Альмас начал объединять болгарские племена и для упрочения своей власти принял ислам. Славяне называли Мухаммеда — Бохмит.

Аще кто пьетъ ...славу Божию...— 1 Кор. 10, 31.

...жидове козарьстии...— В Хазарии существовали колонии этнических евреев — купцов и ремесленников, а с последней четверти VIII в. правящая верхушка каганата исповедовала иудаизм. Однако среди других религий, приверженцы которых жили в Хазарии (ислам, христианство, языческие культы), иудаизм, по сведениям арабских авторов, занимал более чем скромное место (*Новосельцев. Хазарское государство*. С. 144—154).

...предана бысть земля наша хрестьяномъ.— Эти слова указывают на позднее происхождение фрагмента: христианское Иерусалимское королевство возникло на территории Палестины лишь в 1099 г.

Стр. 134. *...уподобльшеся Содому и Гомору ...погрязоша...*— Об уничтожении небесным огнем этих городов, жители которых погрязли в грехах, говорится в Библии (Быт. 19, 24—25).

Се есть тѣло мое ...новаго завѣта.— Компильции с использованием цитат из 1 Кор. 11, 24—25 и Мф. 26, 28.

И нача философъ глаголати сице...— Далее следует так называемая «Речь философа» — краткое изложение Священной истории, с которым будто бы обратился к Владимиру греческий миссионер. «Речь философа» считали составленной в Болгарии (А. А. Шахматов, А. С. Львов), в западославянских землях (Н. К. Никольский), на Руси (Д. С. Лихачев). Последняя точка зрения подтверждается большим числом текстуальных параллелей в «Речи» и других компилятивных сочинениях, созданных на Руси. В «Речи философа» много апокрифических сюжетов, некоторые из них отмечаются далее в комментариях.

...поль ихъ възиде ...под твердь.— Согласно Библии, землю покрывает куполообразная «твердь» (небосвод), а первообразные воды частью остались на земле в виде морей и озер, а частью были возведены над твердь.

Стр. 136. *Въ б день ...человѣка.*— В И текст испорчен; в Л, как и в Библии (Быт. 1, 25), говорится: «В 6-й же день створи Богъ звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человекъ».

Еда азъ стражъ есмь брату моему? — Цитата из Библии (Быт. 3, 9), однако упоминания о том, как Сатана учил Каина способу убийства, о тридцатилетнем оплакивании Авеля, о том, как птенцы подсказали, как похоронить убитого, а также сведения о детях Адама — апокрифические мотивы.

Стр. 138. *Неврод.*— Это имя отсутствует в библейском рассказе о Вавилонской башне (Быт. 11, 3—8), нет в нем и указания на число языков, нет слов о том, что Евер сохранил язык Адама — все это апокрифические мотивы.

Се же Серухъ ...Арана.— Согласно Библии (Быт. 11, 22—26), у Серуха был сын Нахор, внук Фарра и правнуки — Аврам (Авраам), Нахор и Аран. Рассказ о протесте Авраама против деятельности отца, изготовлявшего идолов, и о гибели Арана — апокрифический.

Стр. 140. *Моисий же ...попра ѿ.*— Сюжет о поступке младенца Моисея апокрифический.

Стр. 144. *Изъ щрева прежде деньница родихъ тя.*— Пс. 109, 3.

При семъ раздѣлися царство ...в Самарии.— После смерти Соломона (ок. 928 г. до н. э.) Израильско-Иудейское государство распалось: Израиль (с центром в Самарии) просуществовал до 722 г. до н. э., когда он был завоеван ассирийским царем Саргоном II; Иудея (с центром в Иерусалиме) была завоевана вавилонским царем Навуходоносором II в 586 г. до н. э.

...Валу ...еже есть Арей...— Ваал — божество древних семитов. Однако Ваал не был богом войны, и сближение его с Ареем (богом войны у греков) ошибочно.

Преставлю царство ...блудяще въ языцѣхъ.— Ос. 1, 4 и 6; 9, 17.

Аще станеть Самуиль ...не помилую ихъ... Тако глаголетъ Господь ...въ устѣхъ иудѣйскихъ.— Иер. 15, 1; 44, 26.

Тако глаголетъ Господь ...помилувати пакы.— Иез. 5, 8, 10—11.

Уже нѣсть ми хотѣнья ...въ вся языки.— Мал. 1, 10—11; 2, 9.

Тако глаголетъ Господь ...не приведу тя... Възненавидѣхъ праздники ...не приемлю.— Ис. 1, 24—25; 1, 14.

Слышите слово ...не приложи въстати.— Ам. 5, 1—2.

Тако глаголетъ Господь... не будетъ въ вас.— Мал. 2, 2.

Стр. 146. *Законъ от мене ...страны уповают.*— Ис. 51, 4—5.

Тако глаголетъ Господь ...будутъ мнѣ въ люди.— Иер. 31, 31—33.

Ветхая мимоидоша ...пѣсь нову. Работающимъ ми ...имя всей земли. Дождь мой ...по всѣмъ языкомъ.— Ис., 42, 9—10; 65, 15—16; 56, 7.

Открыеть Господь ...Бога нашего.— Там же. 52, 10.

Хвалите Господа ...вси людье.— Пс. 116, 1.

Рече Господь Господеву ...ногама твоима.— Там же. 109, 17

Рече Господь ...родих тя.— Там же. 2, 7.

Не соль, ни вѣстьникъ ...спасеть ны.— Ис. 63, 9.

Яко дѣтище родися ...нѣсть конца.— Там же. 9, 6—7.

Се въ утробѣ дѣвая ...имя ему Еммануиль.— Там же. 7, 14.

Ты, Вифлеоме, доже ...на сыны Израилевы.— Мих. 5, 2—3.

Се Богъ наш ...съ чловѣкы поживе.— Вар. 3, 36—38. Иеремия назван в тексте ошибочно.

Чловѣкъ есть ...яко чловѣкъ же умираеть.— Иер. 17, 9.

Не послушаша ...глаголетъ Господь.— Зах. 7, 13.

Тако глаголетъ Господь: Плоть моя от нихъ.— Ос. 9, 12.

О люте души ихъ ...Свяжемъ праведника.— Ис. 3, 9—10.

Азъ не супротивлюся ...от студа заплеваниа.— Там же. 50, 5—6.

Придите, вложим древо ...животъ его.— Иер. 11, 19.

Узрите жизнь ...очима вашима.— Вт. 28, 66.

Въскую шаташася языци.— Пс. 2, 1.

Стр. 146—148. *Яко овъча ...веденъ бысть.*— Ис. 53, 7.

Стр. 148. *Въстани, Боже, суди ...въ всѣхъ странах.*— Пс. 81, 8.

Да въскреснетъ Богъ ...врази его.— Там же. 67, 22.

Въскресни, Господи ...рука твоя.— Там же. 9, 33.

Сходящи въ страну ...свѣтъ восияеть на вы.— Ис. 9, 2.

Ты въ крови завета ...не имуци воды.— Зах. 9, 11.

...но архиерѣи обладаху ...иже облада ими.— После правления в Иудее Маккавеев (с 152 до 37 г. до н. э.) римляне передали власть Ироду, отличавшемуся исключительной жестокостью. Именно этим, возможно, объясняется тот факт, что с Иродом, умершим в 4 г. до н. э., христианское предание связывает «избиение младенцев» в канун рождества Христа.

Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!— Лк. 1, 28.

Иван — Иоанн Предтеча — проповедник, предвещавший явление Христа и крестивший Иисуса в водах Иордана.

Се есть сынъ мой възлюбленный, о немъже благоизволих. — Лк., 3, 22.

Стр. 150. *Пилат* — римский наместник в Иудее в 26—36 гг.

...мѣсто кранево... — От греч. «кранион» — череп. Название дано холму в окрестностях древнего Иерусалима по сходству его очертаний с черепом (отсюда же термин — «лобное место», как место казни). Тот же холм именуется Голгофой.

...първѣе... — С этого места до слов «слышати нх» (с. 152) текст приводится по X, а от слов «да аще кто» и до слов «мужи добры» по Л. В И утрачен лист.

Стр. 154. *Василий и Константин* — императоры-соправители, сыновья Романа II: Василий II Болгаробойца (976—1025 гг.) и Константин VIII (976—1028 гг.).

...иде Володимеръ с вои ...затворишася корсуняни въ градѣ. — До сих пор не прекращаются споры о дате похода Владимира на Корсунь (Херсонес) и причинах, этот поход вызвавших. Так, по версии О. М. Рапова, события развивались следующим образом. В 987 г. византийский полководец Варда Фока поднял мятеж. Императоры Василий и Константин обратились за военной помощью к Владимиру, со своей стороны пообещав отдать за него свою сестру Анну, при условии, что Владимир примет крещение. Разгромив с помощью шеститысячного русского корпуса своего противника под Хрисополем, императоры не спешили исполнить свое обещание и прислать на Русь Анну. Именно тогда Владимир и осадил Корсунь. Поэтому крещение самого Владимира (тайное) произошло в 988 г., перед предполагаемым приездом Анны, а крещение киевлян состоялось уже после возвращения Владимира из корсунского похода — в 990 г. (Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988). Польский историк А. Поппе выдвинул версию, что осада Корсуни была актом в поддержку императоров, так как город был захвачен мятежниками (О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь 988—989 гг. // Вестник МГУ. 1978. Серия 8. № 2).

Стр. 156. *...яко в поганья...* — Выражение бессмысленное; вероятно, более правильное чтение сохранено в Л: «Яко в полонъ, рече, иду...».

...въ церкви святое Софьи... — В Л — «крести же ся въ церкви святого Василья» (ПВЛ. С. 77). Отметим, что в ПВЛ упоминается и киевская церковь святого Василия, поставленная на месте языческого капища (С. 56). Но Б. А. Рыбаков считает, что фраза в статье 980 г. — «на томъ холмѣ нынѣ церкы есть святого Василья, якоже послѣдъ скажемъ» — «носит явно вставной характер» (Язычество Древней Руси. С. 426). Во всяком случае летописец к упоминанию этой церкви не возвратился, как обещал. Если вспомнить еще версию о крещении Владимира в городе Василеве, то окажется, что с именем святого (небесного патрона Владимира) связан ряд неясных упоминаний (См. также: Лихачев. *Комментарии*. С. 338).

Стр. 156—158. *...подобосущенъ и присносущенъ.* — Отмечалось, что выражение «подобосущенъ» вместо «единосущенъ» носит еретический, арианский характер; возможно, это объясняется и неверным переводом (См.: Лихачев. *Комментарии*. С. 340).

Стр. 158. *Вѣруй же семи сборъ святыхъ отецъ...* — Далее упоминаются семь вселенских церковных соборов, на которых вырабатывались ортодоксальные догматы христианства. Соборы происходили в 325 г. (Никейский), в 381 г. (Константинопольский), в 431 г. (в Эфесе), в 451 г. (в Халкидоне), в 553 г. и в 680 г. (в Константинополе), в 787 г. (в Никее), в 869—870 гг. (в Константинополе).

Якоже глаголетъ Василѣй ...приходить. — Изречение византийского богослова Василия Великого включено в летопись через посредство болгарского перевода Богословия Иоанна Дамаскина. См.: Лихачев. *Комментарии*. С. 341.

Стр. 160. *Петр Гугнивий* — символический образ папы-отступника.

...мощи святого Климента... — Святой Климент умер в ссылке в Крыму, чем и объясняется нахождение его мощей в Херсонесе. Мощи были перенесены в киевскую Десятинную цер-

ковь; культ Климента получил распространение на Руси. См.: Бегунов Ю. К. Русское слово о чуде Климента Римского и Кирилло-Мефодиевская традиция // *Slavia. Praha*. 1974. Roč. 43, seš 1 S. 28—46.

Велий еси, Господи, чудная дѣла твоя! — Компляция из Псалтыри (144, 3 и 5).

Стр. 162. *Наутрѣ же изиде Володимѣръ ...бе-щисла людий.* — По гипотезе О. М. Рапова, крещение киевлян произошло 1 августа 990 г. См. коммент. к с. 154.

Вь оны дни услышать ...языкъ гугнивыхъ. — Ис. 29, 18.

Помилую, егоже хоцю. — Исх. 33, 19.

Паки банею бытия и обновленемь духа. — Тит. 3, 5.

Стр. 162—164. *Велий бо еси ...дѣла твоя.* — Пс. 144, 3—5.

Стр. 164. *Придете, възрадуемься ...исповѣданемь.* — Там же. 94, 1—2.

Исповѣдающеся ему, яко благъ ...от врагъ нашихъ. — Там же. 135, 1 и 24.

Воспойте Господеви ...хваленъ зѣло. — Там же. 95, 1—4.

И величью его нѣсть конца. — Там же. 144, 3.

Яко радость бываетъ ...грѣшницѣ кающемься. — Лк. 15, 7.

Въскроплю на вы воду ...грѣхъ вашихъ. — Иез. 36, 25.

Кто яко Богъ ...грѣхы наша въ глубинѣ. — Мих. 7, 18—19.

Братья, елико насъ ...житья поидемь. — Рим. 6, 3—4.

Ветхая мимоидоша, и се быша нова. — 2 Кор. 5, 17.

Нынѣ приближися ...день приближися. — Рим. 13, 11—12.

Им же привѣдение обрѣтохомъ ...и стоимъ. — Там же. 5, 2.

Нынѣ же свободившеся ...въ священне. — Там. 6, 22.

Работайте Господеви ...с трепетомъ. — Пс. 2, 11.

Благословенъ Господь ...избавлени быхомъ. — Там же. 123, 6—7.

И погыбе память ...въ вѣкы прѣбываетъ. — Там же. 9, 7—8.

И нача ставити города ...по Стугнѣ. — Упоминаются пограничные со Степью реки: Осетр — левый приток Десны, Трубеж и Сула — левые притоки Днепра, Стугна — правый приток Днепра.

Стр. 166. *...церковь святая Богородица* — Десятинная церковь, была княжеской церковью, она «должна была стать русской преемницей древнего и священного Корсуня—Херсонеса ...в нее были перенесены мощи Климента Римского»; а также «иконы, книги и другая утварь»; «не менее важной должна была стать экономическая деятельность новой церкви», которой передавалась десятина — десятая часть княжеских доходов. См.: *Щапов. Государство и церковь*. С. 28—32. О десятине см. там же. С. 85—87.

Белгород — город на реке Ирпень в 30 км к западу от древнего Киева (ныне — село Белгородка).

...на Хорваты. — Куда именно был направлен поход Владимира, не ясно. Д. С. Лихачев отметил, что, возможно, этот поход вспоминали в XIII в.: «инный бо князь не входилъ бѣ въ землю Лядску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестилъ» (так говорится о рейде вглубь территории Польши князя Даниила Романовича в статье 1229 г. Ипатьевской летописи. См.: *Лихачев. Комментарии*. С. 346—347).

Стр. 166—168. *...нарче и Переяславль, зане перея славу отрокъ.* — Однако Переяславль упоминается еще в договоре Олега с Византией. Следовательно, либо легенда была лишь позднее соотнесена с именем Владимира (См. *Лихачев. Комментарии*. С. 347), либо приурочена к возведению в Переяславле новых укреплений.

Стр. 168. *Призри с небеси ...десница твоя.* — Пс. 80, 15—16.

Василев — город на реке Стугне в 35 км южнее Киева. Ныне — Васильков.

И празнова князь ...на Успение святыя Богородица...— Д. С. Лихачев, отметив, что «спасение» Владимира от печенегов и закладка церкви произошли в один и тот же день — 6 августа, пишет: «Ясно, что оба события не могли относиться к одному дню. Поэтому, очевидно, поражение Владимира в Васильеве и построение им церкви Преображения относятся к разным годам (возможно, что Владимир освятил церковь ровно через год — в годовщину своего спасения)» (*Лихачев. Комментарий*. С. 349).

Блаженни милостивии ...помиловани будуть.— Мф. 5, 7.

Продайте имѣнія ваша и дайте нищимъ.— Лк. 12, 33.

Не <...> скрываете ...ни татье крадутъ.— Мф. 6, 19—20.

Блажь мужъ милуя и дая.— Пс. 111, 5.

Дая нищимъ, Богу в заемъ дасть.— Притч. 19, 17.

Куна — мелкая денежная единица, равная в X—XI в. 1/25 гривны.

...возити по градомъ...— Текст испорчен. Перевод сделан по *Л*, где читается «возити по граду».

Стр. 170. *...и гридѣмъ, и соцькимъ, и десятникомъ...*— В *Л* — «десяцкимъ». Гриди — члены младшей дружины, сотские и десятские — знатные горожане, выполнявшие административные функции.

...с Болеславомъ ...Ондроникомъ Чысьскимъ.— Названы польский король Болеслав I Храбрый (992—1025 гг.), венгерский король Стефан (Иштван) (997—1038 гг.) и чешский князь Андрих (Олдржих) (1012—1034 гг.). Имя последнего искажено в *И*, в *Л* — «Андрихомъ». То, что назван именно Андрих, а не его предшественник — Яромир (1003, затем 1004—1012 гг.), говорит о том, что статья рассматривает международные связи Владимира ретроспективно.

Стр. 172. *...мужи въ градѣ* — явная описка. Первичное чтение, вероятно, сохранено Софийской первой летописью: «мужи въ родехъ».

Малфрид — по предложению А. А. Шахматова, речь идет о матери Владимира — Малуше. Но это отождествление представляется спорным (см.: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 225).

Стр. 172—174. *Умре же Володимиръ ...в Киевѣ.*— Из текста *ПВЛ* не ясно, почему приближенные Владимира опасаются Святополка. Но из хронки Титмара Мерзебургского выясняется, что Святополк, женатый на дочери польского короля Болеслава, вынашивал планы заговора против отца. Тот, узнав об этом, заточил Святополка и его жену в темницу, но, по свидетельству летописи, к моменту смерти Владимира Святополк оказался на свободе (См.: *Латинские источники*. С. 66—67, 80—83).

Стр. 174. *И ночью же межѣ клѣтми проймавъше помостъ ...и везоша...*— Вынос тела через разобранную крышу и перевозка покойника на санях (в любое время года) — элементы древнерусского похоронного обряда.

Се есть новы Костянтинъ ...подобно ему.— Владимир уподобляется Константину Великому, провозгласившему христианство государственной религией в Римской империи.

Идеже умножися грѣхъ ...благодать.— Рим. 5, 20.

В нем ты застану, в том ти и сужю.— Изречение сходно с Прем. 11, 17. Обширный фрагмент от слов «Аще бо прѣже в невѣжествѣ...» и до слов «...въ память предѣ Богомъ» отсутствует в *Л* и *Р*.

Живѣ азъ, Аданай ...от пути своего злаго.— Иез. 33, 11.

Праведный не возможе ...доже Израилевѣ!— Там же. 33, 12—16 и 20.

Милостыни бо хоцю, а не жерьтвѣ.— Мф. 9, 13.

Молитвы твоя ...предъ Богомь. — Деян. 10, 31. Отсюда возобновляется параллельный текст *Л* и *Р*.

Стр. 176. *Умершу правѣдному, не погибнетъ упованье.* — Притч. 11, 7.

Скоры суть бес правды ...душо емлютъ. — Притч. 1, 16—19.

Господи! Что ся умножиша ...на мя мнози. — Пс. 3, 2.

Яко стрѣлы твоя ...предо мною есть. — Там же. 37, 3 и 18.

Господи! Услыши молитву ...душою мою. — Там же. 142, 1—3.

Ексапсалмы — шесть псалмов, читающихся во время определенных служб в церкви.

Обыдоша мя ...избави мя. — Пс. 21, 13 и 17; 7, 2.

Стр. 178. *Рече бо ...азъ иду.* — Эта фраза, отсутствующая в *Л* и *Р*, читается в Чтении о Борисе и Глебе Нестора в текстуально сходном с летописью фрагменте. Она восходит к *Хронике Амартола* (С. 92). Ахав — нечестивый израильский царь (3 Цар. Гл. 16—22).

Аще воистину убо ...змишу. — Этот фрагмент также отсутствует в *Л* и *Р*. Он восходит к Псалтыри (37, 2—5).

...на Смядинѣ в корабли. — Смядынь — приток Днепра в окрестностях Смоленска. В мае 1991 г. на предполагаемом месте убийства Глеба была заложена и освящена памятная стелла.

Стр. 180. *Се коль добро ...братома вкупѣ!* — Пс. 132, 1.

Възвратишася грѣшници въ адъ. — Там же. 9, 18.

Оружье извѣлѣкоша грѣшници ...погибнуть. — Там же. 36, 14—15, 20.

Что ся хвалиши о злобѣ ...живущихъ. — Там же. 51, 3—7.

Азъ вашей погибели ...насытяться. — Притч. 1, 26 и 31. Эта цитата отсутствует в *Л* и *Р*.

Стр. 182. *Дасть Богъ власть ...дасть.* — Дан. 5, 21.

Стр. 182—184. *Согрѣшиши от главы ...до простыхъ людей.* — Толкование на Ис. 6 6.

Стр. 184. *Лютѣ бо граду ...князь унѣ.* — Еккл. 10, 10.

Отъиметь Господь ...обладающа ими. — Ис. 3, 1—4.

Ракома — княжеское село к югу от Новгорода.

Уже мнѣ сихъ не кръсити. — Как полагает Д. С. Лихачев (*Комментарии*. С. 361), это речевая формула, знаменующая отказ от родовой мести.

...варягъ тысяцю, а прочихъ вой 40 тысяць... — В *Новг. перв. лет.* иначе: «варягъ бяшесть тысяща, а новгородцовъ 3000» (С. 175).

Стр. 186. *Бѣ же тогда Ярославъ лѣт 28.* — Цифра 28 читается в *Х*, читалась и в *И*, но затем исправлена на «18». В *Л*: «И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣт 28». Оба эти расчета ошибочны: в 1016 г. Ярославу было 38 лет, а в Новгороде он княжил лишь с 1100 г.

...и погорѣша церкви. — Во время этого пожара, как полагает Я. Н. Шапов (*Государство и церковь*. С. 24—25), вероятно, сгорела и деревянная церковь святой Софии. Новая, также деревянная, церковь была возведена в 1018 г. Титмар Мерзебургский сообщает, что в 1018 г. киевский архиепископ (митрополит), принимая польского короля Болеслава, «почтил пришедших в соборе святой Софии, который в прошлом году, к сожалению, сгорел» (*Латиноязычные источники*. С. 68—69, 93—94).

И приде Волюню ...рѣкы Буга. — Волюнь — город на реке Западный Буг западнее Владимира Волинского.

Болеслав же вниде в Киевѣ съ Святополкомъ. — В Софийской первой летописи сообщается, что Болеслав обесчестил сестру Ярослава — Предславу. Этот факт подтверждает и Титмар Мерзебургский (*Латиноязычные источники*. С. 69, 94—95).

...по осмидесять гривенъ. — Так же читается в *Р*; в *Л*, Новгородской четвертой и Воскресенской летописях — «по 18 гривенъ».

...възма имѣние и бояры Ярославъ и сестрѣ его...— Титмар сообщает, что в Киеве Болеславу «была показана неописуемо богатая казна, большая часть которой была роздана Болеславом своим союзникам и сторонникам, а другая часть отправляется на родину». Подтверждает Титмар и пленение Болеславом мачехи Ярослава (новой жены Владимира) и его сестер (*Латиноязычные источники*. С. 69).

Альта — приток реки Трубеж (к юго-востоку от Киева).

Стр. 188. *Его же и по правдѣ ...немилостивно въгна.*— Цитата из *Хроники Амартола* (С. 215—216): говорится о болезни царя Иудеи Ирода Агриппы, тело которого покрылось зловонными язвами.

Рече бо Ламехъ ...своихъ се.— Быт. 4, 23—24.

...новы Авимелех ...тако и съ бысть.— Святополк сравнивается с библейским персонажем — Авимелехом, незаконнорожденным сыном Гедеона, после смерти отца убившим 70 своих братьев (Суд. 9, 5).

Судомирь — река, приток реки Шелонь.

Стр. 190. ...избиваху старую чадь ...держать гобино.— Представляется верным толкование этого эпизода И. Я. Фрояновым: речь идет не о социальных волнениях, как обычно понимается этот сюжет, а об «языческих ритуальных убийствах старейшин-вождей, обвиненных в пагубном влиянии на урожай» (Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // *Духовная культура славянских народов*: Литература. Фольклор. История. Л., 1983. С. 34). Аналогичная ситуация описана и в статье 1071 г.

...Акунъ съ лѣпъ...— Исследователи полагают, что речь идет не о слепом воеводе (если читать: «сълѣпъ»), а о «лѣпом», т. е. красивом. Ошибочное понимание текста отразилось в Киево-Печерском патерике, где упоминается брат «Якуна Слепаго» (См.: *Лихачев. Комментарии*. С. 371).

Листвен — урочище к северу от Чернигова.

...родися у Ярослава другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.— Летописец считает Изяслава вторым по старшинству (после Владимира, родившегося в 1020 г.). Но в перечне князей в *Новг. перв. лет.* говорится: «Родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новгородъ, и умре» (с. 161). Судя по контексту, Илья мог княжить между 1019 и 1036 гг. Однако в перечне сыновей Ярослава в статье «Родословие тѣх же князей», предшествующей основному тексту, Илья не упомянут.

Стр. 192. *Белз* — город на Волыни (на севере Львовской области Украины).

Юрвев — ныне г. Тарту (Эстония).

...бысть мятежъ великъ ...мятежъ въ нихъ.— Летописец ошибается: Болеслав I умер в 1025 г., а мятеж произошел в 1030 г. (*Лихачев. Комментарии*. С. 373). По мнению В. Д. Королука, здесь имеется в виду мятеж в конце правления Болеслава Забытого — в 1037—1038 гг. (Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 282).

Жидята — Лука Жидята (сокращение от имени Жидислав) — новгородский епископ (ум. 1059—1060 гг.). До нас дошло его «Поучение к братии».

Заложы Ярославъ городъ великий ...святыя Орины.— При Ярославе территория Киева, окруженная защитными сооружениями, расширяется в восемь раз, сравнительно с «городом Владимира», возводятся «Золотые врата» с надвратной церковью Благовещения, создаются княжеские монастыри — Георгиевский (Георгий — крестильное имя Ярослава) и Ирининский (Ирина—Ингигерда — жена Ярослава), строится знаменитый Софийский собор. Но среди исследователей не прекращаются споры: подводит ли статья 1037 г. итоги строительной деятельности Ярослава или же, напротив, оценивает ее, забегая вперед. В частности, есть сторонники мнения, что Ярослав в 1037 г. осуществил закладку Софийского собора (как сказано в *ЛВЛ*), и есть суждения,

что собор был к этому времени уже возведен (См., например: Логвин Г. Н. К истории сооружения Софийского собора в Киеве // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1977. С. 169—174; Кочев А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987. С. 178—181).

Стр. 194. *И собра писцѣ многы ...языкъ и писмо.*— Действительно, к середине XI в. древнерусские книжники располагали переводами византийских хроник, житий, памятников гимнографии, торжественного и учительного красноречия и т. д.

Азъ, премудрость ...обряцують.— Притч. 8, 12—13, 14—17.

Священа бысть церкви ...митрополитомъ Феопентомъ.— Почему Десятинная церковь (если речь идет о ней) освящена так поздно (о ее освящении говорится уже в 996 г.)? Полагают, что это повторное освящение после ее перестройки. Д. С. Лихачев допускал, что речь идет об освящении Софийского собора (Комментарии. С. 989), но тогда ошибка двойная: собор не был заложен при Владимире.

Мазовшане — жители Мазовии, северо-восточной области Польши (ныне с центром в г. Плоцке). Поход был осуществлен по просьбе короля Казимира, обеспокоенного отложением мазовского князя Мстислава.

Стр. 196. *Ямь (емь)* — одно из племен — предков финского народа.

...воеводство поручи Вышата, отцю Яневу.— А. А. Шахматов считал, что киевский воевода Вышата, сын новгородского посадника Остромира (по заказу которого было переписано в 1056—1057 гг. Евангелие — древнейшая из сохранившихся русских рукописных книг), был информатором летописца Никона, от которого последний узнал ряд новгородских преданий. Вышата, по мнению Шахматова, рассказал летописцу и о подробностях похода 1043 г.

Константин Мономах — византийский император (1042—1055 гг.).

...създавшися в корабль своѣ.— Эта фраза не ясна по смыслу. Попытку ее истолкования см.: Поппе А. К чтению одного места в Повести временных лет // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24, с. 54—57.

В сии же времена выдасть ...побѣдивъ Ярослава.— Казимир I Пяст, возвратившийся в Польшу из Венгрии, был заинтересован в союзе с Русью для совместной борьбы с Мазовией и Литвой. Союз был скреплен браком Казимира с Марией Добронегой. Однако о дате возвращения Казимира и дате его брака с Марией существуют разные мнения: возможно, брак был заключен еще в 1039 г. (См.: Корольюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 305—307).

...въ церкви святыхъ Богородица в Володимѣри.— В Л слов «в Володимѣри» нет. Речь идет, вероятно, о церкви Богородицы Десятинной в Киеве. Вероятно, кто-то из переписчиков ПВЛ добавил «Володимери» в значении притяжательного прилагательного (построенной Владимиром), в дальнейшем это слово было принято за название города.

...егоже роди мати от волхвования.— Скорее всего речь идет о том, что мать Всеслава прибегла к помощи знахарей либо при тяжелых родах, либо желая избавиться от бесплодия. Устойчивое представление, по которому рождение Всеслава «от волхвования» свидетельствует об его причастности чародейству (Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 454), думается, не имеет достаточных оснований и возникло в результате толкования «Слова о полку Игореве». Что значит далее слово «язвено» — не ясно.

Преставися ...февраля въ 10.— Речь идет о жене Ярослава — Ингигерде (Ирине), дочери шведского короля Олафа.

Постави Ярославъ Лариона ...собравъ епископы.— Впервые на Руси митрополитом стал не грек, а русский — Иларион, бывший до этого священником церкви в княжеском селе Берестове. Иларион был выдающимся проповедником и богословом, автором знаменитого церковно-политического трактата — «Слова о Законе и Благодати».

Стр. 198: *человѣкъ, имень мирскимь...*— Возможно, здесь пропущено мирское имя Антония.

Святая Гора — Афон. Афонские монастыри располагались на восточном мысе Халкидонского полуострова (в северной части Эгейского моря). С начала XI в. на Афоне существовал и русский монастырь.

...лѣтъ 40 николиже никаможе...— Расчет лет ошибочен. Если Антоний уединился в пещере при князе Изяславе (1055—1073 гг.), а умер в 1072—1073 гг., то он не мог прожить в пещере сорок лет. Вероятно, число сорок употребляется как эпическое обозначение длительного периода.

Стр. 200. *...монастырь святого Дмитрѣя...*— Монастырь был поставлен Изяславом в честь Дмитрия Солунского — своего небесного патрона.

Феодосий— церковный деятель, автор нескольких поучений. Пространное «Житие Феодосия Печерского» написано Нестором. См. текст «Жития» в наст. томе, с. 352—432.

...Михаилъ, чернѣцъ монастыря Студискаго ...митрополитомъ Георгиемъ.— Георгий стал митрополитом после 1065 г., тогда же с ним и мог приехать Михаил. В Киево-Печерском патерике об обретении устава говорится иначе: Феодосий посылает «в Костянтинъ град к Ефрему Скопцю, да весь устав Студийскаго монастыря принесеть, исписавъ». Студийский монастырь в Константинополе славился в XI в. своим строгим уставом.

Стр. 202. *...к нему же и азъ придохъ ...от рожения моего.*— От чьего лица сказаны эти слова? А. А. Шахматов считал, что от имени составителя Начального свода; А. Г. Кузьмин допускает, что они принадлежат летописцу Сильвестру (См.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 157—163).

У Всеволода ...от цесарицѣ грѣчькое.— В Л и Р — «от царицѣ грѣкынь». Речь идет о жене Всеволода (Марин?) — дочери византийского императора Константина Мономаха. Сын Всеволода, Владимир, получил от матери прозвание Мономах (См. также коммент. к с. 276).

Се же поручаю ...будеть въ мене мѣсто.— В этих словах сформулирован принцип престолонаследия: во-первых, киевский князь объявлялся старшим по положению среди остальных русских князей, а во-вторых, определялся порядок, согласно которому и киевский и другие княжеские столы в уделах переходили не от отца к сыну, а к старшему в роде. Так, Изяславу на киевском столе должен был наследовать Святослав, а не старший сын Изяслава, Святославу — Всеволод и т. д.

...а Всеволоду — Переяславль...— В некоторых летописях далее говорится: «А Игорю Володимерь». Действительно, во Владимире Волынском сел Игорь. Пропуск этих слов в Л, Р, И объясняется, по мнению А. А. Шахматова, тем, что на Владимир претендовал Святополк Изяславич, и в сводах, составлявшихся в годы его княжения, негодное решение Ярослава опускалось.

Торки.— кочевое племя тюркского происхождения.

Стр. 204. *Сокал.*— В Л имя этого хана — Искал. Оба варианта имеют тюркские этимологии (см.: Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 88), поэтому сложно сказать, какой вариант первичен.

...на 4-е лѣто погорѣ весь городъ.— В Л событию дана совершенно иная трактовка: «на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ»: если в первом случае городской пожар соотносится со «знамением» — течением Волхова «вспять», то во втором пожаре дано совершенно «земное» объяснение — набег Всеслава, о котором и будет рассказано в статье 6575 г.

...выгна Глѣба изъ Тмуторокана, а самъ съде в него мѣсто.— С этим Глебом связывают надпись 1068 г. на знаменитом Тмутороканском камне: «Глеб князь мерил море по леду от Тмуторокани до Кърчева 8054 сажен».

...звѣзда превелика ...бысть за 7 дней.— В марте — апреле 1066 г. на Земле была видна комета Галлея. Д. С. Лихачев объясняет упоминание знаменья под 1065 г. желанием летописца соотнести его с тем, что «в то же лето Всеславъ ...рать почальъ» (Комментарии. С. 394).

Пред сим же временем солнце прѣменися...— Речь идет о солнечном затмении 19 апреля 1064 г.

Стр. 206. *Якоже древле, при Антиоѣ ...на Ерусалимѣ.*— Выписки из Хроники Амартола здесь и далее попали в летопись через посредство «Хронографа по великому изложению» (См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28), но для удобства указываются страницы издания Хроники. В данном случае говорится о разграблении Иерусалима одним из Селевкидов — Антиохом IV Эпифаном в 168 г. до н. э. (Хроника Амартола. С. 200).

По сем же при Неронѣ ...рати от римлянъ.— Вторая выписка из Хронографа (ср.: Хроника Амартола. С. 262). Речь идет об Иудейской войне, начавшейся в конце правления Нерона (54—68 гг.), и продолжавшейся при его преемниках — Веспасиане и Тите.

И пакы сице бысть ...умертвѣе бяше.— Третья выписка из Хронографа (ср.: Хроника Амартола. С. 421). Упоминается византийский император Юстиниан Великий (527—565 гг.).

Пакы же при Маврикии ...о двое главу.— Четвертая выписка из Хронографа (ср.: Хроника Амартола. С. 428). Маврикий — византийский император (582—602 гг.).

По сем же бысть ...на Палестинскую землю.— Пятая выписка из Хронографа (см. Хроника Амартола. С. 479). Упомянут византийский император Константин V Копроним (741—775 гг.), сын Леона III Исавра.

Котопак — византийский военный чин.

Стр. 208. *И совокупившеся обои на Немизѣ ...а Всеславъ бѣжа.*— Битва на Немиге упоминается и в «Слове о полку Игореве» («На Немизѣ снопы стелють головами ...Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни...»). Немига, по мнению большинства ученых, речка, протекающая ныне на территории современного Минска в подземном коллекторе. Древний Минск находился в 16 км к западу от будущего города (См.: Поболь Л. Д. Новые данные о древнем Менеске (Минске) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 47—52), поэтому правомерно говорить о том, что, овладев Минском, Ярославичи «поидоша къ Немизѣ». Однако картина сражения на берегах реки, какой она описывается и в летописи, и в «Слове», с трудом может быть соотнесена с представлением о маленькой речке, притоке Свислочи.

Изяславу же въ шатеръ предъидуцю.— Грамматическая конструкция свидетельствует, что фраза, видимо, оборвана. Возможно, далее говорилось о том, как именно был схвачен полоцкий князь, но в тексте остался лишь завершающий штрих: «И тако яша Всеслава...». Такое изъятие вполне вероятно, так как летописец едва ли был склонен сохранять подробности клятвoprеступления Ярославичей. Вообще в рассказе о Всеславе много и других умолчаний.

Грѣхъ ради нашихъ ...побѣдиша половци.— Первое столкновение с половцами — кочевым народом тюркского происхождения, заселившим в середине XI века Причерноморские степи, отмечено летописцем под 1061 г. (приход хана Болуша в 1054 г. завершился заключением мирного соглашения). Но именно поражение 1068 г. заставило летописца обратить особое внимание на половцев, которые на два столетия останутся основным источником внешней опасности для южнорусских княжеств: он вставляет обширное рассуждение о «казнях божиих» (См. коммент. к с. 208—210). О русско-половецких отношениях XI—XII в. существует огромная литература. Из последних обобщающих работ укажем: Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Стр. 208—210. *Наводитъ Богъ по гнѣву своему ...грѣхъ ради нашихъ.*— Шахматов установил, что этот фрагмент — вставка. Для ее соотнесения с собственно летописным текстом

в предшествующей фразе были добавлены, разрезая первоначальный текст, слова «грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на ны поганяя» — формулировка, повторяющаяся и в конце отрывка: «примемъ казнь грѣхъ ради нашихъ», после чего следует помета: «И мы же на предлежащее возвратимся».

Источник вставки, согласно Шахматову, — «Слово о ведре и казняхъ Божиихъ», читающееся в составе сборника «Златоструй», попавшего на Русь из Болгарии и получившего широкое распространение в древнерусской книжности. Шахматов допускает, что летописец обратился не непосредственно к «Златострую», а к составленному кем-то на Руси (возможно, Феодосием Печерским) поучению, основанному на «Слове», но дополненному редактором. Это поучение и было включено в ПВЛ (См.: Шахматов А. А. «Повесть временныхъ летъ» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 104—111). См. также: Орешников А. С. К истории начального летописного свода (О составителе и времени составления «Поучения о казняхъ Божиихъ»). // Труды Московского историко-архивного института. 1961. Т. 16. С. 481—487.

Стр. 208. *Обратитесь ко мнѣ ...постомъ и плачемъ.* — Иониль. 2, 12.

Разумѣхъ ...вѣя твоя... — Ис. 48, 4.

...удержахъ ...обратитесь ко мнѣ. — Ам. 4, 7—9.

Послахъ на вы ...смерти тяжькы... — Там же. 4, 10.

...свидетель скоро ...суетень работая Богу. — Мал. 3, 5, 7, 10—11, 13—14.

...усты чтуть мя ...отстоитъ от мене... — Ис. 29, 13.

Стр. 210. *Будетъ бо ...не послушаю васъ.* — Притч. 1, 28.

...аки чадомъ своимъ ...послахъ на вы. — Иониль. 2, 23—25.

Русальи — языческие праздники, проводившиеся в зимне святки и в «зеленые святки» — в середине лета. Судя по осуждающим описаниям христианских проповедников, русалии включали театрализованные представления, пения, танцы, сопровождаемые игрой на музыкальных инструментах (См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 674—682).

Поидемъ, высадимъ дружину ис погребя. — Из данных слов явствует, что киевляне, находившиеся у двора, принадлежащего отцу Всеслава, полоцкому князю Брячиславу Изяславичу (ум. в 1044 г.), решили освободить «дружину» — вероятно, кого-то из знатных половчан, заключенных в темницу вместе со схваченным Ярославичами Всеславом. Следующим шагом киевлян станет освобождение самого Всеслава.

Стр. 212. *Сновск* — ныне Седнев, город в Черниговщине.

О кресте честный! ...от рова сего. — Эта молитва Всеслава (скорее всего реконструированная самим летописцем), как и последующие рассуждения о силе креста, опровергают предположения ученых о Всеславе как «последнем язычнике», связанном с волхвами. Перед нами — благочестивый христианин, которого за благочестие же и хвалит летописец. Примечательно, что освобождение князя из поруба состоялось 15 сентября, на другой день после двенадцатого праздника — Воздвижения честного креста.

Всеслав же съде въ Киевѣ мѣсяць 7. — Летописец умалчивает о княжении Всеслава. Ценный комментарий к событиям см. в статье: Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ. 1985. № 11. С. 19—35.

Болеслав II — польский князь (1058—1077 гг.) и король (1077—1079 гг.). На его тетке Гертруде был женат Изяслав. Он обратится к Болеславу за помощью и в 1073 г., когда будет свергнут с престола братьями.

Стр. 214. *...възгна торгъ на гору...* — «По-видимому, Изяслав, боясь народных возмущений, начинавшихся обычно на торгу, перевел последний на гору — в город, где можно было легче контролировать его» (Лихачев. *Комментарии*. С. 401).

...в манастырьъ Вьсеволожи на Выдобичи. — Выдубицкий монастырь располагался на берегу Днепра к юго-востоку от Киева.

Ростовец и Неятин — города к юго-западу от Киева.

Голотическ — город в Полоцком княжестве, южнее Друцка.

Бывши бо единою скудости ...обилье держить.— Ростов упомянут как центр удела. Волхвы из Ярославля направились вверх по Волге и далее по Шексне до озера Белого. Об этих событиях существует большая литература (См.: Лихачев. *Комментарии*. С. 402). Но вероятнее всего, это было не восстание обездоленных низов, как трактовалось ранее, а чисто ритуальное действо: ведь женщин приводили к волхвам их братья, сыновья и мужья. Следовательно, и они были убеждены, что колдовство женщин является причиной голода — они «обилье держат», т. е. удерживают урожай. Доказывая это, волхвы «доставали» из тела («прорезая за плечами») съестные припасы. См. также коммент. к с. 190.

Стр. 216. *...поторьгати брадъ ею.*— «Выдергивание или острижение бороды считалось в древней Руси тягчайшим оскорблением» (Лихачев. *Комментарии*. С. 404).

...иному родичь.— В Л и Р — «роженье» (Б. А. Романов перевел это слово как «дочь» (см. ПВЛ, с. 319), что вполне вероятно: речь шла лишь о лицах женского пола).

Стр. 218. *...бысть Симонъ волхвъ ...в мечтаньи.*— О чудесах Симона рассказывается в апокрифическом «Прении апостола Петра с Симоном волхвом». См. коммент. к с. 92.

Сице творяшесть Аньний, Замерий ...и инѣмь.— О египетских волхвах, пытавшихся соперничать с Моисеем, рассказывается в Библии (Исх. 6, 11—12; 22; 8, 7, 18 и др.), но имена их называются только в апокрифах. Имя Кунон прокомментировать пока не удастся.

Стр. 220. *...епископъ Петръ ...игумень Переяславский...*— Перечисляются епископы Переяславля Южного, Юрьева (южнее Киева) и игумены Киево-Печерского монастыря Феодосий, Михайловского монастыря в Выдубичах — Софроний, Спасо-Берестовского — Герман и Никола, игумен какого-то монастыря в Переяславле. Сведений об этом монастыре нет (См.: Щапов Я. Н. *Государство и церковь*. С. 131—142).

...мѣсяца мая въ 20.— В Л — 2 мая, но в И вернее: 20-е мая приходилось в 1072 г. на воскресный день.

Стр. 222. *...исперва преступиша сынове ...свою землю.*— Имеется в виду библейский рассказ о том, как евреи, предводительствуемые Иисусом Навином, отвоевали Палестину от хананеян (согласно Библии — потомков Хама, сына Ноя).

Исав — сын Исаака. В Библии (Быт. Гл. 32) рассказывается о вражде Исава с братом Иаковом, но лишь в апокрифе говорится, что Иаков убил Исава (См.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Казань, 1877. С. 259).

Масленая неделя — Сыропустная неделя, последняя неделя перед Великим постом. Здесь говорится, вероятно, о Прощеном воскресении, последнем воскресении перед постом.

Стр. 222—224. *Пощение бо исперва проображено ...показа постное время.*— Упоминаются различные сюжеты Священного писания: Адам нарушил запрет не вкушать от «древа познания добра и зла» (Быт. Гл. 2 и 3), Моисей 40 дней находился на горе Синай (Исх. 24, 18). О рождении Самуила говорится в Первой книге Царств (1, 20), но о том, что постилась его мать Анна, не сказано. Жители Ниневии, под влиянием проповедника Ионы, стали поститься и были помилованы Богом (Иона. Гл. 3). В книге Даниила повествуется, как Даниил и три отрока, постившись, обрели великие знания, а Даниил к тому же — способность истолковывать знамения и вещие сны (Дан. 1, 17), пророк Илья постился в пустыне и был по смерти взят на небо (3 Цар. Гл. 17—19, 4 Цар. Гл. 2), отроки — соратники Даниила, брошенные в горящую печь, остались невредимыми (Дан. Гл. 3), сорок дней постился Иисус Христос (Мф. 4, 2; Лк. 1, 13).

Стр. 224. ...великий Антоний, и Евфимий, и Сава... — Упоминаются знаменитые основатели монастырей — Антоний Великий, Евфимий Великий, Савва Освященный. Их жития были известны на Руси (в переводе с греческого) уже, вероятно, в XI—XII вв.

...канцъ Лазоревъ... — Лазарева суббота, суббота пятой недели Великого поста.

Федорова неделя — первая неделя Великого поста.

Страстная неделя — последняя неделя Великого поста.

Неделя Цветная — Вербное воскресенье — воскресный день шестой недели Великого поста.

Деместник — см. коммент. к с. 104.

Стр. 226. ...яже бѣ совокупилъ Феодосий... — Далее явный пропуск; этот пропуск есть во всех известных нам списках ПВЛ.

Епитемья — наказание, состоявшее в необходимости совершения каких-либо благочестивых деяний: усердной молитвы, определенного числа поклонов, воздержания от сна, строгого поста и т. д.

Стр. 228. Никон — монах Киево-Печерского монастыря, в последние годы жизни (умер в 1088 г.) был игуменом. Это свидетельствует о том, что рассказ о печерских подвижниках составлен не ранее его смерти: упрек игумену при его жизни был бы едва ли допустим в такой форме.

Стр. 230. Торопчанин — житель города Торопца (на западе современной Тверской области).

Власяница — грубая шерстяная одежда.

Просфора — хлеб, употреблявшийся при совершении обряда евхаристии (причащения).

...нача гнѣватися Изяславъ на Антония изо Всеслава. — Вероятно, Антоний осуждал Ярославичей за нарушения крестной клятвы и захват его в 1067 г.

Стр. 232. ...Болѣдину гору... — Болдины горы — холмы в западной части Чернигова.

Стр. 234—236. ...придоша послѣ из немецъ ...и болша сего. — Изгнанный из Киева, Изяслав обратился за помощью к императору Священной Римской империи Генриху IV. Посольство Генриха, возглавлявшееся Бурхардом Трирским, отправилось в Киев, где свергнувший Изяслава Святослав постарался богатыми дарами купить нейтралитет императора. По словам автора «Анналов» Ламперта Херсфельдского, Бурхард привез из Киева «столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнил ранее о таком количестве, привезенном в немецкое государство за один раз» (Латиноязычные источники. С. 164—165).

Стр. 236. Сице ся похвали Езекий ...въ Вавилонѣ. — Летописец ошибается: Иезекия показывал свои богатства послан вавилонского, а не ассирийского царя (См.: 4 Цар. 20, 12 и след.).

...ляхомъ в помощь на чехы. — Речь идет об участии Владимира Мономаха в конфликте между чешским королем Вратиславом и польским королем Болеславом Смелым в 1076 г. на стороне Польши. Об этом походе вспоминает в своем «Поучении» и Мономах: «Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ в земли их 4 мѣсцы».

В се же лѣто родися у Володимера ...внук Всеволож. — Сообщение о рождении Мстислава — в будущем новгородского, а затем киевского великого князя в 1125—1132 г. — читается только в И и Х.

И бывашу Всеволоду... — Эти слова читаются только в И и Х. Создается впечатление, что фраза оборвана: должно было быть указано местонахождение Всеволода.

...убиенъ бысть Глѣбъ ...в Заволочѣ. — Об этом событии упоминает и Новгородская первая летопись: «Убиша за Волокомъ князя Глѣба мѣсяца мая въ 30 день», а в перечне новгородских князей уточняется, что Глеба «выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша й чюдъ» (Новг. перв. лет. С. 161 и 201). Заволочье — принадлежавшие Новгороду земли чуди между верховьями рек Великой и Ловати.

...*Олеґъ и Борисъ ...поидоста на Всеволода с половцѣ*.— Олег, сын Святослава Ярославича, и Борис, сын Вячеслава Ярославича, сидевшего в Смоленске, видимо, оказались без уделов: в родовом городе Святослава — Чернигове — сидел Всеволод, а Олег находился у него, вероятно, в роли подручного князя. Претендовал на Чернигов и Борис, захвативший город в 1077 г. и просидевший там 8 дней (комментарий к этому событию см.: Яценко Б. И. Кто такой Борис Вячеславич «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. Л., 1976. Т. 31. С. 296—304). «Слово о полку Игореве», обращаясь к событиям 1078 г., говорит об «обиде Ольгове», то есть о нарушении его феодальных прав, имея в виду, вероятно, то же право на Чернигов.

Олеґъ же и Борисъ не бляшета в Черниговѣ.— Место в летописи неясное: отрицание «не» добавлено в текст на основе *Р*: в *Л*, *И* и *Х* его нет. Но по смыслу князья находились не в городе (Изяслав и Всеволод идут от Чернигова «противу Олговѣ»), а «затворились» верные им горожане.

Стр. 238. ...*положиша тѣло его ...в раку камяну и мраморяну*.— В *Л* и *Р* — «в раку мраморяну». Исследователей смущало, что вопреки древнейшим летописям в «Слове о полку Игореве» говорится, что Изяслав был погребен в Софийском соборе. В Софийской первой и Новгородской четвертой летописях (на что обратил внимание Ив. М. Кудрявцев в статье, опубликованной в 7 томе *ТОДРЛ*) также сообщается о погребении князя в Софийском соборе. Но стоит обратить внимание на контекст, явно смонтированный из разных источников: «Убиенъ бысть Изяславъ Ярославичъ с Борисомъ Святославличемъ (так!), бьяся по Всеволодѣ съ братеници, съ Олгомъ Святославличемъ и з Борисомъ Вячеславличемъ у града Чернигова. Ту же и воеводу убиша Всеволожа Ивана Жирославича, и Тукия, и иных много бояръ, привели бо бьяше половцевъ на Рускую землю. И положиша Изяслава в святѣй Софѣи въ Кневь» (Новгородская четвертая летопись. *ПСРЛ*. Т. 4, Ч. 1. Вып. 1. Пгр., 1915. С. 133—134).

Утѣшайте печальныя.— 1 фес. 5, 14.

Да кто положить ...други своя.— Иоан. 15, 13.

Стр. 238—240. *Братъе, в бѣдахъ пособию бывайте*.— Притч. 17, 17.

Стр. 240. *Богъ любви есть ...и брата своего*.— 1 Иоан. 4, 16—18, 20—21.

...и бывшу ему...— Эти слова читаются только в *И* и *Х*. Текст, видимо, оборван — не указано место гибели князя.

А Олга емше козарѣ, поточиша за море Царюгороду.— Из «Хожения» игумена Даниила явствует, что Олег находился в ссылке на острове Родос: «И в томъ островѣ был Олеґъ князь русский 2 лѣтъ и 2 зимѣ» (см. наст. изд., т. 4, с. 32). В ссылке Олег тем не менее женился на знатной гречанке Феофано Музалонисе, а в 1083 г. вернулся на Русь с воинским контингентом, достаточным для того, чтобы изгнать из Тмуторокани и пленить князей Давыда и Володаря Ростиславичей. Г. Г. Литаврин предполагает, что Олегу помог император Алексей Комнин (1081—1118 гг.), обусловив при этом себе «верховные права на Тмуторокань» (История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 352). См. также: Захаров В. А. Тмуторокань и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 208—221.

Ярополк — Ярополк Изяславович, сын Изяслава Ярославича.

В се же лѣто Давыдъ ...все имѣнье.— По предположению Д. С. Лихачева (*Комментарии*. С. 413), Давыд захватил в Олешье, торговом становище в устье Днепра, гречников — купцов, торговавших с Византией. В *Л* и *Р* ошибочно сказано — «зая грькы».

Дорогобуж — город в Волынском княжестве, вблизи современного города Шепетовка (Хмельницкая обл., Украины).

Лучск — город в Волынском княжестве (ныне Луцк).

Стр. 242. *Всеволодъ заложилъ церковь ...по монастырьскому чину*.— Вся эта статья отсутствует в *Л* и *Р*; следующая статья отнесена к 6594 г., а статья 6595 там без текста.

Звенигород — город в Волынской земле (южнее г. Львов).

Рюрик — Рюрик Ростиславич, сын Ростислава Владимировича, последние годы княжившего в Тмуторокани (умер в 1067 г.). Рюрик княжил в Перемышле, а его братья — Володарь и Василько — впоследствии княжили в Перемышле и Теревовле (Перемышль — ныне Пшемысль на юго-востоке Польши, Теревовль — ныне Теревовля, город к югу от Тернополя на Украине). В описываемые годы Ростиславичи, вероятно, обладали лишь Перемышлем и находились в зависимости от владимиро-волыннского князя Ярополка Изяславича: именно их стремление расширить свои владения, а быть может и посягательства на владимирский стол и явились причиной конфронтации с Ярополком. Вероятно, Ростиславичами же и был подослан убийца.

...манастыря святого Дмитрия... — Дмитриевский монастырь в Киеве был основан Изяславом Ярославичем.

Его же прошенья не лиши ...любящим его. — Как полагает Д. С. Лихачев, «пышная некрологическая статья о Ярополке Изяславиче и необыкновенное сочувствие к нему печерского летописца отчасти объясняется тем, что Ярополк, его жена и дочь ...были крупными жертвователями в Печерский монастырь» (*Комментарии*. С. 414). Ярополк был женат на Кунигунде, дочери графа Оттона из Мейсена. После гибели Ярополка его жена покинула Русь вместе с дочерью (См.: *Пашуто. Внешняя политика*. С. 44).

Стр. 244. *...строено банное камяно, сего же не бысть в Руси.* — Смысл этих слов вызывает споры. П. А. Раппопорт допускает, что исследованная археологами «гражданская постройка» в Переяславле, действительно, была баней (Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 34—35).

Стр. 246. *...въ своемъ манастыри чресь поле...* — Киево-Печерский патерик объясняет эти слова: Стефан, в то время уже епископ Владмира (на Волыни), в дни перенесения мощей оказался во Влахернском монастыре на ручье Клове, недалеко от Киево-Печерского монастыря (См.: Толочко П. П. Историческа топографія стародавнього Києва. Київ, 1972. С. 152—158). В этом монастыре Стефан также был игуменом, о чем говорят слова «въ своемъ манастыри».

...в домъ Яновъ... — Ян — сын Вышаты. См. коммент. к с. 196.

Стр. 248. *Феодосий Великий (424—529 гг.)* — один из основоположников византийского монашества.

...спаде привеликъ змѣй ...вси людье. — Речь идет о падении метеора.

...но кони ихъ видити копыта... — Как понимать эти слова: так, что кони были невидимы, а видимы были только их копыта? Скорее говорится о том, что были видны следы от копыт невидимых коней.

Прилук — ныне Прилуки на юге Черниговской области на Украине.

...с Васильемъ Ростиславичемъ. — Далее в *И*, как и в других летописях, князь именуется Васильком Ростиславичем.

...от Филипова дни до мясопуць... — От кануна Рождественского поста (14 ноября) до недели мясопустной, предшествующей Великому посту.

Стр. 250. *Тивун* — тиун, княжеский управитель. Именно это чтение *И* комментирует С. М. Соловьев (*История России с древнейших времен*. М., 1962. Т. 1. С. 367). Д. С. Лихачев, напротив, предпочтение отдает чтению *Л* и *Р* — «начаша ти унии грабити» (*Комментарии*. С. 418).

...в Переяславль лѣто... — Странно, что княжение Всеволода в Переяславле ограничено во всех старших списках *ПВЛ* одним годом. Переяславль достался Всеволоду по завещанию Ярослава и, как можно судить по тексту *ПВЛ* и «Поучения» Владимира Всеволодича Мономаха, Всеволод княжил там не менее двух десятилетий.

Антипасха — воскресенье, следующее после Пасхи.

Стр. 252. *Продажа* — денежный штраф за различные преступления. Видимо, на практике они превратились в неоправданные поборы.

...*къ Треполю, и приидоша ко Стугнѣ.*— Треполь располагается в устье Стугны — большой речки, правого притока Днепра.

...*бѣ бо тогда наводнилася велми.*— «Слово о полку Игореве» также сообщает, что Стугна «растрена ко усту», вобрав в себя «чужи стругы» (потоки, ручьи): следовательно, именно в это время, может быть после обильных дождей, небольшая речка, разлившись, стала для переправлявшихся через нее по обычаю вброд неожиданно опасной.

Стр. 254. ...*плакася по нѣмь мати его ...уности его ради.*— Об этом оплакивании вспоминает и автор «Слова о полку Игореве»: «плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ». См. также коммент. к с. 276.

Желань — правый приток реки Припять.

И прѣложю празднигы ...в рыданье.— Ам. 8, 10.

Падете предѣ враги ...яростью лукавою.— Лев. 26, 17, 19—20, 33, 27—28 (?).

Идеже множество ...показанье.— Рим. 5, 20.

Стр. 256. *Праведенъ еси ...суди твои.*— Пс. 118, 137.

Мы достойная, яже сдѣяхомъ, и прияхомъ.— Лк. 23, 41.

Яко Господеву любо ...благословено у вѣкъ.— Иов. 1, 21.

Не по безаконью нашему ...въздадъ есть намъ.— Пс. 102, 10.

Стр. 258. *Се бо азъ грѣшный ...по вся дни.*— По гипотезе А. А. Шахматова, этими словами оканчивался Начальный свод 1095 г.

...*а царь я Девъгевевича и ослѣпѣ.*— Самозванец, выдавший себя за Леона Диогена, сына императора Романа IV Диогена, был захвачен Алексеем Комнином и ослеплен.

Стр. 260. ...*ко Гурьгову* — Юрьев — город на реке Рось, к югу от Киева.

Стр. 262. *Стародуб* — город в Черниговском княжестве (ныне — в Брянской области).

Заруб — город на правом берегу Днепра, к югу от Переяславля.

...*зажгоша болонье...*— Здесь имеется в виду, разумеется, не низменное предградье, а располагавшиеся там жилые постройки, сараи и т. д.

...*манастырь Стефанечъ, деревнѣ и Германечъ.*— Стефанов монастырь, вероятно, — монастырь на Клове, где Стефан был игуменом (см. коммент. к с. 246). Германов монастырь, по предположению Е. Е. Голубинского, — Спасо-Берестовский монастырь. Что значит слово «деревнѣ» — неясно; бесспорно лишь, что речь не идет о деревнях (этот термин был в XII в. неупотребим). Быть может, искажено слово «древний» или «древяный»?

Стр. 264. *Где есть Богъ ихъ...*— Пс. 78, 10.

Боже мой! Положи я ...лица ихъ досаженья.— Там же. 82, 14—17.

...*сынове Измаилеви...*— См. коммент. к с. 76

Мефедий же свидѣтельствуеетъ о нихъ...— В приписывавшемся Мефодию, епископу Патар (III—IV вв.), «Откровении» предсказывался «исход от пустыни» восточных народов, однако именованья племен внесены летописцем. Сопоставление «Откровения» с текстом *ПВЛ* см.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 92—103.

...*исѣче я Гедеонъ.*— В Библии (Суд. 7, 21—25) рассказывается, как израильский властитель (судья) Гедеон разгромил многочисленное войско мадианитян. Сведения же о «коленах» кочевых племен, частично истребленных, а частично изгнанных в пустыню Гедеоном, — результат произвольных толкований «Откровения» летописцем. См. в указанной выше работе А. А. Шахматова, С. 101—103.

Друзии же глаголють ...Сарини есмы.— Летописец вольно интерпретирует библейский рассказ и «Откровение»: Аммон и Моав — сыновья Лота (Быт. 19, 37—38), Измаил же — сын Авраама не от Сарры, а от ее рабыни Агари (так и подчеркнуто в «Откровении»), текст летописи неясен.

Се же хоцю сказати... 4 лѣтъ...— А. А. Шахматов соотносил эту фразу со статьей 1114 г., где также говорится о посещении летописцем новгородских владений, и делал два существенно важных для своей концепции вывода. Во-первых, он полагал, что весь отрывок «И по сихъ 8 колѣнъ ...въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божью» принадлежит третьей редакции *ПВЛ* и в списки второй редакции (например, в *Л* и *Р*) вставлен позднее. Во-вторых, из этой статьи, по мнению ученого, следует, что летописец «был на севере (где беседовал с Гюрятой Роговичем новгородцем) за четыре года до составления своего труда. Следовательно, летописец работал над переработкой и продолжением Повести вр. лет в 1118 году» (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1 // Летопись занятий Археографической комиссии. Пгр., 1917. Вып. 29. С. V—VI; отдельное издание — Пгр., 1916).

...в Печеру ...на полунощныхъ сторонахъ.— Речь идет о народах, обитавших в бассейне реки Печора. *Самоядь* — ненцы, упоминаемые далее горы — Северный Урал.

Стр. 266. *Олександръ, царь макидонский ...по повелѣнью Божью.*— Этот фрагмент — пересказ соответствующего текста «Откровения» Мефодия Патарского.

...а то есть волость отца моего.— Олег прав: Муром относился к владениям черниговских князей.

И убиша Изяслава ...внука Всеволожа...— О гибели сына Владимир написал Олегу письмо (см. с. 470 наст. изд.).

Стр. 268. *Медведица* — левый приток Волги. Вероятно, угрозы Олега не были пустой похвалой — его авангард уже переправился через Волгу, направляясь к Новгороду.

Ефрем.— Речь идет о переяславском митрополите: Суздаль входил в состав Переяславской епархии (См.: *Щапов. Государство и церковь*. С. 47).

Мний азъ есмь тебе ...о всемъ послушаю.— Характерная черта феодального этикета: Мстислав, несмотря на то, что Олег захватил не принадлежащую ему Ростовскую волость, все же признает себя «младшим» (к тому же он — крестник Олега) и просит Олега войти в переговоры со своим отцом — Владимиром Мономахом.

...на Колачѣѣ ...— Видимо, на реке Колокше, левом притоке Клязьмы, впадающем в нее выше Владимира.

Стр. 270. *Никита* — новгородский архиепископ (1096—1108 гг.).

...и снѣшася Любчи на строенье мира.— Княжеский съезд в Любече (вероятно, в селе под Киевом, а не в одноименном городе) был одним из нескольких подобных съездов (в Городце в том же году, в Витичеве в 1100 г., на Золотче в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г.), на которых князья тщетно пытались подтвердить и укрепить принцип, согласно которому «каждый да держит отчину свою». Участники съезда представляли все ветви Ярославичей: Святополк — сын Изяслава Ярославича, Владимир — сын Всеволода Ярославича, Давыд — сын Игоря Ярославича, Василько Ростиславич — внук Владимира Ярославича, Давыд и Олег — сыновья Святослава Ярославича. Соответственно были разделены и «отчины».

...и поидоша овсояси.— Следующий далее рассказ об ослеплении Василька Теребовльского, по мнению ряда исследователей, — отдельное произведение, принадлежащее Василию (как полагают — «мужу» Давыда Игоревича) и впоследствии включенное в состав *ПВЛ*. Д. С. Лихачев включает в состав Повести об ослеплении Василька Теребовльского весь текст статьи 1097 г. от слов «Приидоша Святополкъ и Володимерь...» (См.: *Комментарии*. С.459—460). А. А. Шахматов

относил к рассказу Василия лишь фрагменты «И прииде Святополкъ Киеву съ Давыдомъ... 2 отрока княжа, Улана и Колчю», «Василкови же сущю в Володимери ...и сею снемше погребоша» и «Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати ...посади сына своего Ярослава» (Повесть временных лет. Т. 1. С. XXXI—XXXVI).

Стр. 272. *Звенигород* — город к югу от Киева.

Стр. 274. *...Туровъ, и Пинескъ...*— Туров и Пинск относились к владениям киевского князя.

Стр. 276. *...чтяшесть бо ю яко матерь, отца ради своего...*— На основании этих слов исследователи заключают, что Всеволод женился вторично и речь идет о мачехе Мономаха. Действительно: Мономах родился в 1053 г., а княгиня умерла в 1111 г., то есть в очень преклонном возрасте, если считать ее матерью Мономаха. Но утонувший в Стугне Ростислав был сыном этой второй жены (его оплакивала мать, что подчеркивала летопись и «Слово о полку Игореве»), Владимир был его сводным братом, и возможно, прозвище Мономах должно было отличать Владимира как сына «царицы грекини».

...присла по мя князь Давыдъ.— Эти слова указывают на рассказчика, а далее Давыд Игоревич обращается к нему по имени: «Да се, Василью, шлю тя...».

Всеволожь — город на реке Западный Буг к юго-западу от Владимира Волинского (См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 35—36), *Шеполь* — город северо-западнее Луцка, *Перемиль* — город южнее Луцка. Вероятно, предлагая города в центре собственных владений, Давыд рассчитывал тем самым поставить Василька в полную от себя зависимость.

Стр. 278. *Азъ бо ляхомъ много зла створихъ...*— Возможно, Василько вспоминает свой поход в Польшу с половцами в 1092 г.

Берендеи — тюркское племя, жившее на южных рубежах русских княжеств.

...реку брату своему Володареви и Давыдови...— Василько называет рядом с братом и своего врага Давыда (двоюродного дядю), вероятно, желая подчеркнуть свою прежнюю достоверность ему.

Бужьск — город в верховьях реки Западный Буг (См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории. С. 36—37).

Стр. 280. *Турийск* — город на реке Турья, к северо-востоку от Владимира Волинского. *И въздамъ местъ ...ненавидящимъ его въздасть.*— Вт. 32, 41 и 43.

Владислав-Герман — польский король (1079—1102 гг.).

Червень — видимо, Червен. См. коммент. к с. 130.

...волюсть отца моего и брата...— Святополк напоминает, что после 1057 г., когда Изяслав перевел владимирово-волинского князя Игоря Ярославича в Смоленск, само княжество было присоединено к Киевской земле. Всеволод Ярославич отдал Владимир Ярополку (брату Святополка), а Ростиславичи, вероятно, находились у него в подчинении и пытались отбить у Ярополка Владимир.

Стр. 282. *...сына его два...*— Видимо, речь идет о Мстиславе и Ярославе.

Коломан (Кальман) — венгерский король (1095—1116 г.).

Вагр — правый приток реки Сан (притока Вислы), впадающий в нее в районе города Перемышль.

...числомъ 100 тысящъ.— Численность венгерских войск, как и численность их потерь (40 000), явно преувеличена. М. Д. Приселков полагал, что здесь отразилась половецкая песнь в честь Алтуны (Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. Вып. 7. Л., 1941. С. 10—11).

Вышегородцы — вероятно, ошибочно вместо выгошевцы (как в *Л*), то есть воины из города Выгошева, расположенного в Тербовльском княжестве.

Забрало, забороло — помост по верху городской стены, огражденный бревенчатым или досчатым бруствером.

Стр. 284. *В лето 6606.*— Статьи 6606 и 6607 гг. повторяют то, о чем рассказывалось в так называемой «Повести Василия об ослеплении Василька Тербовльского»: перемирие у Города, поход Святополка на Владимир, смерть Мстислава. Но о съезде князей в Витичеве (Увечицах), напротив, рассказано более подробно, чем в «Повести» (там сказано лишь: «А на другое лето снемь створиша...»).

...аки три стези...— В *И* — «три стяги», отдаем предпочтение варианту *Л* и *Р*.

Виде Мстиславъ... въ 10.— Перед этой фразой в *Л* читается: «В лето 6608».

...Святополкъ, Володимеръ, Давидъ и Олегъ.— В *Л* упомянут Давид Игоревич — его имя добавлено в тексте и в переводе.

Стр. 286. *...в Божескомъ во острожѣ. Дубенъ и Черторыескъ...*— Вероятнее всего речь идет о Бужьске (См. коммент. к с. 278). Остроге, городе на реке Горынь (на южной границе современной Ровенской области), Дубне (Дубно на западе той же области) и Черторыеске — городе на реке Стыр, более 60 км. к северо-востоку от Луцка.

Дорогубуж — см. коммент. к с. 240.

...затворися...— В переводе опираемся на чтение *Л* — «заратися», что более подходит по смыслу.

Золотча — левый приток Днепра.

Саков — город на левом берегу Днепра в Переяславском княжестве.

Нура — приток Западного Буга.

...ускормили есмы собѣ князя...— Мстислав с двенадцатилетнего возраста княжил в Новгороде: сначала в 1088—1093 гг., затем вновь возвращается на новгородский стол в 1095 или 1097 гг.; в 1117 г. был приглашен отцом в Киев.

Стр. 288. *Болеслав III Кривоустый* — с 1097 г. князь Силезии и Малой Польши, в 1106—1138 гг. — король.

...Давидъ Святъславичъ...— Далее в *Л* упоминается еще Давид Всеславич — сын полоцкого князя.

Ярополк Владимирович — сын Владимира Мономаха; в 1103 г., согласно В. Н. Татищеву (История Российская. М., 1963. Т. 2. С. 129), был смоленским князем.

Сутин — По предположению К. В. Кудряшова (Половецкая степь. М., 1947. С. 91—94), Сутин (Сутьнь) — река Молочная, впадающая в Азовское море.

Стр. 290. *Се день ...възвеселимся во нь.*— Пс. 117. 24.

...скруши главы змѣвыя ...брашно ихъ нажѣ.— Компилятивный текст с использованием Псалтыри (73, 13—14).

Ярослав — видимо, Ярослав Святославич, Муромский князь.

...за цесаревичъ за Олексиничъ Цесарюграду...— Ирина, дочь Володаря Ростиславича, была выдана, как полагают, за Исаака — сына византийского императора Алексея Комнина. См.: *Пашуто. Внешняя политика.* С. 85.

...Предѣслава ...за королевча...— Предслава стала женой герцога Альмоша, сына венгерского короля Гезы I (1074—1077 гг.). Их дочь Адельгейда вышла замуж за чешского короля Собеслова I (1125—1140 гг.). См.: *Пашуто. Внешняя политика.* С. 53, 184.

...иде на Глѣба, поемъше Давида Всеславича ...— Против минского князя Глеба Всеславича выступил и его брат — Давид.

Стр. 292. *Увалися верхъ святого Андрѣя.*— Церковь Андрея Первозванного была возведена Всеволодом Ярославичем в 1086 г. Данное сообщение, как и сообщение о воздвижении церкви, читаются только в *И*.

...*Яня и Иванка Захарыча и Козарина...*— В Софийской первой летописи после имени Яня добавлено: «Вышатича и брата Путятю». Таким образом Янь отождествлен с Янем Вышатичем, о смерти которого «в старости мастите», в возрасте 90 лет, говорится в той же статье. Даже если девяностолетний возраст — эпическое преувеличение, Янь был в эти годы весьма старым человеком. И странно, что глубокого старца, да еще вместе с тысяцким Путятюй, направляли в рядовой поход. Скорее всего нападение половцев отражали братья Янь и Иванко Захарычи, а отождествление двух Янов — домысел. Однако в *И* другим почерком тоже добавлены слова — «Вышатича» и «и брата его Путятю»: вероятно, это влияние какого-то позднего летописного свода.

...*Еупракси, Всеволожа дщи...*— Евпраксия Всеволодовна была обручена с маркграфом Генрихом Шаденским, но вскоре овдовела. В 1088 г. она становится женой императора (с 1084 г.), Священной Римской империи Генриха IV, получив при коронации имя Адельгейда. Евпраксия принимала активное участие в политической борьбе, но в начале 90-х гг. оставила мужа, отличавшегося крайней безнравственностью, и перешла в стан его противников. Вернувшись в Киев, Евпраксия после смерти Генриха (в 1106 г.) постригается. О ее судьбе см.: Розанов С. П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071—1109) // Известия АН СССР. VII серия. 1929. № 8. С. 617—646; *Пашуто. Внешняя политика*. С. 125—127.

...*преставися Володимеря княгини...*— жена Мономаха — Гита, дочь англо-саксонского короля Гаральда. После гибели Гаральда в битве при Гастингсе (в 1066 г.) его семья уехала во Фландрию, а затем в Данию. Бракосочетание Гиты и Владимира состоялось в 1074—1075 гг. Умерла Гита, возможно, в Смоленске, если она сопровождала супруга в поездке. См.: *Пашуто. Внешняя политика*. С. 134—135.

Вячеслав — сын Владимира Мономаха.

Лубен — город на Суле, ныне — Лубны Полтавской области (Украина).

...*а Шарукань одва утече.*— Полагают, что именно эти события имел в виду автор «Слова о полку Игореве», говоря, что готские девы «лелеют мечь Шароканю».

Стр. 294. *Георгий* — Юрий Долгорукий, князь суздальский, а в 1155—1157 гг. великий князь киевский.

...*за сына...*— Имеется в виду Святослав Ольгович. В 1136 г. он, видимо овдовев, женился на новгородке, от брака с которой у него родился Игорь — герой «Слова о полку Игореве».

...*заложы повеленьемъ Глѣбовомъ...*— Глеб Всеславич, его жена (дочь Ярополка Изяславича) и тесть были щедрыми жертвователями в Киево-Печерский монастырь. См.: *Лихачев. Комментарии*. С. 414 и 471.

Синодик — книга, в которой записывали для поминовения умерших. Канонизация Феодосия произошла позднее, но уже в Успенском сборнике рубежа XII—XIII вв. читается его «Житие», написанное Нестором.

Ерина — в *Л* вместо имени Ирины читается «Екатерина».

...*у Чина...*— в *Х* — «Тчючина». Имеется в виду Чучин—город на Днепре, выше по течению устья Трубежа.

Творя ангелы своя духы ...огнь пламянь.— Пс. 103, 4.

Стр. 296. ...*водяшь бо я ...столпь огненъ...*— Ср.: Исход, 13, 21.

...*Ангель твой буди с тобою.*— На этом месте обрывается текст в *Л, Р* и сходных с ними (в части, относящейся к *ПВЛ*) летописях; далее читается приписка Сильвестра, сообщающая о написании (переписке? редактировании?) летописи в 1116 г. В *И* рассказ о знаменни в Печерском монастыре продолжается.

Яко ангеломъ своимъ ...схранить тя.— Пс. 90, 11.

Къ кой же твари ...и свѣтъ, и день.— Выписка из сочинения Епифания Кипрского, церковного писателя IV в. Этот текст почти дословно совпадает с цитатой из того же автора во Вводной части «Летописца Еллинского и Римского», но начало текста там иное: «Въ пръвый день (сотворил Бог,— О. Т.) небеса и вышняя, и землю, и воды ...и духи, иже служатъ предъ нимъ, иже суть сии: аггели облакомъ и мъгламъ...» и далее как в летописи, однако вместо «и таинныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподънии тьмы» — «водныя, и бездныя, и сущая подъ землею пропасти и тьмъ».

...повелѣнью Божью.— Далее следует фрагмент «Аще ли кто речеть ...не поганъ ли побѣжаше» — отрывок из «Александрии» в обработке еврейской средневековой хроники «Иосиппон» (См.: Мещерский Н. А. К вопросу об источниках «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М., Л., 1957. Т. 13. С. 57—65). Александр Македонский в 332 г. до н. э. действительно посетил Иерусалим, но совершенно легендарен восходящий к «Иудейским древностям» Иосифа Флавия рассказ о том, как полководец поклонился иудейскому богу и смог познакомиться с пророчеством Даниила — сочинением, возникшим через полтора столетия после походов Александра.

Арам — в еврейском оригинале — «земля Эдом».

Ты еси козель ...возмещи царство его.— Пророчество, будто бы предрекающее (а фактически задним числом констатирующее) победу Александра над персидским царем Дарием III Колманом (336—331 до н. э.), содержится в Библии, в Книге пророка Даниила (8, 20—21).

Стр. 298. *Се ангель мой ...лицемъ твоимъ.*— Ср.: Исход. 23, 20.

...понужая его на поганья, на весну.— Как показал Д. С. Лихачев (*Комментарии*, с. 473—475), рассказ о совещании князей перед походом 1111 г. почти дословно воспроизводит сообщение в статье 1103 г.

И поидоша въ 2 недѣлю поста ...быша на Сулъ.— Маршрут и хронология похода были реконструированы К. В. Кудряшовым в его книге «Половецкая степь» (М., 1948. С. 113—119). 26 февраля войско вышло из Переяславля, переправилось через Сулу в районе Лукомля, а затем через Хорол в среднем его течении и приток Псела—Голтву, переправилось через Воркслу в районе Лтавы (современной Полтавы), затем двинулось в район современного Змиева, переправилось через Северский Донец (летописец называет его Доном), двинулось по левому его берегу, а затем, перейдя на правый, князья взяли городки Шарукан и Сугров, располагавшиеся на Донце между устьями Оскола и Казенного Торца. Затем русские повернули назад, и решающее сражение произошло 27 марта на притоке Донца — Сальнице в районе современного города Изюм.

Стр. 300. *Тѣмже достойно похваляти ангелы...*— Отсюда и до слов «...и постави уставы по числу ангель» обширная выписка из Хроники Амартола (С. 160—162).

Иоанн Златоуст — византийский церковный писатель и проповедник, один из наиболее почитаемых отцов церкви, константинопольский патриарх в 398—404 гг.

Стр. 302. *...со дьяволомъ тѣла ради Моисеева противяся...*— Об этом упоминается в Послании апостола Иуды (Иуд. 9) и подробно повествуется в апокрифе о Моисее (См.: Порфирьев В. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник ОРЯС. СПб., 1877. Т. 17, № 1. С. 204).

...Его же видѣ виднѣемъ и Даниль летяща...— Следующее далее описание ангела сходно с библейским текстом (Дан. 10, 6).

Отъ нихъ есть осла отвращая ...праздно творяй.— В Библии рассказывается, как ослица заговорила, удерживая пророка Валаама от неугодного Богу поступка (Чис. 22, 27—30).

Иисус Навин — вождь израильтян после смерти Моисея. Данный эпизод см.: Ис. Нав. 5, 13.

...пророка Амбакума ...посредь же левъ прѣпитаеть.— Пророк Даниил был брошен в ров с голодными львами, но остался невредим (Дан. 6, 16—22).

Также есть и боголѣпный Рафаилъ ...твори ему.— В библейской книге Товит рассказывается, как демон умерщвлял одного за другим семь женихов Сарры, дочери Рагуила. Сыну Товита Товии ангел Рафаил велел извлечь из пойманной рыбы сердце, печень и желчь и сохранить их. Затем ангел повелел Товии жениться на Сарре, но перед брачной ночью съесть внутренности рыбы. От этого запаха демон бежал, и молодожены остались живы.

Ибо отроковица Рода ...ангелъ его есть.— В книге Деяний апостолов (12, 12—17) рассказывается, что, когда ангел извел апостола Петра из темницы и он пришел к дому евангелиста Марка и постучал в дверь, то служанка Рода, услышав его голос, не открыла дверь, а побегала сообщить молившимся в доме о его приходе. Ей не поверили, думая, что пришел «ангел его».

Стр. 304. *Ипполит* — церковный писатель, автор толкований на Книгу пророка Даниила. Далее (до слов «...Михаила князя вашего») следует близкий к оригиналу пересказ Библии (Дан. 8, 1—13).

Не имамъ с вами ити ...идеть с вами.— Пересказ библейского текста (Исх. Гл. 33).

...къ Грекомъ и Угеромъ ...и до Рима проиде...— Образ разносящейся по всем странам славы мы встречаем также в «Слове о полку Игореве» («Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю...») и в «Задонщине».

Всеволожая — вдова Всеволода Ярославича.

...ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля.— Евфимия была выдана замуж за венгерского короля Кальмана II (1095—1116 гг.), но вскоре была отослана обратно на Русь из-за ухудшения отношений с Венгрией. Ее сын Борис впоследствии выступал как претендент на венгерский престол (См.: *Пашуто. Внешняя политика*. С. 167—168). Умерла Евфимия в Киеве в 1139 г.

Стр. 306. *Тако се древле ...не бяше сего.*— См. коммент. к с. 206.

Ятровъ — жена брата. Здесь речь идет, видимо, о вдове Святополка.

Сѣдѣ на столѣ отца ...мятежъ влече.— Владимир останется великим князем киевским до своей смерти в 1125 г. В 1113 г., став киевским князем, Владимир, стремясь успокоить киевлян, дополнил свод законов — «Русскую правду» разделом «А се оставил Володимеръ Всеволодовичъ», в котором были расширены права «закупов» — то есть зависимой части населения, отрабатывающей свой долг и ссуду, полученную от феодала.

Выра — приток Сейма, ныне это река Выр.

Стр. 308. *...церковь... Николы ...Новѣгородѣ* — Николо-Дворищенский собор.

...глазкы стекляныи ...суть же различъ.— Д. С. Лихачев полагает, что говорится о стеклянных «бусинах», вымывавшихся ливнями или речной водой с берега Волхова (*Комментарии*. С. 480).

Самоядь — См. коммент. к с. 264

...да почтет фронографа.— Далее следует пересказ из Хроники Амартола и Хроники Иоанна Малалы. См.: Творогов О. В. Античные мифы в Древней Руси — древнерусской литературе XI—XVI вв. // *ТОДРЛ*. Л., 1979. Т. 33. С. 8—11. *Проб* (Пров) — римский император (276—282 гг.), *Аврелиан* — римский император (270—275 гг.). Сообщение об упавших камнях во Фракии (не в Африке), как и предыдущие два, читаются в *Хронике Амартола* (См. с. 325 и 402), но попали в летопись через посредство «Хронографа по великому изложению». См. коммент. к с. 206.

Стр. 308—310. *...поча царьствовати ...и хвалити начаша.*— Свободный пересказ главы 23 первой книги Хроники Малалы, главы 1 второй книги и главы 4 четвертой книги. В славянском переводе античные боги Феоста—Гефест и Гелиос—Солнце соотносятся со славянскими

божествами Сварогом и Дажьдбогом. Следует подчеркнуть, что, вопреки распространенному мнению, отождествление это произведено не летописцем, а славянским переводчиком.

Стр. 310. *Вся елико въсхотѣ ...от послѣднихъ земли.* — Пс. 137, 7.

Петръ кловьскый — игумен Влахернского монастыря на Клове.

Стр. 312. *Случеск* — ныне Слуцк, в Минской области Беларуси.

...къ Мѣньску... — В И — «къ Смоленську», но по смыслу речь идет о Минске, стольном городе Глеба.

Желъди — Желни, город в нижнем течении Сулы.

Стр. 314. *Медвѣжа Глава* — впоследствии крепость Оденпе, вблизи от города Юрьева (Тарту).

...Леонъ царевичъ ...на Олексия царя... — Леон — Девгениевич (См. коммент. к с. 258).

Алексей — император Алексей Комнин (1081—1118 гг.).

...Мьстиславъ, внукъ Игоревъ — сын неизвестного нам по имени сына Игоря Ярославича.

...Мьстиславичъ, сынъ его, внукъ Володимеревъ. — Речь идет о Всеволоде Мстиславиче, который прокняжит в Новгороде до 1136 г., когда будет изгнан недовольными им новгородцами.

...на Ярослава к Володимерю... — на Ярослава Святополчича к Владимиру Волынскому.

И церковь заложи на Лѣтъ мученику. — Церковь в память о Борисе и Глебе на Альте, месте гибели Бориса.

Иван — Иоанн Комнин, византийский император (1118—1143 гг.).

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА КНЯЗЮ РУССКОМУ ВЛАДИМИРУ

«Память и похвала князю русскому Владимиру» — одно из древнейших произведений русской литературы, созданное в XI в. В нем сохранились сведения из летописи, предшествовавшей не только «Повести временных лет», но и Начальному своду (ок. 1095 г.). Именно в «Памяти и похвале», а не в позднейших летописях содержатся правильные даты (датировки не цифровые, хронология событий отсчитывается от вокняжения и смерти Владимира): вокняжение Владимира в Киеве в 978 г., а не в 980, как сказано в «Повести временных лет»; крещение Владимира в 987 г., а не в 988, взятие Корсуня после крещения в 989 г., а не в 988 г. и др. (См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 13—28, 131—161).

Старший список произведения датируется XV в., отстоя от протографа на четыре столетия. А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, С. А. Бугославский выделяли в нем три части: собственно Память и похвалу Владимиру, Похвалу Ольге (только в некоторых списках) и Древнее житие. Выделение Соболевским Древнего жития условно и опиралось только на существование части «Памяти и похвалы» от слов «Блаженный же князь Володимерь... крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести» в отдельном виде. А. А. Шахматов первым указал, что вступительная часть так называемого Древнего жития — это продолжение сравнения Владимира с Константином Великим, которое иначе обрывается на описании деяний римского императора и не имеет завершения (Разыскания... С. 13—28). Несомненной вставкой является Похвала Ольге, разрывающая связный текст сравнения после слов «Тако же и блаженный князь Володимерь сътвори съ бабою своею Ольгою» (с. 320). А. А. Шахматову принадлежит наиболее полное исследование «Памяти и похвалы» (корректурa книги «Жития князя Владимира», Архив РАН, ф. 154, оп. 1, № 112), но ученый не успел его завершить.

Для стиля автора памятника, монаха Иакова, характерны сложные синтаксические периоды и ритмическая организация текста. Он широко использует ассонансы, текст строится не только на созвучиях отдельных звуков и рифмовке окончаний, но и на звучании сходных приставок (пра-, при-, пре-, про-), созвучии корней в словах, относящихся к разным частям речи (глагол, существительное, прилагательное, наречие). Все характерные литературные приемы Иакова есть и в той части, которую А. И. Соболевский когда-то предложил считать Древним житием. Некоторую разностильность «Памяти и похвалы» создают вкрапленные в нее фрагменты летописного характера. Они располагаются не в хронологическом порядке, а в последовательности, избранной автором, и служат подтверждением его тезиса об изначальной богонизбранности Владимира. «Память и похвала» является единым авторским произведением, а не компиляцией нескольких разных текстов.

О самом Иакове, авторе «Памяти и похвалы», ничего не известно. Архиепископ Макарий (Булгаков) считал его тем монахом Киево-Печерского монастыря, которому Феодосий хотел передать игуменство после своей смерти.

Текст издается по списку РНБ, Софийское собрание, № 1424 с учетом списков Софийского собрания № 1494 и списка РГБ, собрание Егорова, № 637, и издания В. И. Срезневского.

Стр. 316. *Ольга* (ум. 969) — русская княгиня, жена кн. Игоря, правительница Руси во время малолетства Святослава. Приезжала в Константинополь к императору Константину Багрянородному, где, очевидно, и крестилась.

«Чядо Тимофею... научити». — 2 Тим. 2, 2.

«Понеже мнози... и учити». — Ср. Лк. 1, 1—4.

Святослав (ок. 940—972) — русский князь, сын вел. кн. киевского Игоря и Ольги.

Борис и Глеб — первые русские святые, канонизированные православной церковью.

После смерти Владимира в 1015 г. были убиты своим братом Святополком. Им посвящены «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение» Нестора и др. памятники (подробнее см. коммент. к Сказанию, наст. изд., с. 528—530).

Игорь (уб. 945) — вел. кн. киевский, в 944 г. заключил договор с Византией. Убит древлянами.

...«хотяй спасти... приити». — 1 Тим. 2, 4.

«Якоже жадаеть... водныя». — Пс. 41, 2.

«Волю боящихся... и спасеть я». — Пс. 144, 19.

«Просите... отверзеться». — Мф. 7, 7—8; Лк. 11, 9—10.

«Иже вѣру иметь... осужен будетъ». — Ср. Мр. 16, 16.

Стр. 318. *Елена* (ум. 327) — мать императора Константина Великого. Ее деятельность имела большое значение для распространения христианства.

«Испытая сердца и утробы». — Пс. 7, 10.

«О Господѣ... радуясь». — Ср. Пс. 31, 11.

Перунъ — верховный бог языческой Руси, бог грома и войны, *Хѣрось* — бог Солнца.

...*церковь... во имя пресвятыя Богородица* — первый каменный храм Руси, позже именовался Десятинной церковью, так как Владимир даровал ей десятую часть всех своих доходов.

«Изводяй от нечестия нечестиваго... еси». — ср. Иер. 15, 19.

«Колика радость... кающимся». — Лк. 15, 7, 10.

«Блаженъ... днии лють». — Пс. 93, 12.

Стр. 320. «Иже створить и научить... царствию небеснемъ». — Мф. 5, 19.

«Осанна Христу... смерти!» — ср. Мф. 21, 9; Мр. 11, 9—10; Иоан 12, 13.

«*Слава въ вышнихъ... благоволение!*» — Лк. 2, 14.

Константин — При Константине (ок. 274—337), римском императоре (306—337 гг.), прекратилось преследование христиан (Миланский эдикт 313 г.). В 325 г. в его присутствии состоялся Никейский собор, принявший православный символ веры.

...*храмы идолския... постъче...* — Как свидетельствуют археологические исследования, языческие славянские святилища стояли в окружении валов и были огорожены тыном, иногда имелась постройка в центре. Валу и рвы нужно было «раскопать», а тын «рассечь».

Иезекия (715—687 гг. до н. э.) — иудейский царь, борющийся с идолопочитанием.

Иосия (627—613 до н. э.) — благочестивый царь иудейский, восстановивший почитание истинного Бога.

Стр. 322. **Иоанн Златоуст** — См. коммент. к с. 300.

«*Плодъ духовный... закона*» — Галат. 5, 22—23.

Авраам — ветхозаветный патриарх и праведник, родоначальник евреев и арабов. У Мамврийского дуба ему явился Бог в образе трех ангелов, которых он пригласил к себе и принял как гостеприимный хозяин.

Иаков — (Израиль), ветхозаветный патриарх, сын Исаака, внук Авраама.

Моисей — ветхозаветный пророк, вывел евреев из египетского плена, на горе Синай получил завет от Бога.

Радимичи — славянское племя, обитало в бассейне р. Сож. По «Повести временных лет» покорены в 984 г. (см. наст. т., с. 132).

Вятичи — славянское племя, жили в районе рек Оки и Москвы, было два похода: в 981 и 982 гг. (см. наст. т., с. 130).

Ятвяги — балтское племя, обитавшее на р. Неман, покорены в 983 г. (см. наст. т., с. 130).

Болгары. — Поход в Волжскую Болгарию состоялся в 986 г. (см. наст. т., с. 132).

Хозары. — Хазарский каганат на Волге и Дону был разгромлен отцом Владимира кн. Святославом в 965 г. Поход Владимира на хазар по другим источникам не известен.

Стр. 324. **Корсунь** — др. греч. колония в Крыму Херсонес (окраина совр. Севастополя). В X в. центр Византийской провинции. Согласно византийским хроникам и «Памяти и похвале» Корсунь взят Владимиром в 989 г., а не в 988, как сказано в «Повести временных лет» (см. также коммент. к с. 154). Все русские источники сообщают, что свадьба Владимира и Анны состоялась только в Крыму, что подтверждает гипотезу о враждебности русского князя императору из-за нежелания последнего соблюдать условия договора. Иаков мотивирует поход крестившегося Владимира против христианского города стремлением найти учителей веры для своего народа.

Климент — см. коммент. к с. 160.

Константин VIII и Василий II. — См. коммент. к с. 154.

«*Праведныхъ бо... суть*». — Прем. 3, 1.

«...и мзда имъ от Господа... от руки Господни». — Прем. 5, 15—16.

...*поживе... 28 лѣтъ*. — Так же определяет срок жизни Владимира после крещения автор «Сказания о Борисе и Глебе». Сопоставив эти указания с датой смерти Владимира 15 июля 1015 г., получим год крещения Владимира 987, а не 988, как в «Повести временных лет».

На другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи... — В летописи рассказа о таком походе нет. А. А. Шахматов предполагал, что Владимир ходил на печенегов, А. Поппе считал, что он встречал царевну Анну. Возможно, Владимир сопровождал войско, отправляемое в 988 г. в Византию.

...*на третьє Корсунь город взя...* — 989 г. О том, что Владимир крестился не в Корсуне, а еще в Киеве до похода, в полемике упоминает составитель «Повести временных лет» и называет место крещения — Василев (см. наст. изд., с. 156).

...църква камену... заложи... — 990 г. В летописях закладка церкви относится ко времени сразу после корсунского похода (989 г. или 991 г.).

...на пятое лѣто Переяславъ заложи... — 991 г. В «Повести временных лет» — 992 г. (не через год, а через два года после закладки Десятинной церкви).

...въ девятое лѣто десятину... Богородицѣ.— 995 г. А. А. Шахматов считал верной именно эту дату, так как 12 июля, день освящения церкви, приходился на воскресенье в 995, а не в 996 г.

«Идѣже есть съкровище... будеть». — Мф. 6, 21; Лк. 12, 34.

Ярополк — старший сын Святослава; в 969 г. перед вторым болгарским походом Святослав выделил ему Киев.

Стр. 326. ...угнешоша Олга... — второй сын Святослава. Получил Древлянскую землю. Из «Повести временных лет» известно, что ок. 976 г. Ярополк напал на Олега, который после проигранной битвы бежал в Овруч. Когда все торопились проскочить в город, многих, в том числе и князя, столкнули с моста в ров, где его задавило людьми и лошадьми. Неясно, представляет собой текст неудачное сокращение источника, или в источнике Иакова смерть Олега была представлена как несчастный случай.

...Ярополка убиша... — Ярополк был убит в Киеве в присутствии Владимира. (См. «Повесть временных лет», наст. изд., с. 124.)

И съде в Киевѣ... въ лѣто 6486. — Святослав погиб, возвращаясь из неудачного похода на Болгарию, на Днепровских порогах. Если год вокняжения Владимира (978) был восьмым после смерти Святослава, то князь погиб в 971 г., а не в 972, как в «Повести временных лет». Но данное противоречие мнимое. Мир между византийцами и русскими был заключен в 971 г., и войско двинулось на Русь. Не успев добраться в течение одного сезона, оно осталось зимовать на Днепре. Согласно источнику Иакова, князь погиб на зимовке в 971 г., а летописец отнес его смерть к весне следующего 972 г. Точная дата вокняжения Владимира есть только в «Памяти и похвале». Хотя «Повесть временных лет» называет 980 г., все остальные сведения в ней же подтверждают дату 978 г. (срок правления Владимира — 37 лет, Ярослав родился в 978 или 979 г., а не в 980).

Крестилъ же ся... по убьениш ...Ярополка... — 987 г.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

В 1015 г. умер киевский князь Владимир I Святославич. Киевский великокняжеский стол занял Святополк. По старшинству он имел право претендовать на это, но обстоятельства рождения Святополка и характер отношения к нему Владимира заставляли его опасаться за прочность своего положения. За 35 лет до этих событий, в 980 г., Владимир, убив своего старшего брата Ярополка, княжившего в Киеве, взял себе в жены его беременную жену «грекиню» (гречанку). Таким образом, хотя Святополк родился, когда его мать являлась женой Владимира I, он был сыном не Владимира, а Ярополка. Поэтому-то, как говорит «Сказание о Борисе и Глебе», — «и не любляше его» Владимир. Стремясь утвердиться на киевском великокняжеском престоле, Святополк стал уничтожать своих возможных соперников. Были убиты по его приказанию сыновья Владимира Святослав, Борис и Глеб. В борьбу за киевский княжеский стол вступил княживший в Новгороде сын Владимира от Рогнеды Ярослав, прозванный впоследствии Мудрым. В результате упорной и длительной борьбы, продолжавшейся до 1019 г. и окончившейся поражением и гибелью Святополка, Ярослав утвердился на киевском престоле (княжил до 1054 г.). Деятельность Ярослава бы-

ла направлена на усиление могущества и самостоятельности Руси. Важное государственное и политическое значение в этом процессе приобретало положение русской церкви. Стремясь укрепить независимость русской церкви от Византии, Ярослав добивался канонизации (признания святыми) русских государственных и церковных деятелей. Такими первыми, официально признанными Византией русскими святыми стали погибшие в междоусобицах Борис и Глеб. В честь Бориса и Глеба был установлен церковный праздник (24 июля), причисленный к великим годовым праздникам русской церкви.

Култ Бориса и Глеба имел важное государственно-политическое значение. Поведением Бориса и Глеба, не поднявших руки на старшего брата даже в защиту своей жизни, освящалась идея родового старшинства в системе княжеской иерархии: князья, не нарушившие этой заповеди, стали святыми. Политическая тенденция почитания первых русских святых заключалась в осуждении княжеских распр, в стремлении укрепить государственное единство Руси на основе строгого соблюдения феодальных взаимоотношений между князьями: все князья — братья, но старшие обязаны защищать младших и покровительствовать им, а младшие беззаветно покоряться старшим.

Государственное, церковное и политическое значение культа Бориса и Глеба способствовало созданию и широкому распространению в древнерусской письменности многочисленных произведений о них. Им посвящена летописная повесть (под 1015 г.) об убийстве Бориса (см. наст. изд., с. 176—178), «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба», написанное неизвестным автором, «Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпцю Бориса и Глеба», автором которого был Нестор, проложные сказания (краткие рассказы в Прологах — особом виде древнерусских литературных сборников), паремийное чтение (текст, включенный в богослужебные книги — Паремийники и Служебные Минен). Вопрос о взаимоотношении всех этих текстов и их хронологии весьма сложен и до настоящего времени не может считаться разрешенным. По мнению большинства ученых в основе и «Сказания», и «Чтения» лежит летописная повесть (есть, правда, и гипотеза о первичности «Сказания» по отношению к летописной повести). По вопросу о взаимоотношении «Сказания» и «Чтения» в науке существуют две противоположных точки зрения.

С. А. Бугославский на основе текстологического изучения 255 списков всего цикла памятников о Борисе и Глебе пришел к заключению, что «Сказание» возникло в последние годы княжения Ярослава Мудрого (т. е. в середине XI в.). Позже к «Сказанию о Борисе и Глебе» было присоединено «Сказание о чудесах», составлявшееся последовательно тремя авторами на протяжении 1089—1115 гг. Наиболее ранний список «Сказания» (в Успенском сборнике конца XII — нач. XIII вв.) дошел до нас уже в таком виде (т. е. текст «Сказания о Борисе и Глебе», дополненный «Сказанием о чудесах»). На основе «Сказания о Борисе и Глебе», дополненного рассказами о чудесах в редакции второго автора, скорее всего около 1108 г., Нестором было составлено «Чтение». Противоположная точка зрения, обоснованная А. А. Шахматовым, поддержанная и развитая Н. Серебрянским, Д. И. Абрамовичем, Н. Н. Ворониным (мы называем имена тех исследователей, которые специально занимались этой проблемой), сводится к следующему. Сначала, в 80-х гг. XI в., было написано «Чтение» Нестором. На основе Несторового «Чтения» и летописной повести после 1115 г. было создано «Сказание», с самого начала включавшее в свой состав и рассказы о чудесах. Гипотетичность обеих точек зрения требует дальнейшей разработки данного вопроса.

В «Сказании», по сравнению с «Чтением», гораздо драматичнее и динамичнее изображены описываемые события, сильнее показаны эмоциональные переживания героев. Сочетание в «Сказании» патетичности с лиричностью, риторичности с лаконизмом, близким к летописному стилю повествования, делают этот памятник самого раннего периода древнерусской литературы одним из наиболее ярких произведений Древней Руси. У древнерусских читателей «Сказание»

пользовалось значительно большей популярностью, чем «Чтение»: списков первого произведения гораздо больше, чем второго.

Образ Бориса и Глеба, как святых-воинов, покровителей и защитников Русской земли и русских князей, неоднократно использовался в древнерусской литературе, особенно в произведениях, посвященных воинским темам. В течение нескольких веков древнерусские писатели обращались к литературным памятникам о Борисе и Глебе, преимущественно к «Сказанию», заимствуя из этих источников сюжетные ситуации, поэтические формулы, отдельные обороты и целые отрывки текста. Столь же популярны Борис и Глеб, как святые князья-воины, были и в древнерусском изобразительном искусстве.

Летописная повесть о Борисе и Глебе неоднократно издавалась в составе «Повести временных лет». Научное издание текстов «Сказания», «Чтения» и других памятников этого цикла см.: «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916; Бугославский С. П. Україно-руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса и Глеба. У Києві, 1928.

Мы публикуем текст «Сказания о Борисе и Глебе» по списку Успенского сборника (по изд.: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971), но в том составе, который, по гипотезе С. А. Бугославского, это произведение имело в своем первоначальном виде, т. е. без «Сказания о чудесах», но сохраняя приложенную после похвалы Борису и Глебу, перед «Сказанием о чудесах», статью «О Борисѣ, какъ бѣ възърѣмъ». Исправления ошибок и восполнение пропусков делаются по спискам «Сказания», входящим в редакцию Успенского сборника (по изд. Бугославского).

Стр. 328. *«Родѣ правыхъ... въ благословении будетъ»*. — Пс. 111, 2.

...Володимиру, сыну Святославу... — О княжении Владимира I Святославича в «Повести временных лет» рассказывается под 980—1015 гг.

Сего мати преже бѣ чърницею, грѣкыни сущи, и поляю бѣ Ярополкъ... — О княжении Ярополка, его женитьбе и гибели в «Повести временных лет» рассказано под 973—980 гг.

А отъ Рогньди... — О Рогнеде Роговолодове, полоцкой княжне, в «Повести временных лет» говорится под 980 и 1000 гг. В статье 980 г. рассказывается также о женах Владимира и его детях от них.

Стр. 330. *И призываетъ Бориса, ему же бѣ имя наречено въ святѣмъ крещении Романъ...* — В древности был распространен обычай давать два имени — одно «русское», «мирское», «княжеское», а второе христианское, «крестное». Крестное имя Бориса — Роман, Глеба — Давид.

О таковыхъ бо рече Притѣчникъ... — Приточник — составитель книги притчей — царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н. э.) Соломон. Книга притчей Соломона входит в состав Библии.

...и ночь прошавъ помость на Берестовѣмъ... везъше на саняхъ... — см. коммент. к с. 174.

...«Господь гърдымъ противитъся... даеть благодать». — Иак. 4, 6; 1 Петр. 5, 5.

...«Иже рече — «Бога люблю»... лѣжъ есть». — 1 Иоан. 4, 20.

...«Боязни въ любви нѣсть... измещеть страхъ». — 1 Иоан. 4, 18.

«То понѣ узрю ли си лице братьца... яко же Иосифъ Венямина?» — Иосиф и Вениамин — библейские персонажи: самые младшие дети ветхозаветного патриарха Иакова от Рахили, его любимой жены. Иосиф встречается со своим младшим братом Вениамином после длительной разлуки, виновниками которой являлись старшие их братья от других жен Иакова, продавшие Иосифа в рабство.

Стр. 332. *Багряница* — царское, княжеское одеяние, порфира.

«Суета и суетие суетию, буди». — Ек. 1, 2.

«Иже погубити душу свою... съхранит ю».— Мф. 10, 39.

Пришедь Вышегороду...— Вышегород — загородная резиденция киевских князей (см. коммент. к с. 108).

...якоже прежде Каина...— Каин — библейский персонаж. Каин и Авель — дети Адама и Евы. Каин из зависти к младшему брату убил его (См.: Быт. 4, 1—16).

Стр. 334. «Скори суть кровь пролияти... нечистиемь свою душу обиемлють».— Притч. 1, 16.

...и сталъ бѣ на Лѣтѣ шатъры.— См. коммент. к с. 186.

Помышляеть же мучение... мученика Никиты и святого Вячеслава... и како святѣй Варварѣ отць свой убоица бысть.— Борис вспоминает имена тех святых, которые погибли за верность христианству от руки своих ближайших родственников: Никита, царский сын, был мучим и казнен отцом, не признававшим христианство; Вячеслав (Вацлав) — чешский князь (921—929 гг.), объявленный церковью святым, был убит братом Болеславом I; Варвара за исповедание христианской веры была казнена отцом-язычником.

«Господи! Чѣто ся умножиша сътужающи! Мънози въсташа на мя».— Пс. 3, 2.

«Обидоша мя пси мнози... одържаша мя».— Пс. 21, 17.

«Господи Боже мой! На тя уповахъ, спаси мя».— Пс. 7, 2.

Канон — церковное песнопение.

Стр. 336. «Любы въсе търпить... не ищеть своихъ си».— 1 Кор. 13, 4.

«Боязни въ любви нѣсть... отъмещеть боязнь».— 1 Иоан. 4, 18.

...възложилъ на нь гривну злату...— Здесь гривна — шейный обруч, ожерелье как знак отличия, награда.

Да «аще бы ми врагъ поносилъ... укрылъ быхъ ся».— Пс. 54, 13.

Стр. 338. ...мѣсяца июля въ 24 днь, прежде 9 каландѣ августа.— В древнеримском календаре первый день каждого месяца назывался календами, 5-е или 7-е число месяца (день первой четверти луны) — нонами, 13-е или 15-е число (день полнолуния) — идами. От этих трех моментов дни отсчитывались назад (исходная дата включалась в счет дней). Поэтому, в счете по календам, 24 июля соответствовало девятому дню перед августовскими календами. Календарный счет с упоминанием календ встречается в древнерусских текстах редко и параллельно с указанием дат и дней недели согласно юлианскому календарю, принятому на Руси вместе с христианством.

Стр. 340. ...ста на Смядинѣ...— см. коммент. к с. 178.

...пришла бляше вѣсть отъ Передѣславы...— Предслава — дочь Владимира I от Рогнеды, родная сестра Ярослава.

Стр. 340—342. ...«Не дети бывайте умы... съвършени бывайте».— 1 Кор. 14, 20.

Стр. 342. ...«За имя мое... имене моего ради».— Лк. 21, 12, 16.

...«Въ търпѣнии... душа ваша».— Лк. 21, 19.

Стр. 342—344. ...«Възвратятся грѣшници въ ад... забывающи Бога».— Пс. 9, 18.

Стр. 344. ...«Оружие извълекоша грѣшници... яко грѣшници погыбнуть».— Пс. 36, 14. 15. 20.

...«Чѣто ся хвалиши сильный о злѣбѣ... отъ земля живущихъ».— Пс. 51, 3—7.

...повържену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма колодами.— Здесь либо имеется в виду колода — ствол упавшего дерева, либо колода — гроб, выдолбленный из двух половин цельного ствола дерева.

...«Хранить Господь въся кости ихъ... съкрушитъся».— Пс. 33, 21.

...якоже и Авелева прежде.— См. коммент. к с. 332.

...якоже и на ономъ положи стонание и трясение...— Наказывая Каина за братоубийство, Бог сказал: «Стеня и трясыйся будещи на земли» (Быт. 4, 13).

И прибѣгоша Берестию... — Берестье — ныне г. Брест.

Стр. 344—346. *И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы...* — Существует гипотеза, что выражение «между Чехами и Ляхами» — древняя поговорка в смысле «где-то далеко».

Стр. 346. *...Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмъ же семьдесятницею мьстися ему.* — Ламех — один из потомков Каина, также совершивший убийство. В Библии сказано: «Яко седмицею отмстися от Каина, от Ламеха же семьдесят седмицею» (Быт. 4).

...Якоже бо Иулианъ цесарь... — Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан), римский император (361—363 гг.), восстановил в Римской империи язычество как официальную религию и выступил против христианства. Имя Юлиана в христианской литературе стало нарицательным именем гонителя православия. Погиб либо от вражеской стрелы, либо от удара копьём в спину во время похода против персов в 363 г. Неясные обстоятельства его гибели породили множество легенд.

...и вѣложыше въ корабль... — В древних погребальных обычаях покойника либо везли на санях (независимо от времени года), либо несли в ладье.

...«Не можеть градъ укрытися... да свѣтитъ тѣмьныя». — Мф. 5, 14—15.

Стр. 348. *...якоже и великий Димитрий...* — Димитрий Солунский, сын солунского воеводы, проконсул Солуни (совр. Салоники), был убит в 306 г. и признан христианской церковью святым. Почитался как покровитель и защитник Солуни. Пользовался особой популярностью как святой-воин не только в Солуни, но на Афоне, в Балканских странах и в Древней Руси.

...«Туне... дадите». — Мф. 10, 8.

...«Вѣруй въ мя... и больша тѣхъ» — Иоан. 14, 12.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

«Житие Феодосия» — инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря — написано в 80-х гг. XI в. монахом той же обители — Нестором. Жизнеописание святого, как того требовал жанр произведения, должно было содержать ряд традиционных сюжетных мотивов: будущий святой рождается от благочестивых родителей, с детства отличается «прилежанием» к церкви, бежит от радостей и соблазнов «мирской жизни», а став монахом, являет собой образец аскета и подвижника, успешно борется с кознями дьявола, творит чудеса. Все эти мотивы встречаются и в «Житии Феодосия». Но в то же время это житие привлекает обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Сам Феодосий, в прошлом смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и издевательства сверстников, становится деловитым хозяином монастыря и смело вмешивается в политическую жизнь страны. Мать Феодосия, вопреки христианскому благочестию, которым, по агиографическому канону, наделил ее Нестор, борется со стремлением сына «датися» Богу. Монахи Киево-Печерского монастыря предстают перед нами вполне земными людьми: они с трудом примиряются с суровым монастырским уставом, далеко уступают своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии. В описании чудес и видений Нестор проявляет удивительное писательское мастерство: он умеет найти и подать такие выразительные детали, которые создают иллюзию достоверности даже в самых фантастических эпизодах. В то же время, если не считать традиционного для житий вступления, где автор молит Бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Феодосия, житие лишено риторических рассуждений, оно сюжетно и динамично.

«Житие Феодосия» публикуется по списку в составе Успенского сборника (рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 1063/4), изданному в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Исправления и дополнения внесены по списку «Жития» в составе Киево-Печерского патерика, изданного в кн.: Абрамович Дмитро. Киево-Печерський патерик. У Київі, 1930.

Стр. 352. *...писавъшию ми о житие... Бориса и Глѣба...*— Нестором написано также «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба». Как полагают, тот же Нестор создал и новую редакцию русской летописи — «Повесть временных лет». Сведения о Киево-Печерском монастыре и о Феодосии в «Повести временных лет» (в статьях 1051, 1074 и 1091 гг.) дополняют рассказ «Жития», но в ряде случаев и противоречат ему.

Аще имате вѣру... послушаетъ васъ.— Мф. 17, 20.

Яко мнози приидуть ...въ царствии небеснѣмъ.— Мф. 8, 11.

Мнози будутъ послѣднии прѣвши.— Мф. 19, 30.

...великаго мѣню Антония...— Антоний Великий (III—IV вв.) — отшельник, признаваемый церковью как основоположник монашества.

Стр. 354. *Зълый рабе ...истязалъ е.*— Мф. 25, 26.

Еже глаголю ...въ домѣхъ.— Мф. 10, 27.

Градъ есть... 50 поприщъ... именовъ Васильевъ.— Город юго-западнее Киева на реке Стугне; поприще — древнерусская мера длины, в данном случае близка по значению к версте.

...Феодосиемъ того нарицаеть.— В переводе с греческого «Феодосий» — «данный, посвященный Богу».

...стадо богословесныхъ овецъ, донѣдеже пастуха избѣра.— Традиционные в древнерусской книжности символы: «пастух», «пастырь» — священник или игумен, «овцы», «стадо» — прихожане или монахи, «волк» или «враг» — дьявол.

Стр. 356. *Рабе благый, верне умноживый преданыи талантъ...*— В данном месте, а также в тексте на с. 354 и 402, имеется в виду евангельская притча о рабах, которым господин, уезжая, оставил на сохранение свои сокровища (талант — денежная единица в Древнем Востоке). Один раб закопал деньги в землю, а другие пустили их в оборот и вернули господину с прибылью (см.: Мф. 25, 14—30). Здесь речь идет о том, что данный тебе талант (способность) не следует скрывать, его нужно развивать в деле.

Придѣте, благое стадо... съложения миру.— Ср.: Мф. 25.

Придѣте, убо... вамъ царствие.— То же.

...о святыхъ мѣстѣхъ...— о Палестине, куда в средневековье часто отправлялись паломники.

Стр. 360. *...золотѣй врагъ...*— Здесь и в дальнейшем словом «враг» обозначается дьявол.

Примѣте и ядите... въ оставление грѣховъ.— Мф. 26, 26 и 28.

Стр. 362. *Аще кто не оставитъ... нѣсть мене достоинъ.*— Ср.: Мф. 10, 37—38.

Придѣте къ мѣнѣ ...покой душамъ вашимъ.— Мф. 11, 28—29.

Стр. 364. *...о блаженнѣмъ Антониѣ...*— см. о нем в «Повести временных лет», с. 198—200.

...великому Никону...— Никон — монах, а позднее игумен Киево-Печерского монастыря; он был составителем летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет».

Виждь смѣрение мое... грѣхы моя.— Пс. 24, 18.

Стр. 368. *Близъ Господь призывающимъ ...спасеть я.*— Пс. 144, 18-19.

...иде бо ...посредѣ ихъ.— Мф. 18, 20.

...удобѣе есть вельбуду ...вънити.— Мф. 19, 24.

Стр. 368—370. *Никто же возложъ ...небеснѣмъ.*— Лк. 9, 62.

Стр. 370. ...на конь поеха къ старцю... яко Антоний и иже...— Этот текст восполняется по Киево-Печерскому патерику; в Успенском сборнике утрачен лист с этим текстом.

Князь Изяслав — старший сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068—1069 гг., когда княжил Всеслав).

Стр. 372. *Тогда глагола ему жена его...*— Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского князя Мешко II; события, о которых говорит Гертруда, быть может, — восстание 1037—1038 гг. См. коммент. к с. 192.

Стр. 374. ...възваша бо... духъмь спасеть.— Пс. 33, 18, 19.

...якоже се апостола Павълъ и Варнава... въ Дѣянихъ апостоль.— О проповеди христианства апостолами Павлом и Варнавой рассказывается в Новом завете (Деян. гл. 11—14).

...островъ Тмутороканьскый...— Имеется в виду Тмутороканское княжество, располагавшееся на Таманском полуострове.

Стр. 376—378. ...въ монастырь свягаго мученика Димитрия и ту игуменъмь поставленъ.— Речь идет о Дмитревском монастыре, построенном киевским князем Изяславом Ярославичем. Монастырь находился в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, недалеко от Киево-Печерского монастыря.

Стр. 378. *Иже аще кто въ вась... вѣмъ слуга.*— Ср.: Лк. 32, 26; Мф. 20, 26—27.

Правдъникъ бо... умножитья.— Пс. 91, 13.

...устваъ Студийскаго монастыря...— см. коммент. к с. 200.

Стр. 380. ...святыихъ мясопуць...— см. коммент. к с. 248.

...до Врѣбныя недѣля...— см. коммент. к с. 224.

Стр. 382. *Аще кто не оставитъ... достоинъ.*— Мф. 10, 37.

Обрѣтый душою... спасеть ю.— Мф. 10, 39.

Стр. 384. *Никътоже бо... царство небесное.*— Лк. 9, 62.

Стр. 388. ...умъръшо Ростиславу князю острова того...— О смерти Ростислава Владимировича см. в «Повести временных лет» под 1066 г.

...съ князьмъ Глѣбъмь...— Глеб, сын Святослава Ярославича, княжил в Тмуторокани в начале 60-х гг., в 1064 г. был изгнан Ростиславом; после его смерти в 1066 г. тмутороканцы вновь попросили Глеба стать их князем.

Стр. 390. *Навыкнѣте отъ мене... съмѣренъ сьрѣдцьмь.*— Мф. 11, 29.

Блажени бо... многа на небесахъ.— Ср.: Мф. 5, 11—12; Лк. 6, 22—23.

Стр. 394. ...гривну злата...— Гривна — денежная единица; здесь, возможно, речь идет о золотом слитке достоинством в гривну.

Стр. 396. ...единъ нѣкто чьрноризьць... имьнъмь Дамианъ...— О Дамьяне (Демьяне) см. в «Повести временных лет», в статье 1074 г.

Стр. 402. ...иде съкровища ваша, ту и сьрѣдця ваша.— Лк. 12, 34.

Безумьне... душу твою изьму, а яже събъра — кому будуть? — Лк. 12, 20.

Стр. 404—406. ...въ пустыни людьмъ непокоривымъ хлѣбъ небесьный одъжди и источи крастѣли.— В Библии рассказывается, как Бог ниспослал с неба манну и перепелов блуждавшим по пустыне евреям (Исход. 16, 13—14).

Стр. 406. ...святааго първомученика Стефана...— Согласно библейскому преданию (см. Деян. гл. 6—7), Стефан — дьякон, который был первым казнен за проповедь христианства во времена римского императора Гая Юлия Цезаря Калигулы (12—41).

Стр. 408. *Бывѣшю же нѣколи дьни свягаго и великаго Димитрия...*— День памяти святого Дмитрия Солунского; в честь его и был основан князем Изяславом монастырь, не раз упоминаемый в «Житии Феодосия».

...епитимиею утвьрди...— см. коммент. к с. 224.

Стр. 410—412. *Боголюбивый же князь Изяславъ... послѣже положи душу свою за брата своего...* — О гибели Изяслава рассказывается в «Повести временных лет», в статье 1078 г.

Стр. 414. *сѣмотри же пѣтиць... питаетъ я.* — Мф. 6, 26.

Стр. 416. *...о святѣмъ и велицѣмъ Савѣ* — Савве Освященном, византийском святом.

Стр. 418. *Очи Господни... въ молитву ихъ.* — Пс. 33, 16.

Стр. 418—420. *...бысть въ то врѣмя смятение нѣкако...* — Речь идет о событиях 1073 г., когда киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан из своего удела братьями — Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским. Киевским князем стал Святослав и оставался им до своей смерти в 1076 г.

Стр. 420. *...на тряпезу Вельзавелику...* — т. е. на пир, устраиваемый Святославом, грубо нарушившим заповедь своего отца Ярослава. Иезавель — жестокая и коварная жена царя Ахава, о которой повествуется в Библии (3 Цар. гл. 18).

Стр. 422. *...паче меду и сѣта...* — Сыта — сладкий напиток на меду.

...другя же ор҃ганныя гласы поюще, и икъмъ замарныя пискы гласящемъ... — Органы и замры (?) — ударные и духовые музыкальные инструменты.

Стр. 424. *...въ ектеши веля того поминати...* — то есть упоминать в заздравной молитве.

Стр. 426. *...тиуны, и приставники...* — Тнун, приставник — эконом, управляющий хозяйством, дворецкий.

ПОУЧЕНИЯ И МОЛИТВА ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Рукописная традиция донесла до нас целый ряд сочинений Феодосия Печерского — свидетельства его пастырской деятельности в монастыре и в миру. Большую часть литературного наследия основателя Киево-Печерского монастыря составляют поучения к инокам. Сохранились учительные слова Феодосия, обращенные к монастырской братии, в которых запечатлен тот духовный труд, что был положен им на устройство обители. Игумену должно было заботиться и об усвоении и исполнении богослужебного устава, и об устройении и соблюдении церковного благочиния, и о христианском воспитании нравственности иноков. Дошедшие до нас Слова передают ту настойчивость и неустанное душевное напряжение, с которыми делал это Феодосий. Житие рассказывает об обычае преподобного Феодосия удаляться в затвор на время Великого поста ради сосредоточенной молитвы и покаяния (см. с. 418 наст. изд.). Одно из публикуемых здесь поучений, «Слово утѣшно къ братии о душевнѣй ползѣ», как раз сохранило в своем содержании свидетельство того, что оно написано из затвора: даже ненадолго покидая братию, игумен не оставлял ее своим попечением. Очевидно, уединение на время поста создавало ему, кроме всего прочего, еще и наиболее благоприятную возможность для обдумывания своих мыслей и для писательского труда.

Монашество составляло главную часть паствы Феодосия Печерского, но он был пастырем и мирских людей. Особое место среди духовных чад Киево-Печерского игумена занимал великий князь киевский Изяслав Ярославич, внук крестителя Руси Владимира I Святославича. Предание, зафиксированное «Житием Феодосия», свидетельствует об очень близких отношениях великого князя с преподобным Феодосием (см. с. 384 наст. изд.). Рукописная традиция сохранила до наших дней два послания Феодосия к Изяславу с наставлениями по поводу поста и о том, как надо относиться к латинянам, то есть католикам. И поучения инокам, и поучения князю, первоначально обращенные к совершенно конкретным лицам, со временем превратились в поучения для всех православных христиан, ибо благодаря неугасающей рукописной традиции продолжали из века в век обращаться все к новым и новым поколениям людей.

Венцом христианского подвижничества Феодосия Печерского можно назвать его молитву за всех христиан, молитву, по содержанию которой особенно ясно видно, за что было дано ему в народном предании прослыть «светильником всея Руси», — за то, что был он именно таким молитвенником за всех.

Мы публикуем избранные поучения Феодосия Печерского (полное их научное издание см.: Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 159—184) по следующим рукописям: Слово о терпении, любви и посте, Поучение о терпении и смирении, Слово утешительное к братии о душевной пользе — *РГБ*, собр. Румянцева, № 406, XV в., л. 105 об.— 108 об., 111 об.— 114 об., 99 об.— 101 об.; Поучение келарю — *РНБ*, Софийское собр., № 1262, XV в., л. 125; Послания к князю Изяславу Ярославичу — *РНБ*, Софийское собр., № 1285, XV в., л. 100—102 об.; Молитва за всех христиан — *ГИМ*, Синодальное собр., № 235, пергаменная Псалтырь 1296 г., л. 275—277.

Стр. 434. *...хвалу въздати благому Владыцѣ, иже въ первый надесят час пришедшим не похули их опоздениа, но тужде мѣзду дарова имѣ, юже изъутра дѣлавшим... не лѣт ли ми въ своих, якоже хошу».* — Здесь Феодосий имеет в виду евангельскую притчу о работниках в винограднике. См. Мф. 20, 13—15.

«Яко нигдѣже туне хлѣба не ядох... руцѣ мои послужиста си мнѣ и инѣмъ»... — Ср. 1 Фес. 2, 9—10; 2 Фес. 3, 7—8.

«Праздный да не ясть». — Ср. 2 Фес. 3, 10.

Слышасте бо притчу о десяти дѣвахъ, мудрых а 5 несмыслныхъ. — Здесь Феодосий имеет в виду евангельскую притчу о десяти девах. См. Мф. 25, 1—12.

Стр. 436. *«Луче бо... даяти, нежели взимати».* — Деян. 20, 35.

«Блаженъ... разумѣвая на нища и убога... избавить и Господь». — Пс. 40, 2.

«Блажени милостивии, яко ти помиловани будутъ». — Мф. 5, 7.

...егда ведяше ѿ Моиси къ морю Чръмному... гроби наши въ Египтѣ были!» — Здесь и далее Феодосий имеет в виду события, которые происходили при исходе израильского народа из Египта в землю обетованную. См. Исход. 13, 18—22; 14, 10—12.

Да егда проведе их Богъ сквозѣ Чръмное море... и врагы их потопи... — См. Исход. 14, 21—31.

...придоша въ Мерры... не ослади ли имѣ Богъ горькихъ водѣ? — См. Исход. 15, 23—25.

...поклонишася тѣлцю. — См. Исход. 32, 1—14.

...воду имѣ ис камени источи... — См. Числ. 20, 1—11.

...хлѣбы имѣ съ небесе дарова. — См. Исход. 16, 4, 12—35.

...«Почто гибель сиа бысть? Можаше бо се миро... и датися убогымъ»... — Мф. 26, 8—9; ср. Мк. 14, 4—5; Иоан. 12, 4—5.

...«Кто дасть главѣ моей камение... да глачюся... дщере людий моих!» — Ср. Иерем. 9, 1.

Стр. 438. *«Смирхѣ бо ся... спаси мя».* — Пс. 114, 5.

«Въ смиренни нашемъ помянул ны Господь». — Пс. 135, 23.

...якоже ны богоносивый Феодоръ учит... — Феодор Студит (VIII—IX вв.), игумен Студийского монастыря в Константинополе, с именем которого связывалось сложение Студийского церковно-монастырского устава. Феодосий имеет здесь в виду правила Студийского устава, которыми руководствовались в Киево-Печерском монастыре. Студийский устав был принят в Киево-Печерском монастыре в первые же годы его существования (см.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 108; Абрамович Д. И. Киево-Печерский патерик. У Київі, 1931. С. 39) и отсюда распространился по всем другим русским монастырям и оставался в обиходе на Руси вплоть до XIV века, когда его сменил Иерусалимский устав.

...«Готово сердце мое, Боже, готово». — Пс. 56, 8.

...«Възвеселихся о рѣкших мнѣ: в дождь Господень виднемъ»...— Пс. 121. 1.

Стр. 440. ...видимъ бо его предстояща прѣд Пилатом и поругаема и не глаголюща ничсоже...— См. Мф. 27. 11 и след.; Мк. 15. 1 и след.; Лк. 23. 1 и след.; Иоан. 18. 28 и след.

Стр. 440—442. ...«Грѣшнику же рече Богъ... и не будетъ избавляющаго».— Пс. 49. 16—22.

Стр. 442. «Усты твоими сужю ти, рабе лукавый... иже быша ми въздали съ прибытокъ».— Ср. Мф. 25. 26—27.

...«О, злый рабе и лѣнливый... иже быша ми въздѣлали съ лихвою...» — Ср. Мф. 25. 26—27.

...аки Лазаря другаго пред враты, повржена...— Феодосий имеет здесь в виду евангельскую притчу о богатом и Лазаре. — См. Лк. 16. 19—25.

Стр. 444. ...человѣколюбивый Бог, иже не презрѣ Лазаря... но възкресилъ ѿ... — Феодосий имеет здесь в виду евангельское чудо воскрешения Лазаря. См. Иоан. 11. 2—45.

...и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующеся.— Имеется в виду Студийский устав.

...онъ престоль вышний, егоже видѣ Исая... не опаляя пророка, но просвѣщаяй.— Феодосий имеет в виду эпизод из Книги пророка Исаяи, где описывается призвание Исаяи к пророческому служению. См. Ис. 6. 1—7.

...судъ Ананьинъ и Самфиринъ постигнѣтъ тя... напрасно умроста...— Феодосий имеет в виду чудо, о котором рассказано в Деяниях апостольских: Анания и жена его Сапфира, желая стать членами иерусалимской общины христиан, продали свое имение, но принесли в общину только часть цены, выдав ее за всю полученную сумму; карой за ложь была им внезапная смерть. См. Деян. 5. 1—10.

Гезино прокажьство...— Гнезий, слуга пророка Елисея, был наказан проказой за взятое тайно и с помощью лжи серебро. См. 4 Царств. 5. 20—27.

Стр. 446. ...отинудь не дѣлати...— См. Исход. 31. 15—18.

...ни огня възгнѣвати...— См. Исход. 35. 3.

...«Иже кто благовѣститъ вамъ паче насъ... проклятъ да будетъ».— Ср. Галат. 1. 8. 9.

...«Объщайтесь и въздадите»...— Пс. 75. 12.

Стр. 448. *Егда ся приключитъ въ среду или въ пятокъ... праздникъ... то ѣжь мясо.*— Речь идет об обрядовой особенности, которая некоторое время держалась в русской церкви. Как можно понять из ряда летописных упоминаний, из записанных в середине XII в. канонических правил в сборнике, под названием «Вопрошение Кирика», а также из настоящего послания, по русскому обычаю XI—XII вв. пост в среду и пятницу полностью отменялся, если на эти дни приходились праздники господские, богородичные и нарочитых святых; в то время как в Византии уже в XII в. такая отмена совершалась лишь в праздники Рождества Христова и Богоявления (см.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1888. Т. III, изд. 3-е. С. 105—111). Слова «...любо святѣй Богородици, ли 12 апостоль...» — в ркп. зачеркнуты и на поле внизу другим почерком написано *Рождество Христово и Крещение Господне*. Так переписчик данной рукописи поправил Феодосия Печерского вследствие того, что к его времени указанный порядок отмены поста среды и пятка уже перестал практиковаться на Русн.

Азь, Федось... възпитанъ добръ въ законъ правовѣрнымъ отцемъ и матерью християною...— Общая характеристика родителей Феодосия Печерского как людей благочестивых имеется в его Житии (см. наст. изд., с. 356, 368).

...ядять съ псы и съ кошьками...— Как это, так и следующие обвинения латинян находят себе аналогии в современных Феодосию и более ранних произведениях греческой антилатинской полемики. В сочинении «Стязание с латиною», приписываемом киевскому митрополиту Георгию (1062—1079 г. г.), подобное обвинение выражено более ясно и помогает понять данное место в послании Феодосия: «Иже ядять съ псы въ единомъ съсудѣ, сами ядъше, а избытокъ поставляютъ псомъ, да полизуть, и потомъ паки сами ядять» (см.: Попов А. Историко-литера-

турный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 71; Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 195).

...пють бо своей съчь...— Об этом есть в сочинениях византийских авторов (см. Попов А. Историко-литературный обзор. ... С.71).

...ядять жълвы... и хвостъ бобровый ядять.— В большинстве греческих полемических произведений против латинян говорится только об употреблении латинянами в пищу удавленнины. Но в сочинении «О фрягах и прочих латинах», ходившем и в славянском переводе, находится близкое к посланию Феодосия перечисление различных видов «скверноядения» латинян (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 62).

Въ говѣнье и мяса пуцають първоѣ недѣльѣ поста въ вторникѣ.— Речь идет о нарушении латинянами первой седмицы Великого поста.

...працують попове ихъ по дару.— Возможно, речь здесь идет о папских индульгенциях. В греческих полемических трактатах индульгенциям посвящался особый раздел (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 74).

А попове ихъ не женятся...— Речь идет о celibате, принятом в западной церкви принципе безбрачия духовенства. Об этом говорилось и в послании Константинопольского патриарха Михаила Керулария к Антиохийскому патриарху Петру, написанном во время окончательного разделения церквей в 1054 г. (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 48—49).

И пискупци ихъ... на войну ходять.— Смысл этого обвинения становится более ясным, если сравнить его с отрывком из послания патриарха Михаила Керулария; вот его древний славянский перевод: «Епископи их... на брани же исходяще, крѣви свои руцѣ помазуютъ и къ симъ душа убивающе и убиваеми» (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 49).

И опрѣснокомъ служатъ.— Речь идет об употреблении западной церковью в таинстве евхаристии бесквасного хлеба, или опресснока, подаваемого причащающимся в виде круглой пластинки, облатки. Все антилатинские полемисты, греческие и русские, постоянно касались вопроса об опрессноках в своих сочинениях.

И иконѣ не цѣлуютъ, ни святыхъ мощей.— Этот пункт также был в послании патриарха Михаила Керулария.

И крестъ цѣлуютъ, лежаще... а вѣставше, попирають ногами.— В греческом сочинении «О фрягах и прочих латинах» этот пункт давался подробнее (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 61—62). О невольном попирании латинянами креста, иачертанного ими прежде на земле, с осуждением говорилось и в Повести временных лет.

Мертвеча же кладуть на западъ ногами, а руцѣ... не на персьѣхъ.— О том, что латиняне не складывают руки покойникам на груди, а простирают вдоль тела, говорилось и в греческом трактате «О фрягах и прочих латинах» (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 65).

Женящеса у нихъ поимають двѣ сестреницѣ.— Очевидно, эта мысль Феодосия восходила к одному из пунктов послания патриарха Михаила Керулария, где осуждался тот факт, что у латинян два брата могли жениться на двух сестрах (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 49).

А крещаются въ одно погруженье...— Этот пункт упоминался и в послании патриарха Михаила Керулария (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 49, 77).

...соль сыплють крещаемому въ ротъ.— Упоминание этого латинского обряда также есть в послании Михаила Керулария (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 49, 63).

Имени же не нарицають святого, нъ како прозовуть родители, в то имя и крестять.— Это положение также встречается в ряде антилатинских полемических сочинений (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 54; Павлов А. Критические опыты. ... С. 196).

Стр. 448—450. ...*глаголють и Духа Святаго исходящего от Отца и от Сына.*— Речь идет об основном католическом догмате, отделяющем западную церковь от греческой, догмате об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына (*filioque*). Обличение этого догмата входило почти во все антилатинские полемические сочинения, как греческие, так и русские (см.: Попов А. Историко-литературный обзор. ... С. 8, 12, 35, 48, 54—55, 59—60).

Стр. 450. ...*въ Савьску ересь въступають.*— Речь идет о ереси Савелия (III в.). Савелий и его последователи отвергали ипостасное различие между лицами Троицы, отождествляя их и сливая в одно лицо, уча, что каждое из трех лиц Троицы есть особая форма выражения одного Божества, сменяющая другую во времени.

...*«Единъ Богъ... едино крещенье»...*— Ефес. 4. 5.

Стр. 452. ...*«Аще и ангелъ пришеде с небесе... да будетъ проклятъ».*— Галат. 1. 8.
...*занеже мертвымъ тѣломъ служите...*— Автор имеет в виду, что таинство евхаристии совершается латинянами на бесквасном (то есть «мертвом») хлебе.

«Въздасться комуждо по дѣломъ ихъ о Христѣ».— Ср. Откр. 22. 12.

...*в затворѣхъ, и въ столпѣхъ...*— Речь идет об особенно аскетических видах иноческого подвижничества: затворничестве (уединении по обету и безвыходном пребывании в келье или пещере) и столпничестве (тоже уединении, сопровождавшемся еще и неподвижным пребыванием на столпе,— камне, скале, специально устроенном возвышении).

...*и святыхъ отецъ 300 и 18, иже в Никѣи...*— Феодосий имеет в виду отцов 1-го Вселенского собора, который происходил в Никее в 325 г.

Стр. 452—454. ...*Василья, Григорья Богословця, Иоана Златоустаго, и Николы, и святаго отца нашего Антония...*— Феодосий Печерский имеет в виду церковных подвижников раннехристианских времен, святителей Василия Великого (IV в.), Григория Богослова (IV в.), Иоанна Златоуста (IV в.), Николу Мирликійского (IV в.), причтенных к лику святых, и присоединяет к ним только что скончавшегося своего современника, наставника и христианского брата Антония Печерского. Помимо всего прочего, эта деталь означает, что настоящая молитва родилась у Феодосия на последнем году его жизни, ибо известно, что Антоний скончался в 1072/1073 г., а Феодосий — в 1074 г.

Стр. 454. ...*Антония...*— В ркп. добавлено: и Феодосия; так редактировал молитву преп. Феодосия пнсец настоящего ее списка.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Прозвание Мономаха получил по матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г. — киевским. Всю жизнь он провел в борьбе с половцами и с их обычным союзником — князем Олегом Святославичем. Против половцев Мономах организовал несколько походов объединенных сил русских князей. Стремясь предотвратить распад русского государства на ряд самостоятельных княжеств и вместе с тем придерживаясь принципа, что каждый князь должен наследовать владения своего отца, он придавал огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли. С этой целью он организовывал съезды русских князей, поддерживал культ «святых братьев» Бориса и Глеба, жизнь которых должна была подать пример послушания младших князей старшим, покровительствовал летописанию, напоминаяшему об историческом единстве Руси и всего княжеского рода («все

князя — брата») и писал сам произведения, в которых выражал те же идеи единства Руси и необходимости бескорыстного служения родине. В собственной деятельности Владимир Мономах не всегда выдерживал изложенные им принципы, но все же законодательным путем он несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, в целом ряде случаев добивался прекращения княжеских усобиц и добился прекращения на некоторое время половецких набегов, совершив успешные походы в глубь степей. Княжение Владимира — это время усиления Руси и эпоха расцвета русской литературы.

«Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. В ней оно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях (Ипатьевской, Радзивилловской и др.) текст, разделенный в Лаврентьевской летописи «Поучением», читается без всякого разрыва и «Поучение» отсутствует. «Поучение» — одно из выдающихся произведений древнерусской литературы. По поводу того, когда оно было написано, существует большая литература и большие расхождения во взглядах. Вероятнее всего, оно написано в 1117 г. Печатается по Лаврентьевской летописи (РНБ, Ф. п. № 2) с незначительными исправлениями описок. Ниже дается самый сжатый комментарий к «Поучению». Подробный комментарий см. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 425—457.

Стр. 456. *...нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ...* — Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское», — обычны в среде русских князей XI—XIII вв., а отчасти и позднее.

Съдя на санех... — Это образное выражение следует понимать как «в преклонных годах», «на краю смерти». Перевозка тела умершего на санях была существенной частью древнерусского погребального обычая.

...дѣти мои, или инъ кто... — Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

...братья моя... — Здесь разумеются двоюродные братья Мономаха князья Святополк Изяславич и Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша»).

...Ростиславича... — Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теробовльскій.

«Вскую ...смуцаеши мя?»... — Ср.: Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

«Вскую печална еси, душе ...яко исповѣмся ему». — Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

«Не ревнуй лукавнующимъ... ти обладаютъ землею». — Пс. 36, 1, 9.

Стр. 456—458. *«И не будетъ грѣшника... и живи в вѣки вѣка».* — Пс. 36, 10—17. 19.

21—27.

Стр. 458. «Внегда стати челоуѣкомъ... вода бы ны потопила». — Пс. 123, 2, 3.

«Помилуй мя, Боже... борющихся со мною свыше». — Пс. 55, 2—3.

«Возвеселится праведник... Бог судья земли». — Пс. 57, 11—12.

«Изми мя отъ врагъ... се уловиша душу мою». — Пс. 58, 2—4.

«И яко гнѣвъ... а завтра радость». — Пс. 29, 6.

«Яко лучшии милость твоя... въздѣю руцѣ мои». — Пс. 62, 4—5.

«Покры мя отъ сонма... дѣлающихъ неправду». — Пс. 63, 3.

«Възвеселитесь вси... воину хвала его»... — Пс. 31, 11; 33, 2.

Якоже бо Василий учаеше... — Василий Великий (Кесарийский; ок. 330—379). «Поучения» Василия Великого были известны на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.

Стр. 458—460. «Избавите обидима... яко снѣгъ обѣлю ѿ»...— Ис. 1, 17—18.

Стр. 460. «Что есть человек, яко помниши ѿ?» — Пс. 8, 5.

«Велий еси, Господи... не можеть исповѣдати чудес твоихъ»...— Ср.: Пс. 47, 2.

«Велий еси, Господи... по всей земли».— Ср.: Пс. 94, 3; 95, 4.

...како птица небесныхъ изъ ирья идут...— По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается знамою вся живая природа.

«А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»...— Пс. 118, 12.

«Да иже не хвалить тебе, Господи... да будетъ проклятъ».— Ср.: 1 Кор. 16, 22.

Стр. 462. ...Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от нихъ благословенье...— Эдесь текст, по-видимому, испорчен.

Стр. 464. ...якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ...— Какие именно языки знал отецъ Мономаха — Всеволод Ярославич, — мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языковъ было в XI в. для Западной Европы явлениемъ незауряднымъ. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знанье пяти иностранных языковъ. Об этом помнили и этимъ восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.

«Просвѣти очи мои...» — Пс. 12, 4.

Вятичи — жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямымъ путемъ через вятические леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.

...со Ставкомъ с Гордятичемъ...— Нигде в другихъ случаяхъ этот Ставко более в летописяхъ не упоминается.

Берестье — ныне Брест.

...идохъ Володимерю.— Город Владимир-Волинский.

...идохъ Переяславлю отцю...— к отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха — Всеволода).

Сутейск.— Где был Сутейск — неясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.

...за Глоговы до Чешскаго лѣса...— Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравней, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесомъ имеется в виду лес Силезско-Моравскихъ гор. Глогова — Глогув на р. Одере.

...дѣтя... старѣйшее новгородское.— Старший сынъ Владимира Мономаха Мстиславъ родился в 1076 г. В Новгороде Мстиславъ княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

...таже Турову.— Туровъ был городомъ Владимира Мономаха; ныне небольшое местечко в Белоруссии.

И Святославъ умре...— Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.

...Глѣбови в помощь.— В помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г.

...Одрѣскъ...— Где был город Одреск — неясно.

...на Краснѣмъ дворѣ...— Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.

Стр. 466. ...и побѣдихомъ Бориса и Олга.— Имеется в виду битва на Нежатинной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отецъ Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олга Святославича. Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве селъ Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславомъ «с черниговцами».

Обровъ — урочище в Переяславском княжестве, но неясно, где именно.

...до Лукамля и до Логожска... — Города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Все-
славу Полоцкому.

...князи Асадука и Саука... — Асадук — это, возможно, тесть Олега Святославича, же-
натого на половчанке.

...за Новымъ Городом... — За Новгородом-Северским.

...силны вои Белкатгина... — Кто такой Белкатгин — неизвестно.

...а семечи и полонъ весь отяхом. — Кто такие «семичи» — неизвестно (жители по реке
Семи?).

...на Ходоту... — Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.

...ко Корьдну... — Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение
его неясно.

...по Изяславичихъ... — По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Свято-
полке — сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Пере-
мышльском и Васильке Ростиславиче Теребовльском).

Микулинъ — город в Галицкой области на р. Серете.

Броды — город на границе Руси с Польшей в Волинской земле. Здесь состоялось сви-
дание Мономаха с Ярополком и заключен с ним мир.

Хоролъ — приток Псела.

Горошинъ — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад
от Хорола.

Супой — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следую-
щий за Супоем крупный левый приток Днепра — Сула. Супой и Сула — пограничные с половец-
кой степью реки.

Прилукъ — город в Переяславском княжестве.

...только семцю яша одного живого... — Что означает слово «семца» — неясно (может
быть, младший член семьи, слуга).

...к Бѣлѣ Вежи... — Здесь, очевидно, имеется в виду г. Белая Вежа на р. Остре.

Святославль — Местоположение Святославля неясно.

Гюргевъ — город Юрьев на р. Роси.

Ростиславъ — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.

Варинъ — Где находился Варин — неясно.

Володимеръ — Владимир-Волинский.

...и Ярополкъ умре. — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.

...по отни смерти... — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

Халѣп — село Халеппе недалеко от Стугны.

...у Глѣбовы чади... — Интересно, что знатный половец носит русское имя; русские име-
на у половцев встречаются неоднократно.

Стр. 468. *...на святого Бориса день...* — Память Бориса праздновалась 24 июля.

Римовъ — город на Суле.

Голтавъ — город в Переяславском княжестве при впадении р. Голтавы в Псел.

...Вороницѣ. — Местоположение Вороницы неясно.

...гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша... — Место это испорчено в тексте и неясно.

...Гюргева мати умре. — Жена Мономаха. Она названа так по имени младшего сына
Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Га-
ральда, разбитого в 1066 г. в сражении с норманнами Вильгельма Завоевателя при Гастингсе. Дочь
Гаральда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г.

Княгиня — город на правом берегу Сулы.

Урусоба — половецкий князь.

...ходихом к Воиню... — Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.

И к Выреви... — Выра — селение на р. Выре.

Ромен — город на р. Суле.

...на Ярославця... — Речь идет о походе на Ярослава Святополковича во Владимир-Волынский.

А вѣхъ путей 80 и 3 великих... — В своем «Поучении» Мономах перечислил не все семьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.

Стр. 470. *Таревский князь Азгулуй...* — Что такое «таревский» — неизвестно.

...лютый звѣрь... — Что такое этот «лютый зверь» — неясно.

Бирич — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

Стр. 470. *О многострастный...* — Этими словами открывается письмо Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу, написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом за Муром. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения. Как сказано в «Повести временных лет», Олег «надеяся на правду свою»: Муром был его уделом, незаконно захваченным Изяславом Владимировичем, сидевшим в Курске. Олег же, победив Изяслава, в свою очередь овладел Ростовом и Суздалем, принадлежавшими другому сыну Мономаха — Мстиславу, и помышлял захватить Новгород.

Стр. 472. *Молвить бо иже... ложь есть.* — Ср.: 1 Иоан. 4, 20.

...«Аще не отпустите... ни вам отпустить Отець вашъ небесный». — Ср.: Мф. 6, 15.

...«Не ревнуй лукавнующим... творящимъ безаконь». — Пс. 36, 1.

«Что есть добро... жити братья въкупѣ!» — Ср.: Пс. 132, 1.

...дѣтя мое и твое... — По-видимому, Изяслав был, как и Мстислав, крестником Олега.

...«Азъ знаю, грѣхъ мой... воину». — Ср.: Пс. 50, 5.

...а сноху мою послати ко мнѣ... — Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.

Стр. 474. *...сынъ твой хрестыный с малымъ братомъ своимъ...* — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрнем Владимировичем (Долгорукиком).

...хлѣбъ ѣдучи дѣдень... — Феодальный термин, означающий: «сидеть в своем родовом уделе»; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовый удел Мстислава.

...а ты сѣдиши в своемъ... — В уделе Муромо-Рязанском.

...обличаюся. И прочее. — Далее в Лаврентьевской летописи следует молитвенный текст, который до недавнего времени ошибочно приписывался Мономаху.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. С. Лихачев. Величие древней литературы</i>	7		
	Стр.	Стр.	
	текста	коммент.	
Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона (<i>Подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко</i>)	26	481	
Повесть временных лет (<i>Подготовки текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	62	488	
Память и похвала князю русскому Владимиру (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Н. И. Милютенко</i>)	316	525	
Сказание о Борисе и Глебе (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева</i>)	328	528	
Житие Феодосия Печерского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	352	532	
Поучения и молитва Феодосия Печерского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Поньрко</i>)	434	535	
Поучение Владимира Мономаха (<i>Подготовка текста О. В. Творогова, перевод и комментарии Д. С. Лихачева</i>)	456	538	
Комментарии	476		

**БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Том 1

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *Е. М. Малинина*
Художественный редактор *Л. В. Грудинская*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Э. Г. Рабинович и А. Х. Салтанаева*

Оригинал-макет изготовлен в издательстве «Глаголь»

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Подписано к печати 25.06.97.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Антикwa. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 44.2. Уч.-изд. л. 42.1. Тираж 3000.
Тип. зак. № 3188. С 116

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

